

HISTORY AND CULTURAL MEMORY

HISTORY AND CULTURAL MEMORY

Editors:

Jovan Janjić, Milena Pešić

Publisher:

Institute for political Studies, Belgrade

Dobrinjska 11

<https://www.ips.ac.rs/>

For publisher

Miša Stojadinović

Editorial board:

Ivan Andreyevich Ivannikov (Russian Federation), Eduard Popov (Russian Federation), Kirill Shevchenko (Republic of Belarus), Ivan Alekseevich Charota (Republic of Belarus), Miroslav Danish (Republic of Slovakia), Atila Varga (Romania), Budimir Aleksić (Republic of Montenegro), Miša Stojadinović (Republic of Serbia), Zoran Milošević (Republic of Serbia), Marija Đorić (Republic of Serbia), Sanja Šuljagić (Republic of Serbia), Jovan Janjić (Republic of Serbia), Milena Pešić (Republic of Serbia)

Reviewers:

Zoran Milošević (Republic of Serbia), Ivan Andreyevich Ivannikov (Russian Federation), Eduard Popov (Russian Federation), Ivan Alekseevich Charota (Republic of Belarus), Miroslav Danish (Republic of Slovakia), Atila Varga (Romania), Budimir Aleksić (Republic of Montenegro), Braco Kovačević (Bosnia and Herzegovina)

Organizational board:

Zoran Milošević, Dajana Lazarević, Jovan Janjić, Milena Pešić, Sanja Šuljagić, Sanja Stošić, Vesna Stanković Pejnović, Dragan Marković

Proofreading

Ana Matić, Snežana Stanković

Print

Donat Graf, Belgrade

Copies

50

ISBN 978-86-7419-396-9

DOI https://doi.org/10.18485/ips_hcmemory.2024

HISTORY AND CULTURAL MEMORY

EDITORS:

Jovan Janjić, Milena Pešić

INSTITUTE FOR POLITICAL STUDIES,
BELGRADE, 2024.

THE CONTENT

EDITORS' FOREWORD	13
--------------------------------	----

I HISTORY AND POLITICS OF MEMORY

1. Alexander D. Gronsky The formation and functioning of memory policy in Byelorussia at the beginning of the XXI century.....	29
2. Lev Krishtapovich Historical memory of the Belarusian people (from the destruction of the USSR to the restoration of the great Fatherland from Brest to the Kuril islands).....	47
3. Eduard Popov Ukraine: how to manage the Soviet heritage? (an attempt to analyze the politics of memory and symbolic politics).....	59
4. Ivan Andreyevich Ivannikov Ideology of historical memory and legal culture in Russia in the XXI century.....	91
5. Zoran Milošević Historical memory and politics of memory in Serbia: A contribution to the study of NATO's action against the cultural memory in Serbia through examples of street renaming in Belgrade.....	99

II CULTURAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY

1. Ivan Alekseevich Charota About memory as a source and a treasure of national-historical identity (with reference to Belarusians in comparison with other Slavic nations, first of all Serbians).....	113
2. Andrey V. Baranov Historical memory of the Crimean community as a resource for strengthening Russian national identity.....	129
3. Elena Vakulina, Natalya Belous Communicative and cultural memory in the formation of Russian national identity.....	145

4. **Marija S. Dokić**
Transcendence of the idea of historical consciousness
from culture of remembrance to the reflection of
national consciousness and identity.....153
5. **Sanja Suljagić**
The cancellation of the cultural memory of on the example
of destruction and neglect of the monuments
of Serbian culture in XX century.....171
6. **Nikola Perišić**
Elements and role of cultural memory on posters and billboards
as means of raising national awareness and mobilizing national
communities in Montenegro during population census.....205
7. **Mitko B. Panov**
Being self or becoming Other: revision of history
and the EU integration of the Republic Macedonia.....227
8. **Igor Janev**
The ethnocide that resulted from the Agreement between
Macedonia and Greece concluded in Prespa village
("Prespa agreement", 2018) and the process of assimilation and
transformation of the Macedonian identity ("bulgarianization")
as a result of the dismantling, annulment and annihilation
of the national identity of the Macedonians.....247

III THE POLITICS OF MEMORY AND THE REVISION OF HISTORY

1. **Emil Milanov**
Cultural memory as correction of history.....285
2. **Oleg Gennadievich Kazak**
Historical narrative as a tool for the formation of the
alternative ethnic identity (based on materials from the
western polesie ethnopolitical movement in Belarus).....309
3. **Budimir Aleksić**
The myth of "great Serbia hegemonism" in Montenegrin
anti-Serb propaganda narratives.....325
4. **Nikolay N. Fomichev**
Representation of the political and ethnic history of Kosovo and
Maetohija in British historiography of the 2nd and half of the XX
– early XXI century: Historical analysis and myth-making.....341

5. **Kirill Shevchenko**
Czech history in the service of the Third reich:
The politics of ancient memory in the protectorate of
Bohemia and Moravia in 1939–1945.351

IV CULTURAL MEMORY IN (GEO)POLITICAL CONTEXT

1. **Braco Kovačević**
From the cultural memory to the culture of refusal
(the Great Reset Fascism).....365
2. **Aleksandar Mitić**
Reflection of the 1999 NATO aggression in the strategic
narratives of global powers and the context of multipolarity.....393
3. **Jovana Pavlović**
The role of war tribunals in shaping Serbian
historical narratives.....417
4. **Alexios Panagopoulos**
Chronographic historical and geopolitical gap in
Dalmatian culture – Greeks and Serbs.....431
5. **Maja Antić**
On the influence of Austrian propaganda in Herzegovina
and the insurgent attitude of Christians in the coverage of the
Day magazine (1861–1865)451

V HISTORIOGRAPHIC RESEARCH AND PERPETUATION OF HISTORICAL MEMORY

1. **Tatyana Alexandrovna Mishchenko**
Visual representation of the historical memory of the Soviet
pioneers of the Kaliningrad region after the Second world war...465
2. **Victor Vasilievich Mishchenko**
The contribution of the imperial house of Romanov to
sanitary and military medicine during the Great war:
How to preserve historical memory475
3. **Dejan Antić**
Remembrance of the Russian medical missions in the
city of Niš as the provisional Capital of Serbia (1914–1915)....487
4. **Antoni Mironowicz**
Balkan manuscripts in the collections of the Supraśl monastery
in XVI century503

5. **Elena Alexandrovna Mironova**
Sacred spaces around mount Treskovac (Romania-Serbia)
in the aspect of a common Eurasian paleolithic cult of fertility... 523
6. **Dajana Lazarević**
The tradition of cultivating a cultural memory at the Institute for
political studies: selective bibliography of scientific articles.....561

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ.....	13
-----------------------------	----

I ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

1. Александр Гронский Становление и функционирование исторической политики в Белоруссии в начале XXI в.	29
2. Лев Криштапович Историческая память белорусского народа (От разрушения СССР к восстановлению большого Отечества от Бреста до Курил)	47
3. Эдуард Попов Украина: как распорядиться советским наследием? (Попытка анализа политики памяти и символической политики)	59
4. Иван Андреевич Иванников Идеология исторической памяти и правовая культура в России XXI века	91
5. Зоран Милошевич Историческая память и политика памяти в Сербии.....	99

II КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

1. Иван Алексеевич Чарота О памяти как источнике и сокровищнице национально-исторического самосознания (По поводу белорусов на фоне иных славян, прежде всего сербов).....	113
2. Андрей В. Баранов Историческая память крымского сообщества как ресурс укрепления российской национальной идентичности.....	129
3. Елена Вакулина, Наталья Белоус Коммуникативная и культурная память в формировании российской национальной идентичности	145
4. Мария С. Докич Транценденция идей исторического сознания от культуры памяти к отражению национального сознания и идентичности	153

5. **Саня Шулягич**
Отмена культуры памяти на примере разрушения и забегания памятников сербской культуры в XX веке..... 171
6. **Никола Перишич**
Элементы и роль культурной памяти на плакатах и билбордах как средство повышения национального сознания и мобилизации национальных общин в Черногории во время переписи населения205
7. **Митко Б. Панов**
Быть собой или стать другим: пересмотр истории и интеграция Республики Македония в ЕС 227
8. **Игорь Янев**
Этноцид, являющийся результатом соглашения между Македонии и Грецией, заключенного в деревне Преспа («Преспское соглашение», 2018), и процесса ассимиляции и трансформации македонской идентичности («болгаризация») как результат демонтирования, аннулирования и уничтожения национальная идентичность македонцев 247

III ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ

1. **Эмиль Миланов**
Культура памяти как коррекция истории 285
2. **Олег Геннадьевич Казак**
Исторический нарратив как инструмент формирования альтернативной этнической идентичности309
3. **Будимир Алексич**
Миф о «великом сербском гегемонизме» в черногорских антисербских пропагандовских нарративах 325
4. **Николай Николаевич Фомичев**
Представление политической и этнической истории Косово и Метохии в британской историографии 2-й половины XX-начала XXI века: исторический анализ и мифотворчество 341
5. **Кирилл Шевченко**
Чешская история на службе Третьего рейха – политика исторической памяти в протекторате Богемия и Моравия в 1939–1945 гг. 351

IV КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В (ГЕО)ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

- 1. Брацо Ковачевич**
От культурной памяти к культуре отказа
(Великая перезагрузка фашизма)365
- 2. Александар Митич**
Отражение агрессии НАТО 1999 года в стратегических
нарративах глобальных держав и контексте
многополярности393
- 3. Ёвана Павлович**
Роль военных трибуналов в формировании сербских
исторических нарративов417
- 4. Алексиос Панагопулос**
Хронографический исторический и геополитический
разрыв в далматинской культуре – греки и сербы.....431
- 5. Мая Антич**
О влиянии австрийской пропаганды в Герцеговине и
повстужительных настроениях христиан в
освещениях журнала «День» (1861–1865)451

V ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И УВЕДОМЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

- 1. Татьяна Александровна Мищенко**
Визуальная репрезентация исторической памяти
о советских первоополенцах Калининградской области
после Второй мировой войны465
- 2. Виктор Васильевич Мищенко**
Вклад императорского дома Романовых в санитарное дело
и военную медицину в годы Великой войны:
как сохранить историческую память475
- 3. Деян Антич**
Память о российских медицинских миссиях в городе
Ниш как временной столице Сербии (1914–1915 гг.).....487
- 4. Антони Миронович**
Балканские рукописи в коллекциях
Супрасльского монастыря XVI века503

- 5. Елена Александровна Миронова**
Сакральные пространства вокруг горы Тресковац
(Румыния-Сербия) в аспекте единого евразийского
палеолитического культа плодородия 523
- 6. Даяна Лазаревич**
Традиция культурной памяти в Институте политических
исследований 561

EDITORS' FOREWORD

The guiding interest in organizing the *History and cultural memory* conference, as well as this collection of papers, was the consideration of complex relations between history, cultural memory and politics of memory. These three fundamental concepts are at the center of the memory studies that have become an influential research stream within the humanities and social sciences in the last few decades. Trend of extremely increased interest in the past produced the thesis that we are facing an “epoch of memory”. The increased importance that the past acquires in modern times has been explained from different disciplinary starting points, but what emerges as the most obvious reasons are: the crisis of national communities, the disintegration of unitary states and, consequently, inter-ethnic and inter-national disputes as well as the hypertrophy of identity issues. Re-examination of history and taking up historical memory in political debates are shown to be inevitable. But that fact cannot relativize the risks of misrepresenting or misinterpreting history as well as their consequences. If we accept the commonly known understanding of history as a cultural creation and social construction, remains its dimension in strict possession of historical science that cannot be relativized. Historiography is called upon to identify and explain the past and to indicate whether any general idea of the past is based on facts and fundamental civilizational values or not. The basic orientation in the cultural memory is to achieve the elementary unity of scientific knowledge, value messages and needs of society for public marking and signification of the past. The articles in this collection offer interesting perspectives on the problems we have indicated and many other valuable insights into the problematics of the relations between history and cultural memory.

The *first chapter* of this book deals with the study of relationship between historical memory and the memory policy. Formed through primary experience, cultural memory and historical science, historical memory is foundational to social and political identities. Hence, it is under constant pressure from the reshaping forces of the present historical-political moment. How the past is memorized has become a crucial factor for understanding political developments within and between states, which points to the importance of the politics of memory. An important question regarding different memory policies is what they have in common and what distinguishes them from each other. Analyzes

of specific cases provide part of the answer to this question. The first two articles of the chapter examine Belarusian memory policy in the post-Soviet period. In his paper, **Alexander D. Gronsky** observes the formation of Belarusian memory policy and problems of its application, due to the basic contradiction underlying it: the desire for an objective view of the past and the mandatory presence of national lenses in its assessment, which support the myth of the great Belarusian past. Considering the changes during the implementation of the Belarusian memory policy, in the context of various politically relevant events, the author provided an insight into phenomena and processes that are in a certain sense similar in all countries that gained statehood after the breakup of unitary states. Starting from the idea of historical memory as the history of people's self-awareness about their past, present and future, as a dialectic of two interconnected categories – possibility and reality, **Lev Krishtapovich** links the destruction of the Soviet Union with destructive politics of memory. Attempt to destroy the historical self-awareness of the Soviet people threatened to turn the Belarusian people into ethnographic material on which an exported history can be imposed. Elaborating on the historical importance of the Soviet Union as the pinnacle of the development of Russian civilization, the author points out that the only condition for the true revival of the independence and sovereignty of Belarus is the revival of the Soviet project of Belarusian. In his paper, **Eduard Popov** analyzes the policy of historical memory and cultural policy implemented by the authorities of contemporary Ukraine. Observing the revised history of the formation of the future Ukraine's territorial borders, through a detailed chronological analysis with geographical maps, point to its inconsistency with historical facts, and are even unfavorable for the current territorial claims of Ukraine. The changes in the field of historical and cultural, as well as language policy, which occurred after 2014, during the building of the nation and the state, were analyzed. The observed characteristics of cultural policy and historical policy of contemporary Ukraine point to its extremely contradictory nature, primarily in relation to the Soviet historical and cultural heritage. In that sense, contestation of the Soviet heritage and experience, even the undoubted achievements of the Ukrainian SSR (territorial gains, the creation of a powerful scientific, educational, industrial and economic base) is especially indicative, as well as the tabooing of the adoption of strategies and practices from the period of Stalin's "ukrainization" for imposition the Ukrainian language and

Ukrainian ethno-national identity. Starting from the thesis that the state government governs society not only through the mechanism of the state, but also through values and historical memory, **Ivan Andreyevich Ivannikov** considers the place of historical memory and legal culture in the value system. The aim of the study undertaken by the author is to demonstrate the role of ideology and legal culture in the formation of state-legal values of contemporary Russian society, in order to build a conceptual model of the phenomenon of the future Russia. According to the author, the state is governed more efficiently when the basic values are included in the state constitution and their constant reflection in the media and educational work. The chapter closes **Zoran Milošević's** paper, dedicated to the analysis of deviations in the politics of memory in Serbia, viewed through one important aspect – constant and consistent distancing towards Russia, its historical and cultural importance, and in general towards Slavic and Orthodox identity. Through the Serbian implementers of their agenda, NATO and the collective West, started the process of radical transformation of the Serbian culture of memory. Although the analysis is primarily focused on the struggles over the names of streets in Belgrade 2004, above all those that bore the names of Soviet generals and marshals – the liberators of Belgrade in the Second World War, the author generalized the insights of his analysis and connected them with more general processes manifested especially in the sphere of education reform and the media sphere.

The *second chapter* of this collection is dedicated to consideration of the importance of historical/cultural memory for national identity, as well as the role of memory policy in the processes of its construction and dismantling. Politics of memory related to identity issues is entangled in the dynamics of power relations and struggles over authorizing hegemonic visions of the past. The one of concrete issue that this chapter poses is the sustainability of national identity based on the principle of cultural sovereignty of the state. Starting from the crucial importance that the historical self-awareness of the people has for its national identity, i.e. the historical memory on which that self-awareness is built, **Ivan Alekseevich Charota** analyzes and shows how the forces that tried to prevent the restoration of unity between the Republic of Belarus and the Russian Federation, reformulated the historical memory of contemporary Belarusians. Special emphasis is placed on the explanation of why the plan of the pan-Slavic community and its constituent part – the Eastern Slavic community (Russian Identity), created by unity in

Orthodoxy, came under the strongest attack. The author noticed similarities between the Belarusian situation and the negating approach of the Montenegrin establishment towards the historical brotherhood with the Serbian people. These deformations produced in the cultural and historical consciousness of Belarusians and Serbs, according to the author, were a consequence of their subordination to the necessity of “non-spiritual individualization” in the newly acquired state independence, as well as to the ideological imperatives of current “Europeanizing” politics. A completely different state and trends in the development of the historical memory of the Crimeans were determined in the study of **Andrey V. Baranov**, in which it is considered as a resource for strengthening national identity. According to the findings of the study, the multi-ethnic community of Crimea, even before the reunification of the region with Russia, showed civilizational and historical attachment to the Russian state. Based on the data of sociological research, it has been proven that the Crimean youth’s knowledge about national history is gradually strengthening and the level of Russian national identity is increasing. It was a result of the ongoing politics of memory and of the active support of local self-government, public associations and historians to the historical memory of unity with Russia. The most important symbols of pride were established – events from the history of Crimea and Russia, namely the Victory in the Great Patriotic War, the achievements of the Soviet period of history, the annexation of Crimea to Russia in 1783, the adoption of Christianity by Russia. In their analysis of the issue of the formation of Russian national identity and the role of historical memory in this process, **Elena Vakulina** and **Natalya Belous** singled out two components of historical memory for analytical purposes: communicative and cultural memory. According to the findings of the author’s research, Russians are now more united by their attachment to the values, culture and achievements of the Soviet era and the era of modern Russia. These include, first of all, the victory in the Great Patriotic War, scientific, technical and sports achievements, music and cinematography. Decades ago, the historical memory of Russians was severely tested: under the pressure of the dominance of liberal-democratic, “universal human values” over the nation-state identity, in the Western prescription, the previous vision of history was rejected, and the events and figures of Russian and especially Soviet history received a new, mostly negative assessment. The improvement of the situation at the beginning of the 2000s – the tendency to strengthen the national-citizen identity – was made possible thanks

to the strengthening of patriotic work, especially with young people. By synthesizing the ideas of Friedrich Hegel and Jan Asman, **Marija Dokić** pointed out the most vital elements of the idea of historical consciousness, which develops through the growth of the nation, is maintained by its own agenda and national interests, and reflected back into society through the reversal of its historical roots, and the apotheosis of the glory of never forgotten deeds. The two main interests of the paper are: explanation of the thesis that identity of a nation is formed by both, remembrance and oblivion, and the issue of the belonging of history – are the winners those who obtain their rights to history as such and how can we reveal it, predict the possible outcomes and necessary political steps to take, but also to teach ourselves how to learn from history. In her paper, **Sanja Šuljagić** considered the cancellation of the Serbian cultural memory by analyzing examples of destruction and neglect of the monuments of Serbian culture in the 20th century. After the introductory review of the chronology and geopolitical reasons for the long term agenda of the destruction of Serbian cultural heritage, author described destruction of Serbian cultural heritage in the 20th century. Special consideration is given to destruction of the monuments, bombing of The National museum and The National library in Belgrade during the First and Second world wars, the plunder of Serbian archives and deconstruction of Serbian antique and medieval towns, churches and archaeological sites, as well as the destruction of Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija. Analyzing the examples of the continuous destruction of Serbian cultural heritage in the 21st century, the author pointed out the prerequisites necessary to change such a negative situation, both internally and externally. Using the method of discourse analysis in his research, **Nikola Perišić** interprets elements and role cultural memory on posters and billboards as means of activating of Serbian national sentiment, of raising national awareness, and mobilizing national communities in Montenegro, during population census in 2023. Cyrillic script and the Serbian tricolor, as well as Serbian historical figures who were born or lived and worked in that area, and were strongly associated with the Orthodox faith, were singled out as the most significant used elements of cultural memory. Religion as an important element of Serbian/ Montenegrin self-identification gained extreme importance primarily due to possibility of creation of the autocephalous Montenegrin Orthodox Church, but also because of the adoption of the Law on Freedom of Religion in December 2019, which led to significant dissatisfaction among citizens and ultimately

resulted in change of government. According to the author, the degree of influence of the cultural memory on socio-political events in the previous period in Montenegro cannot be ignored. Especially given the belief that it can be a powerful tool for change. The subject of the two final papers of this chapter is the erosion and serious endangerment of the national identity of the citizens of North Macedonia, caused by the changes in the politics of historical memory imposed by concluded political agreements with neighboring countries – a condition for the EU integration of this state. In his paper, **Mitko B. Panov** considers how the function of historical memory has become a catalyst for the erosion of the national identity, in the conditions of the Macedonian state facing an imposed revision of its national history, together with its adaptation to the narratives of other nations. More specifically, it is about the forced revision of the national historiography and history textbooks, which results from the political agreements of the Macedonian state with Bulgaria (2017) and Greece (2018). The focus of the analysis is given to the implications of the politically constructed “common history” deriving from the work of Joint Macedonian-Bulgarian Multidisciplinary Commission on Historical and Educational Issues. Furthermore, the bilateral protocol with Bulgaria from July 2022 entails direct interference in the Macedonian educational system, as well as in delineation and designation of public spaces (inscriptions on monuments, signs, tourist guides, state institutions and media). The author concludes that the imperative revision of history under political pressure becomes a crucial factor for the nation’s accession to the EU, exerting profound effects on the identity and sovereignty of the Macedonian nation. **Igor Janev’s** research is focused on the Agreement between Macedonia and Greece signed in 2018 in Prespa, on the consideration of various aspects of its opposition to the basic norms, principles and rules of International Law that is on its violations of basic rights, individual and collective human rights as well as the rights of states. As the author pointed out, by the “Prespa Agreement”, for the first time in the history of the development of International Law, an attempt was made to redefine the national identity of a sovereign nation with an external international act-treaty. Such treaty in fact constitute an act of ethnocide and cultural genocide that was committed against the people of Macedonia, and furthermore against the basic principles of self-identification, self-determination, sovereignty and political independence of state. As a consequence, after the entry into force of the Prespa Agreement (2019), and consequent

linked Constitutional changes, the redefined “Macedonian people” have become the subject of a new Bulgarian campaign for imposed assimilation on Macedonians into the Bulgarian identity, as they have been the same nation or people. The author concludes that this policy towards aggressive “Bulgarianization” of the contested “Macedonian identity” is fully supported by all Albanian political parties in Macedonia and certain Western powers, whose interest was dissolution of the territory of present Macedonia, with an intention to weaken Serbia and so-called “Russian influence” in the Balkans.

Thematic focus of the *third chapter* of this book is the research on various ways in which the politics of memory realizes the revision of history, as well as the accompanying social and political consequences of these processes. The chapter opens with the paper of **Emil Milanov**, dominated by theoretical considerations of the cultural memory as a corrective to history, which involves the observation of various mechanisms, social factors and the contexts of this phenomenon’s manifestation. The author focuses especially on the consequences of changes in the postmodern era, the decline of national culture and the crisis of national memory. Due to the rise of the search for identity, the use of the past increases in the struggle of communities for identity and primacy. The projection of contradictions, disputes and conflicts of communities into the past, leads to the phenomenon that collective traumas become means of constraining their memory and identity, and often instruments in political struggle. All this can lead to serious conflicts, aggressive ethno-nationalism and culture wars. Hence the aggressive use of the past and the revision of history are seen as significant dangers for humanity in the 21st century, which leads to the ethical question of what is an ethically justified politics of memory. In his paper, **Oleg Gennadievich Kazak** researches construction of the historical narrative through which activists of the Western Polesia ethno political movement tried to substantiate the national and cultural identity of the residents of the Brest region of Belarus and their right to obtain autonomy. This fragmentation of the past is explained as characteristic of the late Soviet period and the first years of the existence of sovereign Belarus (the end of the 1980s and the first half of the 1990s). This exclusive model of historical memory imposes a canonical homogeneous version of national memory, excludes from it a set of ideas and representations of the past, which hinder the formation of its “correct” version, removes “foreign” elements from the past and denies pluralism. Analyzing various sources, the author shows how almost all the elements necessary for the

existence of any national ideology were developed, including the myth of origin and language, the myth of liberation, the myth of the “golden age”, decline and rebirth. According to the author, the historical narrative that was created had obvious contradictions, and was characterized by unsystematicity, selective interpretation and a dubious evidence base. The object of research in the **Budimir Aleksić’s** paper is a different kind of narrative – Montenegrin anti-Serb propaganda narratives centered on the myth of Greater Serbian hegemony. The author analyzes the continuity of the Montenegrin separatists’ anti-Serb propaganda narratives from the beginning of the 1990s to the present time, and going into the distant past finds that between the two world wars they were used by the Vatican, the Croatian Ustashas and the Communists headed by the Comintern, and were actualized again at the dawn of the breakup of Yugoslavia, by Slovenian, Croatian and Albanian separatists. The three central ideas of these narratives are traced through different periods: about the hegemonic aspirations of the Serbian political elite; about the Serbian Orthodox Church in the service of those ideas; and about the negative character of the Serbian people. All Serbian political elites during the last two hundred years have been accused of pursuing a great-power conquest and assimilationist policy towards Montenegro, since the beginning of the 19th century, especially intensively in the periods from the mid-sixties to the mid-seventies of the 19th century, and in the multinational Kingdom of Yugoslavia. An attempt to create Greater Serbia was considered a root of the conflicts on the territory of the former Yugoslavia. The Serbian Orthodox Church was accused of being the main bearer of the policy of “Greater Serbian hegemonism”, especially Svetosavlje as state religion with marked militancy. According to the racist theory about Serbs as an inferior race, the character of violence and irrational aggressiveness, a genocidal character, was attributed to the Serbian people. **Nikolay N. Fomichev’s** paper deals with the consideration of attempts to mythologize the political and ethnic history of Kosovo and Metohija in British historiography of the 2nd and half of the 20th – early 21st century. This study provides an insight into the main patterns of stereotyping in scientific works, the degree of objectivity in the historical and political scientific literature of the United Kingdom on the “Kosovo problem” as well as an analysis of the methods of subjective representation of the history of the region. According to the author, British researchers offer rather subjective view of the problem of Kosovo and Metohija, which should provide a scientific justification for the actions of the British government

in the last thirty years. Among the characteristic methods of distorting historical facts, one can single out the appeal to arguments about the ethnic superiority of Albanians in the region, which developed for objective historical reasons. Scientific facts become the subject of myth-making, which is well established in British historical science and the political sphere. Numerical data is manipulated, the role of the Serbian people in the life of the region is distorted. This tendency especially increases in describing the events of the 1990s. In his paper, **Kirill Shevchenko** analyzes the policy of historical memory carried out by the authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia, formed right after the final occupation of the Czech lands by the Nazi Reich in March 1939. This policy of historical memory was designed to serve Nazi propaganda and prepare the Czech population for the “final solution to the Czech question”. Accordingly, the thesis about the original belonging of the Czech lands to the German Reich was actively promoted, by relying on the form of Czech historical statehood that existed before the outbreak of the First World War, when the Czech Republic was an integral part of the Habsburg Empire. The formation of independent Czechoslovakia after the collapse of Austria-Hungary, was interpreted as an unnatural, anomalous phenomenon that brought disastrous consequences for the Czechs. The protectorate propaganda interpreted the Czechs as the most developed Slavic nation, which, not only in terms of civilization, but also racially, is the closest to the Germanic nations of Europe. With the same goal, the Czech Prince Wenceslas from the Premyslid dynasty, who at the beginning of the 10th century had recognized the vassal dependence of the Czech lands on Germany, was popularized. According to the author, this policy of historical memory was one of the most striking manifestations of Czech collaboration.

The *fourth chapter* of this book is dedicated to consideration of cultural memory's and memory policy's function in certain (geo)political contexts. The chapter opens with the paper of **Braco Kovačević**, dedicated to consideration of the meaning and importance of the cultural memory in the context of contemporaneity. It starts from understanding the cultural memory as a symbolic heritage of historical, political, cultural, religious and other contents that influence the formation of individual and collective identity, continuous archiving of memories and awareness of past contents that are significant from the point of view of the present and the future. It also considers importance of the cultural memory both for ensuring the cultural identity, continuity and integrity, but also for

resisting its disintegration, as well as collective amnesia of the historical events. All observed functions of the cultural memory gain their fuller meaning against the contrasting background of analysis of the current totalitarian, fascist agenda of the Great Reset. With its intentional and imperative concepts of the “green economy”, imposed norms of food, work and housing, about transhumanism, geopolitics of resources, wars and reducing the population to a “golden billion”, the agenda of the Great Reset, as the author explains, is genocidal and fascist. History teaches us that we don’t have to agree with something that we think is not good at all. According to the author, the Great Awakening is a response to the neoliberal totalitarian repression spread by the globalist oligarchies of the Great Reset. Thus, he sees the cultural memory at the same time as a culture of awakening, of disagreement and of rejection. In his paper, **Aleksandar Mitić** analyzes the role of memory politics in the perceptions and actions of the world’s leading geopolitical actors during the NATO’s aggression against Yugoslavia in 1999, and how they interpret the event in today’s strategic narratives, in the context of multi polarity. The author notes that at the time, there was a clear and long-term build-up in Western rhetoric about a threat of a “genocide” in Kosovo, which served as an attempt to justify the bypassing of the UN Security Council. He singles out numerous memory politics mechanisms that have been in use since 1999 and proved to be important contributors to strategic narratives pursued by key global geopolitical actors – historical analogies, memory sites, marginalization of the past and securitization of historical memory. According to the author, such strategic framing was neither backed by facts, nor was accepted in Moscow and Beijing. Rather, it was perceived as an attempt to misuse the position of the hegemon to implement yet another own “rule” in the unipolar order. Such a perception was further strengthened after the 2008 EU-US masterminding of the UDI performed by Kosovo Albanians. The “unique case” framing, in clear violation of international law, was both a repeat of the 1999 scenario and its follow-up, but also a step too far. As the author concludes, today, the 1999 NATO aggression remains a particularly defining moment in the narratives and memory politics of those who had been “humiliated” in 1999 – Russia and China. In her paper, **Jovana Pavlović** analyzes the role of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) in shaping historical narratives of the Serbian part in the Yugoslav Wars. It elaborates criticisms of the ICTY’s perceived biases, explores its impact on conflict narratives, and concerns about its legitimacy. As

a kind of counterbalance to the perceived simplifications in the ICTY's approach to the problem, the author considers the portrayal of Serbian actions in the closing statements of Radovan Karadžić and Slobodan Milošević, highlighting the invocation broader historical and political context, such as World War I and II. The conclusion is that while the ICTY has been instrumental in addressing war crimes, it has also contributed to a simplified portrayal of Serbs as aggressors, neglecting the complexities of the conflict and the diverse experiences of the Serbian population. **Alexios Panagopoulos** named the subject of his research as "chronographic, historical and geopolitical gap in Dalmatian culture". This gap is elaborated by studying the genesis of the centuries-old continuity of the racial intolerance and expulsion of the Orthodox Greek and Serbian population. Roman Catholic propaganda developed against the so-called "Greek schism" had prepared those who had state power, to use it in every way for genocide. This policy of ethnic cleansing in the Dalmatian region culminated with the Ustashi. By analyzing their public writings, the author shows how local pseudo-intellectuals and ideologues of the Ustasha movement declared racial theories and fascist ideas to be European, opposing them to Greek culture. Numerous and very creative ancient Greek settlements in these areas left an indelible cultural, political, legal and ethical mark. Hellenism on the coast and throughout Istria and elsewhere was a distinct European commercial, economic and cultural factor of progress and represented an intellectual obstacle to the advance of fascism. The racial intolerance in Dalmatia for any nation or ethnic group that would have inherited anything from the Greek culture, even a Greek name from the Orthodox Faith, was a cause of persecution for the Serbs as well. The author discusses the stigmatization and oppression of Greeks and Serbs as the first cause of racial persecution in Dalmatia, concluding that such inhuman views and practices led to fascist crimes and the murder of millions of people during World War II. The subject of the analysis of **Maja Antić's** paper is the writing of The Day magazine about the influence of Austrian propaganda and the insurgent mood in Herzegovina in the first half of the 60s of the 19th century. The author focuses the analysis on the contents of uncensored reports of Russian consuls from different parts of the Balkans, published on the pages of this Moscow weekly. As dominant topics that were represented in the period from 1861 to 1865, the author singles out those related to the events in Herzegovina in the last stage of Luka Vukalović's uprising, but also the actions of the

Austrian government in the aforementioned regions. A goal connected with Austria's desire to complete its borders in Herzegovina is seen in the background of its meddling in the conflicts, although not entirely obvious. The "pacifism" of the local Austrian authorities and "concern" for the fate of the Herzegovinian Christians are analyzed in examples of bribery, promises of benefits and of cooperation with Vukalović's enemies. In the analysis of the news about the Turkish looting of the Duži monastery and the escape of the Orthodox monastic brotherhood to Austrian territory, the special attention was paid to the attitude of the Austrian authorities towards the defected monks, expressed in their imprisoning and then putting them under police control. According to the author, the reporting of *The Day* magazine showed that the plans of the Austrian government in Herzegovina exceeded the need to preserve the borders and establish peace in that part of the Ottoman Empire.

The final, *fifth chapter* of this book is designed as a kind of review of historiographical researches of various types, organized according to the chronology of the historical periods of the researched topics, in order from temporarily closer to temporarily more distant. In this way, we tried to emphasize a variety of historical research and its all-time importance, as well as of the observation of historical memory of various kinds. The chapter opens with the paper of **Tatyana Alexandrovna Mishchenko**, which connects the analysis of views on historical memory revised during the "third wave" of Memory studies and a description of the concrete visual form of the historical memory representation. The author consistently studies the space of visual information that shapes ideas about the past, using the example of the visual forms of representation of the historical memory of the first settlers of the Kaliningrad region, in the late 1940s – early 1950s, which in various ways preserve and reproduce the collective memory of the first Soviet population of the region. Four types of sources have been singled out for the analysis of the form of collective memory representation: urbanonyms – a group of names of urban objects in which toponyms with a memorial function can be followed; monuments and memorials; social networks with thematic groups of posts and photos and museum exhibitions. In his paper, **Victor Vasilievich Mishchenko** analyzes the activities of the Imperial House of Romanov in sanitary and military medicine during the First World War, providing precise details of specific sanitary and medical facilities and equipment that Empress Alexandra Feodorovna, her sister Princess Elizaveta Fyodorovna and other members of the imperial house

acquired. Among the biggest enterprise was the empress's initiative in the transformation of the city into the world's largest military medical hospital and rehabilitation center and the opening of the infirmary in the Winter Palace. By 1915, Kiev had become the largest hospital center of the Southwestern Front, where one hundred and three medical institutions were concentrated. Along with all these fascinating numerical data related to the scale of the imperial charitable enterprise, the work provides an insight into the self-sacrificing personal participation of the empress, her sister and daughters in caring for the wounded and providing medical aid. From October 1914, Alexandra Fedorovna participated in 2-3 operations every day as an operating nurse, and, as a rule, her older daughters were also nearby. The empress and her daughters, by personal example, encouraged members of the nobility to follow them in providing support to the country in difficult war times. The author concludes that these secret good deeds of the imperial house were not adequately evaluated in later times. Everything that was connected with the activities of the royal family, with their charity and moral deeds, during the years of Soviet rule, was covered up and subjected to destruction. **Dejan Antić's** paper follows thematically the previous one, by researching the participation and activities of the Russian medical missions during World War I in the Niš area, the temporary capital of Serbia. In the paper, systematically and in a precise chronology, abundant data are provided on the organization of the work of medical services, names of key leaders of Russian medical missions in Niš, the composition and management of all medical missions at that time, as well as on all material resources, medical facilities and various types of undertaken medical activities. In the period spanning from September 1914 to May 1915, nine Russian medical missions were sent in total. In Niš, they established the 10th and the 11th Reserve Military Hospital, suppressed epidemic typhus, took care of the patients and the wounded, as well as collaborated with the Serbian government and the Niš Municipality. Besides the empress, other renowned Russian ladies played a major role in supporting the Serbian population, such as the widow of Nikolai Hartvig, a Russian emissary at the Serbian court and Princess Trubetski, the wife of a high-ranking Russian diplomatic representative in Serbia in 1915. In conclusion, the author indicates durability and nurturing of the Serbian memory of the role and importance of the Russian medical missions during the Balkan Wars and particularly World War I. In his paper, **Antoni Mironowicz** examines Balkan manuscripts in the collections of the Supraśl monastery

in the 16th century, proving its direct connections with Byzantine and Serbian culture. Based on a detailed analysis of manuscript inventories in different periods, the movements of certain manuscripts, as well as on the content and linguistic characteristics of some of them, the close contacts of the monastery with monastic centers in Serbia and Bulgaria are reconstructed. Serbian and Bulgarian influences can be found in the subject matter, form and vocabulary of the literary texts. In the 16th century, the monastery of Suprasl became a major ecclesiastical center of all the Slavic nations. While being the major center of Orthodox theological thought, the monastery still remained open for new trends in philosophical thought. In her paper, **Elena Alexandrovna Mironova** examines sacred spaces around mount Treskovac (Romania-Serbia) in the aspect of a common Eurasian Paleolithic cult of fertility. The author presented some new facts that confirm the cult significance of the Mount Treskovac for the Mesolithic population of Lepenski Vir and also for inhabitants of Vlasac (Boljetin), and the caves in Romania. The facts presented in the paper also reveal the essence and significance of the stone artifacts, namely anthropomorphic sculptures in the dwellings of the Mesolithic settlement of Lepenski Vir. The author explains the connection of the Mount Treskovac and the sacred space around it with the Paleolithic cult of fertility and also that its main markers – anthropomorphic mobile sculptures – also identified in the vast territories of the Willendorf-Kostenkov cultural community. According to the author, this ancient religious cult that had risen in the Upper Paleolithic era, continued to be practiced in subsequent eras and appeared in the markers throughout Eurasia in the form of canonical heart-shaped anthropomorphic faces (iconic image of the Great Goddess - the deity of mountains and caves, stones, water, fertility, life and death); anthropomorphic faces on rocks and cult stones; a developed system of symbols (including the signs: “grid”, “rhombus”, signs M, W, V, Λ, etc.) and later in history it was manifested in a complex manner in the main Neolithic cultures of Eurasia – on the ceramics and in small sculptural forms. In the last article in this chapter, **Dajana Lazarević** points to tradition of dealing with the cultural memory and its various aspects within the scope of activities of the Institute for Political Studies in Belgrade, and in the continuation of the text provides a selective bibliography of scientific articles, monograph publications, collections of scientific papers and a other component parts of the publication dedicated to the topic of cultural memory.

Milena Pešić, Jovan Janjić

I
HISTORY AND POLITICS OF MEMORY

д-р Александр Гронский, Российская Федерация

*Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова, Российской академии наук
Москва*

СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛОРУССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Аннотация

В статье рассматривается формирование исторической политики в Белоруссии в постсоветский период. После получения суверенитета белорусские интеллектуалы начали переформатировать представления о прошлом. Для того, чтобы повысить престиж суверенитета, создавался миф о великом белорусском прошлом. Россия выступала в этом мифе в качестве опасного соседа. Однако вскоре белорусская историческая политика перестала быть такой радикальной. После 2014 г. начался новый этап исторической политики. Это было нужно для дистанцирования от России и усиления многовекторности. В 2018 г. появилась многотомная книга «История белорусской государственности». В 2019 г. была опубликована научная статья, в которой описывалась белорусская историческая политика. Массовые протесты в Белоруссии в 2022 г. опять скорректировали наполнение белорусской исторической политики. Белорусская правящая элита решила усилить контроль над прошлым. 2022 г. был объявлен Годом исторической памяти. Был создан

Республиканский совет по исторической политике. Однако официальная версия белорусской исторической политики не является цельной. Она состоит из элементов советского и оппозиционного взглядов на прошлое. Все же официальная историческая политика имеет потенциал к созданию более цельной версии.

Ключевые слова: историческая политика, Белоруссия, Год исторической памяти, Великое княжество Литовское, Республиканский совет по исторической политике

ВВЕДЕНИЕ

С середины 80-х гг. XX в. в союзных республиках СССР постепенно начали формироваться националистические концепции, утверждавшие, что политический Центр мешает развивать национальные отличия и старается русифицировать жителей республик. В одних советских республиках эта тенденция проявилась достаточно ярко, в других – чуть заметно. Тем не менее, в конце 1991 г. Советский Союз прекратил свое существование, и бывшие союзные республики получили независимость. Молодые элиты новых постсоветских государств начали быстро конструировать обновленное прошлое, в котором предки жителей новых государств уже не стремились к вхождению в состав России, да и сама Россия стала представляться как чужой или даже враг.

Появившиеся заменители представлений о прошлом не могли обладать логичностью и стройностью, т.к. формировались быстро и с определенной целью – легитимировать новую реальность и обосновать укорененность в истории молодых локальных государств.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В Белоруссии первым примером постсоветской исторической политики можно считать набор небольших заметок, опубликованных в газете «Звезда», которые вскоре вышли отдельным небольшим сборником под названием «100 пытанняў і адказаў з гісторыі»

Беларусі» («100 вопросов и ответов из истории Белоруссии») (100 pyтаннiяў 1993). Через некоторое время вышло увеличенное в объеме издание «150 пытаннiяў і адказаў з гісторыі Беларусі» (150 пытаннiяў 2002). Интересно, что механизм формирования исторических сюжетов сконструированного после распада СССР белорусского прошлого был похож на механизм конструирования прошлого белорусскими националистами начала XX в., когда также сначала в газете «Наша ніва», а потом отдельной небольшой книгой вышли тексты В.У. Ластовского, писавшего под псевдонимом Власт (Власт [Ластоўскі В.Ю.] 1910).

Как и В.У. Ластовский в 1910 г., так и белорусские историки-авторы книги «100 пытаннiяў і адказаў з гісторыі Беларусі» в 1993 г., искали Белоруссию уже в самых ранних проявлениях древнерусской государственности. Полоцкое, Туровское и Смоленское древнерусские княжества безапелляционно были объявлены белорусскими государствами (100 пытаннiяў 1993, 3). А первое из них, по мнению белорусских авторов, имело еще и признаки империи (100 пытаннiяў 1993, 4). Также белорусские историки объявили, что ни древнерусского народа, ни Древнерусского государства не существовало (100 пытаннiяў 1993, 5). Характер империи имело, по мнению авторов «100 пытаннiяў і адказаў з гісторыі Беларусі», и Великое княжество Литовское, которое также названо белорусским государством (100 пытаннiяў 1993, 27). Кстати, это убеждение закрепилось, несмотря на то, что белорусская идентичность появилась гораздо позже (первым и на тот момент единственным человеком, назвавшим себя белорусом, был С. Рысинский в конце XVI в.).

Естественно, в том, что Великое княжество Литовское исчезло, виновата оказалась Россия, которая в конце XVIII в. участвовала в разделах Польши. Преемницей Литовского княжества названа Белорусская народная республика (БНР), которая в реальности не имеет никакого отношения к средневековой Литве, кроме мифологических представлений белорусского национализма. В какой-то мере правопреемницей признана и Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР). А на момент выхода книги «100 пытаннiяў і адказаў з гісторыі Беларусі» «преемницей исторических и культурных традиций Великого Княжества является суверенная Республика Беларусь» (100 пытаннiяў 1993, 29). Появившаяся в 1569 г. Первая Речь Посполитая, просуществовавшая до 1795 г. и имевшая столицу в Варшаве, в риторике белорусских

ученых начала 90-х гг. XX в. не существовала вовсе. В частности, И. Саверченко утверждает, что «никакого нового государственного образования, что якобы возникло в 1569 году и просуществовало до конца XVIII столетия, включая белорусские и польские земли, не было. И до 1569 г., и после него существовали два независимых государства – Польское Королевство и Великое Княжество Литовское» (100 пытанняў 1993, 31). Не признавая существование одного из крупнейших европейских государств того времени, белорусские ученые, тем не менее, воспринимают разделы Первой Речи Посполитой как утрату белорусской государственности, а вину за это возлагают на русских и на поляков (100 пытанняў 1993, 48). После разделов Польши территория будущей Белоруссии практически полностью оказалась в составе Российской империи. Поляки не смирились с этим и несколько раз поднимали восстания. Еще после второго раздела Польши польские патриоты подняли в 1794 г. восстание, которое возглавил Т. Костюшко, а в XIX в. поляки восставали дважды – в 1830 – 1831 гг. и в 1863 – 1864 гг. Естественно, эти польские восстания были определены как белорусская борьба против российской оккупации. Этому мифу посвящена заметка «Как белорусы боролись против российского господства?» (100 пытанняў 1993, 51–53). В 1918 г. была объявлена фиктивная белорусская государственность. Группа белорусских националистов в период немецкой оккупации заявила о создании Белорусской народной республики (БНР). Белорусский историк В.Ф. Гигин достаточно метко назвал БНР бумажной республикой, имея в виду существование этого государства только на бумаге (Гигин 2005, 141–154). Правительство БНР было полностью зависимо от немецких оккупационных властей, оно не имело никаких ресурсов и получало их от немцев. В частности, именно немцы, а не белорусы организовали в 1916 г. белорусскую учительскую семинарию (Западные окраины 2006, 415). Немцы же оплатили и вооружённые белорусские формирования, оказавшиеся полностью небоеспособными (Западные окраины 2006, 418). Белорусские националистические активисты попросту не имели никаких ресурсов для своей деятельности. Тем не менее, авторы «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» уверенно утверждают, что «считать Белорусскую Народную Республику марионеткой Германии, Польши или другого государства нет никаких оснований» (100 пытанняў 1993, 62). Также в книге «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» сформулированы

территориальные претензии к России, потому что «в составе РСФСР остались значительные территории Витебщины, Смоленщины и Брянщины с белорусским населением. Не возвращены они Белоруссии до сегодняшнего дня» (100 пытанняў 1993, 64). Необходимо отметить, что претензий к остальным соседям, вынесенных в отдельную статью, авторы «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» не предъявили. И самым показательным в формируемой в начале 1990-х гг. белорусской исторической политике было то, что в книге «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» нет ни одного упоминания о самом значимом и эмоционально переживаемом событии – Великой Отечественной войне. В книге дважды упоминается Вторая мировая война (100 пытанняў 1993, 73, 78), причем в одном из этих упоминаний указано, что война была «начата Гитлером и Сталиным» (100 пытанняў 1993, 73).

В 2002 г. в Вильнюсе был издан расширенный вариант книги, который получил название «150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі» (150 пытанняў 2002). В этом издании частично были скорректированы тексты, написанные ранее, а к ним добавлено еще 50 небольших заметок такого же крайне идеологического содержания, напоминающие научный текст лишь внешне.

Официальная версия истории так или иначе повторяла оппозиционную версию. Пожалуй, только отношение к Великой Отечественной войне у обеих версий истории явно различалось. Также различия можно было найти в оценках советской власти. Отношение же к Древней Руси, а тем более к Великому княжеству Литовскому, Речи Посполитой и Российской империи мало чем различалось. Оппозиционная версия истории оказалась более цельной, хотя и намного менее объективной. Она практически не имела заимствований из советского исторического наследия. Официальный взгляд на прошлое состоял из набора различных восприятий прошлого, которые иногда противоречили друг другу. Однако такое положение дел не вызывало опасений, т.к. исторические споры не перерастали в серьезные политические проблемы. Государство в некоторых случаях демонстрировало отстраненность от исторических юбилеев, чтобы не оказаться перед необходимостью четко проговаривать свое отношение к тому или иному событию прошлого, которое по-разному воспринималось разными общественными группами.

Все же попытки государства начать переоценку исторических сюжетов прошлого на основе оппозиционной версии прошлого появились. Например, накануне 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. официальная версия истории отказалась от использования привычного названия войны, которая стала называться русско-французская, французско-русская или просто война 1812 г. Новая историческая реальность отразилась и на школьном учебнике. Например, в действовавшем тогда школьном учебнике по истории Белоруссии название «Отечественная война» было убрано (Морозова С.В., Сосно В.А., Панов С.В. 2011, 15–23). Необходимо отметить, что термин «Отечественная война 1812 г.» из белорусских учебников убрали ранее, а в 2012 г., когда отмечался юбилей войны, на это обратили внимание. Однако данная версия исторического прошлого не была воспринята обществом, поэтому название вернулось в следующее поколение учебников (Паноў С.В., Марозава С.В., Сосна У.А. 2018, 12).

УТВЕРЖДЕНИЕ БАЗОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ

До 2014 г. как таковая государственная историческая политика в Белоруссии не существовала как стройная система. К этому времени сформировался ряд утверждений, которые разделялись как провластными, так и оппозиционными участниками процесса формирования исторической политики. Например, обе стороны разделяли утверждение о том, что Великое княжество Литовское с момента своего появления в середине XIII в. и до включения в состав Первой Речи Посполитой в середине XVI в. являлось белорусским государством. Для сил, формирующих историческую политику было неважным, что белорусская идентичность появилась в конце XVI в., т.е. после вхождения Литовского княжества в состав Первой Речи Посполитой. Также неважным оказалось то, что Великое княжество Литовское стало Великим не внезапно, перед этим оно некоторое время существовало как «невеликое» литовское государство. Белорусская историография игнорирует то, что изначально «созданное на основе литовских племен государство приросло, правда, лишь небольшой частью Руси» (Гудавичюс 2005, 49). Таким образом, формирование Литовского государства, которое чуть позже стало Великим княжеством Литовским, происходило

без активного участия «белорусской» стороны. Эта версия была распространена и в самом Великом княжестве Литовском. В первой половине XVI в. (скорее всего, в 1520 – 1530-е гг.) был написан «Летописец Великого княжества Литовского и Жамойтского», в котором было отражено представление тогдашней знати княжества о своем прошлом, в том числе и о создании государства. Авторы «Летописца...» абсолютно не видели никакого белорусского участия в создании Великого княжества Литовского, а будущие белорусские земли рассматривались ими как захваченные литовцами. Естественно, тот образ прошлого, который был представлен в начале XVI в. в «Летописце...» мог и не отражать исторические реалии XIII в., но он передает, как минимум, историческую память элиты княжества о формировании литовского государства. Зафиксированный в «Летописце...» «и распространявшийся позднее образ прошлого как завоевание белорусских земель литовским войском является несомненным фактом общественного сознания наиболее верхнего, влиятельного слоя политической элиты Великого княжества Литовского» (Флоря 2022, 181). Тем не менее, несмотря на исторические несоответствия, как оппозиционное, так и провластное направления исторической политики настаивают на том, что белорусы приняли непосредственное участие в создании Великого княжества Литовского, поэтому данное государство можно рассматривать как белорусское. Постепенно через учебную литературу, средства массовой информации и пропаганду представление о том, что Великое княжество Литовское являлось белорусским государством, закрепилось в создании массы населения. Хотя примерно до середины 90-х гг. XX в. эта версия прошлого в принципе отсутствовала в исторической памяти белорусов. То есть к началу XXI в. Великое княжество Литовское зафиксировалось в новой исторической памяти как «свое» белорусское государство. Эта версия прошлого стала общей для власти, оппозиции и общества.

Еще одно историческое событие – Великая Отечественная война – стала общим местом понимания прошлого для власти и общества. Историческая память о Великой Отечественной войне оказалась очень сильной в белорусском постсоветском обществе, эту же память разделяла и власть. Оппозиция же отнеслась к Великой Отечественной войне неоднозначно. Оппозиционная версия исторической политики во многом базируется на наследии белорусской эмиграции, часть которой составили бывшие коллаборационисты,

служившие в период оккупации нацистской Германией западных территорий Советского Союза оккупационным властям. Белорусская оппозиция не могла оценивать этих людей негативно, как это делало общество, поскольку исторические утверждения коллаборационистов частично легли в основу оппозиционной исторической политики. Таким образом, белорусская оппозиция была вынуждена лавировать между негативным отношением общества к нацизму и восхвалением сотрудничавших с нацистами лиц.

Достаточно серьезный вызов белорусской исторической политике создали события 2014 г. на Украине. Возвращение Крыма в состав России и появление на востоке Украины непризнанных Донецкой и Луганской народных республик было воспринято положительно большинством белорусов. Это обеспокоило и власть, которая не стремилась углублять интеграцию с Россией в рамках Союзного государства, и оппозицию, которая явно теряла поддержку. Поддержка Минском действий своего заявленного ближайшего союзника – Москвы также создавала проблемы для развития белорусской многовекторности, способствовавшей затормаживанию интеграции. Внешнеполитические события 2014 – середины 2020 гг. подтолкнули белорусские власти к формированию исторической политики с опорой на оппозиционный формат взгляда на прошлое. Например, в 2017 г. был издан школьный учебник, посвященный периоду Первой Речи Посполитой, т.е. XVI – XVIII вв. В белорусской школе история изучается по двум учебникам – как отечественная и как всеобщая. Соответственно, в курсе отечественной истории рассматриваются собственные государства, а во всемирной – все остальные. Необходимо отметить, что в учебнике по всемирной истории (Всемирная история 2017, 223), в котором изучался период XVI – XVIII вв. не было ни одного абзаца, посвященного Польше, т.е. Первой Речи Посполитой. Это государство полностью изучалось в курсе отечественной истории (Гісторыя Беларусі 2017, 214). Таким образом, Польша рассматривалась как белорусское государство.

В 2018 г. в Минске вышел первый том пятитомного издания «История белорусской государственности». Издание обратило на себя внимание тем, что постаралось найти белорусскую государственность в очень глубокой древности. Так, авторы первого тома разбили историю белорусской государственности на три периода, первый из которых был назван догосударственным (!), а его начало было отнесено к 100 тыс. лет до н.э. (История белорусской

государственности 2018, 6). Это утверждение породило ряд критических рецензий, которые с разной степенью сарказма откомментировали «научный прорыв» белорусских ученых (Гронский 2020, 307–310; Неменский 2022, 138–173; Шевченко 2021, 891–901).

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

И все же началом более-менее последовательной исторической политики на государственном уровне стоит считать 2019 г. Именно тогда вышла статья, написанная авторами из белорусской Академии наук и белорусского же Совета безопасности, посвященная проблемам исторической политики (Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А. 2019, 3–11). Статья пыталась аккуратно расставить приоритеты формирующейся государственной исторической политики, дистанцируясь в первую очередь от общей с Россией истории. Также была произведена попытка дистанцироваться от ряда исторических мифов, которые подменяли белорусскую историю польской. Например, были подвергнуты критике утверждения, что польские восстания против России якобы являются борьбой белорусов против Российской империи (Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А. 2019, 9). Однако не прошло и нескольких месяцев, как сама власть нарушила принципы собственной исторической политики и отправила официального представителя на перезахоронение останков польских повстанцев. На перезахоронении белорусский вице-премьер говорил о польских повстанцах как о белорусских героях. Эту же позицию поддержал белорусский МИД (Гронский 2021, 13–19). Таким образом, официальная историческая политика Белоруссии, хотя и объявляла об переходе к более объективному взгляду на историю, но в реальности подстраивалась под оппозиционную риторику.

Многое изменили события августа 2020 г. Массовые протесты в Белоруссии проходили под бело-красно-белыми флагами, которые ранее государство по сути перестало преследовать как символ оппозиции, поскольку именно эта символика использовалась оппозиционерами на митингах против углубленной интеграции с Россией в 2018–2019 гг. Также пытавшаяся руководить протестами оппозиция начала выдвигать в качестве символов исторические персонажи из своего идеологического багажа. Одним из

таких персонажей оказался польский повстанец, которого давно записали в белорусские национальные герои, Константин Калиновский (1838 – 1864 гг.).

Логично предположить, что историческая политика государства была вынуждена резко сместить акценты, поскольку часть историко-политической риторики оказалась работающей против действующего режима. Однако в полной мере смены риторики не произошло.

В феврале 2021 г. Национальный исторический музей Белоруссии объявил руководителя польского восстания, поднятого в 1794 г. против России, Т. Костюшко героем четырех стран, в том числе и несуществовавшей во времена Т. Костюшко Белоруссии. Кто-то из сотрудников российского посольства в Минске в Instagram подверг критике это утверждение, указав, что признавать польского повстанца белорусским героем равнозначно незнанию истории. После этого у белорусских сторонников мифа о том, что Т. Костюшко является белорусским национальным героем, началось какое-то подобие истерики. К защите националистического мифа подключилось белорусское Министерство иностранных дел, которое все же упомянуло, что необходимо обратиться к источникам. Неизвестный представитель российского посольства воспринял это предложение и процитировал одно из писем Т. Костюшко, указав при этом выходные данные цитаты. Поскольку защитники белорусской версии образа Т. Костюшко ничего не смогли противопоставить историческому источнику, истерика продолжилась. Интересно, что антироссийский взгляд на Т. Костюшко как на белорусского национального героя поддержал тогдашний посол России в Минске (Наука. Вера. Культура. 2022). Таким образом, даже после белорусского политического кризиса августа 2020 г., белорусская историческая политика продолжила формировать и поддерживать те образы прошлого, которые отчасти повлияли на силу массовых протестов августа 2020 г.

31 декабря 2021 г. в новогоднем обращении белорусский президент объявил наступающий 2022 г. Годом исторической памяти. Это было сделано «в целях формирования объективного отношения общества к историческому прошлому, сохранения и укрепления единства белорусского народа». К разработке республиканского плана мероприятий по проведению Года исторической памяти, помимо стандартных совета министров или областных исполнительных

комитетов, была привлечена Генеральная прокуратура Белоруссии (Президент Республики Беларусь [ПРБ]. 2022. Об объявлении). Последнее объясняется тем, что в начале 2022 г. был принят закон «О геноциде белорусского народа» (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by [НПИПРБ Pravo.by.] 2022), а Генеральная прокуратура заранее активно подключилась к расследованию гибели жителей БССР в период Великой Отечественной войны. Чуть ранее, в мае 2021 г., был принят закон «О недопущении реабилитации нацизма» (НПИПРБ Pravo.by. 2021), который также сыграл свою роль в процессе формирования исторической политики. Таким образом, при формировании исторической политики упор был сделан на такое понимание прошлого, которое разделяется большинством белорусского общества. Однако память о подвигах и жертвах периода Великой Отечественной войны является всего лишь одной, хотя и значимой частью исторической памяти общества. Государство должно было осознать, каким образом понимать и распространять в обществе представления о других исторических периодах.

6 января 2022 г. в Минске прошло совещание по вопросам реализации исторической политики. В нем принял участие А. Лукашенко, который заявил, что «2022-й, пройдет под знаком сохранения героического наследия и правды обо всех периодах жизни белорусского народа». Президент определил, что важнейшими направлениями обеспечения национальной безопасности страны являются систематизация исторических исследований, мемориальных комплексов, определение достойных для отмечания дат и исторических личностей, внесение корректив в патриотическое воспитание (ПРБ. 2022. Совещание). А. Лукашенко добавил, что, пока он является президентом, «свою историю мы переписывать не должны, и мы это делать не будем». Но и «не будем больше умалчивать конкретные факты [...] даже если они задевают чьи-то амбиции или национальные чувства. Как в случае с преступлениями белорусских, а также польских, литовских, украинских коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны» (ПРБ. 2022. Совещание).

Историческая политика государства для эффективного внедрения должна быть непротиворечивой. Однако в белорусском варианте такого достичь не получается. Если выстраивать историческую политику, опираясь на объективные данные, хотя бы на корректную интерпретацию исторических источников, придется

отказаться от объявления белорусскими ряда государств прошлого, т.к. источники не фиксируют наличия белорусов в те времена. Если выстраивать политику, исходя из аксиомы, что все государства, которые были ранее на территории Белоруссии, являются белорусскими, тогда это утверждение вступит в конфликт как с историческими источниками, так и с серьезными научными исследованиями. Такое направление исторической политики окажется некорректным, но цельным. Белорусская историческая политика выбрала третий путь – попытку совместить объективное прошлое и найти белорусские следы во всех исторических эпохах. Это сразу подтолкнуло к появлению противоречий, которые проявились и в речи президента.

В частности, А. Лукашенко предложил скорректировать оценку исторических периодов, утверждая, что поляки и литовцы «отрицают вклад белорусского народа в развитие таких исторических форм государственности на нашей земле, как ВКЛ [Великое княжество Литовское] и Речь Посполитая». И в этой же речи лидер белорусского государства назвал период Первой Речи Посполитой «оккупацией белорусской земли поляками. Этноцидом белорусов», описав это время однозначно: «родной язык, культура, вера под запретом. Магнаты на собак меняли белорусских крестьян. Но народ выжил и сохранил свою самобытность» (ПРБ. 2022. Совещание). Таким образом, с точки зрения белорусской исторической политики белорусы внесли вклад в создание Первой Речи Посполитой, осуществлявшей этноцид белорусов, т.е. белорусы сами создали государство, запретившее родной язык, культуру и веру. Попытки обновить историческую политику, оставив ее смесью разных предыдущих вариантов и коллективной исторической памяти порождают проблемы и не в состоянии образовать непротиворечивую концепцию белорусской истории.

4 февраля 2022 г. было подписано Распоряжение Президента Республики Беларусь № 22рп «О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь». В нем сообщалось, что Совет создается «в целях сохранения исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа, формирования историко-государственного мировоззрения, укрепления историко-культурной и духовно-этической общности белорусов» (ПРБ. 2022. О республиканском совете). Состав совета озвучен не был. До конца 2022 г. прошло шесть

заседаний Республиканского совета по исторической политике. На заседаниях были рассмотрены различные вопросы, связанные с видением прошлого. Естественно, упоминалось о Великой Отечественной войне, которая пока трактуется большинством населения и государственной бюрократии однозначно. По оценкам тех или иных событий Великой Отечественной войны в обществе практически нет разногласий. Не осталось без внимания школьное историческое образование. В рамках работы Совета по исторической политике были предложены меры по формированию позитивного представления о государственной символике, введению в высшее образование нового курса «История белорусской государственности», что было сделано в сентябре 2022 г.

К маю 2022 г. в рамках совета по исторической политике были созданы 4 комиссии: «по концептуальным основам отечественной истории, по научно-методическому сопровождению исторической политики, по информационно-просветительской работе и по внешнеполитическому сопровождению исторической политики» (ПРБ. 2022. Глава). А заседания совета должны были проходить не реже одного раза в квартал (БелТА. 2022).

ВЫВОДЫ

И все же Республиканский совет по исторической политике не слишком изменил оценки прошлого. В нынешних условиях это вряд ли возможно. Члены Совета по исторической политике делают отчасти противоречивые заявления, в которых одновременно присутствуют призывы к объективному взгляду на прошлое и к обязательному присутствию национальной оптики для оценки того же прошлого. И государственная, и оппозиционная версии исторической политики формируют представление о белорусских государствах в отношении тех исторических эпох, в которых не существовало белорусского самосознания. Стремление максимально удревнить собственную национально-государственную историю является признаком подавляющего большинства, если не всех проявлений исторической политики в разных государствах постсоветского пространства.

Государственную версию исторической политики все же следует признать менее стройной, в отличие от оппозиционной версии, поскольку государственная версия является попыткой совмещения

различных представлений о прошлом. Оппозиционная версия белорусской исторической политики более стройная и однозначная, но по причине опоры на ряд сугубо мифологизированных штампов (в первую очередь подмены польской истории белорусской) оппозиционная версия менее объективна. В то же время оппозиционная версия истории вряд ли серьезно изменится, у государственной версии потенциал к изменениям есть, причем как в сторону более объективного видения истории, так и в сторону создания еще одной мифологической картины прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Саверчанка, Иван, Зміцер Санько. 2002. *150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі*. Уклад. Вільня: Наша Будучыня.
- БелТА. 2022. «Данилович: в Беларуси создана хорошая база для сохранения исторической памяти». *БелТА*. 11.05.2022. <https://www.belta.by/society/view/danilovich-v-belarusi-sozdana-horoshaja-baza-dlja-sohraneniya-istoricheskoy-pamjati-501009-2022/>.
- Власт [Ластоўскі, В.Ю.]. 1910. Кароткая гісторыя Беларусі: з 40 рысункамі. Вільня: Друкарня М. Кухты.
- Гигин, Вадим Францевич. 2005. «Бумажная республика. Из истории БНР 1918 года». *Неман: литературно-художественный и общественно-политический журнал*. № 2. 141–154. Минск. Союз писателей Беларуси.
- Варонін, Василий Алексеевич, Скепьян Анастасия Анатольевна. (рэд) 2017. *Гісторыя Беларусі, XVI – XVIII стст.: вучэб. дапам. для 7-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання*. 2017.. Мінск: Выд. цэнтр БДУ.
- Гронский, Александр Дмитриевич. 2020. «История белорусской государственности между наукой и идеологией». *Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений*: В 2 т. Т. 1. сост. и отв. ред. Г.П. Мяков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 307–310.
- Гронский, Александр Дмитриевич. 2021. «Проблемы формирования исторической политики в Белоруссии на рубеже 2010-х – 2020-х гг. (на примере отношения к перезахоронению останков польских повстанцев в Вильнюсе)». *Россия и славянские*

- народы в XIX – XXI вв.: Материалы международной научной конференции.* Под ред. В.В. Мищенко, Т.А. Мищенко, С.П. Куркиной, 13–19. Брянск: ООО «Аверс».
- Гудавичюс, Эдвардас. 2005. *История Литвы с древнейших времен до 1569 г.* Москва: Фонд им. И.Д. Сытина.
- Западные окраины Российской империи.* 2006. Москва: Новое литературное обозрение.
- Левко, Ольга Николаевна и Голубев, Валентин Федорович. 2018. *История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1. Белорусская государственность от истоков до конца XVIII в.* отв. ред. тома. Минск: Беларуская навука.
- Кошелёв, Владимир Сергеевич (рэд) 2017. *Всемирная история Нового времени, XVI – XVIII вв.: учеб. пособие для 7-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения.* Минск: Изд. центр БГУ.
- Коваленя, Александр Александрович, Владимир Михайлович Арчаков, Данилович, Вячеслав Викторович, Баньковский, Дмитрий Анатольевич. 2019. «К вопросу об исторической политике». *Беларуская думка.* № 8: 3–11. Минск. Администрация Президента Республики Беларусь
- Морозова, Светлана Валентиновна, Владимир Аркадьевич Сосна, Панов, Сергей Вениаминович. 2011. *История Беларуси, конец XVIII – начало XX в.: учеб. пособие для 9 го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения.* Под ред. В.А. Сосно; пер. с белорус. яз. Т.Н. Шахмуть. Минск: Изд. центр БГУ. Подробнее на livelib.ru: <https://www.livelib.ru/author/703928-s-v-panov> С.В. 2011.
- Гронский, Александр Дмитриевич. 2022. Наука. Вера. Культура. «Столкновение версий исторической политики в Белоруссии на примере спора в Instagram Национального исторического музея Белоруссии» *Наука. Вера. Культура.* 30.04.2022. <https://naukaverakultjura.com/столкновение-версий-исторической-по/>
- Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by [НПИПРБ Pravo.by]. 2022. «О геноциде белорусского народа. Закон Республики Беларусь № 146 35 от 5 января 2022 г.» *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by.* 11.01.2022. <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146&p1=1&p5=0>.

- Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by [НПИПРБ Pravo.by]. 2021. «О недопущении реабилитации нацизма. Закон Республики Беларусь № 103 З от 14 мая 2021 г.». *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by*. 15.05.2021. <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100103&p1=1&p5=0>.
- Неменский, Олег Борисович. 2022. «“История белорусской государственности” между Востоком и Западом». *Проблемы национальной стратегии*. № 3. 138–173. Москва. Российский институт стратегических исследований.
- Панов, Сергей Вениаминович, Светлана Валентиновна Морозова, Сосна, Владимир Аркадьевич. 2018. Гісторыя Беларусі Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вучэб. дапам. для 8-га кл. устаноў агул. сяр. адукацыі з беларус. мовай навучання. Пад рэд. У.А. Сосны. Мінск: Выдавец. цэнтр БДУ.
- Президент Республики Беларусь [ПРБ]. 2022. «Глава Администрации Президента Игорь Сергеенко принял участие в заседании Республиканского совета по исторической политике». *Президент Республики Беларусь*. 11.05.2022. <https://president.gov.by/ru/novosti-aprb/glava-administracii-prezidenta-igor-sergeenko-prinyal-uchastie-v-zasedanii-respublikanskogo-soveta-po-istoricheskoy-politike>.
- Президент Республики Беларусь [ПРБ]. 2022. «О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь. Распоряжение Президента Республики Беларусь № 22рп от 4 февраля 2022 г.» *Президент Республики Беларусь*. 4.02.2022. <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2022/22rp.pdf>.
- Президент Республики Беларусь [ПРБ]. 2022. «Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти. Указ Президента Республики Беларусь № 1 от 1 января 2022 г.» *Президент Республики Беларусь*. 1.01.2022. <https://president.gov.by/bucket/assets/uploads/documents/2022/luk.pdf>.
- Президент Республики Беларусь [ПРБ]. 2022. «Совещание по вопросам реализации исторической политики». *Президент Республики Беларусь*. 6.01.2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki>.

- Саверчанка, Иван, Зміцер Санько. 1993. *100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі*. Склад Мінск: Газета «Звязда».
- Флоря, Николаевич Флория. 2022. «Образование Великого княжества Литовского в официальной историографии этого государства XVI в. и в представлениях современных белорусских ученых». *Проблемы национальной стратегии*. № 3. 174–182. Москва. Российский институт стратегических исследований.
- Шевченко, Кирилл Владимирович. 2021. «К вопросу о палеолитической государственности: [Рец. на кн.]: *История белорусской государственности: в 5 тт.: Т. 1.: Белорусская государственность от истоков до конца XVIII в.* Минск: Беларуская навука, 2018. 598 с.». *Русский сборник: Исследования по истории России XIX – XX вв.* Т. XXX. Ред.-сост. М.А. Колеров, О.Р. Айрапетов, П. Чейсти, М. Йованович, Б. Меннинг.: *Архивные находки и источниковедение*. Москва: Модест Колеров. 891–901.

Dr. Alexander D. Gronsky, Russian Federation

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
Moscow*

THE FORMATION AND FUNCTIONING OF MEMORY POLICY IN BYELORUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract

The article examines the formation of historical policy in Byelorussia in the post-Soviet period. After gaining sovereignty, Byelorussian intellectuals began to reform their ideas about the past. In order to increase the prestige of sovereignty, a myth about the great Byelorussian past was created. Russia acted in this myth as a dangerous neighbor. However, soon the Byelorussian historical policy ceased to be so radical. After 2014, a new stage of historical politics began. This was necessary to distance themselves from Russia and strengthen multi-vector. In 2018 a multi-volume book «The History of the Byelorussian statehood» has appeared. In 2019, a scientific article was published describing the Byelorussian historical policy. Mass protests in Byelorussia in 2022 again adjusted the content of the Byelorussian historical policy. The Byelorussian ruling elite decided to strengthen control over the past. 2022 was declared the Year of Historical Memory. The Republican Council for Historical Policy was established. However, the official version of the Byelorussian historical policy is not holistic. It consists of elements of Soviet and oppositional views on the past. Nevertheless, the official historical policy has the potential to create a more integral version.

Keywords: *historical politics, Byelorussia, Year of Historical Memory, Grand Duchy of Lithuania, Republican Council for Historical Policy*

Профессор д-р Лев Криштапович, Республика Беларусь

*Белорусский государственный
университет культуры и искусств
Минск*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

(От разрушения СССР к восстановлению большого
Отечества от Бреста до Курил)

Аннотация

В статье раскрывается сущность исторической памяти народа как единства прошлого, настоящего и будущего, где прошлое представляет собой сохранение настоящего как действительности, а будущее становление настоящего как возможности. Историческая память есть история народного самосознания о своем прошлом, настоящем и будущем. Историческая память народа закреплена в ключевых исторических событиях, которые образуют не просто хронологию истории, а смысл истории народа. Раскрывается смысл Союзного государства как сильной идеи человечества.

Ключевые слова: историческая память, хронология истории, смысл истории, народное самосознание, советский проект, идея человечества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Что такое историческая память? Историческая память – это актуальность знания о прошлом в его неразрывном единстве с

настоящим и будущим. Обычно поверхностное представление рассматривает историческую память лишь как память о прошлом. Но историческую память народа нельзя свести только к памяти о прошлом народа, надо понимать, что историческая память о прошлом неотделима от настоящего и будущего народа. Тем самым историческая память логично вписывается в историческую связь времен, где прошлое, настоящее и будущее не оторваны друг от друга, а существуют в единстве, образуют неразрывную историю народа. Философски выражаясь, прошлое есть сохранение настоящего как действительности, а будущее есть становление настоящего как возможности.

Таким образом, историческая память народа представляет собой диалектику двух взаимосвязанных категорий – возможности и действительности. Поэтому историческую память можно определить как историю народной памяти, или, другими словами, историю народного самосознания о своем прошлом, настоящем и будущем.

РАЗРУШЕНИЕ СССР КАК РАЗРУШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Обычно, рассуждая о негативных последствиях разрушения СССР, останавливаются на сугубо социально-экономических аспектах этой геополитической катастрофы, а именно говорят о разрыве хозяйственных, технологических и научных связей между бывшими союзными республиками, о демографическом кризисе, о социальной поляризации и пауперизации постсоветского общества. Все это правда, но это еще не вся правда. А истина состоит в том, что разрушение СССР как раз и привело к разрушению исторической памяти наших народов или, по крайней мере, к ее существенной деформации. Геополитический каток разрушения прошелся именно по исторической памяти наших народов, по их историческому самосознанию. Разрушители СССР преследовали цель не только разрушить государство под названием Советский Союз, но они в первую очередь стремились разрушить все историческое самосознание наших народов, ликвидировать всю нашу отечественную историю, не только советскую, но и досоветскую и заменить ее всевозможными антиисторическими квазиевропейскими поделками. Разрушители СССР стремились превратить белорусский народ в этнографический материал и навязать ему вышиваночную историю.

Но народ, превращенный в этнографический материал и лишенный своей отечественной истории исчезает как народ, выпадает из истории как таковой. Сегодня, образно говоря, мы находимся не только на руинах государственности, но и на руинах исторической памяти. Отсюда должно быть понятно, что возрождение исторической памяти, возвращение в свою отечественную историю одновременно означает и возвращение нашего народа в ситуацию до геополитической катастрофы XX века, то есть означает восстановление нашего Союзного государства от Бреста до Курил. Поэтому говорить об исторической памяти белорусского народа вне процесса завершения строительства единого Союзного государства является чистым фарисейством. Наступило время собирать камни и разоблачать фарисейскую закваску псевдопатриотов Беларуси.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ЗАКРЕПЛЕНА В СУДЬБОНОСНЫХ СОБЫТИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

История народа – это не летопись. В чем отличие истории от летописи? Летопись – это хронология событий. История – это смысл событий. Летопись излагает исторические события в хронологическом порядке. При таком изложении история народа предстает как калейдоскоп произошедших событий. Поэтому летопись можно определить как историю о прошлом вне ее связи с настоящим и будущим. В летописи нет идеи истории народа, нет смысла истории. История народа не сводится к хронологическому перечислению исторических событий, а представляет собой смысл истории, который включает в себя прошлое, настоящее и будущее народа.

Почему русский народ стал мировым народом? Потому что в его ментальности закреплены такие принципы (гуманизм, справедливость, равенство, великодушие, доброта), которые тождественны самой природе человечества. В этом и выражается мировой характер русского народа. Почему на Западе не приемлют ведущей роли СССР, а следовательно, и ведущей роли русского народа в разгроме фашизма и подменяют Великую Отечественную войну Второй мировой войной? В чем историческое значение Великой Отечественной войны? В том, что была одержана победа над самыми темными, дьявольскими силами, которые собирали сокровища на земле, а не на небе, служили мамоне, а не богу. В

результате нашей победы были спасены не только наши народы, но было спасено все человечество. Если во Второй мировой войне Англия спасала свои колониальные прибыли, то Советский Союз в Великой Отечественной войне спасал все человечество, спасал саму историю человеческого рода.

Великая битва, которую советские люди в единении со своей властью вели с фашизмом, была битвой за уничтожение фашистской тирании и свободу человечества. Эта битва была делом нравственной мощи духа советского человека, который, осознав свою силу, поднял свой стяг и сделал это свое святое чувство силой всего человечества. Необходимо признать неопенимым благом то, что наши соотечественники жили и действовали воодушевленные великим нравственным чувством – чувством, в котором концентрировались все свободолюбивые, гуманистические, справедливые идеи человечества. В таком глубоком и всеобъемлющем действии русский дух возвышался до уровня бессмертности в деле спасения человечества от коричневой чумы.

Поэтому, когда некоторые недалекие отечественные политики пытаются сегодня рассуждать таким образом, что хотя мы и победили, но лучше, чтобы не было таких побед впереди, которые достались ценою жизней миллионов людей, то это и есть отрицание мирового смысла нашей Победы в истории человечества. Подобная оценка Великой Отечественной войны и разгром фашизма – это свидетельство житейской пошлости и рутинных интересов, обнажающих всю свою никчемность и поверхностность мысли.

Великая Отечественная война судьбоносное событие не только в нашей отечественной истории, но и в истории всего человечества. Можно по-другому, наша отечественная история образует нерв жизни всего человечества, поэтому она есть мировая история. Вот почему Великая Отечественная война принадлежит не только прошлому, но настоящему и будущему человечества.

СМЫСЛ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ НА УКРАИНЕ

В аспекте исторической памяти следует рассматривать и национально-освободительную операцию российской армии на Украине. Речь идет не только о военной операции, но именно об операции по восстановлению исторической памяти украинского народа,

ибо бандеровско-нацистский режим, опираясь на поддержку США и НАТО, развязал беспрецедентную войну против исторической памяти украинского народа как народа русского. Национально-освободительная операция российской армии, направленная на демилитаризацию и денацификацию Украины, в то же время ставит своей целью и ее деокупацию от западных агрессоров в лице США, НАТО и Евросоюза. Украина как название – это формальный административно-политический термин, но исторически и цивилизационно Украина – это русская страна, русская земля, Русь. Смысл национально-освободительной операции российской армии на Украине как раз и сводится к освобождению русской земли от западных захватчиков и воссоединение ее в рамках единой общерусской цивилизации. Поэтому абсолютно права та девушка из Мариуполя, которая, радуясь освобождению города от бандеровской нечисти, сказала, что Мариуполь – это русский город. А президент России на пресс-конференции «Итоги года» в декабре 2023 года констатировал, что Одесса – русский город, все об этом знают.

В условиях, когда на Украине российские воины фактически сражаются со всем западным империализмом, важнейшее значение для нас имеет фронт идей. На этом фронте появляются свои символы. Всю Россию, да и половину мира, облетело короткое видео с бабушкой, которая вышла с красным советским флагом встречать российских солдат, а пришли, оказывается, украинские. После того, как они стали топтать красное знамя, бесстрашная и гордая пожилая женщина отказалась принять предложенные ими продукты. Она напомнила солдатам киевского режима, что под красным знаменем воевали с фашизмом ее родители.

Советский красный флаг становится народным символом. Российские солдаты поднимают его над своими боевыми машинами, носят в виде шевронов на своей форме, водружают над освобожденными городами и поселками. Теперь это знамя – символ освобождения от фашизма не только XX, но и XXI века.

Российская армия в декабре 2023 года освободила пригород Донецка Марьинку. Операция по освобождению Марьинки была завершена воинами 150-й Идрицко-Берлинской ордена Кутузова дивизии. Это легендарное соединение, чьи бойцы – Михаил Егоров, Мелитон Кантария, Алексей Берест – водрузили в 1945 году Знамя Победы над берлинским Рейхстагом. Руководство Министерства обороны России и командование дивизии очень хорошо понимают,

какие идеи надо сегодня возрождать и продвигать. Командование дивизии выдало каждой штурмовой группе копию красного Знамени Победы. И сейчас Знамя Победы развевается над Марьинкой.

Примечательно, что на территории ряда освобожденных районов Украины начинают не только водружаться красные флаги, но зафиксирован (Гениченск) и факт восстановления памятника Ленину.

Бандеровский режим в Киеве вкупе с США и НАТО не только стремился сделать с Украины анти-Россию, но он стремился сделать из украинской истории как общерусской истории именно антиисторию, лишить украинский народ своей исторической памяти, превратить его в беспмятное существо, что представляло собой самую настоящую угрозу всему человечеству. Ибо та идеология, которой руководствуются киевские власти, означает отрицание истории как таковой, в том числе даже истории феодальной и буржуазной. Это означает конец истории вообще. Это означает навязывание современному человечеству античеловеческой фашистской идеологии и политики. Историческое значение национально-освободительной операции российской армии на Украине в том и состоит, что российская армия освобождает Украину от антиисторических сил (бандеровцев, натовцев, американской военщины), которые стремятся превратить Украину в натовский плацдарм не только против России и Китая, но и против всего человечества.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СИЛЬНАЯ ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Говоря об исторической памяти белорусского народа, важно выяснить его будущее. Очевидно, что консервация обломков СССР под эвфемизмом сохранения независимости и суверенитета Беларуси – путь в никуда.

Следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. Идеологическим оправданием со стороны разрушителей СССР была ложь о возвращении постсоветских республик в лоно мировой цивилизации. Десять, советские республики выпали из мирового исторического процесс, а вот сейчас «новые независимые государства» возвратились на столбовую дорогу цивилизации. Надо сказать, что этот идеологический постулат разрушителей нашего большого Отечества абсолютно не соответствовал исторической правде. Апологеты буржуазного образа жизни как раз сами признавали

враждебность капитализма, а не социализма смыслу истории и человеческим ценностям. «На протяжении предыдущих столетий, – пишет Майкл Новак, – и христианские святые, и философы осуждали излишнюю мирскую аскезу, честолюбие и богатство, а Франклин (идеолог американской системы ценностей. – Л.К.) превратил то, что считалось грехом, в добродетель» (Новак 1997, 50). А видный американский исследователь, профессор Йельского университета Пол Кеннеди так охарактеризовал американскую действительность: «Соединенные Штаты являются главным производителем и распространителем массовой культуры, откровенно эксплуатирующей «первичные инстинкты» человека и разрушающей гуманистическую традицию. Страна преисполнена расовых и национальных антагонизмов, до поры до времени дремлющих под сенью экономического благополучия» (Кеннеди 1997, 10).

И это предвидение Пола Кеннеди красноречиво подтвердилось в антирасистском восстании афроамериканского населения в 2020 году, очередным поводом к которому послужило вызывающее убийство белым полицейским афроамериканца Джорджа Флойда. Оказалось, что вся хваленая американская система с ее мечтой для каждого человека ничего общего не имеет ни с демократией, ни со справедливостью и стоит на пороге саморазрушения.

Сегодня для всех очевидно, что политика США – это политика расизма и фашизма не только внутри западного капитализма, но и на международной арене. Интересно, что в СМИ США стараются обходить расовую сторону конфликта, хотя она очевидна. Сами журналисты пишут о протестующих, стараясь не упоминать их расовую принадлежность. Выражение «black community» – «черная община» – приводится разве что в высказываниях экспертов.

Нынешние квазиреформаторы в постсоветских республиках как раз пытаются разрушить социальную память человечества, порвать историческую связь времен и выставить социальные и человеческие пороки (жажду наживы, конкуренцию, частную собственность, однополые браки и всякое другое непотребство) неотъемлемыми правами человека и источником мирового прогресса. Капитализм, как это ни парадоксально, представляет собой модернизированное рабовладельческое общество. Примечательно, что рабство де-юре на всей территории США было отменено лишь только в 2013 году. Видимо, не случайно древнеримские законы Двенадцати таблиц оказались в фундаменте классического

буржуазного права. И не случайно капитализм устами своих идеологов выделяет «расу рабочих», численность которой регулируется рыночной зарплатой. Вот что вещал один из основателей буржуазной политэкономии Томас Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на Земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор» (Кара-Мурза 1996, 50). Современные реформаторы-мальтузианцы мыслят так же, только говорят более дипломатично.

Таким образом, западная цивилизация не только исчерпала возможности развития, но и превратилась в смертельную угрозу для всего человечества. Как подчеркивается в докладах Программы Развития ООН, «если современные тенденции сохранятся, то экономические различия между промышленно развитыми и развивающимися странами из несправедливых превратятся в бесчеловечные» (Доклад о развитии человека за 1996 год 1996, 40).

Историю не обманешь. Разрушение СССР, внедрение разрушительных преступных реформ в бывших советских республиках отбросили постсоветский мир к дооктябрьской эпохе, возвратив его как бы в исходное историческое положение, подготавливая тем самым возрождение СССР в XXI веке. Крупнейший западный ученый-биолог Джозеф Нидэм делает вывод: «Новый мировой порядок социальной справедливости и товарищества – рациональное и бесклассовое государство – есть не дикая идеалистическая мечта, а логическая экстраполяция в будущее всего хода эволюции, заслуживающая не меньшего доверия, чем результаты уже совершившейся эволюции, и, следовательно, она – самое рациональное из всех верований» (Хайек 1992, 100).

В связи с этим необходимо признать, что все разговоры о ведущихся поисках национальной идеи Беларуси и России от лукавого, поскольку национальная идея у Беларуси и России была и есть. Имя ей – Советский Союз. С этой идеей наши народы обрели могучее государство. «Четверти века хватило, чтобы СССР стал второй державой планеты, в которой для всего населения стало доступным бесплатное образование, здравоохранение, достижения культуры. Разгромив в тяжелейшей войне фашизированную Европу, Советский Союз за десятилетие не только восстановил и

значительно превзошел довоенный уровень производства, решил целый комплекс социальных задач по достижению более высокого уровня жизни граждан страны, но и вышел на иной технологический уровень, что позволило во многом опередить ведущие капиталистические страны. И союзники у СССР были, помимо мощных Советской Армии и ВМФ. Не было безработицы. Была и подлинная дружба народов, которые полагали себя братьями в большой и дружной семье» (Кругликов 2022, 107).

В чем исторический смысл СССР? В том, что СССР возродил общерусскую цивилизацию. И не просто возродил, а поднял ее на высший этап исторического развития как советской русской цивилизации. Одновременно СССР представлял собой и высший этап в историческом развитии русской государственности как советской союзной государственности.

Единственным условием подлинного возрождения независимости и суверенитета Беларуси является возрождение советского проекта белорусской государственности. Основной аргумент, который приводят противники такого проекта, сводится к указанию на то, что нельзя возвратиться в прошлое, а следовательно, нельзя возродить Союз ССР. Но это не аргументация, а софистика, поскольку под видом невозможности возвращения в прошлое противники возрождения советского проекта отрицают судьбоносное значение советского прошлого для белорусского и русского народов. В прошлое, в самом деле, возвратиться нельзя. Но отрицать прошлое – значит отрицать свою историю, значит отказываться от своей исторической памяти, значит становиться на дорогу исторического беспамятства. Такой путь не только не способствует сохранению белорусской государственности, но он начисто лишает наш народ своего будущего. Чтобы иметь будущее, нашим братским народам придется завершить строительство Союзного государства и серьезно отнестись к возрождению советского проекта на всем постсоветском пространстве. Именно в этом и состоит сильная идея человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Доклад о развитии человека за 1996 год. 1996. Нью-Йорк: Оксфорд Юниверсити Пресс.
- Кара-Мурза Сергей. 1996. *В зоне реформ*. Москва: Советская Россия.
- Кеннеди Пол. 1997. *Вступая в двадцать первый век*. Москва: Весь мир.
- Кругликов Александр. 2022. «Достойны ли их кумиры поклонения?». *Политическое просвещение*. № 3: 94–107.
- Новак Майкл. 1997. *Дух демократического капитализма*. Минск: Лучи Софии.
- Хаек Фридрих. 1992. *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма*. Москва: Новости.

Prof. Dr. Lev Krishtapovich, Republic of Belarus

*The Belarusian State University of Culture and Arts
Minsk*

HISTORICAL MEMORY OF THE BELARUSIAN PEOPLE

(From the destruction of the USSR to the restoration of the great Fatherland from Brest to the Kuril Islands)

Abstract

The article reveals the essence of the historical memory of the people as the unity of the past, present and future, where the past represents the preservation of the present as reality, and the future formation of the present as a possibility. Historical memory is the history of people's self-awareness about their past, present and future. The historical memory of the people is enshrined in key historical events, which form not just the chronology of history, but the meaning of the history of the people. The meaning of the Union State as a strong idea of humanity is revealed.

Keywords: *historical memory, chronology of history, the meaning of history, national identity, Soviet project, idea of humanity*

Профессор д-р Эдуард Попов, Российская Федерация

*Ростовский государственный
медицинский университет
Ростов-на-Дону*

УКРАИНА: КАК РАСПОРЯДИТЬСЯ СОВЕТСКИМ НАСЛЕДИЕМ?

**(Попытка анализа политики памяти
и символической политики)**

Аннотация

В статье анализируется политика исторической памяти и культурная политика, которая проводится властями современной Украины. Проведен экскурс в историю формирования территориальных границ будущей Украины. Они были сформированы в рамках Русского государства (в периоды Московского государства и Российской империи). Этот процесс закончился в советский период в начале Второй мировой войны и после ее завершения. Изучается политика постмайданной Украины в области языка и нациестроительства. Сделан вывод о противоречивости культурной и исторической политики украинских властей в отношении советского наследия. Современная Украина охарактеризована как идеологическая химера — противоречивое и нежизнеспособное государственное образование.

Ключевые слова: *Украина, Малороссия, советское наследие, историческая политика, политика в области культуры, коллаборационизм, насильственная украинизация, идеологическая химера.*

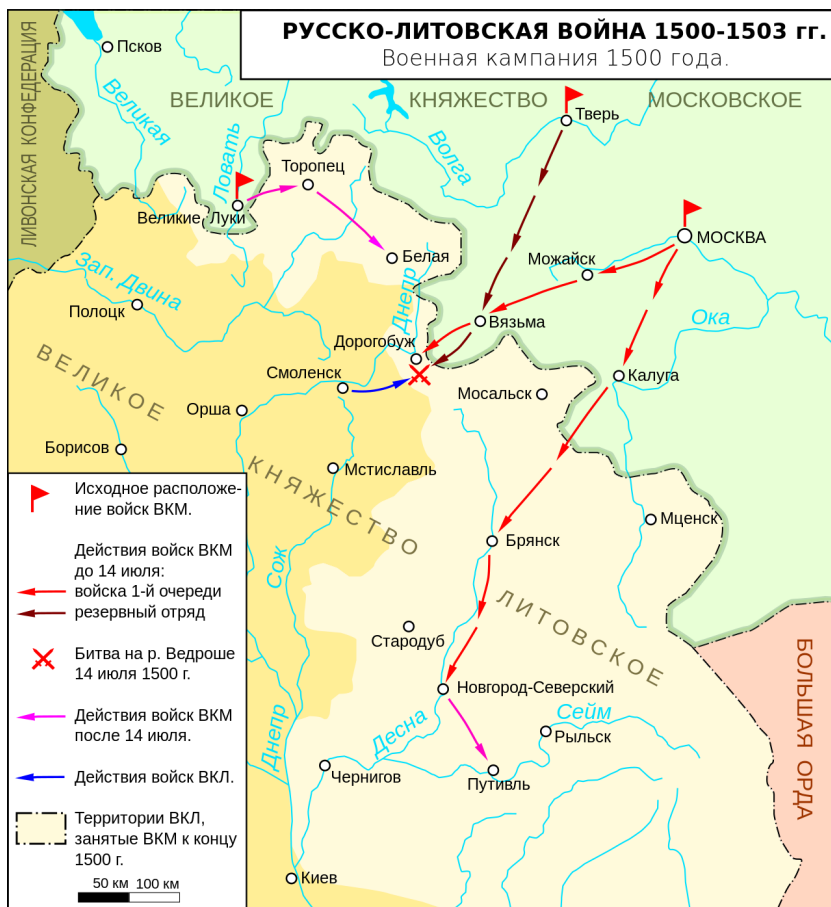
В настоящей статье будет предпринята реконструкция процесса формирования территориальных границ будущего украинского государства (которые унаследовала современная Украина), получившее окончательное оформление в рамках союзного государства (СССР). И то как советский опыт государственного строительства и нациестроительства интерпретируется в исторической политике и культурной политике постсоветской Украины после победы евромайдана — прозападного государственного переворота 21 февраля 2014 года.

КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ФОРМИРОВАЛА ТЕРРИТОРИЮ УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА ИЗ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

С 26 декабря 1991 года Россия и Украина существуют вне рамок единого государства. Оказалась нарушена многовековая традиция существования — либо двух братских народов, либо единого русского народа (Путин, 2021) — в одном государстве.

Когда идет речь о совместной истории существования русских и украинцев в едином государстве (после длившегося несколько веков периода восстановления русской государственности от Золотой орды и ее преемников) обычно подразумевается что эта традиция началась в 1654 году, когда по итогам Переяславской рады Левобережная Украина вместе с Киевом вошла в состав Русского царства (История Украины: монография 2023, 104–114). Однако следует заметить, что другие земли, ныне входящие в состав Украины, вошли в состав Русского государства значительно раньше, еще во времена Великого княжества Московского. Таковы Северщина (Северская земля) — территория на северо-востоке нынешней Украины, на юго-востоке современной Республики Беларусь и на юго-западе современной Российской Федерации. Эти земли, в древности населенные славянским племенем северов (северян), вошли в состав Русского государства (Великого княжества Московского) по итогам Русско-литовской войны 1500–1503 гг. и Благовещенского перемирия (см. карту 1) (Ключевский 2018, 337; Экземплярский 2019, 250–251).

Карта 1. Земли Северщины, вошедшие в состав Русского (Московского) государства по итогам Русско-литовской войны 1503 года.

Также в период правлений первых русских царей Иоанна IV Грозного и Бориса Годунова происходит колонизация так называемой *польской украины* (окраины), включавшей в себя земли нынешней Харьковской области Украины и Белгородской и части Курской областей Российской Федерации (Багaley 1887, 40–44). На рубеже XVI–XVII столетий здесь строятся города-крепости, служившие для обороны южной и юго-западной границы Русского государства, соответственно, от татарских и литовских набегов.

Также в московский период (конкретно в 1570 году) (Харузин 1885, XVII–XVIII) под власть русских государей перешли Земли

Войска Донского, отвоеванные и удержанные донскими казаками в многовековом противостоянии с татарскими ханствами и Османской империей. Уже в XX веке после крушения исторической русской государственности часть земель Области Войска Донского распоряжением советского правительства под председательством В. Ленина была передана (в составе Донецкой губернии) Украинской Советской Социалистической республике (Водолацкий, Попов 2022, 482–483).

Таким образом, наряду с территорией так называемой Гетманщины (Гетманщина — территория по левой стороне Днепра, контролируемая гетманом Богданом Хмельницким на начало 1654 года: см. об этом ниже) в состав будущего украинского государства оказались включены территории, на протяжении столетий входившие в состав Русского государства, а также вассально зависимого от него Войска Донского.

В современной украинской историографии предпринимается попытка доказать органичный, естественный характер процесса формирования украинского государства. Так, широко применяется термин «Украинская Казацкая Держава». Известный украино-американский историк С. Плохий в своем труде об истории Украины, весьма претенциозно названной «Вратами Европы», прямо говорит об украинском государстве, созданном, якобы Б. Хмельницким. По словам исследователя, хотя в планах Хмельницкого было завоевать всю Украину и даже часть Белоруссии (sic!), им не суждено было сбыться по вине России (Плохий 2018, 169). Как результат: по итогам Русско-польской войны 1654-1667 гг. в состав Гетманщины вошла лишь относительно небольшая часть будущей Украины (см. карту 2).

Исторические факты противоречат этим утверждениям. Даже само выживание Гетманщины было обеспечено героическими усилиями русских войск. Россия, в октябре 1653 года решившая прийти на помощь восставшим казакам *Малороссии* (*Малая Русь*, *Малая Россия*) (название исторического ядра древнерусских земель, предложенное ромейскими (византийскими) книжниками в 14-15 веках по аналогии с Малой Грецией и Великой Грецией; соответственно, Великой Россией они именовали Северо-Восточную Русь (Москва и другие земли), куда происходило переселение из днепровского центра), оказалась втянута в 13-летнюю войну с Польшей, сильнейшей европейской державой. В Москве не случайно

долго отказывались взять под покровительство Малороссию несмотря на многочисленные призывы казацкой верхушки. И не только из-за неизбежной войны с Польшей. Русское правительство не доверяло — и совершенно оправданно - «украинцам». Которые за три десятилетия до описываемых событий выступили ударной силой сначала самозванца Лжедмитрия, а затем и польско-литовской интервенции и совершали набеги на русские земли за «живым товаром» — рабами. В отличие татар-мусульман запорожские казаки (то есть, «украинцы», по терминологии С. Плохия и других украинских авторов) не гнушались сжигать православные храмы и уводить в плен для последующей продажи в турецкое рабство своих единоверцев.

Мятеж казаков Малороссии и Запорожской Сечи против своего суверена - польского короля привел к затяжной и неуспешной для восставших войне. Последние не могли в одиночку противостоять одному из крупнейших государств Европы того времени, коим являлась Польша. После серии неоднократных призывов и даже мольб в адрес Москвы казачья верхушка во главе с Богданом Хмельницким (провозгласил себя гетманом всей Украины в 1648 году) удалось все же добиться согласия русского правительства принять Малую Русь «под высокую руку русского царя». Это было скреплено клятвой, которую принесла казачья верхушка, духовенство и рядовое население Малороссии на Переяславской раде 18 января 1654 года. Последовавшая за этим 13-летняя Русско-польская война завершилась победой Русского царства и Андрусовским перемирием 1667 года, а затем так называемым Вечным миром России с Польшей 1686 года. По этому миру в состав Русского царства переходили некоторые территории на левой стороне Днепра (см. карту 2).

Карта 2. Русско-польская война 1654-1667 гг. и Андрусовского перемирия 1667 года.

Хотя гетман Левобережной Украины Иван Самойлович претендовал на обширные территории Правобережной Украины, оставшиеся в составе Польши, единственным приобретением на правом берегу Днепра остался Киев, который контролировали русские войска (Вечный мир с Польшей 1686 года, полный текст). Поляки пошли на заключение мира из-за военного превосходства России, а также из геополитических интересов: стремления включить Россию в антиосманскую коалицию.

Тем самым, территориальные границы «Украинской Казачьей Державы» или Гетманщины, вошедшей в 1654 году в состав Русского царства на правах автономии, были обеспечены исключительно за счет успешных действий русских войск в период Русско-польской войны 1654-1667 гг. А также последующих не менее успешных действий русской дипломатии, добившейся заключения выгодно для России Вечного мира с Польшей (Кочегаров 2008, 457–458).

Однако наиболее обширные территориальные приращения будущей Украины произошли благодаря серии русско-турецких войн XVIII века. А также благодаря так называемым *трем разделам*

Речи Посполитой (Польско-Литовского государства) в 1772, 1793 и 1795 годах и на Венском конгрессе 1815 года. Термин «разделы Речи Посполитой» представляется исторически некорректным, поскольку обозначает возвращение в состав Русского государства (Российской империи) западнорусских земель, то есть, нынешних Украины и Белоруссии, захваченных поляками и литовцами в период ослабления Руси. Правильней говорить об освобождении русских земель из-под власти польских и литовских завоевателей.

В результате кровопролитных войн России с Крымским ханством и Османской империей (первое находилось в вассальной зависимости от второй) к России были присоединены, в том числе, земли, в географическом отношении определяемые как Северное Причерноморье и Приазовье (см. карту 3),

Карта 3. Земли Новороссии, отвоеванные у Крымского ханства и Османской империи в серии русско-турецких войн XVIII столетия.

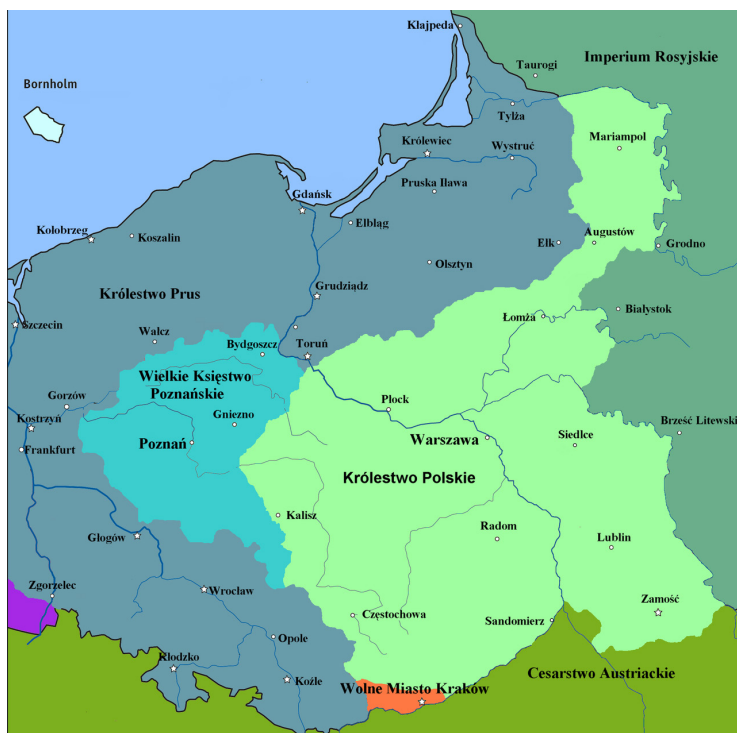

никогда не входившие в состав «Украинской казацкой державы» и не заселенные «украинцами». В немалой степени своими успехами Россия была обязана блестящей дипломатии и таким ее творцам как Григорий Потёмкин (тайный муж и соправитель императрицы Екатерины Великой) и канцлер Российской империи и руководитель русской внешней политики Александр Безбородко (Елисеева 2016, 214–215; Исабель де Мадариага 2002, 626–627).

Завоевание, а затем мирная колонизация этих земель, получивших название *Новороссия (Новая Россия)* — дело рук русской имперской администрации (Макидонов 2011, 5–8), русских переселенцев, хозяйственников, простых крестьян. В этих процессах принимали участие многие талантливые представители русской имперской элиты — выходцы из малорусской казацкой верхушки. Как, например, получивший титул князя Российской империи Александр Безбородко. Безбородко и многие другие известные и не известные деятели малорусского происхождения были носителями русского имперского сознания и выразителями русской политической воли. В их лице украинский (малороссийский) этнографический элемент внес огромный вклад в строительство Российской империи.

Позднее, в самом конце XVIII века и по итогам Венского конгресса 1815 года русская имперская власть присоединила земли Правобережной Украины, которые пополнили список малороссийских губерний Российской империи (см. карту 4).

Карта 4. Земли Польши отошедшие к Российской империи по итогам Венского конгресса 1815 года.

Вся территория будущей Украины за исключением Галиции (Галицкой Руси), Северной Буковины и Подкарпатской (Угорской) Руси оказались в составе единого Русского государства — Российской империи. Три означенных исторических русских края оказались по итогам конгресса в составе Австрийской (Австро-Венгерской) империи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ УКРАИНЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1921): ИСКОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ И ОЦЕНКИ

После победы в гражданской войне в России (1917-1922) правительство Советской России (большевики) занялось строительством нового союзного государства. За основу был взят принцип национального самоопределения, провозглашенный президентом США Вудро Вильсоном и принятый главой советского правительства В. Лениным без ссылок на первоисточник.

Большевики-марксисты не обладали опытом государственно-го строительства и, вообще, какой-либо созидательной деятельности и исходили из теоретических догматов марксизма по национальному вопросу и вильсонизма, несмотря на то что последний в идеологическом и классовом отношении был априори чужд большевизму. При конструировании — очень искусственном — территориальных границ СССР правительство В. Ленина исходил из двух постулатов: 1) максимально ослабить русское этническое ядро и 2) усилить национальные республики включением в них районов с образованным городским населением и промышленным пролетариатом. То и другое было представлено русскими. Соответственно, русским предстояло выступить в роли элемента, усиливающего сельское население и экономику создаваемых национальных республик.

В полной мере принципы национальной политики большевиков проявились при конструировании территориальных границ Украинской ССР. В ее состав были включены исторические земли Русского царства, на которые не распространялась власть гетмана Богдана Хмельницкого в январе 1654 году - земли Новороссии и Правобережной Украины, вошедшие в состав Российской империи благодаря русской армии и русской дипломатии (см. подробнее: Водолацкий, Попов 2022, 486–487).

Президент России В. Путин совершенно прав, уверяя что Украину создал глава Советского государства В. Ленин (Путин 2021).

Параллельно с Украинской Советской Социалистической республикой (УССР) шло формирование Украинской народной республики (УНР).

4 марта 1917 года в Киеве деятели карликовых украинских национальных партий и воинских частей бывшей Русской Императорской армии провозгласили так называемую *Центральную Раду* (рада (укр.) - совет, совещание), которую возглавил известный украинский историк и деятель украинского националистического движения, бывший профессор Львовского университета (г. Львов находился под юрисдикцией Австро-Венгерской империи) Михаил Грушевский. Центральная рада была нелегитимным органом и не представляла никого кроме малочисленных маргинальных групп «сознательных украинцев» в русском Киеве. Немалое влияние на Раду оказывали офицеры Украинского легиона сечевых стрельцов, набранного среди украинских националистов из австро-венгерской Галиции. Они оказались в русском плену, но благодаря государственному перевороту в России (так называемой *Февральской революции*) получили свободу и даже политическую трибуну. Среди последних особенно выделялись офицеры австро-венгерской армии Евгений Коновалец и Андрей Мельник, которые впоследствии станут создателями Украинской Галицкой армии (УГА). Затем уже в эмиграции на базе УГА будет создана Украинская военная организация (УВО), а на ее основе - Организация украинских националистов (ОУН), первым лидером которой стал Е. Коновалец.

1 ноября 1918 года воинскими частями Украинского легиона сечевых стрельцов была провозглашена Западноукраинская народная республика (ЗУНР). Причем «провозглашение» произошло путем начала боевых действий против польского населения Галиции (Грицкевич 2011, 164–165). Легитимность — и правовая, и историко-культурная - самопровозглашенной ЗУНР весьма сомнительна. Даже украинские историки вынуждены признать это, отмечая, что на территорию этой «республики» претендовали также поляки, составлявшие большинство населения и наиболее культурную и образованную часть населения Львова, столицы Галиции (второе место принадлежало евреям) (Плохий 2018, 300–301). Отсутствовало и международное признание самопровозглашенной ЗУНР — в том числе, по вине ее руководителей (Грицкевич 2011, 174). ЗУНР

— типичный пример искусственно конструируемого государства с отсталым сельским населением и радикальной националистической интеллигенцией без какого-либо опыта государственной и созидательной работы.

1 декабря 1918 года делегаты Западноукраинской народной республики и Украинской народной республики подписали договор об объединении обоих украинских государств в одно, а 22 января 1919 года состоялось торжественное провозглашение объединения. Это «событие на бумаге» стало частью современного украинского национального мифа под наименованием Акт Злуки (злука (укр.) - соединение, объединение) и отмечается как национальный праздник на Украине.

Конец недолгому существованию единого украинского государства положили сами украинские власти. 2 декабря 1919 года УНР и Польша подписали Варшавскую декларацию, по которой правительство Симона Петлюры отказывалось от Галиции в пользу Польши. Границей УНР и Польши объявлялась река Збруч. Вполне закономерно что правительство ЗУНР сочло это соглашение предательством. Президент ЗУНР Е. Путрушкевич, находясь в эмиграции в Австрии, 20 декабря 1919 года денонсировал Акт Злуки (История Украины 2023, 288). Его можно охарактеризовать как Акт Разлуки. В современной Украине предпочитают не вспоминать о нем.

Справедливости ради следует отметить, что оба самопровозглашенных и не признанных международным сообществом украинских государства к моменту Акта Разлуки существовали лишь на бумаге. Их территории была занята войсками других государств или военно-политических режимов (Польша, Советская Россия, Вооруженные силы Юга России).

В период гражданской войны в России на территории будущей Украины возникло еще несколько государственных и квазигосударственных образований (см. карту 5).

Карта 5. Территории Малороссии и Новороссии в годы гражданской войны в России.

Территория так называемой Гетманщины и Правобережной Украины вошла в состав самопровозглашенной УНР со столицей в Киеве. Территория Галицкой Руси вошла в состав Западно-Украинской народной республики (ЗУНР). При этом столица ЗУНР постоянно менялась: вначале Львов, затем Тернополь и Станиславов (нынешний Ивано-Франковск). Обширные территории исторической Северщины, Слобожанщины, части Области войска Донского и Новороссии (Северное Причерноморье и Приазовье) вошли в состав так называемой Донецко-Криворожской республики (столица - Харьков). Причем руководитель недавно созданной Украинской Советской республики Григорий Скрипник (Советская Украина в тот момент существовала только на бумаге) заявил, что «Донецкий бассейн и Криворожский район составляют автономную область южно-русской Украинской республики, как части Всероссийской Федерации Советских республик» (Корнилов 2017, 237). То есть, украинские большевики предложили Донецко-Криворожской республике войти в состав Советской Украины на правах самой широкой автономии и при условии вхождения самой Украины в составе Всероссийской Федерации. Позднее предложение украинских большевиков (украинских национал-коммунистов, совмещавших левую версию марксизма с украинским национализмом)

было директивно навязано московским советским правительством Ленина. Мнение населения ДКР, изъявившего решение включить их республику напрямую в состав Российской республики, было проигнорировано.

Итак, за 2-3 года гражданской войны в России на территории будущей Украины сосуществовали как минимум три государственных или квазигосударственных формирования. Причем одно из них, ДКР, располагавшееся на обширной территории Востока и Юга будущей Украины, позиционировало себя как часть Всероссийской Федерации.

Однако и эта, весьма дробная карта политической фрагментации Украины весьма неполна. Так, на территории исторической Новороссии короткое время существовали Одесская Советская республика (январь-март 1918 года) и Советская Социалистическая Республика Тавриды (март-апрель 1918 года). Наконец, на территории Приазовья, включая такие города как Бердянск, Мелитополь, Мариуполь, а также Екатеринослав (в советское время — Днепропетровск, один из крупнейших городов Советской Украины) существовала так называемая *Вольная территория* атамана Нестора Махно (Аршинов 2018, 158–159).

Все отмеченные образования контролировали обширные территории. Их границы были очень динамичны, что вызваны гражданской войной в России и оккупацией Малороссии и Новороссии войсками кайзеровской Германии, Австро-Венгрии или армиями Антанты.

Политическая карта территорий Малороссии и Украины 1917-1920 годов была весьма условной и зависела от амбиций и военно-политических возможностей различных режимов и даже отдельных полубандитских атаманов, высказывающих претензии на те или иные территории. Так, Украинская народная республика пыталась «проглотить» куда больший кусок пирога чем могла осилить. И включила в свой состав земли и регионы, выходявшие за малорусские (украинские) этнографические границы. Также следует взять в расчет следующий фактор: границы русской культуры и языка на Украине проходили (и проходят) не только по линии запад-восток, но также по линии «город-село». Яркий пример подобного рода — Киев, провозглашенный столицей УНР. Как свидетельствуют результаты голосования жителей Киева на различных избирательных кампаниях (всероссийских, украинских и

городских) в 1917 году, отмечал современными событиями наблюдатель, лишь четверть избирателей отдали предпочтения партиям так называемого украинского блока. Однако и эта цифра сильно завышена в виду того что в Киеве были расквартированы украинские воинские части, ставшие основой армии УНР. Тем самым, коренное киевское население было сильно разбавлено пришлым украинским элементом (Национальное самоопределение столицы украинской республики 2022, 98–99).

Отражено противостояние по линии «русский город — украинское село» в художественной литературе. Пожалуй, лучшая иллюстрация - произведения великого киевлянина Михаила Булгакова, посвященные событиям Гражданской войны в Киеве. В романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных» коренные киевляне являются носителями русского языка и культуры. Украинская культурно-политическая ориентация ассоциируется с *селом* либо с политическим приспособленчеством. Интересная деталь: кузен Турбиных, молодой поэт Ларион Суржанский, приезжает из Житомира, провинциального города на Волыни, относящегося к русской культурно-языковой среде («Дни Турбиных»). В наши дни русский язык и культура в Житомире и на всей Правобережной Украине загнаны в подполье.

Несмотря на многовековую совместную государственную историю русских и малороссов-украинцев — историю, наполненную военными и дипломатическими победами и успешным опытом имперского строительства — властями постсоветской Украины изначально был сделан историко-культурный выбор в пользу иных вариантов государственности, направленных в сторону от России и против России. Наиболее рельефен этот выбор стал заметен после победы *евромайдана* — государственного переворота 21 февраля 2014 года. В политике памяти Украины с 2014 года за точку отсчета современной украинской государственности провозглашена Украинская народная республика. Спикер Верховной рады (украинский парламент) галичанин Андрей Парубий призвал признать и законодательно закрепить преемственность и продолжение нынешнего украинского государства от Украинской народной республики (УНР), а период между УНР и независимой Украиной считать «советской оккупацией» (Парубий: Рада должна законодательно признать Украину преемницей УНР и советскую оккупацию 2016).

О том, какие внутри- и внешнеполитические последствия будет иметь для Украины это заявление Парубий, вероятно, не думал. Сказывается и низкий культурный и образовательный уровень новой правящей украинской элиты, и отсутствие у неё опыта государственной деятельности.

Некоторые вероятные последствия современного украинского государственного строительства на основе преемственности от УНР не трудно просчитать:

1. В состав УНР не входили территории, ныне входящие (по крайней мере, формально) в состав украинского государства (прежде всего, Крымский полуостров). Соответственно, территориальные притязания Украины на Крым и некоторые другие территории лишены исторической легитимности.

2. Западноукраинская народная республика, то есть, вся Западная Украина, не является частью единого украинского государства, но является частью Польши согласно договору, подписанному УНР и Второй Речью Посполитой (то что мы охарактеризовали как Акт Разлуки).

3. УНР не являлась международно признанным государством, что дало основания ее соседям распоряжаться на ее территории по праву сильного. Военная слабость УНР вместе с отсутствием у нее правовой легитимности и привели к бесславной и скорой гибели этого квазигосударства.

4. Построенная на принципах украинского национализма УНР изначально воспринималась не украинским населением (в частности, городским русским, польским и еврейским населением), а также значительной частью так называемых украинцев как враждебное им и не представляющее их интересов образование. Не случайно в политической практике УНР широко были представлены методы геноцида и этнических репрессий (погромов).

Объективная оценка недолговечной истории УНР позволяет сделать вывод: без внешней поддержки данное квазигосударственное образование было обречено на гибель. Тем самым провал этого варианта государственного строительства был предрешен.

Тем не менее, именно это «государство» избрано за образец правящим истеблишментом современной Украины. Не столь же печальным будет его финал?

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ СТАЛИНА: КАК УКРАИНА ПРИРАСТАЛА ПОЛЬСКИМИ, РУМЫНСКИМИ И ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ЗЕМЛЯМИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ)

Важным этапом формирования территории Украинской ССР были годы, предшествующие Второй мировой войне и 1945 год. По итогам Рижского мира 1921 года, заключенного между Польшей и Советской Россией, Вторая Речь Посполитая получила территории так называемого Закерзонья. *(Примечание. Линия Керзона - демаркационная линия между Польшей и РСФСР, предложенная министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном и рекомендованная в качестве восточной границы Польши. По ней проходила линия расселения белорусов и украинцев. Тем самым в результате агрессивных действий воссозданного Польского государства в его состав были включены западнорусские (белорусские и украинские) земли, подвергавшиеся усиленной колонизации.)*

17 сентября - 5 октября 1939 года в результате Польского (Освободительного) похода Красной армии СССР смог взять реванш за поражение в советско-польской войне 1919-1920 года и вернуть отторгнутые в результате польского вторжения земли Западной Белоруссии и Западной Украины. Источники отмечают: население Западной Белоруссии и Западной Украины восторженно встречали Красную армию как свою избавительницу от насильственной колонизации. «Население встречает нас как освободителей. Мы проходили мимо сел, украшенных красными флагами, — вспоминал участник событий полковник Александр Мисюрев о вступлении подразделений Красной армии в западнобелорусский город Новогрудок. — На домах были вывешены лозунги: “Спасибо товарищу Сталину за освобождение Белоруссии от польского ига”. Девушки дарят красноармейцам букеты цветов. Эти дни стали для населения радостным праздником» (Шевченко 2019, 65). 22 октября 1939 года прошли выборы в Народное Собрание Западной Украины, которое 26 — 28 октября 1939 года приняло решение о вхождении Западной Украины в состав СССР и воссоединении с УССР. 1 ноября 1939 года Верховный Совет СССР на внеочередной V сессии принял закон СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением её с Украинской ССР». 4 декабря 1939 года

Президиум Верховного Совета СССР издал указ о новом административно-территориальном делении бывшей Западной Украины, территория которой была представлена Львовской, Дрогобычской, Тернопольской, Станиславской, Волынской и Ровенской областями.

В 1940 году к Украинской ССР были присоединены территории Северной Буковины (Черновицкой области современной Украины), отторгнутые от Румынии, а в 1945 году — исторический регион Подкарпатская (Угорская) Русь (ныне Закарпатская область). *(Примечание: Угорская Русь или Подкарпатская Русь — историческая область на юго-западных склонах Карпат. Край включает в себя нынешнюю Закарпатскую область Украины и исторический регион Пряшевскую Русь (Словакия), а также ряд соседних районов нынешних Венгрии и Румынии.)*

Присоединение Западной Украины к Украинской ССР в западной и польской историографии именуется «агрессией», «совместным вторжением в Польшу», «четвертым разделом Польши», а Договор о ненападении между гитлеровской Германией и СССР — «нацистско-советским пактом». Обращаю, однако, внимание на несколько обстоятельств:

1. Сталинский СССР в ходе Польского похода Красной армии лишь вернул территории этнографического проживания украинского и белорусского народов, рекомендованных комиссией Лиги наций в 1919 году как восточную границу Польского государства и захваченных последним в результате польско-советской войны.

2. Вхождение Красной армии на территорию Польши произошло 17 сентября 1939 года, когда правительство Польши уже покинуло территорию страны. Тем самым Польша как государство прекратило существование.

3. Сама Польша по итогам Второй мировой войны получила щедрые территориальные и материальные компенсации от Советского Союза за утраченные территории Закарзонья. Этими «подарками Сталина» Польше стали индустриально развитые земли Силезии и другие восточногерманские области. Решение Сталина компенсировать польские территориальные потери за счет Германии — несомненный цинизм. Но как, в таком случае, охарактеризовать поведение Польши: тотальная критика Сталина — и отказ вернуть Германии отторгнутые у неё и переданные Польше всё тем же Сталиным территории? Впрочем, таким же циничным — и

преступным — было согласие западных демократий - союзников СССР в победе над нацистской Германией на эти «подарки».

4. В свою очередь осуждение преступного, по мнению властей современной Украины, характера действий сталинского СССР в сентябре 1939 года логично было бы подкрепить практическими шагами — возвращением отторгнутых территорий Польше. Тем не менее, последнего не последовало. Современная Украина продолжает пользоваться территориальными приобретениям, полученными от тоталитарного сталинского режима (см. карту 6).

Карта 6. Территориальные подарки Сталина Украине.

О возврате демократичной Украиной «незаконно отторгнутых» польских земель речи не идет.

Сталин выступает в роли громоотвода и для поляков, и для украинцев. Те и другие получают щедрые — по-настоящему царские — подарки от «диктатора» и «тирана». Те и другие продолжают пользоваться этими «подарками», одновременно проклиная сталинизм.

Однако солидарность Варшавы и Киева в осуждении Сталина — и «советско-нацистского пакта», как именуется Договор о ненападении от 23 августа 1939 года между Германией и СССР - имеет совершенно разные последствия для обоих государств.

Президент Украины В. Зеленский во время своего визита в Польшу 28 января 2020 года назвал Советский Союз одним из виновников Второй мировой войны. «Польша и польский народ первыми почувствовали на себе сговор тоталитарных режимов. Это привело к началу Второй мировой войны и позволило нацистам запустить смертоносный маховик Холокоста». По его словам, Европа и мир в целом «не имеют права сегодня молчать, как это было в 1939 году» (Зеленский назвал Советский Союз виновником Второй мировой войны 2020).

Заявление Зеленского является повторением официальной позиции польской стороны. 12 августа 2017 года министр иностранных дел Польши Витольд Вашиковский выступил с заявлением, согласно которому Советский Союз вместе с гитлеровской Германией несет ответственность за начало Второй мировой войны (Польша обвинила СССР в развязывании Второй мировой войны 2017). 10 января 2020 года польский Сейм принял документ, в котором возложил на СССР ответственность за развязывание Второй мировой войны наряду с гитлеровской Германией (В Польше в развязывании войны обвинили Советский Союз наравне с гитлеровской Германией 2020).

Намерения Украины солидаризироваться с польскими обвинениями в адрес СССР в развязывании Второй мировой войны эмоционально понятны, но лишены всякой логики. Варшава выполняет политический заказ Запада по очернению России — правопреемницы СССР. Официальный Киев хочет пристроиться к выгодному проекту и получить благодарность со стороны союзницы-Польши в столько щекотливой сфере как политика памяти. Киев и Варшаву разделяют незаживающие исторические раны, наиболее кровоточащая из них — Волынская резня (весна-лето 1943 года), официально осужденная Польским государством как геноцид польского народа руками украинских нацистов. Зеленский, озвучивая польскую трактовку начала Второй мировой войны, надеется «дружить с Польшей против России». Однако, в конечном счете, очернение президентом Зеленским СССР прямо противоречит интересам Украины, поскольку делает ее соучастницей сталинских преступлений. Так как:

1. Украинская ССР получила огромные территориальные приращения в результате Польского похода Красной армии.

2. Украинские нацисты из обеих фракций ОУН (Организация украинских националистов) тесно сотрудничали с нацистской Германией не только против СССР, но и против Польши. А впоследствии организовали истребление польского населения Волыни.

Официальная Варшава умело использует свой богатый опыт в области исторической политики с целью показать Польшу невинной жертвой двух тоталитарных режимов. И навязала эту точку зрения младшему партнеру — киевскому режиму.

Не вызывает сомнений: в известный момент Варшава поменяет полюса отношений к Киеву и предъявит тому обвинительный счет, в который будут включены и «предательский удар в спину польской армии» со стороны ОУН в ходе немецкого вторжения в Польшу и, разумеется, Волынскую резню. Президент Зеленский, желая подыграть польскому коллеге А. Дуде, закладывает мину не слишком замедленного действия. Украина утрачивает легитимное право на несколько областей, отторженных от Польши, Румынии и Чехословакии.

Итак, подведем итоги территориального строительства Украинского государства.

«Украинская казачья держава» (термин политический, а не научно-исторический), а на деле — мятежная территория Польской державы вошла в состав России карликовым непризнанным квазигосударством, а вышла (при развале СССР в декабре 1991 года) одним из крупнейших европейских государств с территорией 603,7 тыс. км². (Для сравнения: территория Федеративной республики Германия после объединения западно- и восточногерманских государств и Западного Берлина — 357 592 км².) Территориальные границы будущей Украины расширились за счет успешных войн Русского царства и Российской империи с Польшей и Османской империей. При формировании территориальных границ союзных республик в СССР советское правительство Ленина пошло на существенное приращение территории Украинской ССР за счет русских исторических земель, включив в ее состав (вопреки мнению населения!) исторических земель Северщины, Слобожанщины, Области Войска Донского, Новороссии и др. Следующая волна территориальных подарков Советской Украине приходится на годы Второй мировой войны: походы Красной армии 1939 и 1940 годов на Польшу и Румынию. А в 1945 году — сделка И. Сталина и Э. Бенеша по обмену территориями, в результате чего Украинская

ССР приросла землями Подкарпатской (Угорской) Руси (ныне — Закарпатская область Украина) (Пушкаш 2006, 436). Жертвами этого обмена стали немцы Судетской области Чехословакии, которые подверглись по условиям сделки насильственному выселению и депортацию с родных земель (Кретинин 2000, 199–220).

Нахождением в едином с Россией государстве Украина обязана не только огромными территориальными приращениями. Не менее значимы те преференции, которые Украина получила от России в сферах промышленного строительства, науки, культуры и образования. Нас интересует культурно-политическая и цивилизационная ситуация на Украине.

УКРАИНА И СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВО: ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ И ОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Украинская ССР была третьей из 15-ти республик СССР по площади территории и второй по численности населения. По состоянию на 1991 год на территории Советской Украины проживало почти 52 миллиона человек (51 944 тысяч человек) (Демографический ежегодник 1991, 9).

Национально-культурная политика советской власти в национальных (как союзных, так и в автономных) республиках была направлена на культивирование, зачастую искусственное, этничности и культурное развитие «титовых» этносов. Так, миллионными тиражами издавались произведения так называемых национальных писателей или авторов, принадлежавших к малым народам СССР. Напротив, в советское время практически невозможно было найти в свободном доступе популярную литературу на русском языке. Парадоксальным образом: чтобы найти дефицитные книги на русском языке некоторые заядлые читатели специально ездили в союзные и автономные республики СССР (личный опыт автора этой статьи).

Советских издателей совершенно не интересовала проблема сбыта: во главу угла ставились не коммерческие, а идеологические интересы.

Весьма последовательно культивировалось изучение и внедрение в культурно-информационное пространство языков народов СССР. Во всех союзных республиках существовали свои телевизионные и радиоканалы, вещавшие на местных языках. Также

действовали киностудии, снимавшие художественные и документальные фильмы. Обязательным было преподавание на местных языках. Так, в период сталинской украинизации 1920-х — 1930-х годов обучение в школах Донбасса, население которого говорило исключительно по-русски, велось исключительно на украинском языке (об опыте сталинской украинизации в ранний советский период см.: Борисёнок 2006).

Однако итоги этой политики искусственного культивирования искусственного украинского языка были в целом провальными. Большинство школьников в восточных, южных и даже центральных регионах Украинской ССР не владели украинским языком.

Два примера из личного опыта автора статьи:

1. За все время жизни в Донецкой области (Украинская ССР) он ни разу не слышал из уст земляков украинскую речь (не считая уроков украинского языка и литературы).

2. Во время поступления в Донецкий государственный университет из примерно 300 абитуриентов лишь один захотел писать вступительное сочинение на украинском языке. Причина «укаинофильства» — несравненно большая простота фонетического украинского письменного языка в сравнении с русским.

Тем не менее, тотальная и последовательная политика советской власти по украинизации населения территорий УССР принесла несомненные плоды. Одним из методов насаждения украинской идентичности были переписи населения по этническому (национальному) признаку. Носители фамилий с характерными малорусскими окончаниями (суффикс «енко» и другие) автоматически записывались в украинцы. (При этом сами «украинцы», как правило, не владели украинским литературным языком и обладали смешанной или плавающей этнической идентичностью: могли себя воспринимать и украинцами, и русскими.)

Включение в состав Украины земель, никогда не являвшихся ареалом расселения малороссов-украинцев и галичан-украинцев определило крайнюю пестроту её этнокультурного и цивилизационного районирования. Совершенно обоснованно современный украинский (на момент написания книги) автор, известный крымский историк Андрей Мальгин утверждает: «Будучи самостоятельным государством, Украина не представляет собой гомогенного культурно-политического единства. На разных ее территориях господствуют различные типы политической культуры и разное видение стратегий развития. Это обстоятельство еще долгое

время будет определять характер идущих в стране политических процессов» (Мальгин 2005, 120). Весьма показательно что одну из глав своего труда автор назвал: «Сколько всего Украин? Региональный портрет страны».

Приведенную выше цитату можно было бы назвать пророческой, если не взять во внимание революционные и катастрофические изменения, произошедшие на Украине менее чем через 10 лет после публикации цитированной книги. Именно недооценка, а точнее, прямое игнорирование «различных типов политической культуры и разного видения стратегий развития» разных «Украин» и привело, в итоге, к отпадению от Украины сначала Крыма и Севастополя, а затем (по состоянию на март 2024 года) и других территорий исторической Новороссии. И, кажется, этот процесс уже не остановить.

Этнокультурная и цивилизационная пестрота очень ярко проявилась в ходе избирательных процессов 1990-х — начала 2010-х годов, что давно было отмечено исследователями (в том числе, украинскими). Еще в 2000-е годы вошло в обиход (в том числе, в статьях автора этих строк) понятие *двух* или, точнее, *трёх Украин* для характеристики электоральных предпочтений граждан Украины.

Автор этих строк в своей рецензии на сборник статей по украинскому вопросу делает вывод о *хуторянских* (хутор — маленькое сельское поселение, колония или выселки вдали от «метрополии» - большого села) корнях украинского сознания. «Украинский национализм — это вовсе не бунт против русскости; в той же мере это бунт и против польскости. Это бунт хуторянина против городской культуры и цивилизации» (Попов 2016).

Политическим экспертам по Украине хорошо знакома карта политического районирования страны в 1990-е — 2000-е годы. Когда по карте электорального поведения можно было безошибочно определить разновекторность геополитических устремлений частей страны, разные герои и разные цели. А равно и отношение к советскому наследству и динамике изменений этих отношений. Чтобы не злоупотреблять вниманием читателя отошлем к специальным работам (Григорьянц В.Е., С.С. Жильцов, А.В. Ишин, А.В. Мальгин, 106–130, 172–183).

На постсоветской Украине до победы евромайдана (21 февраля 2014 года) четко выделились как минимум три «Украины» (Попов 2022, 171–172):

1) Восток и Юг. Языковая ситуация: говорят по-русски (в селах — на так называемом суржике, смеси велико- и малорусских наречий). Самоидентификация: идентифицируют себя с русским имперским и советским историко-культурным наследием. Исторические герои — общерусские (Суворов, Екатерина Великая и др.) и советские (герои Великой Отечественной войны). Конфессиональный аспект: православие канонической Украинской Православной церкви Московского патриархата. Геополитическая ориентация — на тесный экономический, политический и гуманитарный союз с Россией.

2) Запад (три области Галиции, две области Волыни и, с оговорками, Черновицкая область (Северная Буковина)). Языковая ситуация: говорят по-украински или на местных диалектах (совершенно непонятным малороссам-украинцам). Самоидентификация: отождествляют себя с «Европой» (в австро-венгерском (габсбургском) исполнении). Исторические герои — Бандера и Шухевич (руководители политической и военной, соответственно, организации ОУН-р (революционной)). Конфессиональный аспект: греко-католицизм (униатство) в Галиции, православие на Волыни и в Черновицкой области (приходы УПЦ МП либо украинские автокефалисты). Геополитическая ориентация — на вхождение в Европейский союз (в составе единой Украины или отдельно).

3) Центр (Малороссия). Языковая ситуация: говорят преимущественно по-русски (в селах — на так называемом суржике). Самоидентификация: смешанная и менее выраженная самоидентификация, переходная между Западом и Югом и Востоком. Исторические герои — украинские (Богдан Хмельницкий, Тарас Бульба (литературный персонаж), реже — герои Великой Отечественной войны. Динамика изменений — в сторону сближения с Западом страны. И, соответственно, рост привлекательности западного вектора интеграции.

Из данной схемы выпадает крайний западный регион страны — Закарпатская область (Подкарпатская Русь), чье электоральное поведение напоминало, тем не менее, восточные, а не западные регионы страны.

Также помимо ориентации по линии «Восток-Запад» и «Север-Юг» целесообразно задействовать не географический критерий «город-село» (русский город — украинское село).

Отмеченные характеристики применимы к ситуации на Украине до победы так называемого евромайдана и, особенно, до начала специальной военной операции (24.02.2022). После государственного переворота 21 февраля 2014 года на Украине установлен тоталитарный и де-факто оккупационный режим. И выражать мнения и устремления, идущие вразрез с официальным курсом на агрессивную русофобию стало смертельно опасно.

УКРАИНА ПОСЛЕ ПРОЗАПАДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРТА: ПРОТИВРЕЧИВОЕ СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Подведем итоги и коротко отметим изменения в области исторической и культурной, а также языковой политики, произошедшие после 2014 года:

В области **государственного строительства** государство Украина решительно порвала с советским наследством и ведет генезис новейшей государственности от Украинской народной республики. Правопреемство от УНР несет несомненные риски для современной Украины. И, прежде всего, ставит под сомнение легитимность существующих территориальных границ. То, что в настоящей статье охарактеризовано как Акт Разлуки - предательство диктатором УНР её младшего партнера ЗУНР — подрывает исторические и морально-правовые основания права нынешней Украины на обладание территорией Западной Украины, переданной Второй Речи Посполитой (Польше). Эти основания еще более теряют в силе вследствие солидаризации Украины в лице её президента Зеленского с официальной позицией Польше о причинах начала Второй мировой войны. Польский национальный миф гласит: сталинский СССР наряду с гитлеровской Германией нападением на Вторую Речь Посполитую развязал Вторую мировую войну. Соответственно, не было Освободительного похода Красной армии и освобождения из-под польского ига западноукраинских и западнобелорусских земель. А было завоевание двумя агрессорами исторических польских земель. Данный миф антиисторичен, но выгоден современным польским властям. Напротив, принятие его Зеленским и украинским государством прямо делегитимизирует права Киева на территорию 5-ти областей Западной Украины, входивших в состав межвоенной Польши. Сказанное относится

также к территории Северной Буковины (Черновицкой области), отторгнутой «тоталитарным сталинским режимом» у Румынии в 1940 году, и Подкарпатской (Угорской) Руси, обмененной у Чехословакии на Судетскую область. Итак, последовательная линия украинских властей на очернение советского наследства неизбежно лишит ее прав на 7 областей на западных границах страны. (Этот вывод-прогноз был нами сделан еще в 2009 году (см.: Попов 2009).

В области **языка**: парадоксальным образом постсоветская (и, особенно, постмайданная) Украина, радикально и зачастую в ущерб себе отказавшаяся от советского наследства унаследовала практики советских времен и, особенно, опыт так называемой сталинской украинизации. Таким образом, современная Украина, подвергшая анафеме СССР и «тоталитарный сталинский режим», на практике проводит политику искусственного и насильственного насаждения украинского языка. Соответственно, русский язык, на котором говорит подавляющее большинство населения Украины, и языки коренных народов и национальных меньшинств страны вытесняются из культурно-образовательного пространства (Попов 2020, 299–300)

В области **нациестроительства** (строительства нации): политика украинских властей в послесоветский период претерпела существенные изменения. Периоды радикальной украинизации сменялись периодами послаблений и относительно мягкой унификации. И, тем не менее, даже в самые либеральные периоды русский язык так и не получил статуса государственного языка, а русские Украины не были признаны вторым (наряду с украинцами) народом — создателем Украины. Украина после государственного переворота 21 февраля 2014 года взяла на вооружение (только в гораздо более радикальных формах) практики насильственной украинизации, применяемой в сталинском СССР. Прежде всего это касается русских Украины. Спикер Верховной рады Р. Стефанчук озвучил цели политики украинского государства в отношении русских Украины: «Его (*русского народа*. - Прим. «Российской газеты») права должны быть ущемлены», - цитирует слова Стефанчука «Страна.иа» (Спикер Рады Стефанчук призвал ущемлять права русских на Украине 2023). При этом искусственное насаждение украинской национальной (этнической) идентичности в советский период — тема, о которой предпочитают не говорить в современной Украине. Напротив, там насаждается историческая

мифология о якобы антиукраинской политике в СССР. Одним из инструментов насаждения этого антиисторического знания является кинематограф. Молодым поколениям жителей Украины посредством кино и других форм информационной политики навязывается мифы, противоречащие исторической действительности (Popov 2024, 181–182). Благодаря тотальной украинизации и запрету на альтернативные источники информации данная методика работает весьма эффективно.

Итак, стратегии современного украинского государства в области политики памяти и культурной политики применительно к советскому историческому и культурному наследию характеризуются противоречивым отношением. Табуирование советского опыта (и наследия), даже таких несомненных достижений Украинской ССР как территориальные приращения, создание мощнейшей научно-образовательной, индустриальной и экономической базы (и многое другое) — и принятие на вооружение стратегий и практик по искусственному и насильственному насаждению украинского языка и украинской этнонациональной идентичности. Отмеченные особенности культурной политики и исторической политики современной Украины говорят об исключительно противоречивом ее характере. Для ее характеристики воспользуемся терминологией русского историка Льва Гумилева: Украина — историко-культурная и идеологическая химера. То есть, искусственное, внутренне противоречивое и потому нежизнеспособное и недолговечное образование.

Полагаем, осталось не столь много времени убедиться в справедливости или ошибочности сделанного нами вывода.

ЛИТЕРАТУРА

- Popov, Eduard. 2024. «“KILL THE RUSSIAN... IN YOURSELF” Images of Donbass, Russia, and Russians in modern Ukrainian cinema». *Fim and politics*, ed. Ivan Matic, 173–189. Belgrade: Institute for Political Studies.
- Аршинов П.А. 2018. *История махновского движения*. 1918-1921 гг. Москва: Вече.
- Багалей, Дмитрий Иванович. 1887. *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства*. Москва: Издание

- Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете.
- Борисёнок, Елена Юрьевна. 2006. *Феномен советской украинизации, 1920-1930-е годы*. Институт славяноведения РАН. Москва: Европа.
- Библиотекарь. Ру. н.д. «Вечный мир с Польшей 1686 года». Дата обращения: 05.03.2024. <https://bibliotekar.ru/2-8-99-14-carevna-sofiya-i-petr-1/12.htm?ysclid=lted49846h590710852>
- Водолацки, Виктор, Попов, Едуард. 2022. «Мозаичке Украјина: идеолошка реторта и историјска позадина рата у Донбасу». *Историја као инструмент геополитике*. ред. Милошевић Зоран, 481–487. Београд: Институт за политичке студије.
- Григорьянц В.Е., С.С. Жильцов, А.В. Ишин, А.В. Мальгин. 2011. *Федерализация Украины : к единству через разнообразие*. Москва: Восток – Запад.
- Грицкевич, Анатолий Петрович. 2011. *Борьба за Украину 1917-1921*. Минск: Современная школа.
- Демографический ежегодник. 1991. Москва: Статистический комитет Содружества независимых государств.
- Елисева, Ольга. 2016. *Григорий Потёмкин*. (Серия «Жизнь замечательных людей»). Москва: Молодая гвардия.
- «Зеленский назвал Советский Союз виновником Второй мировой войны». РИА Новости. 28.01.2020. Дата обращения: 17.03.2024. <https://ria.ru/20200128/1563949212.html>
- Григорьев, Максим Сергеевич и др. 2023. *История Украины: монография*. 2-е издание, дополненное. Москва: Международные отношения.
- Ключевский, Василий Осипович. 2018. *Курс русской истории*. Москва: Издательство АСТ, 2018.
- Кочегаров Кирилл Александрович. 2008. *Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире*. Москва: Индик.
- Кретинин С.В. 2000. *Судетские немцы: Народ без родины. 1918-1945. гг.* Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- де Мадариага, Исабель. 2002. *Россия в эпоху Екатерины Великой*. Москва: Новое литературное обозрение.

- Макидонов А.В. 2011. *Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века*. Запорожье: Просвита.
- Мальгин Андрéй Витáльевич. 2005. *Украина: Соборность и регионализм*. Симферополь: СОНАТ.
- Национальное самоопределение столицы украинской республики. 2022. Журнал «Малая Русь» (Киев, 1918): репринтное переиздание под редакцией М.А. Колерова. Москва: Модест Колеров.
- Плохий С. 2018. *ВРАТА ЕВРОПЫ. История Украины*. Москва: АСТ.
- Попов Е. 2024. “Kill the Russian... in yourself” Images of Donbass, Russia, and Russians in modern Ukrainian cinema. *Film and Politics*. ed. Ivan Matic. 173–189. Institute for Political Studies: Belgrade
- Первый канал. 2020. «В Польше в развязывании войны обвинили Советский Союз наравне с гитлеровской Германией». Первый канал. 10 января 2020. Дата обращения: 17.03.2024. https://www.itv.ru/news/2020-01-10/378634_v_polshe_v_razvyazyvanii_voyny_obvinili_sovetskiy_soyuz_naravne_s_gitlerovskoy_germaniei?ysclid=ltvtbefe8f461146643
- Попов, Эдуард. 2016. «О хуторянских корнях украинского национального сознания». Рецензия на сборник: Украинский вопрос в русской патриотической мысли. Составление, предисловие, послесловие и примечания: д-р ист. наук, проф. Минаков А.Ю. – Москва: Книжный мир.
- Попов, Эдуард. 2022. «Постсоветская Украина: субъективно-объективный взгляд на историю неустоленной державы». *Национални интереси* 42 (2): 171–184. Београд: Институт за политичке студије.
- Попов, Эдуард. 2020. «Русский язык и постсоветская Украина: история и современное состояние проблемы». *Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII–XXI веках*, ред. Шевченко, Кирилл Владимирович, 282–301. Београд: Институт политических исследований.
- Попов, Эдуард. 2009. «Украина како геополитическое недоразумение. Страну начинают делить западные соседи?». *Столетие*. 25.02.2009. Дата обращения: 19.03.2024. https://www.stoletie.ru/politika/ukraina_kak_geopoliticheskoe_nedorazumenie_2009-02-25.htm?ysclid=ltxhk0cq3j92541701.
- Путин, Владíмир Владíмирович. 2021. «Об историческом единстве русских и украинцев». Kremlin.ru 12 июля 2021. Дата обращения: 19.03.2024. <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>
- Пушкаш, Андрей Иванович. *Цивилизация или варварство:*

- Закарпатье 1918-1945.* Институт славяноведения РАН. М.: Издательство «Европа», 2006.
- Спикер, Рады. 2023. «Стефанчук призвал ущемлять права русских на Украине». Российская газета. 20.11.2023. Дата обращения: 19.03.2024. <https://rg.ru/2023/11/20/spiker-rady-stefanchuk-potreboval-ushchemliat-prava-ruskoiazыchnyh-zhitelej-ukrainy.html?ysclid=ltxinjp9xm126016747>
- ТААС Информационное агентство России. 2016. «Парубий: Рада должна законодательно признать Украину преемницей УНР и советскую оккупацию». ТАСС. 24.08.2016. Дата обращения: 18.03.2024. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3564563?ysclid=ltxlumecf5617872691>
- ФГБУ «Редакция „Российской газеты“» 2017. «Польша обвинила СССР в развязывании Второй мировой войны». 2017. *Российская газета*. 12.08.2017. Дата обращения: 17.03.2024. <https://rg.ru/2017/08/12/polsha-obvinila-sssr-v-razviazыvanii-vtoroj-mirovoj-vojny.html?ysclid=ltvt2kvxk5582271537>
- Харузин М. 1885. *Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права.* Выпуск 1. Москва.
- Шевченко, Кирилл Владимирович. 2019. «Картины варварства и глупости: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг.». *Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала.* ред. В. Ю. Крашенинниковой, О. Г. Назаров. Москва: Издательство «Кучково поле».
- Экземплярский, Андрей. 2019. *Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.* Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 1. Москва: Центрполиграф.

Prof. Dr. Eduard Popov, Russian Federation*Rostov State Medical University**Rostov-on-Don***UKRAINE: HOW TO MANAGE THE SOVIET HERITAGE?***(An attempt to analyze the politics of memory and symbolic politics)***Abstract**

The article analyzes the policy of historical memory and cultural policy pursued by the authorities of modern Ukraine. An excursion into the history of the formation of the territorial borders of the future Ukraine is conducted. They were formed within the framework of the Russian State (during the periods of the Moscow State and the Russian Empire). This process was completed during the Soviet period at the beginning of the Second World War and after its completion. The policy of post-Maidan Ukraine in the field of language and nation-building is being studied. The conclusion is made about the inconsistency of the cultural and historical policy of the Ukrainian authorities in relation to the Soviet legacy. Modern Ukraine is characterized as an ideological chimera – a contradictory and unviable state formation.

Keywords: *Ukraine, MaloRossia (Little Russia), Soviet heritage, historical politics, cultural policy, collaboration, violent Ukrainization, ideological chimera.*

**Профессор д-р Иван Андреевич Иванников,
Российская Федерация**

*Сочинский филиал «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Сочинский государственный университет
Сочи*

ИДЕОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ XXI ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена месту исторической памяти и правовой культуры в системе ценностей. Цель исследования заключается в показе роли идеологии и правовой культуры на формирование государственно-правовых ценностей современного российско-го общества, построения концептуальной модели феномена России будущего. Автор считает, что действия субъектов государственной власти суверенных государств будут более эффективны при закреплении в конституции государства базовых ценностей и постоянное их отражение в СМИ, воспитательной работе.

Ключевые слова: *историческая память, правовая культура, государственно-правовые ценности, государственное правосознание, идеология.*

История человечества – это в первую очередь борьба сторонников тех или иных идей, ценностей, идеологий, культур, религий, за социальную справедливость, историческое право на землю и историческую правду. Жизнедеятельность людей в первой трети

XXI века происходит в условиях борьбы за концепт исторической памяти, устойчивость которой зависит от влияния на граждан политико-правовых идеалов прошлого и настоящего. С 2007 года Россия вступила в новый исторический период своего цивилизационного и политического развития, связанного с обретением своей независимости от Запада. В.Н. Шевченко альтернативный путь развития России назвал вызовом Западу, который в перспективе будут выбирать «...все большее число государств-цивилизаций» (Шевченко 2010, 9).

Россия, начав 24 февраля 2022 года Специальную военную операцию на территории Украины, находится на трудном и переломном этапе своей истории. Появились новые вызовы, стоящие перед 146 миллионным российским населением, которые требуют оптимизации духовной жизни общества, способной интегрировать и мобилизовать граждан для решения задач по обеспечению поступательного развития российского общества по новому политическому курсу, который определила государственная власть. В этих условиях необходимо проанализировать историю России, изучать идеи прошлого. Этому мешает дефицит непредвзятого исследования прошлого и настоящего.

По определению Е.А. Яблоковой (1937-2010) историческая память как элемент структуры исторического сознания есть важный фактор формирования личности и общества (Яблокова 2016, 96). В свою очередь структура исторического сознания состоит из двух компонентов: 1) исторической психологии (желания индивида, его переживания и чувства, эмоции, влияющие на восприятие исторических событий); 2) исторической идеологии (исторические знания, идеи, ценности). Индивид перенимает эти знания и ценности от своего окружения. Благодаря им субъект осуществляет анализ истории своего народа и государства. Субъекты государственной власти, за счет планомерно выстроенной политики, способны влиять на историческую память. Это может происходить благодаря воспитательной работе среди молодежи, распространению устоявшихся ценностей и выстраиванию достоверных исторических фактов. Стирание исторической памяти и правды происходит после переименований названий городов, улиц, государств, замене национального языка на какой – либо иной, навязываемый субъектами реальной власти. Со временем ложь может приобрести легальность. И тогда историческую память можно сохранить только

в художественном наследии, кино, поэзии, песнях, музыке и иных формах. Искусство должно воспитывать. В интересах государственной власти, чтобы искусство воспитывало население государства.

Правильно выстроенная система ценностей общества и отдельных индивидов способствует не только формированию положительного отношения к истории своего народа, но и к институту семьи, государственной власти. Историческая память как часть духовной культуры включает правовую и политическую память, непосредственно связана с идеологией.

С помощью идеологии обосновываются цель и задачи, внешняя и внутренняя политика государственной власти. Но сама государственная идеология, которая может существовать при других незапрещенных законами идеологий, есть часть государственной культуры. На протяжении истории всех государственно организованных обществ существовали идеологии, которые защищали тот или иной тип жизни общества и форму государства. Чем образованнее становилось общество, тем больше была потребность в обосновании государственно-правовых ценностей.

В Российской Федерации с 1990-х годов сложилась парадоксальная ситуация: согласно статье 13 Конституции Российской Федерации 1993 года официальной идеологии в государстве быть не должно, но в этом же юридическом документе закреплены либеральные ценности в 1 и 2 главах. После внесения изменений в Конституции Российской Федерации 2020 года в Преамбуле и в статье 67.1 появились новые ценности, подчеркивающие особенности России.

В вопросах сохранения исторической памяти русский народ пережил несколько потрясений.

Вначале была стерта историческая память дохристианской, а потом до монгольской Руси.

Историческую память допетровской Руси частично забыли после реформ Петра I. Заслуга Петра I в том, что он, используя западные технологии, обеспечил России суверенитет.

Ценности Российской империи большевики уничтожали первые двадцать лет Советской власти, борясь с церквями, памятниками, уничтожая интеллигенцию. В.П. Проценко (1945-2022) отмечал, что национальная идеология в Российской империи «...до 1917 года в основном совпадала с государственной...», но «после 1917 года русская национальная идеология оказалась под фактическим

запретом, а ее сторонников подвергали репрессиям» (Проценко 2004, 61–65). Её сменил «марксизм-ленинизм», который де факто не был целостным учением. При наличии государственной идеологии образование и искусство были направлены на поддержание авторитета государственной власти.

Успехи периода Советской России «очерняли» и стирали в памяти народа в годы «перестройки» и модернизма 1990-х годов. Культурная функция государства в 1985-1991 годы была перестроена в развлекательную функцию. Сербский социолог Зоран Милошевич, анализируя ситуацию в Сербии, отметил: проводники идей Сороса и получатели грантов под видом науки распространили идею «...о том, что истории нет, а значит, нет и культуры памяти. Есть только «культурные воспоминания» - то, что помнит живой человек. Все остальное – фикция, непроверенная информация» (Милошевич 2023, 225). Это же происходило и в Российской Федерации. После 1993 года политическим и правовым воспитанием населения государственная власть не занималась, так как эти направления деятельности были ранее ветвями идеологической функции государства, которая официально была отменена. Государственные органы следовали международным правовым стандартам, европейским ценностям, которые распространялись при помощи ЕСПЧ и других международных институтов. Если следовать тезису, что «концептуальное определение правовой культуры как части общей культуры исходит из ее сущности, которая определяется знанием права, умением его применять и действовать не по совести, а по справедливому закону, принятому на референдуме» (Иванников 2021, 10), то в России рос правовой нигилизм, снижалась правовая культура общества. Следствием этих процессов явилась криминализация государственной власти.

Существенные изменения в культуре исторической памяти в мире произошли в конце XX века, когда СССР и СФРЮ потерпели кризис в идеологии, а затем в межнациональных отношениях и в экономике. Процесс дезинтеграции граждан СССР и СФРЮ завершился исчезновением этих государств с политической карты мира. Прекращение СССР (исторической России), как суверенного государства, привело к войне между нациями за историческое право на землю.

Современная Россия перестала влиять на выбор ценностей стран постсоветского пространства. В самой России еще не написано

правдивой истории XX века и истории СССР как государственно-правовой формы России в XX столетии. В Китае компартия воспринимает И.В. Сталина как историческую личность. Как известно, в КНР роль И.В. Сталина в истории оценивают по формуле Мао Цзэдуна: (30 % ошибок и 70 % заслуг). Эта оценка «...всегда имела для китайского руководства не абстрактно-теоретический, а политико-прагматический смысл» (Поцелуев, Мэн Юйфэн 2023, 16).

В начале XXI века часто стали обращаться к примерам законопослушности и верности Родине периода Российской империи, к образам таких личностей как Гавриил Романович Державин (1743-1816), Пётр Аркадьевич Столыпин (1862 – 1911). Этот список можно дополнить теми, кто защищал территориальную целостность и государственную целостность СССР.

Культура исторической памяти – это наследие народа, включающее тексты, церемонии, памятники, праздники, кино, которые связаны с прошлым. Система ценностей инерционна, так как замена ценностей в законах не приводит к быстрому изменению правового сознания населения, к изменениям в правотворчестве и реализации права. Ценности всегда были причиной разъединения или консолидации стран и народов.

В оценке прошлого в России необходимо объективно отразить национальные отношения, акцентируя внимания не на противоречиях, а на позитивном в истории славянских народов.

Идеология нужна для разработки теоретических положений, которые подтверждают место государства в системе международных отношений, в преодолении несправедливой гегемонии отдельных государств и государственных союзов.

Государственная власть с большей степени вероятности эффективна и достигнет своих целей, если идеологически мотивирована, занимается воспитанием населения, формированием не только исторической, но и культурной памяти, государственного правового сознания.

Ценности нужно передавать от одного поколения другому поколению и периодически повторять, чтобы они не были забыты, стерты. Государственная власть обязана заботиться о том, чтобы информационный вакуум не был заполнен новыми, разъединяющими общество, порой чуждыми антиценностями. Необходимо постоянная борьба с искажением истории народа, его культуры и обесцениванием ценностей. В этой работе огромная

роль принадлежит деятелям науки, работникам образования и культуры, которые через искусство постоянно могут культивировать национальные ценности, отражая в произведениях историческое прошлое, тем самым тренируя историческую память всех граждан и воспитывая молодое поколение.

На протяжении веков музыка являлась, хоть и факультативным, но инструментом управления в государстве. Роль музыки была символической. С появлением такого факультативного признака современного государства как государственный гимн, значение музыки возросло. Государственный гимн формирует мировоззрение граждан, воспитывает гордость за свой народ и государственную власть.

В заключении можно сделать следующие выводы.

Марксистско – ленинская, либерально-буржуазная государственные идеологии в России XX века были обусловлены институциональной спецификой государства. Концептуально эти идеологии были во многом заимствованы, не учитывали предшествующий опыт исторического развития России. Эти идеологии включали в себя духовно-политические искания советских реформаторов 1917-1985-х годов, которые имели ошибки и успехи. Могут ли они помочь политико-правовому мышлению современного руководства России продуцировать новые смыслы как формы знания, ориентированного на сознание фундаментальных проблем современности? Могут, но не все.

Государственная власть управляет обществом не только с помощью механизма государства, но и ценностями, исторической памятью. Размышление об этом приводит нас к вопросу о государственной памяти, которая подкрепляется красивой музыкой, стихами, историческими фильмами, законопослушностью субъектов государственной власти и общества в целом. Когда у народа нет исторической памяти, основанной на ней правовой культуры, нет и общей цели, политического единства общества и мал авторитет власти, то наступает политический кризис.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванников, Иван Андреевич. 2021. *Государственно-правовые ценности России*. Таганрог: Издательство Южного федерального университета.
- Милошевич Зоран. 2023. *Геополитика*. С-Петербург-Москва-Минск-Белград.: Арт-Экспресс, ЛИТО «Свежий взгляд».
- Поцелуев, Сергей Петрович, Мэн Юйфэн. 2023. «К специфике рецепции И. Сталина в идеологии китаизированного марксизма». *Парадигмы управления, экономики и права*. № 2, 7 – 21. г. Волгоград: Издательско-полиграфический центр
- Проценко, Валерий Петрович. 2004. *Система и антисистема права*. Краснодар: «Советская Кубань».
- Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла после Литургии в Храме Христа Спасителя (sdamp.ru) (дата обращения 22 сентября 2023 года).
- Шевченко, Владимир. 2016. «Предисловие». *Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ*. Спиридонова, Валерия Римма Соколова. Москва: ИФ РАН.
- Яблокова, Евгения. 2010. «Историческая память как феномен духовной культуры». *Государственная служба*. п 3: 94 – 98. Москва: Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Prof. Dr. Ivan Andreyevich Ivannikov, Russian Federation

*All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), Sochi State University
Sochi*

**IDEOLOGY OF HISTORICAL MEMORY AND LEGAL
CULTURE IN RUSSIA IN THE TWENTIETH CENTURY
IDEOLOGY OF HISTORICAL MEMORY AND LEGAL
CULTURE IN RUSSIA IN THE XXI CENTURY**

Abstract

The article is dedicated to the place of historical memory and legal culture in the value system. The purpose of the study is to show the role of ideology and legal culture in the formation of state-legal values of contemporary Russian society, to build a conceptual model of the phenomenon of Russia of the future. The author believes that the actions of the subjects of the state government of sovereign states will be more effective when the basic values are included in the constitution of the state and their constant reflection in the media and educational work.

Keywords: *historical memory, legal culture, state legal values, state legal awareness, ideology.*

Prof. Dr. Zoran Milošević, Republic of Serbia

*Institute for Political Studies
Belgrade*

HISTORICAL MEMORY AND POLITICS OF MEMORY IN SERBIA*

A contribution to the study of NATO's action against the cultural memory in Serbia through examples of street renaming in Belgrade

Abstract

If we analyze historical memory and the current politics of memory in Serbia, it becomes clear that World War II is not over yet. There is a war waged collectively by NATO and the West against the recollections of heroic feats of the Red Army, as well as of a full constellation of Russian scientists, writers and other distinguished figures, in collaboration with the "Fifth Column" they created in Serbia. To say that this is a "revenge of the defeated" or a "cultural war" would be a major understatement, as they are seeking to completely erase history, the memory of historical milestones among the Serbs and Russians and to impose the present one (remembrance of those living today), which labels both Serbs and Russians as modern-day villains (genocidal nations) that do not deserve to exist.

Key words: *Memory, remembrance, history, politics, culture, Second World War*

The common definition of the cultural memory says that it is the symbolic heritage represented in texts, ceremonies, monuments,

* This article was created as part of the scientific research activity of the Institute for Political Studies funded by the Ministry of Science and Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia.

celebrations, holly scriptures and other media that serve as mnemonic prompts of meaning related to the past events. Under the same concept, the terms: culture of remembrance, national memory and cultural memory are often used **as synonyms** (however, we will show later the distinction in the meaning of the two terms).

In Serbia, the politics of memory is placed in the context of the politics of identity (national and religious), or the construction of cultural identity (Asman 2011 ; Đukić 2017').

However, Serbia's state sovereignty, including in the sphere of culture, has been significantly reduced following NATO's aggression against the Federal Republic of Yugoslavia (1999), the occupation of Kosovo and Metohija and the breakup of the Serbia-Montenegro Union by the (staged) referendum in Montenegro (Jušković 2016) and then, by an aggressive building of an anti-Serb identity among Montenegrins who accepted the new reality. Today's Serbia is clearly not a sovereign state, notwithstanding its membership in all international organizations including the United Nations, and its government includes members of various Western globalist organizations, from the Trilateral Commission to the Knights of Malta (Srbija danas 2014 ; Slobodna Bosna 2016; Espresso 2019).²

The fact is that the people fought hard for freedom and that political elections brought more freedom (especially during the government headed by Vojislav Koštunica), but the West quickly quashed these processes and imposed its own figures who controlled the political and cultural sphere. (Milošević 2020).

Even the sphere of the everyday life and the cultural memory were not spared from these developments. An example of the struggle in the sphere of the cultural memory is the controversy surrounding the street names in Belgrade, especially those with the names of Soviet generals and marshals, or in fact, any Russian figures. "Most East European cities renamed their streets after the fall of communism, but this process has been particularly radical in Belgrade", notes Lea Willingham. (Balkan Sight 2016).

¹ Vesna Đukić's monograph actually deals with the topic of sustainability of national identity based on the principle of cultural sovereignty of the state.

² In the Trilateral Commission, in addition to Minister Mihajlović, there are also: Prime Minister of the Government of Serbia Ana Brnabić, Jovan Kovačić – journalist (President of the Trilateral Commission in Serbia), Dejan Novaković – State Secretary in the Ministry of Energy, Aleksandar Nikolić – State Secretary in the Ministry of Defense, Miroslav Vesković – rector of the University of Novi Sad, Zoran Basaraba – Ambassador of Serbia in Israel, Đorđe Vukotić – advisor for regulatory issues in the Ministry of Energy, Marko Blagojević, head of the Office for Reconstruction of Flooded Areas.

By 2004, he the Belgrade City Council for Naming Streets and Squares renamed **almost 200 streets**, including those named after Josip Broz Tito, Karl Marx and the Red Army, Soviet armed forces that helped liberate Belgrade from the Nazi occupiers in 1944.³

In 1990, out of 150 streets in the old part of Belgrade, 25 names were in one way or another associated with socialism or with the Second World War. Today, only four or five streets retain their names from that era. Even the streets named after Marshal Tolbukhin and General Zhdanov⁴ – the liberators of Belgrade, were renamed.

However, that process has not been completed. In May , the then City Manager Goran Vesić stated that submitted an initiative to the Council to change the names of Gotse Delchev Street and Pohorska Street in New Belgrade with the names of the Soviet generals from World War II, Marshal Fjodor Tolbukhin and Vladimir Zhdanov.

The two commanders were in charge of the Red Army troops during the liberation of Belgrade in 1944 and the streets that once bore their names were located in the City center – presently Makenzijeva and Resavska.

Belgrade authorities later named two suburban streets after Soviet war heroes, but only after Serbia strengthened its ties with Putin's Russia a few years ago. In order to preserve the memory of their contribution to the liberation of Belgrade, Vesić suggests that more important streets should bear their names.

WHO CHANGED STREET NAMES – THE SERBIAN STATE OR NATO (- SERBS)?

As part of this “war for the interpretation of history“, over the last twenty years or so, while the **Serbian Renewal Movement** and

³ The following units of the Red Army participated in the liberation of Belgrade: 4th Guards Mechanized Corps under the command of Lieutenant General Ždanov, composition: 13th, 14th and 15th Mechanized and 36th Tank Brigades, 230th Howitzer Artillery Regiment, 140th Mortar Regiment, The 58th Guards Mortar Regiment, the 42nd Fighter Anti-Tank Artillery Brigade, the 22nd Anti-Aircraft Artillery Division and the 218th Independent Engineer Battalion, then the 5th Independent Guards Motorized Brigade, the 73rd Rifle Division, the 236th Rifle Division and the 5th Guards Mechanized Corps is, together with reinforcement units, had in its composition 17,022 fighters, 160 tanks, 21 self-propelled artillery pieces, 31 armored cars, 366 cannons and mortars. Rifle divisions had between 7,500 and 8,000 fighters.

⁴ Having gone, as a member of the Soviet military delegation, to the celebration of the 20th anniversary of the liberation of Belgrade, on October 19, 1964, Lieutenant General Vladimir Ivanović Zhdanov lost his life in a plane crash at Avala.

Democratic Party held power in Belgrade, street signs named after prominent anti-fascist fighters were systematically erased from the streets of Belgrade in several waves under the excuse of anti-communism, notes Tanja Jovanović. (Vreme 2014). It should be added that the Serbian Renewal Movement leader, Vuk Drašković, who was even Serbia's Minister of Foreign Affairs at one point, is actually a NATO lobbyist, and was named the Euro-Atlantic Person of the Year in recognition of his merits (Milošević 2012), as well as other awards.

Both Serbian and non-Serbian media reported that the International Institute for Security declared the President of the Serbian Renewal Movement and former Minister of Foreign Affairs Vuk Drašković Euro-Atlantic Person of the Year 2011 (Vojvodina Radio Television 2012). "Through his **activities and public appearances**, Vuk Drašković presented to the Serbian public all the benefits of the country's participation in a security system such as NATO, while at the same time bringing Euro-Atlantic values closer to Serbian citizens of Serbia, resolutely and comprehensibly, shifting this important topic from an emotional to a rational point of view", says the Institute's press release. One of those values is Russophobia and anti-communism.

Drašković demanded that Serbia join NATO immediately, because it could not join the European Union without that ticket.

It is clear that NATO and the collective West, through the Serbian “fifth column”, removed everything that would remind the Serbs of their brotherhood and togetherness with the Russians. This removal was radical because the West wanted a radical transformation of the Serbian cultural memory. Apart from the streets named after Soviet and Russian figures, the Russian language was also targeted (Milošević, 2020a) and banished from the Serbian education system, and the media were strictly forbidden to report positively about Russia.

Marshal Tolbukhin

It would thus take decades to undo all the political, cultural and other nonsense of the Serbian “fifth column” done from 1999 until its subsequent, if partial, shedding of the Euro-Atlantic straitjacket. However, it is important to note that, thanks to the activity of the Russian side, the Russian liberators of Belgrade regained their streets (Embassy of the Russian Federation 2016). **A great injustice towards the heroes and liberators of Belgrade Marshal Tolbukhin and General Zhdanov was rectified by naming the streets after them**, stated the Deputy Mayor of Belgrade, Andreja Mladenović.

Following the changes of 5 October (1999 and the colored revolution, when pro-Western politicians gained power), Belgrade authorities, disregarding certain historical events, restored old names to the central streets in Belgrade without paying attention to the possible infliction of

historical injustices.⁵ Thus, the Russian marshal and the general who led the liberation of Belgrade on October 20, 1944 remained nameless. Marshal Tolbukhin got, admittedly, a street on the outskirts, in the Belgrade suburb of *Žarkovo*.

The Belgrade City authorities decided to rename Pohorska and Gotse Delchev streets in New Belgrade and give them the names of Soviet military commanders. Thus, Gotse Delchev Street became Marshal Tolbukhin Boulevard, and Pohorska Street became General Zhdanov Street. “Today, in marking the 72nd anniversary of the liberation of Belgrade, we repay the debt and correct the great mistake made to the heroes, the liberators of our capital. I apologize to the Russian people and the Russian Federation for that mistake, that the streets that truly belong to these great men who made a great contribution to our freedom today, do not bear their names today. I hope that the residents of New Belgrade and Zemun who live in these streets will be able to say with pride that they live in the streets of Marshal Tolbukhin and General Zhdanov” (Embassy of the Russian Federation 2016), Mladenović emphasized.

⁵ Operation Belgrade (or Belgrade Offensive) represents one of the largest and most significant battles in the Balkans during World War II. The operation lasted from 12 to 20 October 1944 and was part of an extensive operational plan of the Third Ukrainian Front of the Red Army and the First Army Group of the National Liberation Army of Yugoslavia (NLAY), as an uninterrupted continuation of the operations in Eastern Serbia and was followed by pushing the enemy through Srem. In this operation, the joint NLAY-Red Army units inflicted a heavy blow upon the German Serbia Army Group, liberated Belgrade, the capital of Yugoslavia and large parts of Serbia.

The Russian ambassador in Belgrade, Aleksandar Chepurin, stated that justice has prevailed and that the heroes have recovered what rightfully belongs to them and reflects their dignity. “Thanks to the Serbian people’s generosity, street names of the Belgrade liberators are back”, he added. “I would also like to explain the nature of this heroes’ feat. When the Soviet army approached Belgrade, it was able to capture the City almost without losses. It could take everything down by using aircraft and heavy artillery. But in that case, the historical center of Belgrade would not have been preserved. Marshal Tolbukhin, in agreement with the Yugoslav side, decided to design a plan for the capture of Belgrade as part of a ground operation, together with the Yugoslav partisans. Thanks to that, the historical face of Belgrade was saved”, Ambassador Chepurin said (Embassy of the Russian Federation. 2016a).

Ambassador Chepurin said: “The price paid for that decision is 4,000 dead and 14,000 wounded Red Army members and partisans, Chepurin concluded. The commemoration of the 72nd anniversary of the liberation of Belgrade proceeded with a memorial parade through Kralja Milana Street and the laying of wreaths at the cemetery of the liberators at Belgrade’s New Cemetery, followed by the official ceremony at the National Theater and a concert by the Academic Ensemble of the Russian National Guard in the Sava Center tonight” (Embassy of the Russian Federation, 2016a).

General Zhdanov

These symbolic victories over NATO lobbyists and NATO itself in Serbia would not have happened if the citizens of Serbia had not protested against the westernization of the streets in Belgrade. Thus, the following could also be read in the defense of the “Russian streets”. (Nova srpska politička misao 2009):

“Russian civilization is European civilization. Moscow and St. Petersburg are European cities, no less than Rome, London, Madrid... The foundations of modern Europe were laid in January 1943, near the city then called Stalingrad. This (presumably) is still the name of one of the districts in Paris.

Yes to Europe! We belong in this continent. No to the European Union (NATO), never.”

“Who, for God’s sake, then thought of removing from the names of Belgrade streets the Soviet/Russian generals and marshals who liberated Belgrade and Serbia? What was in the minds of those who made that decision, who voted for it, who approved it? How much blind anti-communism, blunt revanchism or pro-Western courtship was required to do such a thing!?”

“I think that ‘blind anti-communism’ and ‘blunt revanchism’ are the least part of it, it is mostly pro-Western courtship.” Or: “Ideology is the least problematic for your Serbian revolutionaries who were brought to power by the CIA by overthrowing the legitimately elected government as they have no ideology, unless bribery, corruption and receiving money from foreign governments to destroy their own country is an ideology.”

“There is only ‘pro-Western courtship’ with \$\$\$\$ as the ultimate goal. That is their only ‘ideology’. But the anger of the people is piling up.”

It was the last sentence that, in our opinion, encouraged politicians to join the Russian side and make minimal concessions, i.e. to return Marshal Tolbukhin and General Zhdanov to Serbian memory. However, the struggle for one's own culture, one's cultural memory, does not end with these steps.

THE STRUGGLE GOES ON – NATO AND THE WEST ON THE OFFENSIVE

Education is also an area of political, value and ideological struggle. A losing one for the Serbs, we can fairly say. It is no secret that since 1999, one of the priorities of the West in Serbia has been the control of education. Reforms were launched at all levels, with authors and lessons that established Serbian, Slavic and Orthodox identity being systematically removed from textbooks. The so-called globalization of education has taken place. It has become fashionable to know the English language, as well as to use different anglicisms as often and as much as possible, so that educated youth speak a kind of Serbian-English language today.

However, there have also been significant developments in the understanding of the cultural memory among young Serbs.

The West has begun a fundamental rethinking of the cultural memory into a culture of remembrance, through its “fifth column” in Serbian education (Milošević 2020b; Milošević 2020v).

Thanks to the efforts of the non-governmental sector – the so-called “Sorosians” and “grant-eaters” in Serbia, the idea that there is no history has taken root in the political community known as “other Serbs” (Serbs who support NATO, the EU, liberalism, etc.) under the cloak of science, meaning that there is no cultural memory. There is only a culture of remembrance – of what a living person remembers. Everything else is fiction, unreliable information (Milošević 2021).

LITERATURE

Asman Jan. 2011. *Kultura pamćenja*. Beograd: Prosveta.

Balkan Sight. 2016. *Promena naziva ulica u Beogradu odraz vremena*. Accessed: 28.02.2024. <https://balkaninsight.com/2016/07/26/promena-naziva-ulica-u-beogradu-odraz-vremena-07-26-2016/?lang=sr>

- Espresso. 2019. TRILATERALA U SRBIJI: Profesor i opozicionar Jovo Bakić na Rokfelerovom platnom spisku? Accessed: 28.02.2024.
<https://www.espresso.co.rs/vesti/politika/416715/trilateral-a-u-srbiji-profesor-i-opozicionar-jovo-bakic-na-rokfelerovom-platnom-spisku>
- IN4S. 2016. Јушковић Весна: Референдум из 2006. био је фалсификован и неуставан. Accessed: 28.02.2024.
<https://www.in4s.net/juskovic-referendum-iz-2006-bio-je-falsifikovan-i-neustavan/>
- Slobodna Bosna. 2016. VUČIĆEVI ČLANOVI “TAJNE VLADE U SJENCI”: Ana Brnabić, Zorana Mihajlović, Željko Mitrović, Miodrag Kostić. Accessed: 28.02.2024.
https://www.slobodna-bosna.ba/vijest/35974/vuchicevi_chlanovi_tajne_vlade_u_sjenci_ana_brnabic_zorana_mihajlovic_zeljko_mitrovic_miodrag_kostic.html
- Амбасада Руске Федерације. 2016. Јоксимовић Никола: Руски ослободиоци Београда поново добили своје улице. Accessed: 28.02.2024.
<http://www.ambasadarusije.rs/sr/vesti/beograd-ispravio-nepravdu-prema-svojim-oslobodiocima>
- Амбасада Руске Федерације. 2016а. Лане Катарина: Руски ослободиоци Београда поново добили своје улице. Accessed: 28.02.2024.
<http://www.ambasadarusije.rs/sr/vesti/beograd-ispravio-nepravdu-prema-svojim-oslobodiocima>
- Време. 2014. Како су се Пеко и Коџа вратили у Београд. Accessed: 28.02.2024. <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=1230566>
- Ђукић Весна. 2017. *(Ка)Ко смо: студије културе памћења и политике идентитета у Србији*. Београд: Факултет драмских уметности.
- Милошевић, Зоран. 2012. „Време европских антихероја“. *Печат*, 249 (28.12.2012.). 52–53. Београд: Наш Печат.
- Милошевич Зоран. 2020. „Православные славяне и их безопасность в XXI веке“. *Россия и славянские народы в XIX – XXI веке*. 91-97. Брянск: БГУ.
- Милошевич Зоран. 2020а. „Русский язык в демократической Сербии“. *Язык и идентичность*, ред. Кирилл Шевченко. Белград: Институт политических исследований; Минск: Центр евроазиатских исследований филиала РГСУ.

- Милошевич Зоран. 2020б. „Культура памяти или культура воспоминаний?“ *Проблемы истории и культуры славян в академическом дискурсе России, Белоруссии и Сербии*. Брянск: БГУ.
- Милошевић Зоран. 2020в. „Предговор“. *Говор мржње и култура памћења*. Београд: Институт за политичке студије.
- Милошевич Зоран. 2021. „Геополитическое положение православных народов и их перспективы“. *Православие в исторических судьбах славянских народов*. Горки.
- Нова српска политичка мисао. 2009. Вукадиновић Ђорђе: „Руске“ улице – српска брука. Accessed: 28.02.2024. http://www.nspm.rs/component/option,com_yvcomment/ArticleID,21515/url,aHR0cDovL3d3dy5uc3BtLnJzL2tybHVtbmUtZGpvcmRqYS12dWthZGlub3ZpY2EvcnVza2UtdWxpY2Utc3Jwc2thLWJydWthLmh0bWwjeXZDb2ltZW50MjE1MTU=/view,comment/
- Радио-телевизија Војводине. 2012. Вук Драшковић евроатланска личност године. Accessed: 28.02.2024. https://www.rtv.rs/sr_lat/politika/vuk-draskovic-evroatlanska-licnost-godine_327353.html
- Србија данас. 2014. Министарка енергетике Зорана Михајловић члан озлоглашене Трилатералне комисије. Accessed: 28.02.2024. <https://www.srbijadanas.net/ministarka-energetike-zorana-mihajlovic-clan-ozloglasene-trilateralne-komisije/>

Зоран Милошевич, Республика Сербия

*Институт политических исследований
Белград*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СЕРБИИ

*Вклад в изучение борьбы НАТО с культурой памяти в
Сербии на примере переименования улиц в Белграде.*

Аннотация

Анализируя историческую память и нынешнюю политику памяти в Сербии, становится ясно, что Вторая мировая война не закончилась. Весь НАТО и Запад борются против памяти о подвигах красноармейцев, а также созвездия русских ученых, писателей и других известных людей в сотрудничестве с пятой колонной, которую они сами сформировали в Сербии. Мало сказать, что речь идет о «мести побежденных» или «культурной войне», ведь они хотят полностью стереть историю, память о важных датах из тех же самых у сербов и русских, и навязать нынешние (воспоминание живых людей), согласно которому сербы и русские — современные преступники (народы-геноциды), не заслуживающие существования.

Ключевые слова: *Память, воспоминание, история, политика, культура, Вторая мировая война*

II
CULTURAL MEMORY
AND NATIONAL IDENTITY

**Профессор д-р Чарота Иван Алексеевич,
Республика Беларусь**

*Филологический факультет БГУ
Минск*

О ПАМЯТИ КАК ИСТОЧНИКЕ И СОКРОВИЩНИЦЕ НАЦИОНАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

**(по поводу белорусов на фоне иных
славян, прежде всего сербов)**

Аннотация

Предлагаются размышления о том, как в конце XX – начале XXI вв. силами, стремившимися воспрепятствовать реинтеграции, а конкретно – восстановлению единства между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, осуществлялось переформатирование исторической памяти современных белорусов. Пропагандисты идеологии этого лагеря посредством навязываемых ложных стереотипов пытались воздействовать прежде всего на память о генетическом родстве и на то, что в современной реальности не переставало напоминать о совместном и сходном в исторических судьбах народов-братьев. Сделана попытка осмыслить, почему наибольшим нападкам подвергался провиденциальный замысел общности всеславянской и ее составной части – общности восточнославянской (общерусскости), которая сложилась благодаря общей купели Крещения, а также совместному, из общей Чаши, православному Причащению. Рассмотрены конкретные примеры воздействия на эту память, но тщетности усилий разрушить ее, более чем

одинадцати веков закрепляющуюся, равно как и традиции, благодаря ей сложившиеся. Автор данного текста сосредоточил на небольшом сегменте масштабной темы и на материале, большинстве участников конференции малоизвестном.

Ключевые слова: *память, историческое и национальное самосознание, общность, идея единства славян, белорусы, сербы, восточные славяне, сравнение*

*

Прежде всего хотелось бы уточнить не всегда одинаково интерпретируемые нюансы содержания тех понятий, которые в нашем тексте сопрягаются с категорией памяти.

Так, когда речь ведется о самосознании, мы обычно имеем в виду то, как отдельный человек, индивидуум, осознает себя самого по сравнению с другими, как он определяет: «это я – это не я», «это касается меня – это относится не ко мне, а к иным», и как в соответствии с отмеченным он моделирует свое поведение, а также избирает принципы, составляющие основу всей системы его отношений с окружающим миром. Национальное самосознание, соответственно, есть то, как осознает себя общность, состоящая из индивидуумов, объединенных не только происхождением, но также совместно приобретенным опытом жизни во всех измерениях.

Казалось бы, такое самосознание, как имеющее вполне универсальную природу, должно формироваться и выражаться одинаково у всех народов. Но так это может быть лишь в тех редких случаях, когда самосознание национальное совпадает с гражданским, т.е. свойственно гражданам государственных образований с моноэтническим населением. А вот в конкретно-исторических условиях государств полиэтнических, особенно возникших в итоге не завершившегося еще переустройства мира и проходящих стадии нового утверждения, неизбежны коллизии. Наиболее сложный характер они приобретают тогда, когда у граждан новообразованных государств самосознание реально историческое подменяется взглядами, по сути условными, но в то же время жестко подчиненными идеологическим установкам актуальной политики. Обычно поначалу это проявляется в отношениях внутри государства – с другими

этно-социальными общностями, когда далеко не все носители такого самосознания разделяют установки на дезинтеграцию, но когда закрепившаяся идеология такого плана выносится на уровень отношений межгосударственных, то непременно становится фактором дезинтеграционным по отношению к прежней общности и к прежнему государству. Причем от проявленной силы «заряда дезинтеграционности», в конце концов, напрямую зависит признание нового этнополитического субъекта в качестве самостоятельной нации на международном уровне. Таковы условия нового мирового порядка, такова геополитическая реальность последнего времени. Понятно, что историческая память в этих случаях оказывается игнорируемой, точнее – грубо попираемой. А ведь именно она, по большому счету, должна представлять собой не только форму коллективного общественного сознания, т.е. хранения и интерпретирования совокупного общественно-исторического опыта, но и важнейшее средство передачи его новым поколениям.

Как раз на такого рода противоречия мы и хотим обратить внимание, намерившись рассмотреть белорусскую ситуацию в сравнении с сербской.

При объективном взгляде нетрудно заметить, что культурно-историческое сознание белорусов – как и большинства славян, включая сербов, – подверглось деформации вследствие чужеземности утвердившихся за последние десятилетия подходов. Скажем, в истории белорусской литературы почему-то выискивалось и выискивается соответствие общеевропейским “стилевым формациям” (А.Флакер) – начиная с антики и вплоть до постмодернизма... И вот уже вполне расхожими стали, например, определения ряда явлений отечественной культуры как ренессансных в общепринятом понимании. Хотя в таком случае логически предполагается, будто наши предки возрождали то, что не было (и не могло быть) рождено в своей традиции, на собственной почве, которая плодородной и благодатной являлась для совершенно иного. А ведь подобные плоды подчиненного ума представляют собой не что иное как простоватое стремление свидетельствовать причастность к «универсальным европейским ценностям”. Увы, для белорусов евро(по)центризм давно успели закрепить как фундамент общей систематизации и периодизации развития культур мира. Тогда как уместность и правомерность его в принципе, а тем более для белорусов, следовало бы осмыслить со всей серьезностью. Ведь, по большому счету, вообще бессмысленно искать

центр якобы единой общеевропейской культуры. Нужно учитывать сосуществование в Европе таких далеко не идентичных культурных очагов, например, как Греция и Швеция, а также коренные отличия духовно-культурных свойств, изначально имевших место и традиционно проявляющихся у испанцев и эстонцев, голландцев и албанцев... Каждая культура самоценна и обладает своими внутренними закономерностями развития. Сокровищница мировой культуры, опять же, создавалась не одними только европейцами. Очевидную ограниченность имеет также сопоставление культур по критериям «передовая – отсталая, более развитая – менее развитая, ведущая – ведомая...». Однако в этой парадигме сконструированная теория «ускоренного развития», практически безоговорочно принятая белорусами. В любом случае приходится недоумевать: кто, когда и как может определять темп «норму», в отношении которой происходит ускорение или замедление? Кстати, во избежание вредной отвлеченности, достаточно предложить литературоведам, являющихся сторонниками такой теории, чтобы они спроецировали упомянутые определения на самих себя и чистосердечно признали собственную отсталость, недоразвитость и ведомость, к тому же с принудительным ускорением или замедлением... Реакцию предсказать нетрудно.

Общеизвестно, что у всех народов постсоветских стран так или иначе проявлялся и проявляется вполне заметный комплекс неполноценности. Но если у прибалтов, скажем, он в значительной степени был вызван внушением, что, дескать, это Сталин отторг вас от Европы, а она с нетерпением ждет, когда же в ее объятия вернетесь, то у соседствующих с ними славян его обусловило какое-то самовнушение иного плана. И не случайно жесточайшему испытанию подвергся – прежде менее всего выявлявшийся публично – вероисповедный критерий. Прежде всего в соответствии с ним стали разделять изнутри будто бы сложившиеся «социалистические нации» украинцев и белорусов. Попытаемся разобраться в этом конкретнее. Белорусы, для которых Православие было и остается живой верой, конечно же, осознают, что единство – прежде всего неразрывность связей с братьями единокровными и единоверными. В основе их самосознания, на протяжении многих веков закреплявшегося исторической памятью, вот что: Крещение как для отдельного человека, так и для народа означает духовное рождение; когда крестились, славяне-русичи стали народом Божиим, христианским, обретя духовность – через благодать Духа

Святого, от купели Крещения, а просвещение – от Божественного Света и культуру, сформировавшуюся в тесной связи с культом, т.е. приобщением ко Христу; ведь именно для христианизации была создана славянская азбука, сформирован церковнославянский (равносвященный!) язык и заложены основы словесности, поставившей славян в ряд наиболее просвещенных и культурных народов мира. На белорусских землях эти письмо и язык именовались впоследствии русскими и воспринимались не иначе как ценное наследие, а также как важное средство этнической идентификации, что убедительно раскрывает известное стихотворение Яна Казимира Пашкевича, которое, кстати, написано в противоречивом для утверждения (бело)русскости XVII веке: «Полска квітнет лациною, /Литва квітнет русчиною./Без той в Полсце не прэбудзеш,/ Без сей в Литве блазнем будзеш./ <...> Весели ж се ты, Русине, /Тва слава нікгды не згіне» (Анталогія беларускай паэзіі 1993, 73). Так что и сейчас даже на Белосточчине, белорусской этнической территории, которая после Второй мировой войны присоединена к Польше и где уже весьма заметны результаты полонизации, представители коренного населения считают: «Всё же приятнее, когда православными буквами памятник подписан» (Кандрацюк 1998, 8). Именно так видят истоки единства белорусы, помнящие о заветах благочестивых предков. И приходится только сожалеть, что их мнение в информационном пространстве Беларуси не являлось ни преобладающим, ни определяющим. Отнюдь. К концу 1990-х и в 2000-е годы невероятно широкое распространение получили иные взгляды. В частности, пришедшие с недалекого Запада версии, что белорусы приняли Крещение неизвестно от кого, а также что впоследствии христианство на белорусских землях эволюционировало разновекторно – по преимуществу в противоборстве с «ретроградным Православием». Симптоматично, кстати, что еще более восьмидесяти лет назад населению «крэсув восточных» подобное внушала ассимиляторская пропаганда Второй Речи Посполитой, утверждавшая, что Православие здесь навязано в позднейшие времена, его «русский царь на телегах привез». Причем задействовано было не только внушение: «... Когда в 30-е годы на замковой горе в Гродно были найдены остатки древнего православного храма, то польские археологи по сути не засвидетельствовали это официально, поскольку факт этот прямо противоречил односторонней польской историографии, которая считала Гродно городом польским» (Астроўскі 1992, 14).

И такого рода способы реформирования сознания отнюдь не прошли даром, что засвидетельствовано и таким вот сдвигом: белорусские «прорабы перестройки», считавшие себя «авангардом прогрессивной интеллигенции», предпринимали весьма активные попытки заменить даже кириллическую азбуку, которая, дескать, ограничивала горизонты и светлые перспективы интеграции белорусов с Европой... Нередко, например, можно было услышать и прочитать также следующее: «Мы принадлежим к региону восточно-среднеевропейскому...» Не забывая о трезвом уме, можно было бы указать на примитивную нарочитость и бессмысленность такого определения. Но трезвый ум в данном случае был отключен вследствие ослепления идеей вхождения в Европу, а вместо него действовала своего рода «вторичная сигнальная система», которая напрямую диктовалась политической злободневностью.

В связи с этим не лишне исходно уточнить, что далеко не для всех граждан обретшей суверенитет Беларуси приемлемо употребляемое нами (само)определение «составная часть славянской и русской цивилизации», а также и этнонимическая категория «(бело)русскость». Нередко эти понятия со всей категоричностью интерпретировались как свидетельства утраты истинного национального самосознания под воздействием «российской имперской политики и идеологии». Правда, немалочисленные сторонники искаженно понимаемой «самости», терялись, как правило, когда им задавался вопрос: «Если отбросить «русскость», то на чем же будет держаться ваше «бело»? В таком случае, по свободному и добровольному самоопределению, называйтесь «белополяками», «белофиннами», «белоевропейцами», «белоамериканцами»...» Симптоматично, что на той же ассоциативности давалось строить аргументацию против мнения черногорского коллеги, непоправимо зараженного «монтенегризмом» и высказывавшего такие доводы: «Почему у нас отнимают право на суверенность? Вот вы же утверждаете свою белорусскость?». Пришлось отвечать вот как: «Ну что ж, тогда вы утверждайтесь как черносербы». Впрочем, хотя это и могло стимулировать продуктивность дискуссии, но в реальности не меняло сложившегося и все более закреплявшегося положения. Как-никак новое поколение оказалось уже под воздействием просвещения от соответствующего «света». И представители этого поколения, особо не задумываясь, за чистую монету принимают совет небезызвестного в среде белорусской «образованщины» Яна Станкевича, который предлагал «...отбросить смешное и вредное

название «белорус» и назвать себя нашим исконным славным именем кривичи» (Станкевич 1923, 10). Причем и почти столетие спустя его посыл не забылся, наоборот, оказался действительно развиваемым, приобретая искусные вариации. Например: “Заметим, что названия “Белая Русь”, “белорусский”, “белорусец” по отношению к нашим землям появились только в середине XVII ст. во время войн Московского государства с Речью Посполитой. Видать, именно от москвитин исходила инициатива назвать насельников смежного государства [тех, кто исповедовал русскую (православную) веру] белорусцами. Поэтому использование термина “белорусы” было чрезвычайно удачным: это давало России возможность убедительно обосновать свою захватническую политику” (Хаўстовіч 2010, 197).

Русофобский, «европеизирующий» угол зрения да долгое время стал главным у нас во взглядах на историю белорусского народа вообще. Это касается и вопросов этногенеза, что, впрочем, свойственно также аналогичным тенденциям у других славян. Мы имеем в виду распространение специфических теорий этногенеза – готской, сарматской, вендской/венедской, иллирской (как романской), скифской (как иранской) – с педалированием тех моментов, которые благоприятствуют интерпретациям происхождения славянских народов как инородных, но сближающих с иноевропейскими. А это ведь тоже вполне эффективный способ изменить самосознание – как ни крути, призрак вождельной европейскости закрывал все, включая также следы памяти о славянскости, чрезвычайно важной для идентификации (бело)русского начала как “самости”. Так что со временем в нашей печати славянскую общность уже привычным было трактовать как абстракцию, следствием чего и являлись «теории» этногенеза белорусов не как славян, а общности, сложившейся на балтском или ятвяжском субстрате. Причем как бы самоценным становится вопрос именно о субстрате, а не сформировавшейся и существующей более тысячелетия общности. Кстати, вообще пугающей стала тенденция обсуждать не явления, факты, а воображаемые связи между ними.

То же самое можно сказать по поводу основательно переписанной истории Великого княжества Литовского, якобы апофеоза собственной независимой государственности. Повторной мощной волной на белорусов накатило внушение, что “золотую эпоху” для наших предков, а соответственно и для нашего исторического сознания тоже, представляет именно период ВКЛ. В связи с этим очень даже понятен скептицизм современного белорусского

публициста, отмечающего: “Кстати, сами современники XVI в., если судить по мемуарам того времени, не подозревали, что живут в “золотое столетие”, наоборот, многое из реальности приводило образованных людей той эпохи в отчаяние. Поэтому так называемая “золотая эпоха Беларуси” является всего лишь культурным мифом, придуманным на рубеже XIX-XX веков, чтобы активизировать культурно-просветительские усилия белорусской интеллигенции на землях бывшего Великого Княжества Литовского” (Конеў 2018, 131).

Крайне произвольно интерпретируется и едва ли не все важные события позднейшей истории. Скажем, то, как завоеватели (а для кого-то – освободители) Карл XII и Наполеон Бонапарт намеревались осчастливить наших предков с перерывом около ста лет, однако бесславно покидали белорусские земли в 1708 и в 1812 годах. А ведь все это – элементы коллективной памяти народа и его исторического самосознания. Правда, объективная «подсветка» для них содержится в мудром замечании академика П.П.Толочко: «Если говорить откровенно, мы, украинцы, всегда имели **очень пунктирную государственность** (здесь и далее в цитате подчеркивание наше. – И.Ч.) Немножко при Богдане до Мазепы, немножко во время революции, когда была создана Центральная Рада, гетманат. Немножко в советское время, где мы находились на правах автономии. Поэтому **в наших генах нет ощущения того, что мы государственная нация**» (Толочко 2020, 89). Для нас это суждение, как и заголовок цитируемой публикации украинского академика-историка, приобретают особый дополнительный смысл в связи с тем, что, «если говорить откровенно», то в истории белорусов своя государственность присутствует еще меньше – даже по сравнению с теми «немножко», которые касаются украинцев. А вместе с тем, радикальные силы одних и других, не успев разобраться, что делать со свалившейся на голову независимостью, принялись за моделирование «суверенных», с якобы «скрытой» прежде государственностью, наций.

В этом, пожалуй, прежде всего нужно искать причины деформаций национально-исторического самосознания современных белорусов, как и братьев-украинцев. Правда, украинцы оказались неспособными погасить пожар шовинизма, обернувшегося неонацизмом. Но определенные силы белорусского общества – особенно представители гуманитарной интеллигенции – тоже сильно увлеклись желанием во всем походить на полноценные и

консолидированные нации, занять свое «почетное место» среди них. И по тем же проявлениям нетрудно обнаружить сходство – разумеется, в большей или меньшей степени, – геополитический выбор славян восточных с народами бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии. С черногорцами больше всего. Как-никак общим было стремление акцентировать и абсолютизировать «небратство» – в одном случае по отношению к русским, в другом к сербам. Правда, у белорусов и украинцев, особенно по сравнению с черногорцами, коллизийность объективно усугублена тем, что для них, во всяком случае – для населения тех регионов восточнославянского ареала, в которых государственность и власть неоднократно и по-разному менялась. Вот и напоминает о себе вопрос драматического содержания: разве при таком историческом прошлом на протяжении веков могли при обретении независимости вдруг, “по щучьему велению”, сложиться общая память и единое самосознание? В качестве по-настоящему связующего и консолидирующего средства народам славяно-русского племени можно было полагаться лишь на праотеческую веру, на Православие. Между тем, и обзревая прошлое, мы ясно видим не только торжество его. В связи с чем, опять-таки правды ради, стоило бы как можно честнее относиться к стереотипным утверждениям о религиозной толерантности на белорусских землях во все времена. Обходиться со страшными в этом плане страницами истории так, как нерадивые дети со страницами школьных дневников – т.е. вырывать, чтобы от родителей и всех интересующихся скрывать – мы не смеем.

А этим, плюс ко всему, у белорусов проблемы памяти и самосознания усугубляются – у нас почти каждая конфессия, независимо от того, что составляла и составляет меньшинство, при переустройстве мира стала “гнуть свою линию” с масштабными претензиями. Вот, к примеру: «Между тем, мало кто вспоминает, что протестанты имели прямое отношение к так называемому «Золотому веку» Беларуси, деятели Реформации XVI столетия внесли огромный вклад в духовное, политическое, экономическое, культурное развитие страны. Наиболее видные фигуры того времени (Симон Будный, Василь Цяпинский, Николай Радзивилл Черный, Астафий Волович) имели непосредственное отношение к обновлению церкви, которое активно проходило в то время в нашей стране <...> Первым в этом ряду, безусловно, стоит Николай Радзивилл Черный – одна из крупнейших исторических личностей нашей страны,

активный сторонник независимости Великого княжества Литовского (историческое название страны, где доминирующей частью населения были литвины-белорусы), христианин, за двенадцать лет деятельности которого кальвинизм на белорусских землях стоял на позициях господствующего вероисповедания» (Варыкин 2001, 38). На тех же позициях находится автор специфической книжки, которая издана, кстати, в России, а не в Беларуси, но якобы с искренней заботой о том, как восстановить неповторимую белорусскую «самость». Идя еще дальше, он утверждает, что Реформация не только обусловила Возрождение и «Золотой век» Беларуси, но и заложила основы белорусской нации, а сияние того «века золотого» нынешним белорусам освещает путь, по которому они должны идти (Акинчиц 2001, 124). Не менее показательной явилась и позиция Евгена Шумейко, активно пропагандировавшего католицизм как веру истинных белорусов: «Под тревожные звуки органа национальная душа не могла уснуть, тогда как “малиновый звон” густым елеем облекал, успокаивал и расслаблял мятежные мысли и устремления. Я не собираюсь оскорблять чьи-то нынешние религиозные чувства, я только пытаюсь понять **объективное преимущество в нашем колониальном прошлом фермента западнохристианской евроцентричности** (*Подчеркивание здесь опять наше. – И.Ч.*)... Все лидеры бунтарей, повстанцев, косионеров тех времен были преимущественно из католической среды» (Залоска 1995, 55–56).

У белорусской интеллигенции в перестроечные времена с особой силой проявлялось увлечение униатством, которое она интерпретировала как “национальную веру белорусов”. Причем делала это, как правило, безотносительно к традициям и даже к собственной воцерковленности. Обосновывала парадоксально, а иногда – просто абсурдно, как в случае Юрия Хадьки, одного из лидеров Белорусского Народного фронта: «...Я сказал себе и другим: “Вы себе как хотите, но коль наше давнишнее церковное искусство сплошь униатское и такое прекрасное, то я – униат”» (Наша слова 1994). Носители конверсионной идеологии, претендовавшие на доминирование в получившей суверенитет Беларуси, действовали не столько числом, сколько безоглядностью натиска. И в соответствии с указанной ими ориентацией, увы, стала переписываться национальная история, т.е. переформатироваться память. С начала 1990-х годов у нас были не только широко распространены, но даже в школьных учебниках закреплены утверждения, будто

белорусскую культуру до XVIII в. формировали униаты, т.е. грекокатолики, а на протяжении XIX и начала XX вв. – римокатолики. По поводу якобы имеющихся в данном случае различий к месту будет плод народного мудрословия: “Что в лоб, что по лбу – все одно”. Ведь в действительности все равно католики. И католический прозелитизм, надо признать, был у нас исключительно мощным и дал свои результаты, поскольку активно использовал средства массовой информации, в том числе и системы просвещения, а касался наиболее чувствительных струн актуализируемой, хотя и вовсе не восстанавливаемой, исторической памяти. Вот образчик: «...Католичество, например, с его дисциплинированностью полезно повлияло на белорусскую психику, зачатки белорусского возрожденческого движения тоже появились в католической среде (К.Калиновский, Я.Боршчевский, Я.Чачот, В.Дунин-Марцинкевич, Ф.Богушевич и др.), католичество повлияло и на православие, которое в Беларуси отличается от российского и не имеет ни цезаропапизма, ни крайней пассивности, оно открыло двери для белорусского народа и в международной жизни (например, Ватиканская радиостанция первой включила белорусские передачи в свою программу), благодаря католицизму же белорусы причисляют себе к народу Запада и др.» (Уладыкоўская 2010, 32–33).

При трезвом подходе это выглядит странно, однако именно такой аргументацией заполняли “новобелорусскую” память, хотя для имеющих глаза и уши совершенно очевидным и неоспоримым являлось то, что культуuroобразующую и культуuroохранную роль для белорусов как в давние, так и в новые времена выполняло в основном все же Православие. Достаточно вспомнить только православных священнослужителей и выпускников православных учебных заведений, действовавших в крае (Вильно, Витебск, Минск и Могилев), которые утверждали белорусскость на протяжении XIX и начала XX вв. Разве можно, скажем, представить белорусскую археографию, историографию вообще, без трудов И.Григоровича, Н.Горбачевского, И.Боричевского-Тарнавы, М.Кояловича, К.Говорского, С.Рункевича, И. Малышевского, П. Жуковича, В.Завитневича, К.Харламповича, М.Веревкина, Н.Богородского, этнографию – без П.Шпилевского, Н.Никифоровского, С.Сахарова, Ю.Крачковского, Е.Орловского, Д.Булгаковского, И.Бермана, филологию – без И.Носовича, И.Гашкевича, А.Будзиловича, П.Тихоновича, П.Шпилевского, Е.Карского, Н.Байкова, С.Павловича?

Затронутая нами тема имеет еще один весьма значимый аспект: хранение памяти каждого народа осуществляется посредством родного слова, устной и письменной словесности. И общеизвестно, что в этом плане сербов отличает – можно сказать, делает народом исключительным – наличие всемирно признанного национального эпоса. Который, кстати, вряд ли можно разделить на сербский и черногорский, как бы ни оспаривали такую данность нынешние «монтенегристы». То, что может называться эпической памятью, обладает наиболее мощной силой. Ведь посредством эпоса фиксируется и передается общая «свест» и «савест» как совместное ведение и коллективное сознание, он закрепляет соборные представления о славе и позоре в минувшем и настоящем, он обозначает идеалы, к которым следует совместно стремиться в будущем.

Но если продолжать рассмотрение в сравнительном плане, нельзя не отметить, что поэтический эпос у белорусов отсутствует. Значит, и память эпическая тоже. Мимоходом обсуждать это, пожалуй, не сто́ит, однако и совсем без внимания оставлять вряд ли резонно. Уже потому, что белорусскую культуру, как и русскую, и сербскую, о чем убедительно свидетельствует указанное выше, на всех основаниях можно считать культурой словесноцентричной. По большому счету, и в новейшие времена словесное искусство, собственно литература, у нас выполняло те функции, которые должны были бы принадлежать философии, а также историографии. В связи с этим не лишне, пожалуй, опять провести сравнение, но на этот раз внутри составных частей восточнославянского литературного контекста. Важно, думается, обратить внимание на то, что русская литература уже во второй половине XX века пришла-таки к весьма серьезной постановке вопросов, касающихся памяти народной, и вышла на осмыслению их как проблемы комплексной, универсальной. Причем это послужило не только отражением национального самосознания в прошлом, но и как действенный фактор его формирования в актуальной ситуации. Именно об этом значении уместно вести речь, когда вспоминаем поэму «По праву памяти» А.Твардовского, роман «Память земли» В.Фоменко, историческое повествование «Память» В.Чивилихина, повесть «Живи и помни» В.Распутина и др. Это мы перечисляем те произведения, которые данную тему отразили уже в заголовках. А не менее глубоко и впечатляюще она была художественно воплощена и другими русскими писателями, в иных произведениях – например, А. Ахматовой в «Реквиеме», В. Распутиным в

«Прощания с Матерой», В.Солоухиным в «Письмах из русского музея», В.Кузнецовым в «Атомной сказке»... Соответственно, имеется достаточно оснований утверждать, что когда возникли уже запросы общества по возвращению исторической памяти и восстановлению национального самосознания, то лучшие представители русской литературы достойно выполнили свое предназначение, последовательно проводя идею, крайне важную, хотя и вовсе не новую, которая лаконично выражена в повести одного из наиболее известных писателей того времени: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» (Распутин 1991, 302). Тем же вектором постепенно стали предопределяться также исследовательские интересы русских ученых-словесников, к числу которых относится и высокоавторитетный академик Д.С. Лихачев, афористично сформулировавший то, что было нужно: «Память – преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти» (Лихачев 2006, 169).

В белорусской же художественной литературе перестроечной эпохи, после довольно глубокого и разностороннего исследования опыта Великой Отечественной (Второй мировой) войны, стал проявляться разве что конъюнктурный интерес к эпохе Великого княжества Литовского (вместе с Коронай-Польшей) и к деятелям этого государства как белорусским национальным героям. С горечью приходится констатировать, что именно так проявилась пост-память, пара-память – короче, антипамять, и таким образом «дала сбой» функция литературы как формы национально-исторического самосознания народа. Наши писатели принялись утверждать белорусскость как нерусскость, а то и антирусскость. Примерно так же, как европеизирующиеся черногорцы стали относиться к сербству...

Тот, кто с дистанции времени пытается объяснить причины этого зигзага в развитии коллективного сознания, вынужден делать вывод, что нам пришлось иметь дело с той его, сознания, особенностью, которую И.А.Ильин определил как индивидуализацию «не духовно». Ну а в более широком плане речь должна идти о том, что у белорусов память, историческое самосознание, а также сама идея национального государства разломалась вследствие перенесения центра тяжести на пропольский элемент, который в соотношении с элементом русским по природе своей для нас не может быть опорным, чтобы предоставить историческую перспективность. Понятно, что о единстве нации при сложившейся условиях речи быть не может. Что же касается представителей

белорусской литературы и гуманитарных наук в целом, то большинство из них, трубя о преданности народу, сначала пропагандировало опасность братства и единства с русскими, затем добровольно бросилось в сети евроатлантических «ловцов душ», после чего принялось излагать свои планы строительства иллюзорных общеевропейских замков. Кстати, упоминание последнего является вовсе не шуткой, и даже не гиперболой. В подписанном двенадцатью белорусскими апостолами новой интеграции письме руководителям Совета Европы действительно предлагался «конкретный проект строительства и открытия величественного Музея истории и культуры Европы», который «со временем может превратиться в величественный дворец, если не в новое чудо света вообще» (Якавенка 2015, 27-28). Понятно, что это выглядело, мягко говоря, как наивность и в восприятии не утратившего память народом, и в глазах европейских псевдопокровителей. Не лучше на этом фоне выглядели и конкретно служители музыки той самой истории, которая, согласно словам популярной песни, призвана «ни столько, ни полстолько не соврать», тогда как они без зазрения свести в одном случае вещали: «Общеизвестно, что Беларусь была «страной замков» (Весьялуха 2015, 12), в другом – сборник, посвященный польскому государственному деятелю, “содержательно и лаконично” озаглавливали: “Великий белорус Лев Сапега” (Нарутовіч 2018, 12) – и так далее, и тому подобное .

Имея задачу как-то подытожить сказанное, мы вынуждены снова и снова привлекать внимание к противоречиям не столько объективно-историческим в марксистском смысле, сколько к тем, которые обусловлены состоянием нашей памяти и нашего исторического самосознания. Прежде всего не забывать о провиденциальности, т.е. о том, что Бог даровал народам для сохранения своей самости, самостоянья, по слову А.С.Пушкина. И в связи с этим учитывать значимость традиций, обусловленной ими шкалы ценностей, и всего суммарного опыта, который приобрели наши народы. Всем нам, конечно же, надо опамятоваться. И слава Господу, что с белорусами в последнее время это происходит.

ЛИТЕРАТУРА

- Акинчиц С. 2001. *Золотой век Беларуси*. Хабаровск.
- Анталогія беларускай паэзіі. Т.1.* 1993. Мінск, 1993.
- Астроўскі Ю. 1992. Беларусь: адзін народ і тры нацыі? *Літ*, 15.05.1992.
- Варыкин А. 2001. Герои белорусской Реформации: некоронованный король Беларуси. *Христианская культура. Сб. статей*. Брест.
- Весялуха М. 2015. Зачараванасць замкамі. *Літаратура і мастацтва* (Мінск), 3.04.2015.
- Залоска Ю. 1995. *Версії*. Мінск.
- Кандрацюк Г. 1998. Свята памерлых у Беластоку. *Ніва* (Беласток), 15.11.1998.
- Конеў Я. 2018. Карані беларускага інфармацыйнага дрэва. *Маладосць*, № 1.
- Лихачев Д. С. 2006. О памяти. *Письма о добром*. М., СПб. То же: <https://www.livemaster.ru/topic/783649-pismo-o-pamyati-dmitrij-lihachev>
- Наша слова* (Мінск), 14.12.1994.
- Нарутовіч Н. 2018. Слова вялікаму канцлеру. *Літаратура і мастацтва* (Мінск), 16.03.2018.
- Распутин В.Г. 1991. *Прощание с Матерой. Собр. соч.: В 3-х т. Т.2*. Москва.
- Станкевіч Я. 1923. Нацыянальны назоў беларусаў. *Беларускі студэнт* (Прага), № 2-3.
- Толочко П.П. 2020. «В ненависти к русским мы проклинаяем и самих себя». *Возвращение. Духовно-просветительский альманах. Вып. 5*. Белгород-Губкин-Ракитное.
- Уладыкоўская Л. 2010. *Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы*. Мінск.
- Хаўстовіч М. 2010. *Шляхамі да беларускасці. Нарысы, артыкулы, эсэ*. Варшава.
- Якавенка В. 2015. *Знайсці духоўнасць і гармонію ў грамадстве*. Мінск: Тэхналогія.

Prof. Dr. Ivan Alekseevich Charota, Republic of Belarus

Faculty of Philology

Belarusian State University

Minsk

ABOUT MEMORY AS A SOURCE AND A TREASURE OF NATIONAL-HISTORICAL IDENTITY

(with reference to Belarusians in comparison with other Slavic nations, first of all Serbians)

Abstract

Readers are presented with reflections on how, at the end of the 20th - beginning of the 21st century, the forces that tried to prevent reintegration, and especially the restoration of unity between the Republic of Belarus and the Russian Federation, reformulated the historical memory of contemporary Belarusians. Propagators of the ideology of this camp, through imposed false stereotypes, tried to influence, first of all, the memory of genetic kinship and the fact that in modern reality it does not stop reminding of common and similar historical destinies of fraternal nations. An attempt was made to understand why the well-thought-of plan of the pan-Slavic community and its constituent part – the Eastern Slavic community (Russian Identity), which was created thanks to the common baptismal font, as well as the common Orthodox communion from the same Chalice, was subjected to the greatest attacks. Concrete examples of the impact on this memory are discussed, as well as the futility of efforts to destroy it, which has been consolidated for more than eleven centuries, as well as the traditions that have developed thanks to it.

The author of this text focused on a small segment of a large topic and on material that is little known to most conference participants.

Keywords: *memory, historical and national identity, community, idea of Slavic unity, Belarusians, Serbs, Eastern Slavs, comparison*

Профессор д-р Андрей В. Баранов, Российская Федерация

*Кубанский государственный университет,
Краснодар*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КРЫМСКОГО СООБЩЕСТВА КАК РЕСУРС УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

Воссоединение Крыма с Россией основано на устойчивой российской идентичности большинства жителей региона. В этом контексте выбрана цель статьи – определить состояние и тенденции развития исторической памяти крымчан в качестве ресурса укрепления национальной идентичности. Установлены важнейшие символы гордости – события истории Крыма и России, а также институты политики памяти в российском Крыму (2014–2024 гг.).

Ключевые слова: *историческая память, российская национальная идентичность, политика памяти, интеграция, крымское сообщество.*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования проявляется в том, что историческая память – это значимый ресурс укрепления национальной идентичности граждан государства, фактор социокультурной интеграции общества и легитимации власти. Особенно важна историческая память в полиэтничных и многоконфессиональных государствах, где зачастую существуют конкурирующие образы

прошлого, сформировавшиеся у различных этнических и конфессиональных групп населения, а память о былой независимости и конфликтах может становиться фактором дестабилизации. Поэтому для Российской Федерации очень важно проводить политику памяти, направленную на укрепление позитивных представлений граждан об едином Отечестве, о символах славы и гордости, о сплочении всех народов, конфессий и территорий в единой российской цивилизации. Крымское региональное сообщество обладает яркими проявлениями российского патриотизма, сформировавшимися на протяжении длительной истории (1783–2024 гг.) и представляет собой репрезентативный пример для исследования темы.

Цель нашей работы – определить состояние и тенденции развития исторической памяти крымчан в качестве ресурса укрепления национальной идентичности (2014–2024 гг.). Исследование охватывает территорию Республики Крым и города Севастополь.

Методологической основой статьи является конструктивистская концепция исторической памяти, развиваемая в современных социальных и гуманитарных науках на основе работ М. Хальбвакса (Хальбвакс 2005, 8–27), П. Нора (Нора 1999, 17–50), А. Ассман (Ассман 2014). Историческая память выступает стержнем национальной идентичности, поскольку она содержит в себе не только знания о прошлом, но и нравственные, идеологические отношения к прошлому; память даёт цели развития общества на основе преемственности коллективного опыта граждан государства; память формирует патриотизм. Особенности российской исторической памяти – персонафицированное восприятие прошлого, признание полиэтничности, «перекрёстной истории». Общероссийская история воспринимается в памяти как синтез региональных, этнических, конфессиональных, профессиональных и иных историй.

Память рождается и существует не стихийно, она целенаправленно конструируется мерами исторической политики. В том числе, трактовки исторической политики аргументируют Е.Е. Вяземский (Вяземский 2011, 20–24) и А.И. Миллер (Миллер 2012, 7–32). Историческая политика – это целостная совокупность задач, направлений, методов и технологий влияния субъектов политики на общественное сознание для распространения желательных оценок прошлого, его важнейших процессов, явлений, героев и символов гордости. Политика памяти – одно из направлений исторической политики, она включает в себя коммеморативные практики

деятельности образовательных учреждений, школ, музеев, театров, исторических и этнографических парков, гражданских ассоциаций (казачества, военно-исторических клубов, волонтеров) и др. Речь идёт о выборе и закреплении общественном мнении памятных дат, памятников, топонимики, обрядов и обычаев, как и ценностных отношений к этим маркерам прошлого. Историческая политика представляет собой пространство противоборства смыслов, идеологий, ценностей; это одно из проявлений информационной (консциентальной) войны. В такой борьбе побеждает тот, кто сформирует в обществе более привлекательный и понятный образ прошлого, кто более изощрённо воспользуется информационными технологиями.

Основным эмпирически методом исследования мы выбрали вторичный анализ результатом анкетных опросов. Применен также метод включённого наблюдения для анализа экспозиций крымских музеев и коммеморативных практик.

Степень разработанности темы. Историческая память крымского регионального сообщества начала изучаться ещё в период временного украинского контроля над полуостровом. Видные крымские историки, географы, политологи – А.Р. Никифоров, С.Н. Киселёв, А.В. Мальгин, А.В. Ишин, С.А. Филатов и др. (Никифоров, Киселёв, Мальгин 1995; Григорьянц, Жильцов, Ишин, Мальгин 2011; Филатов 2013) доказали, что история Крыма является неразрывной частью многовековой истории России и не имеет ничего общего с историей Украины, существующей как государство лишь с конца 1991 г. Для публикации таких взглядов надо было иметь большое личное мужество. Последовательное признание российской сущности крымской истории стало важной частью идей общественных движений в регионе, транслировалось также в массовых школьных и университетских учебниках, издававшихся в Симферополе и Севастополе (Дюличев 2008; Буров, Колтухов, Петрова 2009; Алтабаева, Коваленко 2014). Украинские органы власти пытались в ответ конструировать мифологизированную историю «украинского Крыма», понизив статус преподавания российской истории до раздела зарубежной (!) истории, но это были жалкие потуги, разбиравшиеся о солидарную волю органов власти Крыма и Севастополя, педагогов и краеведов региона. Важным симптомом возрождения русского исторического самосознания стало восстановление Свято-Владимирского кафедрального собора в Севастополе и историко-мемориального комплекса «35-я батарея»

на месте боёв последних защитников Севастополя в 1942 г., создание Севастопольского филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1999 г. Стали регулярно проводиться встречи участников военно-исторических клубов, реконструкторов на местах боевой славы под Севастополем, в Судаче и др. Большие усилия по поддержке русского исторического самосознания в Крыму приложили тогдашний мэр Москвы Ю.М. Лужков, директор Института стран СНГ К.Ф. Затулин, генеральный директор промышленной группы «Таврида-электрик» А.М. Чалый (Островская 2019, 106–150).

Таким образом, ко времени воссоединения Крыма с Россией (февраль – март 2014 г.) в регионе окрепло сообщество историков, краеведов, экскурсоводов, журналистов, политических деятелей, которые последовательно отстаивали и пропагандировали российскую историческую память. Они создали институциональные и правовые основы политики памяти, которые получили новый импульс развития в период воссоединения.

Современные исследования исторической памяти и политики памяти в Крыму развиваются по двум основным направлениям. Во-первых, это анализ исторического самосознания жителей региона, а во-вторых, описание форм исторического просвещения и патриотического воспитания. К первому направлению относятся работы социологов В.А. Чигрина и В.В. Харабуги (Чигрин, Харабуга 2015, 23–34), Н.Г. Денисова (Денисов 2017, 67–71), Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, Д.Н. Карзубова (Бродовская, Домбровская, Карзубов 2017, 51–61), политологов Л.П. Нелиной, О.В. Ярмач и А.А. Ирхина (Нелина, Ярмач, Ирхин 2019, 35–53), социологов А.А. Хлевова, Е.В. Латышевой и В.А. Чигрина (Хлевова, Латышева, Чигрин 2019, 158–169), С.Д. Савина (Савин 2019, 133–140). Важны и исследования исторической памяти крымских татар в контексте травм виктимности, проведённые Е.Н. Велешко (Велешко 2015, 127–137), Д.В. Маковской, Г.В. Косовым и Л.Н. Гарас (Маковская, Косов, Гарас 2021, 164–174). Второе направление, на наш взгляд, развито в меньшей мере. К нему относятся работы И.А. Аполлонова и О.Р. Тучиной о локальных коммеморативных практиках в Севастополе (Аполлонов, Тучина 2022, 136–149), О.С. Зенцовой о этнических туристических проектах (Зенцова 2016, 121–126), К.А. Керимова и О.А. Котляровой о концепции исторического образования в Крыму (Керимов, Котлярова 2021, 105–111), Л.О. Терновой о преподавании

исторического краеведения (Терновая 2023, 19–29), И.Н. Наумова, Н.В. Дулиной и Д.Ю. Шарапова о роли средневековых городов Крыма в сохранении южнороссийской исторической памяти (Наумов, Дулина, Шарапов 2021, 50–54).

Источники исследования – законодательные акты Российской Федерации, Республики Крым и г. Севастополя; отчётные и аналитические доклады органов государственной власти и национально-культурных обществ; выступления политических деятелей; опубликованные результаты анкетных и экспертных опросов; буклеты и рекламные объявления музеев Крыма; сообщения массмедиа.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Выясняя особенности исторической памяти жителей Крыма, следует учитывать полиэтничность и поликонфессиональность населения региона, как и подвижность конструируемых идентичностей. Согласно итогам Всекрымской переписи населения (осень 2014 г.), русские составляли 67,9% жителей полуострова, указавших свою национальность, украинцы – 15,7%, а крымские татары и назвавшие себя просто «татары» – в совокупности 12,6% (Итоги переписи населения 2015, 121–124). Знание русского языка подтвердили 99% крымчан, знание украинского – 21,7%, крымскотатарского и татарского языков – 6,5% [Итоги переписи населения 2015, 143–144]. В том числе, родились на территории Крыма 45,6% постоянных жителей, в том числе – 50% русских и 30% украинцев. Наибольший процент местных уроженцев отмечен в крупных городах [Итоги переписи населения 2015, 232–233; Чигрин, Харабуга 2015, 30]. По 85% верующих русских и украинцев называют себя при социологических опросах православными, 97,8% крымских татар – мусульманами (Столетие, 2012). То есть, этническая и религиозная самоидентификации совпадают в высокой мере. Вместе с тем, по итогам переписи 2020 г., русские составляют уже 76,4% жителей Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших национальность, украинцы – лишь 7,7%, а крымские татары – 11,4%. Ещё 1,4% назвали себя просто «татарами». Массовых миграций не было. Рост доли русских в населении Крыма в 2014–2020 гг. происходил, в том числе, за счёт добровольной смены идентичности украинцами, что объясняется слабым владением украинцами родным языком – 44,6% (Управление Федеральной службы государственной

статистики по Республике Крым и г. Севастополю, 2021). Итак, наиболее прочными этническими идентичностями в Крыму являются русская и крымскотатарская.

Формирование российской национальной идентичности идёт на полиэтничной основе. Анкетный опрос под руководством И.В. Задорина в 2018 г. (выборка 400 чел. старше 18 лет, всех национальностей) показывал, что считали себя в первую очередь российскими гражданами 41% респондентов, жителями Крыма – 35%, жителями города или села – 16%. Наивысший процент признававших себя российскими гражданами был среди русских, наименьший – среди украинцев и крымских татар (Задорин 2018, 110). В апреле 2023 г. заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей России С. Бедкин заявил, что по итогам социологического опроса 93,8% жителей Крыма считают себя в первую очередь гражданами России (ТАСС, 2023).

Указанное распределение самоидентификаций крымчан проецируется, в том числе, на восприятие цивилизационной принадлежности региона и оценку важнейших исторических процессов. Как полагают социологи Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская и Д.Н. Карзубов, историческая память имеет сложное строение, включая в себя взаимодействующие компоненты:

1) глубинные составляющие политико-культурной «матрицы» (менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы представлений индивидов о своей принадлежности);

2) культурно-символические компоненты (господствующие в обществе ценности и образы, символическое пространство, совокупность важнейших маркеров самоидентификации);

3) конструируемые элементы (воздействия государства посредством идеологии и информационной политики на выбор идентичности и стереотипы национальной идентичности граждан) (Бродовская, Домбровская, Карзубов 2019, 52).

Массовый опрос 1100 студентов из всех городов Крыма в 2016 г. (выборка репрезентативна по полу, возрасту и месту жительства), проведённый под руководством Е.В. Бродовской, подтвердил, что события российской истории XX в. являются наиболее узнаваемыми, своеобразным «стержнем» исторической картины мира. Так, события Второй мировой войны считают ключевыми в истории 33,6% опрошенных в Республике Крым (РК) и 41,3% в

г. Севастополе; образование и распад СССР – 15,5% в РК и 12,6% в городе; революцию 1917 г. – соответственно, 13,2 и 8,5%. Упоминания более ранних исторических событий – освобождения Руси от ордынского ига, правления Ивана Грозного, Смутного времени, реформ Екатерины Великой и даже присоединения Крыма к России в 1783 г., Крымской войны 1853–1856 гг. достаточно редки (не более 8% ответов). В диапазоне от 10 до 15% узнаваемости находились реформы Петра Великого, Отечественная война 1812 г. и освобождение крестьян от крепостного права (Бродовская, Домбровская, Карзубов 2019, 52–54). Такое состояние исторической памяти во многом было результатом образовательной политики, проводившейся украинскими органами власти в Крыму до 2014 г., а также нехватки объективных источников исторических знаний. Тем не менее, опрошенные студенты проявляли позитивное отношение к российской истории: 59% считали, что необходимо беречь традиции, 47% – гордиться победами предков, 32% – быть причастными к великой культуре ((Бродовская, Домбровская, Карзубов 2019, 59).

Другой анкетный опрос, в ноябре – декабре 2017 г., провели политологи Севастопольского государственного университета Л.П. Нелина, О.В. Ярмак и А.А. Ирхин. Пропорциональная выборка составляла 1600 студентов в РК и г. Севастополе, возраст – от 17 до 25 лет. Абсолютное большинство респондентов (52,8%) признало единство преемственных этапов российской государственности – от Древней Руси до современности, а ещё 31,6% признало начальной точкой этой преемственности формирование Русского централизованного государства в XV – XVI вв. Основными достижениями истории России опрошенные студенты считают (по убывающей): «огромный размер территории страны» (52,6%), «сохранение независимости государства» (46,4%), «военную мощь и наличие ядерного щита» (37,1%), «создание уникальной культуры» (34,4%), «особый национальный характер россиян» (33,2%), «мир и согласие между народами» (27,4%). Ключевыми чертами российского государства респонденты назвали его стойкость перед иностранными нашествиями, полиэтничность и отсутствие союзников в мире. По мнению опрошенных, их исторические представления – результат, прежде всего, обучения в университете, а во вторую очередь – воспитания в семье и информации массмедиа. Считают, что они систематически ищут новые знания об истории России, 24,9% респондентов, а ещё 37,3% проявляют непостоянный, более поверхностный интерес

к истории. Познание событий прошлого сочетается с интересом к великим историческим личностям, культуре страны. Характерно, что исторические памятники Крыма более узнаваемы в восприятии студентов, чем таковые в других регионах России (Нелина, Ярмук, Ирхин 2018, 121–124).

В более широком историко-культурном контексте такое состояние исторической памяти характерно для контактных ареалов цивилизаций, где обычно более ярко проявляются признаки цивилизационной и национально-государственной идентичности; где более отчётливо сформирован образ «Другого», с которым жители региона себя сравнивают по контрасту. Так, 78% участников онлайн-опроса в Крыму, организованного Санкт-Петербургским университетом осенью 2018 г. (выборка 1115 чел.) назвали Россию цивилизационной общностью, а не просто государством (Савин 2019, 139). Крым в целом и особенно г. Севастополь являются местом проживания многих ветеранов Вооружённых Сил, для них символы исторической гордости неразрывно связаны с жизненным опытом. Например, в 2010 г. 14% севастопольцев продолжали считать себя советскими людьми, и это тоже – ресурс укрепления российской исторической памяти (Гапизов 2021, 199).

В анкетном опросе, организованном Санкт-Петербургским государственным университетом осенью 2018 г. (выборка 1115 чел. при онлайн-форме) интересен выбор наиболее популярных исторических героев. Как и при всероссийских опросах, студенты чаще всего называли И.В. Сталина (12,5%), Петра I (11,4%) и Екатерину II (10,6% ответов). Достаточно часто упоминались исторические деятели, прославившие себя в Крыму: А.В. Суворов, М.И. Кутузов, П.С. Нахимов, И.К. Айвазовский, С.П. Королёв. Среди представителей крымскотатарского народа чаще всего упомянуты Исмаил-бей Гаспринский и Амет-Хан Султан. Исторические деятели Украины назывались респондентами крайне редко. Как отмечает С.Д. Савин, важную спланивающую роль в исторической памяти крымчан играет День Победы (им гордятся 92% опрошенных) (Савин 2019, 137–138).

Представляет интерес также анкетный опрос, проведённый А.А. Хлевовым, Е.В. Латышевой и В.А. Чигриным в 2019 г. (выборка 211 студентов в возрасте 17–22 года). На вопрос «Что в истории России вызывает у Вас наибольший интерес», половина респондентов (50,7%) ответила: «великие люди российской истории». На

втором месте были достижения в литературе и искусстве, науке и технике и политике – 47,4% ответов; на третьем – становление и развитие государства – 36,5%; на четвёртом – события военной истории – 35,5% на пятом – экономическое развитие страны – 23,2%. Источниками своих знаний по истории опрошенные назвали: кинофильмы – 70,6%; учебники – 62,1%; уроки – 55,9%; музеи и экскурсии – 51,2%; рассказы людей старшего поколения – 46,9%; телепередачи – 43,1%; воспоминания и художественную литературу – 34,1%; специальную историческую литературу – 30,8% (Хлевов, Латышева, Чигрин 2019, 163–164). Итак, состояние исторической памяти крымчан за 2015–2019 гг. изменилось к лучшему.

В то же время, развитие исторической памяти не должно быть стихийным. Необходима целенаправленная историческая политика, одним из направлений которой является политика памяти, формирующая положительное отношение к событиям прошлого, к достижениям и символам гордости российской нации, к государству и его социокультурным опорам. Важными правовыми основаниями такой политики стали: Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (Система «Гарант», 2014), а также «Государственная программа развития образования в Республике Крым на 2016–2025 гг.» (Министерство экономического развития Республики Крым, 2016), «Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России "Республика Крым – территория межнационального согласия"» (Министерство экономического развития Республики Крым, 2018). В них поставлены задачи формирования «гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Только последняя из упомянутых программ предусматривает финансирование на сумму 2966,448 млн руб. в 2024 г. (Министерство экономического развития Республики Крым, 2018). Созданы новые обобщающие академические труды по истории Крыма, систематически проводятся международные и всероссийские научные конференции на

базе музея-заповедника «Херсонес Таврический», Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Севастопольского государственного университета.

Основными институтами политики памяти в Крыму являются территориальное управление Федерального агентства по делам национальностей, а также Министерство культуры РК, Министерство образования, науки и молодёжи РК, Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, аналогичные учреждения в системе органов власти г. Севастополя.

Уделяется внимание важнейшим историко-культурным символам гордости Крыма. В том числе, историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» получил в 2015 г. статус особо ценного объекта культурного наследия федерального значения. В 2019 г. начато создание историко-археологического парка «Херсонес Таврический», который, в том числе, включит в себя музей истории христианства, музей истории античности и Византии (Эрлихман 2024, 40–43). Важнейшими музейными учреждениями, участвующими в формировании исторической памяти крымчан, стали Центральный музей Тавриды (г. Симферополь), Этнографический музей (г. Симферополь), Музей героической обороны и освобождения Севастополя, музейный комплекс 35-я береговая батарея (г. Севастополь), Восточно-Крымский историко-археологический музей (г. Керчь), Судакский исторический музей, историко-этнографический маршрут «Малый Иерусалим» (г. Евпатория) и др. (Музеи Крыма, 2009).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге исследования доказано, что полиэтничное крымское сообщество ещё до воссоединения региона с Россией проявляло цивилизационную и историческую приверженность Российскому государству; активно действовали местные органы управления, общественные объединения, историки и краеведы, которые поддерживали историческую память о единстве с Россией. На основе данных социологических опросов доказано постепенное укрепление знаний крымской молодёжи об отечественной истории, повышение уровня российской национальной идентичности вследствие проводимой политики памяти. Благодаря данной политике удалось снизить уровень межэтнической и межконфессиональной

напряжённости, обеспечить позитивное восприятие подавляющим большинством крымчан межэтнических отношений. Установлены важнейшие символы гордости – события истории Крыма и России, которыми являются Победа в Великой Отечественной войне, достижения советского периода истории, присоединение Крыма к России в 1783 г., принятие Русью христианства в Херсонесе Таврическом. Ведущими институтами политики памяти в российском Крыму (2014–2024 гг.) являются профильные республиканские министерства. Политика памяти реализуется при активном участии музеев, образовательных учреждений, военно-патриотических и иных общественных объединений, массмедиа.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтабаева Екатерина, Коваленко Виталий. 2014. *Потомству в пример (Севастополь от основания до начала XX века). Учебное пособие. 3-е изд.* Севастополь: Телескоп.
- Аполлонов, Иван, Тучина, Оксана. 2022. „Национальная и локальная идентичность и городские коммеморативные практики: кроссрегиональный анализ (Севастополь – Новороссийск)”. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология*, 8 (74): 4, 136–149. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.
- Ассман, Алейда. 2014. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика.* Москва: Новое литературное обозрение.
- Бродовская, Елена, Домбровская, Анна, Карзубов, Дмитрий. 2017. „Образ исторического прошлого России в представлениях молодежи Крыма и Севастополя: результаты прикладного исследования”. *Парадигмы и истории общественного развития* 6–7, 51–61. Севастополь: Севастопольский государственный университет.
- Буров Геннадий, Колтухов Сергей, Петрова Элеонора и др. 2009. *История Крыма с древнейших времён до наших дней (в очерках). 5-е изд., испр. и доп.* Симферополь: Атлас-компакт.
- Велешко, Елена. 2015. „Виктимная составляющая в политическом поведении депортированных этносов в Крыму”. *Политическая*

- экспертиза. ПОЛИТЭКС* 11: 4, 127–137. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Вяземский, Евгений. 2011. „Историческая политика как инструмент взаимосвязи профессиональной историографии и коллективной памяти” *Преподавание истории в школе* 2: 20–24. Москва: Редакция журнала „Преподавание истории в школе”.
- Гапизов, Заур. 2021. „Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство”. *Государственное управление. Электронный вестник* 85: 189–210. Москва: Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Григорьянц Виктор, Жильцов Сергей, Ишин Андрей, Мальгин Андрей. 2011. *Федерализация Украины: к единству через разнообразие*. Москва: Восток – Запад.
- Денисов, Николай. 2017. „Историческая память как объект и предмет современного социокультурного и образовательного проектирования (на примере Кубани и Крыма)”. *Культурное наследие России* 4: 67–71. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
- Дюличев Валерий. 2008. *Крым. История в очерках*. Симферополь: Рубин; ЧП Бинькин.
- Задорин, Игорь. 2018. „Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости»”. *Полития* 2: 102–136. Москва: Автономная некоммерческая организация «Полития».
- Зенцова, Ольга. 2016. „Проект «Этника–Крым» – инновация в туризме Крыма и Севастополя”. *Стратегия устойчивого развития регионов России* 33: 121–126. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.
- Зубарев Андрей, Пушкарёв Станислав, Вишневская Елена, Пересунько Виктор. 2009. *Музеи Крыма: справочник-путеводитель*. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография».
- Иванов, А. 2012. „Полуостров раздора. Этнорелигиозный конфликт в Крыму: кто раздувает пламя?”. *Интернет-газета „Столетие”*. Последний доступ 15 января 2024 г.

http://www.stoletie.ru/geopolitica/_poluostrov_razdora_851.htm#comment/

- Информационное агентство ТАСС. 2023. „В ФАДН заявили, что уровень общероссийской гражданской идентичности в Крыму вырос до 93,8%”. *Информационное агентство ТАСС*. Последний доступ 10 февраля 2024 г. <https://tass.ru/obschestvo/17572823>
- Керимов, Кирилл, Котлярова, Ольга. 2021. „К вопросу о формировании современной концепции исторического образования в Республике Крым”. *Вопросы устойчивого развития общества* 9: 105–111. Махачкала: Дагестанский государственный университет.
- Миллер, Алексей. 2012. „Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в.” *Историческая политика в XXI веке: Сборник статей*. науч. ред. Алексей Миллер, Мария Липман, 7–32. Москва: Новое литературное обозрение.
- Маковская, Дарья, Косов, Геннадий, Гарас, Людмила. 2021. „Дискурсы проецирования факта депортации 1944 г. на конструирование виктимного восприятия крымскими татарами процесса адаптации: на примере электронных СМИ”. *Современная наука и инновации* 3: 164–174. Пятигорск: Северо-Кавказский федеральный университет.
- Министерство экономического развития Республики Крым. 2017. „Об утверждении Государственной программы развития образования в Республике Крым на 2016–2025 годы”: Постановление Совета министров Республики Крым от 16.05.2016 г. № 204 (ред. от 06.10.2017). *Министерство экономического развития Республики Крым*. Последний доступ 10 февраля 2024 г. <https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2018/strategy/gosprog/utv/12.pdf>
- Министерство экономического развития Республики Крым. 2018. „Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия»”: утверждена Постановлением Совета Министров Республики Крым от 29.01.2018 г. № 30. *Министерство экономического развития Республики Крым*. Последний доступ 10 февраля 2024 г. <https://minek.rk.gov.ru/structure/fd01acdc-1a31-483d-bfd6-d4c3c4d1e1a5>

- Наумов, Игорь, Дулина, Надежда, Шарапов, Дмитрий. 2021. „Культурно-познавательный потенциал средневековых городов Крыма в сохранении общей исторической памяти ЮФО РФ”. *Primo Aspectu*, 2 (46), 50–54. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет.
- Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе*. 2015. Москва: „ИИЦ Статистика России”.
- Нелина, Лариса, Ярмак, Ольга, Ирхин, Александр. 2019. „Историческая память в структуре государственно-гражданской идентичности студенчества Крыма и Севастополя”. *Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития*, 35–53. Севастополь: Севастопольский государственный университет.
- Никифоров Андрей, Киселёв Сергей, Мальгин Андрей. 1995. *Три проекции крымской идеи*. Симферополь: Крымский архив.
- Нора, Пьер. 1999. „Проблематика мест памяти”. *Франция – память*. изд. Пьер Нора и др., 17–50. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Островская Инна. 2019. *На разломе: Из истории становления и развития русского движения в Крыму и Севастополе. 1991 – март 2014 г.* Симферополь: ООО «Антиква».
- Савин, Сергей. 2019. „Национальная идентичность и историческое сознание крымчан (по материалам социологического исследования”. *Миф. Культура. Этнос. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции*, 133–140. Симферополь: Ариал.
- Система «Гарант». 2014. „О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития”: Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268. Система «Гарант». Последний доступ 10 февраля 2024 г. <https://base.garant.ru/70641266/>
- Терновая, Людмила. 2023. „Историческое краеведение Крыма: актуальность и уникальность университетского учебного курса”. *Альманах Крым* 38: 19–29. Москва; Севастополь: Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

- Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. 2021. „Всероссийская перепись населения 2020 г. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 5.3.1”. *Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю*. Последний доступ 10 февраля 2024 г. <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179764>
- Филатов, Анатолий. 2013. „Русский Крым: внешние угрозы и внутренние вызовы. Крым пока избегает украинства”. *Газета „Крымское эхо”*. Последний доступ 22 февраля 2014 г. <http://www.kr-eho.info/index.php>
- Хальбвакс, Морис. 2005. „Коллективная и историческая память”. *Неприкосновенный запас* 2–3 (40–41): 8–27. Москва: Новое литературное обозрение.
- Хлевов Александр, Латышева Елена, Чигрин Виктор. 2019. „Российская национально-культурная идентичность: опыт исследования исторической памяти молодежи Республики Крым”. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*, 5 (71): 1, 158–169. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.
- Чигрин, Виктор, Харабуга, Виктор. 2015. „Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества”. *Вестник Института социологии* 4 (15): 23–34. Москва: Институт социологии РАН.
- Эрлихман, Виктор. 2024. „Новый древний Херсонес”. *Историк*, 3: 40–43. Москва: Институт социально-экономических и политических исследований.

Professor Dr. Andrey V. Baranov, Russian Federation

*Department of Political Science and Political Management,
Kuban State University, Krasnodar*

HISTORICAL MEMORY OF THE CRIMEAN COMMUNITY AS A RESOURCE FOR STRENGTHENING RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Abstract

The reunion of Crimea with Russia is based on the stable Russian identity of the majority of the inhabitants of this region. In this context, the purpose of the article is to determine the state and trends in the development of the historical memory of Crimeans as a resource for strengthening national identity. The most important symbols of pride are the events of the history of Crimea and Russia, as well as the institutions of the memory policy in the Russian Crimea (2014–2024).

Keywords: *historical memory, Russian national identity, memory policy, integration, Crimean community.*

Профессор, д-р- Елена Вакулина, Российская Федерация
Профессор д-р Наталья Белоус, Российская Федерация

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
Брянск*

КОММУНИКАТИВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу вопросов формирования российской национальной идентичности и роли в этом процессе исторической памяти. Проанализированы составляющие исторической памяти, а также их значимость для дальнейшего формирования и укрепления национальной идентичности россиян.

Ключевые слова: *историческая память, культурная память, коммуникативная память, российская национальная идентичность, государственная политика, политика памяти.*

Изучение национальной идентичности является проблематичным процессом. С одной стороны, конечно, его следует рассматривать как социально-политическое явление. С другой стороны, большинство исследователей уделяют внимание этнологическим, социокультурным и социально-психологическим аспектам. Кроме того, имеется неясность самого понятия. На наш взгляд, подобные противоречия во взглядах естественны, поскольку мы пытаемся описать явления социального характера. Это описание может быть только междисциплинарным.

Само явление и, следовательно, его понимание не являются постоянными во времени, зависят от социальных и политических ценностей, а также варьируются от государства к государству. Можно сказать, что русские в царской России, Советском Союзе и современной Российской Федерации не только по-разному понимали свою принадлежность к стране, но и выделяли разные характеристики, по которым осуществлялась эта идентификация. В то же время, рассматривая национальные особенности идентичности европейских народов, следует отметить, что она также весьма разнообразна (Бергельсон 2019, 8).

В силу принадлежности к группе люди придерживаются определенной системы представлений, ценностей и идей. Образ прошлого формируется как на индивидуальном, так и на коллективном уровне под влиянием собственного социального опыта людей, а также разнородной информации извне.

Оценки, которые формируют личность и социальные группы, могут меняться с течением времени в зависимости от разных социальных контекстов, что также приводит к изменению образа прошлого. Следует отметить, что историческая память, в отличие от исторической хроники и данных исторической науки, является не столько логической конструкцией, сколько оценочной. При этом историческую память следует рассматривать как живую психическую систему: она не только формируется под влиянием существующей социальной реальности, но и формирует как эту реальность, так и саму себя в зависимости от ее текущего состояния. В связи с тем, что историческая память, ценимые ею ментальные фильтры и оценки напрямую связаны с личностью человека или социальной общности, различные события прошлого получают отклики разной степени выраженности.

Поэтому конфликты идентичности и ценностей часто приводят к конфликтам, связанным с исторической памятью. Высокая скорость изменений в обществе, особенно когда фундаментальные изменения затрагивают политическую систему и политические ценности, приводит к тому, что вопросы исторической памяти актуализируются и обостряются. Неопределенность, вызванная переменами, неуверенность людей в результатах этих перемен заставляет людей обращаться к прошлому и своей исторической памяти: «Чем выше нынешний внутренний конфликт, тем больше прошлое используется как холст, на котором проявляется стремление к единству и прогнозируется долголетие» (Филимонов 2019, 127).

Вопросы идентичности находятся в центре внимания современных исследователей. Россияне ощущают себя нацией, социально-политической единицей, демонстрирующей наличие зарождающейся идентичности. Следует отметить, что национально-государственная идентичность – это одна из многих идентичностей, к которым себя причисляет человек: этнонациональная, территориальная, профессиональная, религиозная и другие. Принадлежность к этим идентичностям может либо способствовать, либо противодействовать принятию идентичности национального государства.

Формирование идентичности происходит в обществе как на уровне его ценностей и убеждений, так и среди каждого отдельного гражданина. В этом процессе участвуют как государственные, так и гражданские институты. Эти процессы носят конкурентный характер: В современном информационном обществе, обществе, основанном на демократических принципах, многообразии мнений, многосубъектности в политике и открытости внешним воздействиям, борьба за идентичность возникла как разновидность политической борьбы. Ряд субъектов этой борьбы могут действовать с намеренно деструктивными установками по отношению к обществу и государству, пытаясь вовлечь граждан, и особенно молодежь, в деструктивные, экстремистские, а иногда и террористические организации. Задача государства в этих условиях – сформировать устойчивую национально-государственную идентичность, конкурентоспособную в условиях жесткой конфронтации.

Историческая память россиян в настоящее время подвергается суровому испытанию: представляемое десятилетиями видение истории было немедленно отвергнуто, а события и личности российской и особенно советской истории получили новую, преимущественно негативную оценку. В девяностые годы прошлого века либеральные и демократические ценности были навязаны в их западном понимании, они провозгласили приоритет «общечеловеческих ценностей» (фактически, тех же западных) над национально-государственной идентичностью, которая привела к заимствованию негативных оценок, а также систем оценок, выставяющих российскую историю в невыгодном свете.

Улучшение ситуации можно заметить уже в начале 2000-х годов. Социологи отмечают тенденцию к усилению национально-гражданской идентичности (Горшков 2013, 16). Во многом это стало возможным за счет усиления патриотической работы, особенно с молодежью, пересмотра негативных политических

установок предыдущих десятилетий и сложившихся в то время взглядов на историю.

Исследователи выделяют два компонента исторической памяти: коммуникативную и культурную память. Культурная память относится к далекому прошлому, сформированному символами и мифами. Оно не распространяется само по себе и требует для своей передачи специальных механизмов и институтов, определяющих контроль над ним через формирование и реализацию государственной политики. Коммуникативную память можно отнести к исторической кратковременной памяти, охватывающей период не более пятидесяти лет. Ее еще называют «устной историей», «памятью поколений», «живой памятью» (Напсо 2019, 35). Несомненно, обе составляющие важны и должны быть отражены в государственной политике. При этом необходимо учитывать большее значение коммуникативной памяти. На наш взгляд, это определяется тем, что «память поколений» всегда более яркая и эмоционально насыщенная. Восприятие современным россиянином событий специальной военной операции на Украине ярче, чем Великой Отечественной войны, несмотря на чрезвычайно высокую значимость последней в формировании как национально-гражданской, так и этнической идентичности.

Следовательно, политика исторической памяти, подчеркивающая относительно недавние события, имеет больше шансов на быстрый успех. Однако в стремлении к этому быстрому успеху игнорирование событий культурной памяти и невнимание к ее созданию может иметь глубокие негативные последствия. В случае работы с коммуникативной памятью усилия профессиональных историков почти гарантированно получают общественную поддержку. В случае с культурной памятью они могут оказаться единственными, кто столкнулся с этой проблемой. Второе, что следует отметить, это то, что культурная память носит во многом этнический характер, поскольку события происходили в разных социально-политических сообществах и условиях. Точно так же могут возникнуть неясности и при оценке исторических личностей. События коммуникативной памяти формировались в современных общественно-политических реалиях или в реалиях предыдущего периода. Это определяет их во многом социально-политический характер, способность объединять граждан в общественно-политическую общность. Можно сказать, что россиян сейчас больше объединяет приверженность ценностям, культуре и достижениям советской эпохи и эпохи современной России. К ним относятся,

прежде всего, победа в Великой Отечественной войне, научные, технические и спортивные достижения, музыка и кино. Все это относится к достижениям многонациональной российской нации и поэтому имеет первостепенное значение в формировании и сохранении ее идентичности. Дискредитация и принижение этих ценностей для оппонентов страны является приоритетной мерой.

Это отчетливо видно на примере ряда бывших советских республик: они дистанцируются от России. Это показывает необходимость сохранения единства культурного и информационного пространства, позволяющего управлять ценностями и оценками.

Ключевым политическим документом, определяющим государственную политику исторической памяти и формирования российской национальной идентичности, является работа Президента В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» (Путин 2012, 6). По мнению Президента, невозможно рассматривать Россию и ее национальную идентичность в отрыве от аналогичных процессов на всем постсоветском пространстве. Отмечено, что Россия формировалась и развивалась как многонациональное (полиэтническое) государство, в котором на всех уровнях взаимодействия шел процесс взаимного проникновения и смешивания сотен этносов на всех уровнях социального взаимодействия: семейном, дружеском, производственном. Стержнем и скрепляющей тканью такого взаимодействия и взаимопроникновения всегда являлась русская культура и русский народ. Говоря о едином культурном коде нашей страны, Президент подчеркивает, что «русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой – чужой» определяется общей культурой и общими ценностями» (Путин 2012, 7).

Носителями такой идентичности являются не только этнические русские, но и русские других этнических групп. Хотя эта идентичность и лежащий в ее основе культурный код неоднократно подвергались испытаниям в последние годы, ее удалось сохранить и укрепить. Подчеркивается высокая важность сохранения и укрепления системы образования, задачей которой является «обеспечение каждому абсолютно обязательного уровня гуманитарных знаний, составляющих основу самоидентичности народа».

Национальная политика в России должна развиваться с приоритетом гражданского патриотизма и не допускать постановки

национальных или религиозных особенностей выше единства и законов государства. Это должно быть обеспечено, в том числе, путем уважения и учета национальных и религиозных особенностей россиян законами государства.

Исследователи отмечают, что в третьем десятилетии двадцать первого века мы наблюдаем серьезный прогресс в реализации национальной политики (Филимонов 2019, 129).

Динамика исторической памяти установлена многими исследователями. Одни и те же события разные поколения могут воспринимать по-разному, что может определяться как динамикой политических ценностей, так и способом передачи этих событий: коммуникативной или культурной памятью. Выявлена контекстуальная зависимость как качества восприятия того или иного исторического персонажа (положительное или отрицательное восприятие), так и степени его значимости. В качестве примера российской действительности можно привести изменившуюся оценку Октябрьской революции. Если в советское время оно воспринималось сугубо положительно как важнейшее событие в истории не только страны, но и всего человечества, то сегодня не только оценки расходятся, но и снижается значимость этого события в исторической памяти (Филимонов 2019, 131). Формирование исторической памяти, как и социально-политического контекста, также зависит от типа коммуникации. Трансформация исторических форм общения от устной, письменной и печатной к современной электронной коммуникации приводит к изменению форм передачи исторической памяти.

Вопросы исторической памяти и национально-гражданской идентичности находятся в центре внимания российских и зарубежных исследователей.

Национально-государственная идентичность, является одной из широкого спектра идентичностей, к которым себя причисляет человек. Принадлежность к этим идентичностям может как способствовать принятию национально-государственной идентичности, так и противодействовать ему. Существенные проблемы, связанные с идентичностью россиян в первые годы строительства новой России во многом были преодолены в начале двадцать первого века. Однако, современная политика предполагает жесткое противостояние на уровне ценностей и мировоззрения, что привело к «войне памяти». В этих условиях особую значимость имеет формирование национально-гражданской идентичности россиян,

способной противостоять этому жесткому прессингу, умения быть патриотом страны.

Россиян в настоящее время, объединяет приверженность к ценностям, культуре и достижениям советского периода, и периода новейшей России. Сюда, относится победа в Великой Отечественной войне, научно-технические и спортивные достижения, музыка и кинематограф. Все это относится к достижениям многонациональной российской нации и, посему, наиболее значимо для формирования поддержания ее идентичности. Эти ценности и культурные образцы входят в ближнюю коммуникативную историческую память и поэтому воспринимаются эмоционально гражданами как наиболее значимые. В контексте этих ценностей, прежде всего, реализуется активная историческая память, основанная на гражданском участии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергельсон Е. Ю. 2019, «Исследование ресурсов исторического опыта для формирования личностной и национальной идентичности современного человека». *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. Т. 2, № 8: 7–11. Барнаул: Алтайский государственный университет.
- Горшков, Михаил Константинович. 2013. «Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укрепления доверия в контексте глобальных процессов». *Гуманитарий Юга России*, 11–25. Ростов-на-Дону: Омега-Пресс.
- Напсо, Марьяна Бахсетовна. 2019. «Национальная идентичность в современных условиях: к вопросу о перспективах правового признания ценностей национальной идентичности». *Современное право*, № 4: 34–39. Москва: Новый индекс.
- Путин, Владимир Владимирович. 2012. «Россия: национальный вопрос». *Независимая газета*, 6–9. Москва: Независимая газета.
- Филимонов, Дмитрий Александрович. 2019. «К вопросу о роли русской исторической памяти в формировании российской национальной идентичности». *PolitBook*, № 2: 123–139. Москва: НИИ общественных и политических наук.

Prof. Dr. Elena Vakulina, Russian Federation

Prof. Dr. Natalya Belous, Russian Federation

Bryansk State University

Bryansk

COMMUNICATIVE AND CULTURAL MEMORY IN THE FORMATION OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Abstract

The article is devoted to the analysis of issues of the formation of Russian national identity and the role of historical memory in this process. The components of historical memory are analyzed, as well as their significance for the further formation and strengthening of the national identity of Russians.

Keywords: *historical memory, cultural memory, communicative memory, Russian national identity, public policy, policy of memory.*

Marija S. Dokić, Republic of Serbia

*Institute for Political Studies
Belgrade*

TRANSCENDENCE OF THE IDEA OF *HISTORICAL CONSCIOUSNESS FROM CULTURE OF REMEMBRANCE TO THE REFLECTION OF NATIONAL CONSCIOUSNESS AND IDENTITY*

Abstract

The main aim of this paper is to acknowledge the most vital elements of the idea of historical consciousness developing itself through the growth of a nation, being maintained by its own agenda and national interests and reflected back to society through the upheaval of its historical roots, and apotheosis of the glory of deeds never forgotten. The grip of culture holds the picture of its history in the hands of time, the identity of time resurrects the past not only through the reality of the present moment but the future as well, because the very same cycle of battle never ends. The identity of a nation is (un)hidden in their history, and it is only through the historical consciousness and remembrance that the identity of the idea can and will be realized. The identity of a nation is formed by both, remembrance and oblivion, one necessary in order to understand and learn and the other in order to preserve, and in this paper will be acknowledged the reasons why. The spirit of history builds and resurrects itself through the gates of time, following the very same cycling nature of victory and defeat, and leaving a mark in history and culture, shaping the

worldview of the generations to come. The other important issue this paper will tackle is the belonging of history, are the winners those who obtain their rights to history as such and how can we unveil it, but also predict the possible outcomes and necessary political steps to take, keeping in mind that, while maintaining an eye on history, we can teach ourselves how to learn from it.

Keywords: *historical memory, spirit of history, culture of remembrance, the idea, historical consciousness*

What is the culture of remembering in its core, what does it imply and what does it mean to us? It's just a way of harmony presenting itself in the world, persisting as a force of nature that never collapses and that (un)consciously leads our lives, even when we are not aware of it. My main focus for this paper will be the aspect of *harmony* persisting in the culture of remembrance, because that is the very same aspect reflected back to us through the eyes of glory never to be forgotten, of the ones who created history, the ones who reshaped reality, and the ones who represented harmony in its peak mode. Harmony, in this paper, is also presented like the absolute idea in the Hegelian sense of way, like an all-encompassing law of nature that must make all others respect it, because its power never ceased to exist. Harmony not only affects our way of thinking; it forces us to come to terms with the idea of history and remembrance as being part of a puzzle in the greater scenery of the historical consciousness experiencing itself through time. Why do we remember? Because only through remembering and through history we can evaluate ourselves in the world, and also position us in our world, in accordance to it. There are four main aspects connected to the culture of remembrance, each one equally important and presenting a different way of looking at things, implying a different perspective:

Firstly, to acknowledge the position I am coming from, let us first reexamine what is actually a culture of remembering? A culture of remembering primarily consists of all the things consciously or subconsciously acknowledged by the people and nations who remember them, and that is the first layer of knowledge, those are the things that are pretty obvious to us, we know what we know and we understand things that need to be understood, based on our previous experience, but mostly formed by our subconscious beliefs which is actually a byproduct of the

culture of remembering. On the *first level*, we remember the pattern and it repeats in our behavior and our (un)conscious actions.

Then in the *second layer of understanding*, we evaluate history, and we try to learn from it. We compare ourselves with the figures of the past, we try to grasp and understand the bigger picture of history in retrospective, and we use the act of discernment to evaluate what is wrong and what is right. In the second level, the history is our guidance and our teacher, we remember not only to learn, but to survive as well. It is our most primal tool for survival, because without the lessons from history, the civilization will inevitably perish repeating the same mistakes.

The third level is the level of *the spirit of harmony* and that is the spirit that moves through nations and forms them all by embodying history itself. History grows through time, and in this concept, it is the history and the historical consciousness itself that is the main character, the very spirit of harmony which defines and creates nations and their glory, as much as their downfall. The third layer is the hardest to grasp, but still, inevitably exists, and it can be properly understood only from retrospective as a way of looking at things.

And the fourth, and final, it is *the level of circular motion*, because all civilizations follow the same journey and they embody the same structure of the journey within the constraints of space and time. So not only history, but harmony itself, repeats the very same pattern through space and time, enabling us to possibly predict the historical outcomes of certain actions and deeds.

The first two present the material level of understanding and things, and the second two follow the script of transcendence, of the idea finally realizing and reinventing itself, and most importantly, positioning itself as the primary force of nature, the force that creates the worlds and the memory of the world. For this statement, I will turn to Hegel's *Philosophy of History* where he embodies the quite similar idea, but he somewhat neglects the material part of the idea realizing itself through the eyes of material realm first. He comes to his point following the pattern from transcendence to material world, but it is important to know that material is equally important, because the things that form history are the very same things that are capable of reinventing and destroying it in a way. So let us first discuss why the idea of remembering creates and shapes the world as we know it, and how it is done.

In the first layer of history, we have traditions and values, they are formed by the will to understand the past and to celebrate it, because it

reinforces our position in a world. Every nation embodies its own set of values and traditions, in a way that it presents itself in the world. Every nation becomes what history set it out to be, and the script plays itself out perfectly. But the most interesting part isn't in what we consciously embody, but actually in those things that subconsciously guide us. Consciously, tradition is there to remember us who we are, but subconsciously, the tradition is there to shape us into what we can and may become. By remembering, we acknowledge the facts of history in our minds, we understand them and the agenda they present, but subconsciously, we share the hopes and fears of our nation, because we grew up on their influence, and those are the things that are almost impossible to escape. It is not very rare to hear the quote that we are the children of our time, but that is only partially true. In fact, we are the children of our histories, it's inevitable to become what history strived to be, because we are exposed to those factors, and they influence our decisions in a very huge degree. Our future was set in stone by our ancestors already, but it's only upon us what we're going to do about it. Nations do share the same dreams and fears, but they also share the same hope and will to accomplish what was left unfinished in history. We can understand this first layer from a Hegelian master and slave concept, and it's just history negating itself through time. In this concept let us consider the history as the master, but the present moment is the slave, in terms of being the slave to history because it is inevitably formed by it. It only response to the pressure of the past is to succumb to it or to overcome it, and we can see that from the shackles of the past, emerges the present moment, ready to become what past set it out to be, but to overcome it as well in a way. The history is repeating itself in circles. The history forms our identity by forcing us to remember and then inclining us to forget, in spite of forgetfulness, or exactly because of it, we learn to survive and then we can learn to thrive, and that is especially present in countries that were oppressed with violence and war. The spirit of harmony all present in history collapses by negating itself by something outward and tough, and then it emerges back in time, presented in the stories of those who are worth remembering throughout history, and that is the complete journey of transcendence. And yes, it is absolutely true and we know it very well, the winners do write history, but it is always the same idea in the landscape of history rewriting itself. It is always those who are capable of negating and affecting their surroundings in such a way that they present a force, almost a force of nature and they are

those who create a nation and are bound to reorganize reality in a way that was meant to be by the laws of harmony. It was never only about political identity because on a deeper level, the polarization must come to unity until the spirit is polarized again, and the stages go on *ad infinitum*. Is this the laws of nature affecting the very laws of our reality and identity? If we follow the cycling nature of reality, rise and fall of empires, Caesars of this world, history does have to tell us something, and as we can already notice that the pattern seems very much the same, maybe because, on a deeper level, it has to be that way.

On the first level, cultural memory is hidden in language. At first, the language we use is shaped by our past and the motives of our ancestors are hidden in our motives and in our words more than we think they are. Of course, there is a whole topic concerning this, especially in the work of linguists. There is always that hidden anticipation of ruminants of history in the way a specific nation speaks or clarifies its intention, and it is fully present in their metaphors. There is nothing like metaphors in language usage that could tell us more about its cultural heritage. There are very specific reasons for that, but some of them might come from fears or hopes or dreams, but also from all the layers of different aspects of existing as a whole, and as a part of a specific community, there is nothing more to it, we grow through our language and more specifically, our language guides us, it acts as a safe space and shelter for us, and it is by far our best cultural fingerprint, so in fact, talking about cultural memory is very much like talking about formation of a language, and a change of language often implies the change of consciousness of a nation, a revolution of language is a cultural revolution at its finest, and also, in its most cunning form.

In some cases, is it possible that transformation of a spirit is also present in a formation of language, and harmony of language implies harmony of spirit? It is very possible, because language and harmony exist on the same domain – the domain of the idea, and their cohesion and synchronicity are best seen through literature and philosophy books. And in fact, there is a tendency to connect a culture of remembrance to both discipline because literature offers us a valuable information about the conditions of a nation in one aspect of time, and through the literary works, there is always a way of cherishing and appreciating cultural heritage, so talking about past and communication with our past and tradition can simply be found by reading a book. Tradition grows and changes with us, and we are now behind a curtain of one identity, which

also gives people the feelings of togetherness and belonging. The whole concept of culture serves as a reminder that a spirit of a nation is formed in their togetherness, and it is especially seen in their accomplishments and through realizing of togetherness, that a new idea emerges. Culture is nothing but a collective memory, but with time, the memory can become misleading, still the spirit remains. And upon that spirit the other one is built. It is exactly in the spirit of belonging and togetherness that the culture of a nation is and can be realized. Tradition is the term that binds together the ideas and experiences of different people, but with time, those people develop different responses to different aspects of their identity and reality, and those different aspects form together a simple part of a tradition, and in time, a cultural memory. If something is deemed to have more importance, it survives the pressure of time and creates a response to the future in a form of a new traditional value, and in these traditional values we inherently recognize the spirit of a nation, lastly the spirit of harmony. It is exactly in this spirit that we can formulate the response to it. But the spirit of harmony also changes and grows through time, and that is absolutely the third aspect of culture of remembrance, the one which is a task for philosophy and in which we can acknowledge and recognize the hidden purpose behind.

Cultural memory feeds us and guides us, and gives us a sense of belonging. Through understanding of our cultural heritage, we are inclined to seek for more and to reinvent our fate, so cultural memory also helps us by being our guidance, but mostly it represents sheer harmony in its usual way of (un)becoming. So, by infusing with our tradition and with our eyes fixed on the past values, our task isn't just (re)creation but also transformation that will further present ways of coexisting harmonies, one to present what was left from the past and the other to guide us towards the future, and in a same way, to create that very same future. By acknowledging the past, we can in a way also predict the possible future and where the specific outcomes might lead, are we bound to repeat the same mistakes and how we can actually learn from them. Cultural memory is an entity in a way, but much like it, it also presents mythological aspects from the past, it is also a deity in a way, because it is capable of creating new worlds, even though it tends (strongly) to recreate the old ones. But in a moment when it transcends the negating parts of its structure, it becomes the idea of harmony experiencing itself through history, so we can say that the vary task of cultural memory is to get to that part, by overcoming its negating elements, and it must

happen, because all the polarities are just the idea of harmony negating itself through time just in order to finalize its journey and recreate itself again. “This simple infinity, or the absolute concept, is to be called the simple essence of life, the soul of the world, the universal bloodstream, which is omnipresent, neither dulled nor interrupted by any difference, which is instead itself both every difference as well as their sublation” (Hegel 2018, 98).

Time and space are primarily a source of reinvention for harmony, they are very much the closest aspects of it, and one of the most primal aspects of cultural memory discovered through and by political identity. Once reinvented, new memories become a part of a new identity, and the identity is formed partially by reinventing the memory. But then it grows with the person, and it grows with the nation. What was once a memory, now becomes a way of existing, a way of being, belonging and a way of expression of people, memories are hidden in a sublime way we pronounce some words, and in effort we impose to ignore the others, in a way we tell our stories and how we take pride in them. It is now certain what we can become – we become our nation’s forgotten dreams and not only we become it – we are our memories. It is a skin that grows with us, certainly our second skin, and in time, we wear it as a coat to keep us safe from the outer world. “As elements of collective identity are underpinned by factors that are purely symbolic, and the social body is simply a metaphor – an imaginary construct. As such, however, it has its own position in reality. The collective or “we” identity is the image that a group has of itself and which its members associate themselves. It therefore has no existence of its own, but comes into being through recognition by its participating individuals. It is as strong or as weak as its presence in the consciousness of its members and its motivating influence on their thoughts and actions.” (Assmann 2011, 114)

As an individual, we have our memories and those precious things that form us as a person, but as a nation we are an entity with a force that emerges from our memories and cultural heritage, and we form a formidable force together, and our force is hidden in our cultural memory. Our cultural memory is exactly the thing that keeps us together as a nation, and something most precious to us, because it makes us who we are, it simply defines us on all too many levels, but with it comes another risk – we are vulnerable – those who can steal and reinvent our stories can also steal our identity and we wouldn’t even be aware that it happened, that’s why the tradition must be kept at all times, and reminiscence is a

good thing that keeps us grounded and rooted in our own identity. We are the stories we tell ourselves repeatedly, and nation is now an entity that has its function, so in a way, it exists as a living breathing organism – and it can also grow exponentially, as it should and it will. That being said, as far as it goes with any organism it has its own purpose, and the purpose it has covers the third layer of our identity mentioned earlier – the layer of spirit and the layer of harmony. The layer of spirit transcends the notion of time and space, it coexists within the realms of discovery – discovery of the identity of the spirit. By recognizing itself, the spirit grows and develops into identity it primarily possesses, the identity of spiritual reality with the destiny of overcoming all the polarities within the spirit. So, it is really very easy to understand the notion of the spirit, once we see the elements within – it must overcome its own depth, by imposing a challenge in front of itself, and by overcoming that challenge, and growing indefinitely. But the growth of a spirit is still just a recurrence in a way it represents coming back to itself and forming a layer of identity, which is actually just recognizing the core identity reflected back from the mirror of the spirit, the identity of remembrance, therefore returning back to its own valuable spirit means obtaining a new reality based on the culture of remembrance. Antithesis to remembrance is forgetting, and through forgetting the value of the spirit, it gets the opportunity to reemerge back to itself, and this is the third metaphysical layer of historical reality. I must forget to remember, and you must forget to remember. But through cultural ascension we will all come back to our core identity. So let us now return to the first layer of reality – and this is the layer of tradition and guidance of that same tradition.

Tradition is exquisitely important because it is a compass for a nation, traditional values are first recognized as the soldiers of a spirit of a nation, and a powerful force. We have already acknowledged that our traditional values are presented in a way we talk, and our cultural heritage speaks about our habits, and speaks through our habits as well. For example, we have a lot of words for acknowledging family relationships, because family is extremely important for us, and it is recognized as a value by the way we talk. Loyalty keeps us bonded together as a nation and loyalty is the first cause that makes us realize the purpose of underlined traditional values. We grow together with them, and the aim is to outgrow them in a way that makes it all more valuable for us, and also for the learning process. It's a process that helps us discover our strengths and weaknesses as a nation, by obtaining the most beneficial

aspects of our ancestral heritage and obtaining a new perspective of things that were thought to be only memory. That is the main point about all those things that are considered memory, they are a fuel for growth and transformation, and cultural heritage is our greatest asset in times of need. The task of a nation is to resurrect from the ashes of the past, and to emerge from the disdain and disbelief. What is absolutely necessary for us, it is to learn from those things that hold a specific value for us and are also the primary source of justice and harmony from our cultural heritage. We should always try to see the best aspects, to nurture them as part of our tradition and mostly, incorporate them in our life.

Surely, our identity is mostly formed by the existing traces in our literature. By reading a book from a specific period in time, we get the exclusive opportunity to go back in time and revisit the past from the perspective of a writer. That's why it's one of the greatest assets of our time, to have books rewrite us the past before our very eyes and be our time capsule in a specific way, but most importantly, the pineapple of our cultural heritage and memory. When we learn from the past, we can transform the present and influence the future in the most prominent cultural dialogue possible. Where there is an opportunity for renewal, it can be acknowledged, and by reading, we obtain a new and fresh perspective on the past. It's not a coincidence that some things are greeted and remembrance is founded on them, while some others are completely omitted, it's a way of shaping cultural memory. When we control what is put in our books, we control what the future will learn about us to an important extent. But it has a much more dangerous effect as well. The books of today shape the views of tomorrow, also it's one of the most dangerous and lurkiest ways to steal someone's national identity, by imposing a false narrative long enough for it to lure into the system and threaten to destroy what was built. That's why, on the first and the second level of cultural remembrance, there must always be awareness, pure awareness and the ability to recognize the pattern, so we can protect what is rightfully ours. One of the fiercest and the best means of protection we have from the past is canon. The canon is the law and something most precious to us, canon is our consciousness developed by glory and refined taste. "The term canon refers to the kind of tradition which the content and form are as fixed and binding as they can possibly be. Nothing may be added, nothing can be taken away, and nothing may be altered" (Assmann 2011, 101).

In this cultural environment, only the greatest can stand the test of time. But more importantly, the canon embodies harmony, because the word of canon is something based on the principles of beauty and greatness, so when something manages to become so valuable to present a canon, we are talking about one of the brightest aspects of harmony here, which is why a canon is exactly the thing that is connected to the third aspect of cultural remembrance and memory, because, just like the Bible, it possesses the highest level of value, deeper meaning and harmony. Out of this level of harmony, all the other written levels are met, and we have a perfect pyramid of harmonious deeds incorporated into the reality. And where there is harmony, there is history. History is compelling us to understand the levels of harmony by presenting us the ideal in a form of the canon. When something is categorized as canon, it mustn't be forgotten, and it mustn't be changed, which then implies that canon is the highest level of cultural memory, considered harmonious *par excellence*. We must always try to get to the ideal, because the ideal is the one thing that is mostly connected to the truth. If something is truthful, it leads us to harmony, and harmony in return leads us to truth again.

“Canonization means that everything regarded as alien or irrelevant is excluded, whereas everything significant (in the sense of formative or normative) is sacralized, that is, given the status of binding obligation and unchangeability. These admittedly extreme examples show that ethnic identity and durability depend on cultural memory and the form of its organization” (Assmann 2011, 140). Beauty, justice, love are all considered the ideal in their purest form, the form which is connected to the highest realm of being, and that is what is expected of the highest level of harmonious existence – to look at the face of the thing and recognize the truth. The highest level of harmony always operates with the truth and always imposes a truth seeker mode in us, the one that leads us in justice and helps us to operate from the realm of truth. “For these rules, have the term “code”. By contrast, canon does not denote any anthropological universal, but it does stand for a special case – that of a principle, norm or value that is far more binding than an individual code such as the grammatical rules of a language. The only time we might possibly speak of canon in such a context would be in relation to a highly normative grammar, that is, an aesthetically or ideologically conditioned form of language (Assmann 2011, 98).

So, while we are operating on the first level of remembrance, we might use certain words, and might sound a certain way, all the while subconsciously giving credit to our cultural heritage and legacy. On the other hand, when we consciously think about the ways in which we can improve the world, and our community, we are certainly operating on the second layer and level of knowledge about things that shape us from the past, because when we are consciously aware and we know all the shortcuts and the upper hands, we can improve and/ or act accordingly. That being told, knowledge about things from the past, and especially our willingness to learn from it, definitely both guide us to better understanding of our world and lead us to noticing harmony in all the history and literature books that might be a representative example of greatness, and over time may become the canon, just like the Bible is, and the finest representation of the words of harmony. Finally, we notice the pattern repeats itself through time, we understand the cycling nature of the worlds around us and their civilizations, their rise and their fall. Now we have the full circle, all the four layers of culture of remembrance are there, and their purpose in history, their wonderful transcendence reflected to us in the spirit of a nation, that never ceased to amaze us. We notice the history ever so often gives us such bold characters, in their audacity the history is shaped under their wing, and those are the Caesars of the world. But (un)consciously, they also played their role on the stage of the world's history, they had their purpose on the grand scheme of things, they were in service and there because of the people and the nation that needed them and that needed to be reshaped. At one moment, they knew they needed to serve their purpose and they did it. They belonged to history, but only when there is justice, we can acknowledge a development of the spirit of harmony. Harmony never resides where injustice is.

Polarization naturally occurs and the reality of the historical spirit transcends it by forming something meaningful out of it, the reality is sometimes shaped and transformed according to the polarization process that occurs on all level of creation and things. We are bound to emerge back stronger, guided by everything that past taught us, and that, on some levels, even might be triggering to us. The greatest force lies in discovering the strengths from the past and in learning from it, and also learning from all the other things that shaped our identity as a nation. From all the levels of creation, the one who shines the brightest to us, leads us to the new levels of discovery. Both our future and our past

are intertwined in a peculiar way, one aspect of it to be our guidance and the other to be our revenue. The present is the place where the culture of remembrance grows and forges our path, making us understand all those things worth remembering on a deeper level, and also, creating a sense of belonging and togetherness for all the people that reside on the same place, connected by the same roots, acknowledged and guided by tradition and a set of traditional values. The present is the place where all the values of the past get their concrete look, they are changed and they become what the past set in stone for them, the steps of the kings were heard long before they actually arrived. But also, the present becomes a place for cherishing the old battles, the place that transformed the spirit of harmony and set it for the new level of its unraveling. In this correlation the long awaited and necessary antithesis to the future is the past, but also in a way to unhide some things to us, when we can understand their value in retrospective. There are things that can only be understood from the future's perspective, the way everything intertwined and was important for the growth of history and the historical spirit as such. Every nation is an entity by itself, abiding by the very same, but yet different set of rules. We have a perspective on the individual characteristics of a person, but a nation now takes on the whole new level, presenting a set of an individual characteristics by itself, it has its own purpose in the scenery of historical growth and is a very important messenger, not only of the past but of the future as well, because every tension leads to a new discovery of what the future holds for us. Once we understand that the words we utter and speak have deeper meaning, we now start to profoundly understand the pattern of history, the pattern that led us to shaping our identity, both as a person and as a part of a nation and the nation itself. At the very same time we become the messengers of the future, by embodying the same spirit that in time will become guidance from the past for the future generations, the value every nation holds to us in every given moment can be seen through the eyes of the generations of the future – we both are transformed the moment we realize we both belong to the same chain of events that will eventually lead to revealing of the spirit of harmony. And its history is written in the book of the culture of remembrance. By respecting and acknowledging the past, we acknowledge ourselves. Hegel swiftly points out to this in his own way, expressing the idea that every part of a nation has its own distinct set of values and its own character revealing itself through time and space: “The character of the nation is that

of its deeds, for the deeds represent the end it pursues. The spirit's acts are of an essential nature; it makes itself in reality what it already is in itself, and its therefore its own deed or creation. In this way, it becomes its own object, and has its own existence before it. And it is the same with the spirit of a nation; it actively consists in making itself into an actual world which also has an existence in space. Its religion, ritual, ethics, customs, art, constitution and political laws – indeed the whole range of its institutions, events, and deeds, all this is its own creation, and it is that which makes the nation what is. Every nation feels this to be so" (Hegel 1975, 58).

As a living organism, it certainly moves through time and different stages, becoming what was expected from it and what was set in motion in the past. We now see a web set to describe the purpose of all things existing within the purposeful organism of a nation, we are witnessing its growth, as we are the immaculate part of it, and we are all together creating history, descendants from the past, and ascendants of the future, the future that becomes whole before our very eyes. Part of the task is finding ways in which the future and the past are interconnected in the present moment, and how that present moment evaporates the borders between the elements of the long-lost past and the upcoming future. These borders are most of the time very thin and it's easy to understand the interchangeable nature of the past, the present and the future once we see and recognize the necessary pattern, the pattern of the spirit growing and transforming through time. And this brings us to the fourth level of the spirit of harmony and cultural remembrance, and this level is now highly anticipated and greeted – we see nature going in cycles and we see the spirit of harmony transforming and coming back to itself and to its essential nature, and that is the focal point of the fourth element. We might have cycles in nature, but those cycles are nothing but remembrance to the spirit that grows to remember itself, now in a Platonic sense or way. The spirit most certainly grows back to itself, so amended by the title of this paper, the historical consciousness of a nation developing and realizing itself, finally becomes a part of something greater and bigger – it transforms into a historical consciousness with the main point of return to itself, a return that is transferable to progress in real time and space. First, we are greeted with polarization, then we have a certain battlefield of the idea and its antithesis, and finally the idea of harmony returns to itself, by embodying the spirit of memorable progress in real time. That being told, history is for the idea

of harmony transformation, progress and lastly remembrance. Let's see now how Hegel defines it: "The reawakening of nature is merely the repetition of one and the same process; it is a tedious chronicle in which the same cycle recurs again and again. There is nothing new under the sun. But this is not so with the sun of the spirit. Its movement and progression do not repeat themselves, for the changing aspect of the spirit as it passes through endlessly varying forms is essentially progress. This progress is evident even when the national spirit destroys itself by the negativity of its thought, because its knowledge, its thinking apprehension of being, is the source and matrix from which a new form – and indeed a higher form, whose principle both conserves and transfigures it – emerges" (Hegel 1975, 61).

However, in a way, it must be a regression as well, because the spirit and the idea eventually remember its divine nature. That being told, we have a point in return of the idea to itself to make. Platon has already implied it, all the knowledge is just remembrance, but considered from the idea's point of view, all possible knowledge is like progressing immensely to wake up from a dream, and the dream was the constraint. The idea has never been constrained, it always had the unlimited freedom, but it eventually showed, the polarization led to unification, and they both were just a step to self-invention and self-discovery of the spirit of the idea, the spirit of a nation and on the global scale of things, *the spirit of the world's history*. And that is also an important point to note and make here. It is a progress from which the idea cannot go back, but it is a certain progress in time and space, while the core is essentially limitless, and to express itself, it goes outward experiencing the world's history, but then it goes back to itself, just to realize it was limitless and powerful all along. It's like waking up to the core realization of the higher purpose of reality tapestry building the new century in front of it. Every single piece has its purpose in the creation of that tapestry, and every single piece co-exists on more and multiple levels. It's like a mirror that reflects its picture through time and space, the reflection closest to the idea is the brightest and more sacred, and at the same time – the hardest to grasp, while the others are more distant but still reflect the part of its glory. Even though some things may not seem to possess the utmost importance, they are still there to embody the journey of the spirit of harmony reflected back to us through the spirit of historical consciousness. The reflection of the historical consciousness is mostly seen in things that are closer to the idea, and they embody

the spirit of harmony in its reinvention and its journey. The core value of things is only seen in their relation to the ideal, reflected back to the spirit of harmony. The material world is contrasted to the ideal world, but both carry the same weight in the journey of life. "The spirit is essentially the product of its own activity, and its activity consists in transcending and negating its immediacy and turning in upon itself. The spirit is free; and the aim of the world spirit in the world history is to realize its essence and to obtain the prerogative of freedom. Its activity is that of knowing and recognizing itself, but it accomplishes this in gradual stages rather than at a single step. Each new individual national spirit represents a new stage in the conquering march of the world spirit as it wins its way to consciousness and freedom" (Hegel 1975, 63).

To sum up, when it comes to history and remembrance, I must imply some other things this time, as well. It is true that cultural history is mostly written by winners, so our views on history are heavily influenced by their own ideas and perspective, the winners definitely were the writers who wrote with an eye on history, no matter how things may seem from the perspective of the descendants. Therefore, they got their hold on history, but the historical consciousness belongs to the idea itself, in one moment they were the necessary change for the idea of harmony to experience itself on the tapestry of time and space. One thing led to another, and the puzzle of history created a certain web for the historical consciousness to grow with it, and to expand exponentially through time and space. Sometimes, the historical consciousness needs its antithesis, and negating it means creating something that leaves a mark in history, and that can only be done by a person of strong character. But, as huge and important as they were in history, leaving their mark and obtaining some type of quiet sovereignty over space and time, they will also still be on the lower level of historical consciousness, by presenting the cyclic nature of time and space, while the idea itself belongs to the highest level of progress and return, *the eternal return* to itself. In this eternal return the absolute identity is obtained and given, but at the same time, there is no movement. That's why history is specifically there to be the negating force and the antithesis to the idea itself, to be what the idea needs, in order to eventually remember its eternal nature, but more importantly, to discover the meaning of it, therefore the act of realizing itself for the idea is historical consciousness in its full motion of (un)becoming. From the very first stage where the cultural memory is presented to us, on all the levels of historical consciousness, the idea of

harmony has found and expressed itself through various ways of creation and thought. Sometimes, the idea is found in the words of great value, sometimes in deeds that redefine century, but either way, the way of continual expression never evaporated. It is a reminder that an expression of history through space and time is a never-ending process, but always full of transformative potential and (un)hidden glory. As the observers of history at one point in time, and those who consciously learn from it, as well, we cannot stop appreciating its tremendous power, knowing that there is a greater force behind the scenes of history – the force of harmony which tends to grow together with time, or, more precisely, the time will grow and move accordingly in order to accompany it.

LITERATURE

- Assmann, Jan. 2011. *Cultural Memory and early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination*. New York: Cambridge University Press.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. 1975. *Lectures on the Philosophy of World History. Introduction: Reason in History*. New York: Cambridge University Press.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. 2018. *The Phenomenology of Spirit*. Cambridge: Cambridge University Press.

Мария С. Докич, Республика Сербия

*Институт политических исследований
Белград*

ТРАНЦЕНДЕНЦИЯ ИДЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ОТ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ К ОТРАЖЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

Основная цель данной статьи – признать наиболее жизненно важные элементы идеи исторического сознания, развивающегося через рост нации, поддерживаемого ее собственной повесткой дня и национальными интересами и отражающегося обратно в общество через переворот его исторических корней. и апофеоз славы никогда не забываемых дел. Хватка культуры держит картину своей истории в руках времени, тождество времени воскрешает прошлое не только через реальность настоящего момента, но и через будущее, потому что один и тот же цикл битвы никогда не заканчивается. Самобытность нации (не) скрыта в ее истории, и только через историческое сознание и память идентичность идеи может и будет реализована. Самобытность нации формируется как памятью, так и забвением: одно необходимо для понимания и изучения, а другое — для сохранения, и в этой статье будут раскрыты причины этого. Дух истории строится и возрождается через врата времени, следуя той же циклической природе побед и поражений, оставляя след в истории и культуре, формируя мировоззрение будущих поколений. Другой важный вопрос, который будет рассмотрен в этой статье, - это принадлежность истории, являются ли победителями те, кто получает свои права на историю как таковую, и как мы можем раскрыть ее, а также предсказать возможные результаты и

необходимые политические шаги, которые необходимо предпринять, имея в виду, что, следя за историей, мы можем научиться извлекать из нее уроки.

Ключевые слова: *историческая память, дух истории, культура памяти, идея, историческое сознание*

Dr. Sanja Suljagić, Republic of Serbia

*Institute for Political Studies
Belgrade*

THE CANCELLATION OF THE CULTURAL MEMORY ON THE EXAMPLE OF DESTRUCTION AND NEGLECT OF THE MONUMENTS OF SERBIAN CULTURE IN 20th CENTURY¹

Summary

In this paper author used comparative and analytic-synthetic methods to present centuries-long process of destruction and neglect of the monuments of Serbian culture and Serbian cultural heritage. In introductory part of the paper the author presented chronology and geopolitical reasons for the creation and implementation of a long term agenda of the destruction of Serbian cultural heritage. In the central part of the paper the author described the destruction of Serbian cultural heritage in 20th century, giving special consideration to the destruction of the monuments, bombing of National museum and National library in Belgrade during the First and Second world wars, the plunder of Serbian archives and the deconstruction of Serbian antique and medieval towns, churches and archaeological sites, as well as the destruction of Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija (“Old Serbia”). In closing part of the paper the author presented the examples of the

¹ This article was created as part of the scientific research activity of the Institute for Political Studies funded by the Ministry of Science and Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia.

continuation of the destruction of Serbian cultural heritage in the 21st century in Belgrade and across Serbia.

Keywords: *reforms of Serbian letters, the reign of Ottoman Turks in Serbia, the reign of Phanariots in Serbia, destruction of Serbian cultural heritage, Kosovo and Metohija, Belgrade fortress*

INTRODUCTION OF SERBIAN HISTORY AND CULTURAL HERITAGE

Due to significant changes in geopolitical constellation of the world and Europe, which have lasted from the time of establishment of modern Serbia in nineteenth century to present day, the cultural memory of Serbian history in Serbia has undergone significant state interventions in terms of shaping and changing of unofficial and official historiographical narrative and Serbian cultural heritage in Serbian education system.

Despite centuries-long destruction, appropriation and neglect of various ancient Serbian manuscripts and artifacts that had occurred during colonial missions of various foreign invaders in the Balkan peninsula throughout history, a solid basis for recognizing of the origins and development of Serbian identity by analytic-synthetic method are primary historical sources such as the *Old Testament* (“The Genesis” 6.13–20; 10.2; 25.4; „Chronicles” 1.5; „Ezekiel” 38:6) and the Second Epistle of the Holy Apostle Paul to Timothy (2.Тим. 4. 10) and the Epistle of the Holy Apostle Paul to the Romans in the *New Testament* (15.19) (Шуљагић 2023а, 60–62). Also, according to preserved medieval Serbian state charters, scripts, monuments and coats of arms both ancient and medieval Serbs were counting the time from the time of the Great Flood onwards (5508 B.C.), which explains the statement of historian Johann Ludwig Quandt regarding the origins and mythology of ancient Serbs connected to the Great Flood: “The Northern Caucaus is the *Urheimat* of ancient Slavs or Serbs - who are Sarmats - who are Serbs, including the Serbs - Slavs living on the Danube river banks, known by their various ethnonyms-synonyms” (Quandt 1868, 272; 277–279)

The use of various ethnonyms-synonyms for the Serbian people in the Balkan Peninsula as “Tribals, Rascians, Thracians, Pelasgs, Illyrians, Cimmerians, Dardans”, etc. was present in European historiography up to the beginning of 20th century (Шуљагић 2020, 71–339; Шуљагић

2023a, 60–64). In regard to the autochthonous origin and antiquity of the Serbian people in the Balkan peninsula it is also necessary to mention official state documents and historical chronicles of East Roman, Austrian and Russian empires in which the Serbs were called “ancient and glorious Illyrico-Rascian Serbian people” and even “descendents of the emperor Alexander the Great” (*Privileges of Emperors Leopold 1745; Грамоты русского царя Петра I от 03 марта 1711, 1772; Cyprian 1852, 35; 41–42; Appendini 1806*). Due to the antiquity of the Serbs in the Balkan Peninsula Constantinopolitan historians Georgios Kedrenos and Laonic Chalcocondylas defined the ancestors of modern Serbs as “the Serbs Illyrians” and “most ancient Serbs Tribals”, while the Austrian linguists used to call Serbian language the “Illyric language” (Kedrenos 1839, 526; Chalcocondylae Atheniensis 1650; Brlek 1987, 67).

Already in the period of the reign of Osman Turkish empire over the Balkan peninsula many artifacts, documents and other proofs of the antiquity of Serbian cultural heritage in this territory had been destroyed. In 15th century in case of Serbian Despot Stefan Lazarević’s library in the monastery Manasija it is considered that Osman Turks burnt and destroyed about 20.000 state documents, manuscripts and artifacts in the library (Поповић 1969, Корићанац 2006; Милетић 2018, 22–24). The collection book of the literature from the monestary library in Manasija was kept in Serbian National library in Belgrade, but during the Second World War this library was burnt down in the bombing by German aircraft forces in April 6 1941, with the rest of the literature scattered in the country and abroad on this occasion (Милетић 2018, 22).

During the period of the reign of the Osman Turks in the Balkan Peninsula the Russian and Austrian emperors used to issue official gramatas with the privileges for the Serbian people to the Serbian Orthodox Patriarchs as remaining leaders of the Serbian people in the Balkans. However the represenatives of Venice, Hungary and the Roman Catholic Church made the treaties with the Osman Turks, using the liasions of certain Hungarian nobles in Transylvania with the Osman Turks and the clergy and bankers of the Phanariotes (Papp 2004, 60–67; Graf 2017, 11). Having been deprived of previous military and economic power, the masses of Serbian peasants kept the remembrance of once glorious pre-Osman Serbian empire and its emperors, kings and famous heroes in the form of their traditional ethno songs, poems, artifacts, rituals and manners, such as, for example, holding traditional fairs with singing, dancing and playing of traditional ethno songs. The Serbs used to make uprisings against the Ottoman Turkish troops, but

not having had strong allies to support them these uprisings often ended tragically for local Serbian people. As there are no any monument related to him, contemporary generations of Serbian pupils and students very little know about one of the most important and tragic fighters for the liberation of the Serbs in the period of the Ottoman Turkish colonization, a Serbian peasant and insurgent Petar Karpos from the territory of Kumanovo in “Old Serbia”, who was ferociously murdered by a joint squad of Osman Turks and Crimean Tatars in Skopje in Serbian uprising in 1690 (Виторовић 1940, 10). For short term intervals the Serbs used to unite with the troops of the Austrian court on occasions of their local uprisings against the Osman Turks, which fueled the revenge of the Ottoman Turkish troops against the Serbs and triggered two exoduses of the Serbs from the region of Old Serbia (Kosovo and Metohija) to the north of the Balkan peninsula in 1690 and 1737.

However, one of very important issues related to the destruction and neglect of Serbian cultural heritage in contemporary Serbia is not only related to the destruction of the Serbian cultural heritage by the Ottoman Turks, but also by so-called “Phanariotes” who took over Serbian Orthodox Church after the two massive exoduses of Serbian people from the region of Kosovo and Metohija. Following these exoduses, from the opposite direction there started the immigration of the peasantry from eastern mountainous regions of contemporary Albania into Pec, Prizren and Pristina (Mikić 1988; Gaćinović 2019, 331; 333). Most importantly, on the place of exiled Serbian Patriarchs there came the Phanariotes – a circle of Greek and quasi-Greek Christian Orthodox clergy and quasi clergy, often associated with influential bankers and statesmen in the Osman Turkish empire, who on the surface were Greeks, but in reality consisted of many other nationalities, including a strong Italian element, half clerics and half merchants among them (Eliot 1908, 278). Many of them being geoeconomically oriented, they were connected with the merchants and politicians from the Austrian empire, Danubian principalities and many of them were awarded the rank of nobility (“dvorianstvo”) in the Russian empire, substituting Serbian schools with Greek schools, in which they taught Tzintzar language to local Serbian children, closing many monasteries and destroying many Serbian manuscripts, documents and artifacts (Костић 1928; Костић 1933; Koch 2018, 295–296; Philliou 2008, 665).

After the fall of Constantinople in 1453 and the fall of medieval Serbian capital Smederevo in 1459, the Ottomans established the jurisdiction of Ottoman Constantinopolitan Patriarchy in eastern and southern

part of the Balkans along with Bulgaria, Moldavia and Wallachia, while Serbian Archdiocese in Ohrid remained the jurisdiction over the western part with Serbian lands and some orthodox colonies in Southern Italy, Sicily, Malta and Dalmatia. Very soon afterwards, the Constantinopolitan Phanariotes suppressed local bishops and took over their positions. The Phanariots “sought to destroy the national consciousness of the Serbs and Vlachs, and forbade the celebration of the Name of Christ and Serbian saints, introducing the Greek language and customs mainly in the larger cities, where there were strong Greek-Tzintzar colonies” (Новаковић 237–238). Consequently the Phanariots who replaced Serbian priests destroyed the Church Slavonic Liturgy and books, extorted large amounts of money from local people and “diffused Hellenic culture over areas in which it had never been known” (Temperley 1919, 163). They affected the shutdown of the Serbian Patriarchate of Peć in 1766 and the Ohrid Archbishopric in 1767, and these moves cemented the period of discontinuity of Serbian identity under the Ottoman and post-Ottoman colonial reign over the Serbian people in the Balkan Peninsula all the way until the revival of the Patriarchate of Pec in 1920 (Слијепчевић 1938, 250–307; Јовичић 1867, 357–359).

The Phanariotes were also an important link in preventing the connection and revival of pre-Ottoman East Roman and Slavic Christian Orthodox commonwealth when there appeared the opportunity for its revival in the 19th century – in the period when the power of the Ottoman Turkish empire started to decline in the Balkan-Black Sea region. In 1821, in the period of uprisings of local Balkan peoples against the Ottoman Turkish reign, the criminal act of hanging of the Ecumenical Patriarch of Constantinople Grigory V, who had been opposed to secular inclining of Greek insurgents’ leaders, marked the end of the era of phanariotism in the Balkan Peninsula. The Phanariotes paved the way for democratic and secular politics of the Balkan insurgents’ leaders to create modern Balkan states and they successfully cemented commercial interests of Phanariote-connected merchants in the Black sea, Egeian sea and Balkan region, whoe were in turn connected with the merchants from London, Trieste, Venice, Vienna, Constantinople, etc. (Zallony, 1897; Eliot 1908, 278). Some Phanariote-connected Greekovlach – Tzintzars, such as Konstantin Rodofinikin, held important positions in the Russian Ministry of Foreign Affairs and were sent to the Balkans to negotiate about the destiny of local Serbs with the Ottoman Turks, the fact to which Serbian insurgents’ leader Djordje Petrovic “Karadjordje” was strongly opposed to and demanded that the Russian people be the

Russian envoys in the Balkans (Новаковић 2018, 24–29). According to the memories of the linguist Vuk Karadžić, in the period of Serbian uprisings, when he personally met Konstantin Rodofinikin and introduced himself to Rodofinikin as the author of *Србски рјечник* (“Serbian Dictionary”), Konstantin Rodofinikin ironically remarked that he wondered “what was the purpose of the Serbian dictionary” and added: “Perhaps such dictionary would be of use when the Serbs disappear as the people, so that somebody could find out what kind of the language these people used to use” (Караџић 1969, 76).

The Ottoman Porta granted independence from the Phanariones to the Serbian Orthodox Church by the Edict (*Hatisherif*) in 1830, although there still remained the Phanariotes in the Church (Новаковић 234–235).

THE CHANGES OF SERBIAN CULTURAL IDENTITY DURING THE 19TH CENTURY

In the midst of the formation of modern Balkan states and their positioning into European geopolitical interests, there was not the opportunity for the Serbian peoples, consisting largely of the masses of uneducated impoverished peasants and a small number of newly formed corrupted political and merchant nomenclature, to preserve or fully reconstruct Serbian cultural heritage from pre-Ottoman period of Serbian state. Quite opposite, not only the monuments of culture, but traditional Serbian calendar, letters and language were changed in the process, along with Serbian historiography being changed in official educational program of the state. The Serbs, other Slavic peoples and Greeks used to count the time by an old Thracian (Slavic, Serbian) calendar, which implied counting of the time from the time of the 5508 BC – the revival of human civilization after the Great Flood (*Old Testament*, “Genesis” 6.13-20). They used this calendar until pro-Western reforms of Russian emperor Peter the Great in 18th century in Russia and until pro-Western reforms of Serbian king Milan Obrenovic in the 19th century in Serbia, when it was changed into contemporary international standard counting of the time (*О писаним впредь Генваря с 1 числа 1700 года* 2010, 47–48; Стеванчевић 2012, 259–60; Шуљагић 2016). One of characteristics examples of the way the Serbs used to write the years and months could be found in medieval state documents and inscriptions in the churches and monasteries in the region of Kosovo and Metohija (“Old Serbia”), for example in the the inscription beyond the door of the Church of Holy Mother Odigitria in Musutiste near Prizren in Kosovo and Metohija,

before the attempt of its destroying by Albanian separatists in June 1999. According to the inscription in this church, the church was built in 6823 BC (that is, in 1315 AD) (Томовић 1974, 48; Ивановић 1984, 8–9; *Srbijadanas.net* 2014). However, despite the fact that many artifacts and documents with the ancient way of counting of the time have been destroyed or appropriated, still there are preserved the artifacts, documents and other proofs of the ancient counting of the time in Serbia. One specific example for this are traditional folk and ethno songs from the territory of Kosovo and Metohija mentioning the ancient counting of the time, which were collected and preserved by Milos Milojevic, Aljosa Arsenovic, Vladimir Bovan, Dragan Jacanovic and other Serbian anthropologists, ethnologists, theologians and historians (Шуљагић 2023а, 62).

The unity of pre-Ottoman Slavs and Greeks had been reflected in the person of Russian Tzar Ivan IV Vasiljevic, who was a descendent of the members of royal dynasties in Serbia, East Roman Empire, Bulgaria and Grand Duchy of Lithuania (Витезовић 2012, 20–21). During the reign of the Ottoman Turks in the Balkan Peninsula, the Tzar Ivan IV Vasiljevic actively helped the preservation of Serbian monasteries and Serbian cultural heritage (Грујић 1955, 54–56; 59; 62–64; 68). In order to prevent “the Russian expansion towards the Balkans” and also the revival of pre-Ottoman Slavic/Constantinopolitan commonwealth, in 1818 one of the Phanariot-connected politicians in Wallachia Alexandros Mavrokordatos asked the Austrian government to help them to create a Greek state “which could act as a bulwark against the Russian expansion southward” (Patrinelis 2001, 186). Approximately at the same period, in order to prevent the Serbs to re-establish pre-Ottoman Serbian state and cultural, political and other liasions with Russia, Slavic and neighbouring Christian Orthodox states, the manager of National Library of the Austrian court Bartholomeus Kopitar and an anthropologist and linguist Vuk Stefanovic Karadzic from Serbia officially replaced traditional Serbian letter and language with a simple version of the language. This reform, as later was confessed by Barthomoleus Kopitar, effectively prevented the Serbs to read their traditional liturgical, sacral and state documents and scripts and placed them closer to Croats who were the Roman Catholics in the Habsburg monarchy, simultaneously placing the Serbs closer to the idea of the establishment of a future state of Yugoslavia (Grčević 2009, 1–53). In accord with the plan of a historian August von Schlotzer “for extending Austrian empire to the Black sea and placing Slavic studies in this area under the patronate of Vienna”, Bartholomeus Kopitar planned to make all Slavs

use one and the same letters upon the protectorate of Austria (Thomson 1999, 201; Vidmar 2009, 275–276; 306; 307; 309). The linguist Vuk Karadzic, a self-confessed “member of the Uniate church”, was notorious for having sold numerous old Serbian books and manuscripts from the monasteries of the Serbian Orthodox Church and cultural institutions throughout the Balkan Peninsula (Grčević 2009; Милатовић 2019). Under the patronage of the Vienna court representative Bartholomeus Kopitar, Vuk Karadzic accomplished the linguistic reform of Serbian letters and language which distanced the Serbs from Russians and other Christian Orthodox peoples from pre-Ottoman Constantinopolitan and Slavic commonwealth and unified the Serbs with the Romanized Slavs from the Habsburg monarchy, in such way making the Serbs more ready for the use of Latin letters under the influence of “Vuk Karadzic and Austrian secret service” (Grčević 2009, 7, 37, 43). Due to the linguistic reform under the tutorship of Bartholomeus Kopitar and Vuk Karadzic traditional Serbian letters such as “ль, нь Ъ А Я Ю ї Ґ Ө ҃ ҄” were banned from the use (Златковић 2018, 392; Шуљагић 2020, 360–370). Before the reform of the linguist Vuk Karadzic the same letters from the Serbian old “bukvar” (dictionary) could be found, according to Mel Copeland, Valeriy Chudinov and other linguists and scholars, on the monuments in Gordion and Xanthos (ancient Sirbis) in ancient Anadolia, on the monument of Old Roman emperor Philip I “Aramean” in Damasc, Syria, on the artifacts of the East Roman emperor Justinian and in Serbian, Greek and Russian medieval manuscripts (Шуљагић 2020, 360–367). Therefore by the reform of the Serbian traditional language, letters and calendar the Austrian agents in the Balkan peninsula not only succeeded to prevent the revival of culturally and politically connected pre-Ottoman Slavic/Constantinopolitan commonwealth, but they also succeeded to cut off linguistic and historic links of the Serbian people with their own past and with other Slavic peoples. Before the reform of traditional Slavic calendar and letters in the period of the Russian emperor Peter the Great in the 18th century in Russia, and, on the other hand, before similar reform in times of the dynasties of Karadjordjevic and Obrenovic in 19th century in Serbia, the Slavs from Novgorod to the Balkan peninsula, the Serbs, Russian, Bulgarians, Vlachs, Moldavians and even medieval Greeks had been able to communicate among themselves without the translators - they had been able to read books of each other and they used to count the time by the one and same calendar (Супрун, Молдован, 2005, 38–39; Каменский 2010, 47–48; Cracraft 2009, 98–100; Oikonomos 1828; Стеванчевић 2012, 259–60).

In addition to this, current official historiographical narrative about the history of Serbia, which had been introduced in 1882 by the Decree of the Minister of Church and Education Affairs Stojan Novaković into the Serbian education program, was based on the book *History of Serbs* written by Austro-Hungarian viceroy in Bosnia and Herzegovina Benyamin Kalay. The book was published in 1882 by official State Publishing House of Serbia in Belgrade, only four years after an influential political event of the time – Berlin Congress took place (1878). In his book *History of Serbs* the Austro-Hungarian viceroy Benyamin Kalay claimed that “the Serbs and Croats settled in the Balkan peninsula in the first half of the seventh century amid the flurry of their vagrant lootings” and such unscientifically argued narrative has remained in force in official Serbian education system and historiography to this day. Before this political hypothesis of Benyamin Kalay the Serbs learnt about their antiquity in the Balkan Peninsula and territorial span of Serbian people’s land in regular schools on the basis of the sources of antique historians and geographers (Бошковић 1866). Archaeologists Petar Milošević and Djordje Janković and historian Milos Milojević were among Serbian scholars who proved the similarity of the culture of the Serbian people in first centuries in the Balkan peninsula with the Slavic culture from central and northern Slavic lands, and with their findings they also confirmed the preaching of first Christian apostles to local people in the Balkan peninsula, which simultaneously was in accord with the statements from medieval Serbian state documents and chronicles (*New Testament* “The Second Epistle of the Holy Apostle Paul to Timothy” (2.Tim. 4. 10) and “The Epistle of the Holy Apostle Paul to the Romans” (15.19); Стојановић 1927, 46, 53, 194; Милошевић 1995, 187–190; 198–199; Живановић 1988, 112–115. Јанковић 1977; Јанковић 2007, 140–141; 169; 218; Јанковић 2013; Ђирковић 1989, 83). The archaeologist Djordje Janković also proved the continuation of the jurisdiction of Serbian medieval Church and state over the territory of so-called “Old Serbia” since antique and early medieval times (Јанковић 1977; Јанковић 2007, 140–141; 169; 218; Јанковић 2013; Ђирковић 1989, 83). However, following his exposure of the attempts to hide the antiquity and continuity of Serbian cultural heritage and the jurisdiction of the Serbian Orthodox Church in “Old Serbia” and the Balkan peninsula in the field of historiography and archaeology, the archaeologist Djordje Janković was fired from the Department of Archaeology of the University of Belgrade with the explanation that he was “too nationally oriented” (Јанковић 2013; Вемић 2015, 11). This case was reminiscent to the case of famous historian

Radoslav Grujic who was fired from his post in the Belgrade University in 1945 after he had saved the relics of famous Serbian medieval saints, leaders and heroes – the emperor Stefan Dusan “the Mighty” Nemanjic, Lazar Hrebeljanovic who led Serbian army in the Battle on Kosovo field in 1389 and Despot - Duke and Saint Stefan Stiljanovic. The case of the professor Radoslav Grujic was rehabilitated only just in 2014, “although with the opposition to it by the representatives of the High Prosecutor’s Office in Belgrade” (Субашић 2014).

In 1881, only one year before the publishing of the Austro-Hungarian viceroy Benyamin Kalay’s book in Serbia, several Serbian politicians led by Duke Milan Obrenovic and Minister of Foreign Affairs Cedomilj Mijatovic had signed the *Secret Convention* with representatives of the Austro-Hungarian Court, without knowledge and permission of the Serbian people and Serbian Parliament regarding it. According to a historian Gale Stoke, the Duke Milan Obrenovic had to sign the *Secret Convention* because the Austro-Hungarian viceroy Benyamin Kalay openly threatened the Duke Obrenovic prior to the signing of the *Secret Convention* with the words that in case of the Duke’s refusal to sign this document the Austro-Hungarian monarchy planned to occupy Serbia (Stoke 1990, 191–192). According to the *Secret Convention* Serbia had to become a “satellite-state” of Austro-Hungary and so not very late after the *Secret Convention* had been signed, Serbian Minister of the Church and Education Affairs Stojan Novakovic deported Serbian Patriarch Mihailo to Bulgaria and established illegal Church hierarchy in Serbia, while the Duke Obrenovic and Minister Mijatovic were awarded the crown, medal and retirement income by the Austro-Hungarian emperor for having signed this document (Kalaji 1882, 9; Mijatovich 1917, 150–151; Јиричек 1952, 25; 45; 56–57; Раденић 1976, Калабић, 2009).

THE PROCESS OF DESTROYING SERBIAN CULTURAL HERITAGE IN THE 20th CENTURY

During the period of the establishment of modern Serbia and reforms of Serbian traditional language, letters, calendar, teology and geography, in general, in the process of shaping Serbian culture and science during the the 19th century were involved the linguists, historians and geographers who had connections with the Phanariote-related families, such as Vuk Karadzic, Dositej Obradovic, Sima Milutinovic and geographer Jovan Cvijic. The geographer Jovan Cvijic, in whose honour the

Geographical Society of Serbian Academy of Arts and Sciences carries the name of Jovan Cvijic, at the beginning of the 20th century was involved in erasing of some very important original Serbian toponyms and replacing them with new toponyms that are used in Serbian geography up to these days. In case of the region of Old Serbia in 1907 the geographer Jovan Cvijic replaced the toponym “Trojanske planine” (“Troian montes”, as written by a Venetian cartographer Vincenzo Maria Coronelli in his 1690 map of the Balkans) with the toponym “Prokletije” (Coronelli 1689; Васовић, Касалица 1994, 8). The geographer Jovan Cvijic was the one who had researched and made the plan for the route for the exodus of Serbian Army through Montenegrin and Albanian mountains during the First World War which caused hundreds of thousands of lost human lives, the decision which still sparks discussions whether such plan and exodus operation was necessary at all. In addition to it, during the First World War the geographer Jovan Cvijic propagated the idea of the extermination of the Kingdom of Serbia and establishment of a new state Yugoslavia (Станковић 2015, 64–65). The cancellation of the cultural memory of Serbian medieval past in so-called “Old Serbia” region in the Balkan peninsula was also reflected in the change of older toponyms “Krstac” and “Carska, Car planina” (“Royal mountain”) to Sar mountain (Шар, Шарска планина) (Томовић 2003, 11–18). This mountain was famous in traditional Serbian ethno songs from Old Serbia in which there were mentioned the Drvenars, the members of the famous royal line Drvenari (Drvenarovics), who were ancestors of the members of famous medieval Serbian dynasty Nemanjić (Арсеновић 2008, 373).

Following the establishment of the Kingdom of Yugoslavia even the king (regent) Aleksandar Karadjordjevic himself destroyed a prehistoric castle Zrnovo near Belgrade in 1934 and then a sculptor Ivan Mestrovic made the monument “in the honour of an unknown hero” in the place of the destroyed castle in the style of the tomb of emperor Cyrus II of Persia (Дамјановић 2017).

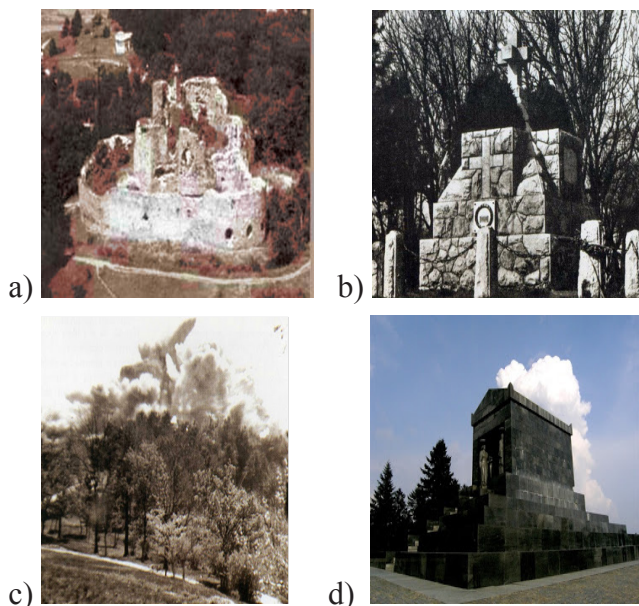

Photo: Radovan Damjanović, „Planina Avala: srednjovekovni utvrđeni grad Žrnov, zvan i Žrnovan, branik Beograda“¹ a) The castle Zrnov on the mountain Avala near Belgrade as it used to look like before its destruction, with the remains of prehistoric metal smelters inside of the castle b) The monument to a young Serbian soldier in the mountain Avala in 1930 before the destruction of the monument c) The destruction of the castle Zrnov and nearby monument to the Serbian soldier d) Contemporary monument in the mountain Avala built in the style of the tomb of Cyrus II of Persia, which substituted the destroyed castle Zrnov and monument to the Serbian soldier

The destroyed castle Zrnov near Belgrade was famous not only for its medieval prehistoric metal smelters, but also for having been the shelter to the leader of Serbian insurgents Karadjordje and his troops in the battles against the Ottoman Turks at the beginning of the 19th century. The monument to Karadjordje, which was installed in the Belgrade fortress Kalemegdan was destroyed in 1916 during Austrian occupation of Belgrade in the First World War and instead of this monument in 1930 there was installed “The Monument to France” made by a sculptor Ivan Mestrovic (Јевтовић 2001, 189).

¹ <http://serbiasos.blogspot.com/2012/10/planina-avala-srednjovekovni-utvreni.html>

a)

b)

a) Борозан 2012, 40: Opening of the monument to Karadjordje in Kalemegdan in 1913.

b) Monument to France which substituted the monument to Karadjordje in 1930.²

Back in 1882 an archaeologist and one of the managers of National museum Mihajlo Valtrović made official request that “the destruction of antiquities and their export from Serbia had to be banned” (Шуљагић 2020, 13). However, such process was continued in 20th century, in particular during the First and Second World wars. Regardless of the periods of the peace or war in the 20th century, many Serbian monasteries, libraries and cultural-historical monuments in Serbia were destroyed and many artifacts and documents which proved the antiquity, authenticity

² *wikipedia.org*: Monument to France which substituted the monument to Karadjordje in 1930

and originality of Serbian cultural heritage were destroyed, stolen and taken out from Serbia (Виријевић 2013а; Виријевић 2013б; sr.wikipedia.org „Мартовски погром 2004”). A diplomat, historian and archivist Vladislav Jovanovic Marambo described the destruction and robbery of Serbian cultural heritage during the Second World War in his book *Потрага за изгубљеним благом (The Search for Lost Treasure)* (Јовановић 2010).³ In this book Vladislav Jovanovic wrote about stealing of the archive of historic documents of the Kingdom of Serbia and driving it away from Serbia during the First and Second world wars, about the bombing of the National library on April 6 1941 in Belgrade and about driving out forty big train wagons with Serbian cultural heritage from Serbia during the Second World War, with attached accounts of it by the members of the Restitution Commission that worked on the reconstruction of looted funds of Serbian cultural treasures after the war (Шуљагић 2020, 14, 168). The libraries and archives of Serbian monasteries, which were preserved during the reign of the Ottoman Turkish empire in the Balkan peninsula, such as the archives in Visoki Decani, Manasija, Ravanica, Kaona and other monasteries in Serbia, during the attack of the troops of the Austro-Hungarian empire on Serbia during the First World War were burnt down (Шуљагић 2020, 14;). During the First World War the National museum was bombed, but an archaeologist Miloje Vasic and Serbian peasant Panta Urosevic succeeded to preserve a box with prehistoric figures and other artifacts from the National museum during their arduous crossing over the Albanian mountains in the exodus of Serbian people and army during the First World War (Шуљагић 2020, 13–14). On the other side, following the end of the First World War there were hidden or destroyed the collected works of one of most educated historians Miloš Milojević, who used the state archives of Beijing, Rome and Moscow in his research and spent several years walking through the region of Old Serbia collecting traditional ethno poems and artifacts which proved the antiquity of the Serbian people (Шуљагић 2020, 13–14). During the Second World War in the attack of German airforces on Belgrade on the Easter in April 6 1941, the German aircraft bombed the National library and on this occasion they destroyed more than 300000 books, 1300 medieval Serbian manuscripts, imperial, royal and church charters and documents, the collection

³ Although the script of this book was initially accepted by a representative of the Serbian Academy of Science and Arts in 1958, it was not published until the period 1974-1976 when it was firstly published in the *Matica Srpska Journal of Literature and Language* and eventually collected and published in the form of the book in 2010.

of Ottoman Turkish documents, old maps, engravings, original music compositions and many other documents and artifacts, including the catalogs with the lists of books and documents in the National library. German general Alexander Löhr who had commanded the bombing of Belgrade in 1941, later confessed that the bombing of the National library in Belgrade was one of primary official military goals of this bombing, because, in his words: “The National Library was the most important cultural institution that was keeping the code of Serbian identity and therefore with purpose it was hit by incendiary missiles, not by ordinary bombs” (Ристић 2019; Матовић 2016). The fact that, for example, one of preserved Serbian codes was the code of a monk Tah Marko written on the paper between 1370 and 1375, celebrating the founders and protectors of Serbian church and state Saint Simeon and Saint Sava, says about the significance and rich timely span of the documents which were kept in the National library in Belgrade (*Новосту* 2013).

Since the period of officially proclaimed “liberation” of the people in Yugoslavia in 1945, after thousands of local civilians had been killed or displaced by the new government of communists, in particular from the region of Kosovo and Metohija (Old Serbia), there also started the devastation of Serbian spiritual and cultural heritage regardless of one party system or multiparty systems in Serbia in power (УЗЗОППО 1945; Цветковић 2019; Виријевић 2013а, 101–102). Following the decades long reign of the communists in the 20th century and first decades of the 21st century, the Balkan peninsula was left with a significant amount of the destruction and neglect of Serbian antique and medieval towns, churches, monuments and archaeological sites by the way of building of hydroelectric power plants, highways or artificial lakes (Чанак-Медић 1970; Јевтовић 2001; Савић 2014; Шуљагић 2015а; Шуљагић 2015б; Милосављевић 2018). In latter half of the 20th century there were also destroyed or neglected many prehistoric archaeological sites in Serbia which were the proofs of autochthonous and millenium long identity of ancient Serbs Tribals on the Balkan Peninsula (Шуљагић 2020, 262–263). One of the most significant examples for this was the example of the construction of a hydroelectric power plant Djerdap and the storage lake upstream of the town of Kladovo on the Danube River. On this occasion a large part of a famous prehistoric archaeological site Lepenski Vir was submerged, although a certain number of artifacts from this site was preserved (Чанак-Медић 1970, 16). However, this accident not only destroyed material culture of this prehistoric site itself, but also it cut off traditional migrations of cod fish from the sturgeon family, which used to come from the Black and

Caspian seas to the Danube river, leaving large quantities of eggs in the shallows of the Danube river and going back, as a millennium-long symbol of fertility and birth for generations of local people and the source for counting time and mythology (Андрејић 2005, 74–75).

As for the status of Serbian historiography in the 20th century, in addition to Austro-Hungarian viceroy Benjamin Kalay's thesis about the Serbs not having been the autochthonous people on the Balkans, in 1948 there was established the Institute of Byzantology, although the term "Byzant" first time had been coined in 1555, never having been used before this year in question in the historiography. The founder of the Institute of Byzantology in Belgrade was a historian Georg Ostrogorsky, who from 1924 became associated with the field of "Byzantology" with his close friend historian and byzantologist, later German Nazi officer Percy Ernst Schramm (Prinzing 2020). The byzantologist Georg Ostrogorsky studied at the University of Heidelberg under the guidance of, among other professors, German archaeologist Ludwig Curtius (Damico, Zavadil 2014, 301–302). The archaeologist Ludwig Curtius was known for his statement that "cultural politics of the march to the East ("drag nacht Osten") by German archaeologists and architects was as equally effective as the march of Prussian technology and military troops to the East" (Marchand 1996, 92). The military and non-military ways of destroying or misinterpreting Serbian people's history were in accord with European geographers, historians, archaeologists, linguists, ministers of foreign affairs, politicians and generals August von Schlözer, Friedrich Naumann, Jacob von Falmerayer, Wilhelm von Tiersch, Ludwig Curtius, Friedrich von Metternich, Joseph Radetzky, Agenor Goluhovsky, Gyula Andrassy and Friedrich von Bock's plans for "expanding Austria to the Black Sea", "creating modern Greece as some sort of extended Bavarian state up to the Aegean Sea" or „the creation of modern states Bulgaria, Macedonia and Albania under the Austro-Hungarian protectorate" (Храбак 1979, 167–168; Толева 2012; Шуљагић 2023б, 301–306, 308–310).

After the Second World War the destruction and neglect of Serbian cultural heritage in Serbia were explained by the need for spatial planning of the environment and the construction of various infrastructure facilities, or the local and state authorities argued that such moves were necessary to enable industrial progress and environmental protection (Шулягич 2014, 41–44; Савић 2014; Шуљагић 2015а; Шуљагић 2015б; *Новости онлине* 2018). In particular the destruction and neglect of the Serbian cultural heritage was reflected on the example of the destruction and neglect of the churches, monuments, documents and artifacts related

to the period of medieval Serbia under the reign of the dynasty of Nemanjics (Савић 2014). One of notorious, and still not very known, examples for this is the case of drowning of the court of medieval king Stefan Uros Nemanjic and his wife Jelena Nemanjic in the lake Gazivode in Kosovo and Metohia at the beginning of 1970s. In order to submerge the court of the king Stefan Uros Nemanjic with the churches and small villages and graves around it there were destroyed fourteen Serbian villages around the court complex and their inhabitants were moved out from the region and, following this, the artificial lake Gazivode was made in accord with the plan of the government of the Socialist Federative Republic of Yugoslavia (*Новости онлине* 2018). Out of his own enthusiastic concerns, a movie director and artist Dusan Jovovic made a documentary movie *Gazivode, putevima Jelene Anzujske* (“Gazivode, following the steps of the queen Jelena Anzujska”), with the expertise help of a historian Katarina Mitrovic and *Russian Geographical Society*. The elite Serbian and Russian divers and underwater archaeologists discovered the churches, the castle in which the queen Jelena used to have the school for young girls and the tower at the depth of 50 meters in the Gazivode Lake. The drowning of the court of king Stefan Uros Nemanjic in the lake Gazivode in Kosovo and Metohija had been only the vanguard for the destruction of Serbian cultural heritage which followed at the turn of the 20th and 21st centuries in the same region, before, during and after the Northern Atlantic Alliance Organization’s aggression on the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro) in 1999. Also, among many other churches and monasteries with its surrounding villages, that have been drowned or destroyed by other methods during the 20th and 21st centuries, there are early Christian Church in Kladenciste near Bela Palanka and Church of Saint Michael near Valjevo (Шуљагић 2015а; Шуљагић 2015б).

On the surface the destruction of Serbian cultural heritage used to be explained only by the lack of capacity of the state institutions in charge of protection of cultural heritage. However, the destruction of Serbian cultural heritage on the territory of Serbia exposed itself as a long term plan with the objective of imposing long term consequences. In the words of an American politician Strob Talbott in his book *The Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States, and the Quest for a Global Nation*, in the Balkan peninsula there has been a long history of “making pseudo-states on its territory” (Talbott 2009, 312–320). Since 1999 the region of Kosovo and Metohija has been under the guard of international KFOR troops envisioned to be stationed there until the end of political negotiations between the

representatives of the Republic of Serbia and the separatists' government of a new state of so-called "Kosovo" under the patronage of the European Union. In a book of a cartographer Haji Ljubiša Gvoić *Srpska duhovna bastina na Kosovu i Metohiji (Serbian Spiritual Heritage in Kosovo and Metohija)* there are enlisted about 2000 toponyms, among there more than a thousand of the churches and monasteries of the Serbian Orthodox Church, along with the churchyards, Serbian soldiers' graves and other monuments which proved Serbian spiritual, material and cultural heritage in the region of Kosovo and Metohija, with the remark of its author that there have not been listed all toponyms of the Serbian heritage in the region (Гвоић 2015). The extermination of the Serbian cultural heritage and the exodus of the Serbs from this region was going on before, during and after the arrival of the KFOR troops, and it was blatant and obvious.

On the other side, the destruction and neglect of Serbian cultural heritage in the capital city of Belgrade has been implemented in gradual steps, mostly directed toward the destruction or neglect of the traces of early Christianity in the city of Belgrade and its surrounding. Such policy in the field of culture is understandable, because the image of Belgrade as one of the most important early Christian centers has not been fitted into the image of Belgrade as one of future world metropolises with multinational population and companies and possibly syncretic culture. In first centuries in Brestovik (Grocka municipality) in the vicinity of Belgrade in 314 there were buried Holy Christian martyrs Ermil and Stratonik, whose cult is very popular among Orthodox Christians. They were led from so-called "The Path of Tears" from the Belgrade fortress Kalemegdan to the bank of the river Danube and murdered there and on the basis of their biographies it is supposed that their bodies drown in the river Danube were later found and buried in Brestovik. There is an early Christian tomb in Brestovik that nor the majority of the citizens of Belgrade nor the tourists know about (Субашић 2012). Again in the period of the reign of the Ottoman Turks in 1814, from the vicinity of the Church of Saint Petka and Church Ruzica in the Belgrade fortress Kalemegdan there were led local Christian martyrs, among them Holy Abbot Paisiah and Holy Deacon Avakum, and murdered in the downtown of Belgrade. The Holy Deacon Avakum was famous for refusing to change his Orthodox Christian faith and become a Turk, even though he could have saved his own life if he did it. It is considered that he was murdered near a so-called Stambol gate which was the starting point of the road which lead from

Belgrade to Constantinople/Istanbul (Stambol). Such historically important gate used to be located in the space between the Republic Square and National Theatre in the central part of contemporary Belgrade and the only reminder of this are the board on the National theatre marking the place where the Stambol gate used to be and a stone monument dedicated to Holy Deacon Avakum in the fortress Kalemegdan, while young Serbian generations hardly know its location (Субашић 2012).

a)

б)

с)

- a) “Sveti Djakon Avakum”, Memorial to Deacon Avakum on Kalemegdan⁴
 b) “Стамбол капија” (Belgrade)⁵ c) The look of the Stambol gate in the 19th century

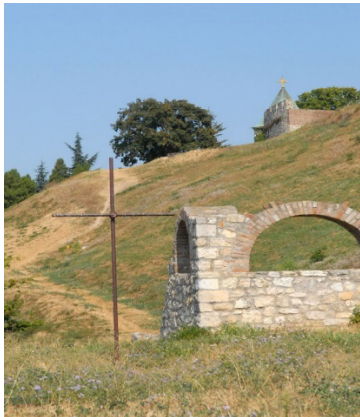
Among many Christian martyrs and heroes whose destiny was connected to the Belgrade fortress Kalemegdan there were also Serbian defenders of Belgrade in the First World War – the soldiers from the regiment of a famous mayor Dragutin Gavrilovic. However, local government of Belgrade has let a café bar to be built on Jaksiceva tower beyond the poorly marked ossuary tomb of these soldiers. This café bar has often been frequented by local politicians and it was reported that

⁴ “Sveti Djakon Avakum” [wikipedia.org](https://en.wikipedia.org/wiki/Sveti_Djakon_Avakum) Спомен-обележје јакону Авакуму на Калемегдану

⁵ [https://sr.wikipedia.org/wiki/Стамбол_капија_\(Београд\)](https://sr.wikipedia.org/wiki/Стамбол_капија_(Београд))

for years in the row the waste water from the café bar was leaking and destroying the ossuary tomb of these Serbian defenders of Belgrade in the First World War (Субашић 2012).

When in the 15th century Despot Stefan Lazarevic revived and restored Belgrade, he dedicated Belgrade to Пресвета Богородица (Holy Mother of God) and envisioned Belgrade as the town of successful trade, which could spread from the Belgrade fortress to the east of the town. For this purpose the Despot Stefan Lazarevic built up his court complex on the Belgrade fortress and it became famous for its churches, library and an attached vivid market fair located on the land beneath Belgrade fortress. However, nowadays the only memory of the famous court complex of Despot Stefan Lazarević are the remains of the foundation of the Church of Holy Mother of God that are neglected in the tourist offer in Belgrade (Николић 2018).

Photos: Пресвета Богородица Београдска, Source: Николић, *Новосту*, 2018.

On the other side, in Belgrade in which thousands of innocent civilians were murdered by the communist troops during the officially proclaimed liberation and establishment of the communist regime from 1944 to 1953, still there is no public monument dedicated to these murdered people, and instead of it there is offered a so-called “Red Belgrade – Communist Tour” to the tourists for the sightseeing of Belgrade (Цветковић 2019; *Serbia Tour Operator*). In accord with this, after the exodus of the Serbs from the territory of Kosovo and Metohija and the state ban on the return of these Serbs to their homes after the Second World War, the destruction of Serbian churches and monasteries and new serials of the exoduses of the Serbian people from Kosovo and Metohija were continued and reported for decades (Јевтић 1990; Виријевић 2013а, 106–109; Јевтић 1990).

After the aggression of the Northern Atlantic Treaty Organization on FR Yugoslavia (Serbia and Crna Gora) and the arrival of international KFOR/UNMIK forces in Kosovo and Metohija in 1999, the loss of human lives and destruction of Serbian spiritual and cultural heritage were continued, about which there exist the thousands of documents stored in the Committee for Kosovo and Metohija in the National Parliament in Serbia, as well as various books, documents and photographs (Бема 2018; Henry 2007; sr.wikipedia.org „Мартовски погром 2004; Виријевић Владан 2013а; *Kosovo online* 2020; Екипа *Вечерње новости*, Спалевић, 2007; Баранов, Замислов, 2007; Шуљагић 2022, 27–28). After the bombing of the FR Yugoslavia and the arrival of international KFOR/UNMIK troops in the territory of Kosovo and Metohija, there also followed a *coup d'état* in October 5th 2000 (so-called “the 5th October revolution”), which was organized and led by the members of services of foreign states in Serbia and abroad (Kroford 2010). Following the *coup d'état*, there followed the change of various political parties and almost complete loss of autarkic features of Serbian domestic economy, as well as the change in ecclesiastical hierarchy of the Serbian Orthodox Church (Youtube.com 2011; Јовановић 2010). It was in line with the warning of the French General Pierre Marie Gallois that the objective of the bombing in 1999 included “total occupation of the country”, which implied the occupation of political institutions as well (Youtube.com 2011)⁶. In June 5th 2022 contemporary Patriarch of the Serbian Orthodox Church uncannically handed over the “tomoš on autocephaly”

⁶ Youtube.com. 2011. „French General Truth about NATO Bombing of Yugoslavia 1999“. July 21, 2011. https://www.youtube.com/watch?v=76p-YWG6rGE&ab_channel=cveti007

and the management of the churches and monasteries of the Pec Patriarchate of the Serbian Orthodox Church and the Serbian cultural heritage on the territory of today's Republic of North Macedonia to a relatively new "Macedonian Orthodox Church", which until that moment had been considered "a schismatic and non-canonical religious organization" by official definition of the Serbian Orthodox Church. In addition to this fact, on the territory of today's Republic of Northern Macedonia there already existed the official Autonomous Orthodox Ohrid Archbishopric of the Patriarchate of Pec of the Serbian Orthodox Church, whose liturgical and canonical unity with the Serbian Orthodox Church had been confirmed in May 2005 by the *Patriarchal and Parliamentary Tomos* of the Serbian Orthodox Church. Therefore with his "thomos" the contemporary Patriarch Porfirije uncanonically and illegally "gave away" an enormous Serbian traditional spiritual and cultural heritage for the management to a politically formed "schismatic and non-canonical religious organization", as the Serbian Orthodox Church officially defined the new "Macedonian Orthodox Church" (*Српска енциклопедија*, 2005; *Танјуг/B92*, 2013).

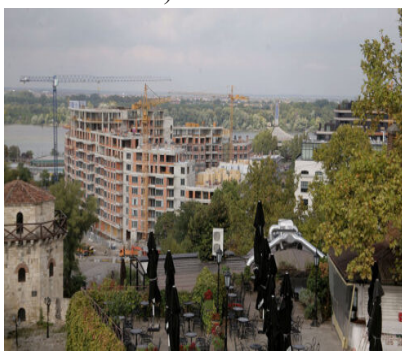
In the post-5th October revolution period there followed not only the inner crisis related to functioning of social, political and cultural institutions in Serbia, but also the change of traditional cultural events throughout the country. Characteric examples for that are the changes of traditional musical events and fairs that used to be organized by local population and their consequent transformation, or even creation of new globalized events in urban and rural regions. Characteristic examples for this is the change of traditional festival and competition of local ethno brass and trumpet bands in a small town Guca in Serbia *Сабор трубе* (The Fair of the Trumpets), into some sort of globalized festival of the sound of trumpets, with the visits of popular singers and bands from other genres of music to this festival. In this way this local traditional fair of the trumpets gradually started to lose the connection with its previous founding concept of preservation and promotion of local Serbian cultural music heritage. Other characteristic examples of inner destruction of traditional Serbian cultural events, manners and customs is the transformation of once famous fairs and markets of traditional craftsmanship and music in small towns across Serbia, that traditionally used to be held on sacral holidays, into some sort of neopagan entertainment and trade places which nowadays have not much connection with former traditional ethnographic and food and beverage presentation

of Serbian cultural heritage (Petrović 2012). In particular drastic case of the destruction and neglect of Serbian cultural heritage was the celebration of 600 years-anniversary since famous Despot Stefan Lazarević had built up the monastery complex Manasija with a famous Church of Holy Trinity and medieval library inside of it. For the purpose of this important anniversary local non government and government organizations organized „global knightly tournament“ with the festival of foreign dances and games and even „children’s rock choir“ songs in the monastery complex („Just Out“ 2015).

In the post-5th October Serbia also the panorama of the Belgrade fortress and its surrounding on the confluence of the Danube and Sava rivers has been devastated by the site of newly built buildings, even skyscrapers in its vicinity.

a)

b)

c)

Litography of the siege of the Belgrade fortress by Ottoman Turks in 1521. Source: arhiv-beograda.org, wikipedia.org

Urbanization beyond historic Belgrade fortress. Photo: Miroslav Dragojevic, Source: Danas.rs

District “Belgrade Waterfront” on the river Sava in the vicinity of the Belgrade fortress. Source: wikipedia.org

The abovementioned examples of destruction and neglect of Serbian cultural heritage by both military and non-military methods within a centuries-long geopolitical process of the cancellation of the cultural memory in Serbia have encompassed a wide range of targeted spiritual and material elements of the cultural heritage – from the change of traditional letters, calendar and historiography, and the destruction or neglect of the churches, monuments and cultural institutions to the change of traditional cultural events, manners and customs. In first decades of the 21st century considerable long term cause-and-effect results of such long term process are the disrespect of human rights of local population to know and honour their own history and define the origins and (dis)continuity of Serbian cultural identity. Other negative consequences of this long term process, which has been continuous and has not depended on a political system in Serbia for the centuries in the row, has been the decline of Serbian population in the Balkan Peninsula and its incapability to defend existing cultural heritage inside of the country or to return the appropriated cultural heritage from abroad. On the other side, due to external geopolitical factors, there is evident an inclining of the representatives of modern Serbian institutions to impose undefinedness, neglect or distortion of traditional cultural identity of Serbian people in public cultural scene of Serbia. These problems are not likely to be changed without the change of general political climate with its attached institutional and educational background in Serbia and, most importantly, it is not possible to be changed without moral and political change of foreign past and current long term agenda of the destruction of Serbian cultural heritage and cultural memory in Serbia.

LITERATURE

- Appendini, Francesco Maria. 1806. *De praesiantia et vetustate linguae illyricae*. Ragusa: A. Martechini.
- Cedrenus, George. 1839. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* 35. (reprint) ed. Immanuel Bekker. Bonnae: Ed. Weberi.
- Chalcocondylae, Laonicus Atheniensis. 1650. *Historiarum Libri decem*. Parisiis: Conrado Clausero Tiguriano.
- Cirkovic, S. 1989. „Palais princiers autour de l’ancien lac de Kossovo“. In *Recherches sur Vart* 20. Novi Sad: Matica Srpska.

- Coronelli, Vincenzo Maria. 1690. "Corso delli Fiumi Drino, e Boiana nella Dalmazia, descritto dal M. Mro Coronelli Cosmografo della Seren. Republica di Venezia". In *Geographicus Rare Antique Maps*. *geographicus.com*. Accessed: February 2024.
<https://www.geographicus.com/P/AntiqueMap/montenegro2-coronelli-1690>
- Cracraft, James. 2009. *The Revolution of Peter the Great*. Harvard University Press.
- Cyprian, Robert. 1852. *Le monde slave, son passe, son etat present et son avenir*. Paris: Passard.
- Damico, Helen and Joseph Zavadil. 2014. *Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline: History*. Abingdon: Routledge.
- Damjanović, Radovan. 2012. „Planina Avala: srednjovekovni utvrđeni grad Žrnov, zvan i Žrnovan, branik Beograda“. *Serbiasos.blogspot.com*. Accessed: August 2018. <http://serbiasos.blogspot.com/2012/10/planina-avala-srednjovekovni-utvreni.html>
- Eliot, Charles. 1908. *Turkey in Europe*. London: Edward Arnold
- Youtube.com. 2011. „French General Truth about NATO Bombing of Yugoslavia 1999“. July 21, 2011. Accessed: September 2023. https://www.youtube.com/watch?v=76p-YWG6rGE&ab_channel=cveti007
- Just Out Hajveћи витешки фестивал у Европи. *Just Out*. Accessed: January 2024. <http://www.justout.rs/sr>
- Graf, Tobias P. 2017. *The Sultan's Renegades: Christian-European Converts to Islam and the Making of the Ottoman Elite, 1575–1610*. Oxford University Press.
- Grčević, Mario. 2009. "Jernej Kopitar kao strateg Karadžićeve književno-jezične reforme". *Filologija* (53): 1–53.
- Henry, Iseult. 2007. *Hiding Genocide in Kosovo: A Crime Against God and Humanity*. Washington D.C: American Council for Kosovo.
- Jankovic, Djordje. 1977. *Ravna Gora between Prizren and Strpce – The Oldest Known Serbian Archaeological Find at the South of Serbia, Antiques of Kosovo and Metohija*. Pristina: Provincial Institute for Preservation of the Cultural Monuments.
- Koch, Svetlana. 2018. "The National Self-Determination Projects of Greece and Bulgaria: The Role of Ethnic Bessarabian Diasporas". *Europe and the Black Sea Region. Studies on South East Europe* 22: 289–309, Wien, Zurich: LIT GmbH & Co.

- Kosovo Online. 2022. „Dan kada su u Đakovici rušene i paljene srpske crkve, na mestu Svete Trojice danas spomenik Majci Terezi“. *Kosovo Online* March 17, 2022. Accessed: February 2024.
<https://www.kosovo-online.com/vesti/drustvo/dan-kada-su-u-djakovici-rusene-i-paljene-srpske-crkve-na-mestu-svete-trojice-danas>
- Kroford, Čarls. 2010. „Srbija je i danas siromašnija nego što bi trebalo“. *Blic*. October 3.10, 2020. Accessed: December 2020. <http://www.blic.rs/vesti/politika/srbija-je-i-danas-siromasnija-nego-sto-bi-trebalo/b0pz4x3>
- Marchand, Suzanne. 1996. *Down from Olympus: Archaeology and Philhellenism in Germany 1750-1970*. Princeton: Princeton University Press.
- Papp, Sándor. 2004. “Hungary and the Ottoman Empire from the beginnings to 1540”. In *Fight Against the Turk in Central Europe in the First Half of the 16th Century*. ed. Zombori I. 37-90. Budapest: METEM and Historia Ecclesiastica Hungarica.
- Patrinelis, Christos. 2001. “The Phanariots before 1821”. *Balkan Studies* 42. (2): 177–198.
- Petrović, Momčilo. 2012. „Pečenje, šatre i gole pevačice“. *Blic*. August 4, 2012.
- Prinzing, Günter. 2020. “Georg Ostrogorsky im Spiegel seiner Korrespondenz mit Percy Ernst Schramm”. *Byzantinoslavica* 78: 6–62. Praha: Slovanský ústav Akademie věd ČR.
- “Privileges of Emperors Leopold, Josef and Charles VI, and also of Her Royal Majesty Maria Theresa to glorious Illyrico-Rassian nation”. 1745 (reprint). *Illyrio Serbica 1683-1715 (1723)*. Wien: Haus, Hof und Staatsarchiv; Novi Sad: Muzej Matica Srpska.
- Quandt, Johann Ludwig. 1868. *Die Liutizen und Obodriten*, Baltische Studien Band 22. Stettin: Christoph von der Ropp, Stettin.
- Srbijadanas.net. 2014: „Србија: Натпис из Цркве Свете Богородице Одигитрије из 7823. године“. *Srbijadanas.net*. January 10, 2014. Accessed: September, 2018.
<https://www.srbijadanas.net/srbija-natpis-iz-crkve-sv-bogorodice-odigitrije-iz-7823-godine/>
- Talbott, Strobe. 2009. *The Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States, and the Quest for a Global Nation*. Simon and Schuster.

- Temperley, Harold. 1919. *History of Serbia*. London: G. Bell and Sons.
- Thomson, Francis. 1999. "Jernej Kopitar and the Acquisition of Slavonic Codices from Chilandari and Zographou for the Imperial Court Library at Vienna in 1827". *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 45: 201–218. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Vahanyan, Vahan and Grigori Vahanyan. 2009. "Intercultural relations between Old Europe and Old Armenia" In *XXIII Valcamonica Symposium Making history of prehistory, the role of rock art*. ed. Anati, Emmanuel, 358–362. Valcamonica, Capo di Ponte: Centro Camuno di Studi Preistorici.
- Vidmar, Luka. 2009. *Struktura in funkcija pisem iz literarnoprerodne korespodence Žige Zoisa*, Doktorska disertacija. Univerza v Novej Gorici.
- sr.wikipedia.org „Мартовски погром 2004“, *sr.wikipedia.org*. Accessed: September. 2021 https://sr.m.wikipedia.org/sr-ec/Мартовски_погром_2004
- sr.wikipedia.org. “Свети Ђакон Авакум”. *sr.wikipedia.org*. Accessed: February 2023 https://sr.wikipedia.org/sr/Свети_ђакон_Авакум
- sr.wikipedia.org. „Споменик захвалности Француској“. *sr.wikipedia.org*. Accessed: January 2024. [wikipedia.org. https://sr.wikipedia.org/sr-el/Споменик_захвалности_Француској](https://sr.wikipedia.org/sr-el/Споменик_захвалности_Француској)
- Wikipedia.org. “Стамбол_капија”. *sr.wikipedia.org*. Accessed: January 2024. [https://sh.wikipedia.org/wiki/Stambol_kapija_\(Beograd\)](https://sh.wikipedia.org/wiki/Stambol_kapija_(Beograd))[https://sr.wikipedia.org/wiki/Стамбол_капија_\(Београд\)](https://sr.wikipedia.org/wiki/Стамбол_капија_(Београд))
- Zallony, Marc. 1897. *Despre fanarioți*. București: Institutul de arte grafice Carol Göbl.
- Андрејић, Живојин. 2005. *Метафизика Лепенског Вира*. Лапово, Рача: Центар за митолошке студије Србије, Културни центар „Р. Домановић“.
- Арсеновић, Аљоша. 2008. *Обредне пјесме древних Срба из Индије*. Београд: Мирослав.
- Баранов, Јевгениј и Александар Замислов. 2007. *Крај – Осуђени на прогонство*. Документарни филм *youtube.com*. Accessed: February, 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=d6wFbO9z49g>

- Бета. 2018. „Дреџун: Сакупили смо хиљаде докумената о злочинима на Косову“, *Бета*. October 25, 2018.
- Борозан, Игор. 2012. “Споменик Карађорђу – симболизам, театрализам и медијско прожимање“. *Наслеђе* 13: 27–47. Београд: Завод за заштиту споменика културе града Београда.
- Бошковић, Стојан. 1866. *Историја света: за народ и школу I. Историја старог века*, Београд: Државна штампарија.
- Васовић, Милорад и Слободан Касалица. 1994. “Јован Цвијић и регионалногеографска испитивања Проклетија“. In *Јован Цвијић и Проклетије*. ed. Станковић, Стеван, 7–13. Београд: Српско географско друштво.
- Вемић, Дејан. 2015. “Др Ђорђе Јанковић – Археолог који открива преваре састављача историје“. *Печат*. 361. March 20, 2015.
- Виријевић, Владан. 2013а. „Храм „Свете Тројице“ у Баковици — парадигма страдања Српске Православне Цркве на Косову и Метохији“. In *Српска теологија данас*. 4. ed. Поповић, Радомир, 97–109. Београд: Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања.
- Виријевић, Владан. 2013б. „Ратна штета причињена Српској православној цркви на Косову и Метохији током Првог светског рата“. In: *Културно наслеђе Косова и Метохије – историјске тековине Србије на Косову и Метохији и изазови будућности*. ed. Шуваковић, Урош et al., 425–440. Београд: Канцеларија за Косово и Метохију Владе Републике Србије ; Косовска Митровица: Унверзитет у Приштини, Филозофски факултет у Приштини.
- Виторовић, М. 1940. “Навршава се 250 година од трагичне погибије Карпоша „краља од Куманова“. *Politika*. May 23, 1940.
- Гађиновић, Радослав. 2019. „Прва Призренска лига као путоказ политичког насиља над Србима у Старој Србији“. *Војно дело* 72. (3): 326–341. Београд: Универзитет одбране у Београду, Институт за стратегијска истраживања.
- Гвоић, Хаци Љубиша. 2015. *Српска духовна баштина на Косову и Метохији [Картографска грађа]*. Београд: Вукотић медиа.
- „Грамоты русского царя Петра Перваго от 3 марта 1711.“1772. In *Житие и славные деяния государя Петра Великого, с приложением краткой географической и политической истории о российском*

- царстве*. eds. Стефановић, Орфелин З. В. Венецији: типографија Д. Феодосија.
- Грујић, Радослав. 1955. „Руска властелинства по Србији у XIV и XV веку.” *Историјски часопис* 5: 53–77. Београд: Историјски институт САНУ.
- Дамјановић, Радован. 2017. *Жрнов – Српски Авалон*. *Žrnov – Srpski Avalon*. Београд: Самиздат Радован Дамјановић.
- Екипа *Вечерње новости*. Т. Спалевећ, 2007. „Златна руда Косово“: *Новости*. August 11, 2007.
- Живановић, Србољуб. 1988. „Остаци скелета из некрополе у подручју јужног дела митровачке петље на ауто-путу Београд-Загреб“: In *Грађа за проучавање споменика културе Војводине*, XV, Нови Сад: Покрајински завод за заштиту споменика културе.
- Златковић, Бранко. 2018. „Вуков Српски рјечник као литерарна тема“ In *Српска славистика: колективна монографија 2. Књижевност, култура, фолклор, питања славистике*. ed. Сувајцић, Бошко, Петар Буњак, Иванић, Душан, 389–401. Београд: Савез Славистичких друштава Србије: Чигоја штампа.
- Ивановић, Милан. 1984. *Ђирилски епиграфски споменици*. Београд: Народни музеј.
- Јанковић, Ђорђе. 2007. *Српско поморје од 7. до 10. столећа*. Београд: Српско археолошко друштво.
- Јанковић, Ђорђе. 2013. *Забрањена српска археологија*. Бања Лука: Крајпуташа.
- Јанковић, Ђорђе. 2015. *Предање и историја Цркве Срба у светлу археологије*. Београд: Хришћанска мисао.
- Јевтић, Атанасије. 1990. *Страдање Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. године*, Приштина: Јединство.
- Јевтовић, Мила. 2001. “Споменик Карађорђу Пашка Вучетића“: *Наслеђе* 3: 171– 192. Београд: Завод за заштиту споменика културе града Београда.
- Јовановић, Владислав. 2010. *Потрага за изгубљеним благом*. Београд: Југоисток
- Јовановић, Наташа. 2010. „Случај Артемије и МСП – Вунена времена“: *Печат* 125. July 30, 2010.

- Јовичић, Живко. 1867. „Писмо писано митрополитом црногорском Савом митрополиту московском Платону 1776.” In *Гласник Српског Ученог Друштва XXII*. ed. Гавриловић, Ј. 357–359. Београд: Државна штампарија.
- Караџић, Вук. 1969. *Историјски списи II. Сабрана дела Вука Караџића*. XVI. ed. Самарџић, Радован. Београд: Просвета.
- Корићанац, Татјана. 2006. *Дvorsка библиотека деспота Стефана Лазаревића*. Београд: Музеј града Београда.
- Костић, Петар. 1928. *Црквени живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку*. Београд: Народна мисао.
- Костић, Петар. [1933] 1997. *Просветно-културни живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку и почетком XX века*. Призрен: Призренске новине.
- Матовић, Драгана. 2016. “Историчар Дејан Ристић: Хитлер уништио књиге да затре српско биће“. *Вечерње новости*. December 10, 2016.
- Микић, Ђорђе. 1988. Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века: од чифчијства до банкарства. Београд: САНУ.
- Милатовић, Петар. 2019. *Српско благо у Бечу и Вукова продаја српских реликвија*. Београд: Пешић и синови.
- Милетић, Мирослав. 2018. „Средиште српске културе“. *Комуникације, медији, култура* 10: 3 –36. Београд: Мегатренд Универзитет.
- Милошевић, Петар. 1995. „Римска некропола на излазници митровачке петље на ауто-путу Београд-Загреб“ In *Археолошка истраживања дуж аутопута кроз Срем*. Нови Сад: Покрајински завод за заштиту споменика културе.
- Николић, Зоран, 2018. „Повратак Богородице Београдске“., *Новости*, January 07, 2018. Accessed: January, 2020. <http://www.novosti.rs/вести/насловна/репортаже.409.html:408531-И-Београд-има-пут-суза>
- Новаковић, Срђан. 2018. “Влашка, Каравлашка, Цинцари и настанак масонске Србије“. In *Румуни и руминизам*. ed. Милошевић, Зоран. 216–264. Шабац: Центар академске речи.
- Новости, редакција. 2013. „Рукописна збирка НБС има 320 тематски разноврсних јединица“. *Новости* March 03, 2013. Београд: Вечерње новости.

- Новости онлайн. 2018. „Српски и руски елитни диверзанти открили: На дну језера Газиводе се налазе тајна чудеса из доба Јелене Анжујске“. *Новости*. May 2, 2018. Accessed: February 2021 <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/reportaze/aktuelno.293.html:725263-SRPSKI-I-RUSKI-ELITNI-DIVERZANTI-OTKRILI-Na-dnu-jezera-Gazivode-se-nalaze-tajna-cudesa-iz-doba-Jelene-Anzujske>
- Камѐнский, Александр Борисович (Сост., авт. вступ. ст. и comment) 2010. *О писаници впрѐдь Генваря с 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от сотворения мира (Полноесобрание законов Российской империи с 1649 года)*. In *Петр Великий. Избранное. Законодательные акты*, 47–48. Москва: РОССПЭН, Институт общественной мысли.
- Оикономос, Константинос. 1828. *Опыт о ближайшем сродстве языка славяно-российского с греческим*. Часть I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Поповић, Дамњан. 1969. *На обронуцима Бељанице*. Нови Сад: Дневник.
- Ристић, Дејан. 2019. *Кућа несагоривих речи: Народна библиотека Србије 1838-1941*. Београд: ИК Византија.
- „Родослов и генеалогска веза династија.“ 2012. In *Свети Сава у руском царском летопису*, ed. Витезовић, Милован. Београд: Завод за уџбенике.
- Савић, Милисав. 2014. *Долина српских краљева*. Београд: Друштво Рашка школа. Accessed: February 2024.
- Serbia-touropoperator.com*.
<https://serbia-touropoperator.com/tour/red-belgrade-communist-tour/>
- Слијепчевић, Ђоко. 1938. „Укидање Пећке патријаршије 1766“. *Богословље* 13: 250–307.
- Српска енциклопедија*. 2005. „Томос о црквеној аутономији (2005)“. *srpskaenciklopedija*. Accessed: September 2021.
http://srpskaenciklopedija.org/doku.php?id=томос_о_црквеној_аутономији_2005
- Станковић, Стеван. 2015. „Јован Цвијић: Биографија“. In *Јован Цвијић, живот, дело, време: Поводом 100 година од рођења*. eds. Јовић, Видојко, Костић, Александар. Београд: Геограски институт Српске Академије Наука и Уметности.

- Стеванчевић, Милан. 2012. „Синволи четворојеванђеља на капителима Српске Православне Цркве – Светог Апостола и еванђелисте Марка.” Док. 4. *Српски календар*. Београд: Београдска школа метеорологије.
- Субашић, Борис. 2012. „И Београд има пут суза“. *Новости*. December 2, 2012. Accessed: April 2014.
- <http://www.novosti.rs/вести/насловна/репортаже.409.html:408531-И-Београд-има-пут-суза> Субашић, Борис. 2014. „Рехабилитован професор Радосав Грујић.” *Новости*. March 14, 2014. Accessed: April 2018.
- <https://www.novosti.rs/вести/насловна/репортаже.409.html:482624-Рехабилитован-професор-Радосав-Грујић>
- Супрун, А. Е. и Молдован, А. М. 2005. *Старославјански и црковнославјански јазик,, Јазыки мира. Славјанские јазыки*. Москва: Academia.
- Танјуг/В92. 2013. „СПЦ: Пресуда архиепископу охридском Јовану је политички монтиран процес“. *Танјуг/В92*. July 3, 2013.
- Толева, Теодора. 2012. *Влиянието на Австро - Унгарија за създаването на албанската нация 1896–1908*, София: Ciela.
- Томовић, Гордана. 1974. *Морфологија ћириличких натписа на Балкану*. Београд: Историјски институт.
- Томовић, Гордана. 2003. “Крстац – средњовековно име Шар-планине“. *Вардарски зборник 2*: 11–18. Београд: Српска академија наука и уметности.
- Управа за заједничке послове републичких органа [УЗЗПРО].n.d *Службени лист демократске федеративне Југославије* 13.16.03.1945. Одлуке националног ослобођења Југославије 153 – „Привремена забрана враћања колониста у њихова пријашња мјеста живљења.“ Accessed: August, 2022.
- <https://www.uzzpro.gov.rs/doc/biblioteka/bib-propisi/restitucija/25-od-luka-nac-komiteta.pdf>
- Храбак, Богумил. 1979. „Идеје о арбанашкој аутономији и независности 1876-1880. године“. *Историјски часопис* 25–26 (1978-1979). ed. Милићевић, Милић Ј, 159–192. Београд: Историјски институт, Просвета.
- Цветковић, Срђан. 2019. *Између српа и чекића: ликвидација „народних непријатеља” 1944-1953*. Београд: Службени гласник.

- Чанак-Медић, Милка. 1970. „Радови на спасавању Лепенског вира у 1970. години“, *Саопштења* IX: 5-17. ed. Ђурић, В, 5–18. Београд: Републички завод за заштиту споменика културе.
- Шуљагић, Сања. 2014. „екологија и уништење српског националног самосознања“ *Вестник Череповецкого Государственного Университета* 6 (59), October, 2014. ed. Шестаков Николай Иванович, 41–44. Череповец: Череповецкий государственный университет.
- Шуљагић, Сања. 2015а. „Неопходност очувања базилике у Кладенчишту“, *Политичка ревија* 4: 19–46. Београд: Институт за политичке студије.
- Шуљагић, Сања. 2015б. „Случај скрнављења манастира Ваљевска Грачаница – пример уништавања српског националног идентитета“ *Политичка ревија* 3: 1–25. Београд: Институт за политичке студије.
- Шуљагић, Сања. 2016. „Примена српске писмености и календара у периоду владавине династије Немањића“ *Политичка ревија* 4: 17–38. Београд: Институт за политичке студије.
- Шуљагић, Сања. 2020. *Оглед о српском идентитету – Распознавање изворишта српског идентитета у древној историји*. Београд: Институт за политичке студије.
- Шуљагић, Сања. 2022. “О савременим покушајима уништавања српског идентитета на Косову и Метохији“ *Национални интерес* 3: 9–49. Београд: Институт за политичке студије.
- Шуљагић, Сања. 2023а. „О древности српског идентитета на Косову и Метохији“ *Политичка ревија* 3: 59–87. Београд: Институт за политичке студије.
- Шуљагић, Сања. 2023б. “Значај реке Дунав у дефинисању идентитета српског народа“ *In Европа и Дунав*. eds. Милошевић, Зоран, Стојадиновић, Миша, 295–324. Београд: Институт за политичке студије.

д-р Саня Шулягич, Республика Сербия

*Институт политических исследований
Белград*

ОТМЕНА КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ РАЗРУШЕНИЯ И ЗАБЕГАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ

Аннотация

В данной статье автор использовал сравнительные и аналитико-синтетические методы, чтобы представить многовековой процесс разрушения и запустения памятников сербской культуры и сербского культурного наследия. Во вступительной части статьи автор представил хронологию и геополитические причины создания и реализации долгосрочной программы уничтожения сербского культурного наследия. В центральной части статьи автор описал разрушение сербского культурного наследия в XX веке, уделив особое внимание разрушению памятников, бомбардировке Национального музея и Национальной библиотеки в Белграде во время Первой и Второй мировых войн, разграблению Сербские архивы и разрушение сербских античных и средневековых городов, церквей и археологических памятников, а также уничтожение сербского культурного наследия в Косово и Метохии («Старая Сербия»). В заключительной части статьи автор привел примеры продолжения разрушения сербского культурного наследия в XXI веке в Белграде и по всей Сербии.

Ключевые слова: *реформы сербской письменности, правление турок-османов в Сербии, правление фанариотов в Сербии, уничтожение сербского культурного наследия, Косово и Метохия, Белградская крепость.*

MA Nikola Perišić, Republic of Serbia

*Institute for Political Studies
Belgrade*

ELEMENTS AND ROLE OF CULTURAL MEMORY ON POSTERS AND BILLBOARDS AS MEANS OF RAISING NATIONAL AWARENESS AND MOBILIZING NATIONAL COMMUNITIES IN MONTENEGRO DURING POPULATION CENZUS¹

Abstract

The long-anticipated population census in Montenegro was finally held in December 2023, marking the first census since the change of government in 2020. Although relevant political actors had agreed not to conduct a campaign ahead of the population census, some other, mainly anonymous groups attempted to draw citizen's attention to the importance of national and religious issues through posters and billboards, all with the aim of increasing the number of members of these ethnic and religious groups. The question of Serbian ethnicity was particularly significant, as despite representing one of the most dominant national group in Montenegro, they still do not have the status of a national minority. Therefore, the campaign targeted members of the Serbian group in Montenegro was the most prominent.

¹ This article was created as part of the scientific research activity of the Institute for Political Studies funded by the Ministry of Science and Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia.

Using the method of discourse analysis, it was established that various motifs containing the cultural memory were present on the posters and billboards, all with the aim of developing Serbian sentiment. This included the use of the Cyrillic script and the Serbian tricolor, as well as various historical figures who were born or lived and worked in that area, and who were simultaneously associated with the Orthodox faith. Religion is a very important element for the Serbs in Montenegro, primarily due to the uncertainty regarding the possible creation of the autocephalous Montenegrin Orthodox Church, but also because of the adoption of the Law on Freedom of Religion in December 2019, which led to significant dissatisfaction among citizens and ultimately resulted in a change of government. Such a campaign is linked to the culture of memory as it draws attention to certain individuals who are not as frequently represented when discussing Serbian history and tradition, thus making the entire campaign somewhat educational for the broader public.

Key words: *population census, Montenegro, billboards, slogans, posters, cultural memory, national identity.*

INTRODUCTION

The population census that was conducted in Montenegro during December 2023 is the first population census after the decades-long rule of the Democratic Party of Socialists (DPS) and their leader Milo Đukanović, who in fact personified that power. Political changes and the change of government in Montenegro started in August 2020 when the opposition political groups managed to create a parliamentary majority. Those elections in 2020 were preceded by the adoption of the Law on Freedom of Religion in December 2019, which defined that the state of Montenegro becomes the owner of all religious buildings that were built before December 1918. With the change of the parliamentary majority in Montenegro, that controversial article of the law was suspended and later, the Government of Dritan Abazović signed the Fundamental Agreement with the Serbian Orthodox Church. Complete political changes in

Montenegro were completed in April 2023, when Jakov Milatović became the new president of that country, defeating Milo Đukanović in the second round of the presidential elections.

First, due to the corona virus pandemic, and then, due to the unstable social and political situation, the population census in Montenegro was postponed several times, so that, finally, it would be conducted in December 2023, more precisely from December 3 to 28, 2023. Many political forces tried in different ways to mobilize the population on the issue of nationality. It was said in public that this topic is too politicized. This is also reflected in the fact that the largest opposition political party, the Democratic Party of Socialists (DPS), proposed a boycott of the census, but they moderated that position in later agreements with other political subjects. The majority of political and social actors experienced the census as an identity issue for the Serbs in that country, because despite the fact that the Serbs positioned themselves as the most numerous nation after the Montenegrins, the status of a “national minority” was never officially recognized for the Serbs in Montenegro (Jović 2011, 42). Therefore, it remains open to interpretate whether the Serbs in Montenegro represent a minority or an autochthonous people. In particular, we should point out the fact that according to the Constitution of Montenegro from 1992, the official language is “the Serbian language of the Ijekavian pronunciation” (Đukanović 2014, 407). After the constitution of the Montenegrin state as an independent one and the adoption of the new Constitution in 2007, the official language becomes “Montenegrin” (Ustave Crne Gore 2007). However, it should be borne in mind that the countries of Eastern Europe are also faced with contradictory requirements where they are expected to accept state models developed in mononational and monolingual national states and minority rights created in multi-national and multilingual multi-national states (Mesić 2013, 109). This multi-ethnicity, which is a characteristic of most of the countries of the former Yugoslavia, can be the source of various conflicts (Bešić 2005, 219). Especially since one of the main characteristics of post-communist and post-socialist states is “closer approximation to national sovereignty” (Vuković-Ćalasan 2013, 79).

At the same time, in previous years, the Republic of Serbia invested a lot of different resources with the aim of sending a clear message to the political elites that its population in that area is very important to Serbia. The events related to the protests, i.e. the religious lity, at the beginning of 2020, and later with the change of power of the Democratic Party of Socialists, which was perceived by the Serbian population as

an “anti-Serbian government”, homogenized the Serbian population in Montenegro. All this contributed to citizens being called on in different ways to declare themselves as Serbs in the census. Based on the 2011 population census, 178.110 citizens who identify themselves as Serbs live in Montenegro, which makes up almost 29% of the total population (Zavod za statistiku Crne Gore 2011). However, it should be borne in mind that during the census, citizens in Montenegro have the possibility not to declare their nationality, religion and mother tongue (Act on Census of Population, Households and Dwellings). So that fact can have a certain influence on the total number of different ethnic and religious groups living in Montenegro.

The census is “one of the most important sources of population data”, with the modern population census beginning in France during the 17th century (Пенев & Маринковић 2012, 22). The very act of the population census is important because it “represents a mirror of the current socio-political circumstances in which it is conducted” (Радушки 2024, 8). In addition, the population census has a special importance in the post-Yugoslav area because there is a constant struggle for the status of ethnic groups, which was intensified by the disintegration of the former Yugoslavia (Jović 2011, 37). That is, all war conflicts in the territory of the former Yugoslavia led to increased “national stratification” and “ethnic intolerance” (Радушки 2011, 419). So it is clear why all political actors in Montenegro have devoted so much interest to the issue of population census. As can be concluded from this part, political subjects, especially political parties and other organizations whose focus is on improving the status of the Serbian population in Montenegro, tried to mobilize as many citizens as possible to declare themselves as members of the Serbian national community. Precisely because of this, this paper examines what the discourse of that campaign was like through the marketing they did through posters and billboards.

THE ROLE OF POSTERS AND BILLBOARDS IN CAMPAIGNS

A political campaign is an “organized communication and marketing activity of political parties and other organizations and candidates, with the intention of influencing public opinion in order to change certain attitudes” (Lalić 2015, 13). Modern political campaigns are based on different communication channels thanks to which the message can reach the widest possible number of people. However, bearing in mind that the Democratic Party of Socialists (DPS) and its leader Milo

Đukanović were in power in Montenegro for several decades, this type of political regime can be classified as authoritarian. One of the basic and most significant characteristics of authoritarian regimes is that they control the most important levers of the system, including the media (Vladisavljević 2018, 84). Due to such a media situation in Montenegro, the opposition political forces had to find alternative media channels in order to succeed in sending the political message to the voters they wanted. This led to the growing number of so-called “mime” page on social media, primarily on Instagram, during the lityies organized by the Serbian Orthodox Church in early 2020, and this type of political communication continued on the eve of the parliamentary elections in August of the same year. The most significant advantage of this type of communication is two-way communication, that is, the existence of the so-called feed back (Vujanović 2021, 344).

In addition to the classical forms of media, which include the press, electronic and social media, political advertising can also be used through certain public spaces, for example, posters and billboards that are visible to a large number of people are often used for campaigns. Posters send a direct message that aims to initiate action among citizens (Jones 2019, 271). The basic role of posters is informative, as well as to provoke a certain type of emotion in the recipient (Славујевић 2002, 181). More precisely, to seduce and convince (Rabrenović 2013, 72). With that, it is clear why it is suitable for sending political messages, because thanks to the messages sent via posters, it affects the emotional component of the attitude. More precisely, they are most often based on convincing (persuasive) elements (Muller 2008, 628). Posters consist of verbal and non-verbal, that is, visual elements (Maksut Deželan 2013, 155). In addition, the posters are characterized by “the massiveness and simplicity of the message, but they are also quickly forgotten” (Vujanović 2021b, 214).

A significant advantage of advertising through posters is the possibility to send a message to a large number of people in an inexpensive way, but also to place the message that certain creators want in different formats (Geise 2017, 15). Although it seems that the content that is marketed through posters is simple, it belongs to a complex media that can be considered as mass propaganda media (Rabrenović 2013, 72). An important aspect that posters make possible is the ability to send a message based on symbols. “Political communication and propaganda is based on the manipulation of symbols to control public opinion in contexts characterized by power, influence and power relations between individuals and groups” (Bryder 2008, 102). Its impact depends on the visual

effects, but also on the verbalized messages because there is usually a correlation between verbal and non-verbal elements within the poster. Also, the success of the messages sent via the poster depends on the position of the poster itself (Maksuti & Deželan 2013, 158).

METHODOLOGY AND SUBJECT OF RESEARCH

The subject of the research is to determine which elements of national symbols and cultural memory dominated during the campaign for population census conducted by political actors in Montenegro. Therefore, the main research question in the paper is how social and political actors represented their cultural and national symbols through discourses on posters and billboards, within the campaign for population census, in order to have a greater persuasive power and to better evoke national sentiment, thus influencing an increase in the number of members of their ethnic and religious groups and proportionally increasing their share of influence in making various social and political decisions.

As the main method for conducting the aforementioned analysis, discourse analysis will be utilized, as through discourse, the author's intended message can be cognitively understood (Gennet 1990, 43). Discourse refers to the use of language in a particular social practice (Veljak 2019, 48). Discourse encompasses several elements: 1) the author's communicative intentions; 2) the relationship between the author and the recipients; 3) the circumstances (context); 4) stylistic-rhetorical decisions of the message; 5) the prior experience reflected in the message (Kenzhekanova 2015, 192). Additionally, discourse is defined as "a concrete manifestation of language and arises necessarily in a specific context that takes into account not only linguistic elements but also the circumstances of their production: interlocutors, time and place, existing relationships between these non-linguistic elements" (Тодоров 2010, 7). So, discourse analysis as a method does not approach language to merely identify elements of meaning, but to discover how individuals use language to create reality (Bešić 2019, 248). A closer explanation is provided by Stanojević and Mirkov (2018, 65), who note that discourse represents a system of interpretation and the continuous creation of meaning. McCarthy (1994, 5) indicates that in fact discourse analysis represents "the relationship between language and the context in which it is used". So, the method of discourse analysis allows us to "find and determine the connections between language

and its social relations” (Bešić 2019, 250). Because of all the above, the method of discourse analysis is the most suitable for the analysis that will be carried out in this paper.

THE SERBIAN NATIONAL IDENTITY QUESTIONS IN CAMPAIGN FOR THE POPULATIONS CENSUS IN MONTENEGRO IN 2023.

As has been emphasized, the announced population census in Montenegro was postponed on several occasions. It was originally supposed to be organized in 2021, but due to the corona virus pandemic, it was postponed. It was then announced that the census would be conducted in November 2023, but due to the announced boycott called by the Democratic Party of Socialists, it was agreed that the census would be held in December 2023. All relevant political actors in Montenegro have signed the Agreement on Census, which agreed on the most important elements of the implementation of the population census process: 1) expansion of census commissions; 2) control of input of collected data; 3) development of software that would be used to enter collected data; 4) prohibition of political parties to conduct a campaign related to the population census (Kosovo Online 2024). Regardless of the fact that there was an agreement between political actors not to carry out a census campaign, that campaign existed among certain national groups living in the territory of Montenegro. During the entire campaign, it was not confirmed that any political subjects were behind any content related to the census on posters and billboards, which did not violate the Agreement on the Census.

The campaign was dominated by posters calling on the citizens of Montenegro to declare themselves as members of the Serbian nationality as much as possible. It was similar in 2011, when the previous census was conducted. Various political actors, non-governmental organizations and many institutions participated in the pre-census campaign (Politika 2011). On that occasion, billboards were placed with the Serbian tricolor (red, blue and white) on which there was a photo of tennis player Novak Djokovic with a large inscription in Cyrillic script: “Don’t be afraid! Be what you are”. In that example, we see a clear combination of a verbal message with a combination of the flag of Serbia and one of the most successful Serbs in history, such as Novak Djokovic, who, apart from one of the first associations with Serbia, often expresses his patriotism and participates in certain “identity issues” that are important for residents

of Serbia. Namely, in 2008, Novak Djokovic sent a video message that was broadcast at the “Kosovo is Serbia” protest organized in Belgrade on the occasion of the declaration of Kosovo’s unilateral independence. Djokovic also supported the protests and processions organized by the Serbian Orthodox Church in early 2020 through social media (RTS 2020). Also, Djokovic is an important figure for the Serbian people, because he reflects many different, and at the same time, important factors for the Serbian people. First of all, it is thanks to him that a – “beautiful image” of Serbia is created in the world (Spasić i Petrović 2012, 26). At the same time, Djokovic personifies the winning mentality, as well as the oppression of world powers, with which a large number of members of the Serbian people identify (Dašić 2013, 71). To all that, we should add the fact that Novak Djokovic is originally from the area of Kosovo and Metohija, and that way he causes an additional sentiment. It is known that the – “Kosovo myth” represents one of the – “central factors in the construction of Serbian national identity and statehood” (Пешић 2018, 26). What can be considered the greatest strength when it comes to Novak Djokovic’s personality is that he also has a distinctly homogenizing capacity, even when his actions and communication are within the public sphere. However, Novak Djokovic never publicly confirmed that he allowed his image to be used in the pre-census campaign in Montenegro in 2011. His recognition was used for this purpose, as can be seen that more and more often individuals from public life become politically active. One of the most important reasons why public figures become politically active should be found in the fact that citizens will rather identify with a figure in the field of art or sports than with a politician or political party (Pels and Corner 2003, 7).

In addition, we should refer to the verbal message that the author wants to indicate that, regardless of the current government at the time, which was embodied in Milo Đukanović, who is often characterized as an – “authoritarian figure” who, in the previous decade, was labeled as a politician who leads an – “anti-Serb policy”, citizens should not be afraid to freely express their affiliation in the population census. During that campaign on the eve of the 2011 population census, billboards were noticed showing the eagle, one of the symbols of Serbia because it is on the national coat of arms of Serbia, with a mountain landscape that symbolizes the territory of Montenegro. The poster also has a quote from Petar Petrović Njegoš written in Cyrillic script: – “My Serbian nation”. On the other hand, the Public Media Service of Montenegro (RTCG) often broadcast videos where citizens were invited to declare

their ethnic affiliation to Montenegrins and to speak the Montenegrin language, and billboards that could be seen in certain parts of Montenegro also contributed to this, such as, for example, billboards with distinct motifs of – “Montenegro independence” dominated by the color red, in accordance with the flag of Montenegro. Also, on the billboards there was a man dressed in a Montenegrin costume and it was written in Latin script: – “Oh poor Stanko, you should be killed by rust, don’t you like Montenegro!”. Mihailo Radojicic is signed at the bottom of the billboard as the – “author of the idea”. In addition, there were also billboards signed by – “Guardians” where, also on a red background, it was written in Latin letters: – “Do we need billboards to know who we are?!”. All this caused a counter-campaign of Matica Srpska on the commercial television – “Vijesti” (Politika 2011).

A similar type of campaign continued ahead of the recent 2023 census. Certain media in the Western Balkans region stated that the – “IN45” portal was behind the placement of those posters (RSE 2023). The dominant way of communication on those billboards were various figures from history who were in a certain way related to Montenegro, and can be characterized as members of the Serbian nationality. On each poster, below the name of the person, a short biography is highlighted, that is, information that the authors considered relevant and most important to raise the mobilizing aspect among the citizens. That version will be used in this work when the names of the persons are listed, while later it will be explained to what extent these data are correct. So, the personalities who were depicted on the posters are: Baltazar Bogišić (– “Serbian legal historian, Minister of Justice of Montenegro. Born in Cavtat.”), Lazar Tomanović (– “Serb, publisher, writer, judge of the Great Court in Cetinje. Prime Minister of the Government of Montenegro. Born in Lepetani, Boka.”), Ruđer Bošković (– “Serbian philosopher, poet, diplomat, scientist and travel writer. Born in Dubrovnik.”), Spiridon Špiro Bocarić (– “Serbian academic painter, manager of the Vrbavska Banovina Museum in Banja Luka – victims of the Ustasha genocide. Born in Budva, Boka.”), Mitrofan Ban (– “Serbian, Metropolitan of Montenegro, Hills and Littoral, warrior and diplomat. Born in Glavati, Boka.”), Marko Martinović (– “Serbian, littoral, mathematician and poet. Born in Perast, Boka.”), Stefan Uroš IV Dušan Nemanjić (– “Serb, king and emperor of the Serbs, Greeks, Bulgarians and Arbanas, warrior, founder of the Duljevo monastery, benefactor and protector of Boka.”), Andrija Zmajević (– “Serbian Baroque writer, Archbishop of Bar and Primate of Serbia. Born in Perast, Boka.”), Visarion Ljubiša (– “Serbian, Metropolitan of

the Serbian Orthodox Church of Montenegro and Littoral. Born on St. Stefan, Boka.”), Stefan Mitrov Ljubiša (– “Serb, writer and diplomat. Born in Budva, Boka.”), Antun Fabris (– “Serb, director of Dubrovnik’s Matica Srpska and writer. Born on Korčula.”), Medo Pucić (– “Serbian nobleman, writer, scientist and politician Born in Dubrovnik.”). The constant of all these posters and billboards with these personalities was dominated by the Serbian tricolor and the text in Cyrillic script: – “Proud of your Serbian”. It is noticeable that there is an insistence on national symbols such as the national flag. It is believed that no national symbol evokes national feelings like the national flag, because it represents the hallmark of a community that has won independence and diversity from others through joint efforts and sacrifices (Jaskulowski 2016, 561). Also, the flag has a communicative role, and with its colors, shape and other symbols, it also develops feelings of – “glory, pride and loyalty” (Marshall 2017, 78). In addition, it is noticeable that the slogan insists on – “Serbia” and that no one should be ashamed of that.

What caused a certain controversy in the public is that Ruder Bošković and Baltazar Bogišić were among the selected personalities. This was precisely the reason for the Croatian Ministry of Foreign and European Affairs to send a note of protest to Montenegro, because in their opinion, – “an attempt to reach out and attribute the historical heritage of the Republic of Croatia and the Croatian people to Serbian culture is absolutely unacceptable” (RSE 2023b). In the professional literature, it can be found that Baltazar Bogišić was born in Cavtat in 1834. in a Catholic family, but also that he declared himself a Serb on the national issue and advocated the position that Serbs and Croats are – “two halves of one nation” (Luković 2008, 176–178). On the other hand, Ruder Bošković was born in a mixed family because his mother is Italian and his father is Serbian. Bošković was a Catholic, and he called himself a – “Slav” (Antić 2022). So it is clear that when appropriating these personalities from different nation-states located in the Western Balkans, it represents the – “narcissism of small differences” in Freudian terms.

Analyzing the text on the posters, certain similarities can be observed, and this is primarily the insistence on ethnic affiliation to Serbia, with the term – “Serbian”, as well as the fact that almost all persons were born on the coast, more precisely in the area of Boka or Dubrovnik. When people who are not from that area are encountered, some other connection with that area is attributed to them, as can be seen in the example of Stefan Uroš IV Dušan Nemanjić, who is described as the – “protector of Boka”. In addition, it is insisted that they were persons

from respectable professions such as: lawyers, artists, clergy, scientists, etc... There is a noticeable discourse that emphasizes biographical information related to having suffered certain types of accidents in the past which is best exemplified by the example of Spiridon Špira Bocarić, where it is said that he held the position of – “manager of the Museum of Vrbavska banovina in Banja Luka – victims of the Ustasha genocide”. In the history of the Serbian people, there is a particular emphasis on the victimization of the entire nation, and the roots of that should be sought back to the period when the Turks ruled over this territory, but also in all subsequent wars where a large number of Serbian population suffered (Kuljić 2006, 72). Such an approach can be characterized as – “strengthening national identity through recalling collective trauma” (Jovanović & Petrović 2015, 71). That is, through a campaign that was based on individuals, the creators wanted to – “connect an individual to an individual through a connective structure and in this way, through a symbolic world of meaning, create a common space of experience, action and expectation that provides a sense of trust and orientation with its binding and binding power” (Assmann, 2005, 18).

Another poster that appeared during the 2023 pre-census period was designed with the Serbian tricolor and the slogan: – “If you don’t know, ask grandpa.” Again, the national symbol of the flag dominates, but also the reference to tradition. One of the key social functions of traditions is the – “constitution of intergenerationality”, that is, the shaping of generations (Jakovljević 2019, 93). In that process, the ancestors play a key role, enabling those elements of tradition to be preserved and passed on to new, young generations (93). So it is clear why the author refers to – “grandfather” in this slogan. Another interpretation of this word should go in the direction of the nickname that the previous Metropolitan Amfilohije Radović had, namely – “Grandpa”. Metropolitan Amfilohije Radović was an important figure for a large number of Serbs living in Montenegro, who saw him as the protector of the Serbian Orthodox Church and the guardian of – “Serbia” from the – “anti-Serb government” of Milo Đukanović. It should be noted that Amfilohije Radović played one of the most significant roles in the change of government in Montenegro, because he was first one of the leading leaders of the lityies organized at the beginning of 2020, and later that year he proposed that the holder of the – “For the Future of Montenegro” list Zdravko Krivokapić is a non-party person, and he gave public support to that electoral list and voted for them in the first and only elections in which he voted.

Based on a detailed analysis of posters and billboards aimed at increasing the number of Serbian ethnic population in Montenegro, it can be concluded that the personalization of various individuals from history who are directly or indirectly connected to religion or other emotive areas that evoke national sentiment among citizens dominated. At the same time, it is noticeable that the authors of the posters also wanted to depict certain contemporary significant figures. For this reason, the slogan – “If you don’t know, ask grandpa” was created, where – “grandpa” has a clear allusion to Metropolitan Amfilohije Radović, whose nickname it was, and who was simultaneously associated with religion. Emphasizing religious motives is not unexpected, as religion plays a significant role in the Balkans and represents a very important factor in the development of national identity (Шљивић 2021, 331). Additionally, there was a presence of figures symbolizing fearlessness in the face of any obstacles, such as Emperor Dušan. The Nemanjić family is significant for the development of the Serbian identity because, along with various churches and other types of monuments, it represents the continuity of the presence of the Serbian people in the Balkans (Шуљагић 2023, 60). A large number of members of the Nemanjić dynasty have been canonized, which is another religious connection that is noticed.

THE PRESENCE OF THE BOSNIA AND ALBANIAN NATIONAL AND RELIGIOUS ISSUES IN THE CENSUS CAMPAIGN

Representatives of other minority groups, such as Bosniaks and Albanians, requested the first postponement of the population census so that the census material could be printed in all languages that are in official use in Montenegro. Members of the Islamic community displayed posters and billboards with the inscription in Latin script: – “Write down what we are!”. A very clear invitation to declare in the census according to their national and religious feelings. The color green dominates the poster. In Islamic culture, the color green has the status of a – “cult” because the descriptions of the Koran are dominated by the color green, where it is said that this color (green) dominates paradise, and some interpretations say that green was introduced into the Koran thanks to the fact that this color dominates landscapes. Arabian desert oases (Bejtić 2002, 131). In addition, the flag of Sandžak was displayed on the posters. Sandžak is a territory that includes parts of Serbia and Montenegro,

where the majority of the Islamic population, who declared themselves as – “Bosniaks”, often have certain preferences to create an independent territory in that area (Finkel 2006, 485). The word – “sanjak” originates from the Turkish language and translates as – “flag” (Savić 2012, 6).

It should be remembered that even the Bosniak community in Montenegro did not always have good relations with the ruling political elites in that country. Namely, during the creation of independent Montenegro, when the national Montenegrin symbols were presented, the Bosniak party protested against the religious symbols on the Montenegrin coat of arms, i.e. they opposed the cross on the crown (Đukanović 2014, 404). An additional argument of that social group went in the direction that such state symbols can be connected with the monarchist arrangement, and Montenegro decided for a republic (404). So, based on this, the motives of the Islamic group, which includes Bosniaks and Albanians, can be explained to try to influence as many citizens as possible to declare themselves as members of their minority and thereby increase their capacity and potential to influence various social and political movements in Montenegro. According to data from 2011, when the previous population census was conducted, 8.65% of Bosniaks and 4.91% of Albanians live in Montenegro, and 3.31% of the total population declare themselves to be members of the Islamic religion (Zavod za statistiku Crne Gore 2011).

CONCLUSION

Based on the analysis, it can be concluded that certain ethnic groups living in Montenegro have tried, through campaigning and mobilization of population groups that are sympathetic to them, to influence as wide a circle as possible to participate in the population census and to declare themselves as members of certain national and religious groups, but also the use of the mother tongue. The Serbs, Bosniaks and Albanians took the lead in that campaign. Considering which aspects of the population census the posters and billboards were supposed to influence, it is clear that the most important aspect was to develop national identity. The Serbian national group in Montenegro was the most active in these efforts to mobilize as many citizens as possible to declare themselves as members of the Serbian nation. This should be interpreted through the fact that there is an inseparable connection between ethnicity and national identity (Пешић 2023, 27). The mechanism that

dominated in influencing national identity was the cultural memory through the personalization of significant individuals from history, as well as through various religious symbols tasked with reminding of the tradition of that ethnic group.

To what extent they succeeded, the results of the census will show when those data are published, more precisely to what extent the number of members of the Serbian nation has increased, and whether it has increased at all. The discourse on the posters and billboards was dominated by certain verbal and non-verbal motives that aimed to indicate and awaken national sentiment. First of all, the Serbian tricolor and the Cyrillic alphabet took precedence. The campaign was based on different figures from history, and certain figures were not too well known to the general public, which enabled the cultural memory to be further developed. So from that perspective, it can be considered that this campaign also had an educational aspect, which enables the wider interested public to become familiar with certain historical details, because in Serbian society there is a crisis of the cultural memory (Колаковић 2020, 61). It can be considered problematic that part of that cultural memory and memory is based on distorted images and alternative memories, but this is becoming a common feature for peoples and countries outside the Balkan area as well (Stanković & Topalović 2023, 140). However, it is believed that culture and memory can be a – “powerful tool for change” (Assmann & Shortt 2012, 4). Precisely certain changes have befallen the Montenegrin political scene and the entire society in the past years, where key roles were played by different national and religious entities in that country. So the degree of influence of the cultural memory on almost all the most important socio-political events in the previous period in Montenegro cannot be ignored.

Religious motives and symbols dominated because they represent *objective factors* for a sense of belonging to a particular ethnic group (Шљивић 2021, 330). The religious issue gains further significance in Montenegro since the status of the Serbian Orthodox Church is not entirely resolved due to the intentions of the Montenegrin Orthodox Church to gain autocephaly. From all this, it can be concluded that – “the population census is one of the stronger instruments in the struggle for ethnic status in order to consolidate the positions of real sovereignty in the newly created nation-states, and minorities to confirm their presence in those states” (Jović 2011, 43–44). Односно, „национализам добија облик етнонационализма који настоји да обезбеди доминацију

појединачне етнокултурне заједнице– “ (Vuković-Ćalasan 2013, 79). However, we should bear in mind the fact that was presented at the beginning of the paper, namely that citizens of Montenegro have the right not to answer questions related to national and religious affiliation, and mother tongue. The importance of establishing the number of members of a certain nation and religion is additionally influenced by the fact that Montenegro is the country that was the last to gain independence from all the former Yugoslav republics and wants to completely break away from Serbian preferences, while all those processes that have been undertaken by the official Montenegro so far cause a counter-effect among the majority of members of the Serbian nation and the implementation of various activities aimed at pointing out the “Serbian question– “ in that country. More precisely, ethnicization of political life and functioning in Montenegro is developing, which is a common feature in post-communist and post-socialist states (Vuković-Ćalasan 2013, 79). Therefore, we have a very polarized and electrified atmosphere in the social and political life of Montenegro, which can be observed within the various electoral processes taking place in that country, but also on other important issues such as last year’s population census.

REFERENCES

- Antić, Čedomir. 2022. „Srbin po ocu, Italijan po majci, Dubrovčanin po rođenju, Milanez po grobu... Ko je bio Ruđer Bošković?” Accessed: March 9, 2024. <https://www.nedeljnik.rs/srbin-po-ocu-italijan-po-majci-dubrovcanin-po-rodenju-milanez-po-grobu-ko-je-bio-ruder-boskovic/>
- Assmann, Aleida and Shortt, Linda. 2012. „Memory and Political Change“. In *Memory and Political Change*. ed. Assmann Aleida and Linda, Shortt, 1–14. Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Assmann, Aleida. 2005. *Kulturno pamćenje – Pismo, sjećanje i politički identitet u ranim visokim kulturama*. Zenica: Vrijeme.
- Bejić, Alija. 2002. „The Idea of the Beautiful in the Sources of Islam.” *Prilozi za orijentalnu filologiju* 50: 113–136. Sarajevo: Orijentalni Institut.
- Bešić, Miloš. 2005. „National versus Civic Option in Montenegro“. In *Between authoritarianism and democracy: Serbia, Montenegro, Croatia, II. Civil society and political culture*. ur: Dragica Vujanović,

- Lino Veljak, Vladimir Goati i Veselin Pavićević, 217–232. Beograd: Cetet.
- Bešić, Miloš. 2019. *Metodologija društvenih nauka*. Novi Sad: Akademska knjiga.
- Bryder, Tom. 2008. “Conceptual elements for a theory of visual political propaganda.” *Psicología Política* 37: 101–117. La Rioja: Universidad de la Rioja.
- Dašić, Dejan. 2013. „Uticaj sporta i sportista na brendiranje nacije”. In *Menadžment u sport*. ed. Dragan Životić, 69–77. Beograd: Fakultet za menadžment u sportu.
- Đukanović, Dragan. 2014. „Identitetska pitanja i linije unutrašnjih podela u Crnoj Gori“. *Međunarodni problemi* 64: 395– 423. Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu.
- Finkel, Caroline. 2006. *The History of the Ottoman Empire - Osman's Dream*. New York: Perseus Books.
- Geise, Stephanie. 2017. “Theoretical perspectives on visual political communication through election posters.” In *Election posters around the globe: Political campaigning in the public space*. ed. Holtz-Bacha, Christina and Bengt Johnsson, 13–31. New York: Springer Nature.
- Genette, Gerard. 1990. *Fictional Narrative, Factual Narrative*. New York: Poetic Today.
- Jakovljević, Dragan. 2019. „Šta su to tradicije?“. *Theoria*, 62: 85–98. Beograd: Filozofsko društvo Srbije.
- Jaskulowski, Krzysztof. 2016. “The magic of the national flag“. *Ethnic and Racial Studies* 39: 557–573. London: Routledge.
- Jones, William. 2014. “Political semiotics of national campaign posters and pictorial representation: Thailand's 2011 general elections“. *Semiotica* 199: 269–296. Valparaíso: Universidad Católica de Valparaíso.
- Jovanović, Olja and Nebojša Petrović. 2015. „Uloga orijentacije ka socijalnoj dominaciji, efekata kolektivne traume i regulatornog fokusa u predikciji izraženosti nacionalnog identiteta“. *Primenjena psihologija* 8: 67–82. Novi Sad: Filozofski fakultet.
- Jović, Dejan. 2011. „Popis stanovništva: bitka za etnički status u postjugoslavenskim državama”. *Političke analize: tromesečnik*

- za hrvatsku i međunarodnu politiku 2(5): 36–45. Zagreb: Fakultet političkih znanosti.
- Kenzhekanova, Kuralay KENZHEKANKYZY. 2015. “Linguistic features of political discourse.” *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6: 192–206. London: Signatory of Dora.
- Kosovo Online [KO]. 2024. „Popis u Crnoj Gori: U 2023. evidentirano 633.158 stanovnika, podaci o – ‘identitetskim pitanjima’ u narednih šest meseci”. *Kosovo Online*. January 25, 2024. Accessed: March 9, 2024. <https://www.kosovo-online.com/vesti/region/popis-u-crnoj-gori-u-2023-evidentirano-633158-stanovnika-podaci-o-identitetskim>
- Kuljić, Todor. 2006. *Kultura sećanja, Teorijska objašnjenja upotrebe prošlosti*. Beograd: Čigoja štampa.
- Lalić, Dražen. 2015. „Izborna kampanja 2015. godine: ni predstavljanje ni proizvodnja politike—dugotrajna komunikacijska i politička zbrka”. *Političke analize: tromjesečnik za hrvatsku i međunarodnu politiku*, 6 (24): 12–18. Zagreb: Fakultet političkih znanosti.
- Luković, Miloš. 2008. „Valtazar Bogišić and the General Property Code for the Principality of Montenegro: Domestic and Foreign Associates”. *Domestic and foreign associates. Balcanica*, 39: 175–188. Beograd: Institut za balkanološke studije.
- Marshall, Tim. 2017. *A Flag Worth Dying For: The Power and Politics of National Symbols*. New York: The Scribner.
- Maskuti, Alem and Deželan, Tomaš. 2013. „Politička komunikacija u Sloveniji: Informisanje i ubeđivanje putem izbornog plakata”. *Komunikacija i kultura online* 4: 152–171. Ljubljana: Fakultet društvenih nauka.
- McCarthy, Michael. 1994. *Discourse Analysis for Language Teachers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mesić, Milan. 2013. „Pojam nacionalnih manjina i njihovo političko predstavljanje: slučaj Hrvatske”. *Politička misao* 50 (04): 107–131. Zagreb: Fakultet političkih znanosti.
- Muller, Marion. 2008. “Posters Political”. *Encyclopedia of political communication*. ed. Lee Kaid, Lynda and Christina Holtz-Bacha. 626–629. Los Angeles: Sage Publications.
- Pells, Dick and John Corner. 2003. *Media and the restyling of politics: Consumerism, celebrity and cynicism*. London: Sage publication.

- Politika. 2011. „Popis vaskrsnuo kralja Nikolu”. *Politika* March 31, 2011. Accessed March 10, 2024. <https://www.politika.rs/sr/clanak/172462/Popis-vaskrsnuo-kralja-Nikolu>
- Rabrnović, Andrijana. 2013. „Politički plakat i kult ličnosti“. *MediAnali: međunarodni znanstveni časopis za pitanja medija, novinarstva, masovnog komuniciranja i odnosa s javnostima*, 7(13): 71– 101. Dubrovnik: Sveučilište u Dubrovniku.
- Radio Slobodna Evropa [RSE]. 2023. „Počela kampanja za povećanje broja Srba na popisu u Crnoj Gori”. *Radio Slobodna Evropa*. October 11, 2023. Accessed 9. marta 2024. <https://www.slobodnaevropa.org/a/crna-gora-popis-stanovnistva-kampanja/32633265.html>
- Radio Slobodna Evropa [RSE]. 2023b. „Hrvatska uputila protestnu notu Crnoj Gori zbog kampanje ‘Ponosni na svoje srpsko’”. *Radio Slobodna Evropa* October 10. 2023. Accessed: 9. marta 2024. <https://www.slobodnaevropa.org/a/hrvatska-protestna-nota-crna-gora/32631409.html>
- Radio-televizija Srbija [RTS]. 2020. „Đoković podržao litije u Crnoj Gori“. *Radio-televizija Srbija*. March 6, 2020. Accessed: 9. marta 2024. <https://www.rts.rs/lat/sport/tenis/3878620/djokovic-podrzao-litije-u-crnoj-gori.html>
- Raduški, Nada. 2011. Srbi kao nova nacionalna manjina u postjugoslovenskim državama. *Sociologija*, 53(4): 417–432. Beograd: Filozofski fakultet.
- Savić, Sandra. 2012. *History and Identity within the Sandžak Region*. Kansas City: University of Kansas.
- Spasić, Ivana., & Petrović, Tamara. 2012. „Varijante ‘Treće Srbije’“. *Filozofija i društvo* 23: 23– 44. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju.
- Stanković, Đurđica., & Topalović, Milica. 2023. „Značaj kulture pamćenja za izgradnju kolektivnog identiteta i ontološke bezbednosti: studije slučaja Japana i Kosova“. *Politička misao* 60: 123–145. Zagreb: Fakultet političkih znanosti.
- Stanojević, Dobrivoje., & Mirkov, Lidija. 2018. „Discourse of Contemporary Political Spectacle in Serbia“. *Современный дискурс-анализ* (3–1): 64–71. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
- Ustave Crne Gore „Sl. list CG», br. 1/2007 i 38/2013.

- Veljak, Lino. 2019. „Philosophy between discourse of religion and discourse of science“. In *Politika i diskurs*. ed. Dejana Vukasović i Petar Matić, 47– 61. Beograd: Institut za političke studije.
- Vladisavljević, Nebojša. 2018. „Demokratija i konsocijacija u pluralnim društvima posle rata“. In *Politike izgradnje mira u regionu: opterećenja prošlosti i vizije budućnosti/Politics of building peace in the region: Burdens from the past and visions for the future*, ed. Nerzuk Ćurak and Judith Brand, 82–97. Beograd: Fakultet političkih nauka.
- Vujanović, Jelena. 2021. “Meme pages as public opinion leaders in the election campaign for the parliamentary elections in Montenegro in 2020“. *Baština*, 54: 341–353. Leposavić : Institut za srpsku kulturu.
- Vujanović, Jelena. 2021b. „Izborna kampanja Alternative za Njemačku 2017. godine – Gerila marketing u funkciji mehanizma sugestije i podražavanja“. 209–222. Banja Luka: U Susret Nauci - STES2021.
- Vuković-Čalasan, Danijela. 2013. „Politički identiteti u multikulturalnim državama sa osvrtom na Crnu Goru“. *Politički život*, 9: 77– 95. Beograd: Fakultet političkih nauka.
- Zakon o popisu stanovništva, domaćinstava i stanova. – “Službenom listu CG”, br. 140/2022 i 105/2023.
- Zavod za statistiku Crne Gore. 2011. *Stanovništvo Crne Gore prema polu, tipu naselja, nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti, vjeroispovijesti i maternjem jeziku po opštinama u Crnoj Gori*. Podgorica: Zavod za statistiku Crne Gore.
- Колаковић, Александра. 2020. „Солунски фронт и Срби: Између заборавља и места националног сећања. *Српска политичка мисао* 68: 59 77. Београд: Институт за политичке студије.
- Пенев, Горан and Маринковић, Иван. 2012. „Први резултати пописа становништва 2011. с посебним освртом на промену броја становника Југоисточне Србије“. In *Становништво Југоисточне Србије: Утицај демографских промена у Југоисточној Србији на друштвени развој и безбедност*. Ed. Љубиша Митровић, 2–42. Ниш: Филозофски факултет.
- Пешић, Милена. 2018. „Косовски мит: Између апотеозе и редуктивних тумачења“. *Српска политичка мисао*, 58: 25–44. Београд: Институт за политичке студије.

- Пешић, Милена. 2023. „Национални идентитет из оптике његовог дискурзивног конструисања“. *Национални интерес* 46: 23–46. Београд: Институт за политичке студије.
- Радушки, Нада. 2024. „Попис 2022 – становништво Србије према националној припадности“. *Српска политичка мисао*, 83(1): 7–27. Београд: Институт за политичке студије.
- Славујевић, Зоран. 2002. *Политички маркетинг*. Београд: Факултет политичких наука.
- Тодоров, Цветан. 2010. *Симболизам и тумачење*. Београд: Службени гласник.
- Шљивић, Милена. 2021. „Улога религије у формирању националног идентитета Срба са Косова и Метохије“. *Баштина* 51: 329–340. Лепосавић: Институт за српску културу.
- Шуљагић, Сања. 2023. „О древности српског идентитета на Косову и Метохији“. *Политичка ревија*, 77: 59–87. Београд: Институт за политичке студије.

м-р Никола Перишич, Республика Сербия

*Институт политических исследований
Белград*

ЭЛЕМЕНТЫ И РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ НА ПЛАКАТАХ И БИЛБОРДАХ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И МОБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН В ЧЕРНОГОРИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

Долгожданная перепись населения в Черногории наконец состоялась в декабре 2023 года, ознаменовав первую перепись после смены правительства в 2020 году. Хотя соответствующие политические силы согласились не проводить кампанию накануне переписи населения, некоторые другие, в основном анонимные группы пытались привлечь внимание граждан к важности национальных и религиозных вопросов с помощью плакатов и рекламных щитов, и все это с целью увеличения числа членов этих этнических и религиозных групп. Вопрос сербской этнической принадлежности имел особое значение, поскольку, несмотря на то, что они представляют одну из наиболее доминирующих национальных групп в Черногории, они до сих пор не имеют статуса национального меньшинства. Поэтому кампания, направленная против членов сербской группировки в Черногории, была наиболее заметной. Методом дискурс-анализа установлено, что на плакатах и рекламных щитах присутствовали различные мотивы, содержащие культурную память, и все с целью развития сербских настроений. Сюда входило использование кириллицы и сербского триколора, а также различных исторических деятелей, родившихся или живших и творивших в этой местности и одновременно связанных с православной

верой. Религия является очень важным элементом для сербов в Черногории, в первую очередь из-за неопределенности относительно возможного создания автокефальной Черногорской Православной Церкви, а также из-за принятия Закона о свободе вероисповедания в декабре 2019 года, что привело к значительному недовольству среди граждан и в конечном итоге привели к смене правительства. Такая кампания связана с культурой памяти, поскольку она привлекает внимание к определенным людям, которые не так часто представлены при обсуждении сербской истории и традиций, что делает всю кампанию в некоторой степени познавательной для широкой общественности.

Ключевые слова: перепись населения, Черногория, рекламные щиты, лозунги, плакаты, культурная память, национальная идентичность.

Prof. Dr. Mitko B. Panov, Republic of North Macedonia

*Institute of National History, Ss. Cyril and Methodius University
Skopje*

BEING SELF OR BECOMING OTHER: REVISION OF HISTORY AND THE EU INTEGRATION OF THE REPUBLIC MACEDONIA

Abstract

The political elites, through state institutions, utilize the past to mobilize memory, reflecting collective identity as an integral component of the nation. Therefore, when a state is confronted with the imposed revision of its national history, coupled with its adaptation to the narratives of other nations, the function of history becomes a catalyst for the erosion of the nation's identity. This phenomenon will be examined in the case of the Republic of Macedonia concerning the enforced revision of national historiography and history textbooks, stemming from political agreements with Bulgaria (2017) and Greece (2018). The focus of the analysis is given to the implications of the politically constructed "common history" deriving from the work of Joint Macedonian-Bulgarian Multidisciplinary Commission on Historical and Educational Issues. Furthermore, the bilateral protocol with Bulgaria from July 2022 entails direct interference in the Macedonian educational system. It stipulates that the Commission's agreed-upon historical definitions would delineate and designate public spaces (inscriptions on monuments, signs, tourist guides, state institutions, media) and shape official speeches during state celebrations. Consequently, the

imperative revision of history under political pressure becomes a crucial factor for the nation's accession to the EU, exerting profound effects on the identity and sovereignty of the Macedonian nation.

Keywords: *Republic of Macedonia, Macedonians, Politics, History, Identity, EU integration, Greece, Bulgaria.*

THE GENESIS OF THE MACEDONIAN – BULGARIAN DISPUTE ON HISTORY

The joint Macedonian-Bulgarian Commission on Historical and Educational Issues was established in 2019 under the Treaty of friendship, good-neighborliness and cooperation. Although the Treaty itself did not outline specific provisions of the work of the Commission, its members devised a methodology wherein they took on the responsibility of selecting and characterizing the historical personalities. This process aimed to contextualize them within the constructed framework of imagined “common history”. As a result of such a methodological framework, the Commission so far established historical definitions for Saints Cyril and Methodius Saints Climent and Naum of Ohrid, and Tsar Samuel. On the other hand, Bulgaria’s political agenda involved leveraging the notion of “common history”, aimed at perpetuating the narrative of an unbroken lineage of a particular ethnic group dating back to the Middle Ages. This effectively marginalized or disregarded the historical presence and identity of the Macedonian people. It challenges the historical recognition of the Macedonian people as a unique entity with its own distinct heritage and identity.

The genesis of the issue of history can be traced back to the second half of the 19th century when Russia exerted direct influence on the construction of the Bulgarian national narrative, subordinating it to geostrategic goals for justifying the incorporation of Macedonia into its Greater Bulgaria project. These historiographic theses focusing on the Middle Ages became a constant in Bulgaria’s national narrative and were later exploited to historically legitimize their territorial aspirations towards Macedonia, based on the imaginary borders of San Stefano treaty. This also fueled the Balkan historiographical clash over the appropriation of medieval figures associated with Macedonia, who

were utilized to justify military conquests during the Balkan Wars, as well as in the First and Second World Wars (Panov 2019).

The Macedonian-Bulgarian historiographical conflict resurfaced with heightened intensity in the 1960s, following the cooling of relations between Yugoslavia and the USSR. The conflict persisted with even greater intensity after the breakup of Yugoslavia and the declaration of Macedonian independence. Explaining the decision to recognize the independence of the Republic of Macedonia in 1992, the then Bulgarian President, Zhelju Zhelev, and the Bulgarian Government categorically declared that this act did not imply recognition of the existence of the Macedonian nation, Macedonian people, and Macedonian language (Култура. 2010; Sega. 2011; Е-вестник. 2012). Bulgaria in fact conditioned good neighborly relations on solving three fundamental issues – “common history”, the non-existence of a Macedonian minority in Bulgaria, and the non-existence of the Macedonian language.

The declaration signed by the Prime Ministers of the Republic of Macedonia and the Republic of Bulgaria, Ljubco Georgievski and Ivan Kostov, on February 22, 1999, reflected a political compromise on the language, defining it as Macedonian but with the clarification that it is an official language “according to the Constitution of the Republic of Macedonia” (“Joint declaration of the Prime Minister of the Republic of Bulgaria and of the Prime Minister of the Republic of Macedonia 1999. *Bulgarian policies on the Republic of Macedonia*” 2017/2018, 73–75). However, the declaration did not address the key issue for Bulgaria - history. Bulgarian President Georgi Parvanov in 2006 sent a clear message that “when it comes to history, and we have a common history, I think there is a line to be drawn beyond which our own history cannot be stolen by anyone else” (Euro news 2006). Bulgarian Minister of foreign affairs, Ivaylo Kalfin openly conditioned the support of the integration of the Republic of Macedonia in the EU “with the principles of good neighborliness and we will ensure that Macedonia does not show aggression towards the Bulgarian history and nation” (Cera 2006).¹ By the end of 2012, Bulgaria raised the issue of history at the EU level, opposing setting a date for the start of negotiations of the Republic of

¹ In 2009, the then mayor of Sofia and informal leader of the Citizens for European Development of Bulgaria (GERB) party, Boyko Borisov, even suggested using economic measures to “make them recognize their true history... and then there will be no to have a bigger friend and a better neighbor than Macedonia”, “Бойко Борисов: В България остана кофти човешки материал,” *Cera*, 5.02.2009. Accessed January 31 2020.

<http://old.segabg.com/article.php?id=0001001&issueid=3380§ionid=5>.

Macedonia. Sofia made the ratification of a friendship agreement, aligned with the 1999 Declaration, a prerequisite for Macedonia's progression towards European integration. The Minister of foreign affairs, Christian Vigenin, outlined three issues: "One has to do with general history and the celebration of individuals and dates from that history. The second element is related to a commitment that we expect the Macedonian side to undertake. It is related to an article in their constitution that talks about minorities in neighboring countries. And the third element is related to language. These issues are not easy, but I think that if there is enough, yes, good will on both sides, the issues can be resolved, as long as this European treaty will regulate our relations, at least some basic issues, it will unblock from there on the possibilities for both accession, i.e. for the negotiations and subsequent accession of the Republic of Macedonia to the European Union" (Вигенин 2013а). At the meeting of the Bulgarian President, Rosen Plevneliev and Prime Minister, Boiyo Borisov in December 2012, the clear policy was drawn that the Republic of Macedonia must sign an "Agreement on good neighborly relations, friendship and cooperation on the principles of the 1999 Declaration" as a precondition for the consent of Sofia for setting the date for start of negotiation with EU. The emphasis was given to reaching an "agreement on the joint celebration of notable personalities and events from our common history and to end the anti-Bulgarian campaign and the manipulation of historical facts" (*President.bg* 2012).

In this political context, the erection of the monument to Tsar Samuel in the square in Skopje, along with other figures from the history of Macedonia, as part of the "Skopje 2014" project, has drawn sharp criticism in Sofia. The comment of the then Acting Prime Minister, Marin Raiykov, that the Republic of Macedonia must recognize the historical reality that "until 1945 we were part of the same nation" and thus share "common language traditions, common history, common past", demonstrated the essence of Sofia's position (*News.bg* 2013). The Bulgarian political leadership has assessed that the capital of the Republic of Macedonia is effectively adorned with Bulgarian national heroes, reflecting a "common history that should be celebrated together" (Вигенин. 2013б).

During the commemoration of the 1000th anniversary of the death of Tsar Samuel on October 6, 2014, the then Bulgarian Prime Minister, Georgi Bliznashki, emphasized that in Skopje "so many monuments to Bulgarian historical figures were erected, including Tsar Samuel the Bulgarian, which only confirms that we were an ethnic whole in the past" (Гюзелев, Николов 2015, 15–18).

During the official unveiling of the statue of Tsar Samuel in the center of Sofia, in 2015, the Bulgarian president stated that “the return of the bones of Tsar Samuel from Greece to Bulgaria would be an act of historical reconciliation between the two nations – Bulgarian and Greek”. At the same time, he did not fail to convey the hope that “with our brothers in Macedonia, we will soon jointly honor Samuel”, thereby alluding to reaching a political agreement on the common history (President.bg 2015).

The concept of “common history” was finally politically embedded in the Treaty of friendship, good-neighbourliness and cooperation, concluded between the prime ministers of the two countries, Zoran Zaev and Boyko Borisov, in 2017, which allowed Sofia to politically condition the revision of Macedonian national history and historical education. This implies that for the Republic of Macedonia to pursue EU membership, it must meet Bulgaria’s conditions, which involve accepting the notion of “common history.” This entails acknowledging a common language, tradition, and identity, and recognizing a historical continuity as a single nation since the Middle Ages.

CONSTRUCTING THE POLITICAL CONCEPT OF “COMMON HISTORY”

Considering the genesis of the question and the results of the Commission on Historical and Educational Issues established by the Treaty, it is evident that the medieval epoch assumed a crucial dimension regarding the historical legitimization of the politically constructed “common history.” Through this lens, Bulgaria seeks to assert its thesis of uninterrupted continuity of over a thousand years for the ethnic “Bulgarians” in Macedonia, who, since 1945, have undergone violent and ideological conversion into “fictional” Macedonians.

An example that showcases the Bulgarian historiographical-linguistic theses aimed at negating the historical distinctiveness of the Macedonian people and the identity attributes of the Macedonian nation is the publication titled “The Official Language of the Republic of North Macedonia” by the Bulgarian Academy of Sciences (BAN). Released on May 7, 2020, this publication presents arguments aligned with Bulgarian perspectives on the linguistic and historical connections with Macedonia, negating the historical narrative and unique identity of the Macedonian people. The collective view of the authors openly demonstrate that, for

them, “common history” means “Bulgarian”, not only in the past but also in the present. The title itself refers to the intention of identity denomination of the Macedonian language, which is put in function of reducing it to a Bulgarian dialect (Bulgarian Academy of Sciences. 2020, 7).² The self-presentation of the authors as exclusive promoters of “objective scientific truth” (60) quite clearly illustrates the dogmatic conception of historical and linguistic science. In that sense, the publication constructs an idea that within the newly named “young” state “Republic of North Macedonia” there are no ethnic Macedonians at all. According to the authors, today’s territory of the historical-geographic region of Macedonia is divided between six countries, in which 4,900,000 people live, of which over 40% are of Bulgarian origin. Among the rest of the inhabitants in the area of Macedonia are noted: Greeks, Albanians, Vlachs and Aromanians, Turks, Roma, Jews, as well as an insignificant number of Serbs (7–8). In other words, within the modern states on the territory of geographical and historical Macedonia, all nations are represented, except Macedonian, which for the authors is non-existent, that is, Bulgarian, which thus becomes the most numerous. Such imagined ethnic mapping is the main goal of the publication which claims to “prove” that Bulgarians who spoke the “(old) Bulgarian” language lived continuously in the territory of the Republic of Macedonia since the Middle Ages. In that context, the old theses of Bulgarian historiography in relation to the history of Macedonia are incorporated, which in relation to the Middle Ages can be sublimated into several conceptual interpretations.

The authors primarily aim to exclude any name and identity connection of the Slavs with the names Macedonia and Macedonians, constructing for this purpose an idea that there were no Macedonian Slavs in history, but “Bulgarian Slavs”. According to their interpretation, the Slavs never identified themselves or were identified with the name Macedonia, because this term was used exclusively as a geographical (and in certain cases also as an administrative area) and not as an ethnic designation. Furthermore, the authors claim that, in the middle of the 9th century, the name “Sklavinia” disappeared in the sources, with the inclusion of a part of the area of Macedonia to the Bulgarian state, after which it received the name “the Third Part of the Bulgarian Tsarsdom” or “Lower lands of Ohrid” (9). According to them, Byzantium used the name “Bulgaria” to denote the “Western Bulgarian lands”, incorporated

² “In its origin and structural and typological characteristics the official language of the Republic of North Macedonia is a southwestern written regional norm of the Bulgarian language”.

by the Byzantine emperor Basil II into the newly named Byzantine theme of 1018 (9). At the same time, it is stated that, during the period of medieval Serbian rule in the 14th century, Macedonia was identified as a “Greek (Byzantine)” land, or as “not a small part of the Tsardom of Bulgaria” (9). In this way, the authors, in fact, claim to suggest that Macedonia, in a historical sense, “belongs” only to Bulgaria and Greece, that is, that the only constant in Macedonia was ethnic, namely Bulgarian and Greek. From there, they draw the conclusion that, until the Second World War, the name Macedonian was “used primarily as a designation for a resident of the historical-geographical area: Macedonian Bulgarian, Macedonian Vlach, Macedonian Greek”, whose traditional meaning, according to them, is retained until today (8). In other words, just as there were no ethnic Macedonians in the past, the Macedonian people do not exist in the present either.

Bearing in mind Macedonia’s direct connection with the beginnings and spread of Slavic literacy, the authors completely subordinate their narrative to “proving” that “the first written Slavic language based on the translations of Cyril and Methodius was Old Bulgarian” (10). In order to “Bulgarianize” the Slavic language, they construct a representation of the supposed existence of “Bulgarian Slavs” in Macedonia and Thessalonica, even before the appearance of Saints Cyril and Methodius. From there, the authors draw the conclusion that “The Slavs under Bulgarian sovereign power and influence have been referred to scientifically with the technical historical terms ‘Bulgarian Slavs’, or ‘Slavs from the Bulgarian group’ (10). In the absence of original and scientific support, they use such a constructed representation to draw far-reaching conclusions – that Constantine/Cyril created the first Slavic alphabet and translations on “based on the Salonica vernacular, a southeastern Bulgarian dialect”, as well as that “ethnically the language of the two brothers from Salonica was Old Bulgarian” (10–11).

Through the “Bulgarianization” of the Macedonian Slavs, the authors, in fact, strive to ethnicize, that is, to “Bulgarianize” the Old Slavic language, and thus also Macedonia in the medieval period. However, faced with the absence of sources to support the “Bulgarian” character of St. Cyril and Methodius and their activity, the authors insert the term “Lower lands of Ohrid”, pointing out that it was one of the designations for Macedonia in the Middle Ages. This term is used as an addition by the editor of the Slavic translation of the Chronicle of the Byzantine author Constantine Manasses, compiled during the time of the Bulgarian

tsar Ivan Asen (1331–1371). In the first addition to the Byzantine original, it is stated that “during the reign of Emperor Anastasius (491–518), the Bulgarians began to occupy that land, they came to Vidin and began to occupy the lower land of Ohrid, and then all that land” (11–12). Evidently, the authors of the publication, in this way, try to imply that the Bulgarians were in Macedonia even before the Byzantine sources registered any settlements of the Slavs in the 7th century, and even before the reign of Emperor Justinian I. However, the Slavic translation of *The Chronicle of Manasses* dates from the 14th century and has no historical validity for reconstructing the specific period and, in general, for the early Middle Ages. All the more so that in the original Byzantine text of the *Manasses Chronicle*, such information does not exist at all. In contrast, the authors of the publication use this later testimony to construct a projected representation of the alleged existence of “Bulgarian Slavs” in Macedonia, as well as in Thessalonica, since the 6th/7th century. The ultimate goal of the publication can be clearly seen in the statement that, for the authors, the label “Old Slavic language”, used by Slavists, “does not reflect the ethnic and state provenance and character of the first written Slavic language but rather highlights its international functions”, because in that epoch, “in the region of Macedonia, which was partly included in the Bulgarian Tsardom, and partly in Byzantium, dialects of the Bulgarian language were spoken” (11).

The authors conclude that the Slavic alphabet was created by the ethnic Bulgarians who inhabited Macedonia. By analogy, it should be labeled as “Old Bulgarian” because it was based on the “Old Bulgarian language” spoken in the Macedonian region, making it the only South Slavic language in the areas around Thessalonica (11). According to the authors, “historical truth” should be their constructed interpretation that “the first Slavic alphabets were created for the Old Bulgarian language” and that “the Glagolitic alphabet was the first Slavic and Bulgarian alphabet; it reflects the phonetic characteristics of the Old Bulgarian language” (12). This claim is based solely on their unfounded assertion that St. Cyril created the Glagolitic script based on the “Salonica spoken variant of the Old Bulgarian language”, becoming the basis of “the first Old Bulgarian translations of Cyril and Methodius” (12).

The attempt to construct a Bulgarian ethnic link with the Slavic language also aims to portray St. Clement and St. Naum of Ohrid as successors to the “Bulgarian” legacy of Saints Cyril and Methodius, a portrayal not supported by original sources. The authors cite Theophylact

of Ohrid's detailed account of St. Clement's life, highlighting his role as "the first bishop in the Bulgarian language" (14). This assertion serves as a pivotal argument for advocating the "Bulgarianization" of the Slavic language, highlighting the "appurtenance of both the Ohrid School and Kliment Ohridski (St. Clement of Ohrid) to the history of the Bulgarian language and letters" (14). This argument serves as a crucial point in advocating for the "Bulgarianization" of the Slavic language, emphasizing the connection between the Ohrid literary school and Clement of Ohrid with Bulgarian language and literature history. However, it overlooks the fact that Theophylact of Ohrid wrote from a markedly different ideological perspective compared to St. Clement, reflecting the shifting dynamics of the late 11th and early 12th centuries, where the term "Bulgarian" held different connotations within Byzantine contexts. This complexity of terminology was often manipulated to serve Byzantine political and ideological agendas. Consequently, the question arises as to how the authors of the publication would interpret the assertions would interpret the perspective of Byzantine author Nicephorus Gregoras, who, in the 14th century, asserted that there were no "Bulgarians" in Macedonia at that time, designating Ohrid as a "Macedonian city" and Thessaloniki as "the foremost city in the land of the Macedonians" (Niebuhr and Schopen, 1829).³

Numerous sources advocate for critical analysis as the foundation for reconstructing historical events, emphasizing the importance of avoiding simplification, fabrication, and instrumentalization. The unfounded and constructed "Bulgarian" ethnic connection of St. Cyril and Methodius, which "Bulgarianizes" the Slavic language, is considered "historical truth" by the authors. They also aim to propagate the notion that "Old Bulgarian" manuscripts spread to Serbia and Kievan Rus, suggesting that during the 14th to 15th centuries, "the medieval Bulgarian literary language became the third classical language of Europe following Greek and Latin" (Bulgarian Academy of Sciences 2020, 15).

With the presented theses about the 'Bulgarian' character of St. Cyril and Methodius, the authors attempt to "Bulgarianize" the Slavic language and project it as such in the political context of the contemporary Republic of Macedonia. Consequently, they conclude that the neighbor will have to accept that "the official language of the Republic of North Macedonia is the southwestern written-regional norm of the

³ *Nicephori Gregorae Byzantine historia*, ed. B. Niebuhr and L. Schopen, 3 vol., CSHB (Bonn, 1819-55), I. For the analysis on Gregoras, see Panov, *The Blinded State*, 139–142.

Bulgarian language and therefore can be labeled as North Macedonian Bulgarian.” The fact that the Bulgarian parliament redefined the meaning of the celebration of St. Cyril and Methodius in 2021, giving it a ‘Bulgarian’ context in order to “Bulgarianize” the Slavic language and the Cyril and Methodius traditions continued by St. Clement of Ohrid, clearly illustrates Sofia’s intention to mold history to align with current political goals and nationalist agendas.

THE COMMISSION’S NARRATIVE AND JUSTIFICATION FOR THE POLITICAL AGENDA

While the definitions endorsed so far by the Multidisciplinary Commission offer a brief and general historical context, they largely align with the Bulgarian narrative and political concept of “common history”. The Commission justified the joint celebration of Saints Cyril and Methodius by defining that their work was “preserved and developed in the literary centers of Preslav and Ohrid, which were then located on the territory of the medieval Bulgarian state, where their students found conditions for work.” Additionally, the Commission highlighted that the memory of St. Cyril and Methodius became ingrained in the world cultural tradition in the mid-19th century, thanks to Bulgaria. This was exemplified by the commencement of celebrating their church holiday in schools, starting in Plovdiv in 1851. As a result, the process of spiritual awakening and emancipation found expression in the ubiquitous celebration of the holiday in many schools on the territory of modern Republic of North Macedonia and Republic of Bulgaria. Consequently, owing to Bulgaria’s influence, the endeavors of St. Cyril and Methodius, along with their disciples, started being commemorated in other Slavic nations. Furthermore, their contribution to European civilization has been acknowledged by the Catholic Church, which designated them as protectors of Europe. This agreed historical contextualization, according to the Commission “provides a basis and obliges both states with the responsibility to conserve the memory of the work of St. Cyril and Methodius and their students through annual joint celebrations”.

Based on these definitions, it appears that only Bulgaria is attributed responsibility for the revival of the cult of Saints Cyril and Methodius, as well as for the “spiritual awakening and emancipation” in Macedonia. Consequently, this allows Bulgaria to assert its right to request that the Republic of Macedonia celebrate the holiday of St. Cyril and

Methodius as a Bulgarian national holiday and acknowledge Bulgarian contributions for the spiritual revival and emancipation in Macedonia. Essentially, this argument provides that Bulgarians played a crucial role in the 19th-century spiritual and societal developments in Macedonia due to their inherent identity as the same people residing in the region. This was essentially agreed upon by the Commission, which gives the recommendations a one-sided and exclusively Bulgarian historiographic view, ultimately corresponding to the concept of Bulgarian historical continuity from the Middle Ages. Evidently, Bulgaria aims to nationalize Ss. Cyril and Methodius and their Slavic heritage, portraying them as “Bulgarians” (Panov 2022, 347–362).

Through this conception, the Commission also historically characterized the work of Saints Clement and Naum of Ohrid. The same is true for the definition of Tsar Samuel who is considered as ruler of a “large medieval state, which most of modern historical science considers it to be the Bulgarian tsardom with its center in the territory of today’s Republic of North Macedonia” and thus a “a symbol of the common history, which is shared by the two modern states Republic of North Macedonia and Republic of Bulgaria” (Министерство за надворешни работи. 2022a).

Hence, Bulgaria’s role is again exemplified, with Samuel’s State is regarded as emblematic of a “common history” for the present countries. From there, the “Bulgarian” political and church traditions related to Samuel’s state and the Samuel’s Church – Ohrid archdiocese will be extracted. Such a revision of the Macedonian narrative will actually mirror the old Bulgarian theses constructed in the second half of the 19th century, with which it was claimed to demonstrate that Samuil’s state, as well as the autonomy of the Ohrid archdiocese which was recognized by Emperor Basil II after the liquidation of the kingdom, in fact enabled the continuation of the Bulgarian national ideal and traditions, thus maintaining the Bulgarian name and the Bulgarian ethnic consciousness in Macedonia. Thus, the uprisings in Macedonia for the restoration of Samuel’s Kingdom in the 11th century, as well as the church traditions associated with the Ohrid archdiocese, including the aspirations for its restoration after its abolition in 1767, will be interpreted as tendencies to restore “Bulgarian” traditions. Indicatively the term Macedonia as regards to historical contextualization of the medieval period was completely neglected.

The definitions of these personalities by the Commission were embraced by the governments of both countries as a political justification for joint official celebrations. As declared in the political decision, in every “official honoring of these persons, the historical truth about our common history must be clearly marked” (Влада на РСМ. 2019). Hence, the historical characterization of the Commission, was politically dogmatized as a “historical truth”. Furthermore, with the second bilateral protocol with Bulgaria signed in July 2022 that became in fact an annex to the Treaty of friendship, good-neighborliness and cooperation, the Republic of Macedonia has been placed in a position of direct conditionality regarding its EU integration, contingent upon the results of the commission as regards the revision of history. According to the protocol, the historical formulations of the “historical figures from the common history” agreed upon by the commission will have to be included in the “relevant curricula, textbooks, and other relevant teaching materials, and to take them into account and reflect on the contents of inscriptions on tables, historical monuments, memorials, and information materials in museums and other objects of educational and cultural importance, as well as in publicly owned information media”. Meanwhile, “the approved texts” will determine how “properly” it will be necessary to “organize a joint or individual celebrations” and they will determine the truthfulness of “public speeches and statements about common persons and events for which such celebrations are organized” (Министерство за надворешни работи на РСМ. 2022б). The positioning of the commission with the political agreement and the protocols as the only ones relevant to the state in the context of the historical definition of persons and events in the educational system and in the public space essentially implies that the Republic of Macedonia forfeits its sovereignty in shaping its own national narrative and defining its identity. This practice not only deviates from established norms but also contradicts scientific standards, European values, and, ultimately, human rights.

Viewed from this perspective, Bulgaria’s insistence on discussing the ethnic identity of Goce Delchev, revered as a national hero by Macedonians, is understandable. The Bulgarian side contends that Delchev was Bulgarian, striving to liberate Bulgarians in Macedonia from Ottoman rule. the concept of a “common history”, which historically categorized figures like Delchev as ethnically Bulgarian, including his role in the Ilinden uprising, Macedonians would consequently lose their basis for celebrating him as a national hero. Applying the concept

of “common history” would entail declaring Goce Delchev ethnically Bulgarian, which would include characterizing the Ilinden uprising. Declaring him a part of the “common history” would also mean recognizing his Bulgarian character (Panov 2021, 223–252). Consequently, this would deprive the Macedonians of the very reason to celebrate Goce Delchev as a national hero.

Furthermore, Macedonian and Bulgarian politicians have begun promoting the idea of removing the labels “fascism” and “fascist occupier” as regards Bulgaria from all monuments and inscriptions reflecting the historical period of the Macedonian Liberation War during the Second World War. The readiness of the Macedonian Government to erase these labels from the monuments, inscription and textbooks was promoted by then Prime Minister, Zoran Zaev (Влада на РСМ. 2020). The co-president from the Macedonian part of the Commission, Dragi Gjorgiev followed this notion by challenging the portrayal of Bulgaria as a “classic fascist country,” deeming the term “Bulgarian fascist occupation” inappropriate (Слободна Европа 2022). This suggests that the Macedonian people fought against an abstract enemy during the Second World War, raising doubts about the fundamental nature of the anti-fascist struggle.

The readiness to erase the Bulgarian fascist labels found in the historical records of the antifascist fight in fact obliterate the historical memory of the Macedonian people and the state-building traditions based on ASNOM. And that is precisely what the Bulgarian political leadership is trying to prove – that there was no occupation, but rather the liberation of Macedonia by the Bulgarian armies, and that ASNOM is a reflection of the Yugoslav ideology with which the Bulgarians of that time were ideologically and forcibly converted into Macedonians.

CONCLUSION

The Republic of Macedonia is currently facing significant challenges regarding the negation of its national identity, particularly due to persistent attempts by its neighbors to impose revision of its national history through political agreements. These agreements aim to solidify their respective national historiographies, with the intention of delineating the history of Macedonia. Greece, for example, has sought to monopolize historical terms such as “Macedonia” and “Macedonians,” defining them exclusively as part of Hellenic heritage through the Prespa

Agreement. Similarly, Bulgaria aims to incorporate significant historical figures from Macedonia into a political concept of “common history”, aimed at demonstrating the continuity of the historical presence of the ethnic Bulgarians since the Middle Ages. The reinterpretation of history to conform with the neighboring countries’ narratives, endorsed as historical “truth” threatens to reduce the Macedonian nation to a commodified modern construct – a product of political agreements – devoid of historical distinctiveness. Consequently, since the revision of the national history emerges as a crucial political condition for the nation’s integration into the European Union, it poses a significant challenge to the preservation of Macedonian identity.⁴

LITERATURE

- “Bulgaria ready for EU membership, interview with Georgi Parvanov”. 2006. *Euro news*, September 24, 2006. Accessed: December 20, 2019.
<https://www.euronews.com/2006/09/23/bulgaria-ready-for-eu-membership-says-president-parvanov>, проверено на 20.12.2019
- “Joint declaration of the Prime Minister of the Republic of Bulgaria and of the Prime Minister of the Republic of Macedonia, February 22, 1999.” *Bulgarian policies on the Republic of Macedonia*, ed. Ljybomir Ivanov et al, 73–75. Sofia: Manfred Wörner Foundation News.bg. 2013. “Скопие да признае историческите реалности, настоя Райков”, *News.bg*, May 7, 2013, Accessed: February 20, 2024. <https://news.bg/politics/skopie-da-priznae-istoricheskite-realnosti-nastoya-raykov.html>
- Niebuhr, Barthold Georg and Schopen, Cura. 1829. *Nicephori Gregorae Byzantine historia*. L 3 vols., CSHB. Bonn. 1819–55.
- Bulgarian Academy of Sciences. 2020. *On the official language of the Republic of North Macedonia*. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences.

4 Maybe the best definition is provided by the late Professor Spyridon Sfetas, former member of the Macedonian-Greek Committee on historical, educational and archaeological issues, indicating that the Greek side achieved “national success” on key historical issues, in what he characterized as “the contemporary Macedonian struggle with historians from the neighboring country” (Spiridon Sfetas, “ Η απόρρητη έκθεση για τα σχολικά βιβλία των Σκοπίων”, *Ethnos*, 6.7.2019, <https://www.ethnos.gr/Politics/article/48845/monostoethnosgrhaporrhthektheshiatiasxolikabibliatonskopion>, accessed November 11 2023.

- Panov, Mitko B. 2019. *The Blinded State: Historiographic Debates about Samuel Cometopoulos and His State (10th-11th Century)*. Leiden; Boston: Brill
- Panov, Mitko B., Cacanovska, Ruzhica and Panova, Maja Angelovska. 2021. "Macedonian Nation between Self-Identity and Euro-Atlantic Integration: Implications of the Agreements with Bulgaria and Greece". In *Researching Yugoslavia and Its Aftermath: Sources, Prejudices and Alternative Solutions*, ed. Branislav Radeljić and Carlos González-Villa, 223–252. Cham: Springer International Publishing.
- Panov, Mitko B. 2022. "Who owns Ss. Cyril and Methodius and the Slavic Heritage?". In *Историја као инструмент геополитике*, ed. Зоран Милошевић, 347–362. Београд: Институт за политичке студије.
- President.bg. 2012. "Позицията на България за определяне на дата за старт на преговори за членство на Македония в ЕС обсъдиха президентът Росен Плевнелиев и премиерът Бойко Борисов". 2012. President. Bg. November 12, 2012. Accessed: February 12, 2024. <https://m.president.bg/bg/news944/President-Premier-Macedonia-ES-chlenstvo.html>
- President.bg. 2015. "Изказване на президента Росен Плевнелиев на церемонията за откриването на паметник на българския цар Самуил (997-1014 г)". 2015. *President.bg*. June 8, 2015. Accessed: January 20, 2024. <https://www.president.bg/news2659/izkazvane-na-prezidenta-rosen-plevneliev-na-tseremoniyata-za-otkrivaneto-na-pametnik-na-balgarskiya-tsar-997-1014-g-samuil.html>
- Sfetas, Spiridon "Η απόρρητη έκθεση για τα σχολικά βιβλία των Σκοπίων", *Ethnos*, July 6, 2019. Accessed: November 11 2023. <https://www.ethnos.gr/Politics/article/48845/monostoethnosgrhaporrhthektheshgiatasxolikabibliatonskopion>
- Е-вестник. 2012. "Стефан Тафров: Как признахме Македония и отворихме европейския път на България". *Е-вестник*, January 17, 2012. Accessed: January 12, 2024.
- Култура. 2010. "Филип Димитров за носталгията по миналото". *Култура*, March 12, 2010. Accessed: January 12, 2024. <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16738>; "Как България призна Македония," *Сега*, July 20, 2011, <http://old.segabg.com/article.php?id=188260>;

- Министерство за надворешни работи. 2022а. “Препораки на Заедничката мултидисциплинарна експертска комисија за историски и образовни прашања усвоени од страна на Заедничката меѓувладина комисија формирана согласно Договорот за пријателство, добрососедство и соработка меѓу Република Северна Македонија и Република Бугарија“. 2022. *Министерство за надворешни работи*, February 15, 2022. Accessed: February 20, 2024. <https://mfa.gov.mk/mk/page/13/post/3048/%5B:mk%5Dpreporaki-na-zaednichkata-multidisciplinarna-ekspertska-komisija-za-istoriski-i-obrazovni-prashanja-usvoeni-od-strana-na-zaednichkata-megjuvladina-komisija-formirana-soglasno-dogovorot-za-prijatelstvo-dobrososedstvo-i-sorabotka-megju-republika-severn>
- Министерство за надворешни работи на РСМ. 2022б. “Протокол од вториот состанок на Заедничката меѓувладина комисија со Бугарија“. 2022. *Министерство за надворешни работи на РСМ*, July 17, 2022. Accessed: February 5, 2024. <https://www.mfa.gov.mk/mk/page/13/post/3040/protokol-od-vtoriot-sostanok-na-zaednichkata-megjuvladina-komisija-so-bugarija-sken-od-oficijalната-potpishana-verzija>
- Сега. 2006. “София изненада Скопие - постави услови за ЕС,” 2006. *Сега*, January 25, 2006. Accessed on: January 30 2024. <http://old.segabg.com/article.php?id=280248> ; “Бойко Борисов: В Бугарија остана кофти човешки материјал”. 2009. *Сега*. February 5, 2009. Accessed: January 31, 2020. <http://old.segabg.com/article.php?id=0001001&issueid=3380§ionid=5>
- Слободна Европа*. 2022. “Ѓоргиев - Имало бугарска окупација или инвазија, но не фашистичка”. February 6, 2022. Accessed: February 19, 2024. <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31688144.html>
- Вигенин, Кристиан. 2013а. “Договорот за добрососедство меѓу Бугарија и Р Македонија фиксира реалности”. *Министерство на външните работи*, July 28, 2013. Accessed: February 10, 2024. <https://www.mfa.bg/bg/aktualno/izkazvania-interviews/4960>
- Вигенин, Кристиан. 2013б. “Активна балканска политика во Европскиот савез и активна европска политика на Балканите”. Министерски совет, May 30, 2013. Accessed: January 17, 2024. <https://www.mfa.bg/bg/aktualno/izkazvania-interviews/4507>

- Влада на РСМ. 2019. “Од 143-тата седница на Владата на РСМ: Усвоена информација за првиот состанок на меѓувладината комисија меѓу Северна Македонија и Бугарија”. 2019. *Влада на РСМ*, July 9, 2019. Accessed: February 20, 2024. <https://vlada.mk/node/18512>
- Влада на РСМ. 2020. “Премиерот Заев одговараше на повеќе прашања поврзани со неговото интервју за медиум од Република Бугарија”. 2020 *Влада на РСМ*. Accessed: February 5, 2024. <https://vlada.mk/node/23338>

**Проф. д-р Митко Б. Панов,
Республика Северная Македония**

*Институт национальной истории,
Университет Св. Кирилла и Мефодия
Скопье*

БЫТЬ СОБОЙ ИЛИ СТАТЬ ДРУГИМ: ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ И ИНТЕГРАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ МАКЕДОНИЯ В ЕС

Аннотация

Политические элиты через государственные институты используют прошлое для мобилизации памяти, отражая коллективную идентичность как неотъемлемый компонент нации. Поэтому, когда государство сталкивается с навязанным пересмотром своей национальной истории в сочетании с ее адаптацией к нарративам других наций, функция истории становится катализатором эрозии национальной идентичности. Это явление будет рассмотрено на примере Республики Македонии, касающегося принудительного пересмотра национальной историографии и учебников по истории, вытекающего из политических соглашений с Болгарией (2017 г.) и Грецией (2018 г.). Основное внимание в анализе уделяется последствиям политически сконструированной «общей истории», вытекающей из работы Совместной македонско-болгарской многопрофильной комиссии по историческим и образовательным вопросам. Более того, двусторонний протокол с Болгарией от июля 2022 года влечет за собой прямое вмешательство в систему образования Македонии. Он предусматривает, что согласованные Комиссией исторические определения будут очерчивать и обозначать общественные места (надписи на памятниках, вывесках, туристических путеводителях, государственных учреждениях, средствах массовой информации) и формировать официальные

речи во время государственных торжеств. Следовательно, императивный пересмотр истории под политическим давлением становится решающим фактором для вступления страны в ЕС, оказывая глубокое влияние на идентичность и суверенитет македонской нации.

Ключевые слова: *Республика Македония, Македонцы, Политика, История, Идентичность, интеграция в ЕС, Греция, Болгария.*

Dr. Igor Janev, Republic of Serbia

*Institute for political studies
Belgrade*

THE ETHNOCIDE THAT RESULTED FROM THE AGREEMENT BETWEEN MACEDONIA AND GREECE CONCLUDED IN PRESVA VILLAGE (“PRESVA AGREEMENT”, 2018) AND THE PROCESS OF ASSIMILATION AND TRANSFORMATION OF THE MACEDONIAN IDENTITY (“BULGARIANIZATION”) AS A RESULT OF THE DISMANTLING, ANNULMENT AND ANNIHILATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE MACEDONIANS¹

Abstract

By the agreement between Macedonia and Greece reached in Prespa village (Macedonia) in 2018, known also as the “Prespa Agreement” (Eng. full title: “Final Agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a strategic partnership between the Parties”) for the first time in the history of the development of International Law, an attempt was made to redefine the national

¹ This article was created as part of the scientific research activity of the Institute for Political Studies funded by the Ministry of Science and Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia.

identity of a sovereign nation with an external international act-treaty. This attempt itself caused, in our opinion, justified doubts as to whether challenging the nation's sovereign identity placed in the negotiation process and imposing a solution on such a sensitive internal issue through an international (legal) act is legally admissible, i.e. a decision or an agreement (contract) or a treaty under International Law. Starting from the principles of cultural and general sovereignty (sovereign equality of UN members) and sovereign autonomy and political independence, including non-interference in domestic jurisdiction, norms contained in Article 2 of the UN Charter and other UN and UNESCO documents, bearing in mind especially the principles of self-determination of peoples (especially self-identification of nations), as well as Charter's norm in Article 2(7) banning UN and member-state to intervene in matters which are essentially within the domestic jurisdiction of states, we came to a conclusion that the Agreement between Macedonia and Greece signed in Prespa in 2018, is contrary to the basic norms, principles and rules of International Law. In accordance with Prespa Agreement (hereinafter: PA) the national identity of the Macedonian people was illegitimately and illegally changed, thus abolishing the basic international right to national identity, so that such treaty in fact constitute an act of ethnocide and cultural genocide that was committed against the people of Macedonia (that were subject of identity redefinition), and furthermore against the basic principles of self-identification, self-determination, sovereignty and political independence of state(s). In particular, this apparently illegal Prespa Agreement (using provisions of ID-modifiers) violated an inalienable and inviolable right of the people to their national identity (as the basic collective human right), and the self-determination and independent choice of it, as well as numerous other violations of basic rights of a sovereign people or a nation, such as the right to constitute and exercise its statehood and sovereign identify of its

home state as the sovereign and independent subject of international law. This right on state's ID is obviously inviolable, having in mind that state's name constitute an essential element of the juridical personality of such an international subject. As a consequence of the blatant denial of the right to national ID and state self-identification, after the entry into force of the Prespa Agreement (signed in 2018, which entered into force in 2019) and consequent linked Constitutional changes (redefinitions of the Macedonian Constitution in accordance with the PA), the redefined "Macedonian people" became the subject of a new Bulgarian campaign for imposed assimilation on Macedonians (as the "newly re-defined people") into the Bulgarian identity, as they were a same nation or people. That was an action taken by the Bulgarian state only a few months after the PA entered into force (i.e. after registration of the PA in the UN Secretariat). The Bulgarian diplomacy nowadays, among other things, is seeking for new changes in the (already revised) Constitution of the "Republic of North Macedonia" in order to "reflect the Bulgarian origin of this people" who lives in "North Macedonian" territory. This policy towards aggressive "Bulgarianization" of the contested "Macedonian identity" (i.e. imposed assimilation into Bulgarians) is fully supported by all Albanian political parties in Macedonia and certain Western powers, whose interest was/is a dissolution of the territory of present Macedonia and the creation of the Greater Albania, and even Greater Bulgaria, with an intention of weakening Serbia and so-called "Russian influence" in the Balkans.

Keywords: *Prespa Agreement, UN, conditions, national identity, treaty, assimilation, personality*

THE ORIGIN OF THE “PRESPA AGREEMENT” SIGNED IN 2018 IN NIVICI (MACEDONIA) IN UN RESOLUTIONS

In order to understand the problem of the origin and consequences of the Prespa Agreement (United Nations [UN], UNTC, 55707), it is necessary to refer to the specific additional admission conditions imposed to Macedonia (only) in the process of applying for membership in the United Nations in 1993. The Treaty of Prespa (or hereinafter: the Prespa Agreement or PA) on redefinition and changing of the *State name* has its *legal basis* in Security Council (UNSC) resolutions 817 (UN, UNSC, S/RES/817) and later 845 (UN, UNSC, S/RES/845). Based on a request from Greece (and its close allies in UN), for the first time in the history of the United Nations, a state (which applied under its constitutional name as “Republic of Macedonia”) was subjected under imposed *additional conditions* for admission to the UN (in *addition* to the general and exhaustive conditions legally prescribed in Article 4 of the UN Charter). With UN Security Council Resolution 817 delivered on April 7, 1993, after the *affirmative statement* in the preamble of that resolution (817) that the candidate state “meets the conditions” for admission to the United Nations, it was proposed in the text of resolution to the UN General Assembly (UNGA) that the candidate should be admitted to UN membership under with the *reference* the “*Former Yugoslav Republic of Macedonia*” (in the abbreviated version known as: the “FYROM”), with an implicit associated obligation *to negotiate* with Greece (which diplomatically did not recognize that state/candidate as such subject, i.e. with that ID) about its own state Constitutional name (and in the meantime obliged bearing this mandatory provisional reference (the FYROM)). This Security Council resolution-recommendation of the UN Security Council (817) with specific “additional conditions” imposed to the recognized sovereign candidate was then accepted on April 8, 1993 by the UN General Assembly (UN, UNGA, A/RES/47/225), which “decided” to admit the sovereign candidate as a “Former Yugoslav Republic of Macedonia” (or FYROM provisionally referred) into the full membership of the United Nations. As was shown in later analyses of this precedent admission (Janev 1999, 155), the Security Council of the United Nations, as well as the UN General Assembly, were not allowed and authorized to accept any candidate for UN membership under “additional conditions of admission to the UN”, since the International Court of Justice (ICJ) in 1948 prohibited voting for such conditions

stating that otherwise they violate(s) basic rules enshrined in Article 4 (paragraph 1.) of the UN Charter, as was ruled out in an ICJ Advisory Opinion of the delivered on May 28, 1948, according to which additional conditions are/were not legal conditions for admission to the UN (UN, UNGA, A/RES/197). However, the Advisory Opinion of the ICJ (1948), in its negligence and recklessness, was completely forgotten and/or ignored or overlooked by the UN Security Council in the Macedonian case (1993), and then by the UN General Assembly, which in its ignorance committed in fact *delicto omissio* (delict of omission). Instead of unconditional admittance to UN membership, as only legal way to be admitted, UN organs invented the *de facto* “conditional admission” (actually non-existing in the UN order) or ungrounded admission with additional illegal conditions, contrary to the basic norm(s) of the UN Charter. For the first time in the UN history (not seen until the partially illegal case of admission of the “Republic of Macedonia”), one candidate-state was admitted to UN with a *denomination* given by the UN (actually as *nameless subject*, although “sovereign” state, blatantly unlike all other sovereign candidate countries in the process of admission to full membership in the UN). The “Republic of Macedonia” was the State which “name should not be mentioned” (not in UN and in accordance with the principle of “universality” preferably not even outside the UN, i.e. in bilateral relations). However, the provisional reference clearly do not constitute a *legal ID* or cannot be the substitute for the *juridical identity*, see the *Memorandum on legal aspects of the problem of representation in the UN* (UN, JSTOR. 1950).

As I was able to notice and discover in my research on the matter (Janev 1999, 155), Macedonia was admitted to the UN with two political *additional conditions* for membership, without which the admission could not be carried out (in a form: “take it or leave it”). Namely, in its application for membership, Macedonia requested for regular admission under its constitutional name “Republic of Macedonia”, but in the recommendation of the Security Council 817 (1993) this requested Constitutional name of the state was completely ignored by the UN organs and on the other side the Greek request not to use that name including the alleged territorial claims stemming from that name of the candidate were accepted by UN, so that finally resolution-recommendation of the Council (817) excluded the “disputed” state name and replaced it with the (unwanted by Macedonians) *denomination* “Former Yugoslav Republic of Macedonia”, as a proposal for the temporary designation

(reference) of the candidate for the final resolution-decision of the UN General Assembly on the membership status. (Janev 2002, 84) In their rashness, neither the legal service of the UN, nor any other UN body, succeeded to notice a simple fact that a *denomination* or a *temporary reference* (for the purposes of the UN and their agencies) is not a valid *legal identity*, and that a *sovereign member* state cannot be accepted as a full member of the UN without international legal (juridical) identity, as it is a basic element of its legal personality, and therefore its statehood. In the absence of knowledge about the legality of admission to the UN under supplementary “additional conditions”, the UN General Assembly, retaining the non-standard illegal admission conditions contained in Security Council Resolution 817 (1993), by its decision (UN, UNGA, A/RES/47/225) admitted Macedonia to the UN under the reference “Former Yugoslav Republic of Macedonia” (in fact pending *name resolution*, implying in fact *nameless state*), which flagrantly violates the rights of member states provided in the UN Charter (since UN is organization/association of sovereign states), and above all the principles of sovereignty (*sovereign equality of states*) and non-interference in internal affairs (or essential domestic jurisdiction, reserved for *states* only) contained in Article 2 of the UN Charter. In numerous analyses, it was concluded that Macedonia received (or rather was subjected to) special imposed additional conditions legally groundless for revised admission (constituting on indefinite basis illegal membership conditions for admission and therefore illegal membership status in the UN) (Janev 2021, 179; Janev 2023, 341):

1. the first condition was to carry and be represented with a UN-given reference the Former Yugoslav Republic of Macedonia, i.e. the “FYROM” (an indefinite in time *denomination*, limiting the right of the state to independently use, or even change its Constitutional name (universally denouncing its validity), limiting, as well, a free choice of its national or state name (subjecting it to political will of one UN member state), even though it is a sovereign fundamental right to have a legal ID (and in addition, there is not only a basic right of an international subject, but also an obligation to have a such legal ID as a legal necessity in any legal representation or any juridical valid conduct);
2. the second condition was to negotiate with another UN member state (foreign country) on an indefinite basis with respect to its own state and Constitutional name (i.e. *juridical identity*) in order to change

it (and if not, be condemned to carry shameful *denomination*, as long as necessary), ignoring the simple fact that *international legal identity* (of any state, particularly UN member) is an inviolable sovereign category from the list of essential strictly internal or domestic inviolable jurisdiction.

Any interference in such domestic matters in particular, would limit essential *contractual* State capacity (juridical personality) and in addition an inviolable right to self-determination of the state and people with respect to national name, i.e. the right to self-identification and non-interference in strict internal jurisdiction, which is specifically protected by the UN Charter, and in addition a basic collective human right to choose its national name or national identity). The principles of the sovereign equality of states and the inviolability of their juridical personality lead to the conclusion that the choice of a name is an inalienable right of the state. Principles on Cultural sovereignty (UNESCO 1966; UNESCO 1982) and free expression on cultural believes and traditions (or even myths) provides legal basis for inviolability of self-identification as a basic collective human right (UN, OHCHR, A/RES/61/295) that may not be subject to foreign interference or any negotiations.

As I have shown in my previous research (Janev 1999, 155), both of the above-mentioned special (not general), not implying condition, added to the standard set of the Charter requirements, as rather arbitrary-additional, were in fact illegal political (apparently diplomatic, in nature) conditions imposed to the UN candidate. Therefore, as infinite requirements, these conditions were in sharp contradiction with normative ones described in an Advisory Opinion of the International Court of Justice (ICJ) issued on May 28 1948. In addition, these illegal conditions were in obvious conflict with UN General Assembly Resolution 197/III, 1948, that accepts the Advisory Opinion of the Court delivered on May 1948. UN General Assembly Resolution 197/III, 1948 establishes an interpretation of the limited *admission norm* embedded in Article 4(1) of the UN Charter. In 1947, the UN General Assembly placed the following question for an Advisory opinion of the ICJ: „Is a Member of the United Nations which is called upon, in virtue of Article 4 of the Charter, to pronounce itself by its vote, either in the Security Council or in the General Assembly, on the admission of a State to membership in the United Nations, juridically entitled to make its consent to the admission dependent on conditions not expressly provided by paragraph 1 of the said Article?“ (UN, UNGA, A/RES/197). In response to the

question raised by the UN General Assembly, whether members of UNSC and UNGA were authorized to vote on additional conditions, the ICJ responded in 1948 with an Advisory Opinion answering that additional admission conditions are not permitted (i.e. general conditions in Article 4 represent a close set of conditions), nor that members of the UNSC and UNGA may be voted for such (diplomatically superimposed), otherwise Article 4 of the Charter would be violated (particularly its paragraph 1. with normative rules for admission to the UN). Political bodies of the UN must not exceed the scope of these powers and jurisdictional authority, since otherwise the UN Charter is violated (Article 4 (paragraph 1) of the UN Charter) and consequently UN organ commits an *ultra vires* act. (Janev 2006, 23) In accordance with UN Resolution 197/III, from 1948, Advisory Opinion is accepted as an interpretation of the UN Charter, i.e. it recognized the legal norm of admission to the UN Charter and possible breaches of the norm (*ultra vires* acts). Based on this position of Resolution 197/III and the ICJ from 1948 seven candidate states for membership previously blocked by the power of Security Council VETO (all for reason of absence of *diplomatic recognition*) were admitted to the UN membership. As proved in 1999 (Janev 1999, 155), Macedonia was admitted to the UN membership with an illegal additional condition(s), were one is directly politically linked to the diplomatic recognition (were absence of *diplomatic recognition* by a one UN member clearly constitute an *additional condition*), especially in 1993 *recognition* of its *legal identity* (i.e. the basic element of *international legal personality*) of candidate for admission. The Greek demand, formulated as Macedonian (UN) conditions, in fact, has proven to have a political nature of misrecognition in the UN, that creates obligations for the not-recognized party (obligation to negotiate for recognition) essentially not depend on one party (i.e. Macedonia), but rather on the other one. In addition, as pointed above, as those special conditions (for one member only) formally transcend in time, the act of admission itself (i.e. they last even after the act of admission to UN is completed) and therefore one-sided conditions that were blackmailing the state to change its ID apparently could not explicitly or even otherwise implicitly be part of the general conditions set forth in Article 4 of the UN Charter (not to mention that according to the preamble of the UNSC Res. 817 candidate “satisfied conditions”). These additional conditions (of a diplomatic and arbitrary nature) obviously had to be added in the text of the resolution 817, because otherwise they would not be presumed in any

possible context as related or included to the normal conditions of the Charter. Such blackmailing conditions against one future member apparently could not fit into any legal conditions of UN admission, particularly taking into consideration that UN was/is an universal organization open to any country, where any candidate have a *right to admission*, after minimum requirements enlisted in Article 4 (1) were/are met. Fulfilling an individual diplomatic (conditions) of recognition (in the case of “state name change”) from Greece obviously does not depend on the country-candidate for admission, but solely on the political will of Greece and a Greek capacity to place political pressure on weaker party and even create an obligation to Macedonia (where fulfilment of the conditions depend on one (foreign) state, solely).

In addition, as pointed above, conditions for Macedonia were not “exhaustive” (i.e., „necessary and sufficient”, as they should be as elements of the *legal norm*. Namely, the assessment of the candidate should be made before, and not after the UN admission. These conditions (independently on Greece demands) fundamentally contradict(ed) the legal nature of Article 4 of the Charter as an *exhaustive legal norm* (where by definition the normative conditions are “necessary and sufficient”, according to an Advisory opinion of the ICJ (1948)). According to the definition of the Advisory Opinion from 1948, the conditions of admission must have a time-bound character (which in Macedonian admission is not the case), because the “eligibility of a candidate for admission to the UN” is assessed on the basis of them (limited in time to the beginning of membership), and those that continue even after an admission are obviously not of such nature. In this respect, I may draw conclusion that in addition to the violation related to Article 4 (1), with two illegal conditions, from the moment of entering into membership and *after the admission* corresponding illegal obligations were created (in addition to the breaches of procedures specified in Article 4 of the UN Charter), namely Article 2 of the Charter were violated in paragraphs 1 (legal and *sovereign equality* of states), 4 (*independence* of states) and 7 (*non-interference* in strictly *essential* internal jurisdiction). That conclusion is almost self-evident because the newly admitted state FYROM with such special admission conditions acquired two more identical obligations (illegal, as well). Therefore, the *new illegal status* of member called by a reference “the FYROM” (in relation to other UN members and their status) defined legally discriminated and *unequal position-status* in apparent violation of the first principle of Article 2 *sovereign equality* of states.

However, in connection with the described illegal UN precedent from 1993 (that refers to the introduction of the binding unwanted reference “the FYROM” in the UN), it should be noted that in the political arena more and more of UN member states in bilateral relations steadily in time continued to recognize the official state name “Republic of Macedonia” and every year more and more UN members use(d) that Constitutional name (“Republic of Macedonia”) for all purposes, despite protests from the Greece government. Process of recognition of the Constitutional name “Republic of Macedonia” continued progressively until the moment of signing the Prespa agreement 2018, and stopped after the entering into force of that agreement. Macedonia under the constitutional name “Republic of Macedonia” was recognized by more than two-thirds of the UN members (about 136 UN member states). Then in 2018, the process was interrupted and finally stopped in 2019, and on the basis of the Prespa agreement (2018) with respect of the change of its state identity, all UN member states recognized the *new state name* in 2019, as: “Republic of North Macedonia”. That moment and particularly registration of the treaty in UN Secretariat actually represented the final diplomatic victory of Greece over weak Macedonia in long-term diplomatic war (characterized with essentially inexperienced Macedonian diplomacy and new Government headed by political party SDSM (with PM Z. Zaev) without priority to preserve an identity) (Aljazeera 2017).

It should be pointed out, that during the process of admission of Macedonia to the UN, the Macedonian diplomacy (similarly as negligent services/lawyers in the UN Secretariat) did not grasp the illegality of special admission situation or even linked their case with the previous case of the Advisory Opinion of the ICJ from 1948 with respect to *additional conditions*, despite Macedonian apparently non-standard (political) admission requirements to the UN (ICJ, Case/3). The Macedonian diplomacy in 1993 (and later) did not know at least three basic rules of international law: 1. States *do not have exclusive rights over state names* (Henkin 1993), and therefore Constitutional names are subject to the independent *sovereign choice* of each state or nation and in addition such names are basic inviolable elements of juridical personality and represent a UN membership rights (national name and national flag are elements of representation in the UN) for any member state in the UN (i.e. Member only inform UN organs on such matter, without any political decision for their endorsement); 2. Changes of the state name do not affect any territorial rights and obligations of their own

countries, as well as right or obligations of any other or third states, and hence changing of the state legal identity does not endanger legal rights of other member states of the international community, i.e. members of the UN; 3. Consequently, the state name, as an internationally public legal category and *sovereign juridical* ID, cannot: a. be subject of theft, be deprived or appropriated, b. be imposed, shared, or be subject to any negotiation, discussion or contracting process (or a treaty), as well as, any valid denial on whatever grounds. Finally, the Macedonian diplomacy apparently didn't understand that the changes of the state name, as inviolable independent category, may not affect any historical interpretation, and by virtue of international public law principles, the *state name, per se*, could not have any relevant legal consequences in relation to historical interpretations, nor such interpretations may have any effect on the rules for membership in the UN defined by the Article 4 of the UN Charter. Greece's objections that Macedonia, by its very name ("Republic of Macedonia"), "steals the ancient history of Greece" and thus represents a "security" threat to Greece, seem unconvincing, ungrounded and even ridiculous from today's perspective (and even then in 1993) and from the point of International Law. Unfortunately, the Macedonian diplomacy and political elite at the time of country's admission to the UN in 1993 didn't have or obtain enough knowledge on basics in International Law and did not cope with the situation when country was supposed to be admitted to the UN without additional conditions.

Despite numerous indications and provided information to the Macedonian government that there was an illegal and harmful admission to Macedonia (1993) with very serious consequences, the Macedonian authorities did not dare to turn problem to the ICJ for an Advisory Opinion, and did not even initiate a more massive campaign of international recognitions under the constitutional name ("Republic of Macedonia"), but remained calm, showing a high degree of immaturity and absence of diplomatic and political knowledge and wisdom. When it became blatantly clear in 1999 that it was completely illegal to tolerate an imposed non-ID reference (which is not a legal identity of the state) and in this connection that negotiating the state name is an illegal and even a shameful request, the Macedonian authorities and diplomacy did not take any action at all to address this hot question. The so-called *name negotiation* process (as second additional condition, after illegal *denomination* (the FYROM) was not stopped at the UN, but continued! After a discovery of the UN flagrant negligence (that is, the

delict of omission), where UN itself had no any arguments to explain an increasingly obvious discrimination in respect to the meaningless supplementary additional conditions imposed to Macedonia, instead of weakening positions, the pressure from the Western powers on Macedonia to change, in agreement with Greece, its constitutional name was growing up. Thereby, Western powers and UN organs in fact wanted to “wash away” and obliterate an increasingly visible UN “mistake” (i.e. *maleficium omissionis*) of the UN Organization.

When Zoran Zaev (party SDSM) came to power in Macedonia becoming a new Prime Minister (2017), the Western powers and Greece have finally got a chance for „identity solution” and managed to force the Macedonian authorities headed by Zaev even to effectively expand the number of „negotiating” conditions from two (conditions, and allegedly only “name problem”) to a very large number of (illegal) national demands, covering in fact an entire sphere of *national identity*. In addition to changes with respect to the state name (*legal state identity*), Greece also demanded for a change of the name of the people and nation, i.e. the national name revisions in every aspect, as well as numerous national systemic changes in the Constitution of Macedonia, as well as cultural and administrative legal changes that extends to personal documents, passports, identity cards, driver’s and other licenses, etc. In addition, the range of changes and solutions reached comprehensive national bans and mandatory revisions of local identity, and furthermore all-encompassing national changes has been extended to UN and organizations even outside the UN system, as well as to countries that are not members of the UN (i.e., to all countries according to the principle embedded in the Prespa agreement: *Erga Omnes*¹). The problem of Macedonian diplomacy (and of basically all the authorities in Macedonia) was primarily that they didn’t understood the gravity of the situation, especially that national identity (as a category) cannot and must not be negotiated, because as a result of a compromise-treaty on “identity revision” always conflict arises, since for the people, forceful, imposed and illegitimate quasi-identity is unacceptable. The people perceive such imposed new identity that denies the original one as an alienated and foreign identity, that is, an artificial identity, not theirs, but rather represents form of violence against the people and against the nation. After the new UN Security Council Resolution 845 from 1993, where both sides (the FYROM

¹ See Prespa Agreement (UN, UNTC, 55707), claimed to be „bilateral agreement” (contract), i.e. not binding on other parties.

and the Greece) were requested to continue with “talks” (as later “talks” were formulated as “negotiations” in 1995) in order to overcome the “difference(s)” between them (“described in Resolution 817 (1993)” as a “difference”), when to the majority of UN members became aware that “difference” was actually not a “security dispute”, Greece place additional pressure to the FYROM for concluding a treaty on mutual relations. As a result of increasing Western pressure in 1995 both states have signed an “Interim accord” on mutual relations (UN, Peacemaker, 32193), by which Macedonia (here: the FYROM) has committed to continue “negotiations” about its name, and that this ID issue (related to the name of the state mentioned in Resolution 817 (1993) would/may not be presented before the International Court of Justice for any Court’s action or decision (Janev i Petrović 2010, 48). In this sense, due to the ignorance of the Macedonian authorities, this document-agreement was created in 1995, which, in the absence of Security Council resolutions, continued to force the illegitimate negotiation process on an internal *sovereign issue* (in fact avoiding ICJ), and Greece only waited so long for an opportune moment in time (future) when the most flexible government would emerge in Skopje and most suitable identity solution could be reached in accordance with their interests, and be framed as the “final agreement” (i.e. a treaty on an identity of neighbouring country).

PRESPA AGREEMENT (2018) AS A RESTRICTION AND REDEFINITION OF NATIONAL IDENTITY, BY INTRODUCING A MANDATORY DENOMINATOR (PREFIX: “NORTH”) BEFORE THE ORIGINAL IDENTITY (MACEDONIA), AND WITH THE USE OF AN ID-MODIFIERS IMPOSING OR ESTABLISHING AN ARTIFICIAL “NORTH MACEDONIAN NATION” AS A SUBSTITUTE FOR THE ORIGINAL MACEDONIAN IDENTITY

After growing pressure from the Western countries, especially from EU, USA and NATO to solve the so-called „name issue”, the most „cooperative” government headed by the new Prime Minister Z. Zaev in the interest of “Euro-Atlantic integration” accepted the signing/conclusion of the Prespa agreement (or shortly “PA” or “Prespa Treaty”) in the village Nivici in 2018, which ended the so-called “difference over the name” with Greece. This agreement (PA) replaced the previous “Interim accord” on mutual relations (from 1995), as an act-agreement

on permanent relations between the two states based on the re-definition of the *state name* and identity (Macedonians). With this treaty, the Western countries covered up and devalued the UN *delict of omission* (which was an *ultra vires* act(s) of the UN) and at the same time secured strategically important membership for Macedonia in NATO, with the vague and dubious EU promise(s) for speedy membership of this “redefined nation” in the European Union (EU). The Prespa Agreement was already dubious from the point of view of several clearly illegal aspects and elements with respect to it, which cast doubts on its validity and legality. Namely, contrary to the Macedonian Constitution, nowhere in that treaty (PA) is mentioned the constitutional name of the country, i.e. a name of the *subject* concluding the treaty, or even a clear reference to “FYROM”, and instead of ID only the UN “reference” is mentioned only implicitly “as defined in resolution 817” of the UN Security Council from 1993 (which, according to facts discovered meanwhile was dubious with respects to *additional conditions* and UN omission of the proper ID. From aspects of Macedonian Constitutional law such ID for a treaty was illegal and unconstitutional, since treaties can only be concluded with “Republic of Macedonia” (that is Constitutional name of the state). In addition, reference “as defined in resolution 817” was apparently dubious from the point of International law, since according to the provisions of resolution 817 itself, the FYROM is not a “legal identity” for enacting or concluding acts outside the UN, particularly those that could have an effects outside the UN, i.e. the PA should not produce any legal effects on third countries (plus the Prespa Agreement is in fact classified as “bilateral treaty”). Another aspect, which has been observed by the domestic professional lawyers, was that such a treaty as an act of “strategic political treaty” (i.e., this is the case with any act that implies changes to the Macedonian Constitution) can only be concluded or signed in “accordance with the Constitution of the Republic of Macedonia” by the President of the State, and not by the Minister of Foreign Affairs, as was done in the case with the Prespa Agreement (PA). Namely, the Prespa Agreement was signed by the Minister of Foreign Affairs Nikola Dimitrov instead of the President of the Republic. With respect to this, President of the Republic of Macedonia G. Ivanov claimed in a separate statement that “he was not informed” about the course and content of the negotiations on the PA. The President strongly rejected Prespa Agreement, claiming Constitutional breach and later he had refused to sign the act of ratification of the PA, since according

to him “a treaty is unconstitutional”, and particularly “an international treaty cannot prevail over the Constitutional norms”. President Ivanov argued that by the PA provisions illegally “the Constitution adapts to the treaty”, and not the other way around, as should be. Therefore, President have refused to sign an act of ratification of PA (*executive act* by the President, so that treaty may become the law of the land), because in his words “a treaty needs to be in accordance with the Constitution” of the state. After the resolute refusal of the President Ivanov to sign an *executive act* of ratification, that *executive act* has been unconstitutionally signed by the President of the Macedonian Assembly Talat Xhaferi (a Speaker of the parliament), hence creating top illegality in a series of previous illegalities (that preceded this brutal violation of the Constitutional order). Needless to say, that was done forcibly and illegally (so that Constitution was changed) under endorsement EU and NATO and visible Western pressure.

The Prespa Treaty (PA) in its provisions provided holding a referendum or alternatively another form of decision(s) in the National Assembly. However, in accordance with PA, if the referendum option was chosen as form of decision on the matter, such a referendum becomes an inevitable obligatory part of the procedure for the starting of the implementation of the provisions of the agreement and accordingly beginning of the changes or amendment’s procedures of the Constitution of Republic. In 2018, however, the referendum decision making have failed due to insufficient response of the population (below the 40%) and thus the process of enactment of treaty and pending Constitutional revisions, according to the PA, needed to be ended. Surprisingly, completely against any legal logic, in blatantly illegal and unconstitutional way, the Prime Minister Z. Zaev and his government continued with the process of changing the Constitution (in violation of the basic norms of law) in the Macedonian parliament. In order to achieve the necessary two-thirds majority of 80 votes in the Macedonian Assembly, former Member of the Assembly Krsto Mukoski was released from the prison in Skopje (again illegally, since Krsto Mukoski was convicted for the crime of “terrorism” and send to serve sentence), and voted as MP, thus he secured the last (80th) vote by which the Constitution of Macedonia and the name of the country (Macedonia) were changed, in violation of all legal norms and standards known to civilized people. An octroyed constitution was born, which by using imposed ID-modifiers provided in PA forcibly changed the national identity of ethnic Macedonians, in

brutally illegal manner. A small number of protesting demonstrators against an illegal constitutional changes that gathered in front of the National Assembly were mostly arrested or imprisoned. The people were frightened and most of them stayed at their homes. President G. Ivanov himself received a series of threats from the Albanian radical elements close to the Albanian party DUI, that were in government coalition with PM Z. Zaeu (i.e. Albanian party DUI, was in coalition with the SDSM headed by Zaeu) such as that Ivanov, as a head of state, should “refrain from further interference”. The illegal change of the Constitution was in fact supported by an entire Albanian block of parties (that includes all parties in the Albanian opposition, in addition to those in government), as well as all Bulgarian “elements” in Macedonia who were openly in favour of “constitutional changes” and the PA. Regarding the failed referendum, it should be noted that the referendum question was ambiguous and contained three (instead of one) questions in its content. The question that was put before the citizens on referendum was whether they are in favour of changes in the Constitution (without stating that it was a decision on the change of the state name and identity), along with an admission to the European Union and the NATO. Even such a confusing question didn’t improved the referendum turnout and result have finally been the low and insufficient turnout (due in the first place of boycott of ethnic Macedonians). A failed referendum, should have marked the end of the PA adventure with the change of the Constitution. Namely, Macedonian people have rejected the Prespa Treaty, which in content and form was in fact an act of imposed and forceful identity change of ethnic Macedonians.

The Prespa Treaty terminated the Interim Accord of 1995 and established a strategic partnership between the Parties. By applying ID-modifiers enshrined in the PA and the principle of *erga omnes*, which was the basic general and universal principle contained in the Prespa Treaty (applicable even to Third parties), all national terms containing the designations “Macedonia”, “Macedonian”, “Macedonian”, “Macedonian” received the obligatory “ID-modifier” (modifier(s)), i.e. the mandatory prefix denomination “Northern” (before the nationality), whereby the *national identity* (previously of clearly “Macedonians” with no additives) was universally (globally) redefined, not only for international, but also for internal use, as well. In a special diplomatic Memorandum, before the ratification of the Prespa Treaty took place in the Greek Parliament, the Ministry of Foreign Affairs of North Macedonia

submitted to this Greek body, as well as to the UN, an additional explanatory interpretation that the term “Macedonian citizenship” refers only to the citizenship and not to the nationality, confirming that nationality (previously “Macedonians”) had been redefined. The terms that referred to the categories “Macedonia”, “Macedonian(s)” including all derivations from them, thus became exclusively terms that can be used only by Greece without restrictions, that is, all these Macedonian designations after the PA became “Greek” exclusively. All these general limitation for “Macedonian terms”, provided by PA and confirmed by the mentioned explanatory Memorandum, were accepted in the United Nations as a standards, as well as in all specialized organizations in the UN system. Therefore, effectively with the PA a set of limitation and restrictions for these (Macedonian) categories were universally introduced for one member state only, i.e. UN have introduced an administrative ban for Republic of North Macedonia (RNM) for use of these terms in UN bodies and agencies, where the mandatory prefix as reference addition was also accepted (in purpose of “distinction”). In other words, provisional reference the FYROM (as an illegal denomination) have only be replaced with a permanent reference/denomination (“North”, as ID-modifier before the main category: “Macedonia(ns)”). What appears to be dubious, at least in the eyes of international legal experts is that from the entry into force of the PA, treaty produced an actual elimination of an identity (ID) for the Macedonian national minority in Greece that accordingly new provisions no longer exist, i.e. it does not have its own collective (national) *identity*. According to the interpretation given by the Macedonian Ministry of Justice (Minister B. Marichic) for the “eventual identity” of “those people” only Greece is/was “competent”, since from the entry into force of the PA this is an “internal matter of Greece”. In other words, after the entry into force of the Prespa Agreement, the Macedonian *national minority* does not exist for the Greek government, nor even for the rest of the world, due to application the general PA rule of *erga omnes* (which, actually, corresponds with the main well-known Greek political doctrine according to which “the only Macedonians are/were Greeks”). In this context, it should be emphasize that the Macedonian government headed by PM Z. Zaev (SDSM party) has in fact renounced the right and its obligation to care for its national minority in Greece (and elsewhere, in more general sense), which is a precedent in International Law and international relations, bearing in mind existence of an international obligation to care

for its national minorities (in neighbouring states at least). According to the principle of *erga omnes*, we can derive that with an application of the PA, the RNM has in fact renounced to care for all national minorities of Macedonians worldwide, no matter where they live. At this point a dilemma arises as to whether a state that does not have a *national identity* of (its) minorities in diaspora has a national identity at all, including in the domestic territorial frames. In several statements provided by government officials in Skopje (including Zaev's statements), where it was claimed that "the identity has been improved", it was basically officially confirmed that an *identity* has been changed and that it is no longer the same as was the previous one before the PA-treaty. To clarify that issue, we need to underline that it was explicitly provided in the Prespa Treaty (PA) that *all national institutions* must be renamed if they use(d) old name "Macedonia" (that is over 400 national and state institutions and bodies), and that all cities, villages and areas with a name "Macedonia" must also be redefined (or renamed) with the mandatory prefix (before the name "Macedonia"), as well as that all cultural and historical categories and interpretations must be consistent with the interpretations and instructions outlined in the PA provisions. Even previous historical events needed to be revised in manner to be consistent with the PA (norms and even a "spirit of the treaty"). So, for example, history textbooks needed to be redefined, and even official documents created before the enactment of the PA needed to maintain a designation "North Macedonian" to reflect "non-Macedonian" character or interpretation. For example, recent history textbooks, in accordance with such instructions, must accept that even after the Second World War there were a "North Macedonian people" (not "Macedonians") or that after the dissolution of the SFRY, only "FYROM" existed, and never the "Republic of Macedonia" despite the well-known fact that it existed from 1991-1993 before joining the UN. At this point, we again observe an existence of a delict of obliteration (*damnatio memoriae*), as systemic eradication or revision of the collective memory. In addition to numerous revisions of the national identity in the sphere of history, including official documentation, as well as the broader sphere of cultural redefinitions, the Prespa Treaty also determined that politics in the media should be strictly governed by the principles of PA, especially all media that are partially or fully funded by the state must "control" contents that are/is/were "incompatible" with the interpretations provided in the Prespa Agreement. Furthermore, all personal documents of the citizens must be changed

by the February 12, 2024 (identity cards, passports, driver's and other personal licenses and traffic permits). In addition, even stickers (and markings) on traffic licences plates for vehicles must be changed. For example, the marking MK on plates must be replaced with a NMK on all licences plates.

In other words, everything that is "Macedonian" should be replaced with new labels, terms, even trademarks or categories that erase from the previous national identity trade-marks (these are reserved from now only to Greece, which includes all commercial brands and trademarks), and the previous "Macedonians" are redefined with a mandatory prefix (or *denomination*) into the new national category, that is *not legally defined* and according to the PA it does not have to have (its) own identity definition. Hence, by derivation of the first usable "free term" (excluding "Macedonian", *per se*), bearing in mind the prohibition of using the previous identity, and applying the mandatory denominator (prefix or *identity modifier*), the new identity of Macedonians, which emerges from the new national name of the state ("North Macedonia") is therefore formally: "Northern Macedonians" i.e. "Northern Macedonian". From here, as we may derive the final conclusion, the culture and history are/were by virtue of PA "North Macedonian", that is, in fact an *artificial nation*. Namely, by adopting the dubious PA, ethnic Macedonians unknowingly admitted that they were a *fake nation*, wrongfully representing itself in international community and UN as "Macedonians"! That an *artificial nation* that needed (under request of UN) to be renounced and denied by the contract (PA), in essence never truly existed in the actual chronology of the historical course. As such *artificial state* (or a *fake state*)², apparently this construction is a possible subject of further political contestation and denial.

Beginning from the basic right to *cultural sovereignty* of every people and nation or a state, especially having in mind the right to collective national identity, which is inviolable, we can only make the conclusion that the Prespa Agreement was an act of cultural genocide, because the elementary cultural right to independent cultural existence, development and self-expression was deprived, including cultural and national identity and the inviolable right to independent self-identification. With a wide range of administrative measures that carry out censorship

² In our view, original Republic of Macedonia was not a *fake state* (since identity was derived by the original will of the people that had right to self-determination), but it appears the other way around that new contractual (foreign) creation fulfils requirements for such categorization.

in all areas, even outside the sphere of culture *per se*, such as numerous administrative measures, bans and restrictions, as well as the self-negation and denial of national minorities in neighbouring countries, the Prespa Agreement (and the policies of national annulation) have classified that act not only as a cultural genocide instrument, but as an act of ethnocide. The policy of systemic annihilation of the right to national and cultural identity, culture and cultural development is a type of genocide that enables an illegal process of the *cultural assimilation* of the ethnic Macedonian population (to arise all cultural foundations). PA provided grounds for such a *assimilation* process that, by nullifying identity, is using an ID agreement (*erga omnes*) that provided Greek authorities to deprive the Macedonian minority in Greece from elementary individual and collective rights. It appears, that now as non-existent entity (not a subject of International Law) they became group subjected to forceful cultural assimilation into Greeks. That illegal process consists of arbitrary capacity for erasing the national identity and merging this identity of the undefined minority, depending on Greek discretion solely and on free will of Greek government.

As we can see, the basic premise of signing and concluding the Prespa Agreement is actually the lack of knowledge of the Macedonian state leadership, as well as the political opposition, with respect to elementary forms of human rights violations in the sphere of ethnocide and cultural genocide. It seems that Macedonian governments and the opposition didn't ever understood the two illegal phenomena under the International Law for many years. The first is *assimilation* (national or cultural), which has not been noticed from the Macedonian academic elite, profession, or diplomacy. Another illegal phenomenon that is closely related to the legality of assimilation is national (or cultural) *annihilation* or *annulment*. This phenomenon, by its nature, precedes or goes simultaneously with an assimilation. Both occurrences represent the violation of *jus cogens* norms in the International Law. As a consequence, such a violation of the imperative norms of International Law constitute a legal grounds for terminating an ethnocide treaty (such as the PA), based on the Article 53 of the Vienna Convention on the Law of International Treaties (1969). The obvious inapplicability of an agreement that flagrantly limits basic human rights, i.e. erasing or cancelling one's national identity can lead to a challenges and unilateral termination to the illegal act. From the point of view of the international politics on Balkans, the very fact that the Greater Albanian supporters and the

Greater Bulgarian elements in Macedonia by providing strongest support for the Prespa Agreement and by including the SDSM-headed government in coalition with the Albanian party DUI, sparked an increasing suspicion among ethnic Macedonians that the agreement reached with Greece (PA) represent, in fact, a deal between Bulgaria and Albania (and even “Kosovo”) for their territorial expansion against the territory of Macedonia. That mutual deal became almost self-evident after the supporters of the Prespa Act are now increasingly demanding new Constitutional changes to satisfy Bulgaria and new requests from Albanians in Macedonia for the federalization of the state. The decline in the rating of party of the SDSM (and Zaev’s successor PM D. Kovacevski), and the increasing turning of the people to national ideas, speaks of the slow but certain growth of national awareness of the ethnic Macedonians. Instead of the quick entry into the European Union promised by EU officials to Macedonians when the “problem with Greece is resolved”, i.e. after the entry into force of the PA as the last condition for the EU, the newly named state (RNM) was subjected to new conditions for obtaining only a “Date for starting negotiations with EU”, now placed by the Bulgarian government. These Bulgarian political conditions have become even more complex to fulfil than the Greek ultimate conditions and demands set forth in the PA. Compared to the terms of the Prespa Agreement, which for many Macedonians were abstract in nature and/or logic, Bulgaria’s political and national EU conditions clearly indicated Bulgaria’s longer-term ambitions towards the complete assimilation of Macedonians into Bulgarians.

BULGARIAN ASSIMILATIONIST CONDITIONS, AS CONDITIONS RELATED TO THE ANNULMENT OF IDENTITY ON THE BASIS OF THE TREATY OF PRESPA (PA) AND THE REQUEST FOR “FURTHER SPECIFICATION” OF IDENTITY AS “BULGARIAN” (AS AN EU NEW CONDITION)

Even before Zoran Zaev (from the SDSM party) have entered to power as the Macedonian Prime Minister (2017), the Bulgarian diplomacy noticed that the new flexible future government led(ed) by Zaev would eventually solve the name and identity issue with Greece, so that a permanent agreement-compromise would be reached with Hellenic Republic to the final designation (detriment) of the Macedonian identity.

Therefore, Bulgarian diplomacy, immediately after Prime Minister Zaev came to power, requested the new Macedonian government to “resolve an issue” (alleged “identity problem”) with Bulgaria, in such a way that the two Prime ministers (Bulgarian PM B. Borisov and Macedonian PM Z. Zaev) should sign a treaty on permanent friendship between two countries. This initiative was accepted (naively) by Macedonia, and symbolically on the Macedonian holiday “Ilinden” on August 1, 2017, such diplomatic agreement on “mutual friendship” was signed (UN, UNTC, I-55013). That instrument in some essential elements have reminded international experts of an “Interim Accord” (1995) with Greece, at least when it comes to non-symmetrical “identity provisions” that were supposed to (allegedly) “bring the two cultures closer”. Namely, in this Bulgarian-Macedonian treaty, it is determined that both “peoples” have a “common history” and consequently a “common” culture and even joint “common important historical individuals” (from apparently joint or “common history”, as was explicitly spelled-out in the treaty). In addition treaty provided for the “joint celebration” of holidays and all important historical events or celebrities, so that “common historical” and cultural events/people needed to be jointly marked. The instrument regulates that the parties of the treaty will “not confront” each other on cultural-historical aspects, that in this matter(s) a “joint historical commission” will be created that will reconcile the “differences”, and the results of the work of this commission should be reflected in the “educational content”, so that agreements reached by commission should have direct consequences on Macedonian textbooks and curricula. In its blatant ignorance SDSM government headed by PM Zoran Zaev didn’t notice and grasp that basically this kind of legal treaty implicitly assumes common identity of both nations, and that (such) main point as element was enshrined in it, i.e. an incorporation of Bulgarian declaration that both people represent the “same nation”, not even two separate peoples, but in fact one people (and one nation). In addition, Macedonians didn’t grasp that this kind of legal instrument can serve in future for blackmailing the Macedonian state for admission to EU (in similar way as UNSC resolutions (1993) and an “Interim Accord” (1995). Unfortunately, this scenario of conditioning happened to Macedonia after the entry into force of the Prespa Agreement in 2019, when Bulgaria’s blackmailed R. N. Macedonia with illegal conditions for EU membership and the new Constitutional revisions.

After the signing of the Bulgarian-Macedonian Treaty in 2017, the Bulgarian diplomacy patiently waited for the Prespa Agreement to be registered at the UN Secretariat and for Macedonia to change its state name in UN, so that they may officially challenge its new *national identity* (as an “artificial” one). Starting from September 2019, the Bulgarian government have delivered (to EU and RNM) their special requests for admission of the “new nation-state” (of the Republic of North Macedonia) to the EU. Although Macedonia has been a candidate for EU membership since 2005, after the latest Prespa process of “de-Macedonization” (especially, after de-legitimization with respect to name of the state in the UN), Bulgaria referred to the Bulgarian-Macedonian Treaty (2017) as legal grounds and accordingly requested RNM to resolve the “identity” issues with Bulgaria before the RNM receives an “EU Membership Date”. The Macedonian government, as well as opposition, was extremely surprised by the conditionality initiative started by “friendly Bulgaria”, and especially by the disinterest and restraint on the part of the EU, that had previously publicly promised to the Macedonian state and the people that after the PA and constitutional amendments there would be no new conditions for obtaining a “Membership Date” for EU. What was especially surprising for the RNM authorities and its diplomacy was that the EU almost immediately openly sided with the Bulgarian government and showed that EU “understood” all concerns and positions of Bulgaria! On their side Bulgarians started campaign invoking the “Friendship treaty” of 2017 as for EU understandable legal grounds for their EU pre-conditions (in fact an extortion against RNM). In a similar way as before Greece, Bulgaria presented its political positions, as such that the new country-candidate had “already agreed to resolve a difference” and that it was only necessary for the EU to provide firm and strong support to the “undergoing negotiation process”. The Bulgarian position amounted to a public rejection of the alleged “false Macedonian history” (according to which “Macedonians do not have Bulgarian roots”) that was spread, as propaganda. The Macedonian public was bombarded on daily basis with a flood of accusations from the Bulgarian state about falsely portraying the history of the people as an independent or different “special people” (that is, “non-Bulgarians”). So Bulgaria’s thesis claimed that “Tito invented the non-existent Macedonians” so that “before the Second World War Macedonians did not existed”, since they were always (only) “Bulgarians”. At that time (2019–2022), the Macedonian diplomacy and the ignorant government

in the RNM couldn't manage unprecedented situation, so they simply allowed further uncritical and unsovereign blatant interference from the EU diplomacy in this artificial so-called "dispute", that eventually resulted (in 2022) in the "French plan" (as actually an unified "EU plan") for the solution of the increasingly strong conflict between Bulgaria and Macedonia. Particularly, the "Joint Historical Commission" of both countries could not finish its work because Bulgarian historians stubbornly and ultimately claimed that Macedonian revolutionary Goce Delchev (creator of the Macedonian national movement) was Bulgarian, not Macedonian, and that in fact all important revolutionaries were ethnic Bulgarians. A diplomatic crisis followed, where Bulgarian government, following the example of Greece, presented historical disagreement as a "dispute" with possible serious (even "security") consequences. At the end of that crisis, the "French Plan" presented by President Macron (in 2022) was ultimately delivered to both sides for purpose of acceptance. The content of this document included all Bulgarian conditions, formulated now as European conditions for RNM. Despite the strong opposition to presented "French Plan" by the Macedonian President Stevo Pendarovski, who initially rejected this ultimatum (that was, in fact, the Bulgarian ultimatum wrapped in European clothing), at the end (one week later) the SDSM government (headed by Zaev's successor Prime Minister D. Kovacevski) decided to agree with it and that the formal Protocol on acceptance of the "French Plan" conditions should be signed with the Bulgarian government. Thus, on July 16, 2022, the Protocol (agreement) has been signed by Bulgarian Minister of Foreign Affairs Teodora Genchovska and by the Minister of Foreign Affairs RNM Bujar Osmani. All the Bulgarian conditions were incorporated in that shameful act, as EU pre-conditions for obtaining a Date for starting EU negotiations. The Macedonian diplomacy was ones again defeated, since all Bulgarian blackmails were transformed into the EU membership conditions and even RNM Date for starting EU negotiations were linked with revision of the Constitution, as a pre-condition. The Macedonian authorities' failure to understand that the conditions imposed by Bulgaria were in fact illegal *assimilatory conditions* resulted to the situation that the diplomatic defence of Macedonian interests was ineffective, passive and inferiorly descriptive (namely, reduced to simple historical facts) in relation to well-managed and more professional Bulgarian diplomacy. Namely, Macedonian social science referred only to "basic historical facts" known to Macedonians which were not always so

transparent and persuasive to European diplomats, so EU trusted more Bulgarian arguments and historiography (whose science was generally more internationally affirmed) and Macedonian diplomacy was already with bad reputation after the PA (for alleged historical falsifications) and globally (UN) banned from using “false” or “disputed” ID (so they had to “revised identity” with the PA). Therefore, in eyes of EU diplomats, creation of the *identity agreement*, as a needed or necessary treaty, only discredited Macedonian as a party. Instead of focusing on explanations that Bulgaria’s demands were assimilationist (and therefore illegal, violating *jus cogens* norms), the Macedonian diplomacy often ignorantly stated simply that the Macedonian side is “ready” for a “compromise” and that “there were only some less important (historical) questions”. The Macedonian academic elite, diplomats, leaders in power and leaders in the opposition didn’t clearly understood a more general principle known in juridical science that “identity agreements” cannot be valid international legal contracts or treaties. Such contracts or treaties, that unilaterally define someone’s identity are always illegal and as result of compromise always represent an imposition of someone else’s will on issues that are in the sovereign (cultural) sphere and an essential inviolable domestic jurisdiction (Janev 2020, 15). Such acts are always acts of extortion and blatantly in violation of principles of cultural sovereignty.

Finally, if the Macedonian elite, political or academic, had known that the Treaty of Prespa (PA) was the act of annihilation or annulment of the national identity (or at least an illegal act), a different policy would have been pursued *vis-a-vis* illogical and impermissible Bulgarian demands. Bulgarian government have realized that Macedonians were giving up on issues of *national identity* (as EU admission have had highest priority), so they took a chance to impose Bulgarian identity on them, clamming (to Macedonians) as it was theirs. In this strategic way, the Bulgarian policy of planned *assimilation* and operations involving transformation in collective consciousness, is nowadays focused, as recently discovered, to a demand for the final identity agreement between the two states at the end of the EU negotiating process (repeating in fact the experience of the PA). This Bulgarian strategy clearly confirms the known theoretical thesis that any cultural annihilation precedes cultural assimilation, as a cultural genocide or ethnocide act of cancelling or nullification of the previous-original culture of a people or a nation.

As an initial condition, in a similar way as was in the case of the Prespa Agreement, the Bulgarians (as approved by the French/European

proposal) demanded as a precondition of even obtaining the “EU Date” the revision of the new Constitution of the RNM in order to enshrine provision on the “Bulgarian people” as a “constitutive” and “statehood” nationals, which *de facto* suggests that Bulgarian were original founders of the Macedonian statehood. The government led by PM Dimitar Kovachevski (RTS 2017) (successor of Zaev) immediately and uncritically accepted this Bulgarian precondition and the President of the Assembly T. Xhaferi (from the DUI party) was already ready to open the Constitution of RNM and fulfil Bulgaria’s conditions for the EU. However, the opposition led by the party VMRO-DPMNE and the minor party “The Left” blocked the achievement of the qualified majority in the Assembly, so that requested constitutional changes could not start. Both mentioned opposition parties announced that the “Bulgarian conditions” regarding the change of the Constitution “will never pass” and that the “Bulgarization“ will never be achieved. On the other hand, all Albanian parties took side against preservation of the Macedonian identity, in accordance with famous “Tirana Platform” created in January 2017 in Tirana (with the “chairmanship” of Albanian Prime Minister E. Rama, who at the meeting in Tirana coordinated all Albanian parties in Macedonia for the purpose of creating joint Platform-strategy). As was the case with the PA when all Albanian parties were in favour of that treaty, they are nowadays as “pro-European” supporting Bulgarian attempts to change the Constitution (ones again against Macedonian identity). It appears that Albanian political factor in fact supports any initiative that may lead to disintegration/dissolution of the Macedonian territory or federalization of RNM. Realizing the obvious intentions of the Bulgarians for forced (imposed) *assimilation* and possible federalization, as well as the Bulgarian intentions to redefine the “Macedonian language” as a “dialect of the Bulgarian language”, the opposition parties in Macedonia rejected the new constitutional changes (calling changes a “Bulgarization”).

CONCLUSION

As we have shown in this article, the illegal supplementary additional conditions for Macedonia’s admission to the UN (where Macedonia was forced to carry a temporary *denomination* and negotiate its identity with another state) turned into a long-term systematic challenge to the *national identity* of Macedonians, a form of unseen political pressure

(in fact extortion) to one sovereign country with no precedent in the previous history of international relations. At the end, the alleged “dispute over identity” (actually related to a „nameless nation-states” in the UN, where the reference (FYROM) was not a *legal identity*) was finally resolved by the conclusion of the Prespa Agreement (PA), which represents a textbook example of violations of the basic norms of sovereignty and the principle of independence and non-interference in an essential internal jurisdiction of a states (especially UN members, which according to the UN Charter are *sovereignly equal*). Furthermore, the Prespa Treaty (PA) is an example of an *ethnocide act* that obviously denies collective people’s right to national identity, and even redefines it in accordance with the current political balance of power between the involved negotiating parties (including their key allies of Greece, particularly). Our analysis in this article of this unconstitutional illegal international treaty-agreement (the PA) showed the comprehensive cancellation and denial of the (previous) Macedonian identity (original one) and, in addition, an attribution of everything that was labelled “Macedonian” to Greek culture exclusively and a Greek national identity. With the Treaty of Prespa, Macedonia have been denied the rights of its own national minority in Greece, and consequently (in application of *erga omnes*) also deprived such rights to its minority in Bulgaria, thereby exposing minority to the forcible (by the state measures) *assimilation* in neighbouring countries (by very moment of an entry into force of the PA on an *erga omnes* basis). By nullification of its own national identity, through the provisions of the Prespa Agreement, even within the territorial borders of its own state (RNM), a clear signal was sent to Bulgaria that such a “sufficiently flexible government” would be able, for the sake of admission to the EU, to carry out further national redefinitions of its own identity. After the registration of the Prespa Agreement in the UN (as a valid treaty), by using this illegal precedent, Bulgaria essentially conditioned the “new nation-state” (as an “artificial nation”) with its own special identity conditions for purpose of the “refinement” of the new national identity, which was according to them “not fully defined” by the Prespa Agreement. In the case of Bulgarian conditions, this refine identity would ultimately be the “true Bulgarian identity” (of the previous “vague Macedonians”). That is, according to the Bulgarians, the “real” identity of the “North Macedonians” (with “Bulgarian roots and origin”). In a generalized form, Bulgarian blackmail for the EU membership could be reduced to a simple ultimatum to RNM in the form:

“Admit that you are Bulgarians, so you can join the EU”, and until then you simply cannot. Since the Macedonians didn’t understand, neither now (in the ongoing ID negotiations with the Bulgarians), nor previously in case with the Treaty of Prespa, that there are *no identity disputes* and particularly that there are no valid *identity agreements* (or legal “identity treaties”) under International Law, they naively continued to negotiate on a subject (national identity) that cannot be negotiated. In this way and manner, the Macedonians themselves, under the delusion that everything is legal, by ratifying *illegal identity* contracts (treaties), contributed to the self-annihilation of their own national identity, completely ignoring the imperative norms (*jus cogens*) with respect to the illegality of forced or any imposed administrative (and therefore coerced or extorted) *assimilation*.

In this context, bearing in mind illegality of identity treaties, we can only underline that by applying Article 53 of the Vienna Convention on the Law of International Treaties from 1969, it is possible to terminate the Prespa Agreement unilaterally (by diplomatic note/letter sent to other contracting party), since this agreement violates *jus cogens* norms of International Law. After the termination of the Prespa Agreement, the Treaty with Bulgaria (2017) can also be cancelled by a simple diplomatic *letter of cancellation* of that act, which pursuant to the last article 20 of the Treaty with Bulgaria (related to *cancellation*), enters into force one year after the notification of the cancellation of the act is sent to other contracting party (i.e. Bulgaria). Of course, if the Prespa Treaty is terminated, Macedonia would have to start a “diplomatic battle” in the UN (especially in the UN General Assembly) for votes of UN majority for an obtaining the name under which it applied to UN: “Republic of Macedonia”. The UN General Assembly decides on these issues by a simple majority of members present and voting. If the country gets this simple majority in UNGA, it will obtain the right to use its original constitutional name “Republic of Macedonia” in United Nations.

Furthermore, in this paper, we came to conclusion that the Prespa Agreement is an act of *ethnocide* (a cultural genocide in the broader and comprehensive sense, extended to the administrative sphere of bans, limits and national annulation(s)), that flagrantly violates basic collective (and individual) human rights, in addition to violations of basic rights of the state: the right to sovereignty, political independence and non-interference in the internal domestic jurisdiction of states (including interference to internal and external relations of the state). These violations,

especially in area of *cultural sovereignty*, which were reflected in the complete contractual annihilation of the *national identity*, contributed to the further re-definition attempts (of the derogated identity) through the process of *assimilation* accepting under impositions Bulgarian interpretation of the Macedonian origin (as “Bulgarians”). The ignorance of the Macedonian diplomacy and the authorities in Skopje contributed to the Macedonian acceptance of Bulgarian-EU condition that requires the new identity (basically annulled by Prespa Agreement) to be “specified” and refined in accordance with the Bulgarian identity “inputs” in a new re-negotiations process. In the Bulgarian view, the Prespa Agreement in fact created the “North Macedonian(s)” as new “indeterminate identity” and according to the Bulgarian demands, as condition for EU membership of RNM candidate, such identity needs additionally to be re-defined reflecting “Bulgarian roots” i.e. “Bulgarian origin of Macedonian people”. This blackmail was internationalized by the well-known EU “French proposal” (that was accepted by the authorities in Macedonia, in similar way and ignorant manner as was in the case of UN-conditioning before, from 1993) and thus the Bulgarian conditions become one of the EU’s (pre)conditions for the admission of the (“new nation-state”) of the Republic of North Macedonia to EU.

In this case, the generally known rule was proven ones again: that after (or simultaneously with) the process of *annulment* of national identity, there is always, by the nature of that illegal process, parallel forceful or “conditional” *national assimilation*, as a process that violates the basic imperative International Law. On the basis of the Treaty of Prespa (PA), that annulled the original identity (of the former ethnic Macedonians), Bulgaria was given a chance (and skilfully used it) to start the process of “Bulgarization” of the people in Macedonia, which the Bulgarians themselves called “the process of self-re-awareness of the Macedonians as Bulgarians” and finally Bulgarian strategy planned for the formal (self-)recognition of those (Macedonians) by a treaty, that they are/were “the same people with the Bulgarians”, actually identifying two cultures as one.

With the full support of the Albanian political factor(s) in Macedonia, who supports the Bulgarian initiatives for the supplementary redefinition of the “new artificial nation”, analytical observation led us to a more general conclusion that in fact, the ultimate goal of the process of so-called “Bulgarization” (assimilation into Bulgarians) is in fact preparation for federalization of the territory of today’s Macedonia

(former Republic of Macedonia) and, in the mutual deal (where one party is Bulgaria) with the Albanian political factor(s) in the Balkans (i.e. the authorities in Kosovo and Metohija and the Republic of Albania). In conclusion, it appears that a mutual main goal of Albanians and Bulgarians was to achieve the final dismemberment or dissolution of Macedonian territory in favour of the formation/creation of the Greater Bulgaria and the Greater Albania. In this context, the old rule known from history is once again proved: territorial occupation or division is often preceded by forceful *national assimilation* and forceful *national (cultural) annulment*.

LITERATURE

- Balkans Aljazeera News [Aljazeera]. 2017. „Zaev: Moguć ulazak u NATO i EU pod drugim imenom”. *Aljazeera*. Accessed: 23 March 2024. <https://balkans.aljazeera.net/news/balkan/2017/6/12/zaev-moguc-ulazak-u-nato-i-eu-pod-drugim-imenom>
- Henkin, Louis. 1993. *International Law: Cases and Materials* (3d ed.), 253. Minneapolis: West Publishing.
- International Court of Justice [ICJ], Case/3, “Conditions of Admission of a state to membership in the United Nations (Article 4 of Charter), Advisory Opinion”, Hague, 28 May 1948.
- Janev, Igor, Dragan, Petrović. 2010. “Legal mode for Advisory redress at the ICJ for the case of Macedonian UN membership”. *The Review of International Affairs* 61(1140): 48–72, Belgrade: Istitute of International Politics and Economic.
- Janev, Igor. 1999. “Legal Aspects of the Use of a Provisional Name for Macedonia in the United Nations System”. *American Journal of International Law* 93 (1): 155–160. Cambridge: Cambridge University Press.
- Janev, Igor. 2002. “On the UN’s Legal Responsibility for the Irregular Admission of Macedonia to United Nations”. *Perceptions-Journal of International Affairs* 7(4): 84 –113. Ankara: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye.
- Janev, Igor. 2006. „Responsibility of the United Nations for Macedonia’s Accession to the UN”. *Romanian Journal of Political Science* 6 (1): 23–43. Bucharest: Romanian Academic Society.

- Janev, Igor. 2020. "Uncertain Future and Prospects of the Prespa Agreement between Macedonia and Greece". *Advances in Politics and Economics* 3(2): 1–15. Los Angeles: Scholink Co.
- Janev, Igor. 2021. *Prespa Agreement and its Effects on Macedonian Right to National Identity: An Act of Ethno-genocidal Termination of the National Identity*. London: Lambert Academic Publishing.
- Janev, Igor. 2023. *The Prespa Agreement as Cultural Genocide of the Macedonian National Identity*. Beograd: AGM knjiga.
- Radio Televizija Srbije [RTS]. 2021. „Dimitar Kovačevski novi predsednik SDSM”, *Radio Televizija Srbije*. Accessed: March 23, 2024. <https://www.rts.rs/vesti/region/4623731/dimitar-kovacevski-novi-predsednik-sdsm.html>
- UNESCO. 1966. "Declaration of Principles of International Cultural Co-operation". Accessed: 23 March, 2024. <https://en.unesco.org/about-us/legal-affairs/declaration-principles-international-cultural-co-operation>
- UNESCO. 1982. "The Mexico City Declaration on Cultural Policies". Accessed: 23 March 2024. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000050419>
- United Nations [UN], Peacemaker, 32193, "Interim Accord (with related letters and translations of the Interim Accord in the languages of the Contracting Parties)", New York, 13 September 1995.
- United Nations [UN], "The Charter of the United Nations", San Francisco, 26 June 1945.
- United Nations [UN], JSTOR. 1950. "Memorandum on the Legal Aspects of the Problem of Representation in the United Nations, Transmitted to the President of the Security Council by the Secretary-General (Lie), March 8, 1950". *International Organization*, vol. 4, no. 2, 1950, p. 356–60. Accessed: 23 March 23, 2024. <http://www.jstor.org/stable/2704192>.
- United Nations [UN], OHCHR, A/RES/61/295, "Declaration on the Rights of Indigenous Peoples", Geneva, 13 September 2007.
- United Nations [UN], UNGA, A/RES/117, Convocation of a general conference under article 109 of the Charter to amend the privilege of the veto and resolution of the 2nd part of the 1st session of the General Assembly in relation to the exercise of the veto", New York, 21 November 1947.

- United Nations [UN], UNGA, A/RES/197, “United Nations General Assembly Resolution for Admission of new members”, New York, 8 Decembar 1948.
- United Nations [UN], UNGA, A/RES/47/225, “United Nations General Assembly Resolution for Admission of the State whose application is contained in document A/47/876-S/25147 to membership in the “United Nations”, New York, 8 April 1993.
- United Nations [UN], UNSC, S/RES/817, “United Nations Security Council Resolution 817”, New York, 7 April 1993.
- United Nations [UN], UNSC, S/RES/845, “United Nations Security Council Resolution 845”, New York, 18 June 1993.
- United Nations [UN], UNTC, I-55013, “Treaty of friendship, good-neighbourliness and cooperation between the Republic of Bulgaria and the Republic of Macedonia”, Skopje, 1 August 2017. *United Nations Treaty Collections*, Volume 55013, Part I.
- United Nations [UN], UNTC, I-55707, “Final Agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a strategic partnership between the Parties”, Prespa, 17 June 2018. *United Nations Treaty Collections*, Volume 55707, Part I.

Д-р Игорь Янев, Республика Сербия

*Институт политических исследований
Белград*

ЭТНОЦИД, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ МАКЕДОНИИ И ГРЕЦИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОГО В ДЕРЕВНЕ ПРЕСПА («ПРЕСПСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ», 2018), И ПРОЦЕССА АССИМИЛЯЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ МАКЕДОНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ («БОЛГАРИЗАЦИЯ») КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕМОНТИРОВАНИЯ, АННУЛИРОВАНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАКЕДОНЦЕВ

Аннотация

По соглашению между Македонией и Грецией, достигнутому в деревне Преспа (Македония) в 2018 году, известному также как «Соглашение Преспа» (полное название: «Final Agreement to Resolve Differences as Described in UN Security Council Resolution 817 / Окончательное соглашение об урегулировании разногласий, как описано в резолюции 817 Совета Безопасности ООН»). (1993 г.) и 845 (1993 г.), прекращение Временного соглашения 1995 г. и установление стратегического партнерства между Сторонами»), впервые в истории развития международного права была предпринята попытка дать новое определение национальной идентичности суверенной нации с внешним международным актом-договором. Сама эта попытка вызвала, на наш взгляд, обоснованные сомнения в том, является ли юридически допустимым оспаривание суверенной идентичности нации, поставленное в переговорном процессе, и навязывание решения столь деликатного внутреннего вопроса посредством международного (правового) акта, то есть решения или соглашения (контракт) или договор по международному праву. Исходя из

принципов культурного и общего суверенитета (суверенного равенства членов ООН) и суверенной автономии и политической независимости, включая невмешательство во внутреннюю юрисдикцию, норм, содержащихся в статье 2 Устава ООН и других документах ООН и ЮНЕСКО, принимая во внимание особенно принципы самоопределения народов (особенно самоидентификации наций), а также норму Устава в статье 2(7), запрещающую ООН и государствам-членам вмешиваться в вопросы, которые по существу находятся во внутренней юрисдикции государств, мы пришли к выводу, что Соглашение между Македонией и Грецией, подписанное в Преспе в 2018. году, противоречит основным нормам, принципам и правилам международного права. В соответствии с Преспским соглашением (далее: ПС) национальная идентичность македонского народа была незаконно и неправильно изменена, что упразднило основное международное право на национальную идентичность, так что такой договор фактически представляет собой акт этноцида и культурного геноцида, который был совершен против народа Македонии (который подвергся переопределению идентичности), а также против основных принципов самоидентификации, самоопределения, суверенитета и политической независимости государства (государств). В частности, это очевидно незаконное Преспанское соглашение (с использованием положений ID-модификаторов) нарушило неотъемлемое и нерушимое право народа на свою национальную идентичность (как основное коллективное право человека), а также на самоопределение и независимый его выбор, как а также многочисленные другие нарушения основных прав суверенного народа или нации, таких как право создавать и осуществлять свою государственность и суверенную идентичность своего родного государства как суверенного и независимого субъекта международного права. Это право на удостоверение

личности государства, очевидно, неприкосновенно, учитывая, что название государства представляет собой существенный элемент правосубъектности такого международного субъекта. В результате вопиющего отказа в праве на национальное удостоверение личности и государственную самоидентификацию после вступления в силу Преспского соглашения (подписанного в 2018 году и вступившего в силу в 2019 году) и последующих связанных с этим конституционных изменений (переопределение македонской Конституции в соответствии с ПС), переопределенный «македонский народ» стал предметом новой болгарской кампании по навязанной ассимиляции македонцев (как «вновь переопределенного народа») в болгарскую идентичность, поскольку они были одной и той же нацией или люди. Это было действие, предпринятое болгарским государством всего через несколько месяцев после вступления ПС в силу (т.е. после регистрации ПС в Секретариате ООН). Болгарская дипломатия в настоящее время, среди прочего, добивается внесения новых изменений в (уже пересмотренную) Конституцию «Республики Северная Македония», чтобы «отразить болгарское происхождение этого народа», проживающего на территории «Северной Македонии». Эта политика агрессивной «болгаризации» оспариваемой «македонской идентичности» (т.е. навязанной ассимиляции с болгарскими) полностью поддерживается всеми албанскими политическими партиями в Македонии и некоторыми западными державами, интересами которых было/есть распад территории нынешней Македонии и создание Великой Албании и даже Великой Болгарии с намерением ослабить Сербию и так называемое «российское влияние» на Балканах.

Ключевые слова: *Преспское соглашение, ООН, условия, национальная идентичность, договор, ассимиляция, личность.*

III
THE POLITICS OF MEMORY
AND THE REVISION OF HISTORY

Эмиль Миланов, Болгария

«Международная славянская община Перун-2000»

София

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ КАК КОРРЕКЦИЯ ИСТОРИИ

Аннотация

Отталкиваясь от основной идеи о взаимоопределяющей связи истории, памяти и культуры, т.е. от рассмотрения культуры памяти как корректора истории, в статье рассматриваются различные механизмы и социальные факторы этого явления. Непрерывные реконструкции коллективной памяти изменяют культуру памяти, делая ее, таким образом, существенной корректировкой истории. Особый акцент делается на изменениях и противоречиях, внесенных эпохой постмодерна в отношении истории и коллективной памяти, на радикальных изменениях в концепции характера и скорости становления и демонтажа идентичности сообществ, а также на различных предпосылках упадка национальной культуры и кризиса национальной памяти, среди которых переплетаются негативные последствия глобализации. В связи с кризисом сообществ и усилением поиска идентичности, в борьбе сообществ за идентичность и первенство усиливается использование прошлого. Сообщества проецируют свои противоречия, споры и конфликты в прошлое. Таким образом, коллективные травмы становятся средством ограничения памяти и идентичности сообщества. Их политическое использование приводит к серьёзным конфликтам, агрессивному этнонационализму, культурным войнам и религиозному

терроризму и, как таковое, представляет собой одну из серьёзных опасностей для человечества в 21 веке. Это подводит нас к этическому вопросу о том, какая память совместима со строительством справедливых политических институтов, которые служат людям и сообществам, и что является этически оправданной политикой памяти.

Ключевые слова: *История, память, культура, идентичность, геополитика, глобализация*

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ НЕ ИЗВЛЕКАЮТ УЗРОКОВ ИЗ ИСТОРИИ И ПАМЯТЬ О НЕЙ, НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ИХ РОЛИ РАСТУТ

История, память и культура взаимно обусловлены и всегда идут рука об руку. История может быть реальной, искаженной, измененной или полностью фальсифицированной, но память — это та человеческая функция, которая ее сохраняет. Без истории нет исторической памяти, а без памяти нет истории. В зависимости от ценностной системы субъекта культура выступает партнером-манипулятором или критиком-корректором истории. Одно из популярных определений культуры состоит в том, что она представляет собой небиологическую форму передачи опыта, в том числе опыта от одного поколения к другому, т.е. посредством культуры соединяются поколения и в этом смысле она является инструментом преемственности, по существу содержащим в себе идеи историчности и памяти. Люди умирают, но их истории остаются, и это особая характеристика человека (Halbwachs 1925).

Жалобы на то, что люди не учатся на уроках истории, являются обычным явлением. От Гегеля до Сантаяны раздаются стоны о том, что тот, кто не учится на истории, обречен пережить ее заново или что-то в этом роде. Однако эти жалобы игнорируют два очень важных момента. Во-первых, история или прошлое не даны натуралистически готовыми для изучения, а постоянно конструируются и реконструируются как в академической истории, так и тем более в коллективной памяти различных сообществ и в индивидуальной памяти индивидов.

Второй момент заключается в том, что идея об уроке истории предполагает повторяемость ситуаций и закономерностей поведения и принятия решений, тогда как в истории от Античности до наших дней слишком радикально меняются ситуации и требования к поведению в них. Современная эпоха не продолжает прошлое, а во многом порывает с традиционными обществами — и это объективная предпосылка для жалоб на то, что люди не извлекают уроков из прошлого. Современные общества «ориентированы на будущее», они очень мобильны, сложны, технологичны, и для большинства ситуаций в прошлом невозможно найти прецедентов. Считается даже, что успешные действия предполагают забвение прошлого, отказ от традиций и рутины, отказ от готовых алгоритмов, которые, может быть, и были эффективными для традиционных обществ, но не гарантируют успеха сегодня. Здесь мы можем обозначить позицию и политику глобализма. Продвигаемый по инициативе Запада и руководствующийся его политическими интересами, рассматриваемыми в геополитическом и геостратегическом плане, он пытается исказить, извратить и подменить историю народов. Уничтожить традиции, нравы, язык, обычаи, религию, культуру и письменность, навязывая чужие, обезличивая тем самым многие народы — миллионы людей и превратив их в управляемую рабскую массу (Lavabre 1992).

Однако, несмотря на все это, сегодня проблема истории и память о прошлом волнует отдельных людей и общества не меньше, чем вчера. Это сильнейшее оружие против иностранных интересов. Потребность в прошлом сильнее, чем в предыдущие периоды, но эта потребность имеет специфические функции и особенности, которые можно объяснить настоящим.

ИДЕЯ О РОЛИ ПАМЯТИ В КУЛЬТУРЕ

Идея о роли памяти в культуре и истории была впервые развита Морисом Хальбваксом в его работе «Социальные рамки памяти» (Halbwachs 1925). Однако эта работа долгое время оставалась относительно маргинальной, а проблема, которую она рассматривала, находилась на гребне теоретической волны с середины 1970-х годов, в контексте растущего осознания об относительности исторических знаний, о конфликте различных интерпретаций и «битвы за историю». В это время будут расцветать и приобретать

популярность исследования коллективной памяти и мест памяти многих авторов, среди которых во Франции выделяются Пьер Нора и Поль Рикёр (Millar 2016). Интерес к истории будет возрастать во многих местах мира, это факт, например, что с 1970-х годов, без какой-либо прямой связи между ними, во Франции и Болгарии наблюдается рост числа празднований событий и имен. Во Франции усиливается переосмысление военной истории и тот факт, что антисемитизм и французский коллаборационизм замалчивались, а роль голлистского и коммунистического сопротивления была преувеличена. В Болгарии начинаются грандиозные празднования 1300-летия образования Болгарского государства. Делается различие между историографией, которой занимается научное сообщество, опираясь на научные методы и критику, и память, предметом которой являются не специализированные исследователи, а отдельные личности или сообщества, например нация. Растет значение памяти как источника групповой идентичности, коллективного «я», механизма установления коллективных прав и требований. На этой основе будут процветать исследования в области социологии памяти, посвященные социально разделяемым представлениям прошлого, влияющие на современные идентичности, которые, в свою очередь, подпитывают эти интерпретации (Swidler 2001). Ставится вопрос, как формируется коллективная память из множества индивидуальных воспоминаний и как она, в свою очередь, влияет на индивидуальные воспоминания, как государственные институты и отдельные группы строят свою «политику памяти», связанную с чествованием значимых деятелей прошлого, памятники и названия общественных мест, содержание официальных государственных документов и учебников истории, стимулирование культурных продуктов, воспринимающих историю через определенную призму (Нора 2004).

Сегодня понятие «память» в культурно-историческом контексте имеет множество различных значений – более широких и более узких, оно включено в самые разные дискурсы. В самом широком смысле слова оно включает в себя каждый элемент культуры, который в той или иной форме представляет прошлое в наши дни, — это и памятники самого разного порядка, и следы разных периодов в каждом из элементов культуры, и все исторические исследования, описания, реконструкции, фестивали и традиции как коллективные формы увековечивания определенных событий. В

этом смысле вся история человечества представляет собой усовершенствование культурных инструментов передачи информации из прошлого в настоящее.

Память обычно понимается как когнитивная способность сохранять впечатления прошлого опыта, вспоминать или воспринимать и накапливать информацию для извлечения для последующего использования.

Память является основным посредником, посредством которого история-прошлое присутствует в настоящем отдельных субъектов. Его основных функций две. С одной стороны, это ключевой элемент идентичности — индивидуальной и коллективной.

Это создает стабильность для определенных субъектов, которые воспринимаются как существующие во времени. С другой стороны, оно организует, рационализирует, легитимизирует, оправдывает настоящее или какое-то настоящее поведение.

Индивидуальная память формирует ощущение преемственности, целостности, самобытности в индивидуальной человеческой жизни. Реальные варианты таких изменений — переписывание биографий — в массовом порядке после революционных переворотов. Даже во время Французской революции наблюдался синдром такого переписывания. Герцог Орлеанский переименовывает себя в Филиппа Эгалите и, будучи депутатом Национального собрания Франции, проголосует за обезглавливание своего родственника Людовика XVI. Бывшие священнослужители этого национального собрания, аббат Сийес и епископ Талейран, будут среди главных сторонников национализации церковной собственности и преследования ее лидеров. В Болгарии этот синдром массово наблюдался после 9 сентября 1944 г. и 10 ноября 1989 г. Каждая неудача, спотыкание, неудача в индивидуальной биографии переосмысливается и объясняется как репрессии или противостояние предыдущей системе. Высшие должностные лица Коммунистической партии Болгарии представляются «борцами с тоталитаризмом», скажут, что они наконец осознали ошибочность марксизма, и публично откажутся от него в печати. Речь идет не просто о лицемерии, а о перестановке ключевых моментов эмоциональной памяти (Калинова 2000, 30).

Это результат взаимодействия индивидуальных воспоминаний и различной «политики памяти», осуществляемой через различные сообщества и институты — семью, предприятие, село, регион, государство и т. д. Так формируются коллективные воспоминания о

прошлом, которые сокращают разнообразие воспоминаний отдельных индивидов и групп и конституируют реальность социальных групп как «структурированных сообществ» с общей символической реальностью. Прочное коллективное сообщество невозможно, если оно не основано на коллективной культуре памяти, на общих образах и воспоминаниях.

Характерный для современной эпохи идеал единой национальной и рациональной публичной сферы, воплощенный в представлениях о коммуникативной рациональности Хабермаса и критическом рационализме Поппера, вошли в историю вместе с процессом глобализации и плюрализации публичной сферы, которое также приводит к трансформации и плюрализации памяти о случившемся.

Коллективная память отличается от академической истории в нескольких ключевых отношениях (Berenbaum 1993; Hankins 1980; Butz 1980; Nordling 1991; Pressac 1993; Reitlinger 1968; Chech 1990; Verben 1975; Видал-Наке 2005).

Из-за этих различий академической исторической науки и коллективной памяти между ними всегда в той или иной степени существуют противоречия. Здесь необходимо подчеркнуть, что культура памяти является критиком и корректором попыток или уже достигнутых результатов искажения и подмены истории.

Культурно, гносеологически ориентированные историографии, претендующие на то, чтобы дать «истину» об истории прошлого, и политики памяти, предлагающие ценностно-эмоциональную организацию памяти с определенной прагматической ориентацией, часто вступают в противоречивые отношения (Тофлър 1992).

На каждом этапе коллективная память строится вокруг сущностей, воспринимаемых как «исторические», и игнорирует другие, которые считаются «незначительными», «второстепенными». Таким образом, она опирается на имплицитное представление о причинных связях, постулируя, что является ведущим, а что второстепенным в историческом процессе. Считается, например, что «история отсеет» существенное от незначительного, «скажет свое слово», выбросит на «свалку» то, что не важно... Таким образом, на каждом этапе истории ключевые места памяти или объекты памяти, символические системы, воплощающие сакральность, будут создаваться и разрушаться в зависимости от этих представлений. Некоторые памятники будут разрушены и созданы новые, переименованы деревни и объекты, переставлены основные фигуры и

события в учебниках истории, изменены основные авторы и произведения, изучаемые на уроках литературы. Там, где существуют этнические или религиозные священные места и им каким-то образом причинен вред, это обычно связано с серьезными конфликтными ситуациями и групповым восприятием осквернения. Именно поэтому, например, для значительной части болгарского населения предложение установить мемориальную доску Сулейман-паше на Шипке или строительство возле села Славейно в Родопах памятника Энихану бабе, считающемуся человеком, исламизировавшим Родопы, является кощунством. Это означает сакрализацию личностей, имеющих ярко выраженное негативное значение в сформировавшейся болгарской национальной памяти (Baddeley 1989, 55).

Отдельные социальные институты в той или иной степени играют роль хранилищ памяти, а среди наиболее мощных институциональных «резервуаров» памяти — религия, право и наука. Право и религия опираются на правила и прецеденты, необходимые для поддержания стабильности социального целого и способные нести информацию из далеких глубин истории. Это особенно характерно для правовых систем, основанных на прецедентах, и мировых религий. В свою очередь, наука создает базы данных письменных текстов и системы классификации, сохраняющие следы прошлого.

РОЛЬ ПАМЯТИ В СИТУАЦИЯХ ПЕРМЕН

Культура работает по-разному во времена затишья и во времена кризиса. Когда коллективная и индивидуальная идентичность принимаются как должное, прошлое не является проблемой. Однако ослабление точек опоры в современности, быстрые изменения, затрагивающие идентичность, резко повышают значение истории. Сегодня память используется как инструмент стабилизации, оправдания и самоозначения личности. Однако ее культура является критиком и корректировкой истории. Вот почему ее управление, ее использование в политике, посредством которой утверждается и используется идентичность, резко возрастает (Конквест 1974, 958–967).

Взрывная модернизация в обществе невозможна без переосмысления памяти, которая становится ключевым элементом политической легитимации больших сообществ национальных государств — историки, писатели, интеллектуалы становятся основной

социальной группой, конструирующей коллективную память, объединяющей сообщество посредством общих метафор, «корней», представлений. Национальная интеллигенция активно участвует в формировании национальной памяти, объединяя народы на основе общего исторического прошлого. Так, например, история в сознании болгарина начнет восприниматься так, как сохранилась память о соответствующем периоде в таких романах, как «Под иго-то», «Железният светилник», «Време разделно», «Тютюн», через стихи как «Опълченците на Шипка» и др. Строятся многочисленные национальные памятники, национальные символы внедряются в формирующиеся городские пространства. Так создается их национальная идентичность.

Национальная историография, конструирующая национальные истории, и образовательные системы, распространяющие соответствующее представление об истории, создают общие пантеоны, и все это является ключевым элементом развития и легитимации нации и национального государства (Getty et al. 1993).

Радикальные социальные изменения приводят к перестановке деления сакрального и профанного в пространствах, в которые включен человек. Это находит выражение в строительстве и разрушении памятников, изменении названий и мест памяти. Эти переходы происходят с острыми конфликтами и столкновениями, как это было в 1990-е годы в Болгарии, когда улицы и населенные пункты массово переименовывались, а памятники сносились или переносились. Толбухин стал Добричем, Станке Димитров - Дупницей, Михайловград - Монтаной, неоднократное покрытие барельефа Георгия Димитрова красной краской, незаконный и преступный демонтаж памятников Советской Армии, освободившей Европу, покрытие их красной краской и цветами украинского флага, попытка снести памятник Алеше в Пловдиве, попытки вмешательства против памятника русским освободителям и болгарским ополченцам на горе Шипка и т.д. Пожалуй, одним из самых острых столкновений, связанных с трансформацией мест сакрального и профанного в городском топосе, являются радикальные изменения. Это было вынос тела Георгия Димитрова из мавзолея и последующее болезненное и длительное разрушение самого мавзолея. Все эти процессы в той или иной степени были направлены на разрушение сакрального топоса преемницы бывшей коммунистической партии – Болгарской социалистической партии и ее ассоциированных

членов и сторонников. Все это привело к расколу и противостоянию общества (Hervieu-Leger 2000).

ПАРАДОКС ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА, КОТОРАЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО, ОРИЕНТИРОВАНА НА БУДУЩЕЕ И БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО, НУЖДАЕТСЯ В ПРОШЛОМ

С большей скоростью, чем когда-либо прежде в истории, настоящее становится прошлым, и то, что грядет, отличается от того, что было известно раньше. Постоянная реконструкция памяти и историографии является результатом постоянных изменений сегодняшнего дня и ориентации на будущее. Вот почему даже сегодня битвы за историю острее, чем когда-либо.

Происходят радикальные изменения в индивидуальной и коллективной идентичности и усиливается агрессивность в защиту новых идентичностей и связанной с ними памяти и культуры фактов и событий. Очевидно, что культура памяти в отношении роли истории у традиционного, современного и постмодернистского человека существенно различается. Стабильная сущность современного человека становится изменчивой идентичностью, основанной на постоянном переписывании-искажении, фальсификации, изменении и подмене истории. То есть подмена истории страны становится удобным инструментом работы геополитических игроков, сумевших ее изменить. Это следствие геополитики и геостратегических целей, навязанных внешними, чуждыми нам факторами, такими как ЕС и Атлантический пакт. Эту неприемлемую политику продвигали и продвигают внутривосточные факторы, поставленные на службу зарубежным странам, такие как вышеупомянутые совокупности. Таким образом, вопрос ренегатства оказывается проблемой модерна, а не эпохи постмодерна, в которой идентичности быстро создаются и разрушаются и проецируются связанные с ними культура и память (Misztal 2004, 75).

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ

С процессом глобализации мы имеем тенденцию к эрозии некогда великих национальных государств, массовых партий и

сообществ, что разрушает изобретенную ими память, и повсюду исследования указывают на растущую «безграмотность» по отношению к ключевым значениям и событиям этой памяти, которые для новых поколений не существуют, и происходят процессы коллективной амнезии, неотделимой от распада соответствующих идентичностей, что в свою очередь приводит к образованию новых сообществ, которые начинают изобретать свою идентичность и конструировать коллективную память.

С одной стороны, глобальные коммуникации и глобализация публичной сферы являются предпосылкой глобализации событий и зависимостей, а значит, и возникновения глобальных событий, которые становятся элементом восприятия прошлого. Упадку национальной культуры памяти способствовало появление экстерриториальных глобальных воспоминаний, распространение которых ускорилось благодаря скорости и образности, создаваемых глобальными коммуникациями. В то же время сокращение государственных расходов и большое количество памятников культуры и истории, их постоянное увеличение приводят к тому, что во многих местах государство не может о них заботиться и встает вопрос об их разрушении, приватизации в той или иной форме или переселение в недоступные или нераскрытые и неизвестные людям места. В Италии, например, шла дискуссия о приватизации Колизея, а у нас государство явно не может позаботиться о примерно 40 тысячах культурно-исторических памятников, связанных в той или иной степени с коллективной памятью болгарского народа. Это резко усугубляет проблемы с организацией мест памяти, поскольку этот процесс начинает выходить за рамки полномочий национального государства. Общая тенденция к приватизации приводит к разгосударствлению и приватизации музеев, музейных коллекций и различных памятных мест, что является частью процесса размывания прежнего национального государства. Конкуренция за право определять национальную историческую память возникает не только со стороны конкурирующих партий, но и со стороны различных группировок, влияния союзов государств, военно-политических блоков и частных лиц (Деянова 2004, 276).

С другой стороны, происходит процесс плюрализации и фрагментации современных обществ и, соответственно, плюрализации и фрагментации сообществ, перевода целого комплекса управленческих процессов на уровень «местной власти» или гражданских

организаций. Это предпосылка для эрозии истории, единых нарративов, идентичности, культуры памяти, созданных национальными государствами. Этому также способствуют огромные эмиграционные потоки и демографические изменения. Быстрые процессы создания и изменения сообществ приводят к постоянным перестройкам коллективной памяти, распаду одной формы коллективной памяти и возникновению новой. Распад, например, коллективной памяти СССР, Чехословакии или Югославии и возникновение форм коллективной памяти вновь возникающих образований являются типичными примерами этой тенденции. Когда происходит распад единой памяти и ее культуры, возникают кризисы предшествующих этнических наций. Новые религиозные и этнические идентичности возрождаются через реинтерпретацию местных этнических и религиозных дискурсов. По мнению некоторых авторов, это приводит к росту «малых воспоминаний» малых групп и сообществ всех типов, что также стимулирует возникновение локальных историй, новой памяти, несущей свою новую культуру любого рода. Так разворачиваются истории межгосударственных союзов, военных блоков, поселений, политических партий, общественных организаций, корпораций, институтов различного типа. В них претензии на принадлежность к соответствующей группе базируются, в принципе, на прошлом группы, которое, в свою очередь, обусловлено принятием определенной идентичности. В связи с кризисом сообществ и растущим поиском идентичности увеличивается использование прошлого. Оно становится главным экраном, на который борющиеся за идентичность сообщества проецируют свои противоречия, споры и конфликты, травматические воспоминания.

ТРАВМА КАК ИНСТРУМЕНТ ПАМЯТИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Постмодернистская коллективная память, несущая свою корректирующую культуру, многими своими характеристиками напоминает психоаналитический феномен, поскольку скорость, необходимая для ее формирования, построения и реконструкции в условиях непрерывных изменений различных общностей, стирания социальных границ и идентичностей, такова, что не может стать традиционно медленно и постепенно. Быстрое формирование новых или укрепление, восстановление идентичностей проще

всего происходит через два основных механизма: первый – когда они формируются негативно, через негативную пропаганду по отношению к кому-то другому, через противостояние противнику и врагу. Объединение «рыхлой» группы людей и создание между ними чувства сопереживания и общности происходит быстрее и легче, объединяя их перед лицом общей опасности и врага. Второй механизм – это когда к негативной идентичности добавляется некоторая память в виде прошлых страданий, переживаний, опасностей, несправедливостей со стороны актуального врага, которому исторически необходимо было противостоять. Это значит соединить культуру памяти, которая является основой идентичности, с некоторыми травмами, проталкивающими определенные воспоминания в индивидуальное и коллективное бессознательное или их ускоренная забывчивость, отклонения и агрессивность (Castells 1997).

Травмы, вызванные событиями, воспринимаемыми как страдания, состояние жертвы или несправедливости со стороны «другого», становятся эмоциональными ядрами индивидуальной и коллективной памяти, вокруг которых располагаются и конструируются модели памяти о прошлом. В некоторых случаях это восприятие является виктимизацией, как, например, в Холокосте, Второй мировой войне, разрушении Югославии, Чехословакии, СССР, разжигании многочисленных войн по всему миру одной и той же страной или военным блоком и истребление коренных американцев в Америке, а в других это сочетается с уравниванием и прославлением реальных или воображаемых событий сопротивления.

Конструирование прошлых страданий становится в этой ситуации источником категорий, посредством которых группа конструирует свою идентичность и групповую самооценку. В коллективной памяти обычно присутствуют травматические события, придающие коллективному восприятию психоаналитический характер. Так обстоит дело в Германии с прошлым от бремени нацизма, во Франции с так называемым синдромом Виши, в нашей стране с Болгарской социалистической партией и чувством вины из-за прошлого, что делает ее поведение поддающимся психоаналитическому анализу.

Поначалу в истории присутствуют воспоминания о критических кризисных ситуациях. Травматические времена групповой или индивидуальной виктимизации сохраняются и анализируются, когда наследники тех, кого считают виновными в этих событиях,

все еще несут бремя сегодня. Вместе с чувством вины они воспринимаются как ключ к быстрому формированию идентичности в эпоху, воспринимаемую как время постоянной реконструкции и кризиса идентичностей. Травматические ситуации предполагают негативные механизмы формирования идентичности (коммунисты против антикоммунистов, болгары против турок и т. д.) и спекуляции памяти (Novick 1999).

Реанимация и чрезмерный акцент на прошлых травмах, травматическая память обретает новый статус в определении групповой идентичности в постмодернистскую эпоху взрывных инноваций, постоянных изменений и кризиса идентичности. Не случайно сегодня XXI век в целом воспринимается как самая травматичная эпоха современной истории со всеми ее войнами, убийствами и страданиями. Таким образом, эпоха в целом и настоящее уникально структурированы через травматический опыт. Холокост, который сейчас рассматривается как метафора конца модерна, во многом укрепляет идею о том, что сегодня прежде всего следует помнить только о жертвах, а воспоминания о страданиях прошлого являются мерой гуманистических и универсалистских идентификаций. В Африке, в Латинской Америке, среди американских негров и индейцев, в исламских странах именно травматические воспоминания о прошлой несправедливости, пришедшие с Запада, становятся основой формирования сегодняшних идентичностей и групповой политики памяти, предопределяя в свою очередь сегодняшние конфликты и требования к группам, воспринимаемым как наследники причинителей соответствующей травмы. Благодаря культуре памяти прошлые страдания превращаются в символ идентичности и в инструменты духовного обновления сообщества. Травма, рассматриваемая как коллективное явление, память о котором является общей и распространенной среди членов определенной группы, становится чем-то внешним, опирающимся на культурные механизмы своего проявления. Такой тип, как память, требует определенных повествовательных форм, и мы являемся свидетелями растущей важности культурной памяти, которая помогает конструировать центральную роль травмы и виктимизации с помощью культурных средств и культурных форм. Они проявляются через социальные институты и артефакты — памятники, фильмы, праздники, сувениры и т. д. Это одно из объяснений нового возникновения различных версий религий, поскольку поначалу религии

обязаны своим долгим существованием памяти о травмирующих ситуациях, посредством которых разворачивались события, которые они объясняют.

Формирование негативной идентичности, основанное на травматических спорах, приводит к установкам искать коллективную ответственность и вину со стороны «другого», связанного с проблемами и страданиями в прошлом, а также к ожиданиям компенсации за прошлые травмы. Поэтому извинения институтов и стран за прошлую несправедливость, совершенную по отношению к кому-то десятилетия и столетия назад, становятся все более частыми. Те, у кого есть память о жертвах, воспринимают наследников тех, кого они считают виновными в своих несчастьях, как носителей коллективной ответственности.

Требования о возмещении многовековых страданий растут — колониальные народы против бывших колониальных государств, коренные американцы против современных американцев, потомки бывших рабов против потомков рабовладельцев, различные группы, заявляющие, что пострадали во время войны, против современной Германии и т. д.

В Болгарии само формирование национальной идентичности содержит элементы травмированной идентичности народа — жертвы турецкого рабства, который замедлил свое развитие и отстал в истории из-за турок-османов, переживший бесчисленные худшие страдания, в том числе насильственную тюркизацию, описанные в таких романах, как «Време разделно», страдавший от того, что «турок свирепствует над отцовским очагом». Однако в 1980-х годах «Возродительный процесс» предоставил возможность укрепить травмированную коллективную идентичность турецкой общины в Болгарии, которая до сих пор используется Движением за права и свободы для формирования непроницаемого и зависимого электората. Это позволило совершенно по-другому воспринимать и конструировать память о прошлой истории. Известно, например, что в 1989 году, когда во время так называемой большой экскурсии в турецких регионах, фильм «Време разделно» вновь был выпущен в качестве пропаганды с целью объяснить турецкой общине, что они являются потомками тюркизированных болгар, в ряде мест турецкая молодежная аудитория отреагировала не с жалостью, а с удовлетворением на кадры злодеяний и с отношением типа „это-го они заслуживают“.

Ускоренные изменения в современных обществах разрушают предыдущие сообщества и связанные с ними память и идентичности, постоянно порождая потребность в быстром формировании новой памяти и идентичностей. Легче всего это сделать путем обновления, усиления и переформулирования прошлых травм и несправедливости в межобщинных отношениях, которые, становясь частью сегодняшней идентичности, переносятся в настоящее и становятся предпосылкой для столкновений и конфликтов. Это в определенном смысле делает верной идею Сэмюэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций» (Berenbaum 1993; Hankins 1980; Butz 1980; Nordling 1991; Pressac 1993; Reitlinger 1968; Chech 1990; Berben 1975; Видал-Наке 2005), которую, однако, необходимо переформулировать как минимум в нескольких отношениях:

а) Столкновение происходит не между готовым и замороженным, а между культурными или цивилизационными идентичностями, реконструированными в процессе модернизации и трансформации.

б) В этом столкновении могут участвовать не только крупные цивилизации, но и множество более мелких культурных идентичностей внутри них, которые также имеют разные травматические воспоминания. Типичным примером являются столкновения шиитов и суннитов в исламском мире, аналогичные прежним столкновениям католиков и протестантов в Западной Европе.

в) Маргинальные, периферийные, воспринимающиеся как жертва, как пострадавшие от несправедливости, несущие прошлые страдания сообщества склонны – основываясь на этих стандартах жертвенного поведения – к самопожертвованию во имя определенных целей; это ключевой фактор в объяснении того, как исламистские террористы-смертники воспринимают другую сторону через память о крестовых походах, о колониальных и империалистических грабежах и насилии..

г) В свою очередь, травмированная память является основой гораздо более агрессивной идентичности.

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРЫ

Индивидуальные и коллективные субъекты занимают активную позицию в отношении памяти и проводят соответствующие

политики в отношении памяти, поскольку это важно для их безопасности и сохранения как таковых субъектов. С этой целью они проводят праздники и церемонии, создают символические среды, священные места памяти, вступают в конфликт с другими субъектами с альтернативным видением прошлого. Мемориалы — это память, дарованная армией, а историю пишут победители.

«Битвы за прошлое» играют роль инструмента легитимации настоящего. Дискурсы памяти используются стратегически не просто для объяснения группового прошлого, но и как источник идентичности группового настоящего (Деянова 2004, 276).

«Войны за наследие» или «битвы за память» связаны с процессом постоянных реинтерпретаций. Наполеон разграбил всю Европу и Северную Африку, чтобы доказать, что истинной наследницей Римской империи является Франция. В СССР построение коллективной идентичности привело ко всем великим историческим открытиям, связаны с русскими изобретателями. Чем больше кризис идентичности, тем настойчивее ищутся корни и намечаются попытки политики памяти, чтобы доказать значимость и устойчивость этой идентичности как можно дальше в истории. Например, игнорируется факт, что сегодняшние болгары совершенно отличаются от болгар VI, XIII или XVIII веков, что головокружительные исторические изменения, модернизация, радикальные изменения социальной среды сегодня создали продукт, который представляет собой очень бледное подобие того, что мы находим в далекой истории. Сегодняшний болгарин гораздо ближе к сегодняшнему русскому, сербскому, румынскому, чем к болгарскому, например, в XIII веке. Каждая нация представляет собой смесь различных комбинаций этнических групп. Каждое общество гетерогенно.

Использование памяти в качестве инструмента стабилизации коллективных идентичностей во времена быстрых изменений и кризиса этих идентичностей, характеризующие эпоху постмодерна, привело к растущей политизации памяти. Не прошлое влияет на настоящее, а настоящее постоянно меняет память о прошлом. В этом смысле настоящие причинно-следственные связи идут от настоящего к прошлому, а не от прошлого к настоящему.

Политизация идентичности и памяти во многом обусловлена глобализацией и представляет собой защитную реакцию сообществ против делокализованных культур.

Таким образом, память как травма может быть использована в политических целях. По мнению многих исследователей, примером такого рода злоупотребления травмой является тривиализация Холокоста, проявляющаяся в расцвете «индустрии Холокоста» и «коммерциализации еврейских страданий».

Не случайно Сталин, Хрущев, Живков и другие лидеры коммунистических государств уделяли серьезное внимание политике памяти, в частности, роли искусства в навязывании тех или иных образов прошлого (Проданов 2014).

Для них определенные образы памяти имеют мобилизующее значение. Советский Союз был стабильным до тех пор, пока он контролировал память и соответствующее представление о Ленине, Сталине и истории социализма.

В 90-е годы XX века битва между Союзом демократических сил и Болгарской социалистической партией в Болгарии была битвой разных конструкций о прошлом социализма – одной, в которой доминируют черные цвета страданий и катастроф, и другой – в которой мы имеем сочетание разных элементов в разных ингредиентах плюса и минуса в отдельных биографиях. Фактически, уже во время выборов в Великое Народное Собрание в 1990 году противоположная память о Болгарии через пресловутую «карту с черепами» — плакат с черепами на фоне контуров карты Болгарии как символ предыдущего периода — стала символом альтернативной памяти о прошлом, направленной на конструирование политической идентичности настоящего.

Культура памяти — центр борьбы за границы разных групп

Конфликтные отношения политических сил и группировок сегодня коррелируют с различным видением истории. Либералы, социалисты и консерваторы видят одну и ту же историю по-разному и привлекают единомышленников посредством специфической политики памяти.

В политиката историята се възприема като резервоар, от кой то се вадят различни неща — герои и мерзавци, мръсотия и саможертва. Тя е стимул и оръжие. Частицы истории становятся строительным материалом для новых и новых зданий, приводя к все новым и новым реконструкциям истории. Некоторые вещи всплывают в памяти, другие забываются. Идея Оруэлла о переписывании истории «Большим Братом» реализуется специфическим образом..

Битвы ведутся за могилы, исторические документы, атрибутику, за культурно-историческое наследие, потому что идентичности приравниваются к соответствующим точкам опоры памяти. Возродительный процесс в 1984-1985 годах основывался на соответствующей политике памяти.

Политизация памяти особенно сильна в индивидуальных биографиях общественных деятелей, занимающихся политикой. Поэтому, когда Джордж Буш баллотировался на пост президента, целые команды исследовали его прошлое, чтобы извлечь из него предосудительный факт и включить его в политическую битву. Тот факт, что три десятилетия назад он был задержан полицией за вождение в нетрезвом виде, стал поводом атаковать его, так же, как ранее на Билла Клинтона нападали за дезертирство с военной службы во время войны во Вьетнаме. Прошлое — реальное или воображаемое — становится компроматом — оружием в битвах настоящего (Margalit 2002).

НУЖНА ЛИ ЭТИКА-КУЛЬТУРА ПАМЯТИ?

Формирование травматической и ведущей к серьезным конфликтам, агрессивному этнонационализму, культурным войнам, религиозному терроризму коллективной памяти очевидно является и будет одной из существенных опасностей для человечества в XXI веке. Этический вопрос заключается в том, какая память совместима с построением справедливых политических институтов, которые служат людям и сообществам. Какова этически оправданная политика памяти? Нужна ли этика и культура памяти? Есть ли у нас обязательства помнить людей и события прошлого и что именно лучше помнить с моральной точки зрения?

Необходимо ли стимулировать, создавать, поощрять политическую этику памяти? Очевидно, что определенные моральные ограничения в построении индивидуальной и коллективной памяти имеют значение для политической этики памяти. Приведу пример в этой связи с известным нашим политиком из правого политического пространства, носящим оба имени своего деда, левого земледельца, убитого в 1925 году, в честь которого названа улица в городе Пловдив. В начале 90-х годов в Болгарии, когда переименовывали улицы и снимали мемориальные доски по городам, его поймали поздно ночью при попытке снять киркой мемориальную

доску своего деда, поскольку считает, что это ставит под угрозу его новую политическую карьеру. Такой тип отношения отдельного индивида к личной и родовой памяти заслуживает нравственной оценки недостойной мерзости.

Применительно к индивидуальной памяти следует учитывать, что радикальные изменения в памяти, возникающие при полном отрицании прошлых действий личности, могут привести к распаду личности как единого целого. Нравственная целостность личности предполагает определенные пределы изменения в процессе ее развития. Тип поведения, при котором изменение приводит к феномену «янычара», при котором вновь посвященный в определенные ценности становится жесточайшим агрессором, участником битв и конфликтов со своим предыдущим сообществом, является выражением проецирования чувства вины.

Нормальное нравственное развитие предполагает зрелость личности, при которой она рационально-критически переоценивает свое поведение с готовностью нести за него ответственность, а не перекладывает эту ответственность на окружающую среду, обстоятельства, ситуацию, время. Это память о хорошем, полученном вами, о людях, с которыми вы жили, и уважение к ним. Без такой памяти невозможны элементарные взаимодействия и доверие между индивидами. Чем больше память о хорошем, тем больше ресурс доверия в сообществах. Морально-позитивно воспринимаемая память является цементом для поддержания целостности сообществ.

Этика индивидуальной памяти связана еще и с тем, что ключевой характеристикой секуляризованных обществ является стремление личности «увековечить» себя, оставаясь позитивно в памяти других.

При этом, однако, считается, что память о прошлых несправедливостях и страданиях не должна приводить к переносу в сегодняшний день эмоций этих событий и неприятию того, кто их вызвал. По мнению Авишая Марглипто – хорошо не забывать, но быть готовым простить. Поэтому лучшая стратегия – оставить позади все травмирующие события, которые могут стать предпосылкой сегодняшних конфликтов и противостояний. Очевидно, например, что в отношениях между болгарами и турками мы не можем подходить с обновленными представлениями о том, как «турок бушует над отцовским очагом» и постоянно напоминать о Баташской резне. Сегодня более перспективной является реконструкция фактов

сотрудничества и взаимопомощи между двумя сообществами. Но и со стороны болгарских турок преувеличение того, что произошло в Возрожденном процессе, посредством таких понятий, как «геноцид» и навязчивое прославление террористов или людей, случайно пострадавших в тот период, противоречит политической этике памяти... (Margalit 2002)

Мы можем заключить, что непрерывные реконструкции памяти меняют культуру и являются коррективом к истории. Это также порождает с ней различные спекуляции, когда они таят в себе напряжение и опасность. Однако мы не можем обвинять сегодняшние поколения общества в несправедливости и жестокости его предшественников в истории, а также формировать свое отношение к этим поколениям на основе этих представлений. Рациональная дискуссия, в которой коллективная память должна быть максимально приближена к академической историографии, является важным направлением противодействия таким опасностям. Культуру памяти формируют интеллектуалы, которые знают, что сегодня было бы лучше, если бы мы могли не только помнить, но и забывать многое из прошлого, особенно то, что нас разделяло. Многие страны Европы – немцы, французы, бельгийцы и голландцы, греки, турки, сербы и болгары – решили оставить неприятные воспоминания о тяжелых конфликтах и взаимной несправедливости в прошлом, глядя в будущее. Попытка оставить в покое печальные тени прошлого и смотреть в будущее, как бы трудно это ни было, может быть, это утопия, но за любую позитивную утопию стоит бороться. В противном случае есть опасность, что мы окажемся сплошными жертвами оплодотворенных и превращенных в монстров печальных теней этого прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Видал-Наке П. 2005. *Убийците на паметта: «Айхман от хартия» и други есета върху ревизионизма*. София: КХ.
- Деянова, Лилиана. 2004. „«Места на памет» — поглед от Изток.“ *Около Пиер Нора: Места на памет и конструиране на настоящето*. София.
- Знеполски, Ивайло. 2004. „Световният възход на паметта“. *Около Пиер Нора: Места на памет и конструиране на настоящето*. София: Дом на науките за човека и обществото.

- Калинова, Евгения, Баева Искра. 2000. *Българските преходи 1944–1989*. София: Тилиа.
- Конквест, Роберт. 1974. *Большой террор*. Firenze: Editioni Aurora.
- Проданов Васил. 2014. *Спекулации с паметта*. София. https://electronic-library.org/articles/Article_0203.html
- Тофлър, Алвин. 1992. *Шок от бъдещето*. София: Народна култура.
- Baddeley, Alan. 1989. „The Psychology of Remembering and Forgetting“. *Memory: History, Culture and the Mind*. Oxford.
- Berben, Paul. 1975. *Dachau 1933–1945: The Official History*. London: Norfolk Press.
- Berenbaum, Michael. 1993. *The World Must Know*. Boston: Little, Brown.
- Butz H., Arthur. 1980. „The International «Holocaust» controversy“. *The Journal of Historical Review*, vol. 1, no. 1, 5–22.
- Castells, Manuel *The Power of Identity*. 1997. Oxford : A John Wiley & Sons, Ltd.
- Czech Danuta. (ed). 1990. *Auschwitz Chronicle 1939–1945*. New York: Holt.
- Getty J. Arch, Rittesporn, Gabor T., Zemskov, Viktor. 1993. „Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence“. *The American Historical Review*, vol. 98, no. 4, 1017–1049.
- Halbwachs, Maurice. 1952. *Le scadres sociaux dela memoire*. Paris: Les Presses universitaires de France.
- Hankins, Frank. 1980. „How many Jews were eliminated by the Nazis?“. *The Journal of Historical Review*.
- Hervieu-Leger Daniele. 2000. *Religion as a Chain of Memory*. Oxford.
- Lavabre, Marie-Claire. 1992. *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Margalit, Avishai. 2002. *The Ethics of Memory*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
- Millar, Laura. 2016. *Evidence, Memory and Knowledge: The Relationship between Memory and Archives*. 15th International Congress on Archives.
- Misztal Barbara. A. 2004. „The Sacralization of Memory“. *European Journal of Social Theory*, vol. 7, no. 1, 67–84.

- Nordling Carl O. 1991. „How Many Jews Died in the German Concentration Camps?“ *The Journal of Historical Review*, vol. 11, no. 3, 335 –344.
- Novick Peter. 1999. *The Holocaust in American Life*. Boston, MA : Houghton Mifflin.
- Pressac, Jean-Claude. 1993. *Les Crematoires d'Auschwitz. La Machinerie du meurtre de Masse*. Paris: C.N.R.S. EDITIONS.
- Reitlinger, Gerald. 1968. *The Final Solution: The attempt to examine the Jewsof Europe,1939 - 1945*. London: Vallentine Mitchell & Co Ltd.
- Swidler Ann. 2001. *Talk of Love: How CultureMatter*. Chicago: University of Chicago Press.

Emil Milanov, Bulgaria

“International Slavic Community Perun-2000”

Sofia

CULTURAL MEMORY AS CORRECTION OF HISTORY

Abstract

Starting from the basic idea of a mutually determining relationship between history, memory and culture, i.e. from looking at the cultural memory as a corrective to history, the paper observes various mechanisms and social factors of this phenomenon. Continuous reconstructions of collective memory change the cultural memory, thus making it a significant corrective to history. A special emphasis is placed on the changes and contradictions brought by the postmodern era in relation to history and collective memory, on radical changes in the concept, character and speed of constituting and dismantling the identity of communities, as well as various prerequisites for the decline of national culture and the crisis of national memory, among which the negative effects of globalization are the leading ones. Due to the crisis of communities and the increasing search for identity, the use of the past is increasing in the struggle of communities for identity and primacy. Communities project their contradictions, disputes and conflicts into the past. Collective traumas thus become a means of constraining the memory and identity of the community. Their political use leads to serious conflicts, aggressive ethno-nationalism, culture wars and religious terrorism, and as such is one of the significant dangers for humanity in the 21st century. This leads us to the ethical question of what kind of memory is compatible with building just political institutions that serve people and communities and what is an ethically justified politics of memory.

Keywords: *History, memory, culture, identity geopolitics, globalization*

Профессор д-р Олег Геннадьевич Казак, Республика Беларусь

*Кафедра политологии Белорусского государственного
экономического университета
Минск*

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(На материалах западнополесского
этнополитического движения в Беларуси)

Аннотация

В статье рассматриваются основные инструменты конструирования собственного исторического нарратива активистами западнополесского движения во главе с Н.Н. Шеляговичем в позднесоветский период и в первые годы существования суверенной Беларуси. Анализируются различные источники (материалы газет «Балесы Полісься» и «Збудінне», обращения лидеров движения в органы власти), посредством которых активисты этнополитического движения пытались обосновать национально-культурную самобытность жителей Брестской области Беларуси и их право на получение автономии.

Ключевые слова: *западнополесское этнополитическое движение, историческая память, исторический нарратив, ятвяжская теория.*

В период трансформации общественно-политического уклада Беларуси во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

предпринимаются попытки конструирования и внедрения альтернативных воззрений, учений, идеологий. Отдельные общественные активисты с их помощью начали оспаривать реалии позднесоветского строя, а затем включились в создание воображаемых сообществ, поддержание воззрений о необходимости и пользе существования данных сообществ и, в последующем, борьбу за власть. Во второй половине XX в. в мире наблюдается процесс, который российский историк И.И. Курилла назвал «дроблением прошлого»: «Социальные группы, ранее не имевшие голоса, начали обретать субъектность, и вот уже в американской историографии появились “женская история” и “история афроамериканцев”, а европейские историки начали активно разрабатывать различные варианты истории регионов, не совпадающих с государственными границами. Зачастую само создание такой истории становилось мощным механизмом формирования группы с политическими амбициями. Политики, контролирующие государственный аппарат, утратили монополию на постановку вопросов перед прошлым, хотя в некоторых случаях они пытались запретить поднимать некоторые вопросы или затруднить поиск ответов на них» (Курилла 2023, 16). Критика господствующего общественного строя, конструирование собственных идеологем, компиляция элементов воображаемого порядка и объективной реальности привели к формированию нарративов, целью которых являлось создание новых моделей исторической памяти. Один из таких нарративов был предложен активистами западнополесского этнополитического движения во главе с Н.Н. Шеляговичем, которое разворачивалось в Беларуси в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Участники движения утверждали, что автохтонное население части современной Брестской области Беларуси является отдельным народом (полешуками, ятвягами), и требовали от властей предоставления региону его проживания автономного статуса.

О. Цадко, исследовавшая процесс конструирования активистами западнополесского движения собственного исторического нарратива, отмечает: «Процесс конструирования истории является неотъемлемой частью националистического строительства. Полесская государственность не имела устойчивой исторической традиции, и потому местное население характеризовалось слабой этнической идентичностью, отсутствием связи с общим прошлым. Целью общества Н.Н. Шеляговича стало конструирование новой истории, которая позволила бы полешукам самоидентифицироваться

и, что не менее важно, дистанцироваться от соседних славянских народов» (Цадко 2013). Украинский исследователь Г. Касьянов выделил несколько моделей исторической памяти (эксклюзивная, инклюзивная, амбивалентная). Касательно западнополесского движения можно утверждать, что его идеологи четко придерживались эксклюзивной модели. Она навязывает каноническую гомогенную версию национальной памяти, исключает из нее набор представлений и репрезентаций прошлого, который мешает формированию ее «правильного» варианта, изымает из прошлого «чужеродные» элементы. Реализация такой модели, как правило, направлена на культурную и политическую гомогенизацию, отрицает плюрализм (Касьянов 2019, 38). «Архитекторы западнополесской истории» разработали практически все элементы, необходимые для существования любой национальной идеологии, включая миф о происхождении, миф миграции, миф освобождения, миф «золотого века», миф упадка и миф возрождения (Шевченко 2008, 335). О.Ю. Малинова и А.И. Миллер оперируют категорией «политическое использование прошлого», цель которого может заключаться в следующем: стремление легитимировать собственную власть, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и др. (Малинова, Миллер 2021, 14) Данное определение точно характеризует тенденции конструирования «западнополесской» истории.

Одним из центральных концептов нового исторического нарратива (особенно на начальном этапе функционирования движения) стала «ятвяжская теория». В 1982 г. Н.Н. Шелягович, будучи корреспондентом газеты «Голос Родины», публикует статью «Голос древних балтов», в которой шла речь о балтской природе населения Западного Полесья. Автор признавал общеизвестный факт, что племя ятвягов было славянизировано к XIII в., однако отмечал, что многие элементы ятвяжского языка сохранились в уникальном диалекте полешуков: «А вот теперь языковеды могут дополнить: голос древних балтов-ятвягов, хотя и очень измененный, еще и сегодня звучит устами их потомков. Особенно выразительно звучит этот голос на ятвяжском Полесье – Западной Брестчине. Тут сохранилось больше всего характерных древнебалтских языковых особенностей. Значительная часть слов, которыми тут называют предметы, действия, свойственные прежним временам, – балтского происхождения» (Шелягович 1982, 2).

Более подробно сущность «ятвяжской концепции» была изложена Н.Н. Шеляговичем в программной статье «Ятвяжское (полесское) возрождение», опубликованной в журнале «Белорусский язык и литература в школе» в декабре 1989 г. Автор сообщал о существовании независимой ятвяжской государственности с 944 по 1319 гг. Однако и после включения ятвяжских земель в состав Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) они, по утверждению Н.Н. Шеляговича, сохраняли культурные особенности. Для подтверждения данного тезиса лидер Общественно-культурного объединения «Полісьсе» приводил в пример издание в 1563 г. «Ревизии Кобринской экономии» на «ятвяжском варианте восточнославянского языка», использование полесского языка в богослужениях греко-католической церкви. Н.Н. Шелягович декларировал весьма смелые политические амбиции: «Ятвяжское (полесское) возрождение. Его перспективы. Это – утверждение и полнокровное развитие ятвяжских культуры, языка, народности в соответствии с собственными силами и потребностями. Возможно, даже до уровня нации, которая станет хозяином своей не только культурной, но и политической, экономической, социальной жизни, даже до уровня нации, которая будет иметь свою государственность – полностью независимую или автономную. Но что рассуждать – время и люди скажут свое слово, выразят свои желания. Реальность же сегодняшнего дня заставляет желать значительно меньшего – ятвяжской автономной республики в составе БССР (для белорусской части этнического Полесья), регионального хозрасчета или экономической самостоятельности, приоритета местного законодательства над общеполесским, если последнее будет вредить интересам Края, и, конечно же, придание ятвяжскому языку статуса государственного в автономии при придании белорусскому статусу языка межреспубликанских отношений» (Шеляговіч 1989, 7–8).

Информация о средневековом этапе исторического развития западнополесских земель была наполнена позитивными смыслами. На страницах газет «Балесы Полісься» и «Збудінне» регулярно публиковались исторические заметки о якобы существовавшем суверенном ятвяжском государстве, его борьбе за свою независимость от Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, поляков, монголов и крестоносцев. Таким образом утверждалось, что период 944–1319 гг. являлся временем государственной независимости и процветания ятвяжско-полесского этноса.

В дальнейшем наибольшее внимание авторами конструируемого нарратива уделяется именно событиям Средневековья. Для активистов западнополесского движения такие интерпретации истории являлись в том числе инструментом поиска политических союзников. Так, редакция газеты «Збудінне» в приветственном «Письме литовским соплеменникам» позиционировала себя как «праправнуков древних ятвягов», у которых совместные с литовцами этнокультурные корни, древние Боги, предки и история. Заключение в 1596 г. Брестской церковной унии интерпретируется как «в какой-то степени попытка возрождения ятвяжскости». Выдвигается идея «старобалтского (ятвяжского) этнокультурного возрождения» и создания «общего подъезда народов бывшего ВКЛ в общеевропейском доме» (Lietuvos 1990, 2–3).

Сторонниками объединения «Полісьсе» создается нарратив, в который вводится ряд исторических деятелей, имеющих территориальную связь с очерченной этнической территорией Полесья. Так, уже в конце 1990 г. появляются публикации о Т. Бульбе-Боровце – украинском националисте, создателе и руководителе «Полесской Сечи», который, по утверждению автора одного из исторических очерков, во главе «десятитысячной армии ... воевал на два фронта со сталинцами и гитлеровцами» (Бульба 1990, 1, 6). «Полесским борцом за волю» назван один из руководителей польского восстания 1863–1864 гг. Р. Траугутт (Лукашэвич 1991, 2). Писатель В. Дунин-Мартинкевич был объявлен западным полешуком под именем «Вынцэнтэ Дунін-Мартынкевич» (Pynska Sliechta 1992, 4), постулируется принадлежность к западным полешукам композитора и живописца Н. Орды («Напалёна Горды») (Батюшка 1992, № 19, 2–4). Из Станислава Августа Понятовского, последнего короля Речи Посполитой, начал формироваться образ «идеального правителя» (Батюшка 1992, № 9, 2). Автор текста для плакатов с рекламой газеты «Збудінне» (1990 г.) к «полесскоязычным писателям» XIX – начала XX вв. относил поэта и революционного демократа Ф.А. Савича, этнографа и фольклориста Н.А. Янчука. Особое внимание уделялось фигуре белорусского и польского общественно-политического деятеля Р.А. Скирмунта, вероятного автора «Полесского букваря» 1907 г. (оригинальное название книги – «Русинский лементар») (НАРБ, ф. 1515, оп. 1, д. 56, л. 49).

Историческое развитие Западного Полесья после 1319 г. трактовалось как сменявшие друг друга периоды оккупации, господства

«чужих». По отношению к государствам, в состав которых входил регион, применяется негативная коннотация: «Царисты, церковники, пилсудчики и сталинисты с брежневистами долго нас дурили, долго нас калечили и мордовали» (От рыдколігіі 1989, 1–3.). Коммунизм был объявлен «глупостью» (в оригинале – «бзык») (Комунызм 1990, 4). Советская элита прямо демонизируется и аллегорически сравнивается с редким природным феноменом – крысиным королем (в оригинале – «страшны́й шчурыны́й батько»): отношение людей к советским проектам, реализованным в прошлом, метафорически ассоциировалось с «покорностью крыс крысиному королю» (Трушкву 1990, 5–6). Мелиорация, употребление нитратов и пестицидов в сельском хозяйстве приравнивались к радиоактивному загрязнению после катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции. Советский этап истории Западного Полесья характеризовался как культурная, демографическая, экологическая катастрофа, воссоединение Западной Беларуси с БССР в 1939 г. трактовалось как величайшая трагедия в судьбе полешуков: «Вспомним же убийства людей в печально известной (не только “героическими” делами) Брестской крепости в 39–41 гг., и заполненную заключенными пинскую тюрьму, залитую водой в июне 1941 г. отступающими освободителями с востока, и бандитизм так называемых партизан, и заморенных голодом хозяев, которые не хотели идти в колхозы, и вырубленные яблони и груши, и погибших сыновей в Афганистане, и отравленную и искалеченную нитратами и осушениями землю...» (Роздум 1989, 7).

В то же время предпринимались попытки поиска элементов государственной субъектности полешуков в XX в. В письме объединения «Полісьсе», направленном председателю Верховного Совета БССР Н.И. Дементю и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета (1991 г.), содержались сведения об истории Полесского воеводства Польши (1921–1939 гг.). Авторы письма ссылались на «сенсационный материал», недавно полученный от их «сподвижников» – отчеты Полесских воевод. Следует отметить, что в то время работа с данными историческими источниками действительно свидетельствовала о высоком интеллектуальном потенциале лидеров западнополесского движения – в научный оборот материалы о национально-культурной политике польских властей в Полесском воеводстве активно вводятся только с 2000-х гг. (работы польских и белорусских

историков В. Слешинского, П. Цихорацкого, П. Абламского, О. Латышонка, К.В. Шевченко и др.). Однако интерпретация содержания документов отличалась крайней тенденциозностью. Авторы письма приводили цитату из одного из отчетов, в котором Полесский воевода подчеркивал нежелательность влияния на жителей региона белорусских и украинских культурных институтов. На основе этого делался следующий вывод: «Это ли не красноречивый факт признания полешуков, за душу которых вели борьбу и поляки, и белорусы, и украинцы» (НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 4090, л. 133 об.–134). Действительно, в межвоенное время в западнополесском регионе проводилась политика, направленная на блокирование участия населения в белорусском и украинском национальных движениях, «вытравливание» прорусских симпатий. Умеренная поддержка локальной идентичности, однако, была лишь инструментом для последующей полонизации жителей края (Казак 2022, 26). В письме, адресованном депутатам Верховного Совета БССР (24 ноября 1989 г.), Н.Н. Шелягович также обращался к истории межвоенного периода: «В 1926 г. наши люди, исходя из права на свое национальное возрождение, писали письма в Лигу Наций, и оттуда приезжала комиссия, которая постановила, что наши деды не являются ни литвинами (так Н.Н. Шелягович в своих текстах именовал белорусов – О.К.), ни поляками» (НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 2511, л. 70). Данное утверждение выглядит как прямая фальсификация: в современной историографии известен факт работы комиссии Лиги Наций в Полесском воеводстве в 1920-е гг., но в поле зрения данной комиссии были вопросы мелиорации региона, а не этнической природы его жителей (Гарматны 2017, 63).

Итогом деятельности движения стала систематизация исторического нарратива известным философом, сотрудником Академии наук Беларуси Г.А. Антонюком в работе «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». Любопытно, что коллеги Г.А. Антонюка положительно оценивали его участие в западнополесском движении. На заседании кафедры философии 3 ноября 1992 г. обсуждалась возможность представления Г.А. Антонюка к ученому званию профессора. В ходе заседания А.И. Осипов заявил: «Гражданская позиция Г.А. Антонюка отличается активностью и неравнодушием. Он активно участвует в общественно-политической жизни Республики. Им опубликована серия материалов в периодической печати по проблемам возрождения и развития национальных

меньшинств в Беларуси (западные полешуки). Полагаю, что Антонюк Г.А. заслуживает присвоения ученого звания профессора» (ЦНА НАНБ, ф. 1п, оп. 1, д. 126, л. 3–4).

Формирование западнополесского этноса Г.А. Антонюк относит к X–XV вв., однако предпосылки этого процесса видит уже в V в. (Антонюк 1993, № 6, 2). Государствами западных полешуков названы Турово-Пинское княжество, Берестейская земля, Владимиро-Волыньское, Кобринское, Пинское, Галицко-Волыньское княжества. XIV в. определен как время ликвидации западнополесской государственности (Антонюк 1993, № 7, 2). Однако в документах канцелярии ВКЛ «старозападнополесский язык» якобы был существенным, если не преобладающим компонентом старославянского языка (Антонюк 1993, № 7, 2).

Заключение Люблинской унии, по мнению Г.А. Антонюка, стало водоразделом, после которого началась деградация западнополесского этноса (Антонюк 1993, № 8, 2). Существование в составе Речи Посполитой, Российской империи, межвоенной Польши, СССР названо «многосотлетним национально-этническим угнетением» Антонюк 1993, № 8, 2), процессом деэтнизации западных полешуков (Антонюк 1993, № 9, 2); территория региона трактуется как «постоянное поле битвы различных народов и государств за свои интересы» (Антонюк 1993, № 7, 2). Процессы, начавшиеся со второй половины 1980-х гг. в Беларуси, характеризуются как стихийная деятельность сознательных западных полешуков (Антонюк 1993, № 9, 2).

Интерпретация Г.А. Антонюком «ятвяжской теории» являлась проявлением более реалистичной тенденции рассматривать ятвягов как один из компонентов населения края, признавая очевидную славянскую составляющую этнической группы. Данный взгляд возобладал в среде активистов западнополесского движения в начале 1990-х гг. Г.А. Антонюк последовательно обосновывал тезис о существовании отдельного западнополесского народа, однако не абсолютизировал ятвяжский фактор в его этногенезе: «Западнополесский этнос сформировался на древнеславянской основе из дулебов (волян, бужан), дреговичей, древлян. В его формировании участвовали также мазовшане, некоторые балтские племена, в частности, ятвяги и другие народы (Антонюк 1993, № 8, 2). ... Еще в середине XIX в. на территории Кобринщины было официально зарегистрировано в качестве ятвягов около 20 % населения.

Однако к настоящему времени ятвяги полностью интегрировались с остальной частью коренного населения Западного Полесья, внеся в западнополесский этнос элементы своей культуры, генофонда, психического склада и др. и тем самым обогатив его (Антонюк 1993, № 9, 1)».

В некоторых документах объединения «Полісьсе» балтская природа полешуков никак не акцентировалась, а сами они трактовались как четвертый восточнославянский народ. Такая оценка приводится, в частности, в упомянутом письме общества Н.И. Дементею и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета (1991 г.) (НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 4090, л. 133).

В 1992 г. Н.Н. Шелягович в статье для «Пинского вестника» привел различные гипотезы трактовки термина «ятвяги»: балтское племя, языческие священники, искаженное наименование «Гетвязи» (края готов), «исполнители священных гимнов» (исходя из традиций зороастризма), «большая вода» (в угорских языках). Обращает на себя внимание апелляция лидера западнополесского движения ко временам язычества (классическая характеристика ранних этапов нациестроительства – «удревление» истории конструируемого сообщества): «Не меньшего внимания заслуживает и мнение, что под именем “ятвяги” надо видеть не племя, а религиозное содружество – язычество, которое до распространения христианства являлось традиционной (народной) верой наших дедов. Допускается, что ятвягами называли языческих священников». В рассматриваемой статье Н.Н. Шелягович уже не прибегал к массовой пропаганде идеи балтской природы полешуков, отмечая, что «многие ученые считают Западное Полесье прародиной восточного славянства или частью прародины древнего славянства» (Шелягович 1992, 3). На протяжении всего периода развития западнополесского движения его активистами термины «полешук» и «ятвяг» употреблялись параллельно.

Некоторые имевшие место в реальности исторические сюжеты не нашли отражения в западнополесском историческом нарративе. Так, в текстах активистов объединения «Полісьсе» отсутствует упоминание об осадах г. Турова киевскими князьями в 1157 и 1160 гг. Князь Юрий Ярославович (Рюрикович), основатель турово-пинской династии, выдержал обе осады и отстаивал независимость г. Турова. Данный эпизод мог трактоваться активистами движения как

«ситуация успеха», но в то же время он подчеркивал включенность региона в общественно-политические процессы Древней Руси, что не соответствовало концепции «ятвяжской государственности». В текстах участников движения нет информации о вспыхнувшем в октябре 1648 г. в г. Пинске восстании, поддержку которому оказали казаки Б. Хмельницкого. Гетман ВКЛ Януш Радзивилл подавил восстание, уничтожив большую часть города. Игнорирование этого сюжета может быть связано с опасением Н.Н. Шеляговича и его соратников относительно возможного использования фактов сторонниками концепции украинской этнической природы жителей Западного Полесья.

Абсолютное большинство исторических деятелей, причисленных активистами движения к пантеону «западнополесских героев», никогда не имело особого «ятвяжского» национального самосознания. В частности, позиционировать Р.А. Скирмунта (1868–1939 гг.; крупный помещик, владелец имения Поречье близ Пинска, видный политический деятель Российской империи и межвоенной Польши, один из инициаторов создания Белорусской Народной Республики – несостоявшегося государства, провозглашенного в 1918 г. в условиях германской оккупации большей части белорусских земель) как «полесского будителя» исторически неверно. Этот политический деятель был одним из основных представителей неоднородного «краевого» политического течения, сущность которого заключалась в идее мирного сосуществования коренных народов бывшего ВКЛ (прежде всего поляков, литовцев и белорусов), признания их культурных прав. «Краевцы» стремились превратить эти народы в самостоятельный политический и культурный субъект, противостоять их русификации. При этом многие представители течения признавали особую цивилизационную миссию польской культуры в крае. Известно, что в имении Р.А. Скирмунта в 1907–1912 гг. функционировала тайная школа с обучением на польском языке. А.Ф. Смоленчук, исследователь биографии Р.А. Скирмунта, так характеризует данную ситуацию: «Последнее заставляет еще раз обратить внимание на специфику сознания элиты литовских и белорусских поляков, в котором польскость органично сочеталась с симпатией к другим местным культурам и языкам. Соответственно, можно было создавать тайные польские школы и одновременно поддерживать, например, развитие белорусской культуры и полесские традиции. Такая позиция полностью соответствовала принципам краевой идеи» (Смалянчук 2018, 201).

Не менее сомнительным выглядит отнесение к пантеону «западнополесских деятелей» российского этнографа и фольклориста Н.А. Янчука (1859–1921 гг.). Ученый родился в селе Корница на Подляшье (сегодня – территория Польши) и некоторые свои драматические произведения написал на языке родного села, который имел некоторые общие черты с литературной нормой, конструируемой Н.Н. Шеляговичем и его единомышленниками. Однако сам Н.А. Янчук не считал жителей региона отдельным народом, а рассматривал их как малорусскую ветвь русского этноса: «Представители русской ветви, издавна обитающей в Польше, или Забужье, служат нередко предметом спора не только между людьми, несведущими в антропологических и этнографических вопросах, но даже и между учеными: в то время как одни с полным основанием относят их к малороссам, другие готовы признать в них белорусов. Для меня, однако, несомненно, что русская часть сельского населения нескольких уездов Седлецкой губернии (Бельского, Константиновского, Влодавского, Радинского, Соколовского) должна быть отнесена к малорусскому племени, чему служат подтверждением как исторические, так и в особенности лингвистические данные» (Янчук 1913, 471).

Таким образом, активистами западнополесского движения фундамент исторического прошлого конструировался на основе мнимой традиции исчезнувших много веков назад средневековых государственно-племенных образований и их политического, культурного, экономического влияния, которое якобы по инерции существовало на протяжении последующих нескольких столетий. Исторические процессы после 1569 г. и до конца 1980-х гг. освещались в сугубо негативном ключе. Однако деятельности ряда персоналий, являвшихся уроженцами Полесья, придавались позитивные черты. Конструирование исторического нарратива происходило на основе поиска следов существования народа в далеком прошлом, обличения негативных условий жизни после 1569 г., а также выявления деятелей (необоснованно трактуемых как полешуки / ятвяги), чьи поступки заслуживали положительной оценки. Создаваемый исторический нарратив имел явные противоречия, отличался несистемностью, избирательной интерпретацией, сомнительной доказательной базой. Следует согласиться с гипотезой причин провала западнополесского национального проекта, предложенной известным белорусским ученым П.В. Терешковичем: «Причины

поражения “ятвяжской” идеи заслуживают более детального обсуждения. Чисто объективно она имела все предпосылки для реализации. Однако национальная мифология, созданная лидерами движения, оказалась чрезмерно сказочной для интеллектуалов и чрезмерно замысловатой и неестественной для основной массы интеллигенции (прежде всего – учителей), благодаря усилиям которой в первую очередь и создаются нации» (Церашковіч 1995–1996, 3).

Литература

- Антонюк Георгий. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 6: 2.
- Антонюк Георгий. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 7: 1–2.
- Антонюк Георгий*. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 8: 2.
- Антонюк Георгий. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 9: 1–2.
- Балесы Полісься* 1989. «Роздум вэдлук фактув». *Балесы Полісься*, № 4, 7. 1989.
- Батюшка А. 1992. «На славутих мыстынах Напалёна Горды». *Збудінне*, № 19: 2–4.
- Батюшка А. 1992. «Наш остатніј король». *Збудінне*, № 9: 3.
- Гарматны Віталь. 2017. Мадэрнізацыя сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. *Гісторыя Беларусі ў XX ст. Памяці прафесара Івана Коўкеля: зборнік навуковых артыкулаў*, пад рэд. Аляксандра Горнага, 47–66. Гродна: ЮрсаПрынт.
- Збудінне* 1989. «От рыдколiгiі». *Збудінне*, № 1: 1–3.
- Збудінне* 1990. «Lietuvos kultūros kongresas». *Збудінне*, № 5–6: 2–3.
- Збудінне* 1990. «Бульба и бульбаші. *Збудінне*, № 13: 1, 6.
- Збудінне* 1990. «Комунызм чы капыталызм». *Збудінне*, № 3: 4.
- Збудінне* 1992. «Punská Sliechta». *Збудінне*, № 19: 4.
- Казак Олег. 2022. Объективный взгляд на причины и предпосылки начала Второй мировой войны. *Гісторыя і грамадазнаўства*, № 2: 23–27.

- Касьянов Георгий. 2019. *Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Курилла Иван. 2023. *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. Москва: Альпина Паблишер.
- Лукашэвич К. 1991. «Лычыв своїм обовязком...» *Збудінне*, № 3: 2.
- Малинова Ольга, Миллер Алексей. 2021. Введение. Символическая политика и политика памяти. *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей*, под ред. Владимира Лапина и Алексея Миллера, 7–37. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- НАРБ, ф. 1515, оп. 1, д. 56. «Плакаты с рекламой газеты “Збудінне”», Минск, 1990 г.
- НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 4090. «Письмо Общественно-культурного объединения “Полісьсе” Председателю Верховного Совета БССР Николаю Дементю и членам Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР», Минск, 1991 г.
- Национальный архив Республики Беларусь [НАРБ], ф. 968. оп. 1. д. 2511. «Письмо Общественно-культурного объединения “Полісьсе” депутатам Верховного Совета БССР», Минск, 24 ноября 1989 г.
- Смалянчук Аляксандр. 2018. *Раман Скірмунт (1868–1939): жыцццяніс грамадзяніна Краю*. Мінск: Выдавец Зміцер Колас.
- Трушкун Ляксандр. 1990. «Польшукуы: Зы мыжою и вдома». *Збудінне*, № 8, 5–6.
- Цадко Ольга. 2013. Этническая идентичность населения Полесья в идеологии общественно-культурного объединения «Полісьсе». *Наше мнение*. Последний доступ 8 июля 2023 г. <https://nmnby.eu/news/analytics/5285.html>.
- Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ), ф. 1п, оп. 1, д. 126. «Протокол заседания кафедры философии Академии наук Беларуси», Минск, 3 ноября 1992 г.
- Церашковіч, Павел. 1995–1996. Ад рэдакцыі. *Форум. Інфармацыйна-культурны бюлетэнь*, № 2: 2–3.

- Шевченко, Кирилл. 2008. Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии. *Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006*, гл. ред. Борис Флоря, 318–342. Москва: Индрик.
- Шелягович Микола. 1992. «Ятвяги – были! Но кем они были? » *Пінскі веснік*, 30 красавіка, 3.
- Шеляговіч Мікола. 1982. Голас старажытных балтаў. *Голас Радзімы*, 25 лістапада, 2.
- Шеляговіч Мікола. 1989. Яцвяжскае (палескае) адраджэнне. *Беларуская мова і літаратура ў школе*, № 12: 7–8.
- Янчук Николай. 1913. К антропологии малорусов-подлясян. *Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина*, 471–482. Москва: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеров и К.

Professor Dr. Oleg Gennadievich Kazak, Republic of Belarus

Department of Political Science, Belarusian

State Economic University

Minsk

HISTORICAL NARRATIVE AS A TOOL FOR THE FORMATION OF THE ALTERNATIVE ETHNIC IDENTITY

(Based on materials from the Western Polesie ethnopolitical movement in Belarus)

Apstract

The article examines the main tools for constructing their own historical narrative by activists of the Western Polesie movement led by N.N. Shelyagovich in the late Soviet period and in the first years of the existence of sovereign Belarus. Various sources are analyzed (materials from the newspapers “Balesy Polissya” and “Zbudinne”, appeals from the leaders of the movement to the authorities), through which activists of the ethno political movement tried to substantiate the national and cultural identity of the residents of the Brest region of Belarus and their right to obtain autonomy.

Keywords: *Western Polesie ethnopolitical movement, historical memory, historical narrative, Yatviyag theory.*

Dr. Budimir Aleksić, Republic of Montenegro

University of Montenegro

Historical Institute

Podgorica

THE MYTH OF “GREATER SERBIA HEGEMONISM” IN MONTENEGRIN ANTI-SERB PROPAGANDA NARRATIVES

Abstract

The paper analyzes the continuity of the Montenegrin separatists' anti-Serb propaganda from the beginning of the 1990s to the present time. The analysis shows that the former regime of Montenegrin separatists (defeated in the elections of August 30, 2020) justified its activities aimed at breaking up the joint state of Serbia and Montenegro, renaming the Serbian language to “Montenegrin” and trying to eliminate the Serbian Orthodox Church from the territory of Montenegro – with the propaganda slogan about the fight against the non-existent “Greater Serbian hegemonism” and “Unitarianism”. In the interpretations of the Montenegrin ideologues and propagandists, the natural duties and natural rights of the Orthodox population of Montenegro to defend their national (Serbian) name, Church, their native (Serbian) language and the Cyrillic alphabet, were declared as “treason” and “serving a foreigner”, the foreigner always being Serbia, while Croatia and Albania were declared “historical friends” and “natural allies”. The framing of those propaganda matrices serves the purpose of obtaining legitimacy for the aforementioned political actions, under the guise of crushing the “Greater Serbian hegemonism”.

Keywords: *Greater Serbia hegemonism, “Greater Serbia” propaganda, Montenegro, Montenegrin separatism, demonization, stigmatization.*

I

The focus of our interest is the propaganda pattern of the Montenegrin separatists about the so-called “Greater Serbia hegemony” that has been used for some forty years now by the Dukla-Montenegrin policy to spread anti-Serb hatred among the Montenegrin and South Slavic public. Accusations against the Serbian people, accompanied by open animosity and prejudice, have been persistent from the 1970s, throughout the 1980s and the beginning of the 1990s and the conflicts that accompanied the break-up of the second Yugoslavia, until today. Presently, Montenegrin ideologues and politicians from the ranks of the former regime of Montenegrin separatists (defeated in the parliamentary elections of August 30, 2020) deny the right of the political representatives of the Serbian people in Montenegro to participate in the executive power, accusing them of being exponents of Serbia and its “Greater Serbia policy”.

The stereotype about Serbia as the age-old enemy of Montenegro has its roots in the period between the two world wars, when Sekula Drljević and Savić Marković Štedimlija – the founders of the Montenegrin separatist movement who would become prominent officials of the Ustasha organization during the Second World War – published their texts in the Zagreb pro-Ustasha press. In those texts, Drljević and Štedimlija labelled Serbia and the Serbian people as a prime threat to all neighboring nations and countries, above all Montenegro, which has been the subject of “Greater Serbia pretensions and aspirations” for centuries, as they claimed. When it comes to Serbs and Serbia, the Montenegrin separatist thought limits itself to the scope of their ideas. The journalistic work of these two Montenegrin Ustashas (declared war criminals by the National Commission for Determining the Crimes of the Occupiers and their Helpers) is a kind of universal encyclopedia of the Dukla-Montenegrin thought also on all other issues of politics, history, racial values, ethnogenesis of Montenegrins, etc. The ideologues of Dukljanism and Montenegrin separatism only exploit Drljević’s and Štedimlija’s ideological and “scientific” property, and repeat their anti-Serb theses, whose essence is reflected in the view that in the twenty-three-year period of the existence of the multinational Kingdom of

Yugoslavia, the “pro-Greater Serbian” and “unitarian-centralist” policy of the Belgrade regime encumbered inter-ethnic relations, and that this regime is directly responsible for the allegedly difficult position of non-Serbs in the Kingdom of Yugoslavia (Aleksić 2022, 13 –18). It can therefore be said that Drljević and Štedimlija are the authors of the anti-Serbian propaganda program of the Montenegrin separatists based on the myths of “Greater Serbia” and “Greater Serbian hegemony”, a program that will be taken over by the anti-Serbian and separatist wing of the Montenegrin communists after the Second World War.

II

The myth of “Greater Serbian hegemonism” and of the danger to Montenegro from “Greater Serbia” came into frequent use in the late 1960s and early 1970s. This coincides with the awakening and rise of Croatian nationalism (Maspok), when Croatian and Montenegrin separatists became closer within the Communist League. Under the auspices of the then leader of the Montenegrin communists, Veljko Milatović (1921-2004), an officer and executor of OZNA and UDBA and a supporter of Maspok, an organized campaign was launched to falsify the history of Montenegro and interpret its past in the spirit of Drljević and Štedimlija’s Ustasha doctrine, all with the aim of spreading Serbophobia and suppressing Serbian identity. The entire action was marked by the fight against “Greater Serbian hegemonism” which, according to the narrative of Montenegrin separatists, has for centuries prevented the “national emancipation of Montenegrins”. Thus, in his polemic with the prominent Serbian literary historian Pavle Zorić, one of the Montenegrin ideologues of the time, literary critic Milorad Stojović, disputing Zorić’s scientific views on Montenegrin literature as an integral part of Serbian literature, developed a thesis about the “hegemonic ideology of the Greater Serbia bourgeoisie” that, “left the scars that Montenegro, and not only Montenegro, today has on its face” (Stojović 1969, 9). As Stojović emphasized in his pogrom text, it is an ideology “programmed in 1844 by Ilija Garašanin in his famous ‘Načertanije’, which his followers Nikola Pašić, Nikolaj Velimirović, Dragiša Vasić and others attempted to put into practice ” (9).

Historian Dr. Jovan Bojović, former director of the Historical Institute of Montenegro, speaks very well and sublimely about the support of the Montenegrin communist leadership to the protagonists of anti-Serbism

and separatism: “Since the 1970s, the systematic de-nationalization of the Serbian people has been carried out in Montenegro. The Montenegrin language and the existence of the 1000-year-old Montenegrin state were highlighted, histories of the Montenegrin people were written, etc., ridiculous questions such as the question of the autocephaly of the Montenegrin church were raised, old monuments were demolished – (the church of St. Peter on Lovćen where Bishop Petar II Petrović Njegoš was buried, and a new one was built – Meštrović’s, which deviates from the Orthodox conception and the time in which Njegoš lived). Montenegrin separatists were supported by the communist leadership in Yugoslavia. They were also backed by separatists from the former Yugoslav republics and provinces, as well as by separatist national minorities in Yugoslavia. Montenegrin separatists were also assisted by some circles from the West, primarily by the Catholic Church” (Bojović 1993, 234).

The support by some high circles of the Roman Catholic Church to the Montenegrin separatists and their influence on the events in Montenegro at that time, as dr. Jovan Bojović points out, is best evidenced by the letter of the special papal envoy – Monsignor Francisco Palovineti dated 28 December 1969, addressed to the Bishop of Montenegro and the Littoral, Danilo Dajković. In that letter, this Roman Catholic Church dignitary offers wholehearted help “in the struggle to establish the true faith of Christ in Montenegro and to become independent as a newborn of the Holy Father the Pope”, adding that the current people in the territory of Montenegro “no longer has anything in common with the former people oriented by the Greater Serbian ideology”, and therefore, as the Pope’s emissary emphasizes, the Pope is willing “to help this people wholeheartedly and to restore them to their proper faith in Christ and to invest large amounts of money into that cause” (Aleksić 2002, 202). Evidently, this dignitary of the Roman Catholic Church based his proselytizing activity in Montenegro on the exploitation of the myth of “Greater Serbia ideology” which, as he claimed, contaminated the Montenegrins and from which the papal church should save them.

Dr. Đordije Vuković, professor at the Faculty of Philology in Belgrade, born in Danilovgrad, also points to the cahooting of the Montenegrin communist leadership with the ideologues of Montenegrin separatism (who enjoyed wholehearted support of the influential political-intellectual circles in Croatia, that provided them not only with financial aid, but also with scientific titles – thus, Vojislav Nikčević, Danilo Radojević and Radoslav Rotković received their doctorates in Zagreb): “The

deplorable Montenegrin leadership at the time (Milatović, Đuranović) encouraged intolerance towards Serbia, supporting literary losers and publicists and forgers preoccupied with anachronistic ideas about ethnogenesis and nonsense of every kind" (Vuković, 1987, 55).

III

The escalation of Montenegrin separatism and anti-Serbian chauvinism occurred in the early 1990s, after the establishment of a multi-party system and parliamentary democracy, when political parties that incorporated the key ideological determinants of Montenegrin separatism into their program were formed: the creation of an "independent" Montenegro within AVNOJ (Anti-Fascist Council for the National Liberation of Yugoslavia) borders; constructing the "Montenegrin language" and eliminating the Cyrillic alphabet from state institutions and from the minds of the public; constitution of the "Montenegrin autocephalous church" as a means of uniting Montenegrins; imposing the idea of the reconstruction of national identity in Montenegro. They included the Liberal Union of Montenegro, the Social Democratic Party and the Montenegrin (Con)Federalist Movement, parties with an eminently pro-Croatian orientation, whose policy and ideology were taken over in 1997 by Milo Đukanović's Democratic Party of Socialists. As a prerequisite for the implementation of their program, these political organizations emphasized the crushing of "Greater Serbia hegemonism", whose main pillar was the Serbian Orthodox Church, but also other important institutions of the Serbian people – such as the Serbian Academy of Sciences and Arts, Matica Srpska and the Writers' Association of Serbia, as Montenegrin separatists pointed out.

The beginning of Yugoslavia's break-up in 1991 would have a decisive effect on the strengthening of the myth about Greater Serbian hegemonic aspirations. It attributed to inherent traits of violence and irrational aggressiveness to the Serbian people. Champions of the anti-Serbian propaganda were the leaders of the Montenegrin Federalist Movement (who would become the "academics" of Dukla in 1999) who portrayed Serbs as a genocidal nation and as an evil that must be stopped. The first publication of this party (1990) was entitled "*Montenegrin people and the Serbian policy of genocide against them*", and contained hate-filled anti-Serb rants. In another collection published by this extreme anti-Serb party, publicist Lale Brković published the text "Serbian

genocide of the Montenegrin people from Načertanije to the Memorandum”, in which he accused all Serbian political elites of attempts, over the last two hundred years, to genocidally wipe out everything that is Montenegrin: “For almost two centuries now, Serbian rulers have been trying to bury the Montenegrin name with the same methods” (Brković 1991, 165). Officials of the Liberal Union of Montenegro also insisted on “Serbian expansionism”. Thus, in the journal “Liberal, the newsletter of the Liberal Union of Montenegro, publicist Milorad Popović, from Cetinje, expounded a thesis that “the leadership of a relatively small country, such as Serbia, threatens almost all neighboring nations with expansionist intentions” (Popović 1990, 7–8).

The informal leader and ideologue of the Montenegrin separatists of that time, poet and publicist Jevrem Brković, claimed that the underlying cause of conflicts in the former Yugoslavia was an attempt to create a Greater Serbia, and that “two Milošević vassals” in Montenegro served that policy – Momir Bulatović and Milo Đukanović. Calling these two former leaders of the Montenegrin regime “putschists”, Brković argued that they “rule Montenegro and Serbianize it, for the sake of the Memorandum and Slobodan Milošević” (Brković, 1992, 87). This extreme Montenegrin nationalist and Serbophobe particularly targeted Montenegrin reserve officers who participated in operations in the Dubrovnik region in 1991, as part of the reserve units of the Yugoslav People’s Army (JNA), during the armed rebellion of the Croatian paramilitary units. In his book “Dirty War” (co-financed by Tudman’s Ministry of Defense of the Republic of Croatia), Brković adopted the Croatian narrative about the nature of the armed conflicts in that area, claiming that “Montenegrians are invading, burning and looting the tame area of Konavle - for Milošević and Greater Serbia” (Brković 1992, 87). Brković’s later separatist historiography and journalism is based on these views, treating the Yugoslav People’s Army as an instrument of “Greater Serbia hegemony”. In the same spirit, Šerbo Rastoder and Novak Adžić in their book “Modern History of Montenegro 1988-2017”, elaborate a thesis about the offensive strategic military operation of the JNA in Croatia and Bosnia and Herzegovina, which, as they claimed, was aimed at creating, “Greater Serbia, with the key role of the JNA, to be named Yugoslavia”, (Rastoder, Adžić 2020, 522).

IV

The political shift of the ruling elite, embodied in the ruling party (Democratic Party of Socialists) in 1997, further strengthened the anti-Serb narrative about “Greater Serbia hegemony”. It was during that year, 1997, that the Democratic Party of Socialists (now with Milo Đukanović at its helm) took over the program of Montenegrin separatist parties (Liberal Union of Montenegro, Social Democratic Party and Montenegrin (con)federalist movement), but also their propaganda story about the Greater Serbia hegemony and Greater Serbia. Since then and until the defeat of the ethnocratic regime of Montenegrin separatists in the parliamentary elections on August 30, 2020, the following clichés were used almost daily in the Dukla-Montenegrin anti-Serbian propaganda: “Greater Serbia hegemony”, “Greater Serbia”, “Serbian imperial state project”, “Greater Serbia idea”, “Belgrade hegemony”, “Greater Serbia bourgeoisie”, and the like.

Among all of the separatist structures: political parties, non-governmental organizations, print and electronic media, cultural institutions – there was a general agreement to break up the Federal Republic of Yugoslavia and to accuse the Serbs and Serbia, with the “argument” that they have “hegemonic pretensions” towards Montenegro and that they are a threat to the “Montenegro democratic project”. Resolutely embarking on the path of separatism and breaking up the joint state of Serbia and Montenegro, Milo Đukanović secured the support for this undertaking in the Western power centers, which he often visited at that time. Thus, during his stay in Washington, on February 5, 2001, he spoke at the Center for Strategic and International Studies (CSIS), at a gathering concerning the future of Montenegro, where he said at a press conference that for hundreds of years, there were, “unresolved problems are simmering” between Montenegro and Serbia and that an independent Montenegro will “finally bury the idea of Greater Serbia” (Raković 2019, 226 – 227). The same Milo Đukanović who only twelve years earlier, in the Belgrade newspaper Interview (November 10, 1989), strongly argued a thesis about the Serbophobia of the Croatian and Slovenian republican leaders, and declared their “fear of Serbia and Greater Serbia hegemonism” as malicious and senseless.

In those days Đukanović, a young and pro-Serbian Montenegrin communist, wholeheartedly supported the adoption of constitutional amendments to the Constitution of the Socialist Republic of Serbia,

which would, as he said, “finally give SR Serbia the same status as other (con)federal states in Yugoslavia” (Gavrilović 1989, 8). He also pointed to the unequal treatment of the Serbian cultural, spiritual and historical heritage in Tito’s Yugoslavia, stressing in the same interview that: “Everything that was Serbian, from a song to a symbol from the national tradition, bore the sign of possible Greater Serbian nationalism. All other nations could have national heroes, national songs, national histories, national cultures, but it was somehow politically inadvisable for the Serbs to have that, because of the alleged specter of hegemony” (Gavrilović 1989, 8). Noting the fact that in the second Yugoslavia, “for a long time, even historically speaking, an irrational Serbophobia has been present” (Gavrilović 1989, 7), Đukanović praised the leadership of the Republic of Serbia of that time, with Slobodan Milošević at its helm, who, as he put it “initiated a more pronounced revival of national tradition, culture and history, which is automatically interpreted in the western and northwestern republics as an aggression of the Greater Serbia hegemony. That more pronounced national feeling in the Serbian people, in my opinion, is a completely natural reaction to decades of suppression of national attributes” (Gavrilović, 1989, 8).

This politician, who in 1989 so convincingly and argumentatively exposed the propaganda story of Croatian and Slovenian separatists about Greater Serbian hegemony and the danger of Greater Serbia, only a few years later fully accepted their anti-Serbian narrative, which he continues to exploit to this day. Thus, during his official visit as President of Montenegro to the Republic of Croatia in September 2021 (immediately after the Cetinje events surrounding the enthronement of Bishop Joanikije), he told journalists that the phrase “Serbian world” is a euphemism for “Greater Serbia” and that the Serbian Orthodox Church (which he has been calling the “Church of Serbia” in recent years) “the striking arm of Greater Serbian nationalism and denial of the Montenegrin nation” (Ikonić 2021, 15).

M. Đukanović’s narrative about the Serbian Orthodox Church, as the main champion of the policy of “Greater Serbian hegemonism” was particularly intensive during the campaign for the adoption of the infamous, anti-constitutional and discriminatory Law on Freedom of Religion in 2018 and 2019. His fierceness toward this institution is perhaps best illustrated by his statement to Radio-Television of Montenegro on October 19, 2018: “Obviously, the problem of the Serbian Orthodox Church and its leaders is that anyone who is not like them, a blind follower of

the interests of Russian imperialism, Greater Serbian nationalism and, I would say, aggressive ‘Svetosavlje’, promoted by the Serbian Orthodox Church, is declared a traitor. A traitor of what? A traitor of their interests? Yes, that’s me”(Raković 2019, 152 –153).

Milo Đukanović adopted the thesis about the “aggressive Svetosavlje” from S. M. Štedimlija, who published the largest number of texts dedicated to the figure and activities of Saint Sava in the Ustasha war press, specifically in the newspapers “Spremnost” (whose sub-heading read: “Thought and Will of Ustasha Croatia”), and “Glas pravoslavja” (newsletter of the so-called “Croatian Orthodox Church” founded by the Ustasha regime). In those texts, Štedimlija attempted to dethrone Saint Sava as a saint, and to diminish his ecclesiastical and holy character and thus – for this Montenegrin Ustasha – Svetosavlje is only one form of Serbian nationalism, and a “political ideology that excludes all others” (Štedimlija 1944, 10). Štedimlija’s incorrect and malicious interpretations, as well as groundless claims and conclusions about Saint Sava and Svetosavlje, have been continually repeated by his followers – Montenegrin separatists. Jevrem Brković stood out in particular in terms of publicly insulting and disparaging the greatest Serbian saint and educator, accusing the Serbian Orthodox Church of “aggression against Croatia”, so, in a 1992 interview to the “Glas koncila” (official newspaper of the “Church in Croatia”) he said that Svetosavlje is “a state religion with marked militancy, which is now manifested in the war against Croatia” (Brković 1992, 6). It is obvious, therefore, that in referring to the Serbian Orthodox Church and “aggressive Svetosavlje”, Milo Đukanović only follows the views of his ideological role models – S. M. Štedimlija and Jevrem Brković.

M. Đukanović justified his political intentions – to confiscate the property of the Serbian Orthodox Church and eliminate it from Montenegro, and to assimilate and Montenegrinize the Serbian people in Montenegro, by adopting the Law on Freedom of Religion and Belief, with the well-known, and most frequently cited propaganda slogan among all Serbian enemies about the fight against the creation of the alleged “Greater Serbia” and “Greater Serbian hegemonism” based on the “Svetosavlje doctrine”.

V

Immediately after the forcible take-over of leadership of the Democratic Party of Socialists from Momir Bulatović (1997), along with the ideology of Montenegrin separatism promoted by the Liberal Alliance of Montenegro in 1990, M. Đukanović hired a whole team of quasi-scientists who attempted to justify his political turn, that is, the radical distancing from Serbia and the Serbian identity of Montenegrins. He formed the Duklja Academy of Sciences and Arts, a quasi-scientific institution tasked with supporting the project of identity engineering with ostensibly scientific argumentation. He appointed Jevrem Brković, then a leading anti-Serbian propagandist to head the “academy” (which is nothing more than the Podgorica branch of the Croatian Academy of Sciences and Arts), who was engaged during his exile in Croatia (1991–1995) in the Propaganda Department of the Croatian Army in the Ministry of Defense, which co-published his book *Dirty War* (1992). Accusing Serbia of “hegemonic pretensions”, Dukla’s “academics” simultaneously built a racist theory about the Serbs that can easily stand alongside Hitler’s theory about Jews.

We will support these claims with a couple of examples. The “creator” of the “Montenegrin language and orthography”, Dr. Vojislav Nikčević, elaborating the thesis about Serbs as an inferior race, among other things, wrote the following: “One gets the impression that hatred is their irresistible psychological need, a necessary treatment for their inferiority complexes” (Nikčević 1998, 45). Contrary to historical facts, and consistent with the theses put forward by Ustasha theorists Ante Starčević, Josip Franko, Milo Budak, Fr. Dominik Mandić and others, V. Nikčević writes that the Serbs “led cruel and bloody wars of invasion” against all their neighbors (45).

He further repeats Štedimlija’s story that Zeta was once a Roman Catholic country that Saint Sava “converted into Orthodoxy”, saying that Stefan Nemanja “is the spiritual father, the founder of the former military and current linguistic invasion policy which is devotedly served in Montenegro” continuously pursued in the new century from Ilija Garašanin’s Načertanije (1844) until our time” (45). In the same spirit of racism, Dr. Radoslav Rotković, also an “academic” from Dukla, talks about the “Greater Serbian imperial policy” and continues: “For a long time, the Serbs were someone else’s serfs, so now they are trying to make others their serfs” (Rotković 1998, 8). Just as Hitler saw Jews as the cause

of all evils in history and in the world, Đukanović’s “academics” and Montenegrin ideologues see the universal spirit of negativity in Serbs, who, in their view, pursued an “imperial invasion policy” throughout the course of history.

Over the last thirty years, Montenegrin separatist newspapers have published tens of thousands of texts, as well as statements by the highest-ranking Montenegrin officials, in which Serbs were described as centuries-old enemies of Montenegrins and as occupiers of Montenegro. The dominant propaganda narrative was that about “Greater Serbia”, which was supposed to characterize an entire nation as hegemonic (invaders), in the spirit of the aforementioned claims of the “academics” from Duklja. This narrative is sublimated by the views of Đukanović’s leading legal “expert”, during the campaign for the secession of Montenegro from Serbia – Mijat Šuković, who wrote that Serbia was pursuing a great-power invasionist and assimilationist policy towards Montenegro since the beginning of the 19th century. “The facts unequivocally show”, as Šuković noted, “that the Serbian political, state and cultural has since then continuously and especially intensively in the periods from the mid-1860s to mid-1870s and in the first two decades of the 20th century, organized and cruelly acted to liquidates the state of Montenegro and incorporate the Montenegrin people to the Serbian nation, to secure Serbia’s access to the Adriatic Sea, subordinating the rights and legitimate interests of Montenegro as a state and the Montenegrin people to its own plans. The aggressive and expansionist Serbian nationalism was continuously used to that end” (Šuković 2006, 94–95). This former communist politician and Montenegrin ideologue, after siding with the Montenegrin separatists in 1997 (he previously strongly advocated for the preservation and strengthening of the Federal Republic of Yugoslavia), constantly warned of the danger of “Greater Serbia”, which, according to him, has loomed over Montenegro for centuries. In the same vein, he also interpreted the work and decisions of the 1918 Podgorica Assembly, emphasizing that “the motives and objectives of establishing the Podgorica Assembly and passing its Decision are the creation of Greater Serbia” (Šuković 2011, 100).

In Podgorica’s daily newspaper “Pobjeda”, which up until the 2020 democratic changes was the voice of the Montenegrin separatist regime, and after that the main media ‘punching force’ of anti-Serbian separatist structures, the adjective “Greater Serbian” is mentioned several times every day in a number of variations; Belgrade and Serbia are blamed

for all the troubles in Montenegro, both past and present, and Serbs are portrayed as a “destructive” and “disruptive” factor in the Balkans. In the “Pobjeda”, as well as in all other media controlled by Serbophobic Montenegrin separatists, the Serbian Orthodox Church is treated as the “striking arm of Greater Serbian nationalism”, as Milo Đukanović put it, accepting the Ustasha narrative. Its role, according to a “Pobjeda” columnist “is to preserve the products of the Great Serbian project that is being carried out in Montenegro” (Kern 2020, 9). The former advisor to Milo Đukanović and Ranko Krivokapić (former President of the Parliament of Montenegro), General Blagoje Grahovac emphasized that “Serbian clerical fascism” is present in Montenegro which “has its generic form in Serbian nationalism, even chauvinism”, and that the “Serbian Orthodox Church is the primary culprit because it has been acting politically” (Krgović 2022, 11).

VI

Accusing Serbia and the Serbs of hegemony, the Montenegrin separatist media have, over the last thirty years, exploited an old propaganda cliché with the aim of turning public opinion in Montenegro more easily against Serbia and the Serbian Orthodox Church – the most important and popular institution in Montenegro. With incredible persistence and systematically, from one anti-Serbian media to another and from day to day, stories about “Greater Serbia” were spun in many variations, all aiming to declare Serbia an “occupier” and age-old enemy of Montenegro, and to convince Montenegrins that they are the victims of a “thousand-year Greater Serbian imperialist policy”.

The old Austro-Hungarian propaganda catchphrase about “Greater Serbia” was used between the two world wars by the Vatican, the Croatian Ustasha and the communists headed by the Comintern, and it was resurrected in the early 1990s, in the wake of the breakup of Yugoslavia, by Slovenian, Croatian and Albanian separatists. Montenegrin separatists did their utmost to align themselves with their Serbophobic role models from the region in their anti-Serbian propaganda. The essence of the political and propaganda intentions of all the aforementioned exploiters of the myth of “Greater Serbia” is to demonize any idea of Serbian integration, that is, of Serbian cultural, spiritual, national and state unity.

These legitimate aspirations of the Serbian people for liberation and unification – as noted by the top expert on the origins and meaning

of the propaganda term “Greater Serbia”, academician Čedomir Popov – have interfered “on the one hand, with the imperial interests of the great powers, and on the other, into greater state ambitions and demands of some neighboring nations, even the closest ones” (Popov 2008, 9), and therefore faced “their fiercest resistance, justified by the fight against the Greater Serbian, hegemonic and invasive goals” (9). Thus, the aspirations of the Serbian people in Montenegro to preserve their identity interfere with the plans of the Montenegrin separatists to construct a new cultural paradigm, so they are regarded as a “Greater Serbian danger” that threatens the “thousand-year-old Montenegrin statehood” and the “native Montenegrin nation”.

LITERATURE

- Алексић, Будимир. 2002. *Црвено-Црна Гора – о унијаћењу и кроатизацији Црне Горе некад и сад*. Никшић: Омладински интелектуални центар.
- Алексић, Будимир. 2022. *Огледи из историје Црне Горе и Боке*. Никшић: Институт за српску културу.
- Брковић, Јеврем. 1992. „Ми смо народ којему је истргнуто срце – разговор с црногорским књижевником Јевремом Брковићем“. *Глас концила* 6. Загреб: Бискупска конференција Југославије.
- Брковић, Јеврем. 1992. *Прљави рат (србоцрногорских писаца, политичара и генерала)*. Загреб: „Мирабо“ и „Аура“.
- Брковић, Лале. 1991. „Српски геноцид над црногорским народом од Начертанија до Меморандума“. In *Црногорски федералисти – (нео)зеленаши*. ed. Сретен Зековић, 165–168. Цетиње: Црногорски федералистички покрет.
- Бојовић, Јован. 1993. „Српски народ у југословенској федерацији 1945-1991“. In *Историјски записи*, 229–234. Подгорица: Историјски институт Црне Горе.
- Вуковић, Ђорђије. 1987. „Критика једне политике“. *Theoria* 3-4: 47–57. Београд: Филозофско друштво Србије.
- Гавриловић, Драган. 1989. „Судбинска веза народа Црне Горе и Србије“. *Интервју* 4–8. Београд: НО „Политика“.
- Иконић, Слободан. 2021. „Мржњом против српског света“. *Печат*, 14–16. Београд: Издавачко предузеће „Нови Печат“ а. д. Београд.

- Керн, Иван. 2020. „Лажн, лажн ме, лажн све“. *Побједа* 9. Подгорица: „Нова Побједа“, „Медиа-Неа“.
- Крговић, Милена. 2022. „Политичке елите у Црној Гори чине фолорантн и преварантн“. *Дан* 11. Подгорица: „Јумедиа Монт“ Д.О.О.
- Ннкчевић, Војислав. 1998. „Чувајте језнк као земљу“. *Монитор* 44–45. Подгорица: Монтенегро публнк.
- Попов, Чедомнр. 2008. *Велнка Србнја: стварност и мнт*. Сремскн Карловцн, Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића.
- Поповић, Милорад. 1990. „Црна Гора у југословенском расплету“. *Лнберал* 7–8. Цетиње: Лнбералнн савез Црне Горе.
- Раковић, Александар. 2019. *Црногорскн сепаратнзам*. Београд: Catena mundi.
- Растодер, Шербо; Ацић, Новак. 2020. *Модерна историја Црне Горе 1988-2017. I-III. Од преврата до НАТО пакта*. Подгорица: Dalli Press – Vijesti.
- Ротковић, Радослав. 1998. „Убнше брест! Алн не н Црну Гору“. *Лнберал*, 8–9. Цетиње: Лнбералнн савез Црне Горе.
- Стојовић, Милорад. 1969. „Уннтарнстнчка концепцнја“. *Књнжевне новнне*, 9. Београд: Удружење књнжевннка Србнје.
- Штеднмнлнја, Савнћ Марковић. 1944. „Смнсао светосавља“. *Глас православлја*, 10. Загреб: Хрватска православна црква.
- Шуковић, Мнјат. 2006. *Нововјековна држава Црна Гора: стваранье и развој*. Подгорица: ЦИД, Побједа.
- Шуковић, Мнјат. 2011. *Подгорнчка скупнтнна 1918. н Одлука коју је доннјела ннјесу легнтнмне н легалне, а бројнн су н тежки негатнвнн учннцн ннховн*. Подгорица: Побједа.

Д-р Будимир Алексич, Республика Черногория

Университет Черногории

Исторический институт

Подгорица

МИФ О «ВЕЛИКОМ СЕРБСКОМ ГЕГЕМОНИЗМЕ» В ЧЕРНОГОРСКИХ АНТИСЕРБСКИХ ПРОПАГАНДОВСКИХ НАРРАТИВАХ

Аннотация

В статье анализируется преемственность анти-сербской пропаганды черногорских сепаратистов с начала 1990-х годов до настоящего времени. Анализ показывает, что бывший режим черногорских сепаратистов (потерпевший поражение на выборах 30 августа 2020 г.) оправдывал свою деятельность, направленную на распад совместного государства Сербия и Черногория, переименование сербского языка в «черногорский» и попытку ликвидации сербского языка. Они попробовали удалить Православную церковь с территории Черногории – с пропагандистским лозунгом о борьбе с несуществующим «Великим сербским гегемонизмом» и «Унитаризмом». В трактовках черногорских идеологов и пропагандистов «передательством» и «служением иностранцу» были объявлены естественные обязанности и естественные права православного населения Черногории защищать свое национальное (сербское) имя, Церковь, родной (сербский) язык и кириллицу, причем иностранцем всегда была Сербия, а Хорватия и Албания были объявлены «историческими друзьями» и «естественными союзниками». Создание этих пропагандистских матриц служит цели получения легитимности вышеупомянутых политических действий под предлогом подавления «Великого сербского гегемонизма».

Ключевые слова: гегемонизм Великой Сербии, пропаганда «Великой Сербии», Черногория, черногорский сепаратизм, демонизация, стигматизация.

**Профессор д-р Николай Николаевич Фомичев,
Российская Федерация**

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Белгород*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОСОВО И МЕТОХИИ В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 2-Й ПОЛОВИНЫ XX-НАЧАЛА XXI ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МИФОТВОРЕЧЕСТВО

Аннотация

Статья посвящена попыткам мифологизации политической и этнической истории Косово и Метохии в британской историографии последних семидесяти лет. Даны основные шаблоны стереотипизации в научных работах, рассмотрена степень объективности в исторической и политологической литературе Соединенного Королевства по «косовской проблеме». Дан анализ приемам субъективного представления истории региона.

Ключевые слова: *Косово и Метохия, Великобритания, этнический состав, сербы, албанцы, НАТО*

Как отмечает российский исследователь П.А. Искандеров в своей монографии «Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века» (2021 год) одним из важнейших вопросов внешней политики для Сербии в начале XX века было воссоединение с Македонией и Старой Сербией. В этом тогдашний министр финансов

Сербии Лаза Пачу видел выполнение «сербской национальной задачи». По итогам Балканских войн 1912-1913 гг., и 1913 г. эта задача была осуществлена. Значительным в сербском обществе оказался и морально-психологический эффект от сербских побед и присоединения нынешних косовских земель: «Крестьяне, вдохновленные примером героев Косовского мифа и любимого народом богатыря Марко Краевича, ожесточенно сражались с турками и завоевывали победы» (Искандеров 2021, 111). Этим подчеркивалась сакральная значимость обретения исконных земель.

Особенно болезненно воспринимает современное сербское общество информационную войну вокруг Косово, упрощение исторических фактов в истории края, часто используемое для подкрепления инициатив по его окончательному отторжению. Тем не менее, автономный край Косово и Метохия, который этнически почти перестал быть сербским, остается таковым политически и с точки зрения исторической правды. Особенно актуально в текущей политической и идеологической ситуации понимание мифотворчества, имеющего место в современной западной историографии. Великобритания, как член НАТО, много сделала для того, чтобы нарушить сербский суверенитет над этим многострадальным краем. Значительную поддержку этому оказали научные и экспертные круги Великобритании, подводившие идеологическую базу под политические действия правительства.

Обе страны были союзниками в ходе мировых войн и долгое время после 1945 года, пока коммунистический режим И.Б. Тито, не входивший политически в советский военно-политический блок, сохранял ровные и уважительные отношения с Лондоном. Только ускоренная «натоизация Балкан» в 1990-е гг., встретившая серьезные препятствия со стороны сербского народа, нарушила этот своеобразный консенсус, послужила одной из причин участия Соединенного Королевства в разрушении Югославии, вытеснении сербов из Косово и Метохии и других регионов и конструирования образа врага в отношении них.

В задачи нашего исследования входит как изучение монографий ближе примыкающих к пропаганде и мифотворчеству, чем к достоверному гуманитарному знанию, так и более серьезных работ той или иной степени тенденциозности. Один из основных тезисов западной историографии: Сербия, пока обладала такой возможностью, проводила открытую репрессивную политику против

абсолютного большинства населения региона – косовских албанцев. Оба тезиса носят не столько международно-правовой, сколько идеологический, и мифический характер. К примеру, население Аландских островов, территории Финляндии с особым статусом, на 88,08 % является шведскоговорящим, и данный регион в исторической ретроспективе также оказывался ареной межэтнического напряжения. Однако кризиса, подобного косовскому с широким международным вовлечением этот регион не испытал. Таких примеров можно привести много: немецкоговорящие области в составе Италии, Иранский Азербайджан и т.д. Однако только признание независимости Косово полярно разделило мировое сообщество на признавших независимость Приштины вопреки всем международным нормам и воздержавшихся от этого. Современный британский истеблишмент продолжает демонстрировать односторонний подход по Косово, отвергая всякие претензии Сербии на воссоединение с регионом и приписывая России исключительно деструктивную роль на Балканах.

Рассмотрим некоторые знаковые работы в британской историографии после Второй мировой войны, затрагивающие проблемы истории и этнического состава Косово и Метохии.

Как отмечает Дж. Эверетт Хит в книге «Топонимы мира, исторический контекст, значения и изменения. Европа» отмечает что албанцы Ковово и Метохии сокращали название региона до «Космета» или «Косова». Современная Южная Сербия и Македония также «Дардания» – по названию римской провинции с центром в Наиссусе (по этимологии название города, по одной из версий, восходит к кельтским диалектам), современном Нише. Косово, по мнению автора, являлось территорией проживания примерно трети албанской нации, они сопротивляясь сербизации и пытались с помощью топонимики доказать, что албанцы или их предки проживали на этой территории гораздо раньше сербов, еще в доримское время. Автор не отрицает южнославянского происхождения названия региона, однако вполне сочувствует взглядам албанских историков и идеологов (Everett-Heath 2000, 365–366, 373).

В справочнике «Новая Кембриджская история Средних веков» Сербии, Албании и Болгарии посвящена отдельная глава посвящена Балканским странам. Авторы отмечают, что широко распространено мнение, что падение Константинополя в 1204 году поставило на колени империю, которая уже находилась на пути к

распаду, особенно на ее балканских окраинах. Три народа проявили новую энергию: болгары, сербы и албанцы, границы между их землями все еще оставались неопределенными, особенно между Болгарией и Сербией. Каждый из этих народов можно наблюдать на разных стадиях его эволюции к политической и культурной автономии. Касаясь вопроса соотношения сербского и албанского населения в контактных регионах авторы отмечали следующее в 1348 году сербский король и царь Стефан Душан (1331-1355 гг.) потребовал, чтобы латинские священники (*latinski popoge*) из Пилота платили налоги православному епископу Призрена. Сам политический центр государства Душана находился на территории современного Косово и Метохии и Македонии. Из хартии, дарованной Дубровнику в 1230 году Иваном II Асенем (1218-1241 гг.), для составителей справочника очевидно, что албанцы доминировали в центральных регионах нынешней Албанской республики. Византийское имперское правительство, якобы, обратилось к этническому характеру региона, при выделении фемы Диррахсион (*Дуррахџиов*). Такое название отражало бы существование двух основных центров расселения албанцев: Арбанон (*Арџановон*)-Рабан и Девол. В тоже время косовские земли в этом перечне отсутствуют. (Abulafia 1999, 779–781).

Монография Элизабет Бейкер посвящена британской политике в Юго-Восточной Европе во время Второй мировой войны 1939-1945 годов. Исследуется, как политику накануне войны, так и подрывные действия британских специальных служб против стран Оси в государствах региона, помощь антифашистскому Сопротивлению, а также дипломатию Лондона в отношении различных военных организаций и движений, действовавших против оккупантов и претендовавших на власть после войны. Автор предлагает к обсуждению следующий тезис по косовской проблематике: итальянское фашистское правительство предлагало принцу регенту Югославии Павлу (в должности с 1934 по 1941 год) незадолго до вторжения в апреле 1939 года упразднить Албанию и разделить ее, однако тот отказался. Впоследствии итальянцы выступили с проектом Великой Албании, который, фактически, осуществлялся под контролем Рима. Великобритания вела активную работу по поддержке антифашистских сил в Сербии, Черногории, Болгарии, Греции, а также была в контакте с албанскими коммунистами и лоялистами из партии «Легалитети» (зогисты) с целью подрыва оккупационных

режимов в регионе. Исследовательница констатирует, что это была исключительно сложная задача, так как многие албанцы одобряли присоединение Косово и репрессивные меры против сербского населения. В период второй мировой войны и после нее в регионе албанское население окончательно стало количественно преобладать над сербским (Barker 1976, 47, 188).

В уникальном по своей аналитической значимости справочнике под редакцией Эберхарда дается этническая картина Косово и Метохии во 2-й и 3-й четверти XX века. Авторы справочника отмечают, что Косово и Метохия, в отличие от многих других областей Югославии становится преимущественно албанскими. Перепись 1953 года (первая послевоенная) показала что албанцы оставляли 64,9 % населения края, сербы 23, %. Перепись 1971 года зафиксировала увеличение численности албанского населения до 73,7 %, а сербов уменьшилась до 18,4 %. Через 10 лет в 1981 году перепись показала 77,4% албанцев и 13,2 % сербов. Наконец в 1991 году к сербам себя отнесли только 11 %. Переписи также фиксировали неравномерность проживания сербов по отдельным общинам. На фоне всего региона Центральной и Восточной Европы исход сербов из Косово и Метохии представляется авторам беспрецедентным. Авторы не делают выводов, однако причина подобного положения читается между строк – невыносимые социально-экономические условия в регионе. При освещении косовских сюжетов авторы исследования ссылались на официальные югославские источники (Eberhardt 1996, 388–393).

Британский историк Грбин Кэрол в своей работе, посвященной роли Великобритании в конфликтах на территории бывшей Югославии отмечает, что одной из причин разгоревшегося конфликта в Косово и Метохии был отход от системы избегания доминирования одной этнической группы над другой во властных структурах социалистической Югославии, произошедший в период доминирования на политической арене новой Югославии Слободана Милошевича (Председатель Президиума Социалистической Республики Сербии 1989-1991, 1-й Президент Сербии 1991-1997, 3-й Президент Союзной Республики Югославии 1997-2000 годы). Политические причины приведшие к Косовской трагедии он видит, также в волюнтаристских действиях официального Белграда: анти-албанские политические комбинации в Косово, поставка оружия сербским вооруженным группам в мае 1991 года и позднее, полицейском и

военном насилии в отношении албанского населения территории: с 1989 года 90 албанцев были убиты, 300 ранены, 2500 заключены под стражу и 60 000 потеряли рабочие места по причине национальной принадлежности (со ссылкой на данные Комитета по защите прав человека в Косово). Автор отмечает, что когда правительству Милошевича нужно было представить ситуацию британской политической элите в выгодном для себя ключе во время визита в страну представителей Парламента герцога Соммерсетского, Г. Биллингема и Дж. Кеннеди, то маршрут их путешествия в августе 1991 года был составлен таким образом, чтобы они не посетили регион, населенный косовскими албанцами и не приняли в расчет позицию этой части населения края. Обострение ситуации в регионе, по мнению автора, заключалась в том, что Милошевич на заре своей политической карьеры в 1987 году провозгласил Косово и Метохию «сердцем Сербии», давал местным сербам обещания заботиться об их политических правах и защищать от притеснений. Он не мог отказаться от этих обязательств без ущерба для своей популярности. Также, защищая права сербов в Боснии и Хорватии Белград не мог игнорировать и права косовских албанцев из соображения престижа и в пропагандистских целях. Еще одна причина конфликта по мнению Грбина – упразднение широкого автономного статуса Косово в 1989 году. Этническая история края на конец 1980-х гг. представлена на карте «Югославия накануне распада» в отношении Косово даны следующие данные: территория 10 887 кв. км., население 1 955 тыс. чел., из них албанцы 82,2 %, сербы 10 %, «мусульмане» – 2,9 %, цыгане – 2,2 %, другие – 2,7 %. Таким образом, основная мысль работы по косовской проблематике сводится к тому, что албанцы в 1980-1990-х гг. оказались притесняемым этническим большинством в крае. Автор замалчивает те действия вооруженных групп косовских албанцев и криминальных элементов, которые послужили причиной ряда репрессивных действий белградских властей (Grbin 2004, 26, 28, 25, 35, 41, 350).

Брэндан Симмс в своей работе «Незвездный час: Великобритания и разрушение Боснии» посвященной дипломатической стороне событий начала 1990-х гг. на территории Югославии также резко критикует позицию официальных сербских властей и их политику в автономном крае с конца 1980-х гг., а также попытки создания «Великой Сербии». Автор оправдывает агрессивные действия НАТО в отношении Белграда касательно «давления на

Македонию и Косово» и считает, что без вмешательства западных стран никогда не удалось бы победить боснийских сербов и заставить С. Милошевича пойти на уступки по Косово. В тоже время, в сентенции относительно освещения конфликта в Косово в британских СМИ автор отмечает, что политика британских консерваторов, бывших у власти в 1990-е Дж. Мейджора (1990-1997 гг.) и Э. Блэра (1997-2007) была непоследовательной, не полностью «анти-сербской». Косово же понимается как край, населенный почти исключительно албанцами (Simms 2001, 301).

Монография британского исследователя Кэрола Ходжа «Британия и Балканы с 1990 года по настоящее время» представляет собой Подробный анализ роли Великобритании в принятии решений в югославском конфликте 1990-х годов и в формировании государств-преемников. Прослеживая эволюцию британской политики от начала войны в Хорватии и Боснии до действий НАТО в Косово и после его окончания. Британская политика рассматривается в ходе парламентских слушаний в Палате общин и лордов, а также на основе доказательств, представленных избранными комитетами, отчетами политических и гуманитарных агентств, частных интервью с действующими лицами и освещения в СМИ в связи с ситуацией на местах и разработкой политики со стороны других ведущих мировых держав и институтов. Тем не менее, и в этой, достаточно умеренной по своему тону работе, есть мысли, о том, что действия Армии освобождения Косова (ОАК) положили конец тупику, существовавшему в крае после отмены автономии в 1990 году (т.е. оправдываются террористические действия, а политика неповиновения официальному Белграду, провозглашенная лидером Демократической партии Косово Ибрагимом Руговой, он же «балканский Ганди», называлась неэффективной). Также автор рассматривает «двухмиллионное население» региона (понимая под ним только этнических албанцев), как апатридов, лишенных избирательных, гражданских и иных прав которые для всего мира являются базовыми (Hodge 2006, 44).

Весьма характерной для западной историографии являются геополитические построения «вовлекающие» Косово в геополитические комбинации. В британской историографии уже устоялся термин «Западные Балканы», «Западно-балканская Шестерка»: Черногория, Сербия, Албания, Косово, Босния и Герцеговина и Македония. Тем самым региону Косово придаются все черты деятельного международного актора (Boyd 2018, 6).

Настоящим пропагандистом можно назвать британского исследователя Ноэля Малькольма, много сделавшего для псевдоисторического доказательства исключительных прав албаноязычного населения на Косово и Метохию. В ряде своих работ он отстаивал тезис о разумности передачи края албанцам не ввиду исторических аргументов, которые достаточно спорны, а исходя из текущего status quo.

Что касается предположительно долгой истории этнических конфликтов, то это утверждение, по мнению автора, нуждается в серьезной проверке. В Косово было много сражений и войн, но до последних 100 лет ни одно из них не носило характера «этнического» конфликта между албанцами и сербами.

Именно сербская идеология XIX века, по его мнению, создала культ средневековой битвы за Косово как национально определяющего исторического и духовного события. Именно политическая роль, которую сыграли державы-покровители, такие как Россия, с их консулами в Приштине или Митровице, помогла создать новую атмосферу подозрительности и враждебности со стороны местных албанцев.

Однако, с сербской точки зрения, то, что произошло в 1912-1913 году, следует понимать в соответствии с другой моделью: это был окончательный пример войны за освобождение плененного населения (сербов Косово) от чужеродной имперской власти (турок). И, конечно, существует разница между случаем с Косово и случаем с такой территорией, как Алжир. В последнем примере не было непрерывной истории французского населения в Алжире, восходящей к средневековому французскому королевству. Проблема с Косово, однако, заключалась в том, что обе эти конфликтующие концептуальные модели - колониалистская, которая имела смысл для албанцев, и освободительная, которая имела смысл для сербов - были одновременно верны. Признавая равные исторические права на Косово и Метохию, Малькольм предлагал придерживаться здравого смысла и для предотвращения конфликта передать край албанцам (Malcolm 1998).

Таким образом, мы видим достаточно субъективный взгляд на проблему Косово и Метохии со стороны британских исследователей, который дает научное обоснование действиям британского правительства за последние тридцать лет. Из характерных приемов деформации исторических фактов, на наш взгляд можно назвать

обращение к аргументам этнического превосходства албанцев в крае, сложившегося в силу объективных исторических причин. Научные факты становятся объектом устоявшегося в британской исторической науке и политической сфере мифотворчества. Имеют место манипуляции с числовыми данными, искажается роль сербского народа в жизни региона. Особенно тенденциозность нарастает при описании событий 1990-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

- Abulafia, David. 1999. *The New Cambridge Medieval History*. Cambridge: Cambridge University Press
- Barker, Elisabeth. 1976. *British Policy in South-East Europe in the Second World War*. London and Basingstoke: Macmillan
- Boyd James. 2018. *Representing of Western Balkans, post War Understandings. A discourse analysis of Contemporary Representation of Bosnia, Serbia and Croatia in UK Press Media*, Lund: Lund University
- Eberhardt, Peter, Owsinski Jan. 1996. *Ethnic Groups and Population Changes in Twentieth Century Eastern Europe History, Data and Analysis*. London: Routledge
- Everett-Heath John. 2000. *Place Names of the World - Europe: Historical Context, Meanings and Changes. Europe*. Basingstoke: MacMillan Press
- Grbin, Carole. 2004. *The Role of Britain in Yugoslavia and its successor states: 1991-1995*. Glasgow: Glasgow Thesis Service
- Hodge, Carole. 2006. *Britain and the Balkans 1991 until the Present*. London: Routledge
- Malcolm Noel. 1998. "The battle of Kosovo". *Prospect Magazine* Последний доступ 15 марта 2024 <https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/55673/the-battle-of-kosovo>
- Simms Brendan. 2001. *Unfinest Hour: Britain and the Destruction of Bosnia*. London: The Penguin Press, Allen Lane
- Искандеров, Петр Ахмедович. 2021. *Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века*. Санкт-Петербург: Алейтея

Prof. Dr. Nikolay N. Fomichev, Russian Federation

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod National Research University"
Belgorod*

REPRESENTATION OF THE POLITICAL AND ETHNIC HISTORY OF KOSOVO AND AMAETOHIIJA IN BRITISH HISTORIOGRAPHY OF THE 2ND AND HALF OF THE XX-EARLY XXI CENTURY: HISTORICAL ANALYSIS AND MYTH-MAKING

Abstract

The article is devoted to attempts to mythologize the political and ethnic history of Kosovo and Metohija in British historiography of the last seventy years. The main patterns of stereotyping in scientific works are given, the degree of objectivity in the historical and political science literature of the United Kingdom on the "Kosovo problem" is considered. An analysis is given of the methods of subjective representation of the history of the region.

Keywords: *Kosovo and Metohija, Great Britain, ethnic composition, Serbs, Albanians, NATO*

Профессор д-р Кирилл Шевченко, Республика Беларусь
Российский государственный социальный университет
Минск

ЧЕШСКАЯ ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Политика исторической памяти в Протекторате
Богемия и Моравия в 1939 –1945 гг.

Аннотация

В статье анализируется политика исторической памяти, которая проводилась властями протектората Богемия и Моравия, образованном по указу Гитлера после окончательной оккупации чешских земель нацистским рейхом в марте 1939 года. Суть данной исторической политики состояла в обслуживании нацистской пропаганды и в подготовке чешского населения к запланированному нацистским руководством «окончательному решению чешского вопроса». Так, историческая политика в протекторате активно пропагандировала тезис об исконной принадлежности чешских земель Германскому рейху и популяризировала чешского князя Вацлава из династии Приемысловцев, который в начале X века признал вассальную зависимость Чехии от Германии. Данная историческая политика была одним из ярких проявлений чешского коллаборационизма и проводилась властями протектората вплоть до мая 1945 года. В наиболее яркой форме эта политика нашла своё выражение в средствах массовой информации и в протекторатной кинематографии.

Ключевые слова: *Протекторат Богемия и Моравия, историческая политика, коллаборационизм, германизация, Третий рейх.*

Политические потрясения в Чехословакии, вызванные Мюнхенским соглашением, заключенным в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. между Гитлером, Муссолини и лидерами Великобритании и Франции, в результате чего страна лишилась населённых судетскими немцами стратегически и экономически важных обширных приграничных областей (Vukouřil 2000, 363), оказали колоссальное влияние на проводившуюся здесь политику исторической памяти. В созданной в результате мюнхенского кризиса так называемой Второй чехословацкой республике ведущую роль стали играть правые и крайне правые политические силы, представленные аграрной партией, национальными демократами и различными фашистскими структурами, которые в той или иной степени ориентировались на нацистскую Германию.

Помимо колоссальных геополитических и социально-экономических потерь, подготовивших почву для окончательной оккупации чешских земель Германией, Мюнхенский сговор привёл также к глубокому психологическому шоку и депрессии в чешском обществе. По образному выражению одного чешского публициста, карта послемиюнхенской Чехословакии напоминала «труп, обглоданный гиенами», а население страны превратилось в «ходячих мертвецов, стремящихся исключить реальность из своей повседневной жизни» (Kuras 1999, 161).

Политическое руководство Второй чехословацкой республики категорически отвергло либеральное идейное наследие Масарика и Бенеша, а также ориентацию на западные демократии и парламентаризм, которые были объявлены «корнями зла» (Rataj 1999, 87). Образцом для подражания стал нацистский Третий рейх, в вассальной зависимости от которого оказалась послемиюнхенская Вторая республика. Именно по этой причине идейной основой Второй республики стал ярко выраженный национализм с оттенком расизма, позаимствованный у немецких нацистов принцип вождизма, а также культ «крови и почвы», воинской доблести, верности и дисциплины. Всё это было позаимствовано из идейного арсенала германского нацизма и не без успеха приспособлено к специфическим чешским условиям.

В политике исторической памяти в период Второй республики наиболее важное изменение заключалось в том, что с политико-идеологического пьедестала была сброшена столь любимая Масариком гуситская и национально-возрожденческая традиция

и вместо неё доминирующее положение занял католический фундаментализм. Наиболее ярким символом чешского католицизма являлся святой Вацлав – чешский князь из династии Пржемысловцев, активно способствовавший христианизации чешских земель в начале X века, признавший вассальную зависимость Чехии от Германии и впоследствии ставший жертвой своего младшего брата Болеслава в 935 году.

Показательно в этой связи, что 30 ноября 1938 г. сразу после своего избрания на пост президента Второй чехословацкой республики (Чехо-Словакии) Э. Гаха, стоя на коленях перед пражским архиепископом кардиналом К. Кашпаром, приложился и облобызал череп святого Вацлава. На следующий день новое правительство Второй республики во главе с лидером аграрной партии Бераном после принесения присяги на верность начало свою работу с церковной службы и общей молитвы министров. Всё это, невозможное в период подчёркнуто светской Первой чехословацкой республики, свидетельствовало о воздвижении фигуры святого Вацлава на государственный пьедестал и ярко демонстрировало консервативно-авторитарный характер нового режима (Rataj 1999, 87).

Представителями чешского католического лагеря в это время были консервативно настроенные прелаты, воинственные католические интеллектуалы и католические фашисты и полуфашисты разных оттенков, стремившиеся взять реванш за своё маргинальное положение в период Первой республики. При этом сторонники умеренного католицизма и диалога с секуляризованной частью общества оказались на обочине общественно-политической жизни. Более того, католические фундаменталисты под лозунгом «Католичество – это закон!» стремились подчинить государство церковной власти и полностью объединить католичество с чешской национальной идентичностью в единое целое. Под знаменем святовацлавской традиции и культа святого Вацлава во Второй чехословацкой республике был проведён ряд политических и культурных чисток. По справедливому замечанию чешского историка Я. Ратая, «политическая слепота, стремление к мести, ненависть к демократам и идейным оппонентам привели чешских интегральных католиков в лагерь открытых сторонников нацизма» (Rataj 1999, 88). Без преувеличения можно констатировать, что трансформация общественно-политической и идейной жизни в период Второй чехословацкой республики в полной мере подготовили почву для возникновения протектората Богемия и Моравия.

Полная оккупация Чехии и Моравии германским вермахтом в марте 1939 г., ликвидация Второй республики и провозглашение созданного по указу Гитлера протектората Богемия и Моравия в составе нацистской Германии дали мощный толчок дальнейшему развитию тех тенденций в политике исторической памяти, которые наметились ещё в период Второй чехословацкой республики. Определяющим фактором, который имел решающее влияние на политику исторической памяти в протекторате, стал коллаборационизм и полное подчинение чешских земель интересам германского Третьего рейха. Примечательно в этой связи, что статья 3 гитлеровского указа об образовании протектората Богемия и Моравия устанавливала автономию и самоуправление протектората с характерной оговоркой о том, что их объем и реализация определяются исключительно «политическими потребностями Рейха» (Beneš 1995, 69).

Весьма символичным было и то, что уже вечером 15 марта 1939 г., т.е. сразу же после оккупации Чехии вермахтом в Прагу счёл необходимым прибыть вождь нацистского рейха, который по-хозяйски разместился в резиденции чехословацких президентов на Пражском Граде, продемонстрировав тем самым свой полный триумф в решении «чехословацкого вопроса» (Liška 2018, 21).

Чешское руководство протектората Богемия и Моравия в области исторической политики предпочло сделать ставку на ту форму чешской исторической государственности, которая существовала до начала Первой мировой войны, когда чешские земли являлись составной частью империи Габсбургов. Образование независимой Чехословакии в октябре 1918 г., ставшее возможным после окончания Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгрии, трактовалось протекторатными идеологами как неестественное, аномальное и искусственное явление, принесшее чехам исключительно пагубные последствия. Так, один из ведущих идеологов Второй республики Э. Вайтауэр, рассуждая о чехословацкой государственности в межвоенный период и имея в виду Версальскую систему, афористично утверждал, что «кассир в Версале выплатил нам значительно больше, чем был должен. Возвращать полученную нами переплату, которую мы в течение 20 лет тратили как хотели, трудно...» (Rataj 1999, 88).

Явно обозначившееся ещё в период Второй чехословацкой республики негативно-критическое отношение к полученной в 1918

г. независимости в специфических условиях протектората значительно усилилось и стало доминирующим. Однако если в период Второй республики имела место скорее австрославянская ностальгия и трактовка распавшейся Австро-Венгрии как идеального места для успешного развития чешского народа, то в протекторатных условиях привычный для чехов австрославизм, бывший важным элементом чешской политики ещё с середины XIX в., эволюционировал в своеобразный германославизм. Это выражалось в том, что протекторатная пропаганда трактовала чехов как самый развитый славянский народ, который не только с цивилизационной, но и с расовой точки зрения является наиболее близким к германским народам Европы и находится «под защитой» нацистского Третьего рейха (Rataj 1999, 88).

Любопытно, что данный пропагандистский тезис протекторатных идеологов гармонировал с теориями некоторых судетонемецких историков и социологов, которые трактовали чехов как народ «преимущественно германского происхождения». Так, уроженец Северной Чехии, видный судетонемецкий социолог Карл Валентин Мюллер, занимавший с 1941 г. должность профессора Пражского немецкого университета, в своих научных трудах доказывал, что этногенез чехов в эпоху раннего Средневековья представлял собой симбиоз «германского и славянского биологического и культурного компонентов при решающей роли германского элемента» (Lozoviuk 2012, 30). Данные теории были призваны подготовить идеологическое и научное обоснование полной германизации большей части чешского населения, которая должна была начаться сразу после военной победы гитлеровской Германии. Помимо этого, в протекторате активно издавались и распространялись, в том числе и на украинском языке, «научные труды» немецких историков и этнографов из Германии, где пропагандировалась нацистская расовая теория и доказывалось, что «с расовой точки зрения никаких «славян» не существует вообще...» (Баер 1944, 7).

Важным тезисом официальной протекторатной пропаганды было утверждение о существовании исторически длительного и взаимовыгодного «чешско-немецкого сотрудничества» и о возможности для чехов получить практическую пользу от германской агрессии; при этом, однако, всячески замалчивался тот совершенно очевидный для подавляющего большинства чехов факт, что окончательной целью нацистской Германии в «чешском вопросе» была

полная ликвидация чешского народа путём ассимиляции, депортаций и физического истребления. Образованный по указу Гитлера Протекторат Богемия и Моравия должен был стать практическим орудием реализации данной цели.

В условиях протектората главной целью его политической элиты был поиск исторических аргументов, способных убедительно обосновать естественный характер и легитимность вассальной зависимости чешских земель от Германской империи. Целенаправленная и активная работа в этом направлении началась ещё в период существования Второй чехословацкой республики по прямому указанию премьер-министра Берана и президента Гахи. Весьма удобной для реализации данной цели оказалась именно святовацлавская традиция, в частности, то обстоятельство, что князь Вацлав после вторжения в чешские земли саксонских и баварских войск был вынужден подчиниться и признать ленную зависимость Чехии от германского короля Генриха I Птицелова. В дальнейшем это стало государственно-правовой предпосылкой вхождения чешских земель в состав Священной римской империи германской нации, провозглашённой в 962 году. Актуализируя данный аспект святовацлавской традиции, католический публицист Б. Станек призывал чешское общество «идти путём святого Вацлава», ожидая при этом, что «современная Германия будет относиться к нам с тем же тактом и благородством, с какими относился к Чехии и к нашему святому Вацлаву король Генрих I, предоставивший чешским землям все возможности политического, экономического и культурного развития» (Rataj 1999, 90).

После провозглашения протектората Богемия и Моравия, созданного 16 марта 1939 г. по указу Гитлера в качестве автономной единицы в составе Третьего рейха, интерпретация святовацлавской традиции была трансформирована таким образом, что мотивы подчинённости чешских земель Германии, естественности данного явления и связанных с этим выгод стали доминирующими. По сути, политика исторической памяти в протекторате стала весьма изобретательно обслуживать примечательный лозунг чешского главы протектората Э. Гахи: «Быть добрым чехом и благонадёжным подданным рейха!», который можно считать квинтэссенцией чешского протекторатного коллаборационизма.

Гаха и протекторатные идеологи небезуспешно стремились приспособить святовацлавскую традицию к текущим политическим

потребностям, актуализировав существовавшую в Средние века государственно-правовую связь между Чехией и Священной римской империей германской нации таким образом, чтобы легитимизировать существование протектората Богемия и Моравия в составе нацистского Третьего рейха. В конкретном выражении это предполагало обязанность чехов как малого народа принять «защиту со стороны великого народа», прочно усвоить и практиковать «национал-социалистические ценности» с их расовой антиславянской теорией, а также добросовестно служить рейху, способствуя его победе в войне со странами антигитлеровской коалиции, и бороться с местным движением Сопротивления (Rataj 1999, 91).

Что же касается обязательств германского сюзерена в отношении своего чешского вассала, то они должны были выражаться в сохранении национально-культурной автономии протектората со стороны германского рейха. Впрочем, вожди нацистского рейха не воспринимали всерьёз все эти тщательно выстроенные протекторатно-коллорационистские идеологические конструкции. В этом отношении принципиально важным является то обстоятельство, что протекторат Богемия и Моравия с его формально автономным статусом с самого начала рассматривался руководством нацистской Германии как временная мера, необходимая для осуществления и эффективного контроля над чешским населением в ходе войны; при этом сам протекторат с его развитой военной промышленностью и чешской квалифицированной рабочей силой был исключительно важным экономическим ресурсом для Третьего рейха (Шевченко 2022, 63).

После предполагаемой победы Германии в войне и успешной германизации чешского населения, которая уже начала постепенно осуществляться на территории протектората Богемия и Моравия, нацистские вожди планировали «разделение протектората с включением его частей в состав соседних административных единиц Третьего рейха» (Hořejš 2013, 17). Таким образом, о чехах и их былой государственности в новой гитлеровской Европе не должно было остаться даже воспоминания.

Как обоснованно замечает чешский историк Я. Ратай, интерпретация святовацлавской традиции в протекторате вполне соответствовала «фальсификациям чешской истории в германском рейхе и среди судетонемецких учёных. Князь Вацлав был использован для обоснования легитимности и естественности включения чешских

земель в состав Германской империи и придания активному коллаборационизму статуса нормального и даже желаемого явления, соответствующего всем нормам морали. Уже 19 марта 1939 года политический секретарь главы протектората Э. Гахи Й. Климент в газете «Народни политика» опубликовал статью «Возрождение Священной римской империи», в которой с вассальной гордостью декларировал, что чехи стали частью обновлённой германской империи и что они по примеру своих предков должны стремиться к тому, чтобы их считали лучшей частью империи, «золотым ожерельем германского рейха» (Rataj 1999, 91).

Протекторатные идеологи реанимировали святого Вацлава прежде всего как «первого осознанного глашатая и выразителя необходимости соглашения чехов с рейхом и одновременно как национального святого» (Rataj 1999, 91). Образ святого Вацлава был изображён на самой крупной протекторатной банкноте достоинством в 5.000 крон. Более того, с образом святого Вацлава был связан и самый масштабный в протекторате кинематографический проект, призванный запечатлеть святого Вацлава именно в таком идеологическом формате, который был необходим протекторатной пропаганде. Однако в силу различных организационных и технических причин съёмки масштабного художественного фильма «Святой Вацлав», призванного стать одним из самых мощных инструментов протекторатной кинопропаганды, так и не были завершены – к облегчению ряда чешских актёров и режиссёров, стремившихся избежать участия в этом сомнительном пропагандистском проекте.

Наиболее ярким и одновременно позорным для чехов эпизодом использования святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха и протекторатной пропаганды стала торжественная церемония передачи ключей от чешских коронационных драгоценностей главой протектората Э. Гахой исполняющему обязанности рейхспротектора обергруппенфюреру СС Р. Гейдриху 19 ноября 1941 года в храме Святого Вита в Пражском Граде. Данная церемония символизировала полнейшее господство нацистского рейха над чешским народом и чешскими землями.

Ещё одним показательным примером подобного рода была устроенная 3 июля 1942 года у памятника святому Вацлаву на Вацлавской площади в центре Праги массовая проправительственная манифестация чехов, в ходе которой было осуждено покушение на и.о. рейхспротектора Гейдриха, совершённое группой направленных

из Великобритании чехословацких десантников. В своём выступлении на этой массовой коллаборационистской манифестации глава протекторатного правительства Й. Крейчи от имени всех чехов осудил покушение на Гейдриха, заклеил Э. Бенеша и возглавляемое им эмигрантское правительство как главных врагов чешского народа и заявил о верности всех чехов Великогерманской империи. Показательно, что это яркое проявление массового коллаборационизма, в котором приняли участие десятки тысяч чехов, имело место у памятника святому Вацлаву в центре чешской столицы – именно в том месте, где 28 октября 1918 г., т.е. всего двадцать четыре года назад, была торжественно провозглашена независимая Чехословакия.

Впрочем, Гитлер и прочие вожди Третьего рейха воспринимали столь тщательно выстроенную протекторатными идеологами коллаборационистскую идеологическую конструкцию как «смешной формализм» (Rataj 1999, 92). Для руководства нацистской Германии протекторатная автономия и псевдогосударственность были лишь временным механизмом эффективного управления чешским населением во время войны до наступления завершающего этапа решения «чешского вопроса», в результате которого чехи как самобытный славянский народ должен был исчезнуть навсегда не только с политической, но и с этноязыковой карты тогдашней Европы.

Использование святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха достигло своего апогея и одновременно логического завершения в интерпретации главного пропагандиста протектората Богемия и Моравия Э. Моравца. Так, в одном из своих выступлений Моравец заявил о том, что «верность святому Вацлаву означает верность рейху, к которому князь Вацлав питал самые тёплые чувства. Возглавляемое Моравцом протекторатное управление по воспитанию молодёжи использовало образ князя Вацлава как мистического и при этом немилосердного вождя, который вёл своих «арийцев-чехов» в бой против евреев, чехословацкого эмиграционного правительства в Лондоне, движения Сопrotивления и стран антигитлеровской коалиции» (Rataj 1999, 93).

В этом же духе работали и протекторатные средства массовой информации. Так, для нейтрализации прославянских и просоветских настроений среди чешской общественности, усилившихся после нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г., протекторатное радио начало с 15 июля 1941 г. цикл пропагандистских

передач под названием «Чех не может быть большевиком». В одной из радиопрограмм в рамках данного цикла чешский протекторатный журналист А. Кршиж убеждал чехов в том, что «славянство и патриотизм являются лишь одним из жидо-большевистских обманов» (Pinard 2005, 196). Последним примером использования святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха и протектората можно считать существование так называемой Святовацлавской добровольческой роты в марте – мае 1945 года в составе 77 чешских солдат, которые должны были вместе с германским вермахтом участвовать в боях с наступавшей Красной Армией.

После окончательного освобождения Чехословакии от нацистской оккупации в мае 1945 года вплоть до прихода к власти коммунистов в феврале 1948 года политика исторической памяти в этой стране в основном вернулась к той модели, которая существовала здесь в период Первой чехословацкой республики в 1918-1938 годах.

ЛИТЕРАТУРА

- Beneš, Edvard. 1995. *Odsun Němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami*. Praha: SEB
- Hořejš M. 2013. *Protektoratní Praha jako německé město*. Praha: Mladá fronta.
- Kuras B. 1999. *Češi na vlásku. Příručka národního přežívání*. Praha: Baronet.
- Liška V. 2018. *Éra hákového kříže. Protektorát*. Praha: Nakladatelství XYZ.
- Lozoviuk Petr. 2012. *Etnicita a nacionalismus v diskurzu 20 století. Příspěvek intelektuálů z českých zemí ke studiu kolektivních identit*. Brno: MUNI.
- Pinard P.R. 2005. „Alois Kříž a cyklus rozhlasových relací „Co víte o Židech a zednářích?““. *Terezínské studie a dokumenty 2005*. Editorka Jaroslava Milotová, 193-231. Praha: Institut Terezínské iniciativy.
- Rataj Jan. 1999. „Politické proměny symboliky svatováclavské tradice a tradice 28. října v moderních československých dějinách“. *Spory o dějiny II. Sborník kritických textů*. Editor Miloslav Bednář, 84–97. Praha: Masarykův ústav AV ČR.
- Vykoupil Libor. 2000. *Slovník českých dějin*. Brno: Julius Zirkus.

Баер, Ганс Йоахім. 1944. *Доля поляків. Раса – народна вдача – пле-
мінна порода*. Прага: Видавництво Ю. Тищенка.

Шевченко, Кирилл. 2022. *Славянський трикутник. Альянс Варша-
ва-Москва и Празькая весна 1968 года*. Минск: Колорград.

Prof. Dr. Kirill Shevchenko, Republic of Belarus

*The Russian State Social University
Minsk*

CZECH HISTORY IN THE SERVICE OF THE THIRD REICH

The politics of ancient memory in the Protectorate of Bohemia and Moravia in 1939 –1945.

Abstract

The article analyzes the policy of historical memory, which was carried out by the authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia, formed by order of Hitler right after the final occupation of the Czech lands by the Nazi Reich in March 1939. The essence of this historical policy was to serve Nazi propaganda and prepare the Czech population for the “final solution to the Czech question” planned by the Nazi leadership. Thus, historical policy in the protectorate actively promoted the thesis about the original belonging of the Czech lands to the German Reich and popularized the Czech Prince Wenceslas from the Premyslid dynasty, who at the beginning of the 10th century recognized the vassal dependence of the Czech lands on Germany. This historical policy was one of the most striking manifestations of Czech collaboration, carried out by the authorities of the protectorate until May 1945. In particular, this policy was expressed in the media and cinematography.

Keywords: *Protectorate of Bohemia and Moravia, historical politics, collaborationism, Germanization, Third Reich*

IV
CULTURAL MEMORY IN
(GEO)POLITICAL CONTEXT

Dr. Braco Kovačević, Bosnia and Herzegovina

Banja Luka, Republika Srpska

FROM THE CULTURAL MEMORY TO THE CULTURE OF REFUSAL (The Great Reset Fascism)

Abstract

The cultural memory represents the symbolic heritage of historical, political, cultural, religious and other contents that influence the formation of individual and collective identity. It implies the continuous archiving of memories and awareness of past contents that are very significant from the point of view of their present and future. Thus, the cultural memory shapes persons and social communities who remember, memorize and react by expressing their acceptance or resistance to social phenomena. It also warns us of all the important events from the past that might happen in the present or in the future. In this sense, all those negative events with projected voluntaristic and extremely rigid measures of legal, political, police and medical totalitarianism related to the Coronavirus pandemic warn us about the dangers that certain agendas carry with them, including the agenda of the Great Reset. With its intentional and imperative concepts about the “green economy“, imposed norms of nutrition, work and housing, transhumanism, geopolitics of resources, wars and reducing the population to a “golden billion“, the agenda of the Great Reset proves to be genocidal and fascist. That is why the cultural memory warns us to reject the agenda of the Great Reset as a fascist agenda, that is, as an agenda of the new fascism.

Keywords: *cultural memory, culture of rejection, green economy, transhumanism, fascism, Great Reset*

INTRODUCTION

Although totalitarian ideas and ideologies from our recent or earlier past must not be forgotten, *collective memory*, for various reasons, is sometimes short and forgetful, and so is that which refers to the extremely inhumane measures introduced during the Coronavirus, or COVID-19 pandemic.

Thanks to the many tendencies that can lead to the practical application of inhumane measures against persons, some destructive, necrophiliac, misanthropic and anti-human ideas, ideologies, movements and political situations in the world, including in the third millennium, really show all the potential of establishing one of several different forms of totalitarianism.

The idea, ideology, and even the “movement” of the *Great Reset* show that history can constantly face some destructive and genocidal challenges, problems and risks. Ideas and ideologies that sought to shape society and individuals in accordance with pre-projected anticipatory and messianic “schemes” and models have always appeared in the history of human society. One of those totalitarian ideologies that strives to arrange the *World* according to *its* ideational dystopian concepts refers to the agenda of the *Great Reset*. This is precisely why the nature and essence of this agenda must be understood as an agenda of evil, anthropological hatred, Hatred of Man, misanthropy and genocide, and why the cultural memory must transpose it to the level of negative cultural historical consciousness and experience, prevent its re-emergence in any form and, of course, prevent its realization. The cultural memory helps us to understand the past in order to relate meaningfully to our present and future, and connect it with the culture of refusal of inhumane agendas such as this one – the agenda of the *Great Reset*.

A BIG RESET IN THE CULTURAL MEMORY AND CULTURE OF REFUSAL

The cultural memory

In the literature, synonyms and terms such as: *cultural memory*, *collective memory*, *culture of remembrance*, *national memory*, and the like are used for the term cultural memory. In that sense, we will list several starting points and define important terms.

In a broader sense, the term *culture of remembrance* signifies “the overall public use of the past” (Nedović 2007, 270). The culture of remembrance and memory represent “organized social memory” aimed at preserving content and “storing of past experience”, that is, “storing of past content”. It shows us that, with the help of memories of past contents, we interpret their meaning for our present (Kuljić 2006, 8). The culture of remembrance and cultural memory refer to *collective memory* as “part of socially integrative oral or written knowledge that frames the image of a group’s past” (Kuljić 2007, 243). The cultural memory (culture of remembrance) represents the process of achieving “continuity by protecting one’s *collective knowledge*” with the aim of ensuring the conditions “for the (re)construction of identity”. The basis of memory refers to significant “knowledge about an event, phenomenon, person, or process.” And, “by the transition of remembrance into cultural memory, the culture of remembrance (memory) begins” (Lavić 2014, 399).

It follows, therefore, that the cultural memory is actually a significant experiential culture of heritage that is opposed to the collective amnesia of historical events of a social community. It is the primary form of organizing cultural heritage that provides the necessary cultural identity which sustains the social community. The cultural memory establishes and consolidates the social community in time, formulates its identity, giving meaning to its physical and cultural existence. That is why the cultural memory is extremely important.

The cultural memory is important both for ensuring a community’s integrity and resisting its disintegration. And that was precisely the intention of the repressive imposition of the totalitarian, fascist agenda of the *Great Reset*.

The Great Reset agenda as the agenda of the new fascism

It is usually thought that fascism represents the historical past, and that the development of democracy after the Second World War is a security factor that prevents the emergence of a totalitarian movement, ideology and regime, such as fascism. But that is not the case. Fascism can re-emerge, although not in that form, but certainly with a lot of similar and identical components that correspond to a new form of fascism, i.e. – *new fascism*.

When we refer to “new fascism”, we are not talking about fascism as an *Italian* social and political phenomenon (Kovačević 1994), but about

fascism in the colloquial and not a precisely scientific sense, as Andrej Mitrović does, for example, when he says that fascism and Nazism are two varieties or two forms of fascism, and that the word *fascism* has two meanings – one, which refers to “the specific Italian movement”, and the other, “as a collective noun for a whole range of right-wing political movements, aspirations or parties in many countries, including Italy”. The word *fascism* is used to denote ideologies and movements that differ from each other, but have the common trait “they all have the same essence that makes them part of the same historical phenomenon of international character”. And, what constitutes that “same essence” is shown “in their orientation towards the creation of an authoritarian nation-state that is supposed to ensure the complete political homogeneity of society on the basis of abolished freedoms, significantly limited rights and complete subordination of the individual”. Subsuming various right-wing movements under the term *fascism*, Mitrović decidedly argues that Nazism is “German fascism”, or “the name for fascism that developed in Germany” (Mitrović 2009, 14, 15).¹

Starting from this definition and understanding of fascism, we can say that the *Great Reset* agenda is a fascist one.

On the fiftieth anniversary of the formation of the *World Economic Forum (WEF)*, in June 2020, the concept of the *Great Reset* was inaugurated in Davos, Switzerland. The creator of the idea of the *Great Reset* is the founder and chairman of the *World Economic Forum* and former student of Henry Kissinger – Klaus Schwab.

According to the agenda of the *Great Reset*, all areas of individual and social life *must* be “rearranged”, i.e. “reset”, and every country *must* participate in this exercise. According to the founders of the *Great Reset* agenda, the COVID-19 pandemic was a real opportunity for a “great reset” of the global economy, ecology, politics, culture, traditions, everyday life, ethics, which will follow the pandemic. The strategic goal of the complete program of the *World Economic Forum* refers to the “reset” of capitalism, neoliberal capitalism, which has fallen into crisis. That’s why one strand of “reset” refers to the global economic market, another to social and other changes in people’s daily lives, and the third one to the achievement of common predetermined imperative goals (Schwab, Malleret 2020).

¹ Of course, the “same essence” can also refer to the creation of a totalitarian *supranational state*, a *supranational government*, i.e. a unipolar *new world order* advocated by the conceptual designers of the *Great Reset*.

The authors and promoters of the “Great Reset” present themselves as humane philanthropic inventors of the way out of the global economic, political, geopolitical and social crisis, supposedly beneficial for all. They see themselves as the “fathers of humanity” who, with their genius, have the right to tell the whole world *where* to go, *how* people and their nations should think and behave, and *how* to live in general. They behave as worldly and secular *Deus absconditus* thinking that they have some “divine mandate” to arrange the world as they see fit.

The reset that these “philanthropists”, but actually manipulators and real misanthropes, refer to has the same inhumane, exploitative and undemocratic content, but only different tools and instruments with which they hide their authoritarianism, totalitarianism and fascism. Let’s first take as an example the so-called **green agenda**.

Green agenda

The proponents of the *Great Reset* talk about the “*green economy*”, about environmentalist ethics and the introduction of environmental standards (such as levies and taxes), cleaner energies and the reduction of gas emissions that lead to the destruction of the ozone layer and climate change of global warming, although it has been shown that the introduction of “*lockdown*” increased the harmful gas, especially carbon, emission. The eco-centric semantic narrative about the reduction of carbon emissions served as a disguise for **social engineering**, as part of the project of introducing – a **new climate order**.

In that sense, the United Nations’ *Agenda 21* is a plan to establish absolute control over water, land, plants, minerals, infrastructure, means of production, education, energy, information, and even human beings and the so-called. “intangible factors of production” (values, needs, interests, desires).

Although the climate change and global warming discourse is controversial, global power centers are still trying to use it to bring about radical economic, political and geopolitical changes. In this respect, the *Great Reset* agenda has proved to be a perfectly acceptable plan by which they want to realize their interests.

Imposing a “green agenda” on climate change is essentially advocacy for the “war” on fossil fuels and **deindustrialization**. And it implies a transition from the use of energy from fossil fuels (85% of the world’s energy today comes from fossil fuels) which, as they point out,

leads to climate disruptions of global warming, to “renewable”, “green energy”, solar and wind parks, sun and wind power. The agenda refers to it as the transition from fossil fuels to *renewable energy sources*.

The implementation of the *Great Reset* agenda would lead to the endangerment and disappearance of some branches of industrial production, such as the meat industry (livestock farming, especially related to cattle breeding and poultry farming). Globalists contend that cows produce methane and carbon dioxide that contribute to climate disruptions, so they propose a radical change in the “food chart” and a switch to vegetarianism, which is “healthier” and which will supposedly lead to a drop in the price of food because plant-based food is cheaper. Thus, the meat industry will disappear, and new industries will develop as a substitute for the meat industry.

However, many experts believe that “green energy”, which will be more expensive, will lead to *deindustrialization*, to an increase in the prices of energy and food, and to major problems that the processing and textile industries of “developing countries” will face. All this, in turn, will lead to a drop in production, decline in the standard of living, a shorter life, poverty, dying and to the actual goal – the population decline according to the morbid narrative of the “golden billion”.

The Great Reset agenda insists **on de-carbonization**, whose aim is to reduce carbon dioxide emissions to zero by 2050 (*Great Zero Carbon*). *To that end, the “carbon footprint” is introduced* as a benchmark for monitoring carbon dioxide emissions. Those who emit carbon dioxide will pay a *carbon tax*, i.e. a tax on its emission.

Allegedly, 1,000 billion dollars should be collected from carbon tax, which is precisely the new way of additionally robbing poor countries. And not only that, but also make them absolutely controlled and turned into dependent, rather than sovereign subject states. This ‘cause’ will be served by the supranational *climate police* and lead to the further de-sovereignization of states.

Those who cannot afford to pay tax on carbon dioxide emissions, or to buy an emission permit, will not be allowed to burn oil, gas or coal. Furthermore, the plan of power-mongers is also for taxes will be gradually increased, and the number of permits gradually reduced in order to raise the price of emission. Those unable to pay will not be able to burn fossil fuels, and those unable to burn them will not have the necessary energy for the needs of the economy and the population. Thus, energy

will have to be imported from those who have it from renewable sources, and it will be very expensive and increasingly expensive.

The introduction of a carbon tax is a new way for rich neoliberal states to impose “standards” that poor countries would have to accept. In this way, they and their people are robbed even more (Kovačević 2019). The climate change agenda is distinctly neoliberal – an agenda of plunder.

Proclaiming *de-growth*, i.e. growth reduction and control, “green agenda” and “green economy” seem to be not only the agendas of “eco-de-industrialization” and destruction of essential parts of industry, but also agendas of destruction of the middle and poor classes, as well as poor nations.

Another important component of the *Great Reset* agenda is related to – ***work and technology***.

Work and technology

The conceptual and ideological designers of the so-called *Great Reset* are seeking to program not only economic and political relations, but also an individual’s everyday life –personal, cultural and spiritual life. In this regard, they are referring to the ***fourth industrial revolution***.

Regarding the fourth industrial revolution, they contend that it will not only change what we *do*, but it will also change us, it will change our *identities* related to our personality, thinking and behavior patterns, work and consumption patterns. It will therefore change *us* and transform *societies*.

The world we know will no longer be the same: large corporations will assume a greater role in creating our lives and society and capitalism will take on a completely different form. States will be de-sovereignized, ravaged and destroyed, because powerful mega corporations, transnational corporations, together with digitization and “non-governmental organizations” – will rule.

The intention is that in a digitized society, states will not exist, that national governments will be replaced by corporations that will absolutely dominate people, and that will be the exclusive masters of work, order and life, the World and Nature. And that is not possible unless the people on planet Earth are “compressed” into a digital electronic concentration camp in which their movement, thinking and behavior, as well as their every activity, will be controlled. All of this will affect identity changes, an enormous increase in inequality between the rich and the

poor (there won't even be a middle class), and a sharp differentiation between those who have power and those who will not.

The Great Reset agenda leads to the major changes in the field of *work*.

Numerous professions, occupations and business activities would disappear and many would be performed by highly sophisticated robots. People would work at home using advanced technologies. They would hardly even leave their "living spaces" because drones would deliver food, drink, medicine and everything that is offered and "given" to them to satisfy the "needs" of their fully programmed life.

While communication between close and family ties will exist to some extent, "communication" with other persons will be virtually determined. Due to a restrictive "environmental concern", people will reduce their movements, trips and going out.

By introducing digital economic systems, advanced information technologies and "artificial intelligence" into production processes and everyday life, developed countries will accelerate economic growth and development, while poor countries will lag behind and grow increasingly poor in their development. They will be declared polluters of the natural environment and therefore forced to pay high charges, i.e. taxes to technologically developed and rich countries. The monopolistic position of developed capitalist countries will create new forms of *ecological colonialism* and *social apartheid*.

Nutrition and housing

Some nations like to eat turkey and cannot imagine a national public holiday without a roast others, on the other hand, eat dog meat and do not like cow's milk. Some like cow's milk, but don't eat dog meat, some don't like either cow's meat or cow's milk. On the other hand, some tribal peoples like to eat ants, but not game; some, again, for their secular or religious holidays, like to have pork on the menu, while some religions strictly forbid the use of pork, etc. (Harris, 1995, 29).

People's diet largely depends on tradition, culture, religion, ecology, as well as other factors, so the question arises: how to make people with their traditional "food charts" abandon their cultural, alimentary and gourmet habits and start using an alternative menu proposed by the *Great Reset* agenda? Probably in the same, similar, or even worse way

than it was done in the case of use of undemocratic and fascist measures during the COVID-19 virus pandemic.

Obsessed with neo-Malthusian ways of reducing the population to the “golden billion”, the leaders of Davos also propose changing the “food chart”. And, if their ideas become dominant through the global power institutions, we will eat mealworms, and probably other worms, larvae, reptiles, bugs, grasshoppers, silkworms, crickets that will no longer remind us of the heat; we’ll also eat anything else we’re told is “diet” and “healthy”, like protein substitutes from labs and 3D printers. Neo-Malthusians will convince us that their cultivation requires much less land, water and energy than in classical agricultural food production, and therefore a smaller “carbon footprint” because this “green production” allegedly produces 80% less methane than cows and even up to twelve times less ammonia than pigs (!).

At a time when humanity has never produced more food, the *Green Deal* and the *Great Reset* will create a deficit, destruction and disappearance of food, in a completely artificial way. This will lead to the extermination of many species of animals and their exclusion from the human food chain: chickens and pigs, with the excuse of bird flu and swine fever, beef, due to the fact that cows are accused of creating methane. Meat will be produced artificially, in laboratories, which will lead not only to dietary changes, but also in food production and in the economy.

Alimentary changes will lead to the fact that we will eat everything that the sick, morbid old men from Davos recommend to us (some of whom call themselves “philanthropists”, and this misanthropic manipulation is spread by many absolutely controlled, censored, manipulative and corrupt media), those who, as global rulers and gravediggers, aspire to be the absolute holders of global power. Namely, *they* would like to decide *what we* would eat and drink, *how* we would dress, *how* and with what we would be treated, *where* and how we would live, *how* we would have to behave, *how* and from what we would get sick and die, and *how many* of us should be on the planet at all. They argue that that number is one billion (and there are about eight billion of us today) and they call it, in a completely neo-Malthusian style, the “golden billion”.

According to the *Great Reset* agenda, the so-called the *fourth industrial revolution* will affect not only our social, but also our individual life. In an effort to “collectivize” individual life, Klaus Schwab’s and the World Economic Forum’s conceptual idea is reminiscent not only

of the early communist ideas of social-utopianism that determined the entire life, but also, in a certain way, of concentration camps.

Artificial intelligence will create “*smart cities*” which will supposedly have greater energy savings, better traffic flow, as well as numerous warnings intended for “citizen counseling”.

Concept designers talk about future life in an “idyllic society” which they advocate with great enthusiasm. Considering themselves great philanthropists, they actually misanthropically point out that everyone in this world would have to live exactly in such a society that only *they* project. Well, what would life be like in their supposedly utopian “idyllic world”, but actually the so-called dystopian world of the *Great Reset*?

It is a kind of society in which people would live in *closed neighborhood spaces*, in residential buildings with shared kitchens, shared bathrooms and almost no privacy. All real estate would be rented or borrowed, because people would have nothing. *You’ll Own Nothing and You’ll Be Happy* – believes Klaus Schwab. Everything will be rented and those services will be paid for. There will be no private, personal property (refrigerators, dishwashers and washing machines, air conditioners, cars, bicycles, and not even cutlery and socks), because in neo-liberal “inclusive capitalism” all that will be rented or leased.

In this way, the globalist inclusivists present their so-called “inclusion” or “inclusive capitalism” as a kind of “humane” socio-economic system whose goal is to achieve the interests of the planet’s population and not capital and capitalists. This also means that these “inclusive capitalists” would not have property, private or personal (???) Everything would supposedly be shared; people would have no personal items and they would feel “happy”. And the extremely catastrophic and absolutely inhumane experience with the pandemic showed us that people felt “happy”. A similar thing would happen in this case, where the state or a powerful transnational institution of power would pass directives that would be mandatory, massively depriving people of their property. And, all this in the name of the law and the execution of the highest will.

The transition from fossil fuels to “green energy” will lead to an enormous increase in the price of food and energy, so that items that used to be personal will become luxuries and therefore unaffordable. We will not possess them individually, but we will use them individually as “collective goods”. People will know exactly how much they will be able (and allowed) to eat and drink, and what access they will have to resources, food and water. Water and food production will depend

on biotechnology, which is the continuation of eugenic plans, so we can seriously talk about the link between Hitler's biometrics, the *Great Reset* and *Agenda 21*.

According to such projects, people will live a completely standardized and absolutely programmed life. They will live not only in a kind of mental reservation camp of controlled thinking, but also in some form of a modern physical reservation camp and a new concentration camp of controlled behavior.

According to such projects, people will live completely standardized and absolutely programmed lives. They will live not only in a kind of mental reservation camp of controlled thinking, but also in some form of a modern physical reservation camp and a new concentration camp of controlled behavior. Because, forbidding them to freely use nature and natural resources, restricting their movement and forbidding them to express political dissent, would actually mean living in a totalitarian world full of real and virtual fences of some new concentration camp. Through the process of taking over resources and controlling all aspects of human life prescribed by *Agenda 21* of the United Nations, the rulers of the *New World Order* should ensure totalitarian rule and abolish human rights, freedoms and democracy. Designing and standardizing life, prohibiting the free use of nature, controlling, limiting and prohibiting the movement of people, as well as prohibiting critical thinking, political dissent and disagreement, and infringing human rights and freedoms, shows that it is a dangerous effort to build a closed society, i.e. a kind of a feudalized concentration camp of a completely totalitarian society (Kori 2014).

There is another important component of the *Great Reset*, and it refers to the so-called *transhumanism*.

Transhumanism

Transhumanism is an idea and orientation that advocates the association and use of science, technics and technology in order to "improve" human physical, rational and mental abilities and skills. It is believed that this merging of human beings with technology will actually change and "improve" the human being. In this way, a *new man*, *transman*, post-man would be created.

Transhumanism, as Klaus Schwab himself notes, is an essential part of the *Great Reset*. "If the first three industrial revolutions are

what we do to the world, what man does to the world, what you do with the world to the world, then the *Fourth Industrial Revolution* is what they do to you... If you accept something and become genetically modified, then your identity changes ... The fourth industrial revolution is a change in the human genome, it is the creation of another type of man” – says Klaus Schwab. He believes that the *fourth industrial revolution* will necessarily lead to the merging of man’s physical and intellectual, rational dimensions with digital instruments, which will be the basis of transhumanism and the creation of a “new man”. The combination of artificial intelligence and biotechnology will represent the “*new normal*” on which capitalism will be based and developed.

Scientists claim that in the future humankind will be divided into two types – *cyborgs*, as a kind of “new human race”, and those who, due to the lack of possibility to improve their bodies in accordance with technological progress, will remain *biologically intact*. Namely, in 100 years, technological development could enable people to modify their bodies without any restrictions using the latest technologies, which would make them look a lot like cyborgs, like those imbeciles from science fiction movies. However, the majority of the population will probably not be able to afford it. In this way, this “anthropological transition” will make an “attack” on man and the biological human species, and society that will be created will be composed of two species, two castes or two classes: the *upper class*, which will constantly change organs and live 120- 140 years in ecologically clean zones (“enclaves”), including floating cities, feeding on high-quality natural protein food, and the *lower class*, who will live for 40-60 years, be controlled by the upper class together with the resources, and who will be physically weak, fundamentally uneducated and live in ecologically polluted phantom areas. The anthropological transition into the “brand new concentration camp” of the *New World Order* would exclude the middle class and place only two classes on the historical stage: the ultra-rich and the ultra-poor (Fursov 2023).

With the idea of *transhumanism*, merging our physical and biological body and identity with artificial intelligence and digitality, human nature will also change. Some would say that the *Great Reset* is interference with the “things of God”, but we would note that it is a truly destructive necrophilia. Even more so, as serious scientists believe that there are two traps behind transhumanism: first that the use of technological implants is a weapon against citizens and, second, that people with various technological accessories can be spied on, lose their privacy or

be controlled and lose their own identity. And this is nothing other than *digital fascism* that serves the irresponsible globalist oligarchy.

With digital innovations, the West wants to change not only the work and production systems, the organization of work and leisure time and lifestyle, management and governance, but also human lives, minds, thoughts and people's behavior. In this way, a global corporate-techno-bureaucratic, totalitarian *new world fascist order* is created, which, in a certain way, manifested itself during the COVID-19 virus pandemic.

Pandemic and depopulation

In line with their own concept of eugenics, the Nazis used to advocate for population reduction. Along these lines, the solution to the existence of an “excessive” population and the so-called “population bombs” by reducing population size to the “golden billion”, neo-Malthusians see in the adoption and implementation of a whole range of measures that would lead to a real shrinking in population numbers, some of which really resemble Hitler's eugenics.

And how to reduce the population?

The genocidal spectrum that neo-Malthusian misanthropes count on is very wide indeed. It includes: fabricating economic, political, military and health crises, imposing the use of genetically modified organisms and genetically modified foods, use of artificial intelligence, artificially causing infectious and other diseases, artificial and deliberate creation of food and medicine shortages, crimes of starvation and famine, epidemics and pandemics, contamination of food, medicine, water and air, birth control, forced castration, preventing population reproduction, delaying family planning, legalization of same-sex marriages and pedophilia, mass use of contraceptives and measures to prevent unwanted conception – abortion and forced sterilization, and so on...

As part of the genocidal agenda of the “golden billion”, *reproduction programs* are being developed and implemented in some countries. They take place in the form of free medical assistance related to *vaccination* and *sterilization* of women. These projects were implemented in Africa, Asia and Latin America. Thus, for example, in Peru, 300,000 women were sterilized, although they did not even know the reasons for the medical intervention, while some were forcibly taken for surgical procedures. In 2011, in Azerbaijan, the authorities proposed sterilization, which was opposed by the Islamic spiritual leadership, and in

Georgia, sterilization was carried out under the false pretext of “vaccination” (Savin 2019, 50, 51).

The misanthropic “hawks” advocate denying health care to the poor, mass extermination and genocide of the population of certain countries and continents by causing wars, diseases, epidemics and pandemics. Neo-Malthusians believe that wherever it is possible to cause an increase in mortality and the mortality rate, it should be done because it is the “salvation of humankind”. That is why they talk about the “golden billion” as the final and optimal number of inhabitants on Earth. All in accordance with the genocidal control plan to limit the number of inhabitants on Earth.

Globalization has shown us that, in addition to economy, politics, culture, sports, ecology, and traffic, it is also a globalization of viruses and bacteria. The *Zika virus* had not been discussed in the public discourse before it was transmitted by a passenger on a plane to Europe, and in mid-July 2021 we could read the news that the American Center for Disease Control and Prevention (CDC) confirmed a case of monkeypox in the United States, brought in through a passenger who arrived from Nigeria, which caused a great panic.

Given that a huge number of people are really poor, hungry and malnourished, living in inhumane and unhealthy spaces of dense overpopulation, it is clear that they are vulnerable to the influence of microorganisms, bacteria and viruses, that is, that they are susceptible to numerous diseases. According to medical experts, we are faced with the threat of at least six more dangerous epidemics that are already active, such as: Ebola, MERS, Zika, Nipah Virus, Lassa Fever and Rift Valley fever. Experts particularly warn about the emergence of a *supervirus*, which they claim is very dangerous, to the extent that, by comparison, the plague pandemic looks like a very mild cold. And, in early March 2024, there was a general scare over the possible pandemic of the deadly “X” disease, which, according to them, will be twenty times deadlier than the Coronavirus!?

The Coronavirus COVID-19 led to the establishment of the totalitarian *militarization of medicine*, which begs the question: will it be re-established in the future?

The militarization of medicine was achieved in a number of different ways: forced wearing of gloves and masks, forced vaccination with completely untested “vaccines”, movement control and the introduction of strict regime of going outdoors, ban (locking) on going outdoors, or

“lockdown”, army and police involvement with the use of extremely repressive and rigid militant measures (Milošević, Božić, 2022, 101).

And all this, of course, involved the suspension of human rights and freedoms. But who cares about that in the totalitarian circumstances of imposing various genocidal measures from the domain of militarized medicine?

Imperial states have used human rights as a weapon for intervention, imperilment and curtailment of states’ sovereignty, as well as their destruction, and they used the COVID-19 Coronavirus pandemic to curb human rights and freedoms.

Along with COVID measures, *segregation* and *apartheid* increasingly expanded and were particularly reflected in the treatment of vaccinated and non-vaccinated persons. Just as Jews could not use public transport in Nazi Germany, and blacks in the United States and the Republic of South Africa, the unvaccinated could not ride public transport or enter public institutions. When the *Reich Citizenship Law* was passed on September 15, 1935, it divided the population into two completely separate segments: “citizens of the Reich” (Reichsbürger) and other members of the state. On one side were citizens with legal and political powers, and on the other those with limited powers. In the same vein, a senior official of the *World Health Organization* said: “It is impossible for those who have been vaccinated to have the same opportunities as those chose not to be vaccinated.” Therefore, the same principle that ruled under Nazism is accepted: the opportunities of Jews cannot be the same as the opportunities of German citizens. Not accepting, or protesting against the absurd measures of health totalitarianism, meant being stigmatized and labelled as “egoistic”, “extremist”, “enemy of democracy”, “enemy of equality”, “lunatic”, “fascist”, and the like. So, the “fight against discrimination” actually created even more discrimination. It instilled the Manichaeian way of thinking and acting, in terms of “pro” and “anti”, which became “the sole criterion for measuring the size of a person” (Franz 2022, 70).²

Just like in totalitarian states where those who do not join the ruling party cannot get a job, during the pandemic, unvaccinated persons could not enter public spaces. Unlike the vaccinated, who carried

² Take for example the best tennis player of all time, Serbia’s Novak Djoković, who did not want to be vaccinated and, in an incredible hysteria, was stigmatized, labeled and branded as an “anti-vaxxer” and someone who is “unconscientious” because he endangers the lives of other people. He was also banned from participating in the Australian Open Grand Slam, and the following year he participated in it and won the trophy.

certificates and passes with them, the unvaccinated, like the early Christians, had to hide in “their catacombs“.

On December 1, 2021, the World Health Organization held a session in Geneva to discuss the initiative on negotiations “of an international treaty on the prevention and control of the pandemic“. This “Pandemic Agreement” is based on the “Pandemic Guide” (September 22, 2021) and on the “WHO Pandemic Report” (November 23, 2021).

These agreements were supposed to give the World Health Organization the right not only to announce the beginnings of the next pandemics, but also the right to abolish human rights during the pandemic by using the so-called “medical police”, by curbing labor and trade union protection rights, as well as by empowering non-governmental organizations (NGOs) to work with states they participate on an equal footing in the adoption and imposition of international laws. In addition, they emphasized the *duty* of countries to seek help in “controlling the pandemic” is emphasized. The World Health Organization is seeking to obtain an exclusive right to declare “pandemic regimes”, to have *its own police control* over global health policy, and to decide about the future of medicine and disease prevention.

According to the projection and agenda of the Great Reset, *medicine* and *pharmaceutics* should represent significant driving industries of the future economy: medicine should inject people with various viruses, and pharmaceutics should provide drugs and vaccines “against” viruses. After all, according to the transhumanist agenda, medicine should print the necessary organs that will need less meat in the diet, and this is exactly the point of environmental and health “protection” !?

The tendency towards pharmaco-colonization of life and iatrogenesis of health measures, and according the World Health Organization the right to absolutely “command” totally fabricated health crises, as well as the abolition of human rights and freedoms, represent not only a form of militarization of medicine used for inhumane social and (geo) political purposes, but also remind of some of the darkest hours in the history of human society.

It is known from the history of Nazism that in Auschwitz, the Nazis conducted drug experiments on the prisoners against their will. During the COVID-19 pandemic, they did it with untested drugs and “vaccines” against those who served as “experimental guinea pigs... begging to be experimental guinea pigs and thanking the state’s Mengeles”. And that is nothing but “the triumph of a society in which death reigns”,

which leads to the question: “will there be another Nuremberg?”. This is precisely why the *cultural memory* should never forget “that those who locked us down, segregated us, subjected us to treatment, used us as guinea pigs and registered us, were only a handful of physicians, lawyers, engineers, writers, doctors. We were not besieged, tortured, manipulated or harassed by bakers, fruit growers and garbage collectors. No, it is the so-called ‘culture’ that has reduced man to a surrogate, a laboratory test, a cube of information for sale and modeling.” Those who terrorized us were educated and learned people, and Nazism showed us precisely “very learned hierarchs, lovers of literature, classical music, painting, who then dissected human bodies for the sake of collective interest. Culture, when it forgets man, becomes a harlot and the sower of terror”. The pandemic demonstrated that, in addition to the virus pandemic, “there is a pandemic in the minds and moral values” as a kind of “spiritual leprosy” (Franz 2022, 50, 72, 73).

The pandemic of the designed COVID-19 virus has shown quite clearly that, unfortunately, it is not very difficult to establish a repressive and unprecedented totalitarian control over people, control of behavior, but also of the mind, by introducing new surveillance and control technologies (the *Internet*, social networks, cameras), along with state, police and medical measures of dictatorial surveillance. Under the pretext of sanitary hygiene, the *Great Reset* succeeded in achieving neo-Malthusian global oligarchy control over the population.

The ultimate goal of everything that happens in the sphere of corporate totalitarianism is about absolute control of thought and behavior. People will be confined to their working/living spaces, de-socialized and excluded from individual and social integration, while, on the other hand, the ruling corporate oligarchy will continue to direct the scenery of prosperity of their lives and the slavery/serf-like lifestyles of “others”.

If we agree with the fact that the COVID-19 virus undoubtedly exists, can we also agree with all those allegedly “preventive” but actually punitive health dictatorship measures that governments have used and would use in the future to fight pandemics? And, do these measures, in a certain way, like other measures that impose certain rigid models and ways of life, represent one of the components of the geopolitical grounding and strengthening of the *Fascissoid new world order*?

Geopolitics

The fascism of the *Great Reset* is related to nutrition, housing and lifestyle control, control of behavior and of the number of people who can live on planet Earth. And all those forms of control are connected with *geopolitics*.

At the session in Davos in 2024, a special focus was on the consideration of global geopolitical problems, one of which was related to the conflict in Ukraine. The topics that dominated the talks in Davos included: achieving security and cooperation in a sharply divided world, creating growth and jobs for the new era, artificial intelligence as a driver of the economy and society and a long-term strategy related to climate, nature and energy. Political topics related to geopolitical confrontations between China and the US, the Arab and Islamic world, Ukraine, and the US and European elections. Of course, a lot of attention was paid to the armed conflicts in Ukraine and the Middle East. However, political topics have taken a backseat to economic topics, which are supposedly why Davos is traditionally organized.

Like the agenda of the West, the agenda of the *Great Reset* refers to the “reset” of all areas of intra-societal, state, national, and extra-societal, supra-state and supra-national organization and existence of humanity. The “reset” is nothing but the destruction of national and state identities, cultures and values. The *Great Reset* agenda is strongly opposed to *collectivities*: state, nation, church (religion) and family, advocating for the fabrication of an amorphous mass of individuals who are easy to manipulate, which proved effective in the conditions of the COVID-19 pandemic when they almost voluntarily accepted slavery.

Thanks to this and other agendas of “abolishing people”, the West is proving to be genocidal and necrophiliac.

In its efforts to capture resources, the so-called *Great Reset* seeks to shape new foreign and geopolitical relations, a *new world order with a world government*. The agenda of the Great Reset advocates the concept of the so-called a **Big Concert**, within which, regardless of ideological and interest orientations, powerful geopolitical forces organize and unite by consensus, with the aim of avoiding the veto option in international institutions and organizations, above all in the United Nations. According to the *Great Concert* concept, there should be no international law, but only rules that would be adopted *ad hoc*. This is how a *new world*

order would emerge, based on political inclusion, that is, inclusion and, on the other hand, on voluntaristic procedural informality.

This “procedural involvement” would enable the inclusion of less powerful states in the geopolitical project elaborated by the powerful Western states, while “procedural informality” would allow geopolitically powerful states to “avoid procedures and agreements” at will, as well as vetoes imposed by the UN and the Security Council. Thus, countries that do not belong to the Anglo-Saxon West (e.g. Russia, China, India, Iran, and others) would be excluded. In addition, the *Great Reset* would bring together a powerful world political and corporate oligarchy that would seek to remove those politicians and statesmen who oppose them (Putin, Trump, Xi Jinping, Erdogan, Ayatollah Khamenei). “In the beginning, it was necessary to steal the victory from Trump, using advanced technologies – ‘obsessing the imagination’, introducing censorship on the Internet and manipulating ballots that arrived by mail. Biden’s arrival in the White House means that globalists are moving on and taking the next steps. This will affect all spheres of society – globalists are moving backwards to the point where Trump and the other rising poles of multipolarity stopped them. And that’s where mind control begins – with the introduction of new technologies that play a major role in it (censoring and manipulating social networks, total surveillance and monitoring, collecting data on everyone). The Covid-19 epidemic is just an excuse. Under the guise of sanitary hygiene, the *Great Reset* is expected to dramatically change the structure of control that global elites exercise over the world’s population” (Dugin 2021).

The essence of the so-called *Great Reset* refers to the interrupted continuation of the globalization process and the strengthening of the ideology of neoliberal globalism, interrupted from the beginning of the presidency of the anti-globalist Donald Trump, as well as due to the strengthening of multipolarity supported by Russia and China, and Islamic countries (especially Turkey, Iran, Saudi Arabia, Pakistan) that seek to distance themselves from the Western influence.

It does not take much to conclude quite correctly that the introduction of the Orwellian *Great Concert* by powerful states in the 21st century would call into question the Westphalian states, as well as the insufficiently constructed international legal order. Of course, the “legal order” of the *Great Concert* in this “new world order” would be, as before, based on the “carrot and stick” politics, perfidious manipulative “soft power”, but also on tough “hard power”. It would thereby meet the

unscrupulous neo-exploitative, neo-colonial and neo-imperial interests of geopolitically powerful states. For many countries, it would represent an extremely large threat to their social, economic, political, cultural and civilizational development, a threat to their safety, security, and survival. Those countries would not be adequately included in the *Great Concert*. They would face great pressures and threats, as powerful states would use a wide range of different means of economic, political, diplomatic and military pressures, blackmail, sanctions, etc. against them. Exactly the way they have been doing it for decades, and how the Serbs especially felt it from the eighties-nineties of the last century, until today.

If globalization represents the establishment of increasing interdependence in the world, it also means the effort to establish absolute dominance and power of the developed Western countries over underdeveloped and insufficiently powerful states and nations. Market expansion and the exclusively Western-style ideology of human rights and democracy simultaneously meant the expansion of power within the framework of various agendas, including those called the *Great Reset* and the *Great Concert*.

Capitalism has always sought and found exploitative and imperial mechanisms, and has found them today in the agendas of the *Great Reset* and the *Great Concert*. In that regard, it requires a *world government*. Essentially, the “world government” just follows what the West itself has been advocating and following, which is the Nietzschean “will to power”.

It should be noted that there is a certain connection between the *World Economic Forum* and the *United Nations*.

The United Nations accepts the World Economic Forum as a non-governmental organization that would have authority over economic issues and political concepts. That is why, quite understandably, Peter Koenig, like many others, wonders how it is possible for a non-governmental organization to impose its authority over 99.999% of the world’s population and do it without the necessary accountability. Of course, all this is possible due to the existence of strong censorship and public opinion control, which reminds of Orwell’s *Ministry of Truth*, imposed by powerful *techno-fascist states* and their corporate media (Relji 2022, 161).

Klaus Schwab and Antonio Guterres, the UN Secretary General, signed the Agreement on the implementation of the *2030 Agenda* with the aim of creating, as stated, a global “economy of shared consumption”, but essentially, of building a system of global centralization of power in order to influence all areas of human life. The list of *UN’s 2030 SDGs*

is very broad, and includes an end of national sovereignty, because it refers to: the creation of a microchipped society, the application of a world system of universal basic income (frugality), controlled social loans, a single world government, a single global non-cash currency, one central world bank, one global army and police, no state, nation and family, no personal property and private ownership, land use restrictions, end of fossil fuel use, no private farms and cattle pastures, no irrigation, no single family homes, the concentration of people in populated areas, districts and cities, the end of private transportation and car ownership, the restriction of unnecessary air travel, the control of travel, shopping and behavior, the existence of a government that raises children, that owns and controls schools, colleges, faculties and universities, that requires a multiple use of vaccines, controls population growth, prohibits the use of natural herbs, natural non-synthetic medicines, traditional and naturopathic medicine, etc.³

Global oligarchs know very well that ideas that aim for globality cannot be realized without global organizations and institutions and, of course, especially those that are within the jurisdiction of the United Nations. The OUN bureaucracy is also made up of those who support the ideas of the globalists, so the United Nations seems to be turning into an effective tool of the globalists to promote their plans, agendas and interests aimed at achieving the domination of the global oligarchy.

All those who do not accept the neo-imperial agendas that appear in the West will be declared “enemies of democracy” and targeted by various extremely harsh measures in attempts discipline or excommunicate the disobedient, according to the already well-established imperative model of *take it or leave it*, i.e. the Western “democratic” *stick and carrot* model.

Shoshana Zuboff calls this form, this phase, and the hitherto “unseen formula of capitalism” – surveillance capitalism.

Zuboff well notes that surveillance capitalism does not only mean control over the means of production, but also over the means

³ Extremely powerful pharmaceutical companies strive to completely oppose alternative forms of treatment and the use of natural substances in treatment and daily use. Thus, in the European Union, not only the cultivation and processing, but also the dissemination of knowledge about nettle through public performances, about nettle which, due to its medicinal properties, has been widely used “since time immemorial” in “vernacular medicine” is prohibited. The sale of all plant-based preparations without a special state permit is prohibited; the use of many available and free herbs (hawthorn, comfrey, ivy, walnut leaf, oak, mistletoe, bear grape, wild pansy, St. John’s wort, milkweed, the greater celandine, Valeriana officinalis) and natural medicines is prohibited because they do not generate profit to pharmaceutical corporations.

of consumption, i.e. behavior. She decidedly points out that, as “a pioneer of surveillance capitalism”, *Google* actually invented this surveillance capitalism, and that *Microsoft* and *Facebook* also contributed to it. Surveillance capitalism does not determine the exchange of values in the “producer-consumer” relationship, but imposes needs, habits, and behavior. It collects information about us and knows everything about us. Surveillance capitalism subordinates human experience to market mechanisms. By controlling “economic” behavior, surveillance capitalism also controls political behavior. Political power is built on the basis of economic power, the logic that people are not even aware of. “The commoditization of behavior under surveillance capitalism leads society to a future in which market power is girded with a cloak of secrecy, indiscernibility, and expertise” (Zuboff 2020, 60, 115).

After all, the Inquisition, bloody colonial conquests and brutal wars, imperialisms and totalitarianisms (fascism, Nazism) were born in the West.

In addition to the “good” West, there is also the “bad” West, the murderous one prone to massacres, which plundered and destroyed numerous civilizations. And, no civilization has caused so much suffering, death and so much destruction as Western civilization. And, all this in the name of really false ideas about “progress”, “civilizing” the uncivilized, spreading “democracy”, “human rights” and “freedom”. In a cruel way, the West tries to control everything and transform everything in a direction that only suits *it* (Droit 2010).

The world must “wake up” and become aware because the historical course of the neoliberal concept, Western messianism, including this one in the form of the *Great Reset*, ends with the abolition of man and humanity.

The Great Awakening and the Great Rejection of the Great Reset

In the cultural memory, as Dugin would say, it is necessary to develop a *Great Awakening* in order to completely eliminate the monstrous murderous strategy of the neoliberal globalist oligarchy.

This *Great Awakening* is, above all, about the people, not the elites and intellectuals. It is a spontaneous and tectonic reaction of the mass. The *Great Awakening* is a response to the neoliberal totalitarian repression spread by the globalist oligarchies of the Great Reset. Contrary to the

Great Reset, the Great Awakening is the rebellion of humanity against the ruling oligarchies, in fact, it represents the rebellion of man against his age-old enemy as the enemy of the human race. For the salvation of societies, nations and individuals, the *Great Awakening* must begin with multipolarity, and it represents not only the salvation of the West itself, but also the salvation of humanity, Western and non-Western humanity, from totalitarian dictatorship of neoliberal capitalist oligarchies. Countries that are opposed to unilateralism and unipolarism are focused on the joint construction of multipolarism. That is why the *Great Awakening* requires the internationalization of the massive popular struggle opposed to the internationalization of the oligarchies, and that is why multipolarity becomes the most important point of opposition and the key to the strategy of the *Great Awakening*. By inviting and organizing all peoples, nations, cultures and civilizations, enough forces can be gathered to effectively oppose that *Great Reset*. The awakened can and must awaken all others.” And, if we succeed in this, not only will the “Great Reset” fail, but a righteous judgment will be pronounced on those who set themselves the goal of destroying humanity, first spiritually, and now physically” (Dugin 2021).

Human rights, freedoms and democracy are false mantras of the West with which the same West exploits, defeats, destroys, humiliates, bullies and terrorizes the world.

This is exactly why we should not accept neoliberal dogmas and any imperative uniform thinking and action, including what comes from the West, which refers to the imposition of a “great reset” of man and society. We should rebel and fight against that. After all, history teaches us exactly this: *repetitio est mater studiorum*.

History teaches us that we don't have to agree with something that we think is not good at all. “The history of mankind is a history of disagreement. People have always rebelled – albeit in different forms and with different outcomes and assumptions. This is done in various ways and at different levels, which is very difficult to reduce to a single paradigm, but, despite this, there appear before us as something related and oppositional actions and protests, and demands for a different order or, at least, opposition to an established way of thinking that claims to have exclusive legitimacy. Revolution and insurrection, schism and protest, revolt and insurrection, antagonism and dissent, disobedience and insurrection, strike and disobedience, resistance and sabotage, challenge and armed insurrection, guerrilla and insurrection, riot and

boycott: these are all different forms of dissent, expressions of diversity which have a basis in one matrix of a ‘different view’ in relation to the order, to the government, to the dominant way of looking at things” (Fuzaro 2020, 11–12).

Thus, it is shown that the cultural memory is simultaneously a culture of awakening, disagreement and rejection.

CONCLUSION

The Great Reset agenda essentially refers to – **the radical transformation of society and of man**. And, to do this, there needs to be a certain legal, political and medical pressure, as the one carried out precisely during the pandemic of the COVID-19 virus.

But at the same time, the Coronavirus pandemic has shown that things in the world will no longer look the way they used to and that people are no longer ready to sacrifice themselves, accept *humiliation* and *voluntary slavery*, which the globalists are counting on, trying to generate new crises to ensure control over the consciousness and behavior of people and nations, in order to realize their economic, political and geopolitical interests. It is nothing but a form of *fascism*, only a more modern one.

With the agenda of the *Great Reset*, the West has, like so many times in the past, proved to be inhumane. After so many negative historical experiences, the West seeks to impose the *Great Reset* agenda as an agenda of control, enslavement and killing, once again showing itself in its true destructive form – *fascist*.

All of this is a concern and can serve as a reason, but also an excuse, for the introduction of a whole range of “emergency measures” that can contribute not only to the disciplining and controlling of the population, and especially “intangible factors of production”, but also to a real reduction in the number of people on the planet and lead to their – *quiet dying*. This is exactly what the attempt to impose the *Great Reset* agenda as a new form of fascism – *the fascism of the Great Reset* – shows.

The *Great Reset* agenda, just like many other agendas of exploitation and enslavement, clearly shows that the ultra-globalist world powers, as global terrorists from the West, want to create an absolutely dystopian world without any hope. That is why the *Great Reset* agenda should be seen as a distinctly fascist project. Unlike utopian projects that relate to the projection of building a better society and world, this

agenda represents a completely dystopian project of destroying human beings. That is why it is necessary to fight against this inhumane agenda and turn the *cultural memory* into an effective *culture of rejection*.

The cultural memory and the culture of rejection shape autonomous and self-aware free persons who know, can and want to react and confront.

By rejecting misanthropic and genocidal agendas and their practices, we oppose attempts to change man's anthropological nature and ontology as we know it. Thus, the *cultural memory* really warns us, and the *culture of rejection* shows us the ways of confronting insane agendas and practices that seek to suppress and exterminate us in pre-designed mental and physical reservation and concentration camps.

LITERATURE

- Droa Rože-Pol. 2010. Zapad objašnjen svima, Beograd: Geopoetika izdavaštvo.
- Fursov, Andrej. 2023. „Tko su neprijatelji čovječanstva: Planovi gospodara povijesti – 2. DIO“. Accessed: 11. janyap 2014. <https://croativ.net/fursov-tko-su-neprijatelji-covjecanstva-planovi-gospodara-povijesti-2-dio-56641/>.
- Fuzaro Dijego. 2020. Misлити drugačije: Filozofija neslaganja. Beograd: Clio.
- Kori, Roza. 2014. „Agenda 21 je plan UN za porobljavanje čovečanstva od strane globalnog korporativnog sistema“. Accessed: 13. фебрыар 2019. <http://www.intermagazin.rs/roza-kori-agenda-21-je-plan-un-za-porobljavanje-covecanstva-od-strane-globalnog-korporativnog-sistema/>.
- Kovačević Braco. 2019. Neoliberalna hegemonija. Banja Luka: Evropski defendologija centar za naučna, politička, ekonomska, socijalna, bezbjednosna, sociološka i kriminološka istraživanja, Banja Luka.
- Kuljić Todor. 2006. Kultura sećanja: teorijska objašnjenja upotrebe prošlosti, Beograd: Čigoja.
- Kuljić Todor. 2007. „Kolektivno pamćenje“, In *Sociološki rečnik*, ed. Aljoša Mimica, Marija Bogdanović. Beograd: Zavod za udžbenike.
- Lavić Senadin. 2014. *Leksikon socioloških pojmova*, Sarajevo: Fakultet političkih nauka Univerziteta u Sarajevu.

- Nedović Slobodanka. 2007. „Kultura sećanja“, In *Sociološki rečnik*, eds. Aljoša Mimica, Marija Bogdanović. Beograd: Zavod za udžbenike.
- Schwab Klaus, Malleret Thierry. 2020. *Covid 19: The Great Reset*. Geneva: World Economic Forum.
- Zubof Šošana. 2020. *Doba nadzornog kapitalizma: borba za budućnost čoveka na novom rubu moći*. Beograd: CLIU.
- Дугин, Александар. 2021. „Манифест Великог буђења: против Великог ресетовања“, *Геополитика*, ру. Accessed: 13. фебруар 2024. <https://www.geopolitica.ru/sr/article/manifest-velikog-budjenja-protiv-velikog-resetovanja>.
- Ковачевић Брацо. 1994. *Фашизам*. Бања Лука: НУБ Петар Кочић.
- Милошевић Зоран, Божић Ванда. 2022. „(Нео)троцкизам и његова историја као инструмент савремене геополитик“. In *Историја као инструмент геополитике*, ed. Милошевић Зоран, 89–139. Beograd: Институт за политичке студије.
- Митровић Андреј. 2009. *Фашизам и нацизам*. Beograd: Удружење за друштвену историју: Чигоја штампа.
- Рељић Слободан. 2022. *Воља за лаж: нови светски дезинформативни поредак*. Beograd: Catena mundi.
- Савин, Л. 2019. „Увод: мрежни сукоб“, In *Мрежни ратови*. (Second edition), eds. Дугин Александр, Савин Леонид. Beograd: Авала прес.
- Франц Емануеле. 2022. *Европа у сумраку: мисли италијанског филозофа о Западу*. Нови Сад: Прометеј.
- Харис Марвин. 1995. *Краве, свиње, ратови и вештице: загонетке културе*. Нови Сад: Светови.

Д-р Брацо Ковачевич, Босния и Герцеговина

Баня-Лука, Республика Сербская

ОТ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ К КУЛЬТУРЕ ОТКАЗА (Великая перезагрузка фашизма)

Аннотация

Культурная память представляет собой символическое наследие исторического, политического, культурного, религиозного и иного содержания, влияющее на формирование индивидуальной и коллективной идентичности. Оно подразумевает непрерывное архивирование воспоминаний и осознание содержания прошлого, которое очень значимо с точки зрения их настоящего и будущего. Таким образом, культурная память формирует людей и социальные сообщества, которые помнят, запоминают и реагируют, выражая свое принятие или сопротивление социальным явлениям. Он также предупреждает нас обо всех важных событиях прошлого, которые могут произойти в настоящем или будущем. В этом смысле все эти негативные события с прогнозируемыми волюнтаристскими и крайне жесткими мерами правового, политического, полицейского и медицинского тоталитаризма, связанные с пандемией Коронавируса, предупреждают нас об опасностях, которые несут с собой определенные повестки дня, включая повестку Великой перезагрузки. Программа Великой перезагрузки с ее намеренными и императивными концепциями «зеленой экономики», навязанными нормами питания, труда и жилья, трансгуманизмом, геополитикой ресурсов, войнами и сокращением населения до «золотого миллиарда» оказывается геноцидной и фашистской. Вот почему культурная память предупреждает нас отвергнуть повестку Великой перезагрузки как фашистскую повестку дня, то есть повестку нового фашизма.

Ключевые слова: культурная память, культура неприятия, зеленая экономика, трансгуманизм, фашизм, Великая перезагрузка.

Dr. Aleksandar Mitić, Republic of Serbia

*Institute of International Politics and Economics
Belgrade*

REFLECTION OF THE 1999 NATO AGRESSION IN THE STRATEGIC NARRATIVES OF GLOBAL POWERS AND THE CONTEXT OF MULTIPOLARITY¹

Abstract

Over the last decades, memory politics has become an important focus of academic study, and among regional cases, a particular significance has been given to the Balkan cases due to the conflicts in the 1990s. Yet, this focus has been mainly devoted to how ex-Yugoslav societies (mis)use(d) memory politics, rather than on how they relate to great powers' geopolitical considerations and policies. In this paper, we analyze how memory politics played a role in the perceptions and actions of the world's leading geopolitical actors during the 1999 bombings, and how they interpret the event in today's strategic narratives, in the context of multipolarity. We conclude that memory politics played an important part in NATO's crafting of the 1999 aggression against Yugoslavia, but also in the perception and reception of the bombings outside of the political West, most notably in Russia and China. They also played a strong role over the last quarter of the century, strongly embedded in the rise of multipolarity. Today, the 1999 NATO aggression

¹ The paper presents findings of a study developed as part of the research project „Serbia and challenges in international relations in 2024“, financed by the Ministry of Science, Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia, and conducted by Institute of International Politics and Economics, Belgrade, during the year 2024.

remains a particularly defining moment in the narratives – and memory politics - of those who had been “humiliated” in 1999 – Russia and China. On the other side, the strategic narrative of the “victorious” NATO countries appears to be on the defensive, toned down, and mostly focusing on blaming Moscow’s memory politics for the Ukrainian conflict.

Keywords: *memory politics, geopolitics, multipolarity, strategic narratives, NATO, Serbia*

INTRODUCTION

Interpretations of NATO’s decision to attack the Federal Republic of Yugoslavia (FRY, Serbia and Montenegro) in 1999 logically diverged among global actors as soon as the decision was made. It was taken without the consent of the UN Security Council, where the Russian Federation and the People’s Republic of China would oppose, and was executed over a territory outside of the geographical scope of NATO as a “defensive alliance”, nominally focused on safeguarding and security of its members. Moscow and Beijing shared Belgrade’s view of calling it an “aggression”, while Washington, Paris and London saw it as a “humanitarian intervention” aimed at protecting the Albanian population in the southern Serbian province of Kosovo and Metohija from a potential “ethnic cleansing” by the Yugoslav/Serbian forces, amid their conflict with the Albanian armed group “Kosovo Liberation Army” (KLA) which Belgrade considered as “terrorist”.

NATO’s 78-day bombing was launched in the specific context of its 50th anniversary celebrations – and enlargement to the East with Poland, Hungary and the Czech Republic - during what can be considered today as the height of the U.S. post-Cold War “unipolar moment”. The Russian Federation was dragging itself in deep economic crisis and bloody conflict in the Caucasus, its foreign policy substantially curbed by financial constraints and technological idleness. China was focusing largely on its economic rise amid liberal globalization, and on stabilizing the 1997 handover of Hong Kong from the United Kingdom.

However, the decision to sidetrack the UN Security Council and the course of the 1999 bombings largely initiated a strategic turn in Moscow’s and Beijing’s policies towards the West in general, and the U.S.

and NATO in particular. Both capitals felt humiliated by the move, and the bombing of the Chinese embassy in Belgrade provoked an unprecedented public outcry within China. Western capitals – particularly in Europe – had felt domestic political and public pressure at various times during the bombing – but they managed to jostle them, and eventually turn the tone towards a triumphalism of sort.

Yet, the “ghost” of 1999 never went away. In Russia and China, it led to dramatic changes in understanding and policy towards the West. In the West, the “triumph” was damaged by the constant criticism of “double standards” and a sense that, in Kosovo itself, the job would not be finished until two objectives were met: the “independence of Kosovo” and Serbia’s entry into NATO, which would seal the Balkan’s geopolitical future inside the Euro-Atlantic community, devoid of traditional Russian influence. Despite Moscow’s clear warnings and Beijing’s opposition, the EU and the US masterminded Kosovo’s “unilateral declaration of independence” in 2008, and worked ever since for legalizing the decision and legitimizing an “independent Kosovo” internationally. Yet, this move coincided with Russia’s decision to actively oppose NATO’s eastward enlargement and threats from neighbouring Georgia and Ukraine, in cases in which “the Kosovo precedent” could be ambiguously interpreted. In Beijing, it coincided with the arrival in power of Xi Jinping, as a leader intent on building on China’s economic power to project global political, military and normative power, including the protection against U.S.-led containment policies and Taiwan’s potential “Kosovo”-like “unilateral declaration of independence”.

Memory politics play an important part in today’s (re)considerations and instrumentalizations of great power foreign policy. Over the last decades, memory politics has become an important focus of academic study, and among regional cases, a particular significance has been given to the Balkan cases due to the conflicts in the 1990s. Yet, this focus has been mainly devoted to how ex-Yugoslav societies (mis)use(d) memory politics, rather than on how they relate to great powers’ geopolitical considerations and policies. In this paper, we analyze how memory politics played a role in the perceptions and actions of the world’s leading geopolitical actors during the 1999 bombings, and how they interpret the event in today’s strategic narratives, in the context of multipolarity. First, we will underline the theoretical underpinning of memory politics, and the interaction with foreign policy. Then, we will take a closer look at the 1999 NATO bombings, to present key items

necessary to understand today's memory politics. We will then look at how the leading geopolitical actors have interpreted the 1999 bombings – including its 2008 aftermath – and how they embedded them in their strategic narratives. We will analyse these strategic narratives through framing analysis performed on statements and media reports from each particular geopolitical actors. We will then conclude with a comparative analysis of memory (geo)politics regarding the aftermath of the 1999 NATO attack.

MEMORY STUDIES AND (GEO)POLITICS

“NATO's ‘humanitarian’ intervention in Kosovo and its legitimation have been largely dependent on Holocaust memory. Streams of refugees across borders, women and children packed into trains for deportation, stories of atrocities, systematic rape, and wanton destruction all mobilized a politics of guilt in Europe and the United States associated with nonintervention in the 1930s and 1940s and the failure to intervene in the Bosnian war of 1992. The Kosovo war thus confirms the increasing power of memory culture in the late 1990s, but it also raises thorny issues about using the Holocaust as a universal trope for historical trauma” (Huysen 2003, 13). This is how German professor Andreas Huysen saw the Western (mis)intepretation of the 1999 NATO bombings. Huysen argued in the early 2000s that the “emergence of memory as a key cultural and political concern in Western societies” had been “one of the most surprising cultural and political phenomena of recent years”, and “in stark contrast to the privileging of the future so characteristic of earlier decades of twentieth-century modernity” (Huysen 2003, 11). In the West, it emerged in the wake of decolonization and new social movements in search of alternative and revisionist histories in the 1960s, followed by the focus on the Holocaust testimonies in the 1980s, and a plethora of “anniversaries” related to the Third Reich, starting with Hitler's rise to power and the Nazi's burning of books in 1933, and moving to the 1990s with Rwanda, Bosnia – and finally the 1999 NATO bombings related to Kosovo – where Holocaust references to “genocide” were employed by the leading policymakers and media of the post-Cold War (Huysen 2003, 13). Needless to say that, as opposed to the Holocaust, the 1990s Balkan references did not make unanimity among global actors. While it was part of the crux of the Western narrative, it was never accepted in China and was particularly opposed in

Russia. To the contrary, Russia sided with the Serbian view that World War II references should be applied to the Yugoslav conflicts insofar as they were a result of reemergence of anti-Serb Nazi-allied politics of Croatian “ustaša” and Bosnian Muslim “islamic fundamentalists”, spearheaded by the likes of Franjo Tuđman, the architect of the ethnic cleansing of Serbs from Croatia in 1991–1995 and, Alija Izetbegović, condemned to prison after World War II, and author of the „Islamic Declaration“ grounded on „Muslim brotherhood“ ideology, who led the Bosnian Muslims throughout the 1992-1995 civil war. Müller argued that the Yugoslav wars „horribly demonstrated what happens when memory wars turn into real wars“, adding that with „the end of actual fighting in the former Yugoslavia, the war over (and on) memory has even intensified further“ (Müller 2002, 17).

Such (re)interpretation raises the question of relationship between the concepts of history and memory. Yet, political actors are primarily, and fundamentally, interested in how to make moral and utilitarian arguments for the purpose of justifying and solidifying narratives for political purposes and intents, embedding them in political discourse with the aim of persuading domestic and foreign stakeholders and general publics. Klymenko and Siddi argue that „thanks to their discursive power and access to the media, political leaders are particularly well-positioned to shape collective memories and adapt them to the pursuit of foreign policy objectives“, and define „collective memory“ as the „shared memories held by a community about the past, a subjective image of the past constructed by political actors in the present based on a community’s current social and historical necessities“ (Klymenko and Siddi 2020, 2). Thus, as they argue, politicians often construct analogies with the past in order to justify foreign policy decisions in the present, using a number of mechanisms: the application of historical analogies, the construction of historical narratives, the creation of memory sites, the marginalisation and forgetting of the past, and the securitisation of historical memory (Klymenko and Siddi 2020, 3).

Mouritzen considers learning theory as an essential tool for the exploring the link between historical memory and foreign policy, arguing that statesmen sometimes „make a contemporary foreign policy decision by referring to a lesson derived from an ‘analogous’ situation in the past“ in order to repeat success or avoid a mistake (Mouritzen 2020, 11). These „lessons of the past“ are based on „dramatic geopolitical events“, and both influence actual decision and legitimize them in front of the

public (Mouritzen 2020, 12). Looking at physical commemorative sites, Subotić argues they can „provide a lasting reservoir of traumatic memories that are easily activated, mobilized around, and weaponized in the pursuit of contemporary foreign policy objectives“ (Subotić 2020, 85). Siddi argues that „selective forgetting“ is like „selective remembering“, as „dominant narratives are constructed through a selection of events that almost inevitably implies marginalising or leaving out other events that are not seen as consistent with the narrative“ (Siddi 2020, 91). Makhortych underlines that the Copenhagen School increasingly recognises historical memory as an influential factor in securitisation framework, citing the case of securitization of the conflict Ukraine from 2014, where, he argues, pro-Russian actors „instrumentalized memory to present the consequences of the existential threat (the physical destruction of Rus-sophone population) and the way out (the use of violence against their opponents)“ by representing their opponents as „successors of Nazi Germany“ (Makhortych 2020, 127). On the other side, Klymenko argues that policymakers often make use of historical narratives in order to underpin their foreign policy agenda, with narratives viewed as “personal or collective subjective cognition of the events happening around us, as a sense-making of the world, and as a mode of communication that is embedded in a particular cultural and political context“ (Klymenko 2020, 34). She analyzes how the Ukrainian policymakers’ used historical narratives to legitimize their pro-Western foreign policy by Othering Russia. Thus, in these narratives referring the Kyivan Rus from the 9th-13th century, the Cossack Hetmanate from the 17th-19th century and the Soviet Union in the 20th century – Ukraine is seen as representing European values of „Christianity“, „modernization“, „democracy“ and „partnership“, as opposed to Russian „colonialism“, „agression“, „authoritarianism“ and „backwardness“ (Klymenko 2020, 33). Thus, according to this narrative, for 21st century Ukraine, the only and logical, way forward is joining Euro-Atlantic structures – EU and NATO. Hence, memory is instrumentalized for strategic foreign policy preferences and decisions, and indeed to project power on the international stage.

This is line with what great powers attempt to do when attempting to shape a favourable geopolitical environment for the pursuit of their interests. Shaping involves creating a “more favourable” international environment by changing relationships, characteristics and behaviour of other actors, primarily through attraction, legitimacy and persuasion (Wolfley 2021). In line with these attributes, and in order to achieve the

objectives, a country needs to project its strategic narrative as means of political actors in international relations to “shape the opinions and behaviour of actors at home and overseas” (Miskimmon et al 2013, 248). In turn, to align the words and deeds of the strategic narrative, and thus achieve the desired shaping, a country practices statecraft – “organized actions” governments take to change the “external environment” or “policies and actions of other states” to suit their objectives (Holsti 1976, 293). Aligning the strategic narrative with the objectives of shaping and means of statecraft is key to legitimize the power status in the international arena, be it at the regional or global level (Mitić 2023a, 115). The transition towards multipolarity is marked by “uncertainty and the fight for legitimacy of states in international relations” (Mitić and Matić 2022, 251). States thus use strategic communication, framing and narratives to pursue this legitimacy. They must make sure to connect the words and the deeds, and “to close the say-do gap” as one of the key elements of successful strategic communication (Mitić 2018, 143). Yet, strategic narratives cannot function without frames and strategic framing (Mitić 2023b, 34). Frames are used to “promote a particular problem definition, causal interpretation, moral evaluation, and/or treatment recommendation” (Entman 1993, 52). Thus politicians use “framing” as a rational rhetorical strategy to “angle” arguments presented to the public (Leimbigger and Lammert 2016), as “frames” have the capacity to provoke different reactions of the public depending on the element of reality they are accentuating or hiding. Strategic framing seeks to “use message frames to create salience for certain elements of a topic by including and focusing attention on them while excluding other aspects” (Hallahan 2008, 4856). Indeed, strategic framing is pursued through strategic communication, a concept of organised persuasion, represents a “system of coordinated communication activities implemented by organisations in order to advance their missions by allowing for the understanding of target groups, finding channels and methods of communication with the public, and developing and implementing ideas and attitudes that, through these channels and methods, promote a certain type of behaviour or opinion” (Mitić 2016, 9). By looking at the concepts of memory politics and strategic narratives, we can understand that they closely relate, with memory politics as a means of statecraft being an important instrument of strategic communication aimed at promoting a strategic narrative.

NATO'S 1999 AGGRESSION: MEMORY AS TOOL OF JUSTIFICATION

The prelude to NATO's decision to bomb Yugoslavia was an early indication of the conscious decision by its leadership and proponents to create a strategic narrative which would employ memory politics as a tool. When announcing his decision to attack Belgrade, on March 19, 1999 five days ahead of the launch of the bombings, U.S. President Bill Clinton stated that "as we prepare to act we need to remember the lessons we have learned in the Balkans. We should remember the horror of the war in Bosnia, the sounds of sniper fire aimed at children, the faces of young men behind barbed wire, the despairing voices of those who thought nothing could be done" (U.S. Department of State 1999a). Using a Second World War analogy, Clinton justified the attack through a rhetorical question: "What if someone had listened to Winston Churchill and stood up to Adolf Hitler earlier? How many people's lives might have been saved? And how many American lives might have been saved?" (Ash 1999). Such a reference would not have been possible without a systematic strategic communication campaign aimed at building a narrative. Indeed, a content analysis, based on a Nexus database search and presented in the introduction of a new edition of one of the most famous studies on propaganda, "Manufacturing Consent", Edward Herman and Noam Chomsky found that, in five most prominent U.S. print media (Los Angeles Times, the New York Times, Washington Post, Newsweek, and Time), the term "genocide" in relation to "Serbs" and the conflict in Kosovo appeared 220 times during the 1998-1999 period (Herman and Chomsky 2008). Thus, in the aftermath of the bombings, former correspondent during the Yugoslav wars and future U.S. ambassador to the UN from 2013–2017, Samantha Power commented in reference to NATO's attack: "The Holocaust, American self-interest, and European stability—Clinton needed and pleaded them all. American public support was essential to what was mostly an American war" (Power 2013, 479). However, the facts on the ground during the 1999 bombings in Kosovo did not match the "expectations". One of the most striking cases involved U.S. State Department Spokesman James Rubin, Power's future colleague in the administration, and husband of her former colleague from the Balkans, CNN's Christiane Amanpour. Rubin had been a liaison officer for Hashim Thaci, the leader of the separatist Albanian "Kosovo Albanian Army" since the Rambouillet talks and had

maintained this contact throughout the bombing. When on March 30, 1999 Thaci gave a statement carried by German news agency DPA that 100,000 Albanians had been herded into Priština's football stadium and two other locations, Rubin stated that "we have very clear indicators that genocide is unfolding in Kosovo" (Synovitz, 1999). Yet, when the Agence France-Presse reporter from Priština visited the stadium, he found the claims were false, inviting difficult questions for Rubin. At the March 31, 1999 State Department press conference a journalist said that "a fact of the matter is a reporter went there this morning and said that it was empty and that there was no signs that anyone in any large numbers at all had been there for the past couple days at all, that the grass was intact and undisturbed, and it was just deserted", asking Rubin: "'How confident are you in the reports that you're getting from him and others, and how comfortable are you repeating them to us in this forum?'. Rubin responded by arguing that "Mr. Thaci has been quite clear with us that he is hearing reports – he's not saying that these things are facts" (U.S. Department of State 1999b). Whether "fake news" or "alternative facts", the debunking of this report and numerous other NATO assertions and claims provoked fissures and doubts in Western public opinion, despite the constant attempts to control the strategic narrative. In Europe, among NATO members, the strategic narrative followed the U.S. leadership. German Defense Minister Rudolph Scharping argued Serbs had committed a "genocide", "were playing football with decapitated heads, ripped fetuses from pregnant women and baked them", and "killed between 100,000 and 500,000 people" (Halimi and Rimpert, 2019). London's Daily Mail put a front page on March 29, with a picture of Albanian children in a lorry, and headlined "Flight from Genocide: Their terrified and bewildered faces evoke memories of the Holocaust"; on April 1 the Daily Mirror headlined "1939 or 1999?" and reported that "Nazi style terror came to Kosovo yesterday in a horrific echo of the wartime Holocaust"; while the same day The Sun ran the title "Nazis 1999 – Serb cruelty has chilling echoes of the Holocaust" (Hume 2000, 72). References to "gas chambers", "Schindler's List", "Auschwitz" became commonplace associations in UK, German and French media. The New York Times reported on April 4 that "Policy-makers in the United States and Europe are invoking the word to help provide a legal justification for their military campaign against Serbia. It is one based in part on concepts of humanitarian law, where no word is more evocative. At the same time, the public invocation of genocide (...) is itself helping to

create a new model of international law that may one day be used to justify similar interventions in sovereign countries” (Lewis 1999). Indeed, “a broad spectrum of legal scholars agree that there is currently no simple, straightforward or obvious legal basis for the bombing of Serbian targets to be found in treaties, the United Nations’ charter or binding resolutions or any other written international legal code”, the New York Times wrote, quoting the Harvard Law professor Abram Chayes as saying that “the traditional view of international law would clearly prohibit what is happening” (Lewis 1999). Indeed, just as the NATO bombing was the height of the US unipolar moment, it was one of the defining moments of the Western “rules-based world order”. Washington and the political West in general saw the opportunity to interpret international law to their own liking, or, perhaps even more precisely, to mould international law in the shape of a “rules-based world order”.

Leading NATO members and UN Security Council permanent members – the U.S., the UK and France – knew all too well that the Russian Federation and the People’s Republic of China would have vetoed a UNSC resolution authorizing the bombings. Yet, they still launched the attack, provoking at the same time a profound humiliation for the remaining two permanent members. In Moscow, the humiliation was particularly bitter and hard-hitting, due to centuries-long association of Russia as Serbian ally. The Russian authorities lashed out at the U.S. and NATO. Yet, the public in particular perceived that Russia could no longer claim to be a “Great Power”, as it had been for centuries, such as at the outset of World War I, when Tsar Nicholas II entered the war against Germany and Austria-Hungary to help Serbia. It was now isolated and ignored by the West, which pursued its decision to attack Russia’s traditional and closest ally in Europe despite harsh opposition and a veto threat in the UNSC. Historical references to the “great power times” when Russia could come to Serbia’s help further despaired the public. Yet, Russia participated in the talks ending the bombings and in the adoption of the UNSC Resolution 1244, under which Kosovo was to remain part of Serbia. Particularly, as the bombing ended and international UN-mandated KFOR troops were to enter Kosovo, there was – both in Russia and Serbia – a sense of incredulity, excitement and hope when Russian troops from Bosnia and Herzegovina crossed throughout central Serbia to arrive to Priština ahead of the NATO contingents. This fairylike “one-night” Russian stay in Priština, and the follow-up surprise takeover of the Slatina airport, could not disperse a mixed feeling of pain

and melancholy in Moscow. Yet, it served as a wake-up call of sort and a realization that the unipolar U.S.-led, “rules-based” world order was a potential threat to core Russian national security interests.

Similar sentiments were felt in Beijing, not only because of the bypassing of the UNSC and the violation of international law by NATO, but also due to a direct attack on Chinese citizens. In the NATO bombing of the Chinese Embassy in Belgrade on May 7, 1999, three Chinese journalists were killed and 20 employees were wounded. The eruption of popular discontent has led to demonstrations against the US Embassy and Consulate, strengthening of anti-Western sentiment and national homogenization. The majority of the Chinese considered Washington’s explanations “inadequate, insincere and incredible”, and Beijing came up with four core demands for Washington: “apology,” “conclusions,” “punishment,” and “compensation” (Lampton 2014, 118). In his assessment of the Chinese reaction, Gries argued that they were in line with the “national narratives of China’s early modern victimization at the hands of imperialism” (...) and that “Tales of the ‘Century of Humiliation’ (*bainian guochi*), which began with the First Opium War and the ceding of Hong Kong to the British in 1842, powerfully shaped the way that Chinese both interpreted and reacted to the Belgrade bombing” (Gries 2001, 26).

MEMORIES OF 1999: MULTIPOLAR RECKONING

In June 2007, the Baltic Coast German resort Heilegendamm hosted the G8 summit. In attendance of U.S. George W. Bush, German Chancellor Angela Merkel, British Prime Minister Tony Blair and French President Nicolas Sarkozy, it was Russian President Vladimir Putin who was the central figure of attention. Putin had arrived to power in the aftermath of the NATO aggression in 1999, an event which had deeply marked his attitude and positioning towards the Western ever since. The June 2007 summit was held only several months after Putin’s historic speech on the other side of Germany, at Bavaria’s Munich Conference, during which he argued that the era of multipolarity had arrived, that the one-sided and illegitimate use of force in world affairs by the United States was unacceptable, meaning that no problem, including Kosovo and Metohija, could be resolved solely by NATO and the EU, but should include the role of the United Nations and the Russian Federation (Putin 2007). Putin’s Munich speech occurred several

days after Finnish diplomat Martti Ahtisaari, on behalf of the EU and its Western allies, presented his plan on the resolution of Kosovo's status, which would, in violation of UNSC 1244 and international law, cement Kosovo's "separation from Serbia" forced by the NATO 1999 attack. The Serbian government led by Prime Minister Vojislav Koštunica refused Ahtisaari's proposal. Nevertheless, Washington, Paris and London hinted they would push for its acceptance in the UN Security Council. At the Heilegendamm summit, in direct talks, Putin warned Bush, Blair and Sarkozy he would veto any attempts to impose the proposal: "The Russian position is clear, based on the territorial integrity of states and on UN Security Council Resolution 1244, under which Kosovo is an undeniable part of Serbia (...) but, „if we come to the conclusion that in today's world the principle of the people's right to self-determination is more important than the principle of territorial integrity of states, then it must be applicable to all the regions in the world, and not only where our partners want it to apply (...) the principles of self-determination in that case must be applied also to nations of the former Yugoslavia, and to the nations living the post-Soviet space" (Mitić 2007a). With such statement, Putin not only threatened a veto, but also every attempt to treat Kosovo as a unique, "sui generis" case. Nevertheless, at the December 14, 2007 EU summit in Brussels, EU leaders agreed to mastermind "Kosovo's unilateral declaration of independence" (UDI), based on a plan by Swedish foreign minister Carl Bildt (Mitic 2007b). Two months later, the Kosovo Albanian leadership indeed proclaimed "a unilateral declaration of independence". Despite accusations from Serbia, Russia and China, among others, the majority of EU member countries recognized the UDI, arguing it was a "unique case" stemming from the result of the NATO bombing in 1999. Five EU members with clear concerns about a possible precedent for their own territorial integrity – Spain, Greece, Cyprus, Romania and Slovakia – refused to accept the "sui generis" argument and to recognize the UDI. Furthermore, less than two months after the UDI, at the NATO summit in Bucharest on April 4th 2008, NATO leaders agreed that Ukraine and Georgia could become NATO members, despite Moscow's harsh warnings. In the years to come, it would become clear that Russia will not accept the "sui generis" case for Kosovo, based on the Western interpretation of its "rules-based order", and neither would it accept a threat from further NATO enlargement, in Georgia, and particularly in Ukraine.

The conflict in Ukraine from 2014 on initiated or accelerated numerous processes that are still redefining the world order. Two are perhaps most noticeable. On the one hand, the homogenization of the “collective West”, united in opposing Russia through political, economic and security mechanisms (diplomatic isolation and sanctions, membership of Sweden and Finland in NATO, sending weapons to Kiev). On the other hand, the refusal of non-Western countries to adhere to the mechanisms of the US and the European Union against the Russian Federation, and the corresponding strengthening of the contours of multipolarity (the strengthening of BRICS, the Shanghai Cooperation Organization and China-Russia partnership, de-dollarization).

In this context, the urgent legitimization of the NATO aggression in 1999 and the legalization of the UDI became especially important for the West.

Since the unilateral declaration in these 15 years did not bring the expected results in terms of the international legitimization of “independent Kosovo” - due to the increasingly effective process of de-recognition and the increasingly firm stance of Moscow and Beijing - the West decided for strong pressure through the “French-German” plan which was proposed in the fall of 2022 by advisers to French President Emmanuel Macron and German Chancellor Olaf Scholz. Belgrade initially rejected this proposal, but after months of intense Western pressure and open threats - more precisely, ultimatums - it nevertheless accepted to consider the implementation of its points on the basis of later agreed annexes.

It is clear that the goal of this agreement is for Serbia to renounce Kosovo and Metohija, and allow “Kosovo” to float in “international waters” towards membership, recognition and other forms of legitimacy and legalization. Given that it is clear to everyone that Belgrade will never formally recognize “independent Kosovo”, non-recognition would be completely relativized by the implementation of the “French-German” plan in a practical sense. The key is that Belgrade agrees to enter into the process leading to the signing of an agreement on “normalization” or “good neighborly relations” between the Republic of Serbia and the “Republic of Kosovo”.

For the West, the benefits are more than obvious. First, the agreement would legitimize the NATO aggression of 1999, which is especially important in the context of conflicts involving other, non-Western world powers, such as the Russian Federation. Second, it would legalize the

“Kosovo” case as a “*sui generis*” – a unique case – which would have a triple effect: it would take the argument of “double standards” out of Moscow’s hands regarding respect for territorial integrity; it would strengthen transatlantic unity by giving the non-recognisers within the EU and NATO the basis that they no longer have to fear precedent, and can therefore recognize “Kosovo” without fear; finally, Serbia’s diplomatic activity aimed at de-recognition among the countries of the Global South would collapse. The third benefit for the West would be that the ties which Belgrade has with Beijing and Moscow in the UN Security Council would be diluted. From the perspective of the West, this would further reduce the “malign influence” of China and Russia in the Balkans. In turn, this would strengthen the possibility for the integration of the entire region into NATO. In the context of the increasingly intensive development of multipolarity in the world, the West would thus counter-attack the influence of rival powers in a strategically important region.

In China, the NATO bombing, left “a scar of deep mistrust” between the US and China, “whose relationship has not fully recovered” (Lampton 2014, 118). Shortly after the NATO aggression, China adopted the “New Security Concept”, which, according to Ghiselli, aimed to “improve the view towards a multipolar world order as a response to the US global dominance, especially after the bombing of the Chinese Embassy in Belgrade in 1999 by the US aviation brought fear to the top of the Chinese civilian and military leadership of the onset of a new era of the US unilateralism” (Ghiselli 2021, 23). Gries assessed that the Chinese, “alarmed by the Kosovo war and the US bombing of the Chinese Embassy in Belgrade, began to reconsider their benevolent view of the international order” (Gries 2012, 306). According to him, “in post-Belgrade China” a “Manichean, black-and-white view of China-US relations” has been developed, and the bombing of the Chinese Embassy can be viewed as a “turning point in China-US relations”, and he warned in 2001 that the resulting mutual perception of a zero-sum game can have “dangerous consequences for peace in the 21st century” (Gries 2001, 26) After the NATO aggression, China became concerned about the establishment of “coalitions of the willing” and the consequences this could have for international interference in the issues of Taiwan, Tibet and Xinjiang (Pang 2005, 88). Zhang Wei from the Chinese Navy warned in 1999 that “the Kosovo war and the resulting weakness of international organizations will negatively affect the security environment in Asia”, and that “future US unilateral moves in the Taiwan Strait could also be expected on the Korean Peninsula” (Ghiselli 2021, 51–52).

Today, for China, Kosovo and Metohija is a part of the Republic of Serbia and represents an example of the defence of territorial integrity in the conditions of the unipolar order and the transition to multipolarity. Beijing maintained this position during the Belgrade-Priština dialogue under the auspices of the EU, repeating it with every statement on the Kosovo issue in international forums, as well as during meetings with the Serbian officials. In the last few years, several processes in particular have strengthened China's position on the issue of Kosovo and Metohija. First, the de-recognition of Taiwan and Kosovo. Since 2017, these two processes ran in parallel, despite no evidence they were co-ordinated. According to the Serbian government, since then 28 states revoked their recognition of Kosovo (Kosovo Online 2023). In the same period, nine countries de-recognized Taiwan. Second, Beijing views the Kosovo issue also through the lenses of recent Western pressure and sanctions regarding Xinjiang and Hong Kong. There is the Western narrative saying that China does not want to recognize the independence of Kosovo "not only out of solidarity with its Serbian ally", but also "so as not to open a discussion on the secession of Taiwan and Hong Kong" (China Observers in Central and Eastern Europe 2020, 30).

25 YEARS LATER: WHO'S PLAYING MEMORY POLITICS NOW?

In the aftermath of the launch of Russia's special military operation in Ukraine, the US "Foreign Policy" magazine headlined "Why Putin Keeps Talking About Kosovo", arguing that "for the Kremlin, NATO's 1999 war against Serbia is the West's original sin – and a humiliating affront that Russia must avenge" (Mc Glynn 2022) It was not something new, as Western media had already been acknowledging – even if often not fully understanding – Putin's references to NATO's 1999 aggression. Ahead of the February 24 operation, at a press conference in Moscow with the German Chancellor Olaf Scholz, Putin underlined: "Mr. Chancellor just said that people of his generation (and I am a member of his generation) can hardly imagine any kind of war in Europe. . . . But you and I have witnessed a war in Europe, the war against Yugoslavia, which was unleashed, coincidentally, by NATO. It was a large-scale military operation that included air strikes against a European capital, Belgrade. That happened, didn't it?" (Gessen 2022). Putin made it clear the aggression was launched without approval by the

UN Security Council, and that it created a precedent with longstanding consequences. Scholz replied by repeating the Western argument that Kosovo was a “unique case”, not a precedent, and the the bombing was pursued in order to prevent a “genocide”, just as it had been argued by his fellow Social-Democrat Scharping in 1999 (Stojanović 2022). The Russian rhetoric regarding the 1999 bombings had remained the same two decades later, considering it as “NATO’s barbaric act of aggression”, “massive crime”, and pointing regularly to the use of depleted uranium and the “poisoning” of Serbia. Yet, it also used the precedent of both the 1999 bombings and their consequence – the Western-orchestrated UDI of “Kosovo” – to justify its military action in Georgia and Ukraine, confer recognition to Abkhazia and South Ossetia, and legitimize the referenda by Crimea, Donetsk, Lugansk, Kherson and Zaporozhye regions to join the Russian Federation. Furthermore, the 1999 NATO aggression is part of the Russian strategic narrative that defines the need to change the path of the offensive threadline of US unipolarity which, after Yugoslavia, continued in Iraq and Libya, combined with the eastward expansion of NATO aimed at using Georgia and Ukraine as launching pads against Russia itself. In that sense, Russia’s strategic narrative calls the wider non-Western community of nations, and particularly the Global South, to stand against the Western “rules-world order” in order to avoid the repeat of the 1999 scenario.

There is an impression that officials and media from NATO countries more often mention Russia’s reference to NATO bombings in the Ukrainian context than their own 1999 “victory”. When they do, they refer to it as a “bombing campaign”, “an intervention” following a “brutal crackdown”, “mass killings” and “other war crimes” committed by Serbs against ethnic Albanians in Kosovo. They refer to it also in reports about monuments and street names celebrating “saviors” of Kosovo Albanians, such as U.S. President Bill Clinton and Prime Minister Tony Blair. Yet, overall, media reports about 1999 remain largely buried, and are far below the publicity which the Western media repeats yearly on the occasion of the July 11 commemoration of the 1995 massacre in Srebrenica. When discussing the continuous tensions in Kosovo, the 1999 bombings are just used as a brief background line.

Chinese officials and media make a recurrent reference to the 1999 bombings in their statements, analyses and commentaries. Every year, the Chinese Embassy in Belgrade commemorates the bombing at the site where now sits the Chinese Cultural Center. The rhetoric about

the bombing is as strong as it was a quarter of the century ago: “The Chinese people will never forget the blood and lives paid to defend truth, fairness and justice, and NATO’s barbaric crime of bombing the Chinese Embassy in Yugoslavia”, Beijing media report, adding it was a “brutal missile attack” and “homicidal rampage”. U.S. and NATO moves related to the conflict in Ukraine are also put in reference to 1999. Thus, Wang Wenbin, the spokesman of China’s Ministry of Foreign Affairs, in his address regarding the 1999 bombings, underlined that “the US-led NATO should seriously reflect on its crimes and abandon its out-of-date Cold War mentality to stop stirring up conflicts, splits and chaos”, adding that “recently, NATO’s continued eastward movement into the Asia-Pacific region to provoke bloc confrontation has aroused high alert among regional countries” (Global Times 2023a). Chinese experts warn that “the US has no plan to let go of its wild ambitions”, but “should not expect China to sit still”, that “the strength gap between China and the U.S. is narrowing” and that “China is not what it used to be when the US bombed the Chinese embassy in Belgrade in 1999” (Global Times 2023b). Serbia has become the first European country to buy Chinese military equipment. On the occasion, Chinese media reported that “the brave resistance of China’s ironclad friend, Serbia, against NATO during its aggression against former Yugoslavia in 1999, has touched many in China” and that “the legendary achievement of the Serbian Air Force and Air Defense in shooting down a stealth fighter for the first time in human history won the respect of many Chinese people” (Hu and Fan 2023). The current tensions in Kosovo are also seen through these lenses: “it was the US and NATO that forcibly divided Serbia through bombing and despicable political tactics. This is the root of that bane” (Global Times 2023c).

CONCLUSION

Memory politics played an important part in NATO’s crafting of the 1999 aggression against Yugoslavia, but also in the perception and reception of the bombings outside of the political West, most notably in Russia and China. At the time, there was a clear and long-term build-up in Western rhetoric about a threat of a “genocide” in Kosovo, which served as an attempt to justify the bypassing of the UN Security Council. Yet, such strategic framing was neither backed by facts, nor was it accepted in Moscow and Beijing. Rather, it was perceived as an attempt

to misuse the position of the hegemon to implement yet another own “rule” in the unipolar order. Such a perception was further strengthened after the 2008 EU-US masterminding of the UDI performed by Kosovo Albanians. The “unique case” framing, in clear violation of international law, was both a repeat of the 1999 scenario and its follow-up, but also a step too far. For Moscow and Beijing, the 1999 aggression had been both a humiliation and a wake-up call. But in 2008, the times had changed, and both capitals were now ready to confront US/NATO’s continuous military expansion – be it on Russia’s eastern borders or around the China Seas. They were also ready to challenge the RBO on various fronts – diplomatic, economic, security, normative and informational. Ever since, the decline of U.S. unipolarity, rising multipolarity, the Ukraine and Gaza conflicts, U.S. containment of China’s rise, shifts in perceptions and attitudes of the Global South towards Western powers, have all impacted on the strategic narratives of great powers. Yet, the 1999 NATO aggression remains a particularly defining moment in the narratives – and memory politics – of those who had been “humiliated” – Russia and China. On the other side, the strategic narrative of the “victorious” NATO countries appears to be on the defensive, toned down, and mostly focusing on blaming Moscow’s memory politics for the Ukrainian conflict.

We have thus seen from 1999 the full range of memory politics mechanisms outlined by Klymenko and Siddi, including historical analogies, memory sites, marginalisation of the past and securitisation of historical memory. They proved to be important contributors to strategic narratives pursued by key global geopolitical actors.

LITERATURE

Ash, Timothy Garton. 1999. “The new Adolf Hitler?” *CNN*. March 29, 1999. Accessed on March 5, 2024, <https://edition.cnn.com/ALL-POLITICS/time/1999/03/29/hitler.html>

China Observers in Central and Eastern Europe. 2020. *Empty Shell No More: China’s Growing Footprint in Central and Eastern Europe*. Accessed on March 11, 2024. https://chinaobservers.eu/wp-content/uploads/2020/04/CHOICE_Empty-shell-no-more.pdf

Entman, Robert. 1993. “Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm”. *Journal of Communication* 43 (4): 51–58.

- Gessen, Masha. 2022. "How the Kosovo Air War Foreshadowed the Crisis in Ukraine". *New Yorker*. Accessed on March 13, 2024, <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/how-the-kosovo-air-war-foreshadowed-the-crisis-in-ukraine>
- Ghiselli, Andrea. 2021. *Protecting China's Interests Overseas: Securitization and Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press.
- Global Times. 2023a. "China urges NATO to reflect on crimes on 24th anniversary of killing Chinese journalists in Belgrade". *Global Times*. May 8. 2023. Accessed on March 13, <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1290359.shtml>
- Global Times. 2023b. "A note to Biden admin: Rhetoric no help to get China-US relations 'right'". *Global Times*. September 11, 2023. Accessed on March 13, <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1297984.shtml>
- Global Times. 2023c. "Greater selfishness is lurking behind US' seeming impartiality: Global Times editorial". *Global Times*. Accessed on March 13, <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1291868.shtml>
- Gries, Peter Hays. 2001. "Tears of Rage: Chinese Nationalist Reactions to the Belgrade Embassy Bombing". *The China Journal*, 46, 25–43.
- Gries, Peter Hays. 2012. „Disillusionment and Dismay: How Chinese Netizens Think and Feel about the Two Koreas”. In *China's Foreign Policy: Who makes it and how is it made*, ed. Gilbert Rozman, 299–327. New York: Palgrave Macmillan.
- Halimi, Serge and Pierre Rimbart. 1999. "Le plus gros bobard de la fin du XXe siècle". *Le Monde diplomatique*. April 2019. <https://www.monde-diplomatique.fr/2019/04/HALIMI/59723>
- Hallahan, Kirk. 2008. "Strategic Framing". In *The International Encyclopedia of Communication*, ed. Wolfgang Donsbach, 4855–4860. Oxford: Blackwell.
- Herman, Edward S. and Noam Chomsky. 2008. In *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. With a new afterword by Edward S. Herman. London: The Bodley Head Random House.
- Holsti, Kalevi. 1976. "The Study of Diplomacy". In *World Politics*, eds. James N. Rosenau, Kenneth W. Thompson and Gavin Bond, 293–311. New York: Free Press.

- Hu Yuwei and Fan Wei. 2023. “Exclusive: China-Serbia military cooperation supports Serbia’s defense modernization, empowers defense capabilities: Serbian Defense Minister”. *Global Times*. October 22, 2023. Accessed on March 13, 2024, <https://www.globaltimes.cn/page/202310/1300333.shtml>
- Hume, Mick. 2000. “Nazifying the Serbs, from Bosnia to Kosovo”. In *Degraded Capability: the Media and the Kosovo Crisis*, eds. Philip Hammond and Edward S. Herman, 70 –78. London: Pluto Press.
- Huyssen, Andreas. 2003. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Klymenko, Lina and Marco Siddi. 2020. “Exploring the link between historical memory and foreign policy: an introduction”. In *Historical Memory and Foreign Policy*. eds. Lina Klymenko and Marco Siddi, 1–10. Cham: Palgrave Macmillan.
- Kosovo Online. 2023. “Dačić: Nakon Surinama priznanje Kosova povuklo još 27 zemalja”. *Kosovo Online*. July 24. 2023. Accessed on March 11, 2024, <https://www.kosovo-online.com/vesti/politika/dacic-nakon-surinama-priznanje-kosova-povuklo-jos-27-zemalja-24-7-2023>
- Lampton, David. 2014. *Following the Leader: Ruling China, From Deng Xiaoping to Xi Jinping*. Berkeley: University of California Press.
- Leimbigler, Betsy, and Christian Lammert. 2016. “Why Health Care Reform Now? Strategic Framing and the Passage of Obamacare”. *Social Policy and Administration* 50 (4): 467 – 481.
- Lewis, Neil. A. 1999. “A Word Bolsters Case for Allied Intervention”. *New York Times*. April 4, 1999. Accessed on March 14, <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/world/europe/040499koso-vo-legal.html>
- Makhortych, Mykola. 2020. “Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria”. In *Historical Memory and Foreign Policy*. eds. Lina Klymenko and Marco Siddi 123–141. Cham: Palgrave Macmillan.
- McGlynn, Jade. 2022. “Why Putin Keeps Talking About Kosovo”. *Foreign Policy*. March 3. 2022. Accessed on March 13, 2024. <https://foreignpolicy.com/2022/03/03/putin-ukraine-russia-nato-kosovo/>

- Miskimmon, Alistair, Ben O'Loughlin and Laura Rosselle. 2013. *Strategic Narratives: Communicative Power and the New World Order*. New York: Routledge.
- Mitić, Aleksandar. 2007a. „G-8 bez dogovora o Kosovu“. *Politika*. June 9, 2007. Accessed on March 10, 2024, <https://www.politika.rs/scc/clanak/26880/G-8-bez-dogovora-o-Kosmetu>
- Mitić, Aleksandar. 2007b. „Švedski plan za nezavisno Kosovo“. *Politika*. December 16, 2007. Accessed on March 11, 2024, <https://www.politika.rs/sr/clanak/9243/Svedski-plan-za-nezavisno-Kosovo>
- Mitić, Aleksandar. 2016. *Integracija tehnika onlajn medija u strateške komunikacione projekte*. Doctoral dissertation. Faculty of Political Science, University of Belgrade.
- Mitić, Aleksandar. 2018. „The Strategic Framing of the 2015 Migrant Crisis in Serbia“. In *Migrants, Refugees and the Media: The New Reality of Open Societies*. ed. Sai-Felicia Krishna-Hensel, 121–150. New York: Routledge.
- Mitić, Aleksandar and Petar Matić. 2022. “Strateški okviri osporavanja vojne neutralnosti Srbije”. *Srpska politička misao*. Posebno izdanje, 245–266. <https://doi.org/10.22182/spm.specijal2022.9>
- Mitić, Aleksandar. 2023a. “China’s New Initiatives and the Shaping of Eurasia’s Strategic Environment”. *Eurasian Security after NATO*. eds. Dušan Proroković and Ekaterina Entina, 113–140. Belgrade: Institute of International Politics and Economics.
- Mitić, Aleksandar. 2023b. “From Globalisation ‘Friend’ to Global ‘Foe’: The Evolution of the US Strategic Narrative on China’s Rise”. *The Review of International Affairs LXXIV* (1189), 31–56. Belgrade: Institute of International Politics and Economics.
- Mouritzen, Hans. 2020. “‘Remember Iraq!’ Learning theory and the 2013 non-decision on air strikes against Syria”. In *Historical Memory and Foreign Policy*. eds. Lina Klymenko and Marco Siddi, 11–30. Cham: Palgrave Macmillan.
- Müller, Jan-Werner (ed.). 2002. *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Power, Samantha. 2013. *A Problem from Hell: America and the Age of Genocide*. New York: Basic Books.

- Putin, Vladimir. 2007. *A speech delivered at the MSC 2007 by the President Vladimir Putin*. Accessed on March 10, 2024, https://is.muni.cz/th/xlghl/DP_Fillinger_Speeches.pdf
- Reporters Without Borders. 1999. *RSF report on NATO's media blunders in Kosovo war*. Ifex. Accessed on March 10, 2024, <https://ifex.org/rsf-report-on-natos-media-blunders-in-kosovo-war/>
- Siddi, Marco. 2020. "Silencing history: forgetting Italy's past during the refugee crisis in Europe". In *Historical Memory and Foreign Policy*, eds. Lina Klymenko and Marco Siddi, 89–106 Cham: Palgrave Macmillan.
- Stojanović, Dušan. 2022. "Explainer: Putin's Balkan narrative argument for Ukraine war". Associated Press. March 5, 2022. Accessed on March 12, 2024, <https://apnews.com/article/russia-ukraine-vladimir-putin-racial-injustice-serbia-kosovo-756fa71c7ab417115ee3521a95791ca7>
- Subotić, Jelena. 2020. „Foreign policy and physical sites of memory: competing foreign policies at the Jasenovac memorial site”. In *Historical Memory and Foreign Policy*. eds Lina Klymenko and Marco Siddi, 71–88. Cham: Palgrave Macmillan.
- Synovitz, Ron. 1999. "Yugoslavia: Belgrade Orchestrates Ethnic Cleansing". *Radio Free Europe*. April 9, 1999. Accessed on March 9, 2024. <https://www.rferl.org/a/1090963.html>
- U.S. Department of State. 1999a. *President Clinton. Excerpt from press conference released by the White House Office of the Press Secretary, Washington, DC, March 19, 1999*. Accessed on March 3, 2024. https://1997-2001.state.gov/policy_remarks/1999/990319_clinton_kosovo.html
- U.S. Department of State. 1999b. U.S. Department of State Daily Press Briefing, March 31, 1999. Accessed on March 3, 2024. <https://1997-2001.state.gov/briefings/9903/990331db.html>
- Wolfley, Kyle. 2021. *Military Statecraft and the Rise of Shaping in World Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Д-р Александар Митич, Республика Сербия

Институт международной политики и экономики
Белград

ОТРАЖЕНИЕ АГРЕССИИ НАТО 1999 ГОДА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ГЛОБАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ И КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Аннотация

За последние десятилетия политика памяти стала важным направлением научных исследований, а среди региональных случаев особое значение придавалось балканским случаям из-за конфликтов 1990-х годов. Тем не менее, это внимание было в основном посвящено тому, как бывшие югославские общества (неправильно) используют политику памяти, а не тому, как они связаны с геополитическими соображениями и политикой великих держав. В этой статье мы анализируем, как политика памяти сыграла роль в восприятии и действиях ведущих мировых геополитических игроков во время взрывов 1999 года и как они интерпретируют это событие в сегодняшних стратегических нарративах в контексте многополярности. Мы приходим к выводу, что политика памяти сыграла важную роль в подготовке НАТО агрессии против Югославии в 1999 году, а также в восприятии и восприятии взрывов за пределами политического Запада, особенно в России и Китае. Они также сыграли важную роль в последней четверти века, во многом содействуя росту многополярности. Сегодня агрессия НАТО 1999 года остается особенно определяющим моментом в повествованиях – и политике памяти – тех, кто был «унижен» в 1999 году – России и Китая. С другой стороны, стратегический нарратив «победивших» стран НАТО, похоже, занимает оборонительную позицию, приглушен

и в основном сосредоточен на обвинении политики памяти Москвы в украинском конфликте.

Ключевые слова: *политика памяти, геополитика, многополярность, стратегические нарративы, НАТО, Сербия.*

Dr. Jovana Pavlović, Republic of Serbia

Belgrade

THE ROLE OF WAR TRIBUNALS IN SHAPING SERBIAN HISTORICAL NARRATIVES

Abstract

This paper analyzes the role of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) in shaping historical narratives of the Serbian role in the Yugoslav Wars. It explores criticisms of the ICTY's perceived biases, its impact on conflict narratives, and concerns about its legitimacy. The paper discusses the portrayal of Serbian actions in the closing statements of Radovan Karadžić and Slobodan Milošević, highlighting the invocation of historical contexts such as World War I and II. It concludes that while the ICTY has been instrumental in addressing war crimes, it has also contributed to a simplified portrayal of Serbs as aggressors, neglecting the complexities of the conflict and the diverse experiences of the Serbian population.

Keywords: *ICTY, Yugoslav wars, Radovan Karadžić, Slobodan Milošević, historical narratives*

The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) has rightfully faced criticism regarding its perceived biases and the politicization of its proceedings. Critics argue that the ICTY's justice delivery was influenced by political considerations rather than solely based on evidence. One point of contention is the alleged failure to prosecute NATO personnel for actions comparable to those for which others were indicted, suggesting a double standard in the application

of justice (Wilson Center [WC], 1999): *Why, then have there been no indictments of NATO's May 7 attack on the city of Nis, where cluster bombs fell on the market, killing fifteen people, and hitting also the city's main hospital?* The use of cluster bombs by NATO and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia's (ICTY) approach to these incidents, compared to similar actions by others, is particularly highlighted. In his analysis, "Biased Justice: 'Humanrightsism' and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia," Robert M. Hayden argues that the ICTY delivers a biased form of justice, where prosecutorial decisions are based on the personal and national characteristics of the accused rather than on evidence. The failure to prosecute NATO personnel for the use of cluster bombs is cited as a glaring example of politicized justice, suggesting that the Tribunal serves as a tool for Western countries, especially the United States, to pursue political goals in the Balkans.

Therefore, the critical question arises whether international tribunals, such as the ICTY, genuinely contribute to peace or inadvertently hinder conflict resolution efforts, by proposing an analytical framework that examines their impact on conflict narratives, the attitudes and incentives of warring parties, and overall peace processes (Kersten 2016, 56). The establishment of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) can be analyzed as a multifaceted collaboration among emerging international criminal law, human rights advocacy, and international relations (Kerr 2004, 12–18). Nevertheless, the intricacies of the interplay between diplomatic strategies and judicial objectives during its inception and operational phases have led to scrutiny regarding the genuine motivations behind its establishment. The employment of international legal principles for strategic purposes, such as the identification of suspected war criminals, accentuates the intricate interconnection between legal frameworks and political agendas. This phenomenon, termed "strategic legalism," occasionally resulted in conflicts between the aspirations of achieving peace and administering justice. Consequently, the endeavor to establish an international tribunal did not unequivocally demonstrate the harmonization of these goals. Instead, it highlighted the inherent challenges in reconciling the pursuit of justice with the diplomatic imperatives of peace within the realm of international diplomacy (Bosco 2014, 33). Doubts about the legality of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) and the Special Tribunal for Lebanon (STL) have been raised. Moreover,

assessing the legitimacy of these tribunals is even a more challenging endeavor (Schmitt 2004, 27). Concerns have primarily been raised about the legitimacy of the ICTY and the STL, in contrast, for an instance, to the International Criminal Court (ICC) and other international criminal courts, which have not faced similar scrutiny (Franck 1990, 11).

Furthermore, the case of Slobodan Praljak and the involvement of the Croatian government in Bosnia-Herzegovina highlight the complexity of the ICTY's work and its impact on the region. The investigation into Croatian support of the Bosnian Croats and the resulting focus on Croatian involvement, as opposed to Serbian involvement, has been a source of contention. The Croatian government's efforts to sway the court and clear its historical record, as well as the division of investigative teams on an ethnic basis, have contributed to perceptions of bias and inequality in the Tribunal's proceedings.

The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) significantly contributed to redefining the historical understanding of the conflict in the former Yugoslavia by establishing legal precedents in the prosecution of war crimes and crimes against humanity (Bassiouni 2005, 12). Concerns have been raised about a perceived anti-Serb bias, with allegations that the ICTY disproportionately targeted Serbian individuals for prosecution while being more lenient towards individuals from other ethnic groups. This has led to fears of reinforcing stereotypes and contributing to a sense of collective guilt among the Serbian population (E International Relations [EIR], 2012).

On the other hand, strong arguments are presented by Karadžić in his closing statement (Unified Court Records [UCR], 2016) aiming at redefining the narrative of the conflict, portraying the actions of the Serbs as defensive and justified, while also questioning the legal and evidentiary foundation of the case brought against him by the prosecution (Case No. It-95-5/18-T). The actions of the SDS and the Serbian people are delineated as a legitimate endeavor for self-defense and the preservation of fundamental rights, accentuating the sacrifices made by the Serbian people and their efforts to achieve compromises and uphold minority rights during the conflict (UCR 2016). The victimization of the Serbian people, both historically and during the conflict in the former Yugoslavia, is emphasized, with the claim that *never have so many direct perpetrators of crimes against Serbs, murderers, been set free* (Closing Argument, Day 1). This portrayal could be interpreted as an attempt to shift the narrative from Serb aggression to Serb victimhood.

The conflict is described as a *war that was imposed on us* (Closing Argument, Day 1), strongly suggesting that the Serbs were not the aggressors but rather were forced into the conflict. This contradicts the widely accepted view that Serb forces were responsible for significant aggression during the Yugoslav Wars.

Before the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), the accuracy of the simultaneous translation provided to the Trial Chamber is contended by Karadžić, emphasizing that it undermines the veracity of the official English transcript and the judges' understanding of his statements. The prosecution's reliance on exaggerated claims and circumstantial evidence is also rightfully challenged, asserting that the case against him is constructed on flimsy allusions rather than concrete evidence: *There are so many falsified facts, so many bastardizations of complete sentences that have been illegitimately edited* (Closing Argument, Day 1).

The actions of the Serbian Democratic Party (SDS) and the Serbian people during the conflict are defended as a struggle for fundamental rights and self-defense, rather than aggression, highlighting the dedication and self-sacrifice of the SDS. These actions are characterized as a legitimate endeavor for the preservation of fundamental rights and self-defense. The dedication and self-sacrifice of the SDS are lauded, noting that the party's ranks were comprised of esteemed members of Serbian society, including university professors, jurists, academicians, writers, and doctors, thereby rendering it the most exemplary and selfless entity among the Serbian populace.

The response of the Serbian people to the conflict is underscored, observing that one and a half million Serbs participated in referenda that endorsed the SDS's principles, and that they committed their sole offspring to endure the harsh conditions of the trenches to safeguard their domiciles and families for a duration of three and a half years. The prosecution's capacity to elucidate his motives and those of his associates, as well as the collective intentions of the entire Serbian community in Bosnia-Herzegovina, which encompasses one and a half million individuals, is also successfully challenged. It is further contended that the Serbian people did not harbor ambitions to annex the villages and territories of other ethnic groups or to impose their will upon them. The claim by the prosecution that the Serbs aimed to establish an ethnically pure Republika Srpska on Bosnia-Herzegovina's territory is disputed further elaborating on this claim by arguing that the Serbs had already

had a majority in 60% of the territory of Bosnia-Herzegovina and that Serbian property ownership in Bosnia-Herzegovina amounted to about 64%. It is argued that the Serbs were open to protecting minorities and had suggested the formation of homogenous territories to prevent conflict. This point is illustrated by referencing the settlement of Bosanski Kobaš in Srbac, where, prior to the onset of the war, an agreement was reached to name a school after Meša Selimović (1910–1982), a distinguished Serbian writer of Serbian ethnicity and Muslim faith, showcasing an inclination towards flexibility and compromise.

Karadžić (UCR 2016) addresses the historical context of the territories in question, emphasizing that these areas had belonged to the Serbs even before World War II: *The record is replete with evidence that these territories had belonged to us even before the war; that we had a far greater territory before WWII, but that we had that territory before this war.* He also refers to the genocide against the Serbs in Bosnia-Herzegovina and Croatia during World War II, suggesting that the memory of this genocide influenced the actions and fears of the Serbian people in the 1990s (*Yet there is not one single family that does not have among its living members either witnesses or descendants of those who were killed in the genocide that took place during WWII*). This reference to World War II serves as a backdrop to his argument that the Serbian people were motivated by a desire to protect what they already had, rather than to conquer new territories. But, even further, the creation of Yugoslavia after World War I is discussed, mentioning that *Yugoslavia came into existence with Serbia's along with its Allies' victory in WWI* and how the Croats, who were on the defeated side, sought to enter a joint state with the Serbs and Slovenes. The consequences of King Aleksandar's decision to form Yugoslavia are reflected upon, with the belief that it led to the loss of *a million and a half lives* among the Serbs during WWII. Additionally, the fears of the Serbs regarding a possible resurgence of genocide are emphasized, with an argument made for the acknowledgment of historical trauma (p. 94666 the overall numbering of the pages in the case file IT-95-5/18-T): *Had there been no genocide against the Serbs in Bosnia-Herzegovina and Croatia fifty years ago... then Karadžić as well as others could defend themselves.* Therefore, the conviction of Karadžić was also a conviction of the historical perspective in his testimony – the same one that clearly pointed to Serbian suffering in the First and Second World Wars as a preparation and, ultimately, one of the possible causes of the wars in the 1990s.

The Joint Criminal Enterprise (JCE) concept is critiqued as a crude construct used to unjustly implicate the entire Serbian nation, with a specific rejection of responsibility for the Srebrenica massacre (*I never defended myself by blaming others, and I never blamed anyone for Srebrenica because I don't know what took place there*, Closing Argument, Day 1).¹ The challenge is posed to the prosecution to provide evidence of individual guilt outside the context of a JCE, with the assertion that there would have been no indictment without such a construct, deemed unconvincing and dishonest. Namely, Karadžić challenges the prosecution to provide evidence of his individual guilt outside the context of a JCE, stating (page 94661): *There would have been no indictment without such a crude construct, unconvincing and dishonest as it is; If you don't believe this, then order the Prosecution to cobble together an indictment against me that would stand outside the context of a JCE.* The legitimacy of Bosnia's move towards independence is questioned, suggesting it was unprepared for the transition, and it is argued that the Serbs had agreed to remain in an independent Bosnia under specific conditions.

The interpretation of statements by the prosecution is criticized, with examples provided of misrepresentation and the argument that the evidence presented relies heavily on indirect sources such as telephone conversations and testimony from the Tribunal's employees, rather than direct evidence. The emphasis is placed on the democratic process within the SDS and the Republika Srpska, arguing that decisions were made through discussions and compromises, countering allegations of autocratic or unilateral actions.

Similarly, during the trial of Slobodan Milošević (IT-02-51), the celebration of the 600th anniversary of the Battle of Kosovo was acknowledged during 12 February 2002 hearing. This historical event

¹ There should be noted that in a letter dated 14 January 2016 (UCR 2016), addressed to the Ambassador of Bosnia and Herzegovina in The Hague, Radovan Karadzic seeks assistance from the Bosnian government for his defense at the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY). The request specifically targets information that refutes the testimony of Srećko Acimović, who claimed in the ICTY trial of Popović et al. that he had no role in the execution of prisoners following the fall of Srebrenica. The letter points out that Acimović faced an indictment by the Court of Bosnia and Herzegovina on 31 December 2015 for his alleged participation in the execution of prisoners post the fall of Srebrenica. This development raises doubts in Karadzic's mind about the veracity of Acimović's testimony, which was used as evidence in Karadzic's trial. The concern is that the Trial Chamber in his case might be relying on inaccurate evidence. To address this issue, assistance is sought from the Bosnian government to provide information that could shed light on the matter and aid in the pursuit of truth in his case. Contact details of Karadzic's legal advisor, Peter Robinson, are provided for any further correspondence regarding the request.

was celebrated in a manner that highlighted its enduring significance. According to documents (UCR 2002) the prosecution noted that Milošević's 28 June 1989 speech was powerful and skillful,² reflecting on the Serbs' historical role and portraying them in a positive light. The judges did not delve into the details of why the battle was celebrated in such a way, but the recognition of this event in the trial underscores its importance in understanding the broader historical context Milošević invoked during his leadership.

In his defense according to official documents (UCR 2002), the historical context of World War I (WWI) and World War II (WWII) was frequently invoked by Slobodan Milošević to contextualize the situation in Kosovo and the wider Yugoslav conflicts. The argument was made that the Serbs have historically been victims of aggression, with reference to the suffering endured by the Serb population during both world wars (12 February 2002, page 17): *Serbs... had been the valiant victors in World War I, the chief architects of the new Yugoslavia, the valiant victims of World War II, those who had won in law – in war but lost in peace and all or very many Serbs were willing to complain about Kosovo.* The role of Yugoslav partisans was also highlighted by Milošević, who stated that our ancestors fought bravely against fascism in WWII, to underscore the anti-fascist tradition of the Serbs and to draw parallels between their historical resistance and the contemporary conflict.

Historical changes in borders and territories resulting from the world wars were utilized to support territorial claims, with the assertion that Serbs have historical rights to certain territories based on their sacrifices during the world wars. A moral equivalence was attempted to be drawn by Milošević between the actions of Serbian forces in the Yugoslav conflicts and those of Allied forces in WWII, suggesting that “just as the Allies were justified in using force to defeat fascism, so were the Serbs in combating separatism and terrorism”. In his defense (UCR 2002), a narrative was presented by Slobodan Milošević suggesting that the breakup of Yugoslavia and the subsequent conflicts were part of a broader conspiracy orchestrated by Western powers, described as a neo-Nazi idea. It was claimed that these powers sought to replot the map

² *Comrades at this place at this place in the heart of Serbia on the Field of Kosovo Kosovo Field six centuries ago a full 600 years ago one of the greatest battles of that time took place. The Kosovo heroism for six centuries has inspired our creativity has fed our pride and does not allow us to forget that we were once a large army a proud army a rare army who in its loss was not vanquished. Six centuries later - today - we are once again fighting battles and faced with battles. They are not armed battles although such battles are not excluded either.*

of the Balkans and create a greater Albania. The argument was made that the prosecution's mention of Nuremberg was not symbolic but rather an attempt to reverse the roles of victim and aggressor, portraying the Serbs, who were claimed to be the victims of aggression, as the culprits. During the 14 February 2002 hearing it was stated (page 267): *So that is what I would call the neo-Nazi idea according to which Yugoslavia was broken up and in which the map of the Balkans was replotted, and a greater Albania is behind it all.* Further in the document (UCR 2002) asserted was: *They are not satisfied with the crime committed over Yugoslavia and the settling of accounts with Serbia because of their defeat in both world wars. They want to proclaim us the culprits, who were the victims of their aggression, and me, with the help of this Tribunal, to bring me before Nuremberg to reverse the roles.* The prosecution's use of photographs as evidence was criticized, with questions raised about what they were trying to prove by showing images of police restoring order during rallies or of funerals attended by large crowds.³ The argument was made that these images did not demonstrate any wrongdoing on the part of the Serbian forces.

The data from the original documents clearly testify the ICTY attempt to give a specific perspective on historical narratives regarding the Serbian people's role in the Yugoslav Wars. But, taking into the account Western perspective of the conflict (Orentlicher 2008, 40): *To the extent that in the view of many Serbian supporters of the ICTY, one of the Tribunal's most important functions is to advance public acknowledgment and condemnation of Milošević-era crimes, the Tribunal's greatest challenges are presented by those sectors of Serbian society that still need to be convinced,* we may conclude that prosecutor's main arguments is that the ICTY has played significant role in Serbia by bringing war crimes to light, holding perpetrators accountable, and challenging narratives that deny or justify atrocities. In Western perspective, the tribunal's work has contributed to a greater awareness of the crimes committed during the Yugoslav Wars and has set important legal precedents for international criminal justice.

Original documents analysis clearly shows that the primary focus of the ICTY was on crimes committed during the Yugoslav Wars

³ Similar suggestion regarding questioning the overall expertise of those involved in Tribunal could be found in transcript from a hearing in the trial of Slobodan Milošević (UCR 2003) dated 14 March 2003. In this session, Dr. Davor Strinovic, a forensic expert, provides testimony about his involvement in the exhumation and identification of bodies in Croatia during the conflict in the former Yugoslavia.

in the 1990s, and references to earlier historical events were generally not central to the judgments. Therefore, it worth noting that the ICTY failed to fully reinterpret Serbian history in a way that acknowledges the complexity of the conflict and the diversity of experiences within the Serbian population. The data from the testimonies above clearly demonstrate that ICTY focus on high-profile Serbian leaders and the emphasis on ethnic-based crimes may have contributed to a one-dimensional portrayal of Serbs as aggressors, overlooking the nuances of the political and social context, as well as the suffering experienced by Serbs themselves during the wars. The verdicts against Milošević and Karadžić are pivotal in interpreting Serbian history, as they represent legal judgments on the actions of key figures in the Serbian political and military leadership. These verdicts have had a profound impact on public perceptions, both within Serbia and internationally, and have influenced the way not just the Yugoslav wars, but also WWI and WWII are remembered and understood. However, they also raise questions about collective guilt, individual responsibility, and the limits of legal proceedings in capturing the full scope of historical events. Therefore, historians and political scientists are obliged to examine the historical context of the Balkans, the rise of nationalism, and the disintegration of Yugoslavia, all of which contribute to a more comprehensive historical narrative than the one proposed by ICTY.

REFERENCES

- Bassiouni M. Cherif. 2005. *The Legislative History of the International Criminal Court: Introduction, Analysis and Integrated Text of the Statute, Elements of Crimes and Rules of Procedure and Evidence*. Vol. 1. Ardsley/New York: Transnational Publishers, Inc.
- Bosco David. 2014. *Rough Justice: The International Criminal Court in a World of Power Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- E International Relations [EIR]. 2012. "Rebecca Devitt. Justice And Peace: The Role of International Tribunals in Transitional Justice". *E International Relations*. January 24, 2012. Accessed: March 1, 2024.
- Justice And Peace: The Role of International Tribunals in Transitional Justice (e-ir.info)
- Franck Thomas. 1990. *The Power of Legitimacy Among Nations*. New York, Oxford: Oxford University Press.

- Kerr Rachel. 2004. *The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: An Exercise in Law, Politics, and Diplomacy*. New York: Oxford University Press.
- Kersten Mark. 2016. *Justice in Conflict: The Effects of the International Criminal Court's Interventions on Ending Wars and Building Peace*. Oxford: Oxford University Press.
- Orientlicher Diane F. 2008. *Shrinking the Space for Denial: The Impact of the ICTY in Serbia*. New York: Open Society Institute.
- Schmitt Carl. 2004. *Legality and Legitimacy*. ed. Jeffrey Seitzer with an introduction by John P. McCormick. Durham: Duke University Press.
- Unified Court Records [UCR]. 2016. "The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. The Prosecutor vs. Radovan Karadzic. Submission of accurate transcript of Radovan Karadzic's closing argument". *Unified Court Records*. February 15, 2016. Accessed: 2 March 2024.
- Unified Court Records Database (irmct.org)
- Unified Court Records [UCR]. 2016. "The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. The Prosecutor vs. Radovan Karadzic. 105th Motion for Finding of Disclosure Violation and Remedial Measures". *Unified Court Records*. February 1, 2016. Accessed: March 11, 2024.
- Unified Court Records Database (irmct.org)
- Unified Court Records [UCR]. 2016. "The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. The Prosecutor vs. Radovan Karadzic. Letter to Bosnia". *Unified Court Records* January 14, 2016. Accessed March 13, 2024.
- Unified Court Records Database (irmct.org)
- Unified Court Records [UCR]. 2002. "Public Transcript of hearing February 14th, 2002. English, 95 pages. Transcript. Trial Chamber". *Unified Court Records* Accessed: February 21, 2024.
- Unified Court Records Database (irmct.org)
- Unified Court Records [UCR]. 2002. "Public Transcript of hearing February 13th, 2002. English, 111 pages. Transcript. Trial Chamber". *Unified Court Records* .Accessed: March 2, 2024.
- Unified Court Records Database (irmct.org)

Unified Court Records [UCR]. 2002. "Public Transcript of hearing February 12th, 2002. English, 113 pages. Transcript. Trial Chamber". *Unified Court Records*. Accessed: February 15, 2024.

Unified Court Records Database (irmct.org)

Wilson Center [WC]. 1999. "Biased Justice: 'Humanrightsism' and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia". *Unified Court Records*. Accessed: March 6, 2024.

191. Biased Justice: "Humanrightsism" and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia | Wilson Center

д-р Ёвана Павлович, Республика Сербия

Белград

РОЛЬ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ СЕРБСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Аннотация

Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии (МУТБЮ) подвергся критике за воспринимаемые предвзятости и политизацию, особенно в отношении его обращения с персоналом НАТО и использованием кассетных бомб. Критики утверждают, что судебное решение МУТБЮ было под влиянием политических соображений, а не исключительно на основе доказательств. Учреждение МУТБЮ можно анализировать как многоаспектное сотрудничество между развивающимся международным уголовным правом, защитой прав человека и международными отношениями. Однако сложности взаимодействия между дипломатическими стратегиями и судебными целями привели к критическому анализу подлинных мотивов его учреждения. Были высказаны опасения относительно легитимности МУТБЮ и Специального трибунала для Ливана, сомнения в их законности и сложности в оценке их легитимности. Дело Слободана Праляка и участие правительства Хорватии в Боснии и Герцеговине подчеркивают сложность работы МУТБЮ и его влияние на регион. МУТБЮ значительно способствовал переосмыслению исторического понимания конфликта в бывшей Югославии, установив юридические прецеденты в преследовании военных преступлений и преступлений против человечности. Однако были высказаны опасения по поводу воспринимаемой антисербской предвзятости, с обвинениями в том, что МУТБЮ несоразмерно преследовал сербских лиц, в то время как к лицам из других этнических групп относился более

мягко. Это привело к опасениям усиления стереотипов и способствованию чувству коллективной вины среди сербского населения. Действия Сербской демократической партии (СДП) и сербского народа во время конфликта защищаются как борьба за основные права и самооборону, а не агрессия. Исторический контекст Первой и Второй мировых войн часто используется Слободаном Милошевичем для контекстуализации ситуации в Косово и более широких югославских конфликтах. Статья заключает, что, хотя МУТБЮ сыграл значительную роль в Сербии, освещая военные преступления и привлекая виновных к ответственности, он также способствовал одномерному изображению сербов как агрессоров, не учитывая сложности конфликта и разнообразие опыта внутри сербского населения.

Ключевые слова: МУТБЮ, югославские войны, Радован Караджич, Слободан Милошевич, исторические нарративы.

**Academician Prof. DDDr. P-doc. Dr.Habil. Alexios Panagopoulos,
Republic of Greece**

*Emeritus Professor of the Ministry of Education
of the Republic of Greece; Rector of Athoniada
Academy in Kareja, Holy Mountain Athos*

CHRONOGRAPHIC HISTORICAL AND GEOPOLITICAL GAP IN DALMATIAN CULTURE – GREEKS AND SERBS

Abstract

Greeks in Dalmatia appear in ships through Greater Greece. The coastal villages served as supply centers for the ships. Racial intolerance in Dalmatia began with the Crusaders when they were forced to choose between East and West. The propaganda developed against the so-called “Greek schism” of the year 1054, had now prepared those who had state power, to use it in every way for genocide. The culmination of this expulsion and ethnic cleansing culminated with the Ustashi. The diplomacy and politics of the Venetian Republic were kind to the Dalmatian Greeks. But the local authorities wanted the Greek soldiers to die first, instead of them fighting the Turks. They accused the Greeks of binding the Serbs through Orthodoxy. Greeks and Serbs began to unite more for their rights. Shops were looted, people were beaten, a policy of ethnic cleansing was pursued in order to wipe them out. The Ministry of Justice and Religion in Zagreb requested certificates from the Roman Catholic Church that all employees had converted to the Roman Catholic, Muslim, Greek Catholic i.e. Unitarian, or Evangelical faith. In Nuremberg, fascists other than the Ustashi were tried for torts against

Serbs, Jews, Gypsies and Greeks in Croatia. The Holocaust and ethnic cleansing are crime against humanity and as such, they are not time-limited. Human rights and human dignity were persistently violated, illegally and inhumanely. International courts have not yet intervened. A reality that European civilized humanity should never again allow this to happen to any people and in any place. We must protect human rights as scientists and as people.

Keywords: *Dalmatia, Greeks, Serbs, Geopolitical Gap.*

INTRODUCTION

Greeks in Dalmatia appear from the 7th century BC, mainly through Magna Graecia. Their coastal settlements were resupply centers for their ships. Hellenism in Split, Šibenik, Zadar, Hvar, Korčula and all over Istria and elsewhere was a commercial, economic and cultural factor of progress. Racial intolerance in Dalmatia began with the Crusaders when they were faced with the choice between East and West, between Orthodoxy and Roman Catholicism. Propaganda developed against the so-called “Greek schism” of the year 1054 was used to prepare those who held state power to use it as a weapon of terror, for the genocides of peoples and cultures. The culmination of this expulsion and ethnic cleansing was seen under the Ustashi during World War II, with the sacrifice of countless innocent people in the terrible concentration camps in the former Yugoslavia. Human rights and human dignity were violated illegally and inhumanely and the international courts have failed to deal with these historical facts to this day.

GENERAL PART

Greeks in Dalmatia became the first cause of racial persecution. In the late Middle Ages, the Serbs will also become its victims. Culminating in World War II, thousands would be killed in the horrific Ustashi camps. This issue was also studied by the bishop of Dalmatia Nicodim Milaš (1845 –1915), who, as the publisher of the newspaper “Istina” (Truth) based in the city of Zadar, investigated the program of

the Roman Catholics against the Greeks and Serbs.¹ Fanaticism from the West sprang up against the Greeks in Italy and Magna Graecia and Sicily, especially after the first Crusade, and immediately afterwards, it was also transferred to Dalmatia.

At the beginning of the 12th century, the Roman Catholic Council was convened in Split, which described the Orthodox faith as heretical and decided that it could be tolerated in a state that is loyal to the Pope. From 1296, onwards, Orthodox Greeks in Šibenik, as Nicodim Milaš writes (Milaš, 1901) were the strongest ecclesiastical parish and held their gatherings in the church of Saint Paraskevi, constantly harassed by Roman Catholic priests. They decided to ask for protection from Constantinople, and Nikolaos Georgiadis, a man with a noble position in the city of Šibenik, went with two others to the Patriarch of Constantinople, Joseph I, and explained to him all their harassment from the Roman Catholic clergy.

For example, the Greek temple of St. Plato in Zadar (Milaš, 2004, 146–147), was illegally seized by the Roman Catholics in the year 1248. The legal dispute lasted until the year 1280, when the authorities decided that the Greeks no longer had any legal right to claim the temple with the auxiliary buildings. Over the centuries, it was not difficult to convince the Greeks who had been converted in mind and faith that they supposedly belonged to the wider Croatian Nation. In Split, the Greek priest Joseph and the priest Gerasimos (Milaš, 1901), called the people to their house for joint prayer, since they were left without a church. In 1248, a priest in Split, Nikolaos Kapoukis from Corfu, is remembered as an educated and dynamic man, who collaborated with the priest in Šibenik, Sevastianos Memchiadis.

Then the Roman Catholic Latin diocese was founded, headed by Bishop Martin from the Franciscan order. His first act was the seizure of the Orthodox church of Saint Paraskeva in Šibenik in 1314. Those Greeks who remained loyal to their Orthodoxy in Split would become victims of persecution. The political administrative authorities were against them, they even slandered them that they were inciting people to revolt against the authorities. In his study, Nikodim Milaš² found more evidence for the temple of Šibenik, which is mentioned in the year 1349 during the time of the Serbian emperor Dušan the Strong, of

¹ Nikodim Milaš, „Pravoslavna Dalmacija“ (Orthodox Dalmatia), published in Novi Sad in the year 1901.

² Nikodim Milaš, „Pravoslavna Dalmacija“, look at the same book in new edition, Beograd-Šibenik, 2004 (Dela Nikodima Milaša, knjiga IV).

communication for baptisms with the temple of Skradin. During the 20th century, Serbs will also be expelled from the region. Serbs, like Greeks, were permanently expelled as a result of the military offensive against Serbian positions and settlements since 1995.

Nicodim Milaš (Milaš, 1901) finds important Greeks in Dalmatia up to the 14th century struggling to survive as representatives of a people who culturally bequeathed Europe and the world so much: the local Greeks resisted ethnic cleansing with the help of the newly arrived Greeks, who had fled from the occupied Greek regions of the Peloponnese that the Turks had invaded and placed themselves at the service of the Venetian army of Dalmatia. The local authorities of Dalmatia appeared quite lenient towards the newly arrived Greeks, useful for the Venetian warships.

The old and new Dalmatian Greeks were then the military bulwark protecting the Venetian Republic in Dalmatia. It was the Greek sailors who brought the Venetian sovereignty to the Mediterranean Sea and the coasts of southern Greece, Dalmatia and the Aegean islands, Rhodes and Cyprus, the Ionian, the Adriatic and the entire Mediterranean. Greeks actively participated throughout Dalmatia in the first conflicts against the Turks. From the end of the 15th century, they established the Venetian military units in Dalmatia, with the Greek name: "Straties" or "Stratia". The oldest known Army was from Šibenik, Dalmatia.

In the year 1511, they requested to build their own church for the Orthodox Greek soldiers serving for the Venetian Republic. The Greeks from Venice, who were quite rich and numerous, had money to cover this cost as well, because at that time, the Greeks from Dalmatia, due to constant persecutions, were neither many nor very wealthy. In the year 1547, they asked for help from the Prince of Šibenik, Petar Navager, who had positive sentiments about Greeks. But bishop Ivan Lučić prevented it, and when he died in 1557, the Greeks from Šibenik again approached the new Prince Nikolaos Dandola. On March 17, 1569, the Senate decided that the over-enthusiastic Roman Catholic Bishop Charnion should give the Orthodox the use of the small church of St. Julian, and appointed Rev. George Sisgoric, with Rev. Raphael Zygara, to be in charge.

The diplomacy and policy of the Government of the Venetian Republic was kind to the Greeks of Dalmatia. But the local authorities wanted the Greek Soldiers from the Venetian Republic to fight in the front line against the Turks and be the first to die, rather than sacrifice their own soldiers. In the 16th century, around 1580, several Greek

families with priests arrived from Cyprus and the Peloponnese to Dalmatia. About fifty Greek families moved from Cyprus, to Pola (Polis) with their bishop named Gabriel, who made a "Complaint" to the Venetian authorities against the local Roman Catholic clergy.

The Republic of Venice, by passing a new law, stipulated that all children born out of mixed marriages should accept the Roman Catholic faith. Milaš (Milaš, 1901), describes a new developments in Šibenik: The Roman Catholic clergy struggled to convert the Orthodox in Šibenik, thus defying the 1582 government order that no one should harass the Greeks. Juraj Križanić (1617–1683), who spread the idea that the East should be subjugated to the West and that all Orthodox believers should convert to the Roman Catholic faith and recognize the Pope as their religious leader, accused the Greeks of having created Orthodoxy as slavery, to which they allegedly bound the Serbian Slavs!

Greeks and Serbs began to unite increasingly since then for their Orthodox rights, in whatever region of Dalmatia they lived. The bishop of Zadar, Vinko Zmajević, in his book "Ogledalo Istine" (Mirror of Truth), declared that the schismatic Greek faith will never be tolerated in Dalmatia. In fact, in a letter sent by Cardinal Juraj Kolarić to the Austrian Emperor Joseph in 1706, he speaks of the Greek missionaries Cyril and Methodius: "Serbs think that their privileges allow them not only to be Christians, but to be able to persist as separated from the Roman Catholic Church. But they shouldn't be allowed to do that!" (Jarčević 1998, 24).

In the Austrian regions, there were separate areas for Serbs, for their military and local organization, such as in the area of the Military Border –Vojna Krajina. But even in these autonomous Serb sections, there were also some Greeks living there. Some preserved documents of the Croatian authorities testify that they requested and proposed to Austrian Emperor and other state institutions to officially declare the prohibition of religious freedom for the Orthodox believers and a mandatory use of the Latin script and not the Cyrillic script.

Several Greeks went to Dalmatia and Istria, but after a few decades they left. Then the Serbs bought the houses of the Greeks at low prices and remained and became the dominant population in this area from the 17th century, just as the Greeks were before. In his 1639 letter to Rome, the new bishop of Zagreb, Benedikt Vinković (Jarčević 1998, 29), informs them about local issues after the end of the Venetians by saying that every faithful child of Rome should avoid any communication with them, i.e. with the Orthodox Christians from Dalmatia. The

proposal was also spread in schools, and by word of mouth, from generation to generation, and the propaganda was strong and widespread enough to cause racism and racial hatred. The same words were repeated by the bishop, Juraj Strossmayer, in Đakovo, Slovenia in the 19th century.

Greeks and Serbs from Dalmatia were forced to fight constantly and hard for their national and religious identity, in Dalmatia and Venice, as well as in Austria and Hungary. Zmajevic recorded their situation from 1723. Their presence bothered the local authorities who wanted to expel them and were looking for reasons to do so. Around the same time, many Serbs arrived in Dalmatia from the areas occupied by Turks. Greeks who had relatives living in other European countries gradually started to leave this undemocratic region of Dalmatia and only a small number of them eventually remained, mainly due to mixed marriages who will be assimilated later out of sheer necessity.

SPECIAL PART

King Ferdinand II, Emperor of the Romans and King of Hungary and Slavonia, established a new Bishopric in the Kingdom of Slavonia, for the Greek residents, with a Serbian bishop, Maxim Petrovic. The same happened in Istria, Pivka, Karst and Plitvice Lakes, as well as in Seni, Lika, Draga Vinodolska, etc., where Greeks and Serbs were present and were slowly leaving. On March 2nd 1639, Benedikt Vinković, Bishop of Zagreb, sent a report of actions taken to the High Kingdom and, three hundred years later, they finally succeeded so that no one else could live in this land anymore, if they were not Roman Catholic, as stated in Zagreb in the year 1941 by Dionizije Jurcev, the personal priest of Dr. Ante Pavelić, president of the Croatian Fascist State (1941–1945).

Due to fascist terrorism, the majority of Greeks fled to other Greek communities in European territories outside of Croatia. Some of them became Roman Catholics in Dalmatia and perished. The Serbs did not find themselves in a better position either when the administrative authorities of Dalmatia were now rid of the Greeks. Then the intellectuals turned against the Serbs, even when there was no social unrest, uprisings, civil wars, or strife. They had found a way to persecute the Serbs as they did the Greeks before that, because they had been students of the Greek teachers.

In Zagreb and Pula (Polis) several controversies arose from 1902 against all Orthodox believers. Orthodox Greek shops were demolished

or looted, people were beaten in their homes and shops, in their workplaces and on the streets. A policy of ethnic cleansing was implemented so it is no wonder they no longer live there today. No scholar has seriously dealt with the “disappearance” of the Greeks from the Eastern coast of the Adriatic Sea, due to the fascist policy.³ Some continued the propaganda to scare them into not releasing facts in the press or in books⁴.

By World War I, the Austrian Emperor was favorably disposed towards them and on October 3, 1914, approved the Resolution no. 25826, in the Parliament in Zagreb – Sabor, which prohibited the use of Cyrillic for pupils in public elementary schools. At that time, the Greek primary and secondary school operated in Zagreb (which still exists as a building today), for the children of Greek merchants. On October 13 of the same year, the use of the Greek and Cyrillic script was abolished also in all high schools in Croatia, while it was also extended to Bosnia-Herzegovina from November 11, 1915, at the suggestion of Zagreb leaders.

A French journalist, Leo d'Orphere, writes in favor of Serbian literature around 1916. Also, Flora Sands, an Englishwoman, writes about the positive characteristics of the Serbian people. But during the Second World War, the doctrine of the Roman Catholic theology professor,

³ Ante Starčević 1823–1896, was a 19th century Croatian politician and representative in the local Croatian Parliament under Austrian rule and founder of the Party of Rights. Today, as during World War II, he is considered the father of the Croatian State. He studied theology and received a doctorate in philosophy in Budapest. He made a series of theoretical claims, that this impure stock (Jarčević 1998, 51), consists of Serbs, Greeks, Chintars, Romanians, Albanians and Gypsies. There are several elements in scientific documents of his time, at the same time let us remember Juraj Štrosmajer, Roman Catholic bishop of Đakovo-Slavonia, reformer of the 19th century, co-founder of the Yugoslav Academy of Sciences and Arts. After the dissolution of Yugoslavia in 1991, and the international recognition of statehood of the Republic of Croatia (along with the common national and historical territories), this Academy will be renamed the Croatian Academy of Sciences and Arts. Bishop Štrosmajer questioned the right of religious freedom and the existence of the Orthodox Faith and called the existence of the Greek Orthodox in Dalmatia the Greek Schism in the year 1850 (Jarčević, 1998, 26, 40).

⁴ Dominik Madić, *Hrvati i Srbi dva stara razlicita naroda* (=Croats and Serbs, two old different peoples), published in Zagreb in the year 1990, by “Matica Hrvatska”. The author was a well-known Roman Catholic Franciscan priest and historian, Dominik Madić (Jarčević 1998, 44–48), who had lived in the United States of America, from 1898 to 1973. In his work, it seems as if he lived in multi-ethnic America, while he wrote with enough contempt or racial hatred about the Greeks and Serbs. He tried to show that there was no influence of the Greek spirit on the new Croatian nation. Neither Byzantine priests nor monks ever worked among the Croats. The Croats did not know the Greek language, nor did they use Byzantine culture as a legacy. Superficial contacts with the Byzantines passed only to their rulers and a few provincial generals. He says that the wider and popular circles never felt any significant influence of Byzantine culture. And when the Croats came to the south, they joined the circle of Western Christian peoples. They developed their national and state life and their influence from the Western Christian Church and the Western peoples. Therefore, their spirit and upbringing was in the Western peoples.

Krunoslav Draganović, was adopted. In his 1937 doctoral thesis published in the Vatican, he stated that Orthodox Serbs were originally Roman Catholics and that their conversion from the Greek tradition would simply be “the return to the faith of their forefathers”!

On May 3, 1941, the President of the fascist Independent State of Croatia, Dr. Ante Pavelić approved the passing of the legal provision for a compulsory conversion from one religion to another. According to the decision, all faithful members of the Greek Eastern Church should join the Roman Catholic Church and become Croats. The same was repeated publicly for Greeks and Serbs by the Archbishop of Zagreb, Alojzije Stepinac, a well-known post-war cardinal, who was also proposed for canonization in Rome (Jarčević 1998, 36).

On August 12, 1941, he wrote in the *Hrvatski Glasnik* (Croatian Herald) that first of all (we owe) the elimination of the influence of Serbian Orthodoxy and Byzantinism to the Croatian people, which was influenced by the relations with them, which, *ipso facto*, is one of the greatest moral benefits of the new order of things, related to culture (36). To remove the very source of moral decay and to fill up the mud from which it came. The tomb of Cardinal Alojzije Stepinac (Jarčević 1998, 38), in Zagreb Cathedral, had become a cult point of reverence for their people. On May 18, 1943, he explained to the Pope why he despised the Serbs and Greek culture, for the spiritual waves of orthodox Byzantinism that would supposedly hit Italy as well, while they are now breaking in the Croatian stronghold.

No one perhaps found out who it was that wrote in section IV of the *Dnevnik* that Serbs should disappear because of the legacy of the Greek culture. The Austrian historian, Konstantin Jirecek, had assessed the influence of Greek culture on the lands of South Slavia as follows: The splendor of the old Byzantine culture continuously and strongly influenced the peoples of the Balkans from the 13th to the 14th century despite the fact that this Greek empire was in decline (38).

Some Vatican priests wore military uniforms and became the most famous war criminals. One of them, Miroslav Filipović Majstorović, a Roman Catholic priest, led the soldiers to massacre the inhabitants of the villages where Orthodox Christians lived. For several months, he was the commander of the death camp in Jasenovac, where about 700 thousand were killed, including Jews, Roma and Greeks. There were other priests who served as commanders of smaller units, who threw whole families into pits or killed them in the cruelest ways.

All this becomes understandable if you take a look at the documents of the then State and branches of the Roman Catholic Church. Below is the type of instructions from the office of the Roman Catholic Bishop of Đakovo Juraj Strossmayer, in May 1941, he writes a word of friendly advice! The Lord Jesus Christ taught that there is a sheep and a shepherd, he took the picture from the daily experience of a farmer's life, so that people can understand him better. Listen to this word of friendly advice! Register (convert) as soon as possible for your return to the Roman Catholic Church! (40).

With frequent laws and decrees, the State authorities multiplied the instructions and orders, threatening with death all those who refused or failed to convert into Roman Catholics and become law-abiding citizens of the new state of Croatia. The Office of the Government Presidency of the Independent State of Croatia in 1941 sent to the Ministry of Renewal Order⁵ No. 11689/1941, which stated that no one was allowed to recognize the Greek Eastern faith (41).

In circular letters of the Zagreb Ministry of Justice and Religion, such as the one dated November 11, 1941, no. 83490/41 they asked all the judicial authorities of the State to send, within one month, the certificates from the authorities of the Roman Catholic Church that all the "Eastern" Greeks who were then working as employees, had been converted into one of the following religions: Roman Catholic, Muslim, Greek Catholic i.e. Unitarian, or even Evangelical (41).

On November 17, 1941 a meeting of the Croatian Roman Catholic Bishopric was convened in Zagreb. One of its outcomes, Resolution No. K. 253/41, reads as follows: (1) It is considered a principle of doctrine that the resolution of all issues concerning the conversion of the Church of the "Greek East" to the Roman Catholic faith falls exclusively within the jurisdiction of the Hierarchy of the Roman Catholic Church, which, according to divine law and canonical ordinances, is alone authorized to issue instructions and ordinances concerning these ecclesiastical conversions, thus excluding any action in this matter which bypasses the local ecclesiastical communities (42). (2) For that matter, no one but the Hierarchy of the Roman Catholic Church has the right to

⁵ Within the Ministry of State Renewal, a department of religions will be established immediately, which will be responsible for all affairs related to all aspects of conversion from the Greek Eastern faith to the Roman Catholic, Muslim and Evangelical authorities. The Ministry of Renewal was instructed to provide the Department with the necessary means and office space, while the director of the department and his deputy would be appointed by the Head of State. By order of the Government Presidency, General Secretary Ivankovic signed (Jarčević 1998, 41).

appoint missionaries with the authority to convert “Eastern Greeks” to the Roman Catholic faith. The Conference appointed the Roman Catholic priests whose names were added to the resolution of the conference. The state and this clergy used fascist conditions to put an end to the orthodox population, by death or deportation or conversion to the Roman Catholic faith, pursuing their fascist policy (43).⁶

When World War II ended, war criminals were tried at Nuremberg, the Fascist Germany and all its fascist followers were stigmatized. However, no one was tried for the terrible crimes committed against the Serbs, Jews, Gypsies and the few Greeks left in Croatia. Their propaganda against Serbs and Greeks continued and these views were even publicized in the press or in books⁷.

When speaking about the medieval situation of Travunia, today’s Herzegovina, where only Serbs and few Greeks lived at the time, the historian and Croatian priest Dominik Madić could not dispute the fact that the local Christian church was under the normal jurisdiction of the Patriarch of Constantinople and that the Greek culture then exerted a decisive influence on the region. He wrote about Diokleia, today’s region of Montenegro, where there were also Serbs. This historian could not separate and admit the influence of Greek culture there, but he saw Roman Catholics there too or that the lands should be considered Roman Catholic ethnic lands in Travunia. He claims that in Travounia, and in medieval Diokleia, as early as the time of the Serbian dynasty of Nemanja, some of the Croats were forcibly converted to the Orthodox faith, while Roman Catholic bishops, priests and monks were persecuted and replaced by Orthodox priests and monks (45). A large number of Croats in Bosnia and Herzegovina converted to Orthodoxy during the Turkish rule 1463–1878. The main reason for this was that the number of Roman Catholic priests was insufficient!

Nemanja had the title of great Zupan, chief of the tribe, recognized by the Byzantine Emperor. All descendants of the Nemanjić family were Serbian kings or emperors. As for Madić’s view that the inhabitants of Bosnia and Herzegovina were Roman Catholics who then, under Turkish pressure, converted to the Orthodox faith, he is contradicted by the following pages of his book. It also tells how, during the period of Turkish

⁶ Ante Starčević, the well-known Croatian politician, had put forward a series of theoretical claims saying that this Balkan “impure stock, consists of Greeks, Chintars, Romanians, Albanians and Gypsies” (Jarčević 1998, 52).

⁷ See: “Hrvati i Srbi dva stara razlicita naroda” (Croats and Serbs, two old different peoples), published in Zagreb in the year 1990, by “Matica Hrvatska”, authored by Dominik Madić.

rule in Bosnia and Herzegovina, the Turkish authorities had protected Roman Catholics from aggressive Orthodox believers and their priests.

It appears that Madić is confusing historical facts, with the intention of proving that the historical and ethnic lands of Croatia were predominantly inhabited by Serbs and that only Serbian states existed in the Middle Ages. The Greek culture of the region was an inferior culture for him. He explained this by comparing Serbian features with Croatian features, concluding that they were inferior⁸, because the Serbs were under the influence of Greek culture, while these Croats had a high European influence.

From 1219, Serbian religious and cultural life, church and state organization, progress and art, all developed under the strong influence of the Greek Eastern Church and Byzantine culture. The Serbs, in their culture and spirit, became a distinctly eastern people of the powerful Byzantine state. While praising the talent for Greek philosophy, Madić named the Greeks as people unprepared to cooperate with other peoples, unable to create a strong, smooth and long-lasting state, like the one created by Rome with the participation of the peoples belonging to the Western civilization (44).

Ante Starčević's nephew, Mile Starčević, became the minister of culture in Zagreb and the author of the political work, titled: "Dr. Ante Starčević i Srbi", which was published in Zagreb by "Matica hrvatska", in 1936. It presents his uncle as one of the most enthusiastic supporters of Croatian racial superiority over the Serbs. Arguing that the Serbs were a low-value people because they were a mixture of races and thus had poor genetics compared to the Croats.

Minister Mile Starčević, quoted this view of his uncle, on page 99, as follows: Ante Starčević finds the reasons for the destruction of Serbia and Bosnia, from the advance of the Turks, to the fact that the Croatian racial stock was neutralized by the impure racial stock of Albania,

⁸ For example: An Australian, Stella Miles Franklin writes about this Byzantine Serbian mentality, which she notes, around 1918: I first met the Serbs in a tram. They were different from the other passengers because they had great teeth and a particularly polite way of offering their seats to women in gray dresses who addressed them as sister (Jarcevic 1998, 49). Their build and their teeth would be a sufficient mark to enter the highest social circles of Anglo-Saxon. A German nobleman, Otto Dubislaw von Pirch wrote about the characteristics of the Serbian people as early as 1829: In general, Serbs are natural in their dignity, full of joy and good will, no trace of haughtiness can be seen, they are helpful, and they enjoy being associated with each other. Mind and the unbroken course of historical events may also have contributed to their general good mood, but it can be seen in these people themselves that they have a happy, lively and carefree disposition, which is part of their nature (50).

Raska and Serbia and destroyed by it in Bosnia. Ante Starčević attributes the impure Serbo-Slavic as a fatal role, especially during the fighting against the Turks (51).

Ante Starčević makes a series of claims saying that this impure stock consists of Serbs, Greeks, Chintsars, Romanians, Albanians and Gypsies. In elucidating these views of Ante Starčević on the development of the Serbian nation, the author did not object to his accusations, of the Greeks, and his position of Byzantium being a decadent state at the time of the alleged Serbian communication with the Empire by 6th and 7th centuries, while on page 99, he writes: We must point out another thing, which, through the centuries, has become a strong part of the Serbian spirit and, ultimately, of their nationalism. And this is Eastern Christianity. Having arrived in the cultural sphere of Byzantium, when the Byzantine culture had already declined and showed more and more signs of degeneration, the Serbs developed under the influence of precisely this Byzantine culture that they had found there upon their arrival!

However, he did not pay attention to the fact that Greek culture produced Socrates, Plato, Aristotle, Pythagoras, Sophocles, Solon. Their leaders did not pay attention to the conclusions of European scholars about the rise of Western Europe in connection with the legacy of Greek culture. Thus, the French historian, Charles Saint Yobos⁹, described how far the medieval West lagged behind the Greeks in culture. Theorists continued to claim that the Greeks were incapable of establishing organized social communities in Dalmatia and the bases for large states. It is surprising that today, at the beginning of the 21st century, some still do not wish to change their views on Greek culture.

Professor Dragutin Pavličević¹⁰ writes: At that time, in 812 AD, there was probably a difficult border between West and East, as there was in 395 AD, along the Drina, but some Byzantine cities and islands (probably he means in Dalmatia) were left outside the western borders,

⁹ Charles Saint Yobos, in his commendable work: *A Comparative History of European Peoples*, published in Belgrade, by "Dereta" in 1991: Eight hundred years after the fall of Rome, there was no independent literature in Europe. The written language was Latin and not a single original work was produced. Only the Latin writers were imitated. It was not until the end of the 12th century that the writing of poetry began in France. Not even the plastic arts existed until the end of the 11th century. Only then did the rebuilding of churches begin in France, with the rise of the Gothic style (Jarcevic 1998, 54).

¹⁰ In his book: "Povijest Hrvatske" (=The History of Croatia), published in Zagreb in 1994. The author writes that the Greek influence had a destructive effect from long ago, in all areas of Croatian development (Pavličević 1994, 44).

which had a long-lasting negative effect on the further development of political, religious and cultural relations in the Croatian lands! (55).

These Croats saw Greek culture as an evil in the history of Europe. As an evil similar to that of the Turkish conquest of the Balkans and Central Europe, he notes: The differences between the Christian Churches led to the final schism when, in 1054, the Patriarch of Constantinople, Cirularius, severed all relations with Rome, Papa. They did not understand how important the step was not only for the history of the Church, but also for the history of Europe, and especially of Croatia, which, due to the schism, found itself at the border of the two worlds, where it remains to this day. All the evils that came to Croatia after the schism were from the East and are still arriving: together with the aggressive Orthodoxy, which is no less aggressive than the Islam of the 15th century! (Pavličević 1994, 44–45).

This modern historian, born in 1923, in his work presents his perceptions that, supposedly, the wicked find refuge there, coming from Greek Orthodoxy and Turkish Islam, and even from Arab Islam. Without telling us things clearly. It is strange that their official science, then, should treat Greece and Turkey in this way. In fact, both countries have been members of NATO for years, while Croatia also aspires to membership in the Alliance.

These vague opinions from intellectuals demonstrate that the political situation was dangerous for Hellenism. As they formulated them already from the time of the expulsion of the Greeks from Dalmatia, as well as from all the islands of the Adriatic. And as Pavlicevic mentions, the Greek Byzantines then lived in places where Turks had not gone, therefore the blow was clearly against Hellenism. In Dalmatia they succeeded, because the Greeks were much fewer in numbers. This liquidation was not achieved in Magna Graecia, which today may not speak the Greek language, but speaks it with her heart and sings it and with its population of 22 million, today it is an invincible spiritual force.

Comparing the views of the historian Pavličević with some others that call for the fight against Greeks, we will quote statements of some other intellectuals from the period between 1941 and 1945, such as Ivo Guberin. This Roman Catholic priest and professor, called for redefining relations between the Government of the Independent State of Croatia and the Vatican, which justified the army's crimes against Orthodox Christians and promised the Vatican that Croatia would clear Europe of the Orthodox and Byzantine and that it would become the gateway

through which Roman Catholicism would enter the Balkans, starting in 1941, noting that: He was one of those who created the Independent State of Croatia in terror. The Byzantine-Serbian pressure on Croatia will have been eliminated and the possibility will be created for it to play its role as a bastion of Europe (Jarčević 1998, 57). The Independent State of Croatia is the only State with a predominantly Roman Catholic population in the Balkans. The only gateway to Roman Catholicism in the Balkans. Ivo Guberin published ironic opinions about Greek culture in 1943, in the *Croatian Observer*, *Hrvatska Smotra* (issues 7–10): Croatia had fallen into the crucible of the East, where according to the intentions of the rulers, the nation of Croatia should disappear. As a bastion of the West, it had to be destroyed. Many Catholics were comfortably misled in 1918, when the movements for the creation of Yugoslavia actually began, as a necessary means of achieving the unity of the Church between the Christian Churches of the East and the West – between Roman Catholicism and Orthodoxy. When this Yugoslavianism was achieved, Byzantium did not intend to follow the unity of the Church, in the way the Roman Catholics desired, but rather, the proposal to this Greater Serbian State was to Byzantize the entire Croatian people culturally and Serbian politically! (58).

Certainly nothing was written in secret. Everything was more than obvious. Thousands of opinions were officially published in the “*Eparhijski Vjesnik*” (Eparchy Herald), of the “*Krizevci*” Diocese (no. 2, 1942). The apostolic Roman Catholic priest and historian, dr. Janko Simrak, published opinions that the members of the Greek Orthodox Church should no longer live in Srem, Slavonia and Bosnia, and that all of them should accept the Roman Catholic faith. Indeed, despite the racism, there was sincerity in his views, he admitted that this inhuman view had come from the Croatian Government and the Vatican, noting: The provision concerning the conversion of Eastern Greeks in Srem, Slavonia and Bosnia: Special committees should be organized, for the sake of conversions, to help the parish priest, not only by organizing conversion ceremonies, but also with the creation of parishes of converts. It is now the time to show in practice what we have been planning for centuries. Our work is legal in terms of the resolution of the Holy See, as well as the resolution of the Holy Assembly of Cardinals, for the Eastern Church, and finally, in terms of the Circular of the Government of the Independent State of Croatia from July 30, 1941, which expresses the desire to convert the Eastern Greeks to the Roman Catholic faith! (59).

Janko Simrak, despite his racism, is objective as he openly stated the fact that many well-meaning people cannot believe that there was an old plan to exterminate the Orthodox inhabitants in an area that ancient scholars had designated as the territory of a Roman Catholic Croatian state that was the point of contention. These statistics shed light on the reasons why the Greeks could not resist the genocide between the 11th and 19th centuries, and why they disappeared from their settlements and estates on the Eastern coast of the Adriatic.

The same fate later befell the Serbs in most of the Balkan Peninsula. Let's look at some articles in the Croatian press, where the history of the Christian church was also falsified, to deny the Greeks the right to claim that Orthodox faith had spread from their country to other parts of Europe and the Balkans as well. These were also written in "Nova Hrvatska" (New Croatia, no. 11, of January 11, 1942), boasting of the conversion to Roman Catholicism of several members of the "Greek Eastern Church"!

On the basis of this Report, it can be concluded that the Orthodox faith of the Greeks, being too impetuous, left Roman Catholicism behind and despised. In fact, he tells us: Yesterday morning it was done in "Kamensko" near "Karlovac" by the parish priest in charge of "Kamensko", Kucmanic, who had previously observed all the necessary church services, for the rebaptized converts. After the baptisms were performed, the responsible parish priest of the large parish of "Pokupje", dr. Ante Nikšić, made a speech to the converts, in which he told them that it was not an ordinary conversion to the Roman, Catholic faith, but that they had returned to their faith, to their grandfathers, to the first faith of their ancestors! (Jarčević 1998, 61).

As if the Orthodox Greeks and Serbs were already Roman Catholics. But even later, as they record, after the new war 30 years ago in Yugoslavia, there were no voluntary conversions of Orthodox believers to the Roman Catholic faith and, if there were any, they were done under the threat of death for the whole family. This can be deduced based on the Letter sent from the office of the bishop of "Jakovo" in Slavonia to the parish office in Vukovar, ordering to give all the buildings of the Orthodox Church to Roman Catholics and to remove all Orthodox symbols from them.

From this official Croatian letter, it appears that there were no Roman Catholic churches in the villages of the "Vukovar" region. This means that almost all the inhabitants were in the Orthodox faith. A historical

fact that should concern politicians and journalists from 1991–1997 who described Vukovar and the surrounding area as a Croatian city and Croatian land, and that the local Serbs were attacking Croatia, to ease their conscience, noting: There are no Roman Catholic churches there, in any of the villages of the Vukovar region, where the missionaries have been sent, nor are there any Roman Catholic liturgical objects, therefore the missionary fathers are authorized, each one from his position, in agreement with the relevant parish offices and in co-operation with the inhabitants of the place who shall have registered for conversion to the Roman Catholic Church, to convert the buildings of the Greek Eastern Church into Roman Catholic ones, so as to be suitable for the Roman Catholic ceremonies, especially for the reading of the Saints, for the for this purpose, the Orthodox Temple should be removed! (62).

In addition to the evidence of genocide by the Ustashi committed against the Orthodox Christians and others, the Document also mentions the use of Orthodox churches, the same as in the Middle Ages, when the Roman Catholic priests and the feudal lords took over the Orthodox churches from the Greeks in the Dalmatian cities. They converted them so that they could adjust them to the Roman Catholic rituals.

The cynicism of the Ustashi and officials is evident in this Document when they refer to Orthodox Christians who have registered for conversion to the Roman Catholic Church. Other documents were perhaps not so skillfully written, so you can read in them that people were exterminated with the usual excuse that this was done because they were Orthodox believers. On August 10, 1941, the magazine “Nedelja” (Sunday), which was founded in Zagreb, by the Roman Catholic bishop dr. Alojzije Stepinac, wrote: The litanies, the processions, are gone, there is no reason for the so-called religious tolerance, which Croats should feel all too often on their skin. Roman Catholicism no longer needs to be tolerant, streams of orthodox blood, water the earth! (64).

EPILOGUE

The Holocaust and the ethnic cleansing first of Greeks and then of Serbs in the region of Dalmatia constitutes an eternal crime against humanity. Greeks and Serbs in Dalmatia experienced continuous persecution so that they finally left it. These ancient settlements were numerous and very creative and the political, legal, moral and historical memory does not justify their oblivion, which is why we present it. Hellenism on

the coast and throughout Istria and elsewhere was a special European commercial, economic and cultural factor of progress and was an intellectual obstacle to the advance of fascism. The persecution against the Greek spirit that classified the scientific disciplines and the truth about Greek civilization had been persistently and strangely sidelined for the last thousand years in Dalmatia. The racial intolerance in Dalmatia for any nation or ethnic group that would have inherited anything from the Greek culture, even a Greek name from the Orthodox Faith, was a cause of persecution for the Serbs as well. Greeks and then Serbs were stigmatized in Dalmatia as the first cause of racial persecution. This erroneous view led the fascists to kill over a million victims and Orthodox believers during World War II, in the horrible camps, such as Jasenovac and elsewhere, according to the old historical accounts, diaries and writers' records. A reality that European civilized humanity should never again allow to happen again in the 21st century to anyone or anywhere. We must protect human rights as scientists and as people.

LITERATURE

- Durant Will. 1981. *The Story of Civilization (1935–1975)*. 1981. "Historian Will Durant Dies; Author of 'Civilization' Series. The New York Times. United Press International. 9 Nov 1981. Retrieved 28.1. 2023. <https://www.nytimes.com/1981/11/09/obituaries/historian-will-durant-dies-author-of-civilization-series.html>
- Hofschroer Peter. 2005. *Waterloo 1815: Quatre Bras: Quatre Bras (About Dubislaw Otto von Pirch, 1829)*. Barnsley: Pen and Sword
- Jarčević, Slobodan. 1998. *The Expulsion of Greeks and Serbs – Prominent Croats on Greek Civilization*. Chicago: Institute For Serbian Studies „Sardoniya”, Belgrade: IPA „Miroslav”.
- Mandić, Dominik. 1990. *Hrvati i Srbi dva stara razlicita naroda*, Zagreb: Matica Hrvatska.
- Markus, Tomislav 2009. „Društveni pogledi Ante Starčevića”. *Časopis za Suvremenu Povijest*. 41 (3): 827–848. Zagreb: Hrvatski institute za povijest
- Milaš, Nikodim. 2004. *Pravoslavna Dalmacija IV*. Šibenik: Istina
- Pavličević, Dragutin. 1994. *Povijest Hrvatske*. Zagreb: Naklada Pavičić.

- Roe, Jill. 2008. *Stella Miles Franklin: a biography*. Sydney: Harper Collins, Australia
- Senjobos, Šarl. 1991. *Uporedna istorija evropskih naroda*. Beograd: Dereta
- Милаш, Никодим. 1901. *Православна Далмација*. First edition. Нови Сад: Издавачка књижарница и штампарија А. Пајевића.

**Академик профессор д-р Алексис Панагопулос,
Республика Греция**

*Почетный профессор Министерства образования
Республики Греция; Ректор Академии
Афониада в Карее, Святая Гора Афон*

ХРОНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ В ДАЛМАТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ – ГРЕКИ И СЕРБЫ

Аннотация

Греки в Далмации появляются на кораблях через Великую Грецию. Прибрежные деревни были центрами снабжения кораблей. Расовая нетерпимость в Далмации началась с крестоносцев, когда им пришлось выбирать между Востоком и Западом. Пропаганда, развернутая против так называемого «греческого раскола» 1054 года, теперь подготовила тех, кто обладал государственной властью, к тому, чтобы всячески использовать ее для геноцида. Кульминацией этого изгнания и этнических чисток стали времена усташей. Дипломатия и политика Венецианской республики были благосклонны к грекам Далмации. Но местные власти хотели, чтобы сначала погибли греческие солдаты, а не они сражались с турками. Они обвинили греков в том, что они связывают сербов православием. Греки и сербы стали больше объединяться в борьбе за свои права. Магазины были разграблены, людей избили, проводилась политика этнической чистки с целью их уничтожения. Министерство юстиции и религии Загреба запросило у Римско-католической церкви справки о том, что все сотрудники приняли римско-католическую, мусульманскую, греко-католическую веру, то есть унитарную или евангелическую веру. В Нюрнберге фашистов, помимо усташей, судили за правонарушения в отношении сербов, евреев, цыган и греков

в Хорватии. Вечный Холокост и этнические чистки являются преступлением против человечества. Права человека и человеческое достоинство были нарушены незаконно и бесчеловечно. Международные суды пока не вмешались. Реальность, которой европейское цивилизованное человечество никогда больше не должно допустить, чтобы она повторилась с каким-либо народом или местом. Мы должны защищать права человека как ученые и как люди.

Ключевые слова: Далмация, греки, сербы, геополитический разрыв.

Assistant Prof. Dr. Maja Antić, Bosnia and Herzegovina

Faculty of Philosophy

University of East Sarajevo

Department of History and Archaeology

Saint Petersburg State University

ON THE INFLUENCE OF AUSTRIAN PROPAGANDA IN HERZEGOVINA AND THE INSURGENT ATTITUDE OF CHRISTIANS IN THE COVERAGE OF THE DAY MAGAZINE (1861–1865)¹

Abstract

*The Moscow weekly *The Day*, a Slavophile magazine for society, criticism and culture, was published between 1861 and 1865. The subject of the analysis of our work is the writing of *The Day* magazine about the influence of Austrian propaganda and the insurgent mood in Herzegovina in the first half of the 60s of the 19th century. Despite the official prohibition on writing and publishing articles containing political issues, Russian consular reports from Mostar, Dubrovnik, Sarajevo, and other places were published on the pages of *The Day*. They wrote about the progress of the uprising in Herzegovina and foreign influence on Christians and their goals. Editor in chief of *The Day* was the prominent Russian Slavophile I. S. Aksakov. In addition to the reports of Russian consuls from the Balkans, *The Day* also published*

¹ This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF 23-78-10045 / Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10045).

literary and historical texts, reviews and polemics on current topics in Russian society.

Keywords: *The Day, Russian consular reports, uprising in Herzegovina, Austrian propaganda.*

In the early 60s of the 19th century, Emperor Alexander II (1855–1881) in his desire to modernise the country, ensure progress and peace, began implementing state and economic reforms aimed at the recovery of the country, whose numerous internal weaknesses had surfaced during the Crimean War (1853–1856). After the end of the war and the signing of the unfavourable decisions of the Treaty of Paris (1856), the prevailing opinion in Russia was that the political impotence of the country was a consequence of insufficient development and the absence of reforms, whose implementation would prevent new military failures and the possible revolution in the country. At that time, the reform of the countryside, i.e. the abolition of serfdom (1861), was considered the most important as it freed over twenty million Russian peasants. In the following years, judicial and administrative reforms, university reform, censorship and military reforms, as well as numerous others were implemented (Miljukov, Senjobos, Ezenman 2009, 474–475).

Under these circumstances, on October 15, 1861, the first issue of the Moscow weekly *The Day* (Russian: День) was published. The magazine, started with the idea of forming a Slavophile view towards contemporary challenges and problems, was published and edited by a prominent Slavophile, Ivan Sergejevich Aksakov. Due to the prohibition on dealing with political topics, the magazine contained a literary, regional, review, Slavic and mixed section. The pages of *The Day* were dominated by texts about the role of the nobility in pre-reform Russia, a series of articles by I. S. Aksakov on current topics from contemporary Russian society, as well as consular reports on political and social conditions in the Balkans (Нижегородское отделение Российского общества историков – архивистов [НОРОИА]. 2000). The idea of founding a magazine with a Slavophile focus was not new. A few years earlier, the director of the Asiatic Department of the MID, Yegor Petrovich Kovalevsky (1856–1861), had proposed to I. S. Aksakov to start a new magazine that would promote the concept of Slavic and Orthodox unity (Blaine 1970, 290). However, in the cooperation between Kovalevsky and the Russian diplomat Alexander Fyodorovich Gillferding in the spring

of 1859, in the Slovenian section of the newspaper Sankt-Peterburgskie Vedomosti, only selected reports of the Russian consuls from Sarajevo and Mostar were printed (Тепић 1988, 543). The newly appointed director of the Asiatic Department, the young general Nikolay Pavlovich Ignatyev (1861–1864), using his family and godfathers connections with the Russian court, obtained the consent of Tsar Alexander II to publish political announcements in *The Day* magazine, so that Russian society would stop being informed about socio-political circumstances in the Orthodox countries of the Balkans through the biased reporting of the German and French press about the position of Christians in that part of Turkey. Thanks to the cooperation between Aksakov and Ignatyev, the Slovenian section of *The Day* published uncensored reports of Russian consuls from different parts of the Balkans, which were sent to the editorial office from the Asiatic Department (Хевролина 2009, 124, 125). Their cooperation continued in the following years, and Aksakov considered Ignatyev an influential person whose help was necessary for his “subjugated magazine” (Фетисенко 2023, 110).

The Day magazine was published until 1865, and the reasons for its short run are partly related to the firm agreement with the views of the conservative and reactionary press on current events in Russian political and social life. For instance, during the days of the student protests in 1861, I. S. Aksakov called on the participants to leave the streets and return to the classrooms, while during the Polish Uprising (1863) he supported the policy of the (tsarist) government, as a result of which a message was sent to the public that *The Day* magazine was actively fighting against revolutionary and democratic principles. Articles, reports and other texts were most often published without the author’s signature, which is why they were attributed to the editor’s personal opinion. Although the magazine had about 4,000 readers in 1862, their number decreased year after year. At the end of 1865, due to the poor interest of the readers and financial losses, I. S. Aksakov made the decision to close it down. Despite the subsequent decline in popularity that led to the closure of the magazine, it can be said that *The Day*, in the period from 1861 to 1865, provided the public with the most precise and accurate information about the state of Orthodox Christians in the Balkans. This fact is not surprising if we consider that Russian consuls and officials of the MID, such as A. F. Gillferding, V. I. Lamanski and others used to publish their reports in *The Day*.

In the middle of the 19th century, several peasant rebellions and uprisings occurred in the Balkans, mainly of the Serbian peasantry which were not politically organised but the causes of their outbreak were related to social dissatisfaction. It can be said that the most important uprising of that kind was the one that broke out in 1852 in Herzegovina, in the regions east of Trebinje all the way to the Montenegrin border, under the leadership of Duke Luka Vukalovic. The order of the Turkish authorities in 1852 to confiscate weapons from the peasants and collect the remaining taxes and levies served as a reason for the outbreak of the aforementioned uprising, which lasted intermittently until 1862. The uprising in Herzegovina was reactivated in 1860, and unification with Montenegro was highlighted as the main goal. This uprising could not have lasted for many years without support from neighbouring Montenegro, so Montenegrin troops also took part in the uprising. At the same time, in the fall/winter of 1860/61, Montenegrins were attacking all the way towards Podgorica and rebellions broke out in Banjani and Rudine, which involved almost the entire border in these conflicts (Историја српског народа V-1 1994, 470,476, 480). During the outbreak of the uprisings of the Balkan Christians, beliefs on the Russian side were very often mixed as to whether the uprising should be supported or allowed to happen independently. For instance, it happened that during the outbreak of the Crimean War, a potential Christian uprising in Turkey was seen as a mitigating circumstance for the Russian side. Therefore, in the fall of 1853, the uprising was included in Russia's official war plan. However, Russia's position in the Balkans in 1853 differed in many ways from its Balkan policy in the early 1860s. In the meantime, the Russian protectorate over the Orthodox Christians in Turkey ceased to exist, and Russia's policy in the Balkans in those years largely depended on the attitude of the French government, whose interests it aligned itself with (Екмечић 1997, 53). While the official policy of the Russian government pointed to caution and maintaining of the status quo in the Eastern Question, numerous organisations and associations close to Slavophile circles operated in Russia, supporting and looking with delight at the rise of Christian uprisings in that part of Turkey. Russian historian Tarle attributed such an attitude to a "Slovenophile fantasy" to which a large number of Russian intellectuals and diplomats belonged (Екмечић 1997, 53). Immediately after the end of the Crimean War, the Moscow Slavic Charity Committee (1857/58) was founded in circles close to the Moscow Slavophiles, within which Moscow Slavophiles, such as the

editor of *The Day* magazine I. S. Aksakov, M. P. Pogodin, N. A. Popov and others worked (Блажић 2012, 302). The Charity Committees were under the jurisdiction of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire and the Asiatic Department and served as an informal means of the Russian government to regain its former influence among the Balkan Christians.

The first issue of *The Day* was published in the fall of 1861, at a time when the uprising in Herzegovina entered its final phase, with the active interference of the European powers, France, Russia and the Habsburg Monarchy. Although the Habsburg policy towards the East, until 1866, tended to maintain the status quo, ever since the Congress of Vienna (1814–1815) when the Adriatic Coast was granted to the Habsburg Monarchy, the military tended to expand the territories in that direction and occupy the Bosnian Pashaluk. The November report of the Russian consul K. D. Petkovich from Dubrovnik, who spoke about current events in Herzegovina and the heroic struggle of the “Orthodox, poorly armed Herzegovinian Slavs under the leadership of Luka Vukalovic”, was published by *The Day* on December 23, 1861 in issue 11. The report brings exceedingly interesting information about the Austrian interference in the conflicts behind which “some kind of goal was visible, however not completely obvious at the moment”, but without any doubt the Austrians wanted to occupy Sutorina and thus round off their borders in Herzegovina. However, Consul Petković concluded that all attempts to win over the leader of the insurgents did not produce the desired effect on Vukalovic, who did not give up his goal and fought bravely against the Turks. The consular reports published in *The Day* provided a new and more credible picture of the events in Herzegovina, creating the impression that “the Slavs raised their voices in Aksakov’s newspaper” and drew the attention of the Russian public to their struggle against the Turkish yoke at the same time. In a way, *The Day* realised the earlier idea of editor Aksakov, providing the Balkan Slavs with a much-needed “living word” and support in their struggle, about which he wrote to his family earlier, during his stay in Cetinje in the summer of 1860 (Вихрова, Дмитриев, Егоров 2017, 125). The reports of the Russian consuls, apart from the topic of the uprising and the Soviet position of Christians, brought many interesting analyses of the Austrian policy towards Bosnia and Herzegovina. In an earlier report of consul Petković from 1860 to his colleague Balabin in Vienna, it was mentioned that Bosnia and Herzegovina, surrounded on three sides by

Austrian territory, was completely dependent on that country. In 1860, in cooperation with the Port, the Habsburg Monarchy began building a road from Mostar to the Austrian border, and also worked a lot on the construction of a steamboat connection across the Neretva River from Trieste to Metković (Кондратьева 1963, 208). The Habsburg Monarchy found a way to expand its influence in Herzegovina by mass granting citizenship to the population that moved to the territory of Dalmatia while fleeing the Turkish oppression. Consul Bezobrazov wrote about concrete examples in January 1862, in a report for director Ignatyev, in which he mentions the imposition of Austrian citizenship on the inhabitants of Ljubuški and Duvno. The same report mentions Austrian agents who persuaded Muslims and Orthodox to report to Austrian administrators for the passport issuance (Кондратьева 1963, 209).

Focused on the events in Herzegovina and occupied by the start of military operations against Montenegro, Turkey seemed not to be fully aware of the danger coming from the Austrian side. Therefore, according to Petkovic's report of November 14, 1861, published in issue 11, the entry of the Austrian troops in Suturin produced a great shock and surprise for the commander-in-chief, Serdar-Ekrem (РНБСПб, МфГ1/23, н. 11). The increased activity of Austrian agents in Herzegovina is the subject of interest in the February report on Slovenian-Turkish relations, which was published at the beginning of April in *The Day*, issue 26, officially without signature, and whose author was the secretary of the Russian consulate in Dubrovnik V. V. Makushev. In his opinion, the events in Herzegovina could not be resolved without the mediation of European powers, while at the same time he expresses surprise at Turkey's attempts to reach a positive agreement between the two conflicted parties through the mediation of Austrian agents. Makushev also states that "in Bosnia and Herzegovina, the name of an Austrian is far from popular, it can honestly be said that an Austrian in these provinces is the same as a Turk". In Makushev's opinion, it was unthinkable that Porta should manage to resolve the matter quickly with the help of Austrian collusions, and even if that happened, who could guarantee that the uprising would not flare up again in a few months (РНБСПб, МфГ1/23, н. 26).

The news about the Turkish looting of the Duži monastery and the escape of the Orthodox monastic brotherhood to Austrian territory is the subject of analysis in the report by V. V. Makushev, where special attention is paid to the attitude of the Austrian authorities towards the defected monks. In the detailed report of the diplomat Makushev, which

was published on April 28, 1862, in issue 29 of *The Day*, the reason for the looting of the monastery is the accusation by the Turkish authorities for the cooperation of the monks with the rebellious Christians. Fearing for their safety, the monks took refuge on the Austrian side, where the local authorities showcased all their “benevolence” by imprisoning the monks in the fortress and then putting them under police control (РНБСПб, МфГ1/23, н. 29). We find similar descriptions of the “pacifism” of the local Austrian authorities and “concern” for the fate of the Herzegovinian Christians in April 1862 in the text of the Russian historian and Slavist V. I. Lamanski, whose introduction *Herzegovina affairs* cites examples of bribery, promises, benefits and of cooperation with Vukalovic’s enemies, who tried to win over “simple-minded Herzegovinians” (РНБСПб, МфГ1/23, н. 31). Under the circumstances of several years of unrest and the Montenegrin-Turkish war, which began in April 1862, the Russian consulate in Mostar represented the only refuge for Orthodox Christians from the violence of the local Turkish authorities. Of the three consulates located in Mostar, the Russian consulate had a special influence on the Christians, because their diplomats provided support and were the most active in matters concerning the Christian population. Given this, the Russian consulate in a short time incurred the wrath of Muslims by pointing out numerous abuses of the local authorities, as well as rumours that the Russian government supported the uprising in Herzegovina through its agents. The bad mood and “wild fanaticism” of local Muslims towards Russian agents and diplomats is noted in the example of the unseemly insults toward the Russian consul Bezobrazov while he was visiting the shops of Mostar accompanied by the consular officials. The moment he entered a shop, two Turks followed him in, insulting the consul and his entourage with the words “Moscow infidel” and in the end one of them physically attacked the consul’s guard. After this incident, Consul Bezobrazov demanded from the Turkish Pasha that the participants be punished, but his request was not fulfilled until colleagues from the Austrian and English consulates intervened (РНБСПб, МфГ1/23, н. 41). The aforementioned incident cemented the general belief that the Austrian consulate followed the instructions of its government and “saw all events through the eyes of the Turkish governors” (РНБСПб, МфГ1/23, н. 41).

Considering that Russia could not get involved in the struggle of Christians in Herzegovina, help in the form of finances and material necessities came through the Asiatic Department and Russian agents

on the ground. A public donation drive to help Montenegrins affected by the war was launched in the *Journal de St. Petersburg*, the official gazette of the Russian government. A similar campaign was launched by the newspaper *Contemporary Word*. The temporary suspension of *The Day*, in the period from June 2. to September 1, 1862, prevented the Slovenian Board's editorial from supporting such an action in the same way. After the ban was lifted, in issue 35, *The Day* joined the initiative and enabled "subscriptions in favour of poor Orthodox Slavs, defending their faith and independence" (РНБСПб, МфГ1/23, н. 35)

The Austrian government invested a lot of energy to silence the uprising in Herzegovina, as well as the war between Montenegro and Turkey, and therefore it intervened in Constantinople as well. Austrian diplomacy worried that "the uprising of the poor Balkan rayah" could become part of a broader, European story about national movements, especially if it is taken into account that Austria was aware of the plans for the Garibaldists' landing on the Adriatic coast (Ekmečić 1964, 20, 21).

In the short report of the consulate's secretary in Mostar, V. S. Jonin describes the situation in that province after the suppression of the uprising and the end of the Montenegrin-Turkish war. The confusing state of affairs in that province rested on a fragile peace, which resembled a respite until the next conflict between the oppressed Christians and "Muslim fanaticism", whose relations were filled with mutual enmity. The violence of Muslims against Christians, even if it was sanctioned by the Turkish authorities, was a reason for retaliation and expression of anger towards Christians. According to the information from the Russian consulate, Turkish boys physically assaulted Orthodox children on their way back from school; it was forbidden to leave the houses after curfew, and a stricter police patrol was instated. Life in Herzegovina was made difficult by the division of Christians into Orthodox and Catholics and the numerous abuses by Austrian agents. (РНБСПб, МфГ1/23, н. 27) Consular reports cited numerous examples of attacks on Christians and abuse by Turkish authorities from which even the Russian consular flag could not protect them. Taking that into account, it was hard to believe that anything could have changed peacefully in Herzegovina and other Serbian countries under Turkish rule (РНБСПб, МфГ1/23, н. 41).

Despite its short run time (1861–1865), strict censorship, the prohibition on writing about political topics, numerous critiques and the months-long suspension of publishing new issues, *The Day* reached a remarkable part in the social life of Russia. In the period when it had

been published, *The Day* provided to its readers the most reliable news and analyses of events in the lives of the Balkan Slavs. The importance of the articles published by this magazine is all the greater if we consider the fact that it used to publish the reports of officials of the Asiatic Department and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. The dominant topics that were represented in the period from 1861 to 1865 were related to the events in Herzegovina in the last stage of Luka Vukalovic's uprising, but also the actions of the Austrian government in the aforementioned regions. The reporting of *The Day* magazine showed that the plans of the Austrian government in Herzegovina exceeded the need to preserve the borders and establish peace in that part of the Ottoman Empire. *The Day* served the purpose of shaping the views of Slavophiles on current events, so there was a general belief that it approached current events in a too "Slovenophile" way. Regardless of this, no Russian newspaper had informed the public more precisely and in detail about the situation in the Balkans in the decade that preceded the national liberation and unification of the people in the Balkans.

LITERATURE

SOURCES

- Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург [РНБСПб]., *День*, журнал И. С. Аксакова (МфГ1/23):
- Петкович, Константин Димитриевич?. Из Рагузы. [О австрийско-славянских отношениях]. Без подп. С. 17-19. *День* н. 11, 23.12.1861.
- Ионин, Владимир Семёнович.?. Из Мостара, 19 ноября. [О славяно-турецких отношениях]. Без подп. С. 13. *День*, н 14, 13.2.1862.
- Макушев, Викентий Васильевич.? Рагуза (Дубровник), 13 февраля. [О славяно-турецких отношениях]. С. 16, *День* н. 23, 17.3.1862.
- Ионин, Владимир Семёнович.? Мостар (Герцеговина). Без подп. С. 14-15. *День* н. 26, 5.4.1862.
- Макушев Викентий Васильевич.? Рагуза (Дубровник, 27-го марта). [О славяно-турецких отношениях]. Без подп. С. 11-12. *День* н. 29, 28.4.1862.
- Ламанский В. И. Герцеговинские дела. Без подп. С. 20. *День* н. 31, 12.5.1862.

- Аксаков И. С. [Гарибальди, Сербия и Черногория, в Сдержании]. С. 15-17. *День* н. 35, 1.9.1862.
- Аксаков И. С. Договор Порты с Черногорией, С. 12-14; Макушев В. В. Из Скутари (Скадра), 11 сентября. Без подп. С. 14, *День* н. 41, 13.10.1862.
- Ионин Владимир Семёнович? Мостар. 3-го апреля. [О Луке Вукаловиче]. Без подп. С. 19. *День*, н. 18, 4.5.1863.
- Blaine Galen Ritchie. 1970. *The Asiatic Department During the Reign of Alexander II, 1855-1881*, Columbia University.
- Екмеčić, Milorad. 1964, „Spoljni faktor u procesu sazrijevanja balkanskih revolucija 1849-1878“. *Jugoslovenski istorijski časopis*: 3–35. Beograd: Savez društava istoričara Jugoslavije.
- Блажић, Јована. 2012, „Московски словенски комитет и школовање српских и бугарских питомаца (1876-1877)“, *Мешовита грађа*, књ. XXXIII, 301–314; Београд: Историјски институт.
- Вихрова Н. Н, Дмитриев А. П, Егоров Б. Ф. 2017, *День И. С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Роспись статей и редакционной переписки*, ч. 1, Санкт-Петербург: Росток.
- Екмечић Милорад. 1997. „Мит о револуцији и аустријска политика према Босни, Херцеговини и Црној Гори у време Кримског рата“. In *Радови из историје Босне и Херцеговине XIX вијека, Слика о Босни и Херцеговини у европској путописној литератури од 1850. до 1878. године*, 47–119. Београд: БИГЗ.
- Историја српског народа, од Првог устанка до Берлинског конгреса 1804-1878*, 1994, Београд: Српска књижевна задруга.
- Кондратьева, Наталија Владимировна. 1963, «К истории австрийской экспансии на Балкан» 207–214, *Славянский архив: сборник статей и материалов*, Москва: АН СССР.
- Нижегородское отделение Российского общества историков – архивистов 2000, Бадалян Д. А. „Славянофильский журнал „Русская беседа“ и цензура (1856—1860)“ Открытый текст, электронное периодическое издание. Accessed: 14.3.2024. <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dorev/libraries/book/?id=3090>.
- Тепић Ибрахим. 1988. *Босна и Херцеговина у руским изворима 1856-1878. године*, Сарајево: Веселин Маслеша.

- Фетисенко, Наталија Леонидовна. 2023. „К истории газеты «День»: неизвестные письма И.С. Аксакова Н.П. Игнатьеву (1863 г.)“. In *Соловьевские исследования* 3:107–119 Иваново: Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина
- Хевролина, Виктория Максимовна. 2009. *Николай Павлович Игнатьев – российский дипломат*. Москва: Квадрига.

**Ассистент профессора, д-р Мая Антич,
Босния и Герцеговина**

Факультет философии

Университет Восточного Сараево

Кафедра истории и археологии

Санкт-Петербургский государственный университет

О ВЛИЯНИИ АВСТРИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГЕРЦЕГОВИНЕ И ПОВСТУЖИТЕЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЯХ ХРИСТИАН В ОСВЕЩЕНИЯХ ЖУРНАЛА «ДЕНЬ» (1861–1865)

Аннотация

В 1861–1865 годах издавался московский еженедельник «День» — славянофильский журнал для общества, критики и культуры. Предметом анализа нашей работы является написание журнала «День» о влиянии австрийской пропаганды и повстанческих настроениях в Герцеговине в первой половине 60-х годов 19 века. Несмотря на официальный запрет на написание и публикацию статей политического содержания, на страницах «Дня» публиковались отчеты российских консульств из Мостара, Дубровника, Сараево и других мест. Они писали о ходе восстания в Герцеговине и иностранном влиянии на христиан и их целях. Главным редактором «Дня» был видный русский славянофил И. С. Аксаков. Помимо репортажей российских консулов с Балкан, «День» публиковал также литературно-исторические тексты, рецензии и полемику на актуальные темы российского общества.

Ключевые слова: *«День», отчеты российского консульства, восстание в Герцеговине, австрийская пропаганда.*

V
HISTORIOGRAPHIC RESEARCH
AND PERPETUATION OF
HISTORICAL MEMORY

**Профессор д-р Татьяна Александровна Мищенко,
Российская Федерация**

*Филиал Московского педагогического государственного
университета
Черняховск*

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О СОВЕТСКИХ ПЕРВОПОСЛЕНЦАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В тексте статьи анализируются взгляды на историческую память, пересмотренные в период «третьей волны» исследований Memory studies. В исследовательское поле включили множество источников формирования исторической памяти, включая визуальные. Автор последовательно изучает пространство визуальной информации, формирующей представления о прошлом на примере репрезентации исторической памяти о советских жителях Калининградской области, заселивших край после его присоединения к РСФСР.

Ключевые слова: *визуальные источники, историческая память, «третья волна», Memory studies, урбанонимы, памятники, социальные сети, выставки.*

Проблематика исторической памяти привлекает все больше исследователей различных направлений гуманитарного знания. Пережив несколько «волн» теоретического обоснования и выработки

методологии, Memory studies смогло объединить достаточно далекие друг от друга исследования, что свидетельствует о выходе направления на метауровень (Ковтунова 2021).

Согласимся с позицией российского историка Ю. Сафроновой: на «третью волну» исследований исторической памяти существенно повлияло эссе 2009г. Джеффри Олика «Между хаосом и разнообразием: являются ли исследования памяти полем?». Автор актуализирует все более осознаваемую проблему: как исследовать память методами социальных наук, если мы соглашаемся с тем, что память – не история. В раздел коллективной памяти входит множество пространств, практик и социальных форм: от индивидуальных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память - не статичный объект, но процесс, который постоянно изменяется, поэтому исследователь должен обращать внимание на формы, которые Д. Олик называет «фигурации памяти», т.е. «меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» (Олик 2012, 41).

Наблюдая за ростом новых медиа-возможностей представить и закрепить в сознании поколений людей коллективные идеи и практики, мы находимся в поиске такой категории исторической памяти, которая позволит охватить медиа-источники, визуальные объекты памяти, аффективные вовлеченности части активного населения в конструирование исторической памяти. Обратимся к понятию «историческое сознание», которое вводит Ж.Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, характеризуя историческое сознание, автор указывает «...историческое сознание как бы «разлито», охватывает и важные, и случайные события, впитывает в себя как систематизированную информацию, во основном через систему образования, так и неупорядоченную (через СМИ, художественную литературу). Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация, часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи, в известной мере традиции, обычаи» (Тощенко 2000). Американская исследовательница Элисон Ландсберг в работе «Овладевая прошлым: массовая культура и производство исторического знания» одной из первых отмечает: память формируется из смеси широкодоступных и распространяемых средствами массовой информации продуктов. Сильной стороной книги

Ландсберг становится попытка феноменологического описания результатов такого воздействия. При этом она редко использует метафору памяти, сегодня ставшую слишком распространенной. По сути, речь идет о следующем шаге в направлении, заданном *memory studies*, – попытке заменить стрелу хронологического, линейного времени *картой*, напоминающей атлас «Мнемозина» Аби Варбурга. Исследователей все чаще интересуют не отдельные точки («места памяти»), но общая *топология* этого пространства, его движущие силы и динамические эффекты, определяющие растущую пролиферацию культурных практик и смену режимов соотнесения жизненного опыта и медиа-репрезентаций (Николаи 2018).

Таким образом, многие исследователи признают изменения традиционного нарратива о прошлом (это тексты, отложившиеся в архивах, их исследуют и объективно интерпретируют профессиональные историки) на *комплекс новых медиумов* – фотографии, видео и интернет-коммуникаций.

Для жителей Калининградской области существует особая оптика репрезентации прошлого. После передачи региона в состав СССР за 1945–1948 гг. здесь полностью сменилось население. Это «нулевое население», осваивавшее область в трудные 1940-е гг., является точкой отсчета исторической памяти жителей области, именно с первопоселенцев начинается «история советского», в памяти жителей она продолжается как история современного российского региона.

Цель данного исследования: описать визуальные формы репрезентации исторической памяти о первопоселенцах Калининградской области, которые по-разному сохраняют и воспроизводят коллективную память о первом советском населении края в к. 1940-х- нач. 1950-х гг.

1 группа источников: урбанонимы. Это группа названий городских объектов, в которой можно проследить топонимы с мемориальной функцией. Эта информация, изначально текстовая, превращается в визуальную, если она нанесена на таблички, городские указатели, используется картографическими сервисами Яндекс, Гугл и др... Структурированный короткий текст с узнаваемыми логотипами -указателями для туристов, цветовой гаммой дорожных табличек, воспринимается в современной культуре брендинга городской среды как визуальный объект.

В Калининградской области высок уровень мемориальных наименований городских объектов и поселений. Так, по подсчетам О.В. Петешовой, из 387 антропотопонимических единиц 298 увековечивают выдающихся людей и значимые события (Петешова 2017, 36). Некоторые названия даны в память о родных местах первых послевоенных переселенцев и о топонимах территории Советского Союза: Ново-Московское, Саранское, Марийское, Ижевское, Красноярское, Ясная Поляна, Великолукское. Часть названий исследователи считают «...топонимами-мигрантами, то есть дублерами названий тех населенных пунктов, из которых вышли советские первопоселенцы калининградских деревень. Наша догадка подтверждается архивными данными применительно к 10 поселкам области (Никитино, Петино, Владимировка и др.)» (Петешова 2017, 37). Есть отдельные случаи образования названий, связанных со значимым событием для первопоселенцев, например: поселок Первомайский назван в честь даты прибытия советских первопоселенцев.

На карте Калининграда появилось и название «Сквер первым поселенцам». Выделить участок под сквер с таким названием в центре города на пересечении улиц им. М. Фрунзе, Клинической и ул. Т. Шевченко планировалось с 2021 г., о чем сообщали в местной печати. Опросы жителей показали их ожидания: *«Благоустроена должна быть не только эта небольшая зелёная зона в центре города, но и прилегающая к нему территория. Так, например, давно просит ремонта дорога на пересечении улиц Шевченко и 9 апреля. Что-то нужно делать и со стихийной парковкой, которая уже становится кладбищем автомобилей». «Скамейки, в первую очередь. Больше деревьев. Зелень. Сейчас меньше стало. Хотелось бы посадить больше деревьев, чтобы людям было хорошо отдыхать. Да и сами деревья нуждаются в помощи. Какие-то нужно обрезать от сухостоя, другие освободить от омелы и мусора. В планах и высадка зеленого забора вокруг сквера. Предполагается, что после благоустройства эта территория будет пользоваться спросом у брачующихся и молодых музыкантов. Ведь ЗАГС и музыкальная школа находятся прямо напротив»* (Вести-Калининград. «Сквер первым переселенцам»: что же планируется создать в центре Калининграда.).

2 группа источников: памятники и памятные знаки.

На юго-западе Калининградской области в г. Ладушкин находится памятный знак – камень с надписью «Первым переселенцам,

стоявшим у истоков становления Калининградской области». Более известным и медийным является памятник в городе Советске у государственной границы Калининградской области с Литвой. Надпись на памятной доске: «Памятник первым переселенцам. Посвящается переселенцам, переехавшим в 1945–1950 годах в Калининградскую область и принимавшим активное участие в ее восстановлении. Изготовлен и установлен в 2015 году при финансовой поддержке Губернатора Калининградской области Н.Н. Цуканова. Благодарные потомки Вас не забудут». Скульптуру установили вблизи трофейного паровоза 1943 года «ТЭ–7336», который переместили на привокзальную площадь прошлой осенью с закрытой территории ж/д станции. Скульптура состоит из трех бронзовых фигур весом почти в тонну: офицер Великой Отечественной войны в звании старшего лейтенанта, его супруга и их маленький сын. Позади них сумка с вещами. На груди главного персонажа композиции три награды: «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За взятие Кенигсберга». По задумке автора памятника, члена Союза художников РФ Андрея Шевцова, первые переселенцы прибывают на вокзал нового советского города, они растеряны и взволнованы (Мастерская скульптуры и художественного литья Андрея Шевцова. «Открытие памятника первым переселенцам в г. Советск».).

3 группа источников: социальные сети с тематическими группами постами и фотографиями. Приведем в пример два проекта: 1. #герои39 от Правительства Калининградской области. Это появляющиеся на официальной странице Правительства области в ВК поздравления с Днем рождения долгожителям края. Краткая биография именинников позволяет определить многих из них как первопоселенцев края в 1946–1948 гг. Например «Сегодня 83-летие празднует Елена Михайловна Козел, ставшая в детстве узницей фашистского концлагеря.

Родилась в Брянской области всего за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны. В 1942 году её вместе с мамой и сестрой нацисты отправили в лагерь смерти на территории Белоруссии. В сожжённую врагами родную деревню они вернулись только в 1944-м, когда красноармейцы освободили их из плена.

В апреле 1946 года в числе первых переселенцев с семьёй переехала в колхоз «Восход» Гурьевского округа. Закончила школу и пошла работать дояркой. После замужества поселилась в Гусеве. Трудилась намотчицей на заводе «Микродвигатель». Елена

Михайловна воспитала сына и дочь. У неё четверо внуков и двое правнуков. Поздравляем, желаем крепкого здоровья и долгих лет жизни!» (Правительство Калининградской области. «Сегодня 83-летие празднует Елена Михайловна Козел, ставшая в детстве узницей фашистского концлагеря»).

2. Прусское Наследие – Preußisches Kulturerbe. Проект ставит своей целью: «Сохранение и восстановление памятников истории, архитектуры и скульптуры; возрождение традиций и культуры народов региона». В постах сообщества ВК часто появляются отсылки ко времени конца 1940 – начала 1950-х гг. как особого периода в освоении культурного наследия края. Например: «В Восточной Пруссии огромное число домов отапливалось так называемыми “олландками”. Эта разновидность печей имеет намеренно удлинённый путь для выхода дымовых газов. Не то, чтобы так хочется подольше понюхать запах гари, просто если газы останутся подольше, весь свой жар они отдадут печке. И тепло дольше держится, и топлива меньше нужно, одни плюсы. Да и сама конструкция занимает относительно мало места. Изразцы, которые служили облицовкой, изготавливались из особой жароустойчивой глины, которая могла дольше обычной держать температуру. К тому же она впитывает влагу, как губка. Топливом служили угольные брикеты и обычные дрова. Долгими холодными вечерами возле печи собирались люди, грелись, ужинали, беседовали. Для готовки еды обычно была плита, в России же печь была суперуниверсальна: и для готовки, и для обогрева, и спать на ней можно. Первые переселенцы иногда переделывали немецкие изразцовые печи на русский лад. Но и в оригинальном сборе встречается немало образцов до сих пор».

4 группа источников: музейные выставки.

«Калининградская область: история моей жизни». Выставка в основной экспозиции Калининградского историко-художественного музея в декабре 2023г. Выставка организована как представление нескольких профессиональных историй (архитектор Д. Навалихин, инженер В. Денисов, рабочий В. Дюков, конструктор Е. Алепин, председатель колхоза И. Шуринов, механизатор Е. Низовских, капитаны рыболовных судов А. Суходяевский и Г. Носаль, хирург Л. Шор, акушер В. Лапидус, учителя Е. Ленская и Е. Щербатюк, режиссер И. Каждан, музейный сотрудник М. Антипов). Некоторые из героев выставки попали в Калининградскую область по распределению, другие – по собственному желанию; кто-то мечтал начать

новую жизнь после чудовищной трагедии войны, кто-то грезил о трудовых подвигах во славу Родины... Всех их объединила судьба, олицетворением которой стала Калининградская область. Выставка привлекает внимание посетителей множеством подлинных предметов: фотографий 1940-х гг., одежды, чемоданов, с которыми прибыли советские первопоселенцы области. Эти материальные детали жизни послевоенное десятилетие позволяет соотнести собственные представления о жизни поколения первопоселенцев с визуальной репрезентацией, которая несомненно, станет частью исторической памяти о «нулевом населении» в советской истории края.

Итак, понимание исторической памяти как живого социального феномена, позволяет нам организовать поиск значимых форм социокультурного выражения и способов сохранения коллективной и индивидуальной памяти о прошлом. Значимым периодом для исторического прошлого Калининградской области является память о первопоселенцах края, ставших «нулевым населением» к концу 1940-х гг. и своеобразной «отправной точкой» для коллективной памяти и представлении о своей жизни, как части истории. Среди форм репрезентации исторической памяти о первопоселенцах наряду с традиционными текстовыми существуют и визуальные репрезентации.

Они воспринимаются как часть современной культуры: городского ландшафта, социальных сетей, музейных пространств. Однако визуальные репрезентации выполняют роль общих форм поддержания образца, указывают на необходимость помнить и важность страниц прошлого. С их помощью новые поколения жителей края, туристов, гостей конструируют свои представления о советском прошлом края и людях, которые его заселили и освоили.

ЛИТЕРАТУРА

Вести-Калининград. «“Сквер первым переселенцам“: что же планируется создать в центре Калининграда». Вести-Калининград. Последний доступ 10 марта 2024 г. <https://vesti-kaliningrad.ru/skver-pervym-pereselencam-cto-zhe-planiruetsya-sozdat-v-centre-kaliningrada/> Мастерская скульптуры и художественного литья Андрея Шевцова. «Открытие памятника первым переселенцам в г. Советск». *Мастерская скульптуры и художественного литья Андрея Шевцова.*

- Последний доступ 10 марта 2024 г. <http://balticsculpture.com/news/otkrytie-pamyatnika-pervym-pereselencam-v-g-sovetsk>.
- Ковтунова, Ольга Владимировна. 2021. «Историческая память и этика дискурса: перспектива взаимодействия». *Философия и общество*. Выпуск №1 (98). Москва: МГУ.
- Николаи Федор Владимирович. 2018. «“Третья волна” memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией». *Диалог со временем*. 2018. Вып. 63. 369–374. Москва: Авиолон.
- Олик, Джеффри. 2012. «Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии». *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 1, 40–74. Москва: Социологическое обозрение.
- Петешова, Ольга Викторовна. 2017. «Ойконимика Калининградской области в мемориальном аспекте». *Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта*. Сер.: Филология, педагогика, психология. №2. 33–39. Калининград: БФУ.
- Правительство Калининградской области. «Сегодня 83-летие празднует Елена Михайловна Козел, ставшая в детстве узницей фашистского концлагеря». Правительство Калининградской области. Последний доступ 10 марта 2024 г. https://vk.com/wall-131174014_118042.
- Тощенко, Жан Терентьевич. 2000. «Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния». *Новая и новейшая история*. № 4. Москва: РАН.

**Prof. Dr. Mishchenko Tatyana Alexandrovna,
Russian Federation**

*Branch of the Moscow Pedagogical State University
Chernyakhovsk*

VISUAL REPRESENTATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE SOVIET PIONEERS OF THE KALININGRAD REGION AFTER THE SECOND WORLD WAR

Abstract

The text of the article analyzes views on historical memory, revised during the “third wave” of Memory studies. The research field has included many sources of historical memory formation, including visual ones. The author consistently studies the space of visual information that shapes ideas about the past using the example of the representation of historical memory about the Soviet residents of the Kaliningrad region who settled the region after its annexation to the RSFSR.

Keywords: *visual sources, historical memory, “third wave”, Memory studies, urbanonyms, monuments, social networks, exhibitions*

д-р Виктор Васильевич Мищенко, Российская Федерация

*директор филиала Московского педагогического
государственного университета
в г. Черняховск*

ВКЛАД ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА РОМАНОВЫХ В САНИТАРНОЕ ДЕЛО И ВОЕННУЮ МЕДИЦИНУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: КАКО СОХРАНИТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

Аннотация

В статье анализируется деятельность императорского дома Романовых в санитарное дело и военную медицину в годы Первой мировой войны. Поднимается проблема сохранения исторической памяти подвига императрицы Александры Федоровны и ее дочерей.

Ключевые слова: *Романовы, Александра Федоровна, Первая мировая война, нравственный подвиг, военная медицина, историческая память.*

Покровительство медицинской науке, поддержка благотворительных медицинских учреждений и забота о здравоохранении являлись одним из важных направлений благотворительной и просветительской деятельности дома Романовых.

Великая княгиня, а затем Императрица Мария Федоровна в реальности оказалась настоящей и убежденной последовательницей начинаний Императора Петра I и Императрицы Екатерины II. Именно она основала в России важнейшие благотворительные учреждения для помощи больным, сиротам и вдовам. Ею были организованы институты и училища, помогавшие развитию женского

образования. Известно, что большинство этих структур сохранилось до 1917 г.

Именно опыт русских сестер милосердия и английских медицинских сестер в Крымской войне инициировал одно из самых масштабных явлений в области медицины – движение Красного Креста. Русский Красный Крест был образован в 1867 г. как Российское общество попечения о раненых и больных воинах, а с 1879 г. – как Российское общество Красного Креста (РОКК). Символом Общества в России также стал знак Красного Креста (РГИА, Ф. 544. Оп. 1. Д. 113). Сестрам Красного Креста предписывалось носить шерстяное или холщовое платье с нагрудным знаком Красного Креста. На левом рукаве была повязка также со знаком Красного Креста (Постернак 2001, 96). Огромная роль в развитии деятельности Красного Креста в России принадлежала Великой Княгине Елизавете Федоровне – старшей сестре последней русской Императрицы и супруге московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича (Августейшие сестры милосердия). Елисаветинская община сестер милосердия РОКК, основанная Великой Княгиней в 1896 г. в Санкт-Петербурге, и Иверская община в Москве, находившаяся под покровительством Елизаветы Федоровны с 1894 г. (Шумская), стали одними из самых профессиональных, хорошо оснащенных и организованных передовых отрядов РОКК. Особый комитет Великой княгини Елизаветы Федоровны развернул свою деятельность на всю Империю, в его ведении было 807 лазаретов, его попечением было охвачено 25 535 нижних чинов и 1 350 офицеров (Громова и др.).

С начала войны 1914 г. императрица Александра Федоровна начинает превращать город в крупнейший в мире военный медицинский госпитальный и реабилитационный центр. В Зимнем дворце был открыт лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Лазарет был рассчитан на 1000 раненых и больных воинов, которых обслуживали 180 санитаров, 60 сестер милосердия и 10 врачей во главе с доктором Рутковским. Работы по переоборудованию царских залов под лазарет проводились за счет дворцового ведомства. Общество Красного Креста оснастило лазарет мебелью, снабдило постельным бельем и медикаментами. В письме к мужу 30 октября 1915 г. Александра Федоровна писала: «...Пошли в Большой Дворец, лазарет там существует уже год...» (Платонов 1996, 102).

В канун 1915 года в Петрограде состоялось освящение городского госпиталя имени бельгийского короля Альберта. Госпиталь был рассчитан на 1200 человек и считался самым большим среди городских госпиталей. Он был оборудован по последнему слову техники: имел собственную операционную, рентгеновский, зубоучебный, ушной и глазной кабинеты, дезинфекционную камеру, прачечную и аптеку. В том же году открылись офицерский лазарет в Царском Селе, патронат-убежище для нижних чинов в Новом Петергофе, Двинский земский лазарет. Все они находились под покровительством царской семьи и периодически посещались Августейшими особами. В 1915 году произошло торжественное освящение открывшегося в Петрограде английского лазарета. На этом торжестве религиозного и милосердного единения во имя общего служения страждущим братьям, проливающим кровь в союзной войне, присутствовали Императрица Александра Федоровна с дочерьми, английский посол в России сэр Джорж Бьюкенен, его супруга и дочь посла Мэриэль Бьюкенен — сестра милосердия открывавшегося лазарета.

Шла война, множились ее жертвы, а вместе с ними и необходимость расширять лазареты Царскосельского пункта. Императрица отдала для одного из них свою летнюю резиденцию «Светелка» в городе Луге и уже считала самым обычным делом выезжать на фронт и доставлять на поезде особо тяжелораненых воинов, поскольку самое передовое медицинское оборудование находилось именно в лазаретах Царского Села. В городе, по ее инициативе, стали выходить медицинские журналы, писавшие о последних достижениях военной медицины, и они расходились по всем тыловым и фронтовым госпиталям России.

К 1915 г. Киев стал наиболее крупным госпитальным центром Юго-Западного фронта, где сосредоточилось сто три лечебных заведения, куда только за период с 20 января по 20 февраля 1915 года были приняты 21 800 раненых и больных российских воинов. Именно в Киеве, Великая княгиня Ольга Александровна, родная сестра Императора Николая II, открыла собственный лазарет. Оставив дворцовую жизнь, Великая княгиня как рядовая сестра милосердия ухаживала за больными, выполняла их поручения: писала и отсылала письма, покупала табак, не давая раненым и больным понять, что перед ними сестра Императора. Рано утром одна или в сопровождении сестер из лазарета, в обычном

костюме сестры милосердия, Великая княгиня отправлялась на базар покупать продукты. Много лет спустя Великий князь Александр Михайлович писал в эмиграции о Великой княгине Ольге Александровне: «...самые заклятые враги, династии не могли сказать ничего, кроме самого хорошего, о ее бескорыстной работе по уходу за ранеными. Женщины с душевными качествами Великой княгини Ольги представляют собою редкое явление. Всегда одетая как простая сестра милосердия и разделяя с другой сестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра и часто не ложилась всю ночь подряд, когда надо было перевязать вновь прибывших раненых. Иногда и солдаты отказывались верить, что сестра, которая так нежно и терпеливо за ними ухаживала, была родною сестрою Государя и дочерью Императора Александра III» (Романов 1998, 216). За свой самоотверженный милосердный труд Великая княгиня Ольга Александровна была удостоена в 1915 году Георгиевской медали.

Вдовствующая Императрица Мария Федоровна также переселяется в 1915 году из Гатчины в Киев. До переезда в Киев Августейшая Председательница Российского Общества Красного Креста, вдовствующая Императрица Мария Федоровна вела активную работу по организации госпитального дела в России. Впечатляющие данные об этом приводит в одной из своих статей Л. Тютюнник: «Вдовствующая Императрица Мария Федоровна учредила госпитали в Минске, Киеве и Тифлисе, 2 военно-санитарных поезда на 100 и 400 человек, 5 лазаретов, перевязочно-питательный отряд, санаторий в Крыму для выздоравливающих офицеров, убежище для увечных воинов при Максимилиановской лечебнице» (Тютюнник 1993).

Великая княгиня Елизавета Федоровна, презрев все земные блага, всецело посвятила себя служению ближним — всем, кто нуждался в помощи. Елизавета Федоровна, немка по крови, выйдя замуж за Великого князя Сергея Александровича, стала русской по вере, укладу жизни и интересам. Целиком посвятив себя служению Богу и ближним после убийства Великого князя Сергея Александровича, Великая княгиня на собственные средства приобрела на Большой Ордынке усадьбу с четырьмя домами и садом и основала там Марфо-Мариинскую обитель. В ней функционировали амбулатория, аптека, приют для девочек, бесплатная больница на двадцать две койки, где безвозмездно работали лучшие медики

Москвы. Деятельное участие Елизавета Федоровна приняла в организации всероссийского Братского кладбища в Москве — своеобразного мемориала павшим защитникам Отчизны. Было приобретено четырнадцать с лишним десятин земли дворянской усадьбы под названием Сад села Всехсвятского. Попечителем Братского кладбища стал известный московский врач Пучков С.В., ревностно взявшийся за создание уникального памятника павшим воинам.

15 февраля 1915 года состоялось торжественное открытие Братского кладбища и первое захоронение пяти защитников Отечества. Освящению кладбища предшествовала торжественная литургия, совершенная епископом Дмитрием Можайским в храме Сергиево-Елизаветинского убежища. К началу богослужения прибыла Великая княгиня Елизавета Федоровна. Через шесть месяцев после этого события на кладбище состоялась закладка храма, 150 000 рублей на его строительство выделили А.М. и М.В. Катковы в память о сыновьях Андрее и Михаиле, павших на поле брани ровно год назад.

6 августа 1915 года, открылось кладбище для сестер милосердия. После богослужения в присутствии Великой княгини Елизаветы Федоровны и князя Ивана Константиновича с супругой Еленой Петровной были совершены закладка храма и отпевание тела сестры милосердия Анны Павловны Нагибиной, уроженки города Уфы, скончавшейся в возрасте семнадцати лет от брюшного тифа. Епископ Можайский Дмитрий провел обряд отпевания первой захороненной на этом кладбище сестры милосердия.

Рядом с историческим Казанским кладбищем Царского Села было создано первое официальное братское кладбище павших за Отечество воинов Русской армии в Первую мировую войну. На свои средства императрица Александра Федоровна обустроивает здесь деревянную церковь. Храм будет построен за два месяца и 4 октября 1915 г. освящен во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Многих из погребенных здесь павших героев царская семья лично провожала в последний путь, а сама императрица постоянно заботилась об их могилах.

Частыми гостями на передовых позициях были и другие члены царской семьи. Родная сестра Императрицы Великая княгиня Виктория Федоровна за самоотверженную работу на передовых позициях была награждена тремя Георгиевскими медалями.

Императрица Александра Федоровна сама стала сестрой милосердия военного времени, пройдя вместе со старшими дочерьми ускоренные курсы и получив свидетельство. Постоянно наблюдая страдания больных и раненых, сопереживая и помогая им, Императрица понимала, насколько важные вопросы встают перед государством во время войны, и особенно после нее, по реабилитации здоровья бывших воинов и всех, кто пострадал от военных действий. Министерства здравоохранения в России не существовало: только в конце 1916 г. была создана должность главноуправляющего государственным здравоохранением на правах министра. Должность занял академик Императорской Военно-медицинской академии Г. Е. Рейн, председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел и член Государственного Совета Российской Империи. Он успел до февраля 1917 г. лишь теоретически обосновать принципы деятельности первого в мире Министерства здравоохранения.

И все же главным своим делом императрица Александра Федоровна считала официальную службу в Дворцовом лазарете хирургической сестрой. В № 8 газеты «Летопись войны» находится интересная информация об окончании обучения на курсах сестер милосердия Императрицы Александры Федоровны, Великих Княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны: «В заседании Главного Управления Российского общества Красного Креста 7 ноября 1914 г. председателем Общества, гофмейстером А. А. Ильиным было сообщено, что Ее Императорское Величество Государыня Императрица А. Ф. и Их Императорские Высочества Великие Княжны Ольга Николаевна, Татьяна Н. изволили выдержать при Царскосельской общине сестер милосердия установленные экзамены для получения звания сестры милосердия Красного Креста. В виду сего Главное Управление постановило повергнуть к стопам Ее Величества чувства глубочайшего верноподданнейшего восхищения перед трудами Ее Величества и Их Высочеств на пользу раненых и больных воинов.

На присланную по сему случаю телеграмму Главного управления Красного Креста Ее Величеству благоугодно было ответить: «Дочери и Я сердечно благодарим Главное Управление Красного Креста за выраженные чувства. Рады числиться сестрами милосердия и потрудиться об облегчении страданий наших Героев Александра».

Четыре дочери Императрицы, Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, в годы Первой мировой войны посвящали себя служению в Царскосельских лазаретах. Учителем их стала Вера Игнатьевна Гедройц, одна из первых женщин-хирургов, получившая опыт на фронтах Русско-японской войны. Требовательная и жесткая, она скептически отнеслась к желанию императорской семьи работать в хирургии. Она видела, как светские дамы в порыве патриотизма шли на курсы, но при виде крови падали в обморок. К великим княжнам она относилась холодно, имея свои взгляды на русское самодержавие, считая неизбежной грядущую революцию. Хирург была поражена тому, как царские особы относились к своим обязанностям сестер милосердия. В какой-то момент именно дочери императора стали ее постоянными ассистентками: «Мне часто приходилось ездить вместе и при всех осмотрах отмечать серьезное, вдумчивое отношение всех трех к делу милосердия. Оно было именно глубокое, они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова» (Гедройц 1992, 301).

У всех четырех было заметно, что с раннего детства им было внушено чувство долга. Все, что они делали, было проникнуто основательностью в исполнении. Особенно это выражалось у двух старших. Они не только несли, в полном смысле слова, обязанности заурядных сестер милосердия, но и с большим умением ассистировали при операциях. Это много комментировалось в обществе и становилось в вину императрице. Я же нахожу, что при кристальной чистоте царских дочерей это, безусловно, не могло дурно повлиять на них и было последовательным шагом императрицы как воспитательницы. Кроме госпиталя Ольга и Татьяна Николаевны очень разумно и толково работали и председательствовали в комитетах их имени» (Мосолов 1992, 116–117).

В начале войны Марии было пятнадцать лет, а Анастасии – тринадцать. Как делилась воспоминаниями А. А. Вырубова (Танеева): «Лазареты называли их именами, но сами они еще не были достаточно велики для работы в них. Великие княжны Мария и Анастасия знали всех раненых и всегда старались развлечь их... Часто вечерами великие княжны приносили в госпиталь свое вышивание» (Каменский 1999, 171–172).

Профессиональные медицинские навыки императрицы и умение, и знания ее дочерей были крайне необходимы – шел

непрекращающийся поток тяжелораненых, и опытных сестер милосердия не хватало. По молодости лет Великие Княжны Мария и Анастасия формально не могли служить сестрами милосердия, но чем могли помогали раненым и больным воинам. Генерал-лейтенант А. А. Мосолов (1854–1939) отмечал в воспоминаниях о царских дочерях следующее: «Во время войны, сдав сестринские экзамены, старшие княжны работали в царскосельском госпитале, выказывая полную самоотверженность в деле. Младшие сестры тоже посещали госпиталь и своею живою болтовнею помогали раненым минутами забывать свои страдания» (Мосолов 1992, 116).

С октября 1914 года Александра Федоровна ежедневно принимала участие в 2—3 операциях в качестве операционной сестры, как правило, рядом находились и старшие дочери. Как медикам, им пришлось столкнуться со смертью. Александра Федоровна упомянула, что «все держались стойко, никто не растерялся». Императрица не была брезглива, она сама обрабатывала самые тяжелые раны, брила ноги солдатам. «Лазарет — мое истинное спасение и утешение... Ежедневные операции и много работы» (Романова 2018, 311), — говорила императрица. Эта работа высоко оценивалась медиками. В переписке царя и царицы тема работы в лазарете являлась одной из главных, особенно в 1914—1915 годах. Впоследствии Александра Федоровна высказывала сожаление, что ей не суждено быть врачом.

Кстати, талант хирурга был у старшей, 17-летней Татьяны, и она чаще остальных была в операционной: «Стоя за хирургом, государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя во время войны» (Вырубова 2019, 42), — писала приближенная к семье фрейлина Анна Вырубова.

Александра Федоровна не позволяла печатать материалы о своей работе в госпитале и «относилась с полным негодованием» к появлению статей о своей медицинской благотворительности, которая была для нее желанием разделить тяготы войны со своим народом, велением сердца.

Из дневника великой княжны Татьяны Николаевны: «...Была операция под местным наркозом Грамовичу, вырезали пулю из груди. Подавала инструменты... Перевязывала Прокошьева 14-го

Финляндского полка, рана грудной клетки, рана щеки и глаза. Перевязывала потом Иванова, Мелик-Адамова, Таубе, Малыгина...» (Августейшие сестры милосердия).

Из дневника Ольги Николаевны: «...Перевязала Потшеса, Гармовича 64-го Казанского полка, рана левого колена, Ильина 57-го Новодзинского полка, рана левого плеча, после Мгебриева, Побоевского...» (Зверева 2006). Помимо этого, великая княжна, обладавшая замечательным музыкальным слухом, часто устраивала домашние концерты для раненых.

Фрейлина Анна Вырубова, также прошедшая курсы сестер милосердия у В.И. Гедройц писала: «Я видела Императрицу России в операционной госпиталя: то она держала вату с эфиром, то подавала стерильные инструменты хирургу. Она была неутомима и делала свою работу со смирением, как все те, кто посвятил свою жизнь служению Богу. Семнадцатилетняя Татьяна была почти так же искусна и неутомима, как и мать, и жаловалась только, если по молодости ее освобождали от наиболее тяжелых операций...» (Вырубова 2019, 42).

Медицинская благотворительность императрицы и «сестер Романовых» не прекращалась вплоть до Февральской революции 1917 года.

Тем не менее великий князь Андрей Владимирович в сентябре 1915 года записал в своем дневнике: «Удивительно, как непопулярна бедная Аликс. Можно, безусловно, утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатиях к немцам... Единственное, в чем ее можно упрекнуть, — это что она не сумела быть популярной» (Александр Михайлович).

Императрица и ее дочери личным примером продемонстрировали всему обществу необходимость оказания помощи стране в трудные военные годы. Благодаря этому шагу аристократия активизировалась в делах благотворительности: под госпитали стали отдаваться особняки знати, многие представительницы высшего света пробовали себя в качестве сестер милосердия, оказывалась финансовая поддержка пострадавшим от войны со стороны всех слоев населения. Огромную роль работа царственных особ в лазаретах сыграла для поддержания патриотического духа солдат. Александра Федоровна и княжны в годы Первой мировой войны доказали верность России и своему народу.

Итак, в христианском служении представителей Царской Семьи вплоть до революции прослеживалось то и другое: тайное доброделание и стремление «привить» на русскую «почву» черты «общественно-обязанной и общественно ориентированной монархии». Поэтому достойно сожаления то, что это благое намерение представителей Царского Дома не было оценено по достоинству и не смогло переменить тот, по замечанию П. Б. Струве, общий «неправильный духовный и душевный тон, который брали силы русской либеральной демократии в отношении царского правительства».

Все что было связано с деятельностью царской семьи, с их благотворительностью и нравственным подвигом в годы Советской власти замалчивалось и подвергалось уничтожению. Так, после событий октября 1917 года Братское кладбище еще несколько лет функционировало, но в середине 20-х годов подверглось небывалому надругательству и осквернению. Кладбище пришло в запустение, заросло бурьяном... Постепенно пустыри стали застраиваться, а начиная с 50-х годов на месте Братского кладбища стремительно выросли кварталы Песчаных улиц. Перед нами стоит непростая задача сохранить свидетельства нравственного подвига императорского дома Романовых в санитарное дело и военную медицину.

ЛИТЕРАТУРА

- Александр Михайлович, великий князь. 1991. *Книга воспоминаний*/ Предисловие и комментарии А. Виноградова. Москва.
- Вырубова (Танеева) Анна. 2019. *Страницы моей жизни*. Москва.
- Гедройц, Вера Игнатьевна. 1992. *Дневник*. Лица: Биографический альманах. 1. М.- Спб.: Феникс: Atheneum.
- Громова, А.В., Шумская, Л. В., Искюль, С.Н., Пчёллов, Е.В., Стегний, П.В., Чубарьян, А. О., Алексеевский, А.П. 2018. *Гессенские принцессы в Российской истории. Каталог международной выставки*. составители: А.В. Громова, Л. В. Шумская, С.Н. Искюль, Е.В. Пчёллов, П.В. Стегний, А. О. Чубарьян, А.П. Алексеевский. Москва.
- Зверева, Наталья. 2006. *Августейшие сестры милосердия*/ автор-составитель Зверева Н.К. Москва.

- Каменский, Владимир Алексеевич 1999. *Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных*. составитель Каменский В.А. Москва.
- Мосолов, Александр Александрович. 1992. *При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора*. Санкт-Петербург: Наука, С.-Петербургское отд-е.
- Платонов, Олег Анатольевич. 1996. *Николай II в секретной переписке*. Москва.
- Постернак, Андрей Владимирович. 2001. *Очерки по истории общин сестер милосердия*. М.: Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия».
- РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 113. *Об учрежденном знаке отличия Красного Креста и о пожаловании этим знаком*.
- Романов, Андрей Владимирович. 1998. *Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова*. Октябрь. № 5. <https://magazines.gorky.media/october/1998/4/voennyj-dnevnik-velikogo-knyazu-andreya-vladimirovicha-romanova.html>
- Романова, Александра Феодоровна 2018. *Навсегда – твоё Солнышко. Письма Императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II*. Москва.
- Тютюник, Любовь Ивановна. 1993. *Сострадание. Женщины царской фамилии на войне?*. Родина 8-9.
- Шумская, Людмила Владимировна. 2019. *Российская благотворительность под покровительством Императорского дома Романовых: каталог выставки, Москва, Государственный музей-заповедник "Царицыно", 7 декабря 2018 - 24 марта 2019*. Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности "Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество" при поддержке Департамента культуры города Москвы, Институт Всеобщей истории Российской академии наук. [составитель Л. В. Шумская]. Москва: Елисаветинско-Сергиевское просветительское о-во.

Victor Vasilievich Mishchenko, Russian Federation

*director of the branch of Moscow Pedagogical State University
Chernyakhovsk*

**THE CONTRIBUTION OF THE IMPERIAL HOUSE
OF ROMANOV TO SANITARY AND MILITARY
MEDICINE DURING THE GREAT WAR: HOW
TO PRESERVE HISTORICAL MEMORY**

Abstract

The article analyzes the activities of the Imperial House of Romanov in sanitary and military medicine during the First World War. The problem of preserving the historical memory of the feat of Empress Alexandra Feodorovna and her daughters is raised.

Keywords: *Romanovs, Alexandra Feodorovna, World War I, moral feat, military medicine, historical memory.*

Prof. Dr. Dejan Antić, Republic of Serbia

University of Niš, Faculty of Philosophy

Niš

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg

REMEMBRANCE OF THE RUSSIAN MEDICAL MISSIONS IN THE CITY OF NIŠ AS THE PROVISIONAL CAPITAL OF SERBIA (1914– 1915)¹

Abstract

This article examines the participation and activities of the Russian medical missions during World War I in the Niš area, as the most important political and diplomatic center of the Kingdom of Serbia, the headquarters of the Serbian government, foreign diplomatic representatives and the political elite of the country. The operation of the Russian medical missions left an indelible mark in the entire participation of the Kingdom of Serbia in World War I, as well as in the later period, particularly in terms of nurturing the traditional Serbian-Russian friendship.

Keywords: *Russia, Serbia, medical missions, epidemic typhus, Red Cross, Niš*

¹ This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF 23-78-10045 / Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10045).

INTRODUCTION

The Russian Empire gave diplomatic support to the Kingdom of Serbia against the aggressive attacks of the Austro-Hungarian and German diplomacy after the assassination of the Austro-Hungarian heir presumptive Franz Ferdinand and his wife in Sarajevo in 1914. This support was provided at the beginning of the July Crisis in 1914 as well. The official position of the Russian state was that Serbian sovereignty was to be defended with the armed forces if necessary in case of the military response of the Central Powers or any attempt to disrupt the relations in the Balkans. In the Russian press, Ferdinand's death was put in the context of the righteous vengeance that stemmed from the long-standing oppression of the Slavic peoples in the Balkans (Поповић 1977, 46–48).

A month after the Sarajevo assassination, following the diplomatic attempt of the Serbian government to comply with the Austro-Hungarian ultimatum that was issued on 23 July, the Austro-Hungarian government declared war on Serbia via open telegram on 28 July. This news immediately caught public attention and the attention of the local and foreign press (Радојевић, Димић 2014, 78; Казимировић 1999, 277).

Nicholas II, the Russian emperor, sent an encouraging telegram to the Serbian government the day before, as he announced that Russian help would be provided in case of any sign of the Austro-Hungarian action in the emerging conflict between Austria-Hungary and Serbia, the conflict that would eventually precede the outbreak of World War I (Радојевић, Димић 2014, 95–96; Stanković 1984, 43–44).

As a means of preparation in case of war, the Serbian government first asked Russia and France, the members of The Entente, for a loan in the amount of 90 million dinars. Afterwards, in August, following the declaration of war, Serbia asked Russia for a loan in order to acquire military apparel, footwear and material. A certain quantity of textile was ordered, while 200,000 articles of military apparel were shipped right before the start of the military operations (НБС, дневник Тадије Костића, I, 15. јули 1914. г; Шевцова 2010, 21; Денда 2014, 5).

After Russia declared war on Austria-Hungary and then Germany at the beginning of August, the plan of attack of the Central Powers on Serbia had to be changed. The initial plan to bomb the border towns by the Sava River was dropped in favor of a direct ground attack that was supposed to commence in the first week of August. Consequently, a part of the Austro-Hungarian army was dispatched to the Russian front in

Galicia, whereas two other parts of the army formed the Balkan Army. The latter was split in two parts, as the first one was tasked with attacking Serbian defense systems towards the city of Valjevo, while the second one was supposed to operate from the city of Užice to Montenegro (Јовановић 1929, 63). According to the military operation plan created by Field Marshal Radomir Putnik, the Chief of the General Staff of the Serbian army, the Serbian and the Montenegrin armies were supposed to jointly draw as many enemy forces as possible, so the enemy would be weakened in terms of combating Russia (Велики рат Србије, I, 31).

The superior Austro-Hungarian army swiftly operated in the direction from the Drina River towards the city of Valjevo, while the Serbian army started regrouping as it realized somewhat belatedly that the main hub of the enemy strike would be to the north-west. The only way to successfully defend themselves against the surprising Austro-Hungarian push was to stop the advancing forces on the Cer Mountain at all costs. Shortly before the start of the first big battle in World War I, 144,000 guns arrived from Russia. These were promptly distributed to the units of the Serbian Second Army (НБС, дневник Тадије Костића I, 27. јули 1914. г; Денда 2014, 5).

A gruelling battle ensued on the Cer Mountain and the valley of the Jadar River between 16 and 20 August, with huge losses on both sides. This is where the first great triumph of the Entente was won (Станисављевић 1928, 5). Afterwards, a new and much more prepared Austro-Hungarian offensive followed, which lasted all the way to early December 1914 with few minor interruptions. After the Serbian army emerged victorious in the taxing Battle of Kolubara and after the enemy was driven away from Belgrade, any notion of the Central Powers that Serbia could be defeated, removed from the Entente, thus pressuring the Russian army even further, vanished (Богдановић 2014, 8–14). The Serbian government defined its war aim in the midst of the deathliest battle, which encompassed liberation and unification of the Serbian, Croatian and Slovenian nations into a single state (Јанковић 1969, 83–97).

The Russian emperor and the commander in chief of the Russian army were among the first ones to formally congratulate Serbia on its first great victory in August and after the battle that drove away Austro-Hungarian forces from Serbia was won, which repelled their attacks for the time being. On the other hand, Russian military victories in Galicia and in other battles were celebrated throughout Serbian settlements and battlegrounds (НБС, дневник Тадије Костића, II, 3, 17. децембар 1914. г; Животић 2017, 135, 259).

THE WOUNDED SERBS, EPIDEMIC TYPHUS PATIENTS AND RUSSIAN MEDICAL MISSIONS

The price of the greatest victories in the history of Serbian warfare was paid by 163,661 commissioned and non-commissioned officers, corporals and privates, who were put out of action. There were 96,000 wounded people in the Serbian army (some of them permanently incapacitated) who had to be taken care of in the existing civilian, military and field hospitals (Димитријевић, Шаренац, Манојловић, Бојковић, Мраовић 2014, 173). Their number was altogether dissatisfactory, which was also true in terms of medical and hospital staff, whose number was decimated to begin with due to the Balkan Wars with Turkey and Bulgaria (Игњатовић 2008, 49–50).

After the Austro-Hungarian army was defeated in 1914, 50,000 soldiers and senior officers were temporarily held captive by the Serbian forces. A great number of the prisoners were located in Niš — the Serbian provisional capital and the most important political and diplomatic center of the Kingdom of Serbia. This was also the place where the Serbian government, foreign diplomatic representatives and the political elite were stationed since the end of July (Antić 2021, 19; Перишић, Марковић 2015, 6). By the end of 1914, 4,000 wounded and 1,538 patients suffering from contagious illnesses were treated in the existing hospitals in Niš (Животић 2017, 796). There were wounded people among the Austro-Hungarian prisoners, but also those who contracted epidemic typhus, a disease that existed in certain parts of the Austro-Hungarian Empire even before the war. This led to a big epidemic on the territory of Serbia, which caused a massive number of soldiers, civilians, physicians and enemy prisoners to get sick and die. The estimates range from 60,000 to 150,000 casualties (Игњатовић 2008, 51).

The Serbian Red Cross was aware of the possible repercussions, so it reached out to neutral and friendly countries at the beginning of the war, as well as their relief committees in order to get medical supplies and personnel. Apart from the Red Cross Society of Greece, the United Kingdom and Japan, the Russian Red Cross also responded and sent 11 medical missions throughout the war, which included 850 beds, 28 doctors, 11 intendants, two pharmacists, 86 nurses and 160 medical workers. The overall costs of these medical missions amounted to 728,307 rubles (Друштво Црвеног крста Југославије: Споменица 1876–1936, 1936, 101–102; Тимофејев, Кремић 2014, 278–279).

The Russian committee initially turned to the Russian Red Cross Society, thereby asking for a medical mission to be established for the purpose of helping Serbia. These missions had been common during wars and they focused on helping the wounded. Princess Trubetska, the wife of the newly appointed Russian representative at the Serbian court, took an active part in this endeavor. Her husband had already organized fund-raising activities for Serbia and Montenegro in Russia and later on founded "The Relief Committee of the Russian Mission in Serbia for Serbs and Montenegrins" (Тимофејев, Кремић 2014, 279). Princess Trubetska founded "Moscow Iviron Community of Nurses", which arrived in Serbia no sooner than January 1915 (Шевцова 2010, 102).

In September 1914, the first two Russian missions came to Serbia: the Slavic Society from Odessa (a medical unit) and an 11-member mission led by Alexandra Pavlovna Hartvig, the widow of a deceased Russian envoy in Belgrade and a great friend to the Serbian nation (ДАС, Ф XVIII, 25 – I, дос. IV).

Other four missions made up of doctors and medical staff arrived in October. The first one consisted of seven members who were paid from 50 to 100 rubles (135-270 dinars), whereas dentists' salaries were 75 rubles or 160 dinars and 50 paras. There were three members in the second mission, which was tasked by the Russian headquarters with getting in touch with Austrian Slavs in Serbia and Bulgaria and the convocation of the Slavic congress in Petrograd and Sofia (ДАС, МИД, ПО 1914, Ф XV, 12, дос. VI).

The mission from the Moscow Alexandrian Community or "Committee of Christian Relief" was the most numerous medical unit. The head doctor was Alexei Ozoling and his team was stationed in the Niš civil engineering barracks upon arrival. Due to the lack of a sewage and water system, the building was not operational. By collaborating with the Serbian government, the Russian mission got the facility up and running in a short period of time, so the first patients were admitted as soon as 20 October. The infirmary was opened soon afterwards. At first, the hospital took in only the severely wounded, whereas the others were transported to the hospital of the Serbian Red Cross (Шевцова 2010, 102).

The last Russian mission in 1914 consisted of 18 monks from Mount Athos. Apart from the fact that the monastery brotherhood felt compassion for the Serbian people, it was also working on organizing the Russian orthodox church, while some monks treated wounded Serbs during the Balkan Wars (Шевцова 2010, 186).

RUSSIAN MISSIONS IN NIŠ IN 1915

Volunteer nurses, members of the Circle of Serbian Sisters, alongside Russian, French and Danish nurses in Niš, helped immensely and took care of patients in the midst of epidemic typhus epidemic in Morava Military Hospital in Niš, as well as in County Hospital and other reserve hospitals (Поповић Филиповић 2011, 173, 174, 179; Политика 12.02. 1915, 2).

The citizens of Niš were also exceedingly grateful for Russian help, Russian doctors, kind nurses and technicians. Russian realists' plays, as well as French classics and English renaissance dramas were a part of the standard repertoire at the city theater. Simultaneously, benedictions were uttered in churches in honor of the Russian emperor and the victories of the Russian army (Поповић Филиповић 2011, 173).

Foreign medical missions that were located in Serbia got their own work areas while the epidemic typhus epidemic lasted. The Russian medical mission was in charge of the city of Niš; a city that spread to 60 kilometers in diameter including its immediate area (Тимофејев, Кремић 2014, 281). At the beginning, the jurisdiction was assigned to the Russian Imperial Mission Committee, i.e. the Russian medical mission, which was also responsible for establishing the 10th Reserve Military Hospital or "the Moscow Hospital" in the building of the Serbian Royal High School in Niš. As the construction works drew to an end, new rooms were opened and new patients were admitted. Sergey Sirotkin, a surgeon, was appointed the administrator of the newly created Russian hospital. The hospital personnel consisted of young nurses who came from famous and respectable Moscow families or attended girls' schools in Russia (Ђуковић 2006, 162; Шевцова 2010, 103, 147–149; Петровић 1996, 152). The outpatient physical examinations were conducted among soldiers and civilians, while women had access to ambulatory care, including surgeries (Шевцова 2010, 149).

An equipped operating room was set up at the hospital and all the rooms had electric lighting. There was a dressing station on each floor as well, and wound dressing was performed on a daily basis. The hospital had a well-equipped laundry, a kitchen, a Russian banya, disinsection rooms, depots for things and food, as well as an infirmary, an X-ray room and a dental operator (Шевцова 2010, 149).

The Russian Red Cross Society appointed Segei Sofoterov, an associate professor, as the chief of the medical organization in Niš. Sofoterov

was also a consultant in every Russian mission in the Kingdom of Serbia. After his arrival in Serbia, when he brought two carloads of medical supplies, he became the administrator of a Serbian hospital that was named *The Russian Pavilion*. Afterwards, he collaborated with the Serbian High Command, ultimately ending up in Niš, where he started working in the 1st Reserve Military Hospital. He was awarded high office of the delegate of the Russian Red Cross in Serbia (Тимофејев, Кремић 2014, 279, 284).

In early February, Dr. Sergei Sofoterov came up with a detailed plan for improvement of the difficult sanitary and health situation in the city, while he was simultaneously a member of the International Committee for Contagion Suppression and the International Sanitary Mission, whose president was Alexander, the heir presumptive to the Serbian throne (Шевцова 2010, 103, Правда 09.02.1915, 2, 11.02.1915, 2). Previously, the government made a decision to found the City Council for Monitoring the Epidemic Typhus Situation and to convert schools to reserve military hospitals, as well as to relocate refugees from schools to the Monastery of Saint Roman near Ražanj Municipality (Гласник 29. 05. 1915, 2).

The government also concurred with Sofoterov's plan and founded the City Council, that consisted of the representatives of military and civilian authority. The council had broad powers. According to the Russian idea, the city was split in zones, headed by a Serbian doctor who had an assistant that did outpatient examinations and sanitary checks (Шевцова 2010, 103). As the doctor was given a proxy, he had a disinfecting section at his disposal, and there was a pharmacy and an infirmary in every zone (ДАС, МИД, ПО, 1915, Ф XXI, 21 – I, дос. III; Шевцова 2010, 104).

The first meeting of local and foreign doctors was held in the municipal court on 16 February 1915. The occurrence and the course of the typhus epidemic were analyzed in addition to the efficiency of the steps taken to suppress it (Ђуковић 2006, 36; Српске новине 03.02.1915, 2). With doctors' consent, three big stoves for clothes disinfection were built. At first, 4,000 suits were disinfected, but the number hiked to 80,000 a day (Правда 16. 02. 1915, 2; Правда 20. 02 1915; 2; Правда 25. 02. 1915, 2).

Over the course of 1915, other two Russian medical missions came to Serbia. The first one to arrive and help the Russian Mission Committee was an epidemiological team that consisted of four medical technicians and several nurses. The team also brought two disinfection

technicians. The mission was composed of Serbs living in Russia (the prisoners of the Austro-Hungarian army) and Russians. Among Serbian physicians, there were Todor Živanović, Đorđe Milić and Hristofor Grabovački (Тимофејев, Кремић, 2014, 282).

Due to its diversity, the mission was named “The Russian-Serbian City Medical Relief” and it was stationed in the elementary school facility near the Holy Trinity Cathedral, where it started providing medical assistance immediately. The doctors worked in the municipal infirmary all day long and even went on house calls if necessary. Apart from free medical assistance, destitute citizens and refugees received medication that was free of charge. The physicians also performed tasks usually associated with sanitation officers: checking public and private establishments, grocery stores, public markets, testing water in public and private drinking fountains and wells, apartment disinfection and so on (Шевцова 2010, 105).

The second and the last Russian medical mission, led by Dr. Nikolai Sergejevich Spassky, arrived in Niš on 13 May and remained until 7 June 1915. It was a proper little hospital that was also known as Alexandrian (or Alexander) community in the documents that belonged to the Ministry of Foreign Affairs. Dr Spassky’s mission was also known as “Petrograd Mission”, “Moscow Mission” or even “Tereschenko Mission” or “Spassky’s Mission”. In Duke Trubetski’s memoirs, it was called Moscow Alexander Community of the Red Cross (Шевцова 2010, 158).

This Russian mission arrived in the period when the typhus epidemic started waning (Шевцова 2010, 158). The Niš Municipality was reporting that the epidemiological situation at the time was very good and that there were no new patients. The State Committee for Contagion Suppression received a report at the end of June, which stated that there were only 700 patients in all hospitals in Serbia, 17 of whom had died (Правда 19. 05. 1915, 2; Правда 19. 06. 1915, 2).

By the time Dr Spassky’s mission came to the County Hospital, there was already a section of French immunologists working on immunization of soldiers, citizens and refugees. On the other hand, the reception area was gradually set up, as well as a barbershop, bathrooms, laundries and disinfectants. Patients had their hair cut, they were able to take a bath and change. Disinfection was taken care of and the patients were moved to clean rooms. When lice were destroyed, regular diet was secured and a permanent hospital regime was established. The changed conditions finally destroyed lice and suppressed epidemic typhus (Ђуковић 2006, 115, Српске новине 07.05.1915, 2).

The arrival of Dr Spassky's mission marked the beginning of the formation of the 11th Reserve Military Hospital in Niška Banja, which was operational in late May. Sanitary conditions in this spa were not ideal. It was not clean, there were old and neglected bathrooms as well as disorderly public buildings (Правда 31.05.1915, 2).

The Russian sanitary mission chose one of the support facilities of the spa to serve as a hospital, and then got in touch with the isolation ward, which was located in the same area. Shortly thereafter, a thorough clean-up of the entire spa was underway. The Niš Municipality provided a certain number of workers as well as 25 prisoners of war for the purpose of straightening up the entire spa. Dr. Spassky was appointed the administrator of the Russian Hospital, and he worked with two younger doctors, as well as a caretaker, a supplier, 28 nurses, 25 technicians and 7 hired assistants (Шевцова 2010, 158).

At first, only 50 beds were usable. Over the course of the first week, new arrivals were few and far between. However, everyone had in mind that a possible resurgence of war activities could increase the number of the wounded. Thus, in the period from late May to mid-July 1915, 31 patients were admitted, mostly cases of dysentery (Шевцова 2010, 159).

The aforementioned Russian mission that set up the last reserve military hospital did not operate on a permanent basis. For one reason or another, a doctor and a nurse left the mission. At Dr. Spassky's request, the mobilization unit of the Russian Red Cross invited Dr. Alexander Ryazanov to Moscow. Ryazanov was a part-time assistant at the internal medicine clinic of the medical faculty at the Tomsk State University. Spassky recommended him as an experienced internist, whose services were necessary at his hospital. At the same time, yet another ten nurses were ready to depart, however, the need to increase the medical mission staff dwindled due to the improved epidemiological situation (Шевцова 2010, 159).

The cooperation of the Russian medical missions and the Niš authorities was compact and purposeful. Close cooperation was achieved with the Niš Municipality, which enabled issuing pivotal medical measures that prevented the spread of the infection. The families of the deceased were not allowed to sell used clothes. The importance of cleaning and straightening up the streets, the markets, the taverns and the septic tanks was also emphasized. The patients who had epidemic typhus or relapsing fever were given guidelines. Refugees from Belgrade who complained about squalor and deteriorating medical conditions (which

were difficult to begin with) were also taken care of. Holes for garbage disposal were dug, while the police got strict orders to severely punish the offenders. The thoroughfares with greater circulation were washed twice every day with electric water blasters, that were always supplied with the sufficient amount of water (Правда 22.02.1915, 2; 07.05.1915, 2; Гласник 01.06.1915, 2; 07.06.1915, 2).

After consulting Russian and other foreign doctors, the State Committee for Contagion Suppression issued the proclamations “Typhoid Fever - Guidelines for People” and “Means of Suppressing Contagion (Disinfection)”. This raised awareness of the seriousness of the disease and of the measures to prevent it from spreading (Српске новине 16.03.1915, 1; 17.03.1915, 1; 28.03.1915, 1).

Alongside combating the contagious diseases, the Russian Committee paid attention to immunization of the population in order to tackle the diseases more easily. The Russian empress sent 50,000 rubles, with the purpose of organizing a support system that would give the poorest citizens and the refugees access to more food. Out of the total sum, 50,000 dinars (17,500 rubles) were allocated to the Serbian Red Cross, while the remaining funds were utilized to feed the citizens of Niš (Шевцова 2010, 106).

The city authorities actively participated in this task as well by making lists of those in dire need. Special food stamps were issued. Soup kitchens were opened in the four city zones, where 283,000 meals were served during the period. For convalescents who only needed rest and more food, patronage care with 15 beds was organized in a monastery near Niš. According to Trubetski's data, the cost throughout six months amounted to 5,500 rubles (Шевцова 2010, 106). The Russian doctors visited 125 nearby villages as well, brought medicine and provided necessary medical care. This method, especially in terms of free meals, was accepted by Americans and British (Тимофејев, Кремић 2014, 283).

The Russian committee particularly focused on refugee children. At the initiative of bishop Dositej, and with the active participation of Princess Trubetski, the committee opened the children's home in the facilities next to the Church of St. Nicholas on 25 March. Nearly 150 children got tea, warm food and milk every day as daily meals, while the weaker ones were served cocoa as well. The poorest were given underwear and clothes. Orphans were taken care of too, especially those who were left without any parent. Those children were accommodated in a small house and they were supervised by two Serbian teachers. Bishop Dositej thought that their education should be instilled with Russian

spirit. For that purpose, a nurse from the Alexandrian hospital was hired. Under her supervision, the children developed an interest in the Russian language, they sang Russian songs well, and some of them were even able to converse in Russian (Шевцова 2010, 107).

DISBANDING RUSSIAN HOSPITALS

As the epidemic was slowly waning, the Russian hospitals started disbanding as well, while the situation on the battlefields was still grave. The Russian army suffered great defeats in August and lost Warsaw, Landsberg, Przemyśl, Konin and other important strongholds. All the while, the Central Powers prepared a new joint offensive on Serbia (Павловић 1968, 28–29). The Serbian authorities allowed most foreign medical missions, including the Russian ones, to leave Niš in late October of 1915 due to the difficult situation on the fronts (Antić 2021, 25, 27).

The staff of the infectious disease ward of the Moscow Hospital was discharged or transferred to other medical facilities, while the buildings, barracks and equipment were left on standby in case of a new epidemic. It was only the infirmary that was left running until September when hospital admission was discontinued (Шевцова 2010, 152).

Sergey Sirotin, the head physician of the Moscow Hospital, asked to be transferred back to Russia. As a result, Spiro Sergentich, a surgeon who came from Montenegro, was appointed the new head physician (Шевцова 2010, 152).

The hospital of the Alexandrian community departed on 22 April 1915 in 14 freight cars and three passenger cars. The governments of Romania and Bulgaria granted free passage across their territories. There were only 8 doctors and 27 nurses from the mission who felt like they could not leave their patients behind, so they decided to keep working until the arrival of enemy forces, which were approaching Niš swiftly. In order to keep the Russian representative offices up and running, the consul and the assistant of the military attaché stayed in the city and their objective was to organize evacuation of those offices in case of absolute necessity (Antić 2021, 27).

After the Bulgarian army reached Niš, the Russian Red Cross asked around for their doctors who decided to remain in the city. The Dutch charge d'affaires informed Russians that the medical staff was safe and sound. The remaining part of Dr. Spassky's mission was detained in the city and then sent to Kyustendil in order to help patients who contracted infectious diseases (Антић 2020, 58).

CONCLUSION

After World War I started, the Russian Committee for Serbian Relief responded to the request of the Serbian Red Cross and collaborated with the Russian Red Cross to organize aiding the war-torn country. Russian help consisted of organizing 11 medical missions, which were supposed to assist the wounded. However, as time went by, their primary mission became suppressing epidemic typhus and other infectious diseases. The unforeseen epidemic claimed lives of numerous soldiers, civilians and enemy war prisoners. According to the internal international division of medical jurisdiction in Serbia, the Russian medical missions were sent to Niš, which was the provisional capital of the Kingdom of Serbia at the time. It was also the most populous city as a result of refugee influx from various areas. In the period spanning from September 1914 to May 1915, nine Russian medical missions were sent in total. In Niš, they established the 10th and the 11th Reserve Military Hospital, suppressed epidemic typhus, took care of the patients and the wounded, as well as collaborated with the Serbian government and the Niš Municipality. Besides the empress, other renowned Russian ladies played a major role in supporting the Serbian population, such as the widow of Nikolai Hartvig, a Russian emissary at the Serbian court and Princess Trubetski, the wife of a high-ranking Russian diplomatic representative in Serbia in 1915.

As the epidemic was suppressed, the Russian hospitals were gradually disbanded, but some of them stayed alert in case of a new epidemic. A joint offensive of Germany, Bulgaria and Austro-Hungaria, which was drawing near, actually occurred in October, which led to a complete evacuation at the end of the month. Prior to that, the Alexandrian Community Hospital was transferred to Sofia and ultimately Romania. Nurses in Niška Banja did not want to leave the patients and the wounded, so they opted to wait for the army occupation. During 1916, the Bulgarian authorities sent them to Kyustendil in order to treat patients who contracted infectious diseases.

The remembrance culture of the role and importance of the Russian medical missions during the Balkan Wars and particularly World War I existed in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes/Yugoslavia. It is still nurtured. Numerous newspaper and scientific articles created by domestic and foreign researchers, feature films and documentaries, war memorials and the ceremonies marking the anniversary of

the arrival of foreign medical missions in Serbia are the proof that the Serbian people do not forget humanity and friendship of the Russian Empire, its doctors and benefactors.

SOURCES

- Државни архив Србије [ДАС], Министарство иностраних дела [МИД], ПО 1914, Ф XVIII, 25 – I, дос. IV, „Извештај српског посланика у Петрограду о доласку болничког одреда Словенског друштва у Србију“, Петроград, 6. септембар 1914;
- ДАС, МИД, ПО, 1915, Ф XV, 12; дос. VI, Извештај српског генералног конзула у Солуну о транспорту материјала за Србију, Солун, 3. јануар 1915;
- ДАС, МИД, ПО, 1915, Ф XXI, 21 – I, дос. III, Извештај српског посланика у Петрограду о новчаној помоћи Архангелске губерније Србије“, Петроград, 1. фебруар 1915.
- Народна библиотека Србије [НБС], дневник Тадије Костића (књига 1, 2).
- Гласник, 29.05.1915; 01.06.1915; 05.09.1915;
- Политика, 12.02.1915;
- Правда, 14.08.1914; 17.08.1914; 09.02.1915; 10. 02.1915; 11.02.1915; 16.02.1915; 20.02.1915; 22.02.1915; 25.02.1915; 01.04.1915; 07.05.1915; 19.05.1915; 31.05.1915; 19.06.1915;
- Српске новине, 16.03.1915; 17.03.1915; 28.03.1915; 07.05.1915.
- Antić Dejan. 2021. „Евакуација ратне престонице Србије Ниша 1915. године“. *Историја 20. века*, 19–34. Београд: Институт за савремену историју.
- Stanković Đorđe. 1984. *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*. Београд: Nolit.
- Стефановић П. Душан (*Дневник из 1914*). 2017. ed. Александар Животић. Београд: Одбрана.
- Антић Дејан. 2020. „Ниш под окупацијом у Првом светском рату – крај 1915. и почетак 1916. године“. *Токови историје* 1: 47–65. Београд: Институт за новију историју Србије.
- Богдановић Бранко. 2014. „Церска битка“. In *Историјске свеске Андрићевог института*. ed. Мирослав Перишић, 8–14. Андрићград-Вишеград: Андрићев институт.

- Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца*. књига 1 (први период операција-Церска битка). 1924. Београд: Штампарска радионица Министарства Војске и Морнарице.
- Гавриловић Милан. 1974. „Сарајевски атентат и српска влада“. *Гласник српског историјско-културног друштва Његош*, ed. Душан Петковић 5–8. Чикаго: Српско историјско-културно друштво „Његош“ у Америци.
- Денда Далибор. 2014. „Српска војска у Првом светском рату (бројно стање, организација, формација и опремљеност)“. *Историјске свеске Андрићевог института*, ed. Мирослав Перишић, 1–9. Андрићград - Вишеград: Андрићев институт.
- Димитријевић Бојан, Шаренац Данило, Манојловић Мирољуб, Бојковић Гордан, Мраовић Маријана. 2014. *Србија и Браничево у Великом рату 1914–1918*. Пожаревац: Историјски архив Пожаревац - Војни архив.
- Друштво Црвеног крста Краљевине Југославије (Споменица 1876–1936)*. 1936. Београд: Државна штампарија Краљевине Србије.
- Ђуковић Исидор. 2006. *Тифус у Србији 1914–1915*. Београд: Удружење потомака ратника Србије од 1912–1920. године.
- Игњатовић Миле. 2008. „Српска ратна хирушка доктрина у ратовима 1912–1918“. *Војносанитетски преглед (Зборник радова са научног скупа Српски војни санитет 1917–1918)*, ed. Александар Недок, Бранислав Поповић, 49–59. Београд: Управа за здравство Сектора за материјалне ресурсе МО Србије.
- Јанковић Драгослав. 1969. „Нишка декларација“. *Историја XX века*, 83–97. Београд: Институт за савремену историју.
- Јовановић Јован. 1929. *Стварање заједничке државе Срба, Хрвата и Словенаца*. Београд: Српска књижевна задруга.
- Казимировић Васа. 1990. *Никола Пашић и његово доба 1845–1926*. Београд: Нова Европа.
- Павловић Живко. 1968. *Рат Србије са Аустроугарском, Немачком и Бугарском 1915. године*. Београд: Научно дело.
- Перишић Мирослав, Марковић Александар. 2015. „Ратни заробљеници 1914/15“. In *Историјске свеске Андрићевог института*. ed. Мирослав Перишић, 1–17. Андрићград - Вишеград: Андрићев институт.

- Поповић Никола. 1977. *Односи Србије и Русије у Првом светском рату*. Београд: ИСИ-Народна књига.
- Поповић Филиповић Славица. 2011. „Љубица Луковић са Колом српских сестара у самарићанској мисији“. In *Пешичаник: часопис за историографију, архивистику и хуманистичке науке*, ed. Иванка Станчевски, 161–184. Ниш: Историјски архив Ниш.
- Радојевић Мира, Димић Љубомир. 2014. *Србија у Великом рату 1914–1918-кратка историја*. Београд: Српска књижевна задруга.
- Ратна престоница Ниш 1914–1915*. 1996. ed. Видосав Петровић. Ниш: Просвета.
- Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата (зборник грађе)*. 2014, eds. Алексеј Тимофејев, Дарко Кремић. Београд: Институт за новију историју Србије.
- Станисављевић Живко. 1928. *Гоњење након Церске битке*. Београд: Државна штампарија
- Шевцова Галина. 2010. *Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917*. Београд: Инфинитас.

Проф. д-р Деян Антич, Республика Сербия

Нишский университет, философский факультет

Ниш

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург

ПАМЯТЬ О РОССИЙСКИХ МЕДИЦИНСКИХ МИССИЯХ В ГОРОДЕ НИШЕ КАК ВРЕМЕННОЙ СТОЛИЦЕ СЕРБИИ (1914–1915 гг.)

Аннотация

В данной статье рассматривается участие и деятельность русских медицинских миссий в годы Первой мировой войны в районе Ниша, как важнейшего политико-дипломатического центра Королевства Сербия, штаб-квартиры сербского правительства, иностранных дипломатических представителей и политической элиты Сербии. Деятельность российских медицинских миссий оставила неизгладимый след во всем участии Королевства Сербия в Первой мировой войне, как и в последующий период, особенно в плане воспитания традиционной сербско-российской дружбы.

Ключевые слова: *Россия, Сербия, медицинские миссии, эпидемический тиф, Красный Крест, Ниш.*

Antoni Mironowicz, Republic of Poland

University of Bialystok

Bialystok

BALKAN MANUSCRIPTS IN THE COLLECTIONS OF THE SUPRAŚL MONASTERY IN 16TH CENTURY

Abstract

The direct connections of Suprasl with Byzantine and Serbian culture may be proved by the monumental frescos in the Annunciation Church. They were painted by a group of painters under the supervision of Nektarius the Serb (Serb Nekhtarioosh). These frescos were a testimony to dogmatic Orthodoxy. The iconographic symbolism of the church of the Annunciation served this purpose. In the 16-th century, the monastery of Suprasl became a major ecclesiastical center of all the Slavic nations. The monastery while being the major center of Orthodox theological thought, still remained open for new trends in philosophical thought.

Keywords: *Suprasl Monastery, Byzantine culture, Serbian culture, Orthodoxy, Slavic culture.*

In the 16-th century the monastery of Suprasl was the second monastic center of the Orthodox Church in the Polish Republic after the Kiev-Caves Monastery. This monastery was founded in 1498 by the Novogrod Voivod and Marshall of the Great Duchy of Lithuania — Alexander Khadkevich together with Smolensk Archbishop — Joseph Soltan. In the history of the Orthodox culture the monastery in Suprasl occupies unique place. The best achievements of many branches of culture have been concentrated in it. They mirror close contacts with the

religious and cultural heritage of other Slavonic nations. The monastery became a place of the reciprocal permeating of various religious trends. Also here, many national cultures influenced each other. An example of this reciprocal permeating of cultures was the architecture and interior decorations of the Annunciation monastery church. The uniqueness of the architecture of this building consists in the mixing of the Gothic and Byzantine styles. The construction of this object resembled the fortified style of architecture of the churches in Polotsk, Synkovitche and Malomozsheykov.

The direct connections of Suprasl with Byzantine and Serbian culture may be proved by the monumental frescos in the Annunciation Church. They were painted by a group of painters under the supervision of Nektorius the Serb (Serb Nekhtarioosh). These frescos were a testimony to dogmatic Orthodoxy. The iconographic symbolism of the church of the Annunciation served this purpose. The interior of the sobor church shows direct connections with the Ruthenian and Serbian cultures. Its architecture is similar to the defensive churches of St. Sofia in Polotsk, Synkovitche and Malomozheychkov. In the church's architecture there are envisaged strong influences of the Byzantine-Ruthenian culture in western areas of the Grand Duchy of Lithuania. The style of the frescoes brings to mind the monuments of the Serbian monumental painting, especially the interior of the monastery in Manasia from 1418 r. They are some of the few examples of byzantine paintings in historic Poland.

In the 16-th century, the monastery of Suprasl became a major ecclesiastical center of all the Slavic nations. The monastery while being the major center of Orthodox theological thought, still remained open for new trends in philosophical thought. The monks from Suprasl, while not compromising their identity, addressed other denominations and cultures with tolerance. This may be the reason why the best achievements of the various branches of culture were represented in the monastery of Suprasl. Here also, the contacts with the culture of other nations was such, that their best achievements were effectively passed on to succeeding generations. The monastery of Suprasl is a good example in the Grand Duchy of Lithuania, the motherland of many nations, denominations and cultures.

A 1557 inventory shows that 129 books, including 5 prints (АСД 53–54; Щависка́я 2003, 61), were collected during the first three to four decades of the Supraśl Monastery. According to Flavian N. Dobrjansky the monastery library had at the time 131 manuscripts and printed

books in its possession (Добрянский 1882, XXX; Морозова 2005, 124; Темчин 2010, 70–75; Щавиская 1998, 7778; 2003, 134–135.). This number is confirmed by Michał Bobrowski in his description of a Supraśl library catalogue from the 1820s. He took note of a sixth Gospel – gilded, with fittings – from the Orthodox Church of the Resurrection, which was not included in the 1532 inventory (АСД 53; Щавиская 2003, 77)¹, as well as the omission in the original text and later inclusion of „Книги Десятого” created in Supraśl in 1507². This manuscript was added to the inventory in 1557 as „Книга Матвея Десятого” (АСД 53, 242). Larisa Shchavinskaya believes that this manuscript was kept in the abbot’s or another monk’s cell and was therefore not listed in the earliest description of the library. Both manuscripts were added after the catalogue was created in 1557. Nineteenth century publishers of the Supraśl library catalogue did not analyze when the two manuscripts were added to the list and published the inventory including the addition of the 1532 manuscripts. This is indirectly confirmed by the note made on the 1631 Supraśl parchment book *Субботника или Поминника* about the family of „Матвея Иоанновича, написавшего и надававшего в монастырь Супрасльскый книгу великую рекомую *Десятоглав*”. This information does not appear in the first, oldest version of *Субботника или Поминника* (Щавиская 2003, 77-78). The view Larisa Shchavinskaya is strongly opposed by Sergey Temchin, who believes that the Gospel missing from the inventory was in the possession of another church (Темчин 70-71).

Sergey Temchin believes that the gilded Gospel was given „от Кмиты по души Коробки, архимандрита Троецкого, ись Слуцка” (АСД 51). It only appears on the collection list before 1532. It seems to have been given to the library in the times of the archimandrite Kimbar, because the archimandrite of the Holy Trinity monastery in Slutsk

¹ The same view was expressed by Michał Bobrowski. His description indicates that two manuscripts were added to the 129 books, including „Шестое Евангеліе у церкви Воскресенія Христова, окованое, позлоченое”. АСД, т. IX, р. 53. In the original registry, after the fifth Gospel is mentioned, there is a note: „у святых мучениках Бориса и Глеба” along with the monastery’s seal, which may be covering information about the last richly decorated Gospel. Библиотека Российской академии наук в Санкт-Петербурге, ф. П. Доброхотова, № 24.4.28; Л. Л. Щавиская, *Литературная культура белорусов Подляшья XV-XIX вв.*, р. 77.

² Michał Bobrowski had in his private collection a detailed description of the Supraśl books, based on the original catalogue. Based on two copies of this description – “red” and “white” - L. L. Szczawinskaja and J. A. Łabyncew determined that M. Bobrowski did indeed find 129 “old books”. It was only later that two more books were added to the original registry: „Шестое Евангеліе у церкви Воскресенія Христова, окованое, позлоченое” and „Десятоглав” by Mateusz Dziesiąty.

was buried in Supraśl in 1569 (АСД 65; Строев 2002, 543). Archimandrite Kmita, mentioned in the registry, was the head of the Slutsk monastery before Nicander. Was the gilded gospel given over before 1532? It is hard to say. Both hypotheses: L. Shchavinskaya's – concerning the gilded Gospel added to the list later, which refers to a book from the Church of the Resurrection – and S. Temchin's – concerning a Gospel with silver fittings and gold decorations, which could be found on the altar of the great church – require further study.

S. Temczin, L. Shchavinskaya and J. Labintsev take up one more problem – the „славное памяти Евангелие”, which the monks „упросили” from Aleksander Chodkiewicz (АСД 51; Щавиская 2003, 66). He received it from the king's treasurer and steward Stefan Andrzejewicz Bielkiewicz. Stefan Bielkiewicz was the archimandrite of the Holy Trinity monastery in Vilnius and in 1556 became the metropolitan of Kiev, assuming the monastic name of Macarius. „Да упросили еси у господара пана его милости славное памяти Евангелие, коим его милость дароваль нынешній митрополит и оправив серебром с позолотою, положил еси оное Евангелие на престоле великое церкви у место Жабинских двух, што митрополит невинне отнял” (АСД 51). The metropolitan of Kiev Macarius II took away two “Żaba gospels”, because the archimandrite of the Supraśl monastery Sergius Kimbar was accused of introducing changes into liturgical texts. In the early 1530s a copyist monk Arsenius informed the metropolitan of Kiev Macarius II that the Supraśl archimandrite Sergius Kimbar was changing the order of liturgy and adding corrections to Slavic manuscripts, including Gospels. In his letters Arsenius accused Sergius Kimbar of creating non-canonical translations from Greek and Hebrew into Slavic languages. Both laymen and clergy would participate in these translations (Щавиская 2003, 65. Gębarowicz 1969, 404; Mironowicz 2012, 9–18; Takala-Roszczenko 2013, 69–71). It is also mentioned that „благочестивый христолюбец Григорий Жаба” participated in translation (АСД 54; Щавиская 2003, 66)³. It can be presumed that it is because of these accusations that metropolitan Macarius II asked for these “corrected gospels” to be sent to Kiev and, having read them, returned them to the monastery.

³ „Жабинское Евангелієце и з Апостолом и Апокалисією” appear in descriptions of the monastic library from 1532. Vilnius University Library, Manuscripts Collection, F58-7, В 1993, к. 4. The Żabiński family is mentioned as distinguished in the Supraśl *Субботнике или Поминнике*.

This mention of the two “Żaba gospels” means that they came to the monastery before 1532 along with the other manuscripts, which the monks received from Grzegorz Żaba (Темчин 2011, 132; Лабинцев 68–75; Лабинцев 2000, 161, 167–168)⁴. Grzegorz Zofoniewicz Denisowicz was, since 1513, the owner of Klewinów, which he sold in 1528 to Aleksander Chodkiewicz. He was also the owner of Markowszczyzna (Mielkowszczyzna), Korejwoszczyzna and Bielewszczyzna, which he received from Sigismund I in 1518 (Library of the Lithuanian Academy of Sciences 12–13; Mironowicz 2011, 59). The Smolensk boyar appears in the documents for the last time in 1529 (Library of the Lithuanian Academy of Sciences 12–13; Mironowicz 2011, 59). The two “Żaba gospels” received from Grzegorz Żaba were in the monastery before 1532 and, after a brief stay with the metropolitan of Kiev Macarius II, returned to Supraśl before 1549. On the altar of the cathedral church they were replaced by a book obtained from Aleksander Chodkiewicz after 1536 but before the death of the ktitor in 1549. Taking all this into consideration, as well as the constant replenishing and depletion of the collection, one has to agree with S. Temchin’s conclusion that the Supraśl monastery was in possession of not exactly, but at least 129 books (Темчин 73). F. I. Dobrijansky placed the number of manuscripts at 131, because he included two manuscripts which left the monastery and were later returned to it.

*

During the period when Sergius Kimbar was the archimandrite (1532–1565), up until 1557, the monastery obtained further 74 manuscripts. According to Ł. Shchavinskaya and J. Labyntsev over the span of 25 years Sergius Kimbar obtained 80 new books („книги новыя”). They further add that after the inventory listing 74 volumes was created, six new books were added, as is indicated by the following notes: „А потом прибавлено книг новописанных” and „а то Яцка, подскарбьего бывшего, книги, которыя ся по смерти его остались” (Vilnius University Library, 1993, 4–4v; АСД 55; Щавиская 2003, 136; Щавиская 1998, 79)⁵. Overall, the catalogue of the monastery library in 1557 (Vil-

⁴ J. Labyntsev states that the „Żaba gospels” could have been a gift from Wasyl Konstantynowicz Żaba, the vice-steward of Troki (1516–1547), but provides no evidence to support this hypothesis. () There is also no other evidence for the vice-steward’s connection to the Supraśl monastery.

⁵ *Требникъ в дестъ, Книга Лествица в полдестъ, Панахидникъ у полдестъ новый, Христианская топография Козмы Индикоплова с дополнениями, Житие Андрея Юродивого*. Wypis z

nus University Library F58-7, B 1993, k. 1-4v; *ACD* 53–55)⁶ lists 204 manuscripts (including five in Greek and one in Latin) and five printed books. In the times of archimandrite Kimbar the number of books in the monastery library almost doubled. This increase was not only due to acquisitions and gifts. The number of copyists in the monastery also increased. In 1645 the monastery library had 587 manuscripts and printed books.

According to S. Temchin, 11 manuscripts were obtained by Sergius Kimbar from other libraries. Some of the manuscripts were created at the end of the 15th or in early 16th century in other places and only brought to the Supraśl library after 1532. Among the manuscripts obtained by archimandrite Kimbar there are books belonging to the metropolitan Józef Sołtan and Iwan Semenowicz Sapieha (1450–1517)⁷. These were: *Книга Феодора Студита* (late 15th c.) (Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Manuscript Collection, f. 21, nr 798), *Книга Бытия*, *Книга Иисус Навин и Царства в ней написаны, в десть* (Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Manuscript Collection, f. 21, nr

Regestra czyli Inwentarza, który po ruski spisał Sergi, archimandryta supraski, w chorobie przed śmiercią r. 1557 pod pieczęcią cerkiewną Zwiastowania Najświętszej Marii – na pergaminie tureckim, skoropis półustawny” based on the original catalogue by Michał Bobrowski. According to the note three books were given by the ex-treasurer Jacek. It is unlikely that this refers to the crown treasurer Jacek Młodziejowski, who held the office in 1580–1604 and was the owner of the paper mill using the *Śtepowron* watermark at the Młodziejowice manor. „Polski Słownik Biograficzny”, t. XXI, Wrocław 1976, p. 432–435. The offering of these books would have had to take place in 1565. Therefore, this note must apply to another unknown person, unless one assumes that the notes concerning “the treasurer Jacek” were added to the original catalogue later. Concerning the manuscript itself and its dating cf.: Т. В. Анисимова, *О некоторых рукописях Супрасльского Благовещенского монастыря в книжных собраниях Москвы, Новгорода и Санкт-Петербурга*, „Bibliotheca Archivi Lithuanici”, vol 7, *Lietuvos Didžiosias Kunigaikštystės Kalbos, Kultūros ir raštijos tradicijos*, red. S. Temčinas, Vilnius 2009, p. 285–289; С. Ю. Темчин, *Рукописи Кимбаровского собрания Супрасльского Благовещенского монастыря (1532–1557 гг.)*, p. 177–178.

⁶ For comparison see „Опись Супрасльского монастыря составлены 1829 года за настоятеля преосвященнаго Льва Яворовского”, Roman Catholic Diocese Archive in Białystok, nr 245, k. 23v-24v, 26-60v; „Wiadomość o stanie Klasztoru Opatskiego Supraskiego w Obwodzie Białostockim i tymże powiecie diecezji litewskiej położonego. Roku 1830 miesiąca stycznia 25 dnia sporządzona”, *Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas*, f. 634, op. 1, nr 3, k. 14v-41v; Description of the Supraśl monastery as of 1836 Российский Государственный Исторический Архив в Санкт-Петербурге, ф. 823, оп. 3, № 3317.

⁷ Iwan Semenowicz Sapieha, scribe to the grand duke of Lithuania Alexander, the voivod of Vitebsk (1511–1517) and Podlasie (1513–1517). Since 1501 Sapieha had been the chancellor to queen Helen. In 1507–1508 he stayed with duchess Helen in Bielsk in Podlasie. „Polski Słownik Biograficzny”, t. XXXIV, Wrocław-Warszawa 1993, p. 613–618. It was probably Iwan Sapieha who presented the monastery with a precious liturgical dish emblazoned with his coat of arms – Lis. The colophon of the manuscripts informs that it had been copied by a servant named Iwańczyk at the request of Iwan Semenowicz Sapieha. (Morozova 1997, 46–52); (Polski Słownik 613–618).

798). Nothing is known of the circumstances under which these books came to Supraśl in 1532–1557. It is only known that they were not donated by their former owner, because both were already dead in 1532. Perhaps the books belonging to Iwan Sapieha were donated by his son Paweł Iwanowicz Sapieha (1490–1579) (*Polski Słownik Biograficzny* 1994, 128–131)⁸, but this is mere speculation with no confirmation in the sources (Темчин 180–181). Three manuscripts: *Книга Лествица в полдесть* (АСД 55), *Христианская топография Козмы Индикоплова с дополнениями* (early 16th century) (Library of the Lithuanian Academy, f. 19, nr 77) and *Житие Андрея Юродивого* (early 15th c.) (Российская государственная библиотека в Москве ф. 98, №39) were given to the monastery before the death of archimandrite Sergius Kimbar and were therefore added to the 1557 registry.

It is interesting to make a comparison of the kinds of books stored in the library. Up to 1532 the monastery library contained 56 (43.4%) liturgical books, 67 (51.9%) works of literature and 6 (4.7%) texts on Orthodox Church law or statutes, acts, or canons (Щавиская 1998, 78–79). Among the liturgical books there were 13 (23%) psalters and 12 (21%) menaia. This proportion is similar to other monasteries at the time⁹. The 67 literary manuscripts included: *Книга пророчеств*, *Книга Иов*, commentaries to the Holy Bible, *Книга Патерик Печерский*, *Поучения Кирилла Иерусалимского*, *Царственник с летописцем*. This shows that these were religious, polemic, and historical works. This group of manuscripts includes 34 codices, which until 1532 formed over a quarter of the collection.

As was established by J. Labyntsev, 42 of the 80 books collected in the times of Sergius Kimbar were liturgical books (books of the apostles, agendas, gospels, horologions, menaia, psalters), 34 religious literary works (the Works of the Church Fathers: *Книга Василия Великого о постничестве с дополнениями* (Library of the Lithuanian Academy of Sciences, f. 19, nr 53), of John Chrysostom and John of Damascus, etc.), as well as 4 other books (acts, canons, regulations). Five of the newly obtained books were in Greek (АСД, т. IX, 54–55; Щавиская 1998, 135–137).

⁸ Paweł Sapieha, court marshall of Lithuania (1519–1557), voivod of Podlasie (1555–1558), voivod of Nowogród (1558–1579), benefactor of the Orthodox church in Kodeń, as well as other churches and monasteries.

⁹ A 1514 description of the Solovetsky monastery indicates that among 73 liturgical books there were 19 psalters and 17 menaia. Cf.: (Кукушкина 1977, 171–173).

OLD BALKAN MANUSCRIPTS IN THE SUPRAŚL COLLECTION

In the 16th century the Supraśl monastery maintained close contacts with leading Orthodox centers in the Polish-Lithuanian Commonwealth and abroad. Close contacts with monasteries in Kiev, Slutsk, Moscow, Bulgaria, Serbia allowed for the heritage of many nations to be concentrated in the monastery. The Supraśl Lavra became a center of theological thought. The monks, while defending the Orthodox canon, remained open to new philosophical and religious ideas. The open character of this center was undoubtedly influenced by its position on the border of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania – at the meeting point of various religious and philosophical currents in eastern and western Christianity. The influence of Eastern-Slavonic and Balkan cultures revealed itself in the monastery's library collection, its architecture, and icons.

In the early 16th century the collection of the monastery library included the following liturgical books: mid-16th century *Евангелие толковое*, late 15th century *Апостол толковый* (*Library of the Lithuanian Academy f. 19, nr 21; Морозова 128*), three *Сборника* (*Library of the Lithuanian Academy f. 19, nr: 257, 258, 262*), two copies of early 16th century *Маргарит* (*Ibid, f. 19, nr: 250, 251*), *Книга Григория Богослова* (*Library of the Lithuanian Academy f. 19, nr 56; Морозова 128*) from the same period, *Псалтырь великая келейная* (*Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, № F.I.738; Нікалаеў 1993, 169; Викторов 1890, 11; Бычков 1897, 105 м122*), *Книга пророчеств* (*Library of the Lithuanian Academy of Sciences, f. 19, nr 48*), and two books of *Златоуст постный* including 16 homilies and used from the third Sunday of Lent through st. Thomas' Sunday (*Морозова 130–131*). *Златоуст постный* included fragments copied from the 11th century Old Bulgarian *Минеи четъи*. It has so far not been established where the second volume of *Златоуст постный* was kept.

Among the manuscripts kept in the monastery library in early 16th century there was the early 11th century *Минея четья*¹⁰. This oldest example of Old Bulgarian writings had been brought to the Grand Duchy

¹⁰ „Книг великих в десять сборников 4, а пятый на паркгамене”. (Щавинская 1998, 78, 127), прим. 4. „Kodeks supraski” – the oldest example of Cyrillic writings – was reprinted in Bulgaria. (*Супрасълски или Ретков*, т. I, София 1982, т. II, София 1983; Стефова 2003, p. 776–784). According to latest research the manuscript was created in mid-10th century (941) in Bulgaria. (Krustev 2012, 17–23). This view however still only a research hypothesis is and is not final.

of Lithuania in the 13th century and finally reached Supraśl from Kiev in early 14th century (Темчин 2006, 174–189; Miltenova 2012, 195–215). The view of some scholars, who claim that *Минея четья* came to the monastery library in 1582 with the metropolitan of Serbia and Bulgaria Gabriel, has to be discarded, because it can be found in the oldest library catalogue from 1532. The manuscript on parchment contained 24 hagiographies and sermons for the month of March (John Chrysostom, Basil the Great, patriarch Photios, and Eriphanius of Cyprus). *Минея четья* from the Supraśl collection was the prototype for three more, which were found in the libraries of Petersburg, Vilnius and Kiev (Северьянов 1904, I-IV; Морозова 126–127; Щавиская 1998, 58–59; Georgiewa-Okoń i J. Stradomski 2005, 155–159). The Old Bulgarian codex was given to the monastery on the occasion of a ceremony of the Annunciation (to which the cathedral church was dedicated) on 25 March. It is possible that *Минеи четьи* was given to the monastery by the metropolitan of Kiev Joseph during the consecration of the temple when construction began in 1511¹¹. There were four other *Минеи четьи* in Supraśl, including some created after 1530: for the months of December-February from 1518, for the months of March-August, November-June, and September-November from early 16th century Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Manuscript Collection, f. 19, nr-y: 80, 105, 258, 79; Н. А. Морозова 130–133; Турилов 2001, 261).

The Supraśl monastery also had in its possession *Патерик Римский, или Беседы Григория, папы Римского с архидьяконом Петром о жизни италийских отцов*. This medieval manuscript on parchment, from the 14th century, was written in Old Bulgarian in one of the monasteries on Mount Athos, as is suggested by its binding and language. The spelling of the manuscript includes the Athos-Tirnovо spelling reforms from the second half of the 14th century (Library of the Lithuanian Academy, f. 19, nr 3; Турилов 1997, 117; Морозова 127; Щавиская, 1998, 25). Roman Patericon (lives of Holy Fathers, monks) – four books of *Dialogues* of Roman Pope Gregory with archdeacon Peter on the lives of Italian Fathers in Middle Bulgarian translation from the 14th century. The text of the fourth book ends on p. 57 with the words: правило бо нашего монастирѣ таково бѣше, яко да всѣ братѣа вбещнѣ живѣтъ. и да никтоже особѣ что имаУ... The Patericon was written in late 14th

¹¹ Currently the Supraśl *Минея* (Menaion) can be found in three parts in the following libraries: Ljubljana University Library (Cod. Kop. 2. k. 118), the National Library of Russia in St. Petersburg (Q.n.I.72, k. 16) and in the National Library in Warsaw (BOZ 201, k. 151). Cf.: (Kaszlej 1997, 22; Mironowicz 1988, nr 1(9), 1–3; Kierejczuk 141–150).

century in Old Bulgarian in one of the monasteries on Mount Athos. The spelling of the manuscript follows the Athos-Tirnovο spelling reforms from the second half of the 14th century. The manuscript was brought to the Supraśl monastery before 1532, probably by one of the monks from Mount Athos. It remained in its collection until 1877, when it was brought to the Vilnius Public Library. In 1915 it was taken to Moscow. It returned to Vilnius in 1945-46 and is now in the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences (*Katalog rękopisów supraskich* 2014, 102–105). There was another 16th century copy of this manuscript in the Supraśl monastery library¹².

In early 16th century the Supraśl monastery received *Поучения Кирила Ерусалимскаго*. In the first catalogue this manuscript is listed under the title *Книга Кирила Ерусалимскаго* (*Library of the Lithuanian Academy, f. 19, nr 71; Морозова 129*). At the same time, the monastery came into possession of *Книга Ефрема Сирина*, which is composed of two books of St. Ephrem (Library of the Lithuanian Academy of Sciences f. 19, nr-y: 62, 85; Морозова 131). The Parenesis of Ephrem the Syrian (chapter 1–101); p. 221v– 294: *Книга Ефрема Сирина* contains the teachings of Ephrem the Syrian (which are not part of the Parenesis), Athanasius of Alexandria, Basil of Caesarea, Dorotheus and others. The text of the Parenesis includes eight unfinished chapters, the ninth chapter is missing, as is the beginning of the tenth. The manuscript was written in early 16th century in one of the Bulgarian monasteries and it came to the Supraśl monastery along with other Bulgarian and Serbian manuscripts before 1532. It remained in the monastery library until 1877 when it was brought to the Vilnius Public Library. In 1915 it was taken to Moscow or to Yaroslavl. It returned to Vilnius in 1945–46 and is now in the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences (*Katalog rękopisów supraskich* 148–151). As for other liturgical books, two editions of *Патерик скитский* were brought to Supraśl, probably from Volhynia, after 1532 and *Псалтирь* before that year (Library of the Lithuanian Academy, f. 19, nr-y: 87, 88, 49; Морозова 132).

Another 16th century manuscript from Bulgaria was *Pisma Ojców Cerkwi: św. Jana Chryzostoma (Złotoustego)*. Златоустрий contained the teachings of St. John Chrysostom composed by the tsar of Bulgaria Simeon and the words of Macarius of Alexandria on the death of the soul (*Katalog rękopisów supraskich* 2014, 276–279). Also from Bulgaria

¹² (Library of the Lithuanian Academy, f. 19, nr 58.) In the first description this book is listed under the title „Книга Григория Двоеслова”. (Морозова 129).

came the original of *Пролог тишиной, на сентябрь–февраль*. The prologue in verse of the Bulgarian edition for September-February ends with hagiography of Proterius the martyr (28 February): крамолциN же с елици евтихѣва мѡдрѣствующе и слѡчаху с.... On the added (after 1541) p. 478–479 there is a hagiography the martyr Antoni of Supraśl. The manuscript is the first part of the 1496 *Prologue* for the whole year. The prologue contains short hagiographies for each day of the liturgical year with troparions in verse and some instruction. The Supraśl edition of the *Prologue* is a compilation of the Bulgarian and Nowogród prologues in verse and some other editions of prose prologues (without the troparions in verse). The better-known hagiographies were supplemented with the lives of holy Moscow metropolitans Peter and Alexius, ten ascetics („podwiźnik”) from the Kiev Pechersk Lavra, three new instructions, and two miracle descriptions (Katalog rękopisów supraskich 2014, 319–322). In the early 1540s the hagiography of Antoni of Supraśl was added. (Турилов 2000, 680; Темчин 2011, 134; Ο νεομάρτυς Αντόνιος ὁ Καρεώτης 2006, 11–49; Mironowicz 2014).

The manuscript was written in Bielsk off a Bulgarian original at the request of the son of the starosta of Bielsk Sołtan Aleksandrowicz – Sołtan Sołtanowicz in 1496. It was given to the Supraśl monastery in early 16th century. It became the basis for the creation of a prologue for the whole year, along with a part for the months March-August. It remained in the monastery until 1877, when it was brought to the Vilnius Public Library. In 1915 it was taken to Moscow where it remains to this day in the collection of the State Historical Museum.

The monastery library collection included works of medieval Bulgarian literature pertaining to the work of the students of St. Cyril and Methodius. The Supraśl monastery retained close contacts with monastic centers in Serbia and Bulgaria. The tradition of maintaining contacts between Orthodox centers in the Grand Duchy of Lithuania and those in Serbia and Bulgaria go all the way back to 1415, when Gregory Tsamblak became the metropolitan of Kiev (Trajdos 1985, 211–234). Particularly popular among the Supraśl manuscripts were Kliment Ochridski's words of praise, *Поучение Дорофея и з житием Саввы Освещенного и Иоана Златоустого*¹³ and the writings of metropolitan Gregory Tsamblak (*Похвала трем отрокам, Толкование о кубке Соломона і Житие славянского святого*), especially his holiday

¹³ Księga *Дорофей и з житием Иоана Златоустого* była już w monasterze przed 1532 r. (АСД, т. IX, 54; Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk, f. 19, nr 61; Морозова 131).

sermons: *На рождество Иоанна Предтечи, На Успение і Похвальное слово Евфимию Тырновскому* (Добрянский 106–107, 117, 122–123, 224–227). These books were already in the monastery library in the first half of the 16th century (Library of the Lithuanian Academy, f. 19, nr: 61, 62; Морозова 131). The works of Gregory Tsamblak *Похвальное слово митрополиту Киприану* and *Похвальное слово Евфимию Тырновскому* contain Orthodox religious terms, as well as Serbian and Bulgarian words.

**(ФОТО) ДОРОФЕЙ И З ЖИТИЕМ ИОАНА
ЗЛОТУСТОГО LIBRARY OF THE
LITHUANIAN ACADEMY OF SCIENCES,
MANUSCRIPT COLLECTION, F. 19, NR 61.**

The connection to Bulgarian and Serbian centers was confirmed by the inclusion in a 16th century *Codex* of the hagiography of St. Sava the Illuminator, and in a menaion for the month of February (mid-16th c.) of an office of Saint Symeon the Myrrh-streaming (Добрянский 68). Next to the office one of the readers from the Supraśl monastery wrote: „По рассуждении иску с нинейших не празнуется сей Симеон число 13 дня” and further, in another place: „св. Симеона Сербского не празнуется”. These notes suggest that not everyone in the monastery accepted the cult of the Serbian saint. The cult of St. Simeon was very popular in the Grand Duchy of Moscow, but not in the Grand Duchy of Lithuania. This was caused by the attitude of the saint himself, who was known for his anti-Arian activity (Добрянский 286). In the 16th century Arianism was common in the Grand Duchy of Lithuania and therefore it would make sense that a Serbian saint who was known for opposing it would not be promoted. A Menaion for October (mid-16th c.) contains an office of St. Arsenius of Serbia with a characteristic note: „в сей же день святаго Уроша караля ктитора места сего, паче же новые сей церкви”. This note was copied from a Serbian manuscript which probably originated in the Church of the Dormition in Nerodimla in Kosovo Polje or the monastery of the Nativity of the Theotokos in Skopje (Погов 1978, 330–331; Обнорский 1914, 196–205). Both Orthodox centers were founded by the canonized king Stefan Uroš IV. The manuscripts which found their way to the Supraśl monastery lost their South-Slavonic origin and assumed an Old-Russian form. In this version – rewritten and often re-edited – they were disseminated in the Grand Duchy of Lithuania and

the Kingdom of Poland. Polemic works created in the Supraśl monastery are an example of this (*Historica Russiae Monumenta* 1841, 123–127; Mironowicz 1989, 541–542).

A codex from the library of the Kiev monastery of St. Michael contained eight texts originating in Supraśl in the 16th century (Петров 1895, 164–179; Mironowicz 2009, 122–134), most of which confirmed close relations between the Supraśl monastery and Mount Athos:

- 1) *A letter to an unnamed Latin archbishop from 1511*¹⁴
- 2) *A message from the Hungarian king John Zápolya to the monks of Mount Athos from 1534*¹⁵
- 3) *The monks' answer to the message from king John Zápolya of Hungary from 1534*¹⁶

¹⁴ In the register this book is listed as „Книжка на латину”, *АСД*, т. IX, 54. The *Letter* consists of two parts: 1) the first presents sermons by the Church Fathers, excerpts from the Gospels, apostolic commissions and teachings about the Holy Spirit and God the Father; 2) the second is a polemic with the teachings of the Catholic church on papal primacy and shows the Roman church as departing from the decisions of the seven ecumenical councils. It is put in the form of an answer to a letter from a Catholic archbishop. According to N. Petrov the polemic was written by a monk from Supraśl as a response to a letter from an archbishop who wanted to encourage Aleksander Chodkiewicz to support the union (Н. И. Петров, *Супрасльський монастирь...*, 169–170). The ktetor of the monastery had hegumen Kalist review the letter and write an answer. The archbishop in question was the archbishop of Gniezno Jan Łaski (1510–1531), who presented the *Posłanie o błędzeniu narodu ruskiego* at the Lateran council. Cf.: Центральная научная библиотека Академии наук Украины в Киеве (further: ЦНБ АНУ), 475п/1656, л. 1–21; *Historica Russiae Monumenta*, vol. 1, 123–127. The author of the Supraśl polemic masterfully described the Orthodox understanding of the origin of the Holy Spirit and God the Father and pointed out the errors in the teachings of the Latin Church about Apostle Peter as Christ's Vicar and about papal authority. А. Белецкий, *Митрополитъ Юсифъ II Солтанъ и отношеніе его къ Супрасльскому монастирю*, 34; А. Mironowicz, *Związki literackie Kijowa...*, 541–542; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, Białystok 1998, 15; Idem, *Literatura bizantyjska w Kościele prawosławnym na terenie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku*, „Търновска Книжовна Школа”, Търново и идеята за Християнския Универсализъм XII–XV век, т. IX, Велико Търново 2011, 692–704.

¹⁵ It describes events which took place in the Kseropotamou monastery on Mount Athos. During the reign of byzantine emperor Romanos (1028–1034) a mushroom with forty tips would grow every year on the day of the Forty Martyrs (9 March). It was in this church, during the reign of emperor Michael VIII Paleologos (1258–1282), that the church union established at the council of Lyon was announced in 1276. Following this announcement, the mushroom stopped growing and the church was destroyed by an earthquake. It was rebuilt during the reign of emperor Andronicus II (1282–1328). (ЦНБ АНУ, 475 п/1656, л. 21v-26; Петров, 170–171; Mironowicz 541, ref. 25; Idem, *Życie monastyczne na Podlasiu* 15; tenże, *Literatura bizantyjska w Kościele* 2009, 146–147).

¹⁶ It is a polemic with reformatory slogans. The *Answer* was a reaction to the development of Lutheranism in Hungary (1534). John Zápolya (to whom the *Answer* was directed) became king of Hungary (1526–1540) elected by some of the magnates after the death of Louis II (1526). The other candidate was Ferdinand I Habsburg. Both pretenders reached an agreement in 1538. John Zápolya received Transylvania and a part of Hungary, as well as the title of king for life. As the king of Hungary, he wanted to use some of the organizational and ceremonial elements of the

4) *Повесть о разорении Афона латиномудрствующими в 1276 году*, copied in the Supraśl monastery in 1546¹⁷

5) *A discussion between a Christian and a Jew concerning faith and icons*¹⁸

6) *A message to the Roman Catholics* from 1581¹⁹

7) *Сказание на богомерзскую, на поганую латину, которую папежи, хто в них вымыслили в их поганой вере*²⁰.

8) *Новоизложенное поучение во Литвании нарицаемым Логофетом* (Петров 174–175).

Some of the fragments of the first five texts are repeated in the second edition added to the monastery collection in 1578 and copied in 1580. They are a sharp polemic with Protestantism, Judaism, Catholicism, and Islam. *Списание против лютров*, written in Supraśl in 1570, which opposed reformation, was popular in the Great Duchy of Lithuania. Its author was a „священноинок” (a monk ordained as a priest) Eustace²¹. He brought a 13th century *Gospel* written on parchment and kept it in his cell when he was the archdeacon (Mironowicz 146; Щавицкая 1998, 71).

Close contacts between the monks from Supraśl and Mount Athos can also be seen in the aforementioned *Повесть о разорении Афона*.

Orthodox and Lutheran Churches to reform the Catholic Church. For that purpose, he established contacts with the monks of Mount Athos, asking them to indicate the differences between the three churches, as well as opinion on the project of calling a council of the leaders of Eastern and Western Churches in Hungary. The Greek monks listed the departures of the Catholic Church from the decisions of the seven Ecumenical Councils and the dogmatic differences between Christian denominations. This part of their message was frequently used by monks in Supraśl in polemic writings. ЦНБ АНУ, 475 п/1656, л. 26v-96; Mironowicz 541, ref. 26; Idem, *Życie monastyczne na Podlasiu*, p. 15; Idem, *Literatura bizantyjska ...*, p. 147.

¹⁷ *Повесть о разорении Афона латиномудрствующими в 1276 году и о восстановлении Ксиропотамской обители императором Андроником* made its way to Supraśl from Mount Athos. Cf.: Петров 1894, 154–186.

¹⁸ ЦНБ АНУ, 475 п/1656, л. 198–201; Mironowicz 542; Idem 16; Idem, *Literatura bizantyjska ...*, 145.

¹⁹ *Message to the Roman Catholics...* from 1581 was a polemic with the writings of the Jesuit Piotr Skarga, who was preparing the groundwork for church union. It was an answer to Skarga's „*O jedności Cerkwi Bożej...*” published in 1577. The Supraśl *Message* contains a sharp polemic with the dogmas of the Catholic Church. ЦНБ АНУ, 475 п/1656, л. 157–169; Петров 171–173; Idem 349–380; Mironowicz 542; tenże, *Życie monastyczne na Podlasiu*, 16; Idem, *Literatura bizantyjska ...*, 146, ref. 12.

²⁰ *Сказание на богомерзскую, на поганую латину...* written after 1586 was an answer of the Supraśl monks to Piotr Skarga's book. Both texts (*Сказание* and *Послание*) were written in the times of archimandrite Tymoteusz Złoba (1575–1589), a keen defender of the Orthodox Church. ЦНБ АНУ, 475п/1656, л. 205–208; Петров, *Супрасльський монастирь...*, 173–174; Mironowicz 542; Idem 16; Idem 14, ref. 13.

²¹ The text including fragments of the messages of father Artem was re-edited in early 17th century. Cf.: Попов 1879, 1–41; Mironowicz 541–542; Naumow 2005, 108.

„Сия повесть принесена бе из Святое горы Калугери у монастырь Супряслский в лето от создания миру 7054-е [1546] и в то же лето в сию книгу вписана, а когда она содеашеся перед концем выюбрана суть, еже о обители Ксиропотамстеи, иже в святой горе сбытсся от латиномудрствующих (...)” (Библиотека Российской академии наук № 31, л. 41). *Повесть* relates the disastrous (for the Orthodox Church) results of taking control of Mount Athos by the Roman Catholics and the creation of the Latin Empire (1204–1261). The tale was to be a warning to everyone who would want to abandon the Orthodox Church. The text was copied numerous times in the Supraśl monastery and disseminated in other monastic centers (Mironowicz 541, ref. 27; Idem 15; Idem, *Literatura bizantyjska ...*, 147). Other polemic texts were also written based on originals brought from Mount Athos²².

There were also examples of lay Old Bulgarian literature in the Supraśl library. *The Life of Alexander the Great*, published in Cracow in 1500, in Belarusian lands was appended with Bulgarian notes. A Serbian original of the tale Tristan and Iseult was known in Supraśl. The title of the manuscript provides hints as to its origins: *Починается с повести о витезях с книг сербских (Рогов 1978, 190–194)*. In the early 16th century the monastery library obtained *Тайная тайных или Аристотелевы врата*. This manuscript was written in Old Belarusian and contained astrological texts, which were original interpretations of Greek, Jewish and Arabic astrological treatises (Нацыянальная бібліятэка Беларусі ў Мінску № 094/276К; Щавинская 2003, 70). These examples testify not only to the unusual character of the Supraśl library, but also to the significant influence of Bulgarian religious and lay literature in Belarus. Serbian and Bulgarian influences can be found in the subject matter, form and vocabulary of the literary texts.

It is probable that some of the Bulgarian and South Slavonic manuscripts were brought to Supraśl by church officials who visited the monastery. No wonder therefore, that the rich library collection included numerous books of Bulgarian, Greek, Moldavian, Ruthenian, and Serbian origins. Thanks to its contacts with other Orthodox centers, the monastery became a significant theological center, with a rich library of historical, hagiographic, literary, philosophical, and liturgical manuscripts.

²² The *16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского* and the *Сборник* written in Supraśl were probably based on Greek originals. The latter of them consisted of religious texts copied by many authors. Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Manuscript Collection, f. 19, nr: 57, 103.

REFERENCES

- Chrościcka A. 2005. «Klasztor supraski i jego Retkov Sbornik». *Klasztorne ośrodki piśmiennictwa i kultury w krajach słowiańskich. Biblioteka Ekumenii i Dialogu*, t. XXVI, red. J. Georgiewa-Okon i J. Stradomski, Kraków.
- Gębarowicz M., Iwan Fedorow. 1969. *Roczniki Biblioteczne*, R. XIII, 1969, z. 3–4.
- Kaszlej A. 1997. *Dzieje kodeksu supraskiego*. Supraśl.
- Krustev G., A. Boyadjiev. 2012. *On the Dating of Codex Suprasliensis, [in:] Rediscovery. Bulgarian Codex Suprasliensis of 10th century*, ed. A. Miltenova. Sofia 2012.
- Mironowicz A. 1989. “Związki literackie Kijowa z monasterem supraskim w XVI wieku”. *Slavia Orientalis*, t. XXXVIII.
- Mironowicz A. 2011. *Summariusz dokumentów do dóbr supraskich*, opr. A., vol II, Białystok.
- Mironowicz A. 2012. „Ewangelizacja „prostą mową” w XVI wieku”. *Latopisy Akademii Supraskiej*, vol. III, pod red. U. Pawluczuk. Białystok.
- Polski Słownik Biograficzny. 1992-1993. t. XXXIV, Wrocław.
- Takala-Roszczenko M. 2013. *The ‘Latin’ within the ‘Greek’: The Feast of the Holy Eucharist in the Context of Ruthenian Eastern Rite Liturgical Evolution in the 16th-18th Centuries*. Joensuu.
- Trajdos T. M. 1985. “Metropolici Kijowscy Cyprian i Grzegorz Camblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i w pierwszej ćwierci XV w”. *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, t. II. Poznań.
- Бычков И. А. 1897. *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслева ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке*. Санкт-Петербург 1897.
- Викторов А. Е. 1890. *Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России*. Санкт-Петербург.
- Добрянский Ф. Н. 1882. *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских*. Вильна.

- Морозова Н. А. 1997. *К вопросу о датировке „Поучений огласительных” Феодора Студита, „Kalbotyra”, t. XLV, nr 2, Vilnius.*
- Морозова Н. А., Темчин С. Ю. 2005. «Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.)». *Z dziejów monasteru supraskiego*. Supraśl – Białystok.
- Нікалаеў М. 1993. *Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X-XVIII ст.* Мінск.
- Обнорский С. П. 1914. “К литературной истории Хождения Арсения Солунского”. *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*, т. XIX, кн. 3, Москва.
- Рогов А. И. 1978. “Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами”. *Славяне в эпоху феодализма*. Москва.
- Северьянов С. 1904. *Супрасльская рукопись*, т. I, Санкт-Петербург.
- Строев П. М. 2022. *Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви*. Москва.
- Темчин С. Ю. 2006. «О бытовании древнеболгарского Супрасльского сборника в Великом княжестве Литовском в XV-XVI вв.». *Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского. Материалы международной научной конференции*. Москва 2006.
- Темчин С. Ю. 2010. «Сколько книг было в Супрасльском Благовещенском монастыре в 1532 году». *Здабыткі*, вып. 12. Мінск.
- Темчин С. Ю. 2011. «Древнейшие рукописи Супрасльского Благовещенского монастыря (1500–1532 гг.): новые данные». *Современные проблемы археологии: Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН (25–27 мая 2010 г.)*, Беляева И. М. (ред.), Санкт-Петербург.
- Щавиская Л. Л. 1998. *Литературная культура белорусов Подляшья XV-XIX вв., Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря*. Минск.
- Щавиская Л. Л. Лабынцев Ю. А. 2003. *Литература белорусов Польши XV-XIX вв.* Минск.

Archive Materials

Historica Russiae Monumenta, ab A. I. Turgenevio, Petropoli 1841, vol. 1, p. 123–127.

Katalog rękopisów supraskich w zbiorach krajowych i obcych 2014. pod red. A. Mironowicz. Białystok.

Library of the Lithuanian Academy of Sciences, Manuscript Collection, f. 16, nr 134, k. 12–13.

Ljubljana University Library (Cod. Kop. 2. k. 118).

Roman Catholic Diocese Archive in Białystok, nr 245, k. 23v-24v, 26-60v.

The National Library in Warsaw (BOZ 201, k. 151).

Vilnius University Library, Manuscripts Collection, F58-7, B 1993, k. 4v; АСД, т. IX.

АСД, т. IX.

Российский Государственный Исторический Архив в Санкт-Петербурге, ф. 823, оп. 3, № 3317.

Российская государственная библиотека в Москве, Собрание Е. Е. Егорова, ф. 98, №39.

Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге, Основное собрание, № F.I.738;

The National Library of Russia in St. Petersburg (Q.п.I.72, k. 16).

Антони Миронович, Республика Польша

Белостокский университет

Белосток

БАЛКАНСКИЕ РУКОПИСИ В КОЛЛЕКЦИЯХ СУПРАСЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ XVI ВЕКА

Аннотация

О прямых связях Супрасля с византийской и сербской культурой свидетельствуют монументальные фрески Благовещенской церкви. Они были написаны группой художников под руководством Некториуса Серба (Серб Нехтариуш). Эти фрески были свидетельством догматического православия. Этой цели служила иконографическая символика Благовещенской церкви. В 16 веке монастырь Супрасль стал крупным церковным центром всех славянских народов. Монастырь, будучи крупным центром православной богословской мысли, все же оставался открытым для новых течений философской мысли.

Ключевые слова: *Супрасльский монастырь, византийская культура, сербская культура, православие, славянская культура.*

**Профессор д-р Елена Александровна Миронова,
Российская Федерация**

*Кафедра лингвистики и межкультурной
коммуникации факультета лингвистики и
журналистики РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону
Ростов-на-Дону*

САКРАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ВОКРУГ ГОРЫ ТРЕСКОВАЦ (РУМЫНИЯ-СЕРБИЯ) В АСПЕКТЕ ЕДИНОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КУЛЬТА ПЛОДОРОДИЯ

Аннотация

В данном исследовании представлены новые факты, которые подтверждают культовое значение горы Тресковац не только для мезолитического населения Лепенского Вира, но и для древних поселенцев Власаца (Больетин), и для обитателей пещер в Румынии; раскрывают суть и значение каменных артефактов, а именно - антропоморфных скульптур в жилищах мезолитического поселения Лепенский Вир. Показана связь горы Тресковац и сакрального пространства вокруг неё с палеолитическим культом плодородия, основные маркеры которого - антропоморфные мобильные скульптуры - выявлены на огромных территориях Виллендорф-Костёнковской культурной общности. Этот древний религиозный культ возник в верхнем палеолите, продолжал исповедоваться в дальнейшие эпохи и проявлялся в маркерах по всей Евразии - канонические сердцевидные антропоморфные лики (иконический образ Великой Богини - божества гор и пещер, камней, воды, плодородия,

жизни и смерти), антропоморфные лики на скалах и культовых камнях, развитая система символов (включавшая знаки: «сетка», «ромб», знаки M, W, V, A и др.), комплексно проявляющаяся впоследствии в главных неолитических культурах Евразии - на керамике и в малых скульптурных формах.

Ключевые слова: *сакральные пространства, Тресковац, Великая Богиня, культ плодородия, антропоморфные скульптуры, Лепенский Вир, Власац, археоастрономия, календарь.*

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на постоянную информационную научную блокаду исследований древности славян, несмотря на прямое уничтожение древних памятников и сокрытие данных об оставшихся, те места, в которых жили наши предки десятки тысяч лет назад, продолжают удивлять возможностью извлекать ценные научные сведения с помощью новых методов, современных технических возможностей и обмена исследованиями между славянскими учёными на международных научных площадках.

Исследование одной из важнейших территорий, предоставляющей бесценную информацию о мезолитическом населении Европы - поймы реки Дунай в регионе Железные Ворота - осуществляется сербскими учёными (Borich et. al 2014; Pavlovic 2017 и др.), румынскими исследователями (Nicolăescu-Plopșor, 1926, 1928; M. Cârciumară, 1987, 1988; M. Cârciumară, R. Cârciumară, 1999-2000; Nitu 2022 и др.) в содружестве с международными экспедициями.

Гора Тресковац, находящаяся на территории Румынии, но являющаяся знаковой для древних коллективов, живших по берегам Дуная на территории современной Сербии, представляет собой именно такой источник информации о религиозных воззрениях обществ, населявших берега Дуная в мезолите-неолите, который в настоящее время нуждается в глубоком осмыслении. В научной литературе широко поддержан подход к исследованию процесса сакрализации гор и камней (Бгажноков 2016; Демаков, Фоменко 1999; Дмитриев 1998; Макаров, Чернецов 1988; Марковин 1978; Платов 2009; Brennan 1983; Heizer, Baumhoff 1962 и др.),

к изучению их важности для древних обществ и ключевой роли в едином религиозном культе плодородия, благодаря основополагающим факторам - предоставлению убежищ для спасения людей от катаклизмов (пещеры, ниши, гроты), рефугиумов на больших высотах над возможными участками затопления, наличие источников воды, пищевой базы (гнездования птиц, горные и пещерные животные) и т.д. Горы представляли собой ключевой фактор выживаемости наших предков и поэтому наделялись божественными свойствами, что было отражено в повторении их облика в малых скульптурных формах из камня и кости, а в дальнейшем - на керамике (Миронова, Попов 2013; Миронова 2018; Миронова 2019). Отсюда следовало формирование культа почитания таких выдающихся объектов, их сакрализация и протянувшиеся на века и тысячелетия религиозные практики с помощью обрядов, культовых предметов и организации самих поселений, создаваемых рядом с такими объектами и не раскрытыми пока всех своих загадок.

На протяжении исследования культа плодородия, выявлены его маркеры: канонические изображения Великой Богини (сердцевидный антропоморфный лик), развитая система символов: чашевидные углубления на культовых камнях и мегалитах, комплекс геометрических знаков, в котором ромб является ключевым для понимания сути культа плодородия.

Одним из важных культовых объектов, организующих сакральные пространства вокруг себя, является гора Тресковац и поселения каменного века: Лепенский Вир, находящийся напротив этой горы и Власац, находящийся в прямой видимости этой горы.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ГОРЕ ТРЕСКОВАЦ

Гора Тресковац (румынский язык: *Vârful Trescovăț*; сербский язык: Трескавац) находится на территории Румынии на берегу р. Дунай. Высота горы - 755 м (Рис. 1). Эта гора является вулканической по происхождению и на подходе к ней есть следы вулканической лавы – застывшие глыбы, образующие перешеек. На склоне г. Тресковац, по дороге к вершине, есть источник воды (Вулканическая вершина Тресковац и панорамы на ущелья Дуная

(Mihalache. «Trescovăț volcanic peak and panoramas over the Danube gorges». *Outdooractive*. 16. 6. 2022).

В данной части Карпатских гор, недалеко от Железных Ворот, находится гора Казанеле Мари. В основании известняковой скалы Казанеле Мары находятся две пещеры: пещера Гуру Пониковей и Ветерани. Дальше простирается горный массив Чукарулуй Маре. Таким образом, сама гора Тресковац и территория вокруг неё была привлекательным местом для жизни древних коллективов, поскольку обеспечивала их жизненно необходимыми ресурсами - водой и кровом.

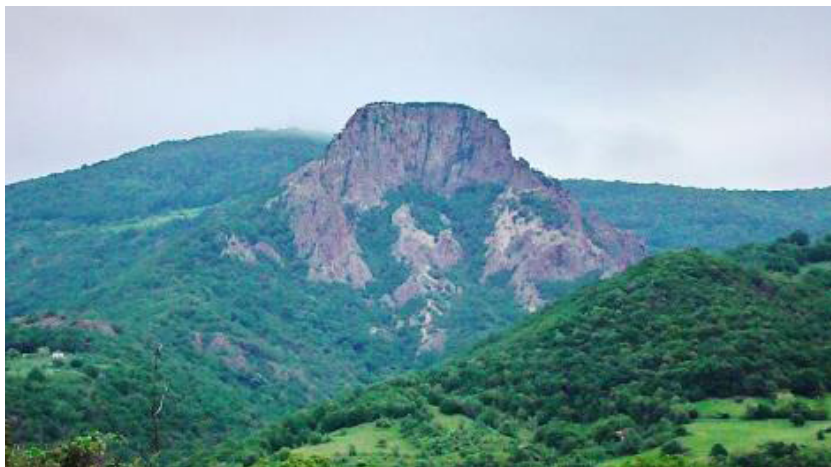

Рис.1 Гора Тресковац (Vârful Trescovăț), Румыния.¹

Такой выдающийся геофизический объект, как белая гора, доминирующая над своим окружением, не могла не стать сакральной, что подтверждается наличием перед ней, на противоположном берегу Дуная, мезолитической стоянки с большим количеством известняковых скульптур антропо-зооморфного вида, располагавшихся вокруг «очагов» / «жертвенников» в каждом жилище. Вниз по течению Дуная, на его правой стороне, ввиду горы Тресковац, находится ещё одно древнее поселение - Власац (Больетин), которое также можно назвать одним из сакральных центров, поскольку на месте раскопок 2006-2009 гг. были найдены захоронения с символическими приношениями. Эти раскопки привели к переоценке предыдущих выводов о процессах формирования стоянки, стратиграфии, хронологии и характере заселения региона Дунайских ущелий. В сохранившейся части стоянки были обнаружены

¹ https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%9B%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D0%92%D0%B8%D1%80_11.jpg

в основном следы эпохи позднего мезолита, но впервые в ограниченной зоне раскопанного участка вертикальная стратификация погребений и признаков занятий свидетельствовала об использовании стоянки в период, который совпадает с фазой I–II в Лепенском Вире, переходной фазой мезолита-неолита в этом регионе, около 6200-5900 гг. до н.э. (Borich et. al 2014, 4).

ПОНЯТИЕ «САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сакральные пространства в научной литературе изучаются в комплексе сакрализованных объектов и территорий вокруг них. Понятие сакрального (священного) пространства, по определению М. Элиаде, включает идею постоянного действия священных сил, которые когда-то впервые освятили и преобразили данное пространство, придав ему особый смысл, и таким образом отделили его от окружающего профанного пространства (Элиаде 1957).

М. Элиаде пишет об идее «*центра мира*», которая чаще всего реализуется в нескольких представлениях: в центре мира находится «священная Гора», именно там встречаются Небо и Земля; всякий храм или дворец, «священный город» уподобляются священной горе. Символика «центра» охватывает разнообразные представления: точка встречи, пересечения трех уровней Космоса (связь между Адом и Землей), пространство «творения» в высшем смысле этого слова. Священная гора присутствует в любой мифологии, у любого народа, а человек становится осведомлённым о священном, поскольку это священное проявляет себя как нечто совершенно иное по сравнению с профанным (Eliade 1958, 7).

Концепция изучения сакральных пространств - иеротопия, как и сам термин, были предложены А.М. Лидовым в 2002 г. (Лидов 2006). Иеротопия - это создание конкретных сакральных пространств, рассматриваемое как особый вид творческой деятельности, а также специальная область историко-культурных исследований, в которой выявляются и анализируются примеры данного творчества. В отличие от общего изучения сакрального в рамках научной концепции П.А. Флоренского, А.М. Лидов определяет иеротопию как исторически конкретную деятельность людей по созданию среды общения с высшим миром.

Сакрализация гор и камней происходила в результате наблюдения за их формами. По мнению Б.Х. Бгажнокова, древний человек верил, что в камнях и скалах живет «какое-то таинственное живое существо», что в них заключена особая, животворящая сила. Поводом для аниматизации скал и камней могли служить черты внешнего сходства, например, с животными. Отсюда такие названия как «Камень Волк» (в окрестностях г. Сочи, РФ), Скала-Медведь (близ села Карагуй в Болгарии), «Конь–Камень» близ села Козье в верхнем течении р. Дон (Бгажноков 2016, 17).

Гора Тресковац, находящаяся на противоположном от Лепенского Вира берегу р. Дунай выступала несомненным сакральным пространством для жителей этого мезолитического поселения, создавших многочисленные женские скульптуры из песчаника. Историческая глубина поклонения женскому божеству уходит корнями в палеолит, и зримым свидетельством этого поклонения выступают «палеолитические Венеры» Виллендорф-Костёнковской культурной общности.

ИЗУЧЕНИЕ САКРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ГОРЫ ТРЕСКОВАЦ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ЛЕПЕНСКОГО ВИРА С ПОМОЩЬЮ АРХЕОАСТРОНОМИИ

Феномен двойного восхода солнца над горой Тресковац 21 июня рядом с Музеем Лепенский Вир открыли: археоастроном Александра Баич и археоастроном Христовое Павлович (Сербия) в 2014 г.

Это чудо происходит потому, что гора Тресковац имеет выступ в западной части, проём, в который солнце попадает в начале своего восхода именно в этот день солнцестояния. Жители Лепенского Вира наблюдали это явление 8 т.л.н. с другой точки - с места своего поселения, а не с места, на котором его видят сейчас - рядом с Музеем «Лепенский Вир», поскольку земная ось сместилась за это время на 0,8 градуса.

Так как это явление повторялось каждый год, создание принципов счёта времени и календаря было закономерным шагом для организации жизни и быта поселенцев: подготовка запасов провизии на зиму, тёплой одежды и дров. Гора Тресковац, над которой таким чудесным образом всходило солнце всего лишь раз в году, была сакрализована, стала священной, а её образ стал воплощаться на малых скульптурных формах. А. Баич считает: «Наблюдение цикличности времени, вероятно, послужило поводом для создания

первой в мире религии веры Воскресения, в которой Тресковац является прародителем всех последующих «Святых Гор». Жители Лепенского Вира дважды видели восход солнца за горой Тресковац, и этот знаковый день помогал им измерять течение времени. В их восприятии тьма и смерть не были окончательными, поэтому умерших предков хоронили под полом дома, так как ожидалось их возрождение (Beljan, 2019).²

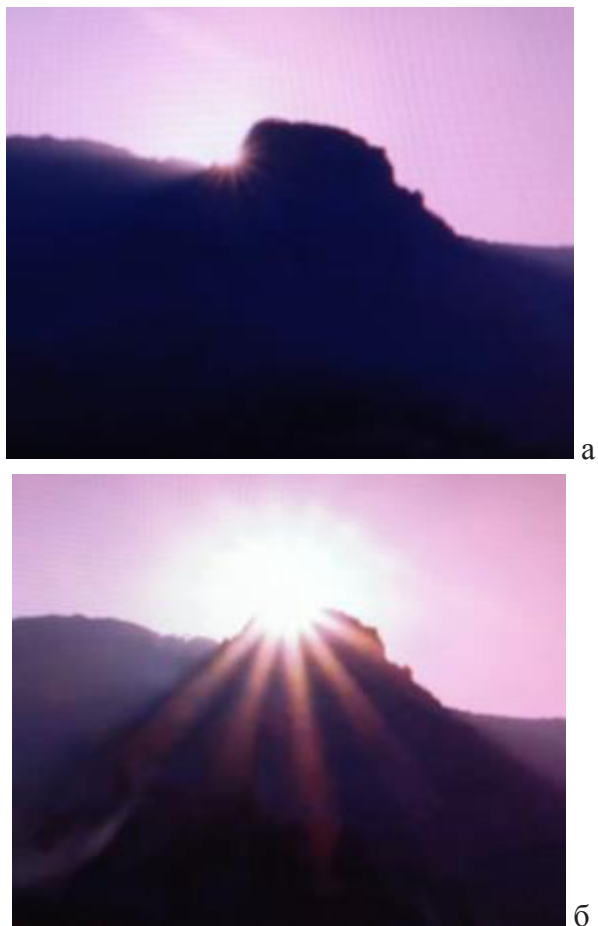

Рис. 2 Двойной восход солнца над горой Тресковац 21-го июня (д/ф «Treskavac: dvostruki izlazak sunca»³

² „Iznad Lepenskog vira desiće se čudo: Svake godine 21. juna sunce se 2 puta rađa“. Telegraf.rs. 20.6.2019. Iznad Lepenskog vira desiće se čudo: Svake godine 21. juna sunce se 2 puta rađa - Telegraf.rs

³ Iznad Lepenskog vira desiće se čudo: Svake godine 21. juna sunce se 2 puta rađa - Telegraf.rs

Примечателен один оптический феномен: восходящее второй раз над горой Тресковац 21 июня солнце отбрасывает пять лучей на её поверхность. В христианской традиции число пять имеет большое значение - это единение земной церкви и Бога, так как в большинстве храмов - пять куполов, алтарь имеет пять рядов. В христианстве цифра 5 символизирует божественную благодать, обозначая пять ран Христа.

В исламе пятерка имеет особое значение, указывая на пять столпов веры и пять времен молитвы в день. В китайской традиции цифра 5 ассоциируется с пятью элементами мира: водой, огнем, деревом, металлом и землей. Это число выражает результат священного союза Неба (1) и Матери-Земли (4) ($1+4=5$), а именно Человека. Сам человек - это воплощение числа 5: если расставит руки и ноги в стороны - получится пятиконечная звезда, по 5 пальцев на каждой руке и ноге.

Однако истоки сакрализации числа пять не были до настоящего времени глубоко исследованы. Исходя из того, что всё, что связано с горой Тресковац, имеет особый смысл и значение, такое выдающееся событие, как двойной восход солнца в день летнего солнцестояния также несёт особую символику. Мы предлагаем здесь своё объяснение связи числа пять с женским божеством – с Великой Богиней, и с культом плодородия в целом – это второе появление солнца над священной горой Тресковац, которое отбрасывает ровно пять лучей на поверхность этой горы 21-го июня.

СВЯЗЬ ФОРМЫ ГОРЫ ТРЕСКОВАЦ С АНТРОПОМОРФНЫМИ СКУЛЬПТУРАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР БАЛКАН И КУЛЬТОВЫМИ СКУЛЬПТУРАМИ ЛЕНПЕНСКОГО ВИРА

В результате изучения петроглифов, рисунков на скалах и в пещерах Фенноскандии, Урала, Алтая, Дальнего Востока, нам удалось выявить значимый символ, который повторяется на древних изображениях по всей Евразии многократно – это сердцевидный антропоморфный лик (Миронова, Попов 2013; Миронова 2019; Миронова 2020). Связь сердцевидного антропоморфного рисунка с антропоморфным изображением на выступе стены в пещере была выявлена нами в процессе изучения фриза пещеры Альтамира (Миронова 2018a).

Ещё одно наблюдение, связанное с антропоморфными изображениями, было сделано нами в 2023г. в Караларском заповеднике в Крыму, в котором на отдельно стоящих валунах из песчаника были обнаружены антропоморфные лики. Гора как источник воды и главный объект поклонения древних, воспринимался не только как божество плодородия, но и как божество, несущее смерть. Соединение двух противоположных функций священной горы произошло, возможно, потому, что объект почитания - именно белая гора, состоит из осадочных пород (известняка, мергеля, туфа, травертина, мраморовидных известняков, доломитовых и других осадочных пород) и предоставляет чистую питьевую воду, очищенную известняковыми отложениями. Сакрализация горы приводила к созданию из её «тела» - пород, составляющих гору, многочисленных изображений женщин в верхнем палеолите (например, обнаруженных в Костёнках), выполненных из мергеля и известняка. В осадочных породах таких гор древние люди находили остатки окаменелых раковин, моллюсков, морских ежей и других ископаемых представителей фауны древнейших геологических периодов. В представлениях древних людей такие горы были не только источниками воды - жизненно важного ресурса (в карстовых образованиях - гротах, пещерах, сенотах, карстовых колодцах - находятся источники воды), но и объектами, способными умертвлять живые организмы, некоторые из которых (моллюски, морские ежи) дожили до эпохи голоцена и являлись важным пищевым ресурсом, который видели воочию и использовали люди. Следовательно, гора, сложенная такими породами, в представлениях древних, имела божественную силу – созидания и уничтожения (Миронова 2023).

Гора Тресковац – это белая гора, хотя и имеет вулканическое происхождение. Очевидно, именно её цвет был важен не только поселенцам Лепенского Вира, но и жителям Власаца, находящегося в трёх километрах ниже по течению Дуная, на том же берегу (9 тыс. л. до н.э.), недалеко от современного Болыетина. На противоположном, румынском берегу Дуная находится ещё одно мезолитическое поселение - Чуина-Туркулой (12 - 11 тыс. л. до н.э.).

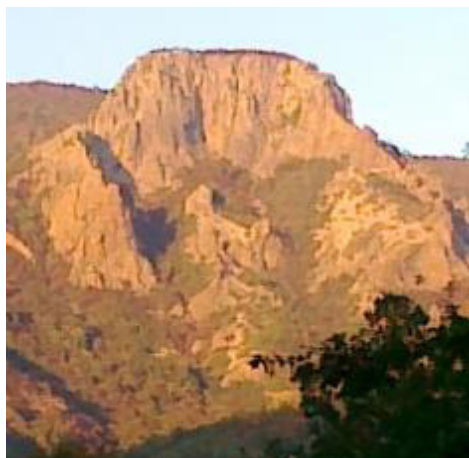
Нами впервые было отмечено сходство белой горы Тресковац с женскими скульптурами, обнаруженными на Балканах (Миронова 2015). Такие скульптуры имеют трапециевидную голову, которой не может быть у обычной женщины. Статуэтки подобного вида имеют широкий ареал распространения и долговременное

бытование. Так, одна из самых древних, найденная в поселении Винча, датируется неолитическим временем, а Кличевачкий идол - 1 500 - 1000 до н.э. (Рис. 3-4):

Рис. 3 Слева – гора Тресковац (Фото Е.А. Мироновой); далее: фигурка из Винчи (Винча – Бело-Брдо), 8000-4000 до н.э. Белградский музей; Големата Майка (Великая Мать) (Тумба-Мадзари, Македония) 6000 – 4300 до н.э.; изображение Великой Богини (Сербия, Виминациум, 2000 до н.э.); Кличевачский идол, Сербия (Kličevački idol) 1500 -1000 до н.э.

Когда гора Тресковац освещается заходящим солнцем, она приобретает терракотовый цвет. И эта её особенность тоже не осталась незамеченной. Таким же цветом окрашена глиняная скульптура с антропоморфными чертами/маской из Бело Брдо (Рис. 4).

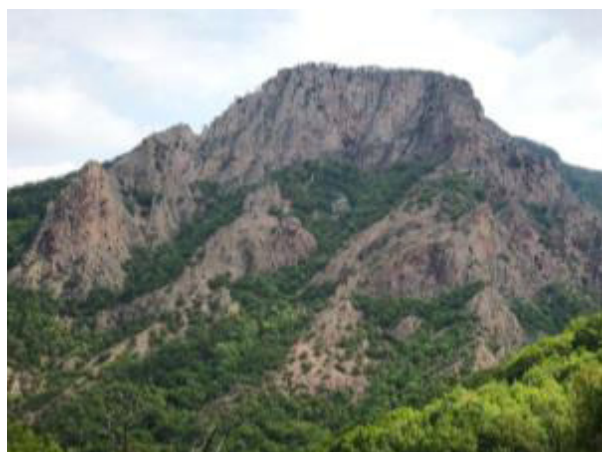
а)

б)

Рис. 4 а) Гора Тресковац, Лепенский Вир, Сербия (Фото Е.А. Мироновой); б) зооантропоморфное изображение из глины, неолит, Бело Брдо (Национальный Музей Сербии, г. Белград)⁴

⁴ <http://www.narodnimuzej.rs/pristorija/zbirka-za-mladji-neolit-i-eneolit/>

a

б

в

Рис. 5 а) Вид Горы Тресковац с восточной стороны; б) центральная часть горы Тресковац со скальным выступом; в) увеличенное изображение скального выступа⁵ (г) антропоморфная скульптура из Лепенского Вира; д) антропоморфная скульптура из Лепенского Вира («Прародителка»)⁶

На горе Тресковац также недавно замечено нами природное образование – скальный выступ антропоморфного вида, но гораздо меньшего размера по сравнению с горой. Этот выступ находится на склоне горы Тресковац, как будто в лапах горы – между двумя её грядями, плавно опускающимися к подножию (Рис. 5).

Этот выступ имеет форму, близкую к форме скульптур из песчаника, найденных при раскопках Лепенского Вира – скульптур «Адам» и «Прародителка» (Рис. 5 г-д).

Широко известно, что дома Лепенского Вира имели в центре конструкции уникального вида – вытянутые углубления, окружённые плоскими камнями и скульптурами из песчаника. Этот комплекс - «очаг»/ «жертвенник», который в некоторых случаях имел продолжавшиеся ответвления в виде двух дорожек, выложенных плоскими камнями, имел особый смысл, не расшифрованный до настоящего времени (Pavlovic 2017).

Предлагаем своё объяснение такому строению «очага» / «жертвенника» и всему комплексу вокруг него. В ракурсе горы Тресковац, которым она обращена в сторону настоящего поселения Лепенский

⁵ Wikiloc | varful Trescovat 755m Trail;

⁶ https://vk.com/wall-53111257_27056

Вир (затопленного ныне), скальный выступ в виде антропоморфного образования как бы «выходит» из овального, продолговатого, каменного формирования с высокими стенками, с углублением, в котором растёт кустарник. На фотографии, сделанной с бокового ракурса, весь этот захватывающий момент символического «рождения» горой своего подобия, виден достаточно отчётливо (Рис. 6):

Рис. 6 а) Гора Тресковац, вид со стороны Лепенского Вира; б) увеличенное изображение центральной части горы с ладьевидным скальным образованием и выступом с антропоморфным обликом.

Этот удивительный природный объект не мог остаться незамеченным людьми мезолита, чьим главным пристанищем были горы. Наглядно выраженное самой природой сакральное действо - гора, «рождающая» своё подобие, не могло не отразиться и на их повседневной жизни – в целях обустройства места для родов соответствующим образом. Именно поэтому и жилища Лепенского Вира (трапещевидные в плане), и продолговатые «очаги» / «жертвенники» со скульптурами по краям, предназначались для принятия родов, освящённые присутствием и покровительством божества - горы - и её символическими изображениями в непосредственной близости от роженицы – антропоморфными скульптурами из песчаника.

Антропоморфные изображения, созданные человеком на поверхностях пещер, впоследствии – на керамических изделиях, были связаны с горами и с представлениями древних коллективов о функции горы рожать новую жизнь, что подтверждается другими археологическими находками.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ГОРАМИ, ПЕЩЕРАМИ И КАМНЯМИ (КУЛЬТ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ)

Как уже было отмечено выше, главная функция горы была в том, что она защищала древние коллективы от катаклизмов и предоставляла кров, воду и пищу - животных и птиц, которые входили в рацион питания мезолитических охотников-собирателей. То есть - гора рождала всё живое. Это функция отражена в комплексе изображений на панно в Рок-о-Сорсье (Roc-aux-Sorciers - «Скала колдунов»), Франция, на правом берегу р. Англен. Панно с фигурами животных находится на участке скалы, обращённом на юг, которое датируется 14 000 -12 000 т.л.н. (Рис. 7):

Рис. 7 Рок-о-Сорсье, Зона 3, Панно 5: антропоморфное изображение; прорисовка центральной части фриза с женскими фигурами; фото центральной части фриза с женскими фигурами (Les Roc-aux-Sorciers: art et parure de Magdelénien <http://www.catalogue-roc-aux-sorciers.fr>).

На поверхности скалы находится участок с выбитыми барельефами животных (бизоны, лошади, козы), а также композиция из трёх женских торсов, над которыми находится сердцевидный лик – антропоморфное изображение. Его высота – 17 см, ширина – 12 см. Скала сложена из оолитового известняка юрского периода и на этом участке подверглась эрозии. Поэтому черты лица и причёска сглажены, хотя можно установить, что на данном сердцевидном изображении очерчены миндалевидные глаза и треугольный острый подбородок. Фигуры трёх женщин, известных в научной литературе как «три грации», выбиты на скале не полностью, но в натуральную величину. Проработка детородных органов и лона как вместилища для новой жизни говорит об особой важности женщины в эпоху мадлен (*Les Roc-aux-Sorciers: art et parure de Magdelénien*).⁷

У данного фриза с тремя женскими торсами, изображёнными с акцентом на способность к деторождению, есть выраженная символическая функция: поскольку они не имеют верхних частей туловищ и голов, они имеют собирательный образ. Этот собирательный образ подчёркивается одним единственным сердцевидным ликом над ними. Исходя из многочисленных сердцевидных образов, запечатлённых на камнях и скалах по всей Евразии, а также из расположенных под этим символическим комплексом в Рок-о-Сорсье барельефов животных, можно сделать вывод о том, что гора, представленная как сердцевидный антропоморфный образ, и все три её воплощения в виде женщин с неидентифицируемыми чертами, являются символической репрезентацией божественного процесса регенерации всего живого, фертильной функции у людей и животных, покровительства горы в этом процессе. Мы можем только предполагать ход мыслей и формирование верований у древних обитателей скальных убежищ и пещер в этой местности. Но то, о чём говорят изображения на фризе Рок-о-Сорсье, поддаётся расшифровке, поскольку наглядно показывает связь высшего существа – божества горы (сердцевидный лик на «теле» скале), покровительствующего земным женщинам в их собирательном, недосказанном образе, а также животным, некоторые из которых изображены с очень большими животами (то есть - в период беременности).

Распространённость сердцевидного лика (на валунах, петроглифах) по всей Евразии (Рис. 8-9) поражает и заставляет задуматься

⁷ <http://www.catalogue-roc-aux-sorciers.fr>

о причинах именно такой формы. На этот вопрос пока нет ответа, как нет и ответа на вопрос об изначальном месте и времени её образования.

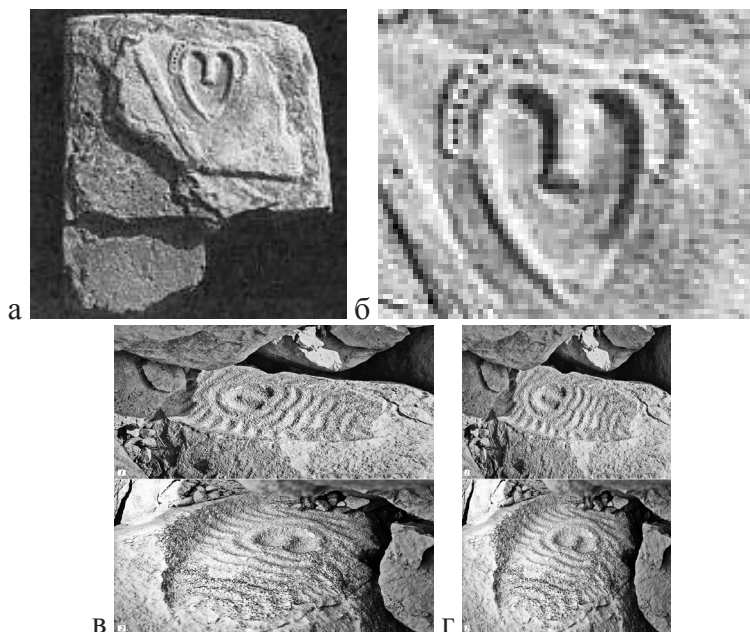
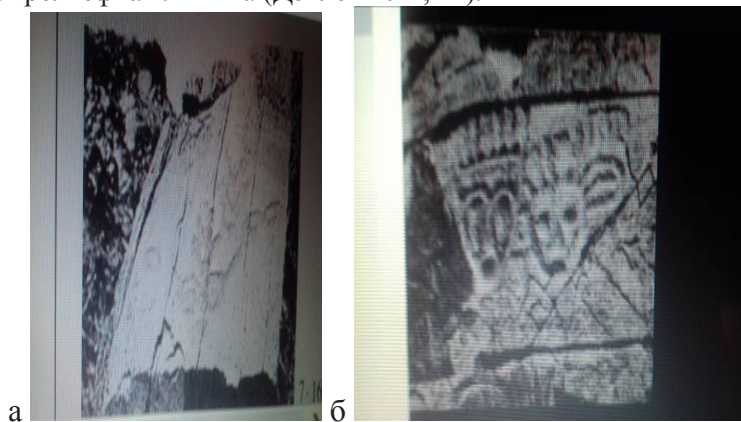

Рис. 8 а)-б) Каменная стела с высеченным на ней изображением человеческого лица, форма которого напоминает сердце, Троя (Блеген 2012)⁸; в)-г) Сикачи-Алян (р. Амур, РФ), пункт II. Антропоморфная рельефная личина (Дэвлет 2014, 24).

⁸ <http://lib3.podelise.ru/docs/137/index-31085.html?page=2>

в

Рис. 9 а-б) Петроглифы из долины Джераобао, Ыиншан (Ge'eraobao Valley), Китай (Sung 2015, 287); в) скульптура из Лепенского Вира с сердцевиной антропоморфной личиной.

Речь идёт об очень устойчивом феномене - символе, распространённом во времени и пространстве, имеющем в восприятии создающих и почитающих его людей сверхъестественную силу.

СИМВОЛИЗМ КУЛЬТА ГОР И КАМЕЙ В РУМЫНИИ

Исследования пещерного искусства на территории Румынии начались сравнительно недавно (Nitu 2022). Среди первых исследований наскальных рисунков антропоморфные образы являются наиболее многочисленными. Они достаточно схематичны и абстрактны (M. Cârciumaru, 1987, 1988; M. Cârciumaru, R. Cârciumaru, 1999-2000). Все они выполнены тёмным пигментом, вероятнее всего – древесным углём.

Одни из первых обнаруженных пещер с изображениями – Парчалабу (Pârcălabu) и Пештера Муиерилор (Peștera Muierilor) – Пещера Женщин в Байя де Фиер (Baia de Fier, Gorj County). Важность находок в пещере Пештера Муиерилор состоит в том, что они датируются эпохой мустье и верхним палеолитом, а также обнаружением человеческих останков, принадлежащих *Homo sapiens*. Кроме того, целая серия изображений на стенах пещеры представляет антропоморфные образы (Рис. 10) (Nitu 2022, 137).

В 1977 г. в пещере Гаура Чиндеи (Gaura Chindiei) в коммуне Пескари (Caraș-Severin County) у Железных ворот на Дунае были

найлены впечатляющие рисунки, сделанные красным пигментом, опубликованные румынским археологом V. Boroneanț, которые изображают большое количество разных объектов. Среди этих изображений выделяются прекрасно выполненные стилизованные изображения птиц, растений, солярные символы, кресты, отпечатки рук, а также интересные антропоморфные изображения (Boroneanț, Ciuceanu, 1977, цит. по: Nitu 2022, 137–138).

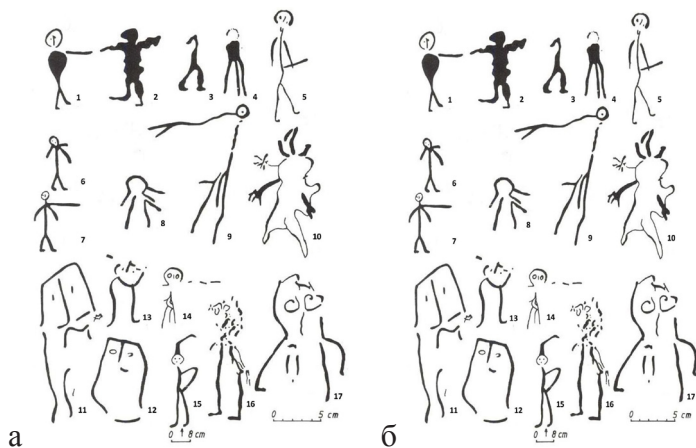

Рис. 10 Rock paintings in Gorj County, in the caves Pârcaľabu (1–10) and Muierilor (11–17) (Nicolăescu-Plopșor 1928, 1931).

Среди этих изображений в пещерах Парчалабу и Пештера Муиерилор («Пещера женщин») исследователи идентифицировали: фигуры людей в движении, воинов, итифаллические изображения (Nicolăescu-Plopșor, 1926 b, 1928, 1931). Некоторые из изображений могли ассоциироваться с культом солнца или со злобными духами (Nitu 2022). Изображения под номерами 11–12 (Рис. 10) объяснены пока не были. Они имеют антропоморфный вид, но их головы являются подпрямоугольными/трапециевидными. Так как эти пещеры находятся в регионе горы Трескавац, имеющей такую форму, можно предположить, что именно эта священная гора была отображена в данных рисунках, так как она видна на обширных прилегающих к ней территориях Румынии.

В 2019 г. в Румынии, на раскопках памятника Пьятра-Нямц-1 (Восточные Карпаты) впервые была обнаружена «Палеолитическая Венера» – антропоморфная каменная фигурка высотой около 10 сантиметров (Рис. 11):

Рис. 11 Палеолитическая Венера, найденная на памятнике Пятра-Нямц-1⁹

Румынская «палеолитическая Венера» датируется 20 т.л.н. и имеет все признаки артефакта, относящегося к культуре плодородия - пышные формы и открытый детородный орган. Голова и лицо закрыты подобием шапки конической формы. Но, следуя в русле гипотезы о воплощении облика горы в малых скульптурных формах, мы можем предположить, что гора именно такого облика послужила прообразом для данной скульптуры, созданной в местности Пятра-Нямц-1.

Точно так же, возможно, имеет свой прообраз в виде горы другая «палеолитическая Венера», обнаруженная в Ренанкурте (Амьен, Франция) в июле 2019 г. И в производстве этой антропоморфной скульптуры были соблюдены все канонические нормы - созданы пышные формы и особенно выделен женский знак «V» (Рис. 12). Общность обеих статуэток в том, что они выполнены из белой камня, а также то, что и у фигурки из Ренанкурта голова представляет собой не голову реальной женщины – это трапециевидный (во фронтальной проекции) округлый вырост, украшенный сетчатым орнаментом. В данном регионе, возможно, находится гора с такими очертаниями и такого же белого цвета. Не исключена миграция племени-носителя культа Великой Богини, проживавшего рядом с горой Тресковац или с территории Балкан, на территорию

⁹ <https://nplus1.ru/news/2022/12/02/venus-figurine>

нынешней Франции, переносящего при этом с собой все атрибуты поклонения женскому божеству.

Рис. 12 Палеолитическая Венера, обнаруженная в Ренанкурте (Амьен, Франция) в 2019 г. Музей Пикарди, Амьен (Франция)¹⁰

При сравнении двух антропоморфных скульптур отчётливо видна разница в оформлении головы – на скульптуре из Амьена (Франция) она вытянутая и подпрямоугольная (трапециевидная), на скульптуре из Пьятра-Нямц I (Румыния) голова имеет вид конуса. Обе не являют признаков человеческого лица, но оформлены либо сеткой квадратов (Амьен), либо складками (Пьятра-Нямц I). Следовательно - это не женщина, это некий объект, имеющий силу воспроизводить жизнь. По аналогии со скульптурами, имеющими сходство с горой Тресковац, в местностях, в которых обнаружили данные артефакты, необходимо искать такую гору, чьи геофизические особенности были воплощены древними мастерами на этих культовых портативных скульптурах.

Похожий артефакт (антропоморфная скульптура с сетчатым орнаментом) был недавно извлечён при раскопках мезолитического поселения Ракушечный Яр, на острове Поречный, р. Дон, РФ (Рис. 13).

¹⁰ <https://fr.euronews.com/2019/12/05/une-nouvelle-venus-du-paleolithique-decouverte-en-france#>

Рис. 13 находка в неолитическом поселении Ракушечный Яр, остров Поречный, р. Дон – антропоморфная портативная скульптура, раскопки А. Цыбрия¹¹

Уникальный археологический памятник - Ракушечный Яр находится на реке Дон, на острове Поречный, напротив станицы Раздорская. Первым в 1956 году обнаружил поселение Ракушечный Яр руководитель школьного археологического кружка, местный краевед Л. Т. Агарков (1923–1992). В 1959 году на этом месте проводил раскопки Северо-Донецкий отряд кафедры археологии Ленинградского государственного университета. С 1961 по 1979 год работы продолжались с перерывами силами Ленинградского университета под руководством Т. Д. Белановской. Студенты университета — археологи и историки проходили там летнюю археологическую практику. С 2008 г. по 2019г. исследования памятника Ракушечный Яр проводятся Нижнедонской экспедицией Эрмитажа совместно с Донским археологическим обществом. Руководитель экспедиции Е. В. Долбунова.

На памятнике Ракушечный Яр обнаружено двадцать три культурных слоя от 7000 до 3000 л. до н.э. Жители периодически покидали это место, что связано с разливами Дона. Наличие большого количества слоёв говорит о популярности и благоприятных условиях для проживания на этом острове в древности. Жители ловили рыбу и занимались собирательством. В 2019 г. на раскопках была обнаружена выдающаяся находка, найденная Александром

¹¹ <https://yandex.ru/video/preview/7354311718761813042>

Подорожным. Это каменная скульптура с нанесённым сетчатым врезным орнаментом (Рис. 13). По словам А.В. Цыбрия, руководителя раскопок, скульптура «напоминает, вероятно, торс антропоморфного изображения». А. В. Цыбрий считает, что в неолите Подонья не стоит искать правдоподобия и реалистичных черт в предметах искусства и культа. Это всегда сложные образы, сложная система знаков, сложная система абстракций и передачи информации (Цыбрий 2019).

На этой каменной антропоморфной скульптуре из Ракушечного Яра отчётливо видны углубления для глаз и рта, а верх «лица/головы» представляет собой трапецию. Сходство с балканскими антропоморфными скульптурами с головами трапециевидной формы, на наш взгляд, очевидно. Данная скульптура покрыта орнаментом – сеткой, который состоит из ромбов, древнего знака плодородия, уходящего корнями в верхний палеолит.

На украшениях из кости мамонта в Костёнках, р. Дон, РФ (Рис. 14), на скульптурах львицы, мамонта из Хогельферда (Австрия), которые принадлежат к Виллендорф-Костёнковской культурной общности, также присутствует сетка из ромбов, а также отдельные составляющие этого орнамента: ромбы и косые кресты. Значение ромба было открыто нами в 2018г. и доказано, что этот знак представляет собой символическое соединение мужского и женского начал для производства новой жизни – соединение мужского знака Λ и женского знака V (Миронова 2018б). Косой ромб образуется с помощью наложения этих двух символов друг на друга: , то есть – символически показан процесс оплодотворения. Если в ромбе находится точка, это символ зарождения новой жизни.

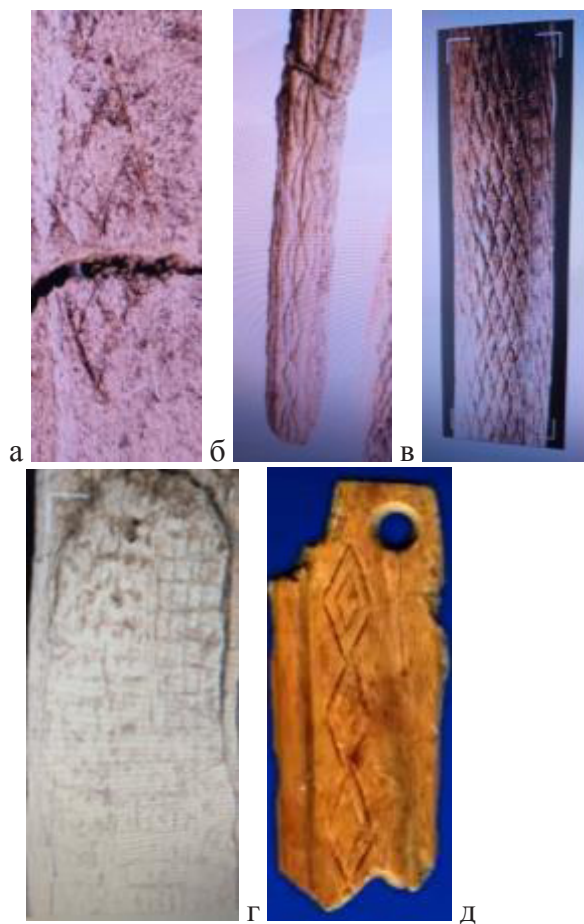

Рис. 14 Артефакты Костёнковско-Авдеевской культурной общности: а) орнамент на молотке из рога оленя; б) наконечник из бивня мамонта с ромбическим орнаментом; в) стержень из бивня мамонта с геометрическим орнаментом из косых ромбов, Юдиново, Брянская обл. (Россия), 15-13 т.л.н; г) мотыга/долото из бивня мамонта с сетчатым орнаментом, Костенки 1 (стоянка Полякова), слой I, 1-й жилой комплекс. Воронежская область, Хохольский район Восточный граветт, костенковско- авдеевская культура, 23–21 тыс. л. н. (Верхний палеолит, 2016); д) подвеска из кости с ромбами, Ракушечный Яр (Цыбрий 2019).

Трапецевидную / подпрямоугольную форму головы на древнейших изображениях можно встретить не только на Балканах. На Онежском озере (РФ), на полуострове Бесов Нос находятся обнажённые горные породы (разноцветные песчаники), возрастом около 300–400 миллионов лет, содержащие окаменевшие останки древних животных и растений, которые плавно спускаются к озеру.¹² Само озеро расположено в тектонической котловине, а его берега сложены кристаллическими породами – гранитами и гнейсами. Бесов нос, знаменитый мыс с петроглифами на восточном берегу Онежского озера, также интересен в геологическом плане, поскольку состоит из каменных плит, которые прорезывают древние расщелины. На одну из таких расщелин был нанесён петроглиф с изображением антропоморфного существа с разведёнными и поднятыми вверх руками в виде буквы W – символического воплощения Великой Богини в позе деторождения (Миронова 2020) (Рис. 15).

а

¹² <https://localway.ru/petrozavodsk/guide/624#>

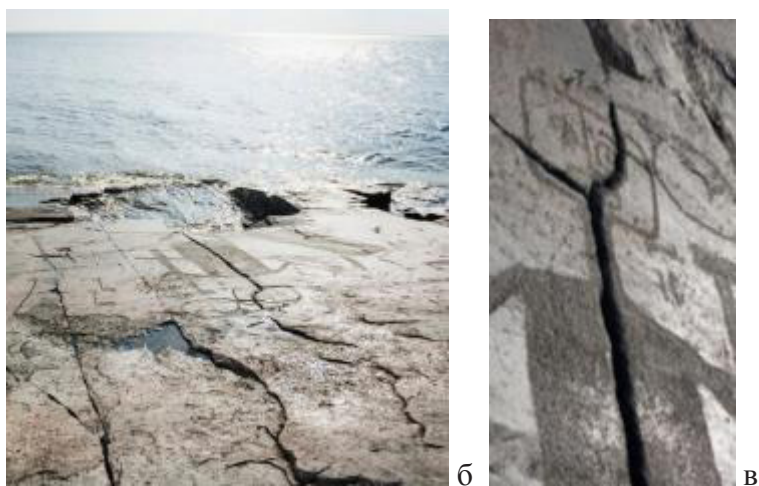

Рис. 15 а) Мыс Бесов Нос, Онежское озеро, Карелия, с изображением так называемого Беса (Дубровский, Грачёв 2011, 63); б) вид петроглифа с подпрямоугольной головой, омываемого водами Онежского озера; в) увеличенное изображение трапециевидной головы на петроглифе (Одиннадцать интересных мест в окрестностях Онежского озера.¹³

Участок каменной плиты с петроглифом уходит в воду и образует подобие ванны (Рис. 15 б). Голова антропоморфа - подпрямоугольная, то есть, не свойственная человеку, это символическое изображение. Мы считаем, что это одна и та же традиция канонического воспроизведения женского божества воды, камней, скал и гор, рождения и смерти (Миронова, 2020).

Примечательно, что сюжет с роженицей находится также и на петроглифе в Залавруге, бассейн р. Онега (Россия) и помещён он в углубление на каменной поверхности, представляющее собой подобие ванны (Рис. 16).

¹³ <https://localway.ru/petrozavodsk/guide/624>

Рис. 16 Залавруга, бассейн р. Онега, РФ, петроглиф: сцена деторождения (роженица раскинула руки, между ног видна пуповина, тянущаяся к младенцу).¹⁴

И на мысе Бесов Нос на Онежском озере, и на петроглифе Старой Залавруги мы видим один и тот же сюжет – антропоморфная фигура с широко разведёнными руками и ногами. На мысе Бесов нос руки фигуры представляют собой знак W, известный на множестве артефактов, как изображённый отдельно от туловища символ. Поскольку эта фигура на петроглифе в Залавруге дополнена другой антропоморфной фигурой, руки которой изображены протянутыми к детородному органу распластанной фигуры, мы можем констатировать, что изображён процесс родовспоможения. В обоих случаях рожаящая фигура изображена с раскинутыми и согнутыми в локтях руками, с раскинутыми и согнутыми в коленях ногами. Общим также является то, что оба изображения с роженицами помещены на камни, омываемые водой. Только в случае с петроглифом на мысе Бесов Нос изображена не реальная женщина, а божество, поскольку и голова и тело представлены в виде квадрата и прямоугольника, то есть – неестественными формами.

¹⁴ <http://n-elena.livejournal.com/91306.html#91306.html><http://n-elena.livejournal.com/91306.html#91306.html>

ДАнные С 3-D КАРТ GOOGLE O ВИДИМОСТИ ГОРЫ ТРЕСКОВАЦ С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ БОЛЬЕТИН

Гора Тресковац была хорошо видна не только жителям Лепенского Вира, поселившимся прямо напротив неё. Благодаря трёхмерным фотографиям Гугл, нами было установлено, что из неолитического поселения Власац была хорошо видна другая сторона горы Тресковац, которая также похожа на человеческое лицо (Рис. 17).

Власац-археологический памятник мезолита, принадлежащий к культуре Лепенский Вир и датируемый 7 тысячелетием до нашей эры. Он расположен в 13 км вверх по течению от Дони Милановац и в 3 км ниже по течению от места Лепенский Вир, в непосредственной близости от Больетина в муниципалитете Майданпек в Борском районе.

Рис. 17 Вид на гору Тресковац с антропоморфным ликом с противоположного берега р. Дунай, в районе р. Больетин - поселение Власац (Google карты).

Поселение Власац было обнаружено при строительстве гидроэлектростанции Джердап в 1970 году, когда на речной террасе были найдены артефакты: галька, окрашенная охрой, инструменты и оружие из кости и рога, которые могли быть связаны с культурой Лепенского Вира. В культурном слое были обнаружены остатки среды обитания (47 объектов), 87 могил, а также более 35 000 различных предметов (Boric et al. 2014).

Система жизнеобеспечения мезолитических поселенцев – «вода-гора» – дававшая все необходимые ресурсы для выживания,

а именно: высоту над уровнем воды во избежание затопления и гибели всего рода, неисчерпаемые источники белковой пищи – рыбные запасы реки, питьевая вода в избытке, и, наконец, духовная опора – сакральная территория горы с антропоморфным обликом женского «рожающего» божества, предоставляющего зримую помощь при родах – всё это и было в наличии на двух поселениях – Лепенский Вир и Власац, которые открыты к настоящему времени. Не исключено обнаружение и других мезолитических поселений, как на сербском берегу Дуная, так и на румынском берегу - ввиду сакральной горы Тресковац.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проведённому исследованию, мы можем констатировать следующее:

1) роль гор и горных хребтов в истории человечества трудно переоценить, так как в эпохи, сопряжённые с поднятием уровня Мирового океана, морей, рек и других водных резервуаров (в частности, в мезолитическое время) основными местами спасения были вершины и пещеры;

2) жизнеобеспечение древних коллективов питьевой водой и белковой пищей происходило также на больших высотах, так как горы не только давали им родниковую воду из разломов, известняковых пластов и таяния ледников с вершин, но в результате концентрации вокруг гор облаков, проливается питьевая дождевая вода; к источникам воды (ручьям, водопадам) на водопой приходили животные, являвшиеся кормовой базой мезолитических охотников; на скалах происходило гнездование птиц; функция горы в данном случае – давать пищу и сохранять жизнь;

3) горные породы, в частности, известняк, ракушечник, содержат следы ископаемых животных: моллюски, аммониты, морские ежи и др.; функция горы в восприятии человеческих коллективов каменного века – умерщвлять;

4) отсюда следуют две ипостаси горы – быть божеством жизни и божеством смерти; сакрализация гор происходила вследствие этих двух функций; белые известняковые горы со следами умерших организмов почитались особенно;

5) гора Тресковац является остатком древнего вулкана, но она выделяется на фоне других гор из-за своего цвета и формы;

эта гора является важным ориентиром в пространстве и времени, поскольку в день летнего солнцестояния над ней происходит двойной восход солнца;

6) обитатели поселения Лепенский Вир, находящегося напротив горы Тресковац, почитали гору как мать-прародительницу, создавая её подобию в виде малых скульптурных форм из песчаника, позднее – из керамики; не исключено, что обряды по родовспоможению и облегчению этого процесса происходили именно напротив горы Тресковац, в поселении Лепенский Вир, с его жилищами трапециевидной формы фундаментов (подобия горы Тресковац) и длинными полостями - «очагами» / «жертвенниками», окружёнными антропоморфными скульптурами, также являвшимися подобиями этой горы;

7) обитатели поселения Власац также видели гору Тресковац, но несколько в другом ракурсе, тем не менее, на основе данных трёхмерного изображения Google Map, антропоморфные черты горы присутствуют и в этой её проекции;

8) в пещерах на территории современной Румынии находятся трапециевидные антропоморфные изображения; не исключено, что гора Тресковац, как воплощение Великой Богини-прародительницы, почиталась и на румынской стороне Дуная в мезолитическое время.

Таким образом, исследования по поиску сакральных пространств вокруг горы Тресковац необходимо продолжить, так как уже имеющиеся данные дают ключ к пониманию сути, особенностей и атрибутов культа плодородия именно в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бгажноков, Барасби. 2016. *Культура чашевидных знаков Евразии*. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ.
- Демаков А.А. 1999. «Археoaстрономические исследования на Нижне-Архызском городище». [Электронный ресурс]. URL: Демаков А. А. «Археoaстрономические исследования на Нижне-Архызском городище» • heritage.sai.msu.ru/history/arheo/
- Каталог научных и научно-популярных сайтов Рунета (elementy.ru) (Дата обращения: 16.02.2024).
- Блеген, Карл. 2004. *Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака*. Москва: Центрполиграф.

- Дмитриев, Владимир. 1998. «Дольмены Черноморской Шапсугии и современное этническое сознание». *Этюды по истории и культуре адыгов*. Вып. 1. Майкоп, 40–59.
- Дубровский, Данила и Владимир Грачёв. 2011. *Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве*. Екатеринбург: ООО «Грачёв и партнёры».
- Дэвлет, Екатерина и Артур Ласкин. 2014. «К изучению петроглифов Амура и Уссури». *Краткие сообщения Института археологии*, № 232: 8–32. Москва: Языки славянской культуры
- Лидов, Алексей. 2006. «Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования». *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси*. Москва: Индрик.
- Макаров, Николай, Алексей Чернецов. 1988. «К изучению культовых камней». *Советская археология*. №3: 79–90. Москва: Академия наук СССР.
- Марковин, Владимир. 1978. *Дольмены западного Кавказа*. Москва. Издательство «Наука».
- Платов, Антон. 2009. *Мегалиты русской равнины*. Москва: Вече.
- Миронова, Елена и Вадим Попов. 2013. «Доказательства распространения единого религиозного культа в неолите на территории Евразии, Японии и Америки (сердцевидные изображения лица Великой Богини)». *Proceedings of the Academy of DNA Genealogy*. Vol. 6. No. 6. Boston-Moscow-Tsukuba: Lulu inc. С. 1103-1113 [Электронный ресурс]. URL: Proceedings of the Academy of DNA Genealogy, 2013 June, vol. 6, No. 6 (dna-academy.ru) (Дата обращения: 10.03.2024).
- Миронова, Елена. 2015. «Горы и камни как основа культа Великой Богини каменного века». *Эко-потенциал*. № 3 (11). [Электронный ресурс]. <http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/4818/1/Mironova.pdf> (Дата обращения: 12.03.2024).
- Миронова, Елена. 2018а. «Исследование пещеры Альтамира – источника данных о палеолитическом культе Великой Богини». *Эко-потенциал*. №3 (23). Екатеринбург: Уральский Государственный Лесотехнический Университет. С.127-147. [Электронный ресурс]. http://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/7811/1/eko_3_2018_12.pdf (Дата обращения: 01.03.2024).

- Миронова, Елена. 2018б. «Происхождение и смысл знака «засеянное поле» (ромб с точкой)». *Знаки и знаковые системы народной культуры-2018*, 186–216. С.-Петербург. В 2-х книгах. Книга 1. СПб.
- Миронова, Елена. 2019. «Планина Тресковац – њено културно значење за древно становништво Балканског полуострва и повезаност са јединственим палеолитским култом у Евроазији». In *Политичка историја Словена између мита и стварности*, ред. Шуљагић Сања, 43–68. Београд: Институт за политичке студије. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42476291> (Дата обращения: 07.03.2024).
- Миронова, Елена. 2020. «Отражение евразийских культовых символов в пермском зверином стиле». *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X международной научно-практической конференции*. Выпуск 10, 178–200. Благовещенск: Изд.-во БГПУ. . [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44055805> (Дата обращения: 02.02.2024).
- Миронова, Елена. 2023. «Скалы и камни Караларского природного парка с антропоморфными очертаниями (Керченский полуостров, побережье Азовского моря)». *Proceedings of the Academy of DNA Genealogy*. Volume 16, No. 9: 1321–1351. Moscow-Boston-Tsukuba: Lulu inc. [Электронный ресурс]. URL: Microsoft Word - ebb_1340433890_474184482_0 (dna-academy.ru) (Дата обращения: 10.02.2024).
- Цыбрий, Андрей. Ракушечный Яр. Редкая находка. *Youtube.com/Затерянный Мир*. 28.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7354311718761813042> (Дата обращения: 11.02.2024).
- Bajić, Aleksandra, Hristivoje Pavlović. 2018. “The Summer Solstice Sun at LepenskiVir”. *Harmony and Symetry - Celestial regularities shaping human culture*, ed. Sonja Draxler, Max E. Lippitsch & Gudrun Wolfschmidt, 31–38 Hamburg: tredition (European Society for Astronomy in Culture - SEAC Publications1.
- Beljan, Mateja. 2019. “Iznad Lepenskog vira desiće se čudo: Svake godine 21. juna sunce se 2 puta rađa”. *Novosti/Telegraf.rs*. 20. 06.2019. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 05.03.2024. <https://www.telegraf.rs/vesti/srbija/3073942->

iznad-lepenskog-vira-desice-se-cudo-svake-godine-21-juna-sunce-se-2-puta-radja

- Borić, Dušan, Charles French, Sofija Stefanović, Vesna Dimitrijević, Emanuela Cristiani, Maria Gurova, Dragana Antonović, Ethel Allué, Dragana Filipović. 2014. «Late Mesolithic lifeways and deathways at Vlasac (Serbia)». *Journal of Field Archaeology*. 39, No.1. Abingdon, Oxfordshire: Taylor&Francis, Ltd. 4-31, DOI: 10.1179/0093469013Z.00000000070
- Boroneanț, Vasile și Radu Ciuceanu.1977. «Cercetările arheologice din peștera de la Limanu, județul Constanța». *Revista Muzeelor și Monumentelor, Monumente istorice și de artă*, Anul XLVI, n. 2: 49–57.
- Brennan, Martin. 1983. *The Stars and Stones. Ancient Art and Astronomy in Ireland*. Thames & Hudson, London.
- Colan, Elena and Marin Cârciumaru. 2023. «Post-palaeolithic anthropomorphic representations in Romania rock art». *Annales d'Université Valahia. Targoviste. Section d'archéologie et d'histoire*. Tome XXV, 136–164. Târgoviște: Valahia University Press.
- Eliade, Mircea. 1957. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. (Translated by Willard R. Trask). New York: Harvest, Brace & World.
- Eliade, Mircea. 1958. *Patterns in Comparative Religion*. (Translated by Rosemary Sheed). New York: Sheed & Ward, Inc.
- Heizer, Robert and Martin Baumhoff. 1962. *Prehistoric rock art of Nevada and Eastern California*. University of California Press; First Edition, Berkeley and Davis campuses.
- Mihalache, Sinziana. 2022. “Trescovăț volcanic peak and panoramas over the Danube gorges”. *outdooractive.com*. June 16.2022. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 08.03.2024). <https://www.outdooractive.com/en/route/mountain-hike/oltenia/trescovat-volcanic-peak-and-panoramas-over-the-danube-gorges/63490984/>
- Nicolăescu-Plopșor, Constantin. 1926 a. «Desenuri paleolitice în Oltenia?». *Arhivele Olteniei*, Вол, 23: 49 –50.
- Nicolăescu-Plopșor, Constantin. 1929. «Un desen paleolitic in Oltenia?: Desenurile rupestre dela Polovragi-Gorj. Cultura Solutreana in Romania. Mesoliticul in Romania». *Arhivele Olteniei*, V, 23: 49–50.

- Nicolăescu-Plopșor, Constantin. 1928. «Travaux sur les peintures rupestres d'Oltenie». *Memoriile Muzeului regional al Olteniei*. Tomul I, Memoriul 1.3-14.
- Nicolăescu-Plopșor, Constantin. 1931. «L'art rupestre carpatho-balkanique». *XV Congès International d'Anthropologie et d'Archéologie Préhistorique, Portugal 21-30 septembre*. 1–8.
- Pavlović, Hristivoje. 2017. «Tajne Lepenskog Vira YI - Zagonetno udobljenje je možda ognište». *Politika*. 25.08. 2017.
- Sung, Yaoliang. 2015. *The Deified Human Face Petroglyphs of Prehistoric China*. New York: SCPG Publishing Corporation.

Рисунки

- Рис. 1 Вулканическая вершина Тресковац и панорамы на ущелья Дуная [Электронный ресурс]. URL: <https://www.outdooractive.com/en/route/mountain-hike/oltenia/trescovat-volcanic-peak-and-panoramas-over-the-danube-gorges/63490984/> (Дата обращения: 08.03.2024).
- Рис. 11 Палеолитическая Венера, Пятра-Нямц-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/news/2022/12/02/venus-figurine> (Дата обращения: 07.03.2024).
- Рис. 12 Les Roc-aux-Sorciers: art et parure de Magdelénien [Электронный ресурс]. URL: <http://www.catalogue-roc-aux-sorciers.fr> (Дата обращения: 23.04.2024).
- Рис. 14. Верхний палеолит: образы, символы, знаки. 2016. *Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН* / Отв. редактор Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт. 384 с.
- Рис. 15 Одиннадцать интересных мест в окрестностях Онежского озера. [Электронный ресурс]. URL: <https://localway.ru/petrozavodsk/guide/624> (Дата обращения: 10.04.2024).
- Рис. 16 Залавруга, бассейн р. Онега. [Электронный ресурс]. URL: <http://n-elena.livejournal.com/91306.html#/91306.html> <http://n-elena.livejournal.com/91306.html#/91306.html> (Дата обращения: 16.04.2024).

Mihalache, Sinziana.2022. “Trescovăț volcanic peak and panoramas over the Danube gorges”. *outdooractive.com*. June 16.2022. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 08.03.2024). URL: <https://www.outdooractive.com/en/route/mountain-hike/oltenia/trescovat-volcanic-peak-and-panoramas-over-the-danube-gorges/63490984/>

Prof. Dr. Elena Alexandrovna Mironova, Russian Federation

The Faculty of Linguistics and Journalism

RGEU (RINH), Rostov-on-Don

Rostov-on-Don

SACRED SPACES AROUND MOUNT TRESKOVAC (ROMANIA-SERBIA) IN THE ASPECT OF A COMMON EURASIAN PALEOLITHIC CULT OF FERTILITY

Abstract

In this paper author presented some new facts that confirm the cult significance of the Mount Treskovac for the Mesolithic population of Lepenski Vir and also for inhabitants of Vlasac (Boljetin), and the caves in Romania. The facts presented in the paper also reveal the essence and significance of the stone artifacts, namely anthropomorphic sculptures in the dwellings of the Mesolithic settlement of Lepenski Vir. In the paper there is presented a connection of the Mount Treskovac and the sacred space around it with the Paleolithic cult of fertility and also that its main markers – anthropomorphic mobile sculptures – were also identified in the vast territories of the Willendorf-Kostenkov cultural community. This ancient religious cult, that had risen in the Upper Paleolithic era, continued to be practiced in subsequent eras and appeared in the markers throughout Eurasia in the form of canonical heart-shaped anthropomorphic faces (iconic image of the Great Goddess – the deity of mountains and caves, stones, water, fertility, life and death); anthropomorphic faces on rocks and cult stones; a developed system of symbols (including the signs: “grid”, “rhombus”, signs M, W, V, A, etc.) and later in history it was manifested in a complex manner in the main Neolithic cultures of Eurasia - on the ceramics and in small sculptural forms.

Keywords: *sacred spaces, Treskovac, Great Goddess, fertility cult, anthropomorphic sculptures, Lepenski Vir, Vlasac, archaeoastronomy, calendar*

MA Dajana Lazarević, Serbia

*Institute for Political Studies
Belgrade*

THE TRADITION OF CULTIVATING A CULTURAL MEMORY AT THE INSTITUTE FOR POLITICAL STUDIES

Selective bibliography of scientific articles

At the International Scientific Conference “History and Cultural Memory” held on May 20 – 21, 2024, the experts dealt with the named topic, which is neither foreign nor unknown to the Institute for Political Studies. The thematic collection of scientific works entitled “Hate Speech and the Cultural Memory” was published by the Institute in 2020, and brought together experts from several countries who adequately responded to the topic fixed in the title of the book. It can be said that the Institute for Political Studies has a tradition of dealing with the cultural memory and its various aspects.

Dr. Zoran Milošević stood out among the scientists who were among the first to think about the term “cultural memory” (in Serbian: *kultura pamćenja*). Through his first journalistic and then scientific works, he made a distinction between the terms “culture of remembrance” (in Serbian: *kultura sećanja*) and “cultural memory”¹, clearly emphasizing that remembrances are short-lived, limited to human life. Cultural memory refers to the collective, the people or nation, and transcends in the care of historical memory, on which generations are taught and historically enlightened.²

¹ *Култура памћења или култура сећања / Зоран Милошевић // Центар за стратешке прогнозе. – Available at: <https://csp.rs/2023/08/01/kultura-pamcenja-ili-kultura-secanja/> (12.02.2024.)*

² *Омладина оштрог ума и кратког памћења – Поколење Z и висока политика / Зоран Милошевић // Печат – Лист слободне Србије. – Available at: : <https://www.pecat.co.rs/2019/09/omladina-ostrog-uma-i-kratkog-pamcenja/> (12.02.2024.)*

Miloš Knežević is another scientist who dealt with the cultural memory and its indispensable importance, through his multifaceted works. Apart from agreeing with Dr. Milošević in terms of terminology, he goes a step further, giving examples from everyday politics in which the consequences of wrongdoing on the collective memory of the people, above all – Serbian people³, are obvious. In addition, Knežević dealt with related issues of strategic culture in the period of transition when secessionist ideology and politics appeared.⁴

Two exceptional scientists who are united by their place of employment – the Institute for Political Studies – have joined their scientific pens in the editorial endeavour of the collection “Hate Speech and the Cultural Memory”, bringing together scientific and cultural workers from Serbia, Republic Srpska, Russia, Belarus and Moldova/Pridnestovje. As the editor pointed out in the preface, there was some resistance from fellow compatriots, since they were wrongly taught to identify the “culture of remembrance” and the “cultural memory”.⁵ And instead of stating their views and supporting them with scientific facts, colleagues who did not agree with the editor’s idea decided to boycott the creation of the collection.

In the question of the difference between the terms “culture of remembrance” and “cultural memory” the linguistic approach cannot be ignored. Namely, every such major change in the language leads to a violation of linguistic awareness, and then to other, much larger consequences, until there are disintegration processes in society. Social “splits” justified by language changes are very easy to prove, especially in the Balkans.⁶ The breaking of linguistic awareness is especially dangerous in children, who naturally quickly adopt the vocabulary they are exposed to and thus form their personality and views of the world around them – family, society and nation.⁷

³ See: Српско полазиште: слобода, нација, држава, књ.1, национална перспектива / Милош Кнежевић. – Београд : Институт за политичке студије, 2022. – ISBN 978-86-7419-368-6.

⁴ Стратешка култура у геополитичком тумачењу транзита и транзиције / Милош Кнежевић // Војно дело, вол. 72, бр. 4 (2020), стр. 161-188. – Available at: <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0042-8426/2020/0042-84262004161K.pdf> (12.02.2024.)

⁵ Предговор // Говор мржње и култура памћења / Зоран Милошевић. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – р. 9-16.

⁶ More about this topic in: Језичка свест у контексту савремених (дез)интеграционих процеса / Митра Рељић // Зборник радова Филозофског факултета у Приштини, бр. 37 (2007), стр. 101-108. – Available at: <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0354-3293/2007/0354-32930737101R.pdf> (12.02.2024.)

⁷ Видици једног Белоруса-Белосербина – есеји и студије / Иван А. Чарота. – Београд :

Let's take into account the explanation of the editor of the collection "Hate Speech and the Cultural Memory", Dr. Zoran Milošević, who cites the explanation of the Russian linguist Vadim V. Ribin, who explains the dangers of deviating from the original roots in the language.⁸ Even though memory and remembrance are domestic words, we don't have to be philologists to feel and recognize their difference in permanence and credibility in the very pronunciation of these words.

Thus, from the preface, we can conclude that at the time of its creation, this collection was negatively labeled, one can even say unfairly labelled as controversial, and therefore its greatness and importance could not immediately come to the fore. However, it was not only the concept of "cultural memory" that contributed to this, but the first part in the title of the collection: "hate speech", which can create fear in certain people. And it seems that this fear is due to insufficient patriotic feeling (let's take into account that, unlike in Russia, in Serbia the concept of "patriotism in science"⁹ is not accepted and understood) and insufficient readiness to look the truth in the eyes, out of fear of denial some other types of benefits or recognition. The hate speech of the French, British and American political leaders directed against the Serbian people during the period of the breakup of Yugoslavia: the justification of genocide, pogroms and other types of crimes against the Serbian people, as well as the justification of the bombing of Serbia in 1999 is insufficiently highlighted and analysed nowadays. The question arises: to whom these facts bother and why do we justify or cover our own executioners.

However, as it always happens, time washed the pearls out of the mud, and the tradition of nurturing the cultural memory was maintained at the Institute for Political Studies in Belgrade. In the middle of 2023, nine centres (administrative-research units) were established at the Institute, one of which is the Centre for the Cultural Memory. The decision was signed by acting director Dr. Zoran Milošević in May 2023. Dr. Jovan Janjić became the head of the Centre, and the members: Dr. Milena Pešić, Dr. Sanja Šuljagić, Dr. Sanja Stošić, Dr. Dragan Marković,

Институт за политичке студије, 2023. – p. 92. – Available at: <http://repositorijumips.rs/322/1/VIDICI-Book-2023-20230315a.pdf> (12.02.2024.)

⁸ See also: Опет се повлачимо / Вадим Рибин ; превоо с руског Зоран Милошевић // Словен. – Available at: <https://sloven.org.rs/srb/?p=17058> (12.02.2024.)

⁹ Понятие патриотизма в отечественной науке / Д. В. Труненок // Форум молодых учёных, 12(76), 2022. – стр. 306-311. – Доступно на: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-patriotizma-v-otechestvennoy-nauke/viewer> (12.02.2024.)

Dr. Aleksandra Kolaković, as well as Dr. Zoran Milošević himself, as a symbolic reinforcement.¹⁰

And as befits the head of the Centre for the Cultural Memory, Dr. Jovan Janjić and a zealous member, Dr. Milena Pešić, as the continuers of the good tradition of nurturing the culture of remembrance, became the organizers of the International Scientific Conference “History and Cultural Memory” and the editors of this collection published by the Institute for Political Studies. According to the structure of the participants of the conference and the authors of the scientific articles in the collection, we see an idyllic extension of the life of the collection from 2020 and the continuation of walking the path of truth, patriotism, promoting the cultural memory, and all this not to the detriment of science (as some would surely expect), but on the contrary – to its advantage full glory.

This analysis is followed by a bibliography of scientific works on the topic of the cultural memory, in order to emphasize the research tradition of the Institute for Political Studies on this topic, as well as publications by Serbian or foreign scientists printed on the territory of Serbia.

¹⁰ Scientific works related to the Center for the Culture of Memory can be found at: Репозиторијум ИПС. – Available at: <http://repozitorijumips.rs/view/subjects/C6.html> (12.02.2024.)

MONOGRAPH PUBLICATIONS

1. ЂУКИЋ, Весна
(Ка)Ко смо : студије културе памћења и политике идентитета у Србији / Весна Ђукић ; коаутори текстова Биљана Ђукић, Ивана Волић, Милица Кочовић, Данијела Вићентијевић, Урош Ђурић. – Београд : Факултет драмских уметности, 2017. – 357 стр. – ISBN 978-86-82101-63-5.
2. ТОМИЋ, Светлана
Slavne i ignorisane : ka kritičkoj kulturi pamćenja / Svetlana Tomić. – Beograd : Alfa BK Univerzitet, Fakultet za strane jezike, 2018. – 283 str. – ISBN 978-86-6461-029-2.
3. АСМАН, Јан
Kultura pamćenja : pismo, sećanje i politički identitet u ranim visokim kulturama / Jan Asman ; preveo s nemačkog Nikola B. Cvetković. – Beograd : Prosveta, 2011. – 363 str. – ISBN 978-86-07-01925-0.

COLLECTIONS OF SCIENTIFIC PAPERS

1. МИЛОШЕВИЋ, Зоран и Милош Кнежевић (прир.)
Говор мржње и култура памћења: тематски зборник / прир. Зоран Милошевић и Милош Кнежевић. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – ISBN 978-86-7419-325-9.

ARTICLES AND OTHER COMPONENT PARTS OF THE PUBLICATION

1. СТАНКОВИЋ, Ђурђица
Значај културе памћења за изградњу колективног идентитета и онтолошке безбедности: студије случаја Јапана и Косова / Ђурђица Stanković i Milica Topalović // Politička misao : časopis za politologiju, Vol. 60 No. 3 (2023), str. 123-145.
2. ЗОРИЋ, Вукашин
Расправљања са Мнемосином : преглед важних токова студија памћења / Вукашин Зорић // Kultura : časopis za teoriju i sociologiju kulture i kulturnu politiku, бр. 180 (2023), стр. 123-140.

3. ВУЧКОВИЋ, Бранислава
 Промена носилаца културног памћења кроз призму Дебре-
 ове медиолошке теорије = Changing the carriers of cultural
 memory through the prism of Debray's mediological theory /
 Бранислава Б. Вучковић // Sociološki pregled, год. 56, бр. 1
 (2022), стр. 141-164.
4. ХАИБЛ, Лиза Марија
 Između porodičnih sećanja i kulturnog pamćenja: Podunavske
 Švabe za vreme Drugog svetskog rata i nakon toga. (Analiza
 izabranih savremenih romana) / Liza Marija Haibl // Limes
 plus : geopolitički časopis, Br. 2 (2021), str. 107-122.
5. ЛУГОЊИЋ, Марија
 Култура памћења зачетака српске медицине / Марија С. Лу-
 гоњић, Оља М. Арсенијевић // Баштина : гласник, бр. 54
 (2021), стр. 161-178.
6. МЛАЂЕНОВИЋ, Драган
 Чија је ово песма? / Драган Млађеновић // Говор мржње и
 култура памћења. – Београд : Институт за политичке студи-
 је, 2020. – стр. 492-498.
7. КОВАЧЕВ, Душан
 Социјални раскол српског друштва у ликовним делима
 Уроша Предића / Душан Предић // Говор мржње и култура
 памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020.
 – стр. 471-491.
8. БАБИЛУНГА, Николај
 Промена државних симбола Молдавске ССР и формирање
 Придњестровске молдавске републике / Николај Бабилун-
 га // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт
 за политичке студије, 2020. – стр. 447-470.
9. НИКОЛАЈЕВИЋ, Милан
 Старобалканска бела капа – кече: делић заборављене пра-
 српске културне баштине / Милан Николајевић // Говор мр-
 жње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке
 студије, 2020. – стр. 429-446.

10. КОВАЧЕВ, Душан
Јован Чокрљан – заборављени народни отпадник / Душан Ковачев // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 414-428.
11. МИТИЋ, Александар
Некадашња три српска манастира на простору Свете Горе – заборављена српска културна баштина / Александар Митић // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 394-413.
12. ЈЕВТИЋ, Милош
Проглас о колективним сећањима: значај и проблеми за културу памћења / Милош Јевтић // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 373-393.
13. БЛАГОЈЕВИЋ, Вељко
Реторика председника Трампа и међународни односи / Вељко Благојевић, Игор Пејић // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 347-369.
14. БУКВИЧ, Райко
От политики к лингвистике и обратно: языковая проблема на Украине / Райко Буквич // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 315-346.
15. ГРОНСКИ, Александар
Функционисање контролисаног историјског памћења у Белорусији / Александар Гронски // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 299-314.
16. ТУВАЉЕВИЋ, Душан
Значај Стаљина за словенске народе / Душан Тувалјевић // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 274-298.

17. КАЗАК, Олег
 Мађарско-русински односи у тумачењу мађарског политичара Јаноша Чорбе (1943. године) / Олег Казак // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 263-273.

18. ШЕВЧЕНКО, Кирил
 Кажњени идентитет: Русини Аустроугарске у Првом светском рату / Кирил Шевченко // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 242-262.

19. ТРИФКОВИЋ, Драгана
 Медији и говор мржње као највећи непријатељи данашњице: пример анти-српске пропаганде за време југословенских конфликта / Драгана Трифковић // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 220-241.

20. МИЛОШЕВИЋ, Зоран
 Велики рат и (не)култура памћења у медијима: говор мржње кроз фалсификовање историје и пропагандно деловање / Зоран Милошевић и Александра Мировић Јанковић // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 172-219.

21. БОДИН, Миленко
 Мржња као (ауто)деструкција домаћина: од комунизма до друге Србије / Миленко Бодин // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 154-171.

22. КАЈТЕЗ, Илија
 Политички говор и злоупотреба емоција у политици / Илија Кајтез, Срђан Старчевић // Говор мржње и култура памћења. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 126-153.

23. КНЕЖЕВИЋ, Милош
Страхови и мржње у политици – Историјска димензија србомржње и србофобије / Милош Кнежевић // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 64-125.
24. КОВАЧЕВИЋ, Брацо
Од говора мржње до „хуманитарних интервенција“ / Брацо Ковачевић // *Говор мржње и култура памћења*. – Београд : Институт за политичке студије, 2020. – стр. 19-63.
25. НЕГРИШОРАЦ, Иван
Ђорђо Сладоје и култура народног памћења / Иван Негришорац // *Летопис Матице српске* (год. 196, књ. 506, св. 4 (2020), стр. 548-554.
26. ШМИТРАН, Стевка
Kultura pamćenja u romanu Bašta, Pepeo Danila Kiša / Stevka S. Šmitran // 50. Научни састанак слависта у Вукове дане, Београд, 16 – 20. IX 2020. 2, Српски језик и књижевност данас – теоријско-методолошки аспекти проучавања, рецепције и превођења. – стр. 337-342.
27. ЛАЛАТОВИЋ, Јелена
Žene i kulturno pamćenje između bajke i nacije: novi žanr popularne kulture i (dis)kontinuitet feminističkog dijaloga / Jelena Lalatović // Genero, br. 23 (2019), str. 151-173.
28. ЛОЗО, Предраг
Савремене теоријске поставке културе памћења и геноцид над Србима у Независној Држави Хрватској / Предраг Лозо // *Годишњак за истраживање геноцида*, Св. 11 (2019), стр. 271-290.
29. РИСТИЋ, Иван
Смрт, страдање и сећање : Прилог проучавању политичке употребе смрти, страдања и колективног памћења на примеру српско-бугарских односа после Првог светског рата / Иван Ристић // *Tokovi istorije : časopis Instituta za noviju istoriju Srbije = Currents of history : journal of the Institute for recent history of Serbia*, бр. 2 (2017), стр. 37-57.

30. ШИЈАКОВИЋ, Богољуб
Култура памћења и брига за жртву / Богољуб Шијаковић // Летопис Матице српске, год. 192, књ. 498, св. 3 (септ. 2016), стр. 334-346.
31. ЂУКИЋ, Весна
Духовна поколебаност: однос секуларизације и колективног памћења у Србији / Весна Ђукић // Зборник радова Факултета драмских уметности, бр. 28 (2015), стр. 267-285.
32. ЦРВЕНКОВИЋ, Биљана
Споменици у историји конструкције памћења и грађења колективног идентитета : на примерима споменичког наслеђа југоистока Србије / Биљана С. Црвенковић, Ђорђе Стошић // Лесковачки зборник, год. 53, бр. 53 (2013), стр. 246-267.
33. ПОТИЋ, Иван
Култура памћења / Иван Потих // Књижевни магазин: месечник Српског књижевног друштва, Год. 13, бр. 147/149 (2013), стр. 63-64.
34. ЂЕРИЋ, Гордана
(Ne)političnost kolektivnog pamćenja: kako smo pojele 20 godina / Gordana Đerić // Treći program : izbor, br. 143/144 (2009), str. 163-169.
35. СУБОТИЋ, Милан
Individualna sećanja i politike kolektivnog pamćenja u postkomunističkom stanju / Milan Subotić // Treći program : izbor, Br. 143/144 (2009), str. 170-180.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

316.75 (082)

323.1(082)

HISTORY and cultural memory / [editors Jovan Janjić, Milena Pešić]. - Belgrade : Institute for Political Studies, 2024 (Belgrade : Donat graf). - 570 str. : ilustr. ; 24 cm

Tiraž 50. - Editor's foreword: str. 13-26. - Napomene i bibliografske reference uz tekst. - Bibliografija uz svaki rad. - Summaries ; Резюме.

ISBN 978-86-7419-396-9

1. Janjić, Jovan, 1963- [уредник] [аутор додатног текста]
2. Pešić, Milena, 1972- [аутор додатног текста] [уредник]

- a) Култура сећања -- Зборници
- б) Национални идентитет -- Зборници

COBISS.SR-ID 144484361